РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

70 лет современному китайскому государству

Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

Москва, 20 и 22 марта 2019 года

Москва
ИДВ РАН
2019

УДК 323/324(510)
ББК 66.3(5Кит)
С30

Ответственные редакторы:
А.В. Виноградов, *П.В. Трощинский*

Оргкомитет конференции:
д.полит.н. *А.В. Виноградов*, к.ю.н. *П.В. Трощинский* (председатель),
Н.Ю. Демидо, *Н.В. Пржежецкая*

С30 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 года). — М. : ИДВ РАН, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-8381-0356-7

В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока Российской академии наук, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной 70-летней годовщине образования КНР. В статьях содержится анализ актуальных вопросов внутренней и внешней политики, политической системы и права КНР, а также некоторых аспектов социально-экономического развития. Особое внимание уделено истории формирования органов государственной власти и начальному этапу государственного строительства Китайской Народной Республики, эволюции политической системы и права с 1949 по 2019 г., характерным чертам общественного строя Китая в новую эпоху.

Ключевые слова: КНР, КПК, внутренняя политика, политическая система, право Китая, внешняя политика, экономическое развитие, Си Цзиньпин, реформы.

Выраженные в статьях взгляды не обязательно отражают точку зрения редакторов.

УДК 323/324(510)
ББК 66.3(5Кит)

© Коллектив авторов, 2019
© ИДВ РАН, 2019

ISBN 978-5-8381-0356-7

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Federal State-Funded Institution of Science
Institute of Far Eastern Studies

70 YEARS OF MODERN CHINESE STATE

The Proceedings of the Annual Conference
of the Center for Political Studies and Forecasting IFES RAS

Moscow, 20th and 22th March 2019

Moscow
Institute of Far Eastern Studies
2019

70 years of Modern Chinese State. Moscow, RAS IFES Press, 2019.

This volume contains articles prepared on the basis of reports presented at the Annual scientific conference at the Center for Political Studies and Forecasting of the Institute of the Far Eastern Studies, Russian, Academy of Sciences, held in March 2019 and dedicated to the 70th anniversary of the PRC. The articles contain an analysis of topical issues of domestic and foreign policy, the political system and law of the PRC, as well as certain aspects of socioeconomic development. Particular attention is paid to the history of the formation of state bodies and the initial stage of the state building of the People's Republic of China, the evolution of its political system and law from 1949 to 2019, and distinctive features of Chinese social system in the new era.

Содержание

Раздел I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Виноградов А.В. Соревнование общественных систем: международное значение китайского авторитаризма 11

Пивоварова Э.П. 70 лет КНР: от программы «новой демократии» к созданию «нового интегрального общества» 19

Борох О.Н. Изучение в современном Китае российской экономической мысли 29

Галенович Ю.М. Трактовка в КНР 40-летия после Мао 39

Карнеев А.Н. Некоторые тенденции в идейно-политической сфере в КНР в эпоху Си Цзиньпина 51

Афонина Л.А. Развитие политики «китаизации религии» 63

Михалев М.С. Таджики Синьцзяна: мягкие, жесткие и неординарные меры интеграции 79

Грачева Ю.А. Национальная самоидентификация малочисленных народов Юго-Западного Китая (на основе полевых исследований) 88

Пожилов И.Е. Партия, армия и власть: о некоторых аспектах советского строительства КПК 103

Ионов А.Ю. Маяк патриотической идеологии в КНР 1950—1970-х годов 114

Бородич В.Ф. Система государственного управления КНР в годы испытаний: от «культурной революции» до административной реформы 1982 г. 123

Жилкибаев С.Н. «Red alert»: «Политика урегулирования, упорядочивания и оздоровления» в КНР (1989—1991 гг.) 132

Сущенко М.А. Особенности функционирования политической элиты КНР 143

Семенов А.А. Консультации, контроль и обратная связь: роль НПКСК в политической системе Китая 151

Новоселова Л.В. Решение жилищной проблемы в КНР 161

Баженова Е.С. Стратегия в области урбанизации в КНР и развитие зоны Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй 171

Сазонов С.Л., Чэнь Сяо Развитие экологичного городского автомобильного транспорта Китая 179

Пиковер А.В. Тенденции развития электронной коммерции в КНР 191

Раздел II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Портяков В.Я. Время собирать камни: об обобщающих англоязычных трудах по внешней политике Китая 201

Румянцев Е.Н. О концепции «Пояса и пути» 209

Виноградов А.О. К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в сегодняшних внешнеполитических построениях КНР 220

Се Ипин. Интересы КНР в вопросе реформирования ООН с 1990-х годов по настоящее время 229

Гурулева Т.Л. Ассоциация как новая форма сотрудничества России и Китая в области образования и науки 243

Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Политика современного Китая на Дальнем Востоке России 255

Морозова В.С., Дубровская К.С. Приграничный вектор социокультурной безопасности Северо-Востока Китая: исторический генезис и современные реалии 264

Тянь Е. Экономические отношения КНР с Республикой Казахстан 274

Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф. Ф. Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане 284

Сазонов С. Л., Чэнь Сяо. Автомобильный транспорт КНР участвует в реализации Инициативы «Пояс и путь» 293

Балакин В.И. Современное китайское государство
как фактор геополитической стабильности на континенте Евразия 306

Меркулов К.К. О новой идеологии общественного развития
и межцивилизационного сосуществования на примере России и Китая .. 316

Раздел III. ПРАВО

Трощинский П.В. Высшие органы государственной власти
и управления в начальный период существования КНР (1949—1954 гг.)
(историко-правовой аспект) 323

Севальнев В.В., Черепанова Е.В. Правовые аспекты развития
российско-китайских дипломатических отношений 336

Алексеенко А.П. Правовые аспекты ограничений в отношении ICO
и криптовалюты в Китае 345

Захарова В.К. О некоторых проблемных вопросах соблюдения
баланса между процессуальным контролем и прокурорским
надзором в КНР 353

Лымарь М.П. Переход на международные стандарты нормативного
регулирования учетной деятельности: опыт Китая 364

Ефимов А.Ю. Природоохранное законодательство
и особенности правоприменительной практики в КНР
после XVIII съезда КПК 373

Родионов А.Н. ГЧП в экономике КНР: основные особенности
законодательства и политики городской урбанизации 389

Трофимов А.А. О некоторых принципах бюджетного
права Китая в свете реализации концепции «Управление
на основе закона» 400

Summary 409

Список авторов 443

Content

Section I. POLITICAL DEVELOPMENT

Vinogradov A.V. Competition of social systems: the international importance of Chinese authoritarianism 11

Pivovarova E. P. 70 years of China: from the program of "new democracy" to the creation of a "new integrated society" 19

Borokh O.N. The study of Russian economic thought in modern China 29

Galenovich Y.M. The interpretation of forty years after Mao in the PRC 39

Karneev A.N. Changing trends in developing of China's ideological sphere in the era of Xi Jinping 51

Afonina L.A. The development of the "sinification of religions" policy 63

Mikhalev M.S. Tajik people of Xinjiang: soft, hard and extraordinary methods of integration 79

Gracheva Yu.A. Ethnic self-identity of national minorities of China's Southwest (based on field research) 88

Pozhilov I.E. Party, army and power: about some aspects of the CPC's Soviet construction 103

Ionov A.Y. The lighthouse of patriotic ideology in China (1950s—1970s) 114

Borodich V.F. The government management system of the PRC in the years of ordeal: from "cultural revolution" to administrative reform 1982 123

Zhilkibayev S.N. «Red alert»: «Settlement policy, ordering and recovery» in PRC (1989—1991) 132

Sushchenko M.A. OON Features of the political elite of China 143

Semenov A.A. Consultation, supervision, and feedback: the role of the CPPCC in China's political system 151

Novoselova L.V. Housing construction in the PRC: needs and reality 161

Bazhenova E.S. Urbanization strategy in China and development of the region Beijing-Tianjin-Hebei 171

Sazonov S.L.,Chen Xiao Development of eco-friendly urban road transport in China 179

Pikover A.V. e-Commerce development in PR China 191

Section II. FOREIGN POLICY

Portyakov V. Ya. A time to gather stones: an analysis of English-language comprehensive works on China's foreign policy 201

Rumyantsev E.N. On China's "One belt, One road" concept 209

Vinogradov A.O. Reflections on the views of the Chinese nationalists in today's foreign policy discourse in China 220

Xie Yiping China's interests in reforming the UN from the 1990s to the present 229

Guruleva T.L. Association as a new form of cooperation of Russia and China in the field of education and science 243

Petrunina Zh.V., Shusharina G.A. Policy of modern China in the Far East of Russia 255

Morozova V.S., Dubrovskaya K.S. Border vector of north-east China sociocultural security: historic genesis and modern realities 264

Tian Ye. Economic relations of the PRC with the republic of Kazakhstan 274

Dyakonova M.A., Timofeev O.A., Sharipov F.F. Geopolitical interests of China in Central Asia and Afghanistan 294

Sazonov S.L., Chen Xiao China's road transport is involved in implementation of the "Belt and Road" initiative 283

Balakin V.I. Modern Chinese state as a factor geopolitical stability in Eurasia 306

Merkulov K.K. On the genesis of a new ideology of social development and intercivilizational coexistance on the example of Russia and China 316

Section III. LAW

Troshchinskiy P. V. Supreme public control and administration authorities during initial period of PRC's existence (1949—1954) (historical legal aspect) 323

Sevalnev V.V., Cherepanova E.V. Legal aspects of development of Russian-Chinese diplomatic relations 336

Alekseenko A.P. Legal aspects of Chinese ban on ICO and cryptocurrency 345

Zakharova V.K. On some problematic issues of the balance between procedural control and prosecution supervision in the People's Republic of China 353

Lymar M.P. The transition to international standards of normative regulation of accounting: Chinese experience 364

Efimov A.Yu. Environmental legislation and practice of relevant law enforcement in China after XVIII congress of CPC 373

Rodionov A.N. PPP model in the economy of China: the main features of the law and policy of city urbanization 389

Trofimov A.A. On some Chinese budget law principles in the light of the "Governance in the basis of the law" concept 400

Summary 409

List of Authors 443

Раздел I
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

А.В. Виноградов,
ИДВ РАН, РУДН, д.полит.н.

СОРЕВНОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА*

Аннотация. Проведение рыночных преобразований не привело к демократизации китайской политической системы. Очевидное, по мнению большинства наблюдателей, несоответствие экономического и политического устройства делало китайскую политическую систему уникальной, подтверждая глубокие отличия Китая от других стран. Последовавшее превращение КНР в ведущую экономику мира, успешное решение ею главных для большинства развивающихся государств проблем — обеспечения высоких темпов роста, стабильного и устойчивого социального развития, национальной безопасности, с одной стороны, и не преодоленные последствия экономического кризиса на Западе, кризис демократической системы и ухудшение условий мировой торговли, с другой, а также значительные изменения в общественной жизни, вызванные появлением новых средств массовой коммуникации, компьютеризацией и т. д., придают китайскому опыту новое, существенно более важное значение. Для многих развивающихся стран, не нашедших успешной модели развития и по-прежнему значительно отстающих от стран Запада, появление китайского опыта

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках совместного проекта РФФИ-КАОН № 17-27-21002 «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

представляет не только теоретический, но и практический интерес. В отличие от западных стран, являвшихся привлекательным, но недостижимым идеалом, Китай может превратиться для них в практический ориентир развития. Особую привлекательность приобретает его политическая система, которая не только сохранила черты традиционной национальной идентичности, но и обладает функциями стратегического планирования и общенациональной мобилизации, необходимыми для ускоренного социально-экономического развития. Проект «Одного пояса, одного пути» пролегает по целому ряду стран, для которых китайский опыт может быть практически полезен и рассматриваться в качестве примера для подражания.

Ключевые слова: китайский авторитаризм, политическая система, опыт КНР, соревнование общественных систем, развивающиеся страны, XIX съезд КПК, «Один пояс, один путь», Центральная Азия и Африка.

Автор: Виноградов Андрей Владимирович, доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИВД РАН, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru.

Понятие «соревнование общественных систем» возникло в результате утверждения социалистического строя в Советской России и отражало марксистские представления о закономерностях общественного развития. Еще до Второй мировой войны, но, особенно, после ее окончания и образования социалистического лагеря это соревнование приобрело завершенные формы и отражало не только геополитические и экономические интересы двух систем, но и их идеологическое противостояние. Бросив вызов капитализму, социализм способствовал его консолидации, усилил ощущение общей идентичности и интересов западного мира. Идеологическая борьба, возникшая как форма классовой борьбы в странах капитализма, обрела геополитическое значение с выходом классовых идентичностей на международную арену. С этого момента она стала обязательным элементом международных отношений и внешней политики всех государств, не только социалистических, но и капиталистических, вне зависимости от объекта противостояния. Всеобъемлющий характер соперничества был зафиксирован понятием «холодная война».

Однако окончательную победу одержала другая тенденция. Интернационализация хозяйственной жизни, способствовавшая укреплению универсалистских представлений об истории, в конце XX в. развилась до стадии глобализации, отличительной чертой которой стала не просто тесная экономическая взаимосвязь, но и повсеместное распространение материальной культуры наиболее развитых в экономическом отношении государств, определявших в силу этого условия взаимодействия. Следствием этого стало широкое распространение рыночной экономики, западной массовой культуры и типа потребления,

свойственных индустриальному обществу. Изменения в социально-экономической модели создали благоприятные предпосылки для распространения демократической политической системы и ее принципов.

Вместе с тем универсальный характер глобализации представлял серьезную угрозу национальной идентичности, трансформируя ее в направлении общей модели. Постоянное изменение национальных идентичностей в процессе естественного развития не вызывает ощущения опасности, которое возникает всегда, когда влияние оказывается извне. Глобализация расширила сферу взаимодействия и взаимного влияния так, что стала стирать внешние границы, эффект давления внешнего мира сменился эффектом добровольного заимствования. Существенной чертой этого процесса стало представление об универсальной ценности западной политической модели, которая наряду с гуманистическими ценностями (права человека, демократизация и т. д.) стала оказывать серьезное влияние на внутриполитический дискурс. Эта сторона глобализации сознательно культивировалась западными странами для использования в качестве мощного геополитического орудия и утверждения своего доминирования. В желании активно распространять свои ценности легко можно увидеть влияние «холодной войны» и биполярного противостояния. Выработанная диктатурой пролетариата эта стратегия затем не менее активно стала использоваться противоположной стороной — западными демократиями в отношениях со всем незападным, в том числе развивающимся миром.

Трансформация под воздействием глобализации представляла угрозу не просто национальной идентичности, гораздо серьезнее было то, что она представляла угрозу национально-государственной идентичности и требовала способов реагирования, прежде всего, со стороны государства.

Для Китая, в котором государство на протяжении тысячелетий занимало центральное место в национальной идентичности, его сохранение и было первоочередной задачей. В значительной степени поэтому китайские политики в 1920-е годы обратились к опыту Советской России, предложившей эффективную государство-центричную альтернативу западной политической модели. Характерной чертой советской политической системы было сохранение основных принципов традиционного государства, основанного на власти авторитета, а не на конкуренции политических сил. Продемонстрировав внутренний потенциал для развития авторитаризма, она не требовала смены принципов государственного строительства и воплощала желание Китая сохранить свою идентичность.

Начало реформ в конце 1970-х по своим намерениям, решениям и структуре, в сущности, напоминало концепцию «самоусиления» и политику «усвоения заморских дел» середины XIX в. КПК провозгласила открытость, чтобы заимствовать достижения внешнего мира для своего самосохранения и самоусиления

государства. (Показательно, что критерием усиления была провозглашена совокупная государственная мощь, а не сугубо экономические — объем ВВП, национальный доход и т. д.). Признав в результате сравнения с внешним миром свои недостатки, Китай по-прежнему был не готов отказываться от своей идентичности, считая ее как и 100 лет назад своим главным, стратегическим преимуществом.

Глобализация, ставшая доминирующей тенденцией мирового развития после окончания «холодной войны» и распада СССР, усилила давление на Китай. На фоне падения коммунистических режимов в Европе и «демократизации» в СССР, подавление событий на Тяньаньмэнь (1989 г.) закрепляло за Китаем роль главного идеологического оппонента и потенциального препятствия глобализации. Однако невысокий экономический потенциал, скромная роль в мире и ограниченное международное влияние в условиях принявших после 1992 г. отчетливо рыночный характер реформ внушали надежду, что под воздействием рыночных преобразований и вовлечения в мировую торговлю Китай неизбежно начнет движение в сторону демократизации. Эти представления воплотились в курсе администрации президента Б.Клинтона на вовлечение Китая в широкое международное сотрудничество, которое, как считалось, запустит процессы внутренней трансформации и со временем позволит избежать конфронтации на международной арене. В Китае этот процесс получил название «внутреннее перерождение» и стал объектом идейно-политической борьбы.

Не взирая на ожидания, КПК сумела сохранить центральное место в общественно-политической жизни и нашла способ сочетать действующую политическую систему с рыночным характером экономики. В итоге обретение КНР нового экономического статуса в первое десятилетие XXI в. оказалось связано не с либерализацией внутриполитической жизни, а с усилением государства, дальнейшим развитием авторитарной системы и повышением ее эффективности. Так, на рубеже 2010-х годов была выполнена задача, поставленная 150 лет назад — за счет открытости («усвоения заморских дел») была проведена модернизация (государство стало эффективным), заметно усилились позиции Китая на международной арене и в мире (увеличение совокупной мощи). Задача, поставленная в начале реформ, была выполнена, реформы сохранили национально-государственную идентичность и усилили государство. Перед Си Цзиньпином открылась возможность провозгласить новую стратегическую цель.

Все эти масштабные процессы в Китае совпали с глобальной перестройкой, бросившей вызов современному общественному устройству и системе международных отношений.

Ощущение, что человечество вступает в новую историческую эру, усиливается по мере того, как политическое, экономическое и технологическое развитие приносит неожиданные и все чаще деструктивные для существующих общест-

венных систем последствия. Глобальный масштаб и глубина изменений усиливают впечатление того, что вся мировая цивилизация находится на переломе, балансирует на грани деградации и распада. Это тот редкий в истории случай, когда сочетается, на первый взгляд, несочетаемое — беспрецедентный материально-технический прогресс и разложение основ социального бытия и общественно-политических институтов[1]. Этот конфликт воспринимается как угроза нового варварства, возникающего в результате неспособности человечества бороться с нарастающими изменениями. Опасность разрушения социального порядка уравновешивает другой, исторически конструктивный опыт, локализованный в современном Китае. И это побочный и неожиданный результат китайских реформ, демонстрирующих в отличие от большинства других регионов мира непрекращающееся поступательное движение на протяжении четырех десятилетий.

Впервые с Нового времени научно-технический прогресс воспринимается не только и не столько инструментом социального развития. В появлении робототехники, биотехнологий, компьютеризации, новых средств массовой коммуникации виден мощный инструмент разрушения привычных принципов человеческого общения и существующего социального порядка, прежде всего, отношений общества и государства. Сегодня роль последнего как единого политического центра, воплощающего главные принципы социальной организации, нуждается в новом осмыслении. В этом смысле социально-политические процессы в китайском обществе не являются локальными, собственно китайскими как большую часть истории, результатом чего стало формирование уникальной китайской цивилизации. Сейчас они воплощают не частный опыт отдельной страны, а глобальный поиск перехода на другой уровень цивилизации. В глобальном мире закономерности развития отдельных, «передовых» стран уже не формируются локально, а затем распространяются на другие, они рождаются в общем, планетарном пространстве и сразу же становятся общим достоянием человечества.

Появление в Китае эффективной модели общественного развития может поставить вопрос о смене лидера и, что важнее, о критериях лидерства. Главное историческое достижение Китая последних четырех десятилетий в том, что он показал возможность осуществить успешный переход от традиционного общества к современному разными путями. Успешно преодолев бедность и создав эффективную экономическую и политическую модель, Китай по своим совокупным характеристикам претендует на формирование нового общественного строя, не являющегося ни прямым продолжением, ни конвергенцией капитализма и социализма[2].

Важным критерием формирования нового, особого общественного строя в КНР является устойчивое воспроизводство структуры и органических связей ме-

жду его элементами. Точно так же, как главной отличительной чертой капитализма была эффективная экономическая модель независимых товаропроизводителей, в китайской общественной модели системообразующую роль играет социально-политическая организация, в основе которой лежат не соперничество и конкуренция равных по факту рождения индивидов, как в христианской Европе, не конфликты и противоречия, возникающие между ними, а согласованные усилия и сотрудничество, иерархическая организация, задающая порядок и регулирующая возникающие между членами общества противоречия. Основными категориями этой общественной формации являются власть, государство, партия, деление власти на верховную, исполнительную и контрольную и некоторые другие.

Признание этой отличительной черты общественного строя Китая задает для сравнения и сопоставления новую плоскость. Появление разных общественно-политических моделей неизбежно сопровождается их соревнованием таким же естественным, как конкуренция между экономическими моделями. Масштабы опыта и распространение в мире позволяют судить о преимуществах общественного строя, его силе и историческом потенциале. Международное признание и распространение становится, таким образом, одним из важнейших эмпирических критериев эффективности государства.

Современная китайская модель актуальна сегодня для большого числа развивающихся стран, которые готовы решать свои проблемы по уже имеющемуся образцу. Заявив на XIX съезде о желании поделиться своей мудростью[3], КПК уже не в первый раз в своей истории признала существование в Китае международно значимой модели. В сущности, эту же внешнеполитическую стратегию использовал Советский Союз, а потом и Запад, поддерживавшие близкие политические режимы. Развивающийся мир, который теперь расширился за счет постсоветского пространства, таким образом, вновь становится ареной соревнования двух систем.

Есть два региона мира, для которых китайский опыт особенно привлекателен и может быть практически полезным. Это не опыт экономического, уникального как в силу размеров самого Китая, так и в силу исторических обстоятельств — начала экономической глобализации и перехода к новому технологическому укладу, вытеснявшему старый из передовых стран мира на периферию, а опыт политического развития, более важный для сохранения идентичности, чем экономическое развитие. В условиях нарастания протекционизма, свертывания свободы торговли и рыночных механизмов на международной арене важнейшим инструментом решения задач экономического развития становится государство, способное на долгосрочное стратегическое планирование, и соответствующая ему высокоинституциональная политическая система.

Во-первых, это страны близкие Китаю по историческому развитию в XX в., в первую очередь, постсоветские страны. Их объединяли общий социально-

экономический строй, монополия на власть коммунистической партии, отсутствие демократических традиций и необходимость проведения ускоренной модернизации. Не меньшую роль играют и их весьма скромные после распада СССР успехи как в становлении рыночной экономики, так и в демократизации общественно-политической жизни[4]. Китай продемонстрировал возможность успешного развития по отличному от избранного ими на рубеже 1990-х годов пути, но в то же время близкого их национальным особенностям, политической идентичности и недавнему прошлому. По прошествии трех десятков лет повышение эффективности постсоветских государств вполне может быть связано с началом новых реформ, но не через возвращение в прошлое, к СССР, перечеркивающее опыт их независимости, а к обновленному варианту, с заимствованием элементов китайской модели.

Вторую группу составляют страны Африки, большинство из которых после получения независимости так и не смогли найти эффективную стратегию развития. Во всех этих странах сильно влияние традиционной идентичности, иерархичности и клановости, подчинения коллективом индивида. Помощь СССР, готовившего для стран некапиталистического развития управленческие кадры, тесно сотрудничавшего с национально-освободительными движениями и правящим левыми партиями, а также давние связи с этими государствами Китая, который с начала 1960-х годов оказывал им не только материальную помощь, но и выстраивал особый тип отношений, претендуя на лидерство в развивающемся мире, заложили для этого хорошую основу.

Оба региона входят в китайский проект «Пояса и пути» и неизбежно будут находиться в фокусе внимания китайского руководства. О том, что китайская внешнеполитическая активность переходит в новый этап развития, свидетельствует расширение форматов международного сотрудничества и взаимодействия[5]. Проведение в Китае международных политических форумов свидетельствует, что Китай готов налаживать взаимодействие не только на межгосударственном, но и на политическом уровне.

Библиографический список

1. *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. № 3.

2. *Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. 2019. № 3.

3. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004.

4. *Vinogradov A.V., Salitskii A.I.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // Herald of Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. № 1.

5. 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编 (Сборник документов XIX Всекитайского съезда КПК.) Бэйцзин, 2017.

References

1. *Vinogradov A.V., Ryabov A.V.* Politicheskie sistemy postsovetskikh stran i Kitaya v protsesse mezhsistemnoi transformatsii. [Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation] // Polis. 2019. № 3.

2. *Mokretskii A.Ch.* Kitaiskaya diplomatia v epokhu Xi Jinpinga. [Chinese Diplomacy at the Xi Jinping Era] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. № 3. S. 35.

3. *Toffler E.* Tretiya volna. [The Third Wave]. M.: AST, 2004.

4. *Vinogradov A.V., Salitskii A.I.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // Herald of Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. № 1.

5. 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编. (The collection of Documents of the 19th Congress of CCP.) Beijing, 2017.

Примечания

[1] *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 26, 230.

[2] *Vinogradov A., A. A.I.Salitskii.* Can We Talk about the Formation of a New Social System in China? // Herald of Russian Academy of Sciences. 2019, vol. 89, N1. P.78—83.

[3] 中国共产党第十九次全国代表大会文件汇编. (Сборник документов XIX Всекитайского съезда КПК.) Бэйцзин, 2017, С.9.

[4] *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. 2019. № 3. С. 69—86.

[5] *Мокрецкий А.Ч.* Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина. // Международная жизнь. 2019. № 3. С. 35.

Э.П. Пивоварова,
ИДВ РАН, д.э.н.

70 ЛЕТ КНР: ОТ ПРОГРАММЫ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» К СОЗДАНИЮ «НОВОГО ИНЕГРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Посвящается светлой памяти
Цаголова Георгия Николаевича

Аннотация. В «Общей программе» Народного политического консультативного совета Китая, принятой в сентябре 1949 г., отмечалось, что «основным принципом экономического строительства Китайской Народной Республики является развитие производства и создание процветающей экономики на основе политики учета как общественных, так и личных интересов, выгод как труда, так и капитала, взаимопомощи между городом и деревней и развития товарооборота как между различными районами внутри страны, так и с внешним миром». Эти положения программы «новой демократии» Мао Цзэдуна в основном совпадают с принципами начатой в КНР в 1978 г. политикой реформы и открытости, осуществляемой путем использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик, способствовавших социально-экономическому прогрессу в стране и сформировавших «новое интегральное общество», названное «социализмом с китайской спецификой».

В среде российских ученых с каждым годом становится все больше тех, кто исследует опыт стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал. Социально-экономические успехи КНР вызвали интерес ученых-обществоведов всего мира. Задаваясь вопросом, «почему Китай лучше

других переносит кризис?», профессор Г.Н.Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике. Успехи в социально-экономическом развитии этих стран Г.Н.Цаголов совершенно справедливо оценивает как результат использования в деятельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития.

Ключевые слова: Китай, экономические реформы, политика реформ и открытости, социализм с китайской спецификой, экономическое развитие, инвестиции, процветание, «новая демократия».

Автор: Пивоварова Элеонора Петровна, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vafek@mail.ru

После образования в 1949 г. Китайская Народная Республика прошла неоднозначный, насыщенный идеологической борьбой и теоретическими инновациями путь социально-экономического развития.

В докладе на XIX съезде КПК в октябре 2017 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин к творческим достижениям последних лет в КНР отнёс то, что «в сфере идеологии яснее и четче определено руководящее положение марксизма». Заявив, что КПК должна проявлять новаторство как в теории, так и на практике, чтобы адаптировать принципы марксизма к современным реалиям Китая, Си Цзиньпин подчеркнул сохранение приверженности марксизму как «фундаментальной руководящей теории» и для партии, и для страны и одновременно указал на необходимость продолжения «китаизации, осовременивания и популяризации марксизма» для формирования социалистической идеологии в обществе.

70 лет существования КНР в первую очередь связаны с именем Мао Цзэдуна, призвавшего еще на рубеже 30—40-х годов XX в. обобщить все прошлое Китая «от Конфуция до Сунь Ятсена» и «принять это ценное наследие». Заявив, что «коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма», Мао Цзэдун в октябре 1938 г. в работе «Место КПК в национальной войне» подчеркнул: «Однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму». Для Коммунистической партии Китая это, по его заключению, означало, что «нужно научиться применять марксистско-ленинскую теорию к конкретным условиям Китая», ибо если коммунисты будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то «это будет абстрактный, выхолощенный марксизм», а необходимо, чтобы он «во всех своих проявлениях непременно отражал китайскую специфику». Из этого следовал безусловный вывод: «при-

менять марксизм в соответствии с особенностями Китая, — такова задача, которую вся партия должна безотлагательно понять и решить»[1].

На рубеже 30—40-х годов XX в. в общих параметрах был очерчен и путь социально-экономического развития послереволюционного Китая в виде программы «новой демократии», сущность которой была сформулирована как диктуемая специфическими условиями Китая необходимость длительного сосуществования различных классов китайского общества для мобилизации всех активных факторов на достижение экономического прогресса в стране.

В докладе на 3-м пленуме ЦК КПК в июне 1950 г. Мао Цзэдун сообщил, что «за последние месяцы Народное правительство установило единое управление и единое руководство финансовой и экономической работой во всей стране, сбалансировало доходы и расходы государства, остановило инфляцию, стабилизировало цены», а «народ сдачей зернопоставок, уплатой налогов, подпиской на заём поддержал Народное правительство».

Сообщалось также, что уже проведена «некоторая работа по упорядочению промышленности и торговли и урегулированию отношений между общественными и частными предприятиями, а также между трудом и капиталом». Но для того, чтобы добиться «коренного перелома к лучшему» в финансово-экономическом положении страны, считал Мао Цзэдун, «потребуется значительное время, примерно три года, а может быть, и несколько больше», в течение которого, «руководствуясь принципами единого планирования и учета интересов как государственного, так и частного секторов хозяйства», следует:

— постепенно ликвидировать в экономике страны бесплановость и анархию;

— навести должный порядок в промышленности и торговле;

— принять действенные меры по урегулированию отношений между общественными и частными предприятиями, а также между трудом и капиталом;

— добиться того, чтобы все секторы общественной экономики могли под руководством государственного сектора — социалистического по своему характеру — сотрудничать между собой, выполняя каждый свою работу.

При этом Мао Цзэдун возражал тем, кто считал, что «можно раньше времени покончить с капитализмом и осуществить социализм», уверяя, что «такой взгляд ошибочен, он не отвечает обстановке в нашей стране»[2].

В относящейся к 1937 г. работе «Относительно практики» Мао Цзэдун подчеркивает: «Марксисты считают, что только общественная практика людей может быть критерием истинности знаний человека о внешнем мире», поскольку «только достигая в процессе общественной практики (в процессе материального производства, классовой борьбы, научного эксперимента) ожидаемых ими результатов, люди получают подтверждение истинности своих знаний». Поэтому, заключает Мао, «если люди стремятся добиться успеха в работе, то есть получить ожидаемые результаты, то им непременно следует привести свои идеи в

соответствие с закономерностями объективного внешнего мира; в противном случае они потерпят поражение в практике».

В то же время Мао Цзэдун подчеркивает, что «как в практике изменения природы, так и в практике изменения общества редко бывает, чтобы первоначально выработанные людьми идеи, теории, планы и проекты претворялись в жизнь без малейших изменений» и надо «добиваться того, чтобы выдвигаемые революционные задачи и новые планы работы соответствовали новым изменениям в обстановке».

Рассуждая о том, что «теория познания диалектического материализма ставит практику на первое место» и отвергает все ошибочные теории, отрывающие познание от практики, Мао Цзэдун ссылается на работы В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, заключая свои рассуждения общим выводом марксистской философии — «критерием истины может быть лишь общественная практика»[3].

Надо сказать, что в 70-летней истории социально-экономического развития КНР этот вывод стал реальным принципом экономической политики только с началом хозяйственной реформы в конце 70-х годов, после того, как состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва заложил в хозяйственную реформу КНР необходимость обязательного следования принципу «практика — критерий истины», а во вступительной речи Дэн Сяопина на XII Всекитайском съезде КПК в сентябре 1982 г. прозвучал «основной вывод», сделанный в КНР «на основе обобщения длительного исторического опыта»: «Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая»[4].

Хотя в Политическом отчете ЦК КПК VII съезду КПК в 1945 г. Мао Цзэдун подчеркивал необходимость продолжительного периода «борьбы за демократизацию» и «развития капитализма», предостерегая одновременно и от «болезни чрезмерной поспешности» и от «болезни медлительности» в предстоящей работе, тот «длительный срок», который первоначально отводился на выполнение такой программы, ограничился на практике тремя годами восстановительного периода (1949—1953 гг.).

В июне 1953 г. Мао Цзэдун заявляет, что победа демократической революции уже состоялась, и критикует тех (в первую очередь Лю Шаоци), кто **«ВМЕСТО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ» ПРОДОЛЖАЕТ ЗАНИМАТЬСЯ СВОЕЙ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ»,** а также оглашает требования генеральной линии партии для перехода к социализму за 10—15 лет или немногим более продолжительный промежуток времени[5].

Констатация в КНР завершенности задач новодемократической революции в 1953 г., также как и впоследствии задач по социалистическому преобразованию собственности (за несколько месяцев 1955—1956 гг. вместо намеченных 10—15 лет) в немалой степени была опосредована такими событиями на меж-

дународной арене, как смерть и критика культа личности Сталина, пробудившие в Мао Цзэдуне желание ускорить движение к социализму, с тем, чтобы попытаться продемонстрировать миру образец более быстрого и более результативного решения задач по социалистическому строительству, завоевав на этом авторитет «лидера» в социалистическом мире, а также в международном коммунистическом движении.

Как свидетельствует «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятое на 6-м пленуме ЦК КПК в июне 1981 г., «всестороннее и серьезное выправление левацких ошибок» прошлого началось со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), определившего курс на более медленное, но более сбалансированное развитие и резко осудившего прежнюю практику «ускоренного строительства социализма».

Новый путь, основные контуры которого стали обрисовываться после смерти Мао Цзэдуна (1976 г.), по существу предлагаемых им методов стал отрицать тот путь строительства в КНР, который в течение более чем двух десятилетий лихорадил экономику страны, сделав главный ориентир на использование в целях подъема производительных сил страны «различных форм хозяйственной деятельности».

Большой интерес у исследователей Китая вызвала опубликованная в «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г. статья в то время президента Академии общественных наук Китая Ху Цяому, озаглавленная «Необходимо следовать экономическим законам и ускорять четыре модернизации». После прочтения этой статьи напрашивался вывод о том, что после жарких летних дискуссий в научных кругах к осени 1978 г. в КНР было решено принципиально по-новому подойти к определению роли техники и хозяйственного опыта капиталистических стран в развитии производительных сил страны. Прозвучавший в этой программной статье президента АОН Китая тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран»[6] стал одним из главных идейных ориентиров этого времени.

На протяжении всех лет реформы ученые и хозяйственники КНР, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования вводили в практику страны то, что давало положительные результаты, хотя еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества. Такие инновации стали «прорывами» китайских ученых в экономической теории социализма и слагаемыми «социализма с китайской спецификой», а нынешними китайскими руководителями они названы «наипервейшей движущей силой, ведущей за собой все развитие» и «стратегической опорой для создания модернизированной системы экономики».

Надо сказать, что сегодня председатель КНР Си Цзиньпин именно подобным теоретическим новаторством объясняет «секрет» достижения целого ряда успехов в социально-экономическом развитии КНР за долгие годы реформы, поясняя, что «удачная практика поднимается на уровень теории, правильная теория руководит новой практикой, а проявившие себя как эффективные в процессе практики политические установки и выводы становятся курсом партии и общественно-политическим строем государства»[7].

Обращает на себя внимание и то, что в выступлениях Си Цзиньпина ощущается явный отклик на многие высказывания Мао Цзэдуна, которые звучали еще до проведения экономических реформ в КНР, и потому совершенно естественным стало включение в перечень руководящих инновационных идей, которых «обязана постоянно держаться КПК» для достижения успеха в работе, «целого ряда важных выступлений генсека Си Цзиньпина».

Накануне открытия 3-й сессии ВСНП (март 2015 г.) Си Цзиньпин посетил объединенное заседание Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, где заявил, что **проведение в жизнь «основного экономического строя»,** который характеризуется совместным развитием различных форм собственности при ведущей роли общественного сектора, **является «фундаментальной политикой и основным курсом КПК».** Данное высказывание Си Цзиньпина вызвало особый интерес у автора в связи с употреблением им термина **«основной экономический строй»** вместо привычного и почти обязательного для него термина **«социализм с китайской спецификой».** То есть могли быть употреблены и конвергентные по своей сути термины «смешанная экономика» или «интегральное общество», которые находят всё большее распространение среди ученых-обществоведов при характеристике экономического строя стран, допускающих совместное развитие различных форм собственности, защиту интересов и труда, и капитала. А КНР входит в число таких стран.

Говоря о том, что место и роль необщественных форм собственности в социально-экономическом развитии страны остаются прежними и «политический курс на поощрение, поддержку и содействие развитию необщественных форм собственности остается неизменным», Си Цзиньпин добавляет: **«Более того, мы прикладываем неустанные усилия для создания благоприятной среды и множества возможностей для развития экономики, основанной на необщественной собственности»[8].** Предлагая проводить более активную политику занятости, стимулируя трудоустройство за счет предпринимательства, нынешние руководители КНР делают серьёзный акцент на смешанных формах деятельности, **поощряя и одновременно нормируя** участие негосударственного капитала в их инвестиционных проектах. Для участия в таких формах деятельности приглашаются как отечественные, так и зарубежные предприниматели, привлекаются из-за границы высококвалифицированные специалисты. В то же

время общественный капитал предлагается ориентировать на вложения в приоритетные проекты посредством инвестиционных дотаций, вливания капитала, создания тех или иных фондов.

Повышенное внимание Си Цзиньпина к развитию необщественных форм собственности, подчеркивание им того, что общественный и необщественный секторы экономики «должны поддерживать и дополнять друг друга, а не вытеснять и противодействовать друг другу», выражение им надежды на то, что деятели, занятые в экономике, основанной на необщественной собственности, дадут толчок всем предприятиям страны для достижения нового и лучшего развития, подвело автора к высказанному в своих предыдущих публикациях выводу о том, что в КНР быстрее, чем в России, станут активно использовать систему прогрессивного налогообложения.

Действительно, в августе 2018 г. в Закон об индивидуальном подоходном налоге КНР были внесены существенные поправки, предусматривающие:

— повышение индивидуального подоходного налога с тех граждан, чьи доходы заметно выше, чем у основной массы населения;

— значительное увеличение необлагаемого налогом минимума;

— освобождение от уплаты подоходного налога граждан с доходами ниже 60 000 юаней в год.

Дело в том, что за долгие годы реформы китайское руководство, следуя сделанному Дэн Сяопином в начале реформы призыву «обогащайтесь!», выработало метод, который помогал на каждом этапе преобразований находить решения наиболее трудных задач по смягчению регионального, отраслевого, имущественного неравенства в обществе. Для решения самых острых социально-экономических проблем, касающихся наиболее отсталых регионов или наиболее обездоленных слоев населения, как правило, использовался способ получения помощи от тех, кто преуспел или обогатился раньше других.

Думается, что такой способ, ставший фактически «нормой» в реформируемом Китае, сделает намного безболезненнее налогообложение и самых крупных собственников в стране, тем более, что еще на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было официально заявлено о возможности приема в партию лиц из числа частных предпринимателей, так как последние, «наряду с другими трудящимися также являются строителями социализма с китайской спецификой». И в этом тоже будет заключаться «китайская специфика».

К этому логично добавить, что на XVII съезде КПК в 2007 г. в то время генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркнул, что ЦК второго поколения, ядром которого был Дэн Сяопин, «в корне отверг ошибочную теорию и практику, ставящие классовую борьбу во главу угла»[9]. Тем самым как бы отвергалась неизбежность острых конфликтов между трудом и капиталом даже при

их длительном сосуществовании в условиях «социализма с китайской спецификой».

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства вовсе не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества, они признают плюрализм в формах собственности не только как неизбежную черту начального этапа социализма, продолжительность которого измеряют примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимую для удовлетворения многообразных потребностей человека данность общества вообще, а значит — вписываются в модель «социализма с китайской спецификой».

Социально-экономические успехи КНР в годы реформы вызвали интерес ученых-обществоведов всего мира. Задаваясь вопросом, «почему Китай лучше других переносит кризис?», профессор Международного университета в Москве, доктор экономических наук Г.Н.Цаголов в своей книге «Кризис и модернизация» отвечает, что «прежде всего потому, что Китай не разрушил плановые начала и плавно перешел от социализма к смешанной, или конвергентной, экономике»[10]. В предисловии к данной книге академик А.Д. Некипелов пишет, что у отстаиваемого профессором Цаголовым тезиса «формирование конвергентной социально-экономической модели общества, предполагающей разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал, становится императивом нашего времени» найдется немало сторонников как в России, так и в мире[11].

Действительно, среди российских ученых с каждым годом становится все больше тех, кто исследует опыт стран, где уже сформировалась или только формируется конвергентная социально-экономическая модель общества, предполагающая разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал.

В монографии «Конвергенционный набат», опубликованной в 2011 г., Г.Н. Цаголов пишет, что «сейчас в научных кругах зреет понимание необходимости движения к смешанной, конвергентной модели общества как требуемому и наиболее оптимальному ориентиру и варианту», что должен быть найден требуемый баланс между общественными интересами и интересами частными, что надо сознательно стремиться к созданию модели развития, сочетающей наиболее сильные эффективные стороны капитализма и социализма и одновременно отсекающей их пороки[12].

В коллективной монографии «Новое интегральное общество», опубликованной в 2016 г., анализируется такой опыт Китая, Вьетнама, Индии, Бразилии, Голландии, стран Центральновосточной Европы, Белоруссии и Казахстана. Успехи в социально-экономическом развитии этих стран Георгий Николаевич Цаголов совершенно справедливо оценивает как результат использования в дея-

тельности руководителей этих государств достижений и капитализма, и социализма, заключая, что сегодня в мире звучит «конвергенционный набат» и важно, чтобы этот набат был услышан там, где продолжается поиск «оптимальной модели» социально-экономического развития[13].

Библиографический список

1. Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Сборник научных трудов. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
2. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1967.
3. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 2. Пекин, 1969.
4. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977.
5. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин, 2014.
6. *Цаголов Г.* Конвергенционный набат. М., 2011.
7. *Цаголов Г.* Кризис и модернизация. М., 2010.
8. Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949—1953 гг. / пер. с кит. Предисл. В.А. Масленникова. М., 1954.
9. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982.
10. 人民日报 (Жэньминь жибао). 06.10.1978; 25.10.2007; 17.03.2015.

References

1. Kitay na puti k vozrozhdeniyu. K 80-letiyu akademika M.L. Titarenko. Sbornik nauchnykh trudov [China on the road to recovery. To the 80th anniversary of academician M.L. Titarenko. Collection of scientific papers]. Moscow, 2014.
2. *Mao TSzedun.* Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 1. Pekin, 1967.
3. *Mao TSzedun*. Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 2. Pekin, 1969.
4. *Mao TSzedun*. Izbrannyye proizvedeniya [Mao Zedong. Selected Works]. T. 5. Pekin, 1977.
5. *Si TSzin'pin.* «O gosudarstvennom upravlenii» [Xi Jinping. "On public administration"]. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh KNR, 2014.
6. *TSagolov Georgiy*. Konvergentsionnyy nabat [Convergence alarm]. Moskva: Izdatel'skiy dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2011.
7. *TSagolov Georgiy.* Krizis i modernizatsiya [Crisis and modernization]. M., 2010.
8. Ekonomicheskiye uspekhi Kitayskoy Narodnoy Respubliki za 1949—1953gg. Perevod s kitayskogo. Predisloviye V.A. Maslennikova [Economic success of the People's Republic of China for 1949—1953. Translation from Chinese. Preface V.A. Maslennikov]. M., 1954.
9. «XII Vsekitayskiy s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya» ["XII All-Chinese Congress of the Chinese Communist Party"]. Pekin, 1982.
10. 人民日报. (Renmin ribao). 06.10.1978; 25.10.2007; 17.03.2015.

Примечания

[1] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 2. Пекин, 1969. С. 265—266.

[2] Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949—1953 гг. Пер. с кит. Предисл. В.А. Масленникова. М., 1954. С. 15—18.

[3] *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 1. Пекин, 1967. С. 381—382, 385, 393—397.

[4] XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Пекин, 1982. С. 3—4.

[5] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 5. Пекин, 1977. С. 105—106.

[6] 人民日报 (Жэньминь жибао). 06.10.1978.

[7] *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин, 2014. С. 11.

[8] 人民日报. (Жэньминь жибао). 17.03.2015.

[9] 人民日报. (Жэньминь жибао). 25.10.2007.

[10] *Цаголов Г.* Кризис и модернизация. М., 2010. С. 74—75.

[11] *Цаголов Г.* Указ. соч. С. 5.

[12] *Цаголов Г.* Конвергенционный набат. М., 2011. С. 62—63.

[13] См.: Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Сборник научных трудов. М., 2014. С. 79.

О.Н. Борох,
ИДВ РАН, к.э.н.

ИЗУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Специфика изучения в Китае истории российской и советской экономической мысли обусловлена влиянием идеологии и политики. Китайских исследователей интересуют развитие марксистской и социалистической экономической мысли в России, опыт заимствования и адаптации западных экономических теорий, дискуссии об уникальных особенностях российской экономической науки. Внимание к опыту развития российской экономической науки обусловлено двумя причинами. Во-первых, экономическая наука в России и Китае изначально развивалась на фундаменте традиционной марксистской политической экономии. Во-вторых, по мере расширения заимствования западной экономической науки в России и Китае возник конфликт между парадигмами политэкономии и западной экономической науки. Изданная в Китае фундаментальная «История экономической мысли в новой редакции» рассматривает лишь три течения мировой экономической мысли — китайское, западное и марксистское. Российская экономическая наука представлена в книге как часть марксистского или западного течения. На первое место выходит стремление выявить воздействие российской и советской экономической науки на становление китайской экономической мысли. Появление в постсоветской России значительного количества публикаций о «забытых» экономистах не вызвало исследовательского интереса в Китае. Знания о современной российской экономической науке носят фрагментарный характер, центр тяжести смещен в сторону изучения внемейнстримных теоретических изысканий российских экономистов. Китайские исследования российской экономической науки обращены в советский период либо нацелены на поиск в современном материале ценных уроков для строительства «политэкономии социализма с китайской спецификой».

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, западная экономическая мысль, постсоветский период

Автор: Борох Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ИДВ РАН. E-mail: borokh@hotmail.com

Изучение в Китае истории российской и советской экономической мысли отличается от ее исследований на Западе. Это обусловлено тем, что в китайских условиях данная тема выходит за рамки научного знания, она касается идеологии и политики. Оценка советского влияния на китайскую экономическую науку неразрывно связана с критикой «догматизма» заимствованных в 1950-е годы постулатов работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и составленного Институтом экономики АН СССР в 1954 г. учебника «Политическая экономия».

Всплеск интереса к советской экономической теории и концепциям стран Восточной Европы наблюдался в Китае в 1980-е годы в период поиска стратегии реформ. Вслед за распадом СССР и «социалистического лагеря» возможность сравнительного изучения марксистской политэкономии была утрачена. Со временем китайские исследователи вновь начали уделять внимание экономической науке в постсоветской России. Ныне их интересуют развитие марксистской и социалистической экономической мысли, опыт заимствования и адаптации западных экономических теорий, дискуссии об уникальных особенностях российской экономической науки.

Сунь Цзинъюй (экономический факультет Нанькайского университета) связывает важность изучения изменений в российской экономической науке с происходившими в Китае дискуссиями о направлении развития китайской экономической науки. Под западным воздействием в российской экономической науке идет непрерывный процесс изменений. По мнению китайского исследователя, осознание несоответствия иностранной теории проблемам России стало стимулом для смены научных ориентиров, российское научное сообщество перешло от увлечения институционализмом к этатизму. Подобный подход к российской экономической мысли служит подтверждением китайского тезиса о необходимости опираться на собственную практику для развития экономической теории.

Значение для Китая изучения опыта развития российской экономической науки обусловлено двумя причинами. Во-первых, экономическая наука в России и Китае изначально развивалась на фундаменте традиционной политической экономии. Обе страны испытали на себе глубокое влияние принципов марксистской экономической науки, советского учебника политэкономии, созданной в послесталинский период теории реформ.

Во-вторых, Россия и Китай являются странами с переходной экономикой, поэтому в них сложилась сходная среда для развития экономической науки. Обе страны шли от замкнутости к открытости, по мере расширения заимствования западной экономической науки конфликт между парадигмами политэкономии и западной экономической науки становился все более заметным. Это породило сходные вопросы о том, как урегулировать отношения между политэкономией и западной экономической наукой, как поднять экономические исследования своей страны на новый уровень. Таким образом, исследование российской экономической науки способствует тому, чтобы китайская экономическая наука «развивалась в ногу со временем» и «лучше служила экономическому развитию и трансформации»[1].

Выделенные Сунь Цзинъюем направления развития советской экономической науки (изучение политэкономии капитализма, обсуждение проблемы соединения плана и рынка в конце 1960-х, исследование волны экономического либерализма на Западе в 1980-е годы) могут быть сопоставлены с актуальными темами китайской экономической науки в начале реформ. Тенденции постсоветского периода, связанные с пропагандой неолиберализма, распространением западной экономической науки, переходом к использованию западных учебников, вытеснению политэкономии из образовательной системы, также имеют параллели в Китае 1990-х — начала 2000-х годов. Разочарование российских научных кругов в неоклассической теории, рост интереса к институционализму, осознание невозможности механического переноса в Россию западной экономической науки, переход к этатизму, повышение внимания к историческому анализу и возникновение российской версии «неомарксизма» вполне могут быть сопоставлены с процессами поисков новой парадигмы китайской экономической науки.

Сунь Цзинъюй использовал российский материал для обоснования вывода о том, что инновационное развитие экономической науки в Китае может опираться лишь на собственную хозяйственную практику. Хотя распространение в Китае западной экономической науки способствовало интернационализации этой отрасли знания, опыт России показывает значительную ограниченность применения западной науки в решении проблем трансформации [2].

Весьма примечателен призыв к китайским исследователям проявлять бдительность по отношению к «зонам заблуждений» российской экономической науки в процессе «отуземливания» западных теорий. Китайский автор заявил, что опора на собственный опыт не означает необходимости для каждой страны создавать собственную экономическую науку. По его мнению, осознание в современной России неприменимости западной науки якобы привело к ее «полному отрицанию», что осложнило научные обмены с другими странами. С точки зрения Сунь Цзинъюя, многие в России не понимают западную эконо-

мическую науку, но сразу отвергают ее, не используют западные труды в своих исследованиях, все это препятствует сотрудничеству российских ученых с зарубежными коллегами, не дает им занять достойное место даже в международных марксистских экономических кругах.

Первым появившимся в Китае в нынешнем столетии систематическим исследованием истории российской экономической науки стал том «СССР и Россия» пятитомной «Истории экономической мысли марксизма» под редакцией Чэн Эньфу[3]. В «Историю» вошли тома, посвященные идеям классиков марксизма, развитию марксистской теории в Китае, в Европе и США, в СССР и России, а также в Японии. Особенностью пятитомника стала опора на современные китайские и зарубежные исследовательские материалы, в Китае эта работа является наиболее полным исследованием по истории марксистской экономической науки.

Содержание тома «СССР и Россия» охватывает распространение марксизма в России до Октябрьской революции, экономические идеи Г.В. Плеханова, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и «Новую экономику» Е.А. Преображенского. В книге рассмотрены взгляды на экономику социализма и капитализма 1920—1980-х годов, учебник политической экономии 1954 г., теории реформ в период после Сталина. К постсоветскому периоду относятся «экономические идеи КПРФ», представления Г.А. Зюганова о глобализации и судьбах России, суждения С.Ю. Глазьева о социальной справедливости и экономическом росте, неомарксизм А.В. Бузгалина, новые социалистические течения. Автором тома является Ли Синь, директор Института мировой экономики Шанхайской академии международных проблем.

В 2013 г. в Китае вышла книга «История советской экономической мысли — от Ленина, Сталина до Горбачева». Ее написал научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сян Цзувэнь, филолог-русист по образованию и профессиональный переводчик, работавший в 1990-е годы в посольствах КНР в республиках бывшего СССР[4].

Изложение построено вокруг 20 репрезентативных фигур, среди которых присутствуют имена советских экономистов и политических деятелей. Первый раздел посвящен В.И. Ленину как основателю советской политэкономии. Сян Цзувэнь обобщил его взгляды на стадии развития социализма, НЭП, товарно-денежные отношения, государственный капитализм в период социализма, сельскую кооперацию. Автор привел ленинские аргументы против бюрократизма в экономической работе, напомнил его воззрения на внешнеэкономическую открытость социалистического государства.

Второй раздел «Поиски» раскрывает экономические идеи сталинского периода. Сюда входят темы формирования советской политэкономии социализма

и оценка советского учебника. В отдельных главах рассмотрены экономические идеи Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Е.С. Варга, Н.Д. Кондратьева, Н.А. Вознесенского и самого И.В. Сталина. Завершающей фигурой этого периода стал К.В. Островитянов.

Третий завершающий раздел «Перемены» характеризует экономическую мысль послесталинской эпохи. В него вошли главы о взглядах Л.В.Канторовича, В.С. Немчинова, Е.Г. Либермана, Л.М. Гатовского, Е.И. Капустина, А.П. Бутенко, В.А. Медведева, Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, П.Г. Бунича. Завершает эту цепочку М.С. Горбачев.

В Китае книгу Сян Цзувэня хвалили за использование марксистской методологии при обобщении исторического процесса зарождения, формирования и развития экономической теории в СССР за семь десятилетий. Работа стала частью усилий китайских исследователей по выявлению и изучению глубинных причин распада СССР. Подобный подход неизбежно требовал от автора книги сосредоточить внимание либо на советских искажениях марксистской политэкономии, либо на проявлениях полного пренебрежения к марксистской теории. Одновременно были предприняты попытки показать те аспекты советской экономической мысли, которые соответствовали марксизму и вносили вклад в его развитие.

Сян Цзувэнь объединил исследование экономических идей советских партийных лидеров и воззрений экономистов-теоретиков. Актуальность книги в Китае связывали с тем, что она помогает выявить процессы формирования советской политэкономической теории, остаточное негативное влияние которой сохраняется даже после распада Советского Союза. С этой точки зрения критическое изучение истории советской экономической мысли является необходимой предпосылкой развития современной китайской политэкономии социализма. Среди недостатков книги китайский рецензент отметил, что в ней не были упомянуты В.В. Леонтьев, Н.А. Цаголов, А.М. Румянцев, Н.П. Федоренко, которые также внесли вклад в формирование советской экономической науки[5].

Попытка сконструировать историю советской экономической мысли с опорой на 20 репрезентативных фигур неизбежно столкнулась с проблемой отбора наиболее значимых ученых. Книга лишена связи с историей экономической мысли досоветского и постсоветского периодов. Российская тематика интересует китайского автора лишь в политическом контексте изучения роли экономических идей в движении СССР от подъема к падению. В российском профессиональном экономическом сообществе книга Сян Цзувэня не вызвала никакого отклика.

Российскому читателю доступна изданная в переводе книга Гуань Сюэлин и Чжан Мэна из Народного университета Китая «Политэкономия Владимира Путина». В определенном смысле эта работа наследует подход монографии Сян

Цзувэня, соотносящей этапы в развитии советской политэкономии с именами политических лидеров [6].

Заметным достижением китайских ученых стала «История экономической мысли в новой редакции» под редакцией Гу Хайляна и Янь Пэнфэя, в которой были представлены новые подходы к исследованию экономических учений[7]. Эта фундаментальная работа в 11 томах не могла обойти стороной историю российской экономической мысли. Однако для нее не нашлось обособленной исследовательской ниши. Дело в том, что «История» рассматривает лишь три течения мировой экономической мысли — китайское, западное и марксистское. Поэтому российская экономическая наука подается в многотомнике как часть марксистского или западного течения. В качестве части западной экономической мысли прошлого столетия были представлены модель «затраты — выпуск» В.В. Леонтьева, концепции переходной экономики Е.Г. Либермана, А.Г. Аганбегяна и Л.И. Абалкина.

Авторы «Истории» уделили большое внимание российской и советской марксистской экономической мысли. В книге рассказано об идейном наследии Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина. Были рассмотрены взгляды Е.А. Преображенского и Н.А. Вознесенского, охарактеризован советский учебник политэкономии, проанализированы суждения Е.С. Варга о монополистическом капитализме.

Исследование российской и советской экономической науки на страницах «Истории экономической мысли в новой редакции» основано исключительно на источниках на китайском языке. При этом в разделах о современной западной науке присутствует большое количество ссылок на иностранных языках. На этом основании можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, составители книги не привлекали к работе авторов, способных читать и анализировать экономическую литературу на русском языке. Во-вторых, смещение внимания в сторону переводной литературы указывает на стремление выявить воздействие российской и советской экономической науки на становление китайской экономической мысли прошлого столетия.

В методологическом обзоре марксистских исследований истории экономической мысли в многотомнике рассмотрены несколько советских работ, повлиявших на развитие этой отрасли знания в Китае. Это трехтомная история политической экономии 1934—1936 гг. Д.И. Розенберга, которая была издана на китайском языке в 1959 г. Вслед за ней в 1963 г. в Китае был опубликован лекционный курс «История экономических учений. От возникновения марксизма до Великой Октябрьской революции» Н.К. Каратаева и М.Н. Рындиной (1961). Незадолго до распада СССР в 1987 г. в Китае перевели вузовский учебник «История экономических учений» М.Н. Рындиной, Е.Г. Василевского и В.В. Голосова (1983).

На основе этих трех переведенных на китайский язык работ было сделано обобщение специфики советской традиции в изучении истории экономической мысли. Авторы многотомника заявили, что эта традиция следует основным взглядам Маркса. Она выделяет классическую мысль как источник марксистской политэкономии и критикует буржуазную вульгарную экономическую науку, заявляя, что все ее школы основаны на «антинаучной методологии». «История экономической мысли в новой редакции» утверждает, что советские исследователи делали упор на изучении российской экономической мысли, при этом они якобы почти не занимались изучением марксистской экономической мысли за пределами бывшего СССР и даже склонялись к подмене марксизмом-ленинизмом исследования истории экономической мысли в целом[8].

Переведенные на китайский язык и использовавшиеся в образовательной практике учебники Розенберга и Рындиной стали частью собственной научной традиции. Более важные российские публикации остались незамеченными. Составители «Истории экономической мысли в новой редакции» даже не упомянули о появившейся в нашей стране на рубеже 1980—1990-х годов «Всемирной истории экономической мысли» (ВИЭМ) в 6 томах. Вряд ли это пренебрежение было преднамеренным, поскольку содержательное сопоставление с российским изданием помогло бы авторам «Истории» глубже раскрыть новизну своего проекта. Вероятнее всего, китайские исследователи истории экономической мысли попросту не осведомлены о существовании этого труда, увидевшего свет в переломный исторический период. Первые четыре тома вышли в СССР, оставшиеся два — в постсоветскую эпоху. Издание ВИЭМ было завершено в 1997 г.[9]

Между двумя многотомными исследованиями по истории экономической мысли можно провести ряд важных сравнений. Российские ученые опередили китайских коллег на четверть столетия, выдвинув и осуществив цель создания новаторского «обобщающего марксистского исследования истории экономической мысли», подобного которому нет ни в одной зарубежной стране[10]. Как и в китайской «Истории», основой ВИЭМ стал методологический принцип «экономическая мысль шире экономической теории (политической экономии)»[11].

Не менее интересно сопоставить структуры двух работ. Первый том «Истории экономической мысли в новой редакции» посвящен параллельному рассмотрению развития китайской и зарубежной экономической мысли до 1640 г. Пять томов посвящены истории западной экономической мысли, два отдельных тома — экономической теории марксизма, два тома — истории китайской экономической мысли. Первые четыре тома ВИЭМ, охватывающие период до середины XX в., построены по хронологическому принципу. Однако вышедшие после распада СССР завершающие тома больше похожи на тематическую структуру китайской работы: западные экономические концепции (Т. 5), отече-

ственная мысль (Т. 6. Кн. I), экономические идеи социалистических и развивающихся стран (Т. 6. Кн. II). Выделение советской и постсоветской экономической мысли в один том подчеркивает внимание к отечественной традиции, стремление выявить ее место в развитии мировой экономической науки. Те же мотивы двигали составителями китайской «Истории».

Еще одна явная и очевидная параллель — это стремление к комплексному осмыслению и интеграции в единое целое собственных марксистских и домарксистских идей. В СССР процесс заполнения «белых пятен» в теории и возвращения «забытых имен» в перестроечные годы был бурным и сталкивался с большими вызовами. Для китайской «Истории» эти задачи не столь актуальны. Пик накопления и осмысления исторических материалов в Китае пришелся на 1990-е годы и первое десятилетие XXI в. В наши дни на ведущее место вышла задача создания целостной концепции мировой экономической мысли с учетом китайской перспективы.

Появление в российской экономической науке значительного количества публикаций о «забытых» экономистах (А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и др.) не вызвало исследовательского интереса в Китае. Знания о развитии российской постсоветской экономической науки носят фрагментарный характер, центр тяжести смещен в сторону изучения внемейнстримных теоретических изысканий российских экономистов. Китайские исследования российской экономической науки обращены в советский период либо нацелены на поиск в современном материале ценных уроков для строительства «политэкономии социализма с китайской спецификой».

Библиографический список

1. Всемирная история экономической мысли: в 6-ти томах / гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 1—6. М., 1987—1997.

2. *Гуань Сюэлин, Чжан Мэн.* Политэкономия Владимира Путина. СПб., 2017.

3.关雪凌, 张猛 (Гуань Сюэлин, Чжан Мэн). 普京政治经济学 : [Политэкономия Путина]. Пекин, 2015.

4. 李新 (Ли Синь). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷 : [История экономической мысли марксизма. Том «СССР и Россия»]. Шанхай, 2006—2007.

5. 李淑华 (Ли Шухуа). 概览与反思 — 读 “苏联经济思想史” : [Общий обзор и размышления — читая «Историю советской экономической мысли»] // Элосы Дунъоу Чжунъя яньцзю. (“俄罗斯东欧中亚研究”). 2014. № 1. С. 93—94.

6. 新编经济思想史: [История экономической мысли в новой редакции]. Ред. 顾海良, 颜鹏飞 (Гу Хайлян, Янь Пэнфэй). Пекин, 2013—2014.

7. 孙景宇 (Сунь Цзинъюй). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义 : [Развитие советской экономической науки и значение ее уроков] // Говай шэхуэй кэсюэ (“国外社会科学”). 2013. № 5. С. 121—129.

8. 向祖文 (*Сян Цзувэнь*). 苏联经济思想史(从列宁斯大林到戈尔巴乔夫) : [История советской экономической мысли (от Ленина, Сталина до Горбачева)]. Пекин, 2014.

9. 张锦冬 (*Чжан Цзиньдун*). 史论交融 宏微相济 — “苏联经济思想史”评介 : [История и теория переплетаются, макро- и микроуровни дополняют друг друга — рецензия на «Историю советской экономической мысли»] // Цзинцзисюэ дунтай (“经济学动态”), 2013. № 10. С. 159—160.

References

1. Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli: v shesti tomakh. Gl. red. V.N. Cherkovets [The World History of Economic Thought: in 6 vols. Ed. by V.N. Cherkovets]. Moscow: Mysl’, 1987—1997.

2. Guan Xueling, Zhang Meng. Politekonomiya Vladimira Putina [Political economy of Vladimir Putin]. St. Petersburg: St.Petersburg State University Press, 2017.

3. 关雪凌, 张猛 (Guan Xueling, Zhang Meng). 普京政治经济学. [The Political Economy of Putin] Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2015.

4. 李新 (Li Xin). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷. [The History of Economic Thought of Marxism. Vol. Soviet Union and Russia] Shanghai: Dongfang chuban zhongxin, 2006—2007.

5. 李淑华 (Li Shuhua). 概览与反思 — 读 “苏联经济思想史” [General Overview and Reflections — Reading “The History of Soviet Economic Thought”] // Eluosi Dong Ou Zhong Ya yanjiu” [“Russian, East European & Central Asian Studies”], 2014, no. 1, pp. 93—94.

6. 新编经济思想史. [The New Edition of the History of Chinese Economic Thought]. Ed. by Gu Hailiang, Yan Pengfei (顾海良, 颜鹏飞). Beijing: Jingji kexue chubanshe, 2013—2014.

7. 孙景宇 (Sun Jingyu). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义. [The Development of Russian Economics and the Significance of its Lessons”] // “Guowai shehui kexue” [“Social Sciences Abroad”]. 2013. no. 5. P. 121—129.

8. 向祖文 (Xiang Zuwen). 苏联经济思想史 从列宁斯大林到戈尔巴乔夫. [The History of Soviet Economic Thought (from Lenin, Stalin to Gorbachev)] Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2014.

9. 张锦冬 (Zhang Jindong). 史论交融 宏微相济 — “苏联经济思想史”评介. [History and Theory are in Harmony, Macro and Micro Assist Each Other — Book Review on “The History of Soviet Economic Thought”] // “Jingjixue dongtai” [“Journal of Economic Perspectives”]. 2013. No. 10. P. 159—160.

Примечания

[1] 孙景宇 (*Сунь Цзинъюй*). 俄罗斯经济学的发展演变及其借鉴意义 [Развитие советской экономической науки и значение ее уроков] // Говай шэхуэй кэсюэ. 2013. № 5. С. 121.

[2] Там же. С. 128—129.

[3] 李新 (Ли Синь). 马克思主义经济思想史. 苏联俄罗斯卷. [История экономической мысли марксизма. Том «СССР и Россия»]. Шанхай, 2006—2007.

[4] 向祖文 (Сян Цзувэнь). 苏联经济思想史(从列宁斯大林到戈尔巴乔夫). [История советской экономической мысли (от Ленина, Сталина до Горбачева)]. Пекин, 2014.

[5] 李淑华 (Ли Шухуа). 概览与反思 — 读 “苏联经济思想史”. [Общий обзор и размышления — читая «Историю советской экономической мысли»] // Элосы Дунъоу Чжунъя яньцзю. 2014. № 1. С. 93—94.

[6] *Гуань Сюэлин, Чжан Мэн*. Политэкономия Владимира Путина. СПб., 2017.

[7] 新编经济思想史 [История экономической мысли в новой редакции]. Ред. 顾海良, 颜鹏飞 (*Гу Хайлян, Янь Пэнфэй*). Пекин, 2013—2014.

[8] Там же. Вводный том. С. 502—503.

[9] Всемирная история экономической мысли: в 6-ти томах / гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 1—6. М., 1987—1997.

[10] Там же. Т. 1. М., 1987. С. 8.

[11] Там же. Т. 6. Кн. II. М., 1997. С. 169.

Ю.М. Галенович,
ИДВ РАН, д.и.н.

ТРАКТОВКА В КНР 40-ЛЕТИЯ ПОСЛЕ МАО

Аннотация. Дан анализ выступления генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина по случаю 40-летия политики реформ и открытости. Автор обращает внимание на само понятие «политика реформ и открытости», дает характеристику важнейших событий в развитии КНР: «десять непоколебимых основ» деятельности КПК и «три великих скачка», или три главных достижения, нации Китая: становление на ноги, скачок к богатству, скачок к могуществу, и, наконец, девять установок, обеспечивающих осуществление нынешнего политического курса. Подробно рассмотрены события после смерти Мао Цзэдуна и отмечено, что, несмотря на недовольство населения положением в стране, оно не поднялось на движение под лозунгом смены политического режима, с требованиями осуждения Мао Цзэдуна и его политического курса. Оказалось, что изменения можно было осуществлять только «сверху». Выработанная новым руководством страны политика оказалась компромиссом между последователями Мао Цзэдуна и сторонниками перемен. Именно в этой ситуации и родилась формула «политика реформ и открытости» как своего рода «нейтральная», «компромиссная», «временно устраивавшая» население и все политические силы. Весь последующий более чем 40-летний период после смерти Мао Цзэдуна можно рассматривать как несколько этапов борьбы внутри партии между сторонниками и противниками курса Мао Цзэдуном. Ее результатом стала победа сторонников Мао в лице Дэн Сяопина. Их линию в настоящее время проводит Си Цзиньпин, который продолжает установку Мао Цзэдуна на концентрацию власти в

одних руках, поддерживая линию об исключительности китайского социализма и о единственно правильном понимании исторического развития всего человечества.

Ключевые слова: КНР, КПК, политическая борьба, авторитаризм, китаизированный марксизм, социализм с китайской спецификой, политика реформ и открытости, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Си Цзиньпин.

Автор: Галенович Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

18 декабря 2018 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила: «Торжественное собрание по случаю 40-летия политики реформ и открытости состоялось сегодня в Доме народных собраний в Пекине. Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил на собрании с важной речью»[*].

Прежде всего, необходимо пояснить термин, который в этом случае применяет пропаганда ЦК КПК. Она говорит о «политике реформ и открытости». В этом находит свое выражение суть ситуации в стране на рубеже 1970—1980-х годов. В 1976 г. после 27 лет правления в КНР умер Мао Цзэдун. В государстве с предельной концентрацией власти исчез главный элемент структуры власти, «сердцевина» политического режима. История показала, что в этом случае возникает, по крайней мере, на время, возможность осуществления перемен, изменения порядков и политического курса. Возникает возможность одновременных действий на политической сцене и наследников политического курса умершего вождя, и противников его политики.

Главным итогом властвования Мао Цзэдуна в Китае стало то, что он завел страну в тупик и в области экономики, и в сфере политики. Изменения стали императивом. До смерти Мао Цзэдуна на протяжении целого ряда лет существовавший политический режим и структура экономики сохранялись по инерции. Сразу же после его смерти возникла новая ситуация. В руководстве партии и государства оказались одновременно люди с разными представлениями об интересах народа и страны и о своих интересах. Оба «крыла» руководства существовали и действовали одновременно. При этом речь не шла о возникновении открытой борьбы между ними. Для населения декоративно сохранялось видимое единство партии. Главенствовал принцип подчинения меньшинства большинству или молчания оказавшихся слабее тем, кто был сильнее, у кого была реальная власть, прежде всего, над вооруженными силами. Все были согласны с необходимостью сохранения у власти в стране Коммунистической партии Китая и себя в качестве руководителей этой партии.

[*] URL: http://russian.people.com.cn/n3/2018/1218/c31521-9529788.html

В среде руководителей партии возникла молчаливая договоренность мирно сосуществовать, по крайней мере, на протяжении того периода, когда надо было исправить положение, сложившееся при правлении Мао Цзэдуна, осуществить преобразования, устранить самое острое недовольство людей. При этом одни стремились вывести страну из тупиков во внутренней и во внешней политике, а другие хотели, допустив некоторые изменения, добившись определенного успокоения недовольства населения и появления относительной стабильности, продолжать прежний политический курс, сохранить главное, с их точки зрения, — самовластие, диктатуру вождя, руководства партии. Создалась обстановка, при которой обладавшие реальной властью, державшие в своих руках вооруженные силы, наследники и последователи Мао Цзэдуна сами не были способны вывести страну из тупиков и были вынуждены допустить «на первую линию» руководства партией и страной тех, кто был способен и стремился осуществить нововведения, исправить положение, устранить главное недовольство населения. Внешне создавалась благоприятная обстановка для перемен. С другой стороны, было очевидно, что последователи Мао Цзэдуна ждали своего часа вернуть все «на прежнее место».

В этой обстановке сторонники вывода страны из экономического и политического тупика стремились использовать время и возникшие возможности для осуществления перемен, которые, как они надеялись, были не только необходимы для исправления положения, но и могли со временем создать новую ситуацию в стране, позволить Китаю пойти новым путем, сменить и политический режим, и экономическую структуру.

В этой ситуации важно также подчеркнуть, что в условиях политического режима, созданного Мао Цзэдуном, было невозможно создать какую бы то ни было политическую партию или альтернативную легально действующую политическую силу. Население ощущало необходимость перемен, было недовольно «порядками», существовавшими при Мао Цзэдуне, но в то же время не поднялось на движение под лозунгом смены политического режима, с требованиями осуждения Мао Цзэдуна и его политического курса. Давление установленного режима, покорность и привычка подчиняться превалировали. Оказалось, что изменения можно было осуществлять только «сверху».

Власть КПК над Китаем сохранилась. Свою роль продолжало играть руководство партии. Выработанная им политика, даже ее наименование, оказались компромиссом между последователями курса Мао Цзэдуна и сторонниками осуществления перемен, фактического начала демонтажа здания, построенного при Мао Цзэдуне. В этой ситуации и родилась формула «политика реформ и открытости». Она явилась как своего рода «нейтральная», «компромиссная», «временно устраивавшая» всех людей и политических сил разных, даже противоположных, направлений.

Выдвигая такую формулировку, до людей доводили мысль о том, что на какое-то время все согласны с тем, что необходимы «изменения и послабления». Характер, пределы и цели этих изменений каждый в руководстве партии представлял по-своему. Это была «оттепель по-китайски», «оттепель со спецификой Китая», таким образом, удавалось избежать внутренней, гражданской войны в Китае. Перед началом этой оттепели в 1976 г. еще при жизни Мао Цзэдуна произошел взрыв возмущения политикой, проводившейся при Мао Цзэдуне, на площади Тяньаньмэнь. Спустя 13 лет после этого, в 1989 г., в конце китайской оттепели, произошло еще большее извержение, взрыв протеста и требований свободы и демократии на той же площади столицы Китая.

Все это свидетельствовало и о сложности, и о противоречивости обстановки в стране, о неизбежности изменений и о наличии сил, которые сдерживали изменения, о том, что массы оказались способны на разовые проявления своих настроений и требований. Однако в Китае не нашлось сил, которые бы осуществили кардинальные изменения, поставили Китай на новые рельсы, повели его по пути свободы и демократии.

В то же время именно 1980-е годы стали в Китае тем, что получило у людей Китая наименование «золотого десятилетия реформ». Именно тогда впервые после нескольких десятилетий правления Мао Цзэдуна люди перевели дух. Это десятилетие Чжао Цзыян назвал единственным десятилетием за все предшествовавшие 150 лет, когда Китай не находился в состоянии войны. Именно тогда, в 1984 г. Ху Яобан побывал на границе с СССР и оставил в книге записей на пограничной заставе слова: «Да здравствует дружба между народами КНР и СССР!». Ху Яобан в отличие от Дэн Сяопина не считал нужным ставить условия на пути нормализации межгосударственных отношений СССР и КНР. Именно в 1985 г. Политбюро ЦК КПК во главе с Ху Яобаном и Чжао Цзыяном приняло решение, фактически означавшее признание мысли Н.С. Хрущева о том, что нет фатальной неизбежности мировой ядерной войны.

Весь более чем 40-летний период после смерти Мао Цзэдуна можно рассматривать не как единый процесс, а как период, состоящий из нескольких составных частей. 1976—1978 гг. явились завершением периода правления Мао Цзэдуна и предысторией следующего периода истории Китая. Сразу же после смерти Мао Цзэдуна в партии и государстве у власти оказались представители несовместимых политических сил и настроений. С одной стороны, это были те, кого Мао Цзэдун оставил как ядро руководства партией и вооруженными силами, прежде всего, Хуа Гофэн, который занимал все главные руководящие посты: председателя Военного совета ЦК КПК, председателя ЦК КПК, премьера Госсовета КНР. Это была «четверка» тех, кого Мао Цзэдун привел в высшее руководство: Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Цзян Цин, Яо Вэньюань. У них в руках оказалась часть реальной власти. Но армия оказалась в руках маршала Е

Цзяньина, который нашел общий язык с Дэн Сяопином и некоторыми другими людьми, ранее находившимися в руководстве, но оказавшимися формально вне его в момент смерти Мао Цзэдуна. Е Цзяньин, заручившись моральной поддержкой Дэн Сяопина, Ли Сяньняня, Чэнь Юня, нашел единомышленника в лице начальника Канцелярии ЦК КПК и руководителя спецслужб Ван Дунсина. Затем он заставил присоединиться к ним Хуа Гофэна. Будучи фактическим руководителем вооруженных сил, Е Цзяньин произвел военно-партийно-государственный переворот, арестовав упомянутую «четверку». Тем самым был открыт путь к преобразованиям.

Хуа Гофэн на протяжении некоторого времени пытался вести себя как «главный руководитель». При этом он избрал в качестве основы своих действий утверждение о том, что Мао Цзэдун сказал ему: «Если ты ведешь дела, я спокоен», а также установку на «два абсолютно», то есть на то, чтобы исходить из «абсолютного следования» всему тому, что сказал и что наказал Мао Цзэдун. Хуа Гофэн думал, что можно продолжать властвовать над Китаем в опоре исключительно на полную верность имени и делу Мао Цзэдуна. Во времена непродолжительного «властвования» Хуа Гофэна официальная пропаганда КПК даже ввела наряду с термином «великий вождь», который присовокуплялся к имени Мао Цзэдуна, термин «мудрый вождь», как называли Хуа Гофэна.

Существенную роль сыграло и стихийное массовое движение крестьян, которые фактически самовольно возвратили свои прежние семейные земельные наделы. Произошла своего рода антимаоцзэдуновская крестьянская революция. Секретари провинциальных парткомов Вань Ли в пров. Аньхой и Чжао Цзыян в пров. Сычуань первыми поддержали движение крестьян. Никакой позитивной или инициативной роли во всем этом не играли Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна.

Однако после шага, сделанного Е Цзяньином, открылась возможность возвращения на руководящие посты Дэн Сяопина и других старых руководителей. Было очевидно, что им придется, держа в руках реальные рычаги власти, прежде всего, над вооруженными силами, смириться с тем, что на «первую линию», то есть для осуществления необходимых преобразований, направленных на выход из тупика, придется выдвинуть тех, кто не был замешан в действиях Мао Цзэдуна. Так, Дэн Сяопин смог вернуться к власти, занять пост председателя Военного совета ЦК КПК, но не стал ни председателем ЦК КПК, ни председателем КНР, ни премьером Госсовета КНР.

На авансцене появилась когорта инициаторов изменений в Китае. Это были генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян и несколько позднее председатель ПК ВСНП Вань Ли. Когда им удалось сделать существенные шаги по пути нормализации обстановки в стране, поставить страну на путь реформ не только экономического, но и политического характе-

ра, тогда Дэн Сяопин осуществил то, что можно назвать «шоковой терапией со спецификой или со своеобразием Китая», за два года устранил от власти двух генеральных секретарей ЦК КПК: Ху Яобана (в 1987 г.) и Чжао Цзыяна (в 1989 г.).

Дэн Сяопин также под предлогом «спасения КПК и КНР» от «грозившей» им «опасности» в 1989 г. применил вооруженные силы для подавления демонстраций в столице страны с требованиями свободы, демократии, политических реформ. Настал период, когда главными фигурами на политической сцене оказались Дэн Сяопин, Ли Пэн, Цзян Цзэминь. С 1989 по 1992 г. в результате этих действий Дэн Сяопина, который фактически произвел еще один, противоположный тому, который осуществил Е Цзяньин, военно-партийно-политический переворот, на пути политических реформ встал непробиваемый заслон, а экономические реформы были на несколько лет приостановлены.

Затем Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна поняли, что есть возможность, с одной стороны, восстановить и сделать еще более строгим и всеобъемлющим политический режим, введенный Мао Цзэдуном. С другой стороны, допустить такие изменения в экономике, которые одновременно давали бы возможность осуществлять послабления и позволяли сохранить в руках партийной номенклатуры главенствующие высоты в экономике.

В ходе этого процесса, когда у власти до 1997 г. находился, прежде всего, Дэн Сяопин, а затем до 2002 г., Цзян Цзэминь, свою роль играл ратовавший за главное внимание вопросам экономики и жизни населения премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи. Далее наступили годы, когда у власти оказались Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, которые пытались согласовывать интересы людей и внутри страны, и на мировой арене.

Наконец, в 2012 г. к власти пришел Си Цзиньпин. Он в максимально возможной степени ужесточает существующий политический режим внутри страны, заново создает систему самовластного правления и начинает активное осуществление на мировой арене глобальной стратегии, имеющей своей целью постепенное навязывание остальному человечеству своего «нового порядка». В этом смысле Си Цзиньпин является и наследником, и последователем, и продолжателем «дела» Мао Цзэдуна, его глобальной стратегии. Максимальная концентрация власти в руках Си Цзиньпина есть продолжение существования того главного, что взяли Мао Цзэдун и его последователи из марксизма — учения о диктатуре, о самовластии и единовластии. В КНР существует две опоры режима: военная власть и всевластие тотальной партийно-государственной пропаганды.

Свою речь Си Цзиньпин начал с оценки «политики реформ и открытости». При этом он не говорил ни о том, каким было положение в стране перед началом этих реформ, кто и почему довел страну до необходимости осуществлять

эти реформы, почему Ху Яобан, Чжао Цзыян и Вань Ли оказались на «первой линии» руководства, в то время как Дэн Сяопин и Чэнь Юнь стали теми, у кого в руках были власть и авторитет и кто имел возможность следить за осуществлением реформ и принимать решения об их продолжении, изменении или прекращении. Всемирное значение Китая и происходящего в Китае для всей планеты, для всего человечества — вот с чего Си Цзиньпин начинает свою трактовку значения происходящего в Китае. Он выделил в «истории народа и нации Китая» то, что он назвал «тремя важными верстовыми столбами», «тремя вехами».

Первой такой вехой он назвал создание Коммунистической партии Китая, которое произошло в 1921 г., с этого начинается отсчет подлинной истории и нынешнего Китая.

Второй такой вехой Си Цзиньпин назвал «основание Китайской Народной Республики» в 1949 г. Итак, сначала возникла Партия. Партия в итоге своей почти 30-летней, главным образом вооруженной, борьбы создала свое государство — КНР.

Наконец, третьей вехой Си Цзиньпин назвал соединение «двух в одно», объединение двух понятий: продвижение «реформ и открытости и дела социализма с китайской спецификой». Итак, создание Партии, создание Государства оказываются предысторией, двумя опорами, на которых начато строительство здания, составными частями которого являются «реформы, открытость», самобытный социализм, Китайская Партия, Китайское Государство, Китайский Социализм.

Целью такого исторического движения называется «великое возрождение нации Китая». Отсчет эпохи этого движения предложено вести со времени «после массового антиимпериалистического Движения 4 мая» 1919 г. Так, наряду с такими датами, как 1921 г. и 1949 г. появляется дата — 1919 г. Таким образом, вся новейшая история Китая началась в самом Китае, самими китайцами. Иностранцы никакого существенного участия не принимали. Хотя они имели некоторое отношение к созданию КПК, но это произошло уже спустя два года после начала Движения 4 мая 1919 г. Именно в 1919 г. до появления КПК, народ Китая, начал борьбу против империализма. КПК потом возглавила это Движение. Движение 4 мая 1919 г. должно считать антиимпериалистическим по своему характеру. (Известно, что в эпоху правления Мао Цзэдуна были введены понятия «двух империализмов»: американского империализма и социалистического империализма.) С 1919 г. нация Китая начала борьбу за исправление мирового порядка против всяческого мирового империализма и намерена довести эту борьбу до конца, то есть добиться великого возрождения великой нации Китая.

Далее Си Цзиньпин выделил «десять непоколебимых основ» деятельности. При этом Си Цзиньпин говорил не о тех нескольких годах, когда он находится у власти, а обо всем последнем 40-летии, как об одном периоде.

При изложении Си Цзиньпином первой из упомянутых «десяти непоколебимых основ» у него стоят рядом несовместимые позиции, которые отстаивали разные люди, разные руководители партии. По сути дела, «раскрепощение мышления, основа на реальных фактах, движение в ногу со временем, деловитость и практичность» — это то, чем руководствовались, прежде всего, Ху Яобан и Чжао Цзыян. В то же время «руководящие положения марксизма и основные принципы научного социализма», это фактически отсылка к тому, за что ратовал Дэн Сяопин и другие последователи Мао Цзэдуна, когда они стремились сохранить режим самовластия, режим концентрации власти.

Первая из основ, о которых говорит Си Цзиньпин, это область идеологии. После смерти Мао Цзэдуна руководству партии пришлось учитывать и уроки содеянного Мао Цзэдуном и настроения, возникшие у населения. Поэтому нынешняя идейная основа деятельности КПК составляется из ряда установок, которые появились как стремление доказать людям в Китае, что партия отрицает действия и установки Мао Цзэдуна. Таким образом, первая часть нынешней идеологии, это отрицание политического курса Мао Цзэдуна. Характерно, что здесь не упоминается имя Мао Цзэдуна, не употребляется и термин «идеи Мао Цзэдуна». При этом не упоминаются имена Ху Яобана и Чжао Цзыяна, не упоминается и имя Дэн Сяопина. Идеология оказывается безымянной.

Идеология, которой руководствуется Си Цзиньпин, составлена из двух частей. С одной стороны, для населения Китая предлагается мысль о «великом возрождении великой нации Китая». С другой стороны, идеология правящей партии — о незыблемости «абсолютного руководства» со стороны Коммунистической партии Китая.

Далее Си Цзиньпин от идеологии переходит к политике в сфере экономики. Именно экономика оказывается второй из «непоколебимых основ» нынешнего политического курса КПК, на протяжении всех 40 лет осуществления «политики реформ и открытости» партия утверждала свое главенствующее положение в стране, «ставила на центральное место экономическое строительство», «неустанно освобождала и развивала производительные силы общества».

Третьей по счету «непоколебимой основой» своего курса Си Цзиньпин называет «путь политического развития социализма с китайской спецификой, неустанного реформирования политической системы».

Четвертой «непоколебимой основой» своего политического курса Си Цзиньпин называет «развитие передовой культуры социализма, укрепление строительства духовной цивилизации социализма». Важно иметь в виду, что речь идет не о каком-то абстрактном социализме, а исключительно о китайском социализме, которому принадлежат и своя исключительно китайская «передовая культура», и своя исключительно китайская «духовная цивилизация».

Пятой «непоколебимой основой» Си Цзиньпин называет «обеспечение и улучшение материальных условий людей в процессе развития».

Шестая «непоколебимая основа», о которой говорит Си Цзиньпин, это политика в отношении окружающей среды. За годы, о которых идет речь, в особенности за 1990-е, 2000-е и 2010-е годы перед Китаем встала не терпящая отлагательства задача: сохранить землю, воду и воздух. В результате политики КПК в эти годы под угрозу поставлено само выживание, физическое существование людей в Китае.

Седьмой по счету «непоколебимой основой» политики КПК Си Цзиньпин называет «неизменный» курс на осуществление «абсолютного руководства над армией, неустанное продвижение модернизации обороны и армии». В Уставе КПК особо подчеркивается необходимость «абсолютного руководства» партии над вооруженными силами. Партия пришла к власти над континентальным Китаем в опоре на винтовку. Захватив власть, партия превратила руководящий состав вооруженных сил в основу управления партийно-государственным механизмом. Так, партия, используя свои вооруженные силы, установила контроль над страной, над всеми сторонами функционирования аппарата управления государством.

Восьмой «непоколебимой основой» своего политического курса Си Цзиньпин называет курс на установление своей власти над островом Тайвань. Это именуется «постоянным продвижением великого дела воссоединения Родины» путем «осуществления основного курса: «одна страна — два строя». В начале 2019 г. Си Цзиньпин также говорил о «70-летии отношений между двумя берегами» Тайваньского пролива.

Приходя к власти, Мао Цзэдун выдвинул установку: «*Вомэнь идин яо цзефан Тайвань* — Мы непременно должны освободить Тайвань». В дальнейшем КПК перестала употреблять термин «освобождение» применительно к Тайваню и стала говорить о «воссоединении» нации Китая. Так, вопрос из сферы классовой борьбы, в том числе на международной арене, Мао Цзэдун и его последователи попытались «передвинуть» в сферу «борьбы за интересы нации Китая». В свое время председатель ПК ВСНП маршал Е Цзяньин предложил фактически оставить в стороне вопрос о государствах нации Китая и исходить из стремления налаживать отношения между двумя политическими партиями КПК и ГМД. Затем Дэн Сяопин изменил позицию КПК и ввел установку: «Одно государство — два строя».

В начале 2019 г. Си Цзиньпин, говоря о «70 годах межбереговых отношений», напоминал, что КПК никогда не откажется от применения силы, если сочтет, что Тайвань предпринял шаги по пути к «сепаратизму».

Си Цзиньпин называет еще одной «непоколебимой основой» своего политического курса то, что КПК на протяжении всего периода существования КНР

«неизменно придерживалась независимой, самостоятельной мирной внешней политики».

Наконец, последней по счету оказывается установка на «неизменное сохранение приверженности укреплению и улучшению партийного руководства». Речь идет о вечном положении КПК в качестве партии, находящейся у власти в Китае.

Далее Си Цзиньпин обозначил «три великих (больших) скачка», или три главных, с его точки зрения, достижения нации Китая под руководством КПК. Обращает внимание, что Си Цзиньпин обратился к термину «большой скачок», который в памяти людей в Китае неразрывно связан со временами правления Мао Цзэдуна. Си Цзиньпин выделяет три стадии «великого скачка». Первая стадия — «становление на ноги» при правлении Мао Цзэдуна. Вторая стадия — «скачок к богатству» при правлении Дэн Сяопина. Третья стадия — «скачок к могуществу» при правлении самого Си Цзиньпина. Все три стадии и весь скачок — это то, что происходило с нацией Китая как с единым целым на мировой арене.

Далее Си Цзиньпин переходит к изложению того, что ему представляется «доказательствами» «правильности» осуществляемого политического курса. Доказательством правильности нынешнего политического курса он предлагает считать то, что КПК на протяжении последних 40 лет удавалось «объединять и возглавлять» народы страны, неразрывное единство КПК и китайского народа. Именно благодаря нахождению теории, системы и культуры того, что именуется социализмом с китайской спецификой, КПК удалось объединить и возглавить народы страны, добиться единства партии и народа в современном Китае.

Вторым таким доказательством Си Цзиньпин предлагает видеть то, что многочисленные развивающиеся страны считают опыт Китая, КПК-КНР, успешным и дающим светлые перспективы их собственной модернизации. Си Цзиньпин считает, что Китай успешно идет по пути модернизации, и развивающимся странам следовало бы пойти или идти по тому же «китайскому пути».

Си Цзиньпин заканчивает свою речь изложением девяти установок, которые обеспечат осуществление его политического курса. Речь идет о том, чтобы твердо придерживаться партийного руководства над всей работой, неуклонно укреплять и совершенствовать его. Партия руководит всем — вот главная мысль, которую Си Цзиньпин доносит до населения Китая. Главным инструментом и стержнем режима выступает политическая партия, находящаяся у власти и действующая как партия ленинского типа, то есть как вооруженный отряд единомышленников. Главный вывод — это вывод о недопустимости какого бы то ни было расшатывания положения партии у власти. Тем самым абсолютно исключаются какие бы то ни было политические реформы, какое бы то

ни было отступление от нынешнего политического режима в КНР. Итак, «первая свая» — это партия, Коммунистическая партия Китая: есть Партия — есть Китай, нация Китая, нет Партии — нет Китая, нет Нации Китая.

Второй «сваей» называется «народ». Предлагается ставить народ на центральное место, постоянно осуществлять стремление народа к прекрасной жизни.

Третья «свая» — это необходимость твердо придерживаться руководящего положения марксизма. Постоянно продвигать теоретические инновации на практической основе».

Итак, во-первых, следует сохранять партию и ее господство над существованием и жизнью населения страны. Во-вторых, следует принимать во внимание необходимость обеспечения минимальных условий для жизни народа. В-третьих, нужно сохранять термин марксизм. Сохранять идеологию, в которой марксизм занимает свое место — китаизированный марксизм. Это означает, что идеология КПК-КНР — это их собственная идеология, это одновременно и идеология Партии, и идеология Нации Китая. Итак, марксизм в этом толковании — это часть идеологии современного Китая. Это означает, что КПК оставляет исключительно за собой право на развитие того, что она именует своей теорией марксизма.

Четвертой «сваей» называют продолжение неустанного движения по пути социализма с китайской спецификой. Китай должен постоянно придерживаться и развивать социализм с китайской спецификой.

Пятая «свая» — это совершенствование и развитие системы социализма с китайской спецификой, то есть китайского социализма, социализма в трактовке КПК.

Шестая «свая» — сосредоточение внимания на неустанном развитии Китая, главным в этом развитии оказывается постоянное укрепление комплексной мощи страны.

Седьмая «свая» — это утверждение установки на продолжение политики открытости и на расширение сферы открытости. При этом разъясняется нынешнее толкование открытости. Это постоянное продвижение мысли о совместном строительстве сообщества с единой судьбой. Итак, открытость сегодня это, прежде всего, открытость внешнего мира для Китая.

Восьмая «свая» — этот намерение всегда и постоянно делать все более строгими порядки внутри самой КПК, делать все более строгим и контролируемым внутрипартийное управление КПК. Исторический опыт свидетельствует, что держать под строгим контролем почти 100-миллионную партию не удается. Всегда возникают альтернативы, движения, направления мысли и деятельности тех или иных лидеров, тех или иных частей Партии. В истории партии никогда не существовало абсолютного единства.

Наконец, девятая «свая» — это призыв твердо придерживаться мировоззрения и методов диалектического и исторического материализма, правильно регу-

лировать прочные отношения между реформированием и развитием. Речь Си Цзиньпина заканчивается тем, что в теории и на практике существует неразрешимое противоречие между реформированием, движением по пути реформ и подлинным развитием страны.

Дело в том, что в Китае за последние 40 лет решались проблемы развития в той или иной конкретной области жизни нации. Однако подлинного свободного развития людей, общества в Китае нет, нет свободы, свободы политической, свободы экономической. Можно констатировать, что нынешний политический режим допускает некоторое развитие, но именно он является главным препятствием на пути выхода Китая на поле свободы и демократии и, следовательно, истинного развития нации Китая, Китая как страны и китайцев как народа.

Библиографический список

Си Цзиньпин выступил с важной речью на торжественном собрании по случаю 40-летия реформ и открытости Китая // Жэньминь жибао онлайн. 18.12.2018.

References

Xi Jinping vystupil s vazhnoi rech'yu na torzhestvennom sobranii po sluchayu 40-letia reform i otkrytosti Kitaya. [Xi Jinping addressed a grand gathering to celebrate the 40th anniversary of Chinese reform and opening-up] // Renmin ribao on-line. 18 decabrya 2018 g.

А.Н. Карнеев,
ИСАА МГУ, ИДВ РАН, к.и.н.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В КНР В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. Рассмотрена попытка обобщить некоторые тенденции в области политико-идеологических процессов при переходе от первого пятилетнего срока Си Цзиньпина ко второму. Отмечаются такие особенности этого периода, как установки на «всестороннее углубления реформ», построение «правого государства», решимость противостоять протекционизму, защищать свободу торговли, глобализацию и т. д., и одновременное существование и даже ужесточение ограничительных мер в сферах публичной полемики, свободы слова, Интернета, СМИ, университетских свобод и пр. Провозглашаемое возвращение к фундаментальным партийным ценностям может вовсе не означать усиление каких-то элементов правительственного курса в направлении, благоприятном для левого фланга китайского политического истеблишмента. Рассмотрена проявившая себя в 2018 году довольно заметно тенденция активизации университетских молодежных кружков по изучению марксизма и то, как реагируют на эти проявления власти в центре и на местах. Эта активизация происходит на фоне заметного оживления рабочего движения и разных видов протестной активности в защиту прав граждан. Вряд ли можно прогнозировать, что в среднесрочной перспективе левые и леворадикальные настроения в современном китайском обществе достигнут заметных масштабов, тем не менее нынешняя ситуация свидетельствует о постепенном накоплении в интеллектуальной среде напряжения,

что очень не вовремя, так как власть хотела бы увидеть сплочение всего общества на патриотической основе перед лицом вызовов, связанных с торговой войной.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, «левый поворот», кружки по изучению марксизма, рабочие-мигранты, протестные акции, защита прав граждан, Пекинский университет.

Автор: Карнеев Андрей Ниязович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института стран Азии и Африки (ИСАА МГУ), ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: andrei_karneev@mail.ru

Первый срок нахождения у власти 5-го поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином характеризовался целым рядом решений, заявлений и действий, имевших целью укрепить авторитет и влияние партии в глазах населения, усилить контроль в сфере идеологии, информационной среды, культуры и образования, что нашло емкое отражение в лозунге «вспомнить о первоначальных принципах» (*буван чусинь, лаоцзи шимин*) (不忘初心，牢记使命), отсылающем к базовым принципам и идеям правящей партии. В полемике нескольких последних лет о том, происходит ли в Китае при Си Цзиньпине своего рода «левый поворот», многими наблюдателями отмечалась также такая особенность официальной риторики этого периода, как, с одной стороны — решимость вернуться к ряду основополагающих принципов партийной идеологии, с другой — обещание последовательного и всестороннего «углубления реформ», придания рынку «решающей роли» в распределении ресурсов, построения «государства, управляемого законом», апологии свободной торговли и борьбы с протекционизмом и т. д. Бурные дискуссии наблюдателей пытались прояснить эти явные противоречия в идейно-политическом позиционировании Си Цзиньпина. Одни видели в нем твердого сторонника реформ, Дэн Сяопина 2.0, другие — коммунистического фундаменталиста, представителя «линии Бо Силая без самого Бо Силая».

В 2018 г. идейно-политический ландшафт в Китае в условиях ряда новых вызовов демонстрировал продолжение отмеченных выше тенденций. Помпезное празднование в мае 200-летия со дня рождения К. Маркса и другие мероприятия свидетельствовали о решимости и дальше усиливать контроль партии за наиболее чувствительными с точки зрения общественного восприятия сферами общественной деятельности. Однако до какой степени власти могут крутить колесо государственного управления (в сфере идеологии) в левую сторону, представляется весьма сложным и дискуссионным вопросом.

Когда в октябре 2018 года вице-президент США М.Пенс выступил в Хадсоновском институте с речью, посвященной Китаю, мировые СМИ поспешили объявить это началом «новой холодной войны». В попытках предугадать тенденции дальнейшего развития Китая, а также китайско-американских отноше-

ний множество аналитиков по всему миру обратили свой взор на личностный фактор, а именно, на роль нынешнего китайского лидера, на то, как выразился бывший корреспондент Франс-пресс в Пекине Франсуа Бугон, «что же там находится внутри головы Си Цзиньпина» (Inside the mind of Xi Jinping)[1]. Фокус на фигуре Си Цзиньпина приводит западных аналитиков к пессимистическим оценкам, в духе осуждения «нового авторитаризма Си Цзиньпина». Один из наиболее авторитетных американских синологов (и заодно один из наиболее ярких критиков нынешнего китайского лидера) Д.Шамбо суммирует перемены, произошедшие при Си Цзиньпине, следующим образом: «Си Цзиньпин систематически разрушает многие ключевые элементы реформ Дэн Сяопина, которые были направляющими принципами последние 40 лет: отсутствие культа личности руководителя, коллективное руководство и консенсусное принятие решений, «внутрипартийная демократия» по принципу снизу-вверх, а не диктат сверху, активные механизмы обратной связи от социума к партии-государству, относительная терпимость к интеллектуальной и прочим свободам, ограниченное допущение несогласных, некоторые элементы ограничения партийной власти, фиксированные сроки занятия руководящих должностей, открытость общества и экономики внешнему миру, осторожная внешняя политика. Эти и другие нормы были центральными элементами политики Дэн Сяопина и были продолжены при Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао — но теперь все они систематически демонтируются и разрушаются Си Цзиньпином»[2]. К похожим выводам еще чуть ранее пришел известный китайский деятель демократического движения в эмиграции Ван Дань, выступивший в СМИ с идеей о том, что при Си Цзиньпине в КНР происходит отход от наследия Дэн Сяопина.

Такие шаги властей, как кампания по «перевоспитанию кадров в духе линии масс», закрытие ряда СМИ пролиберальной направленности, пресловутый «документ № 9» («7 вещей, о которых нельзя говорить»), очевидные послабления леворадикальным публицистам и организациям, возрождение ряда практик, уходящих корнями к периоду Мао Цзэдуна, переоценка «культурной революции» и роли Мао — все эти и прочие факты позволили уже к 2015 г. многим наблюдателям сделать вывод о «левом повороте» при нынешнем руководстве в Пекине.

В начале 2015 г. симптоматичной была публикация К.Бакли и Э.Джекобса из «Нью-Йорк Таймс», описывавшая как оправившиеся после коллапса «чунцинского эксперимента» сторонники левых идей перешли в контратаку, атакуют блогеров, правозащитников, преподавателей вузов и журналистов, высказывающих мнения в духе свободомыслия и «универсальных ценностей»[3]. Авторы цитировали одного из лидеров китайских неомаоистов Чжан Хунляна, заявившего в интервью: «Сейчас золотой период для тех, кто считает себя левыми в Китае»[4]. Авторы статьи призывают перестать обманывать себя тех, кто считал

неомаоистскую риторику Си Цзиньпина прикрытием для осуществления «всесторонних реформ» (такая идея, опиравшаяся на феномен «включая левый поворотник, поворачивать направо» (*да цзодэн ван ю чжуань)* (打左灯往右转) при Цзян Цзэмине, обсуждалась применительно к Си).

Однако внимательный анализ идеологической ситуации в Китае показывает, что ведущие представители левого фланга отнюдь не так уж единодушно считают ситуацию выигрышной для себя. В ряде публичных выступлений об этом говорит Чжан Хунлян. Непростые взаимоотношения с властями, а также слишком заметная самоцензура таких изданий, как «Утопия», «Сайт красных песен», «Знамя», «Китайское возрождение» и др., также свидетельствует о том, что мнение о самых радужных перспективах при Си для левых — не более чем иллюзия (сайт «Утопии» несколько раз блокировался, в частности был недоступен для зарубежных пользователей вплоть до начала лета 2018 г.). Симптоматичным стал инцидент с преследованиями со стороны властей членов молодежного неомарксистского (неомаоистского) движения, заметно проявившего себя в последние годы, особенно в кампусах ведущих китайских университетов.

Некоторые представители левого движения считают, что 2018 год, вероятно, войдет в историю как год подъема молодежного левого активизма. Реагируя на растущие социальные проблемы (такие, как всепроникающий консьюмеризм, двойная мораль, духовное опустошение, рост неравенства и т. д.), студенты ведущих университетов обратились, словно приняв за чистую монету лозунги Си Цзиньпина, к марксизму. Появились кружки и группы студентов, самостоятельно, без всяких подсказок или указаний сверху, занявшиеся изучением марксовой теории, которая подвигла их на поиск приложения своего энтузиазма — в лице социально незащищенных слоев китайского общества. Первоначально таковыми оказались представители одной категории трудовых мигрантов — выходцев из сельских районов (农民工), трудящихся в кампусах китайских университетов. Как и представители первого поколения китайских марксистов, нынешние студенты «пошли в народ», занялись обследованиями положения рабочих мигрантов, созданием разного рода просветительских и благотворительных структур в плане решения некоторых бытовых и социальных вопросов этих людей. Они организовывали ночные кинопросмотры, вечеринки, совместное распевание песен популярных в эпоху классического китайского социализма. Некоторые из активисток, например выпускница Пекинского университета Юэ Синь, успели поучаствовать в движении за гендерное равенство, в том числе в китайском варианте движения «me too». Дальше студенты-марксисты обратили внимание на положение рабочих уже промышленных предприятиях приморской полосы. Появился лозунг «соединения движения студентов-марксистов и нарождающегося независимого рабочего движения» на предприятиях в Гундуне, Фуцзяни и других провинциях приморской полосы. Как отмечает издание

«Довэй синьвэнь», именно в 2018 г. зафиксирован большой рост количества разного рода забастовок и коллективных протестов рабочих по всему Китаю[5].

В Шэньчжэне существует компания «Джейсик Технолоджи» (深圳佳士科技公司), производящая электронное сварочное оборудование и автоматические манипуляторы[6]. Именно с конфликтной ситуации вокруг данной компании началась, возможно наиболее заметная в информационном пространстве Китая периода 2017—2019 гг., коллизия идейно-политического плана. По словам рабочих компании «Джейсик», администрация предприятия всячески нарушала права рабочих, включая принуждение к бесплатным сверхурочным работам, штрафы, вычеты из зарплаты и проч. Попытка рабочих создать независимый профсоюз для защиты своих прав закончилась тем, что со стороны городских властей на рабочих обрушились репрессии, избиения и аресты. Применялись и такие нередко встречающиеся в репортажах о ситуации в провинциях Южного Китая методы, как использование членов местных оргпреступных группировок для запугивания рабочих. Однако за рабочих решили заступиться студенты — члены марксистских обществ. Как отмечают наблюдатели, именно в Китае, где на протяжении десятилетий официальная риторика называла рабочий класс гегемоном, дошло до того, что теперь людей физического труда, мигрантов и проч. относят к категории «людей низкого качества» (低端人口). Не менее парадоксально то, что в качестве идейного основания для молодежного активизма выступили идеи Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна, кружки по изучению наследия которых появились в последние годы в нескольких наиболее престижных университетах по всему Китаю.

15 ноября 2017 г. полиция района Сяоговэй в Гуанчжоу ворвалась в аудиторию Гуандунского технологического университета (广东工业大学), арестовав восемь студентов — членов общества чтения (марксистской) литературы. Нескольких студентов объявили в розыск через Интернет. Часть студентов опубликовали в Интернете заявления с протестом против давления властей, это вызвало сильный резонанс по всему Китаю. Имена Чжан Юньфаня, Чжэн Юнмина, Сунь Тинтин и др. стали известны по всему Китаю и за его пределами как «8 молодых людей левых взглядов» (左翼八青年)[7]. В чем можно обвинить молодых людей, романтически увлеченных защитой рабочих, тем более что все это происходит в стране, где у власти находится авангард пролетариата — коммунистическая партия? Не следовало бы властям, наоборот, похвалить энтузиазм молодых людей, ведь все это происходит в момент, когда Си Цзиньпин призывает всех членов КПК «вспомнить об изначальных идеалах партии», и на официальном уровне постоянно говорится о непреходящей ценности марксизма (празднование 200-летия со дня рождения Маркса, интенсивное освещение этой темы в китайских СМИ, демонстрация по центральным каналам документального фильма «Маркс был прав»). Но, как написал один журналист, тут марксизм

столкнулся с «социализмом с китайской спецификой». Студентов обвинили в создании «антипартийной, антиобщественной организации», в собраниях которой обсуждались «чувствительные темы»[8].

В рассуждениях большинства комментаторов проводится мысль о том, что репрессии против юных защитников прав рабочих и мигрантов, скорее всего, инициатива местных властей и местной полиции, которые таким образом пытались заработать очки в борьбе с вредными идеями. Когда читаешь материалы о подробностях действий студентов и полиции, нельзя не подметить некоторые трагикомические детали. Так, в материалах проведших несколько недель под арестом студентов отмечается, что при попытках арестованных петь «Интернационал» полицейские кричали на них: «перестаньте петь реакционные песни».

Инцидент со «студентами-марксистами» вызвал широкий общественный резонанс в Китае и за его пределами. В поддержку арестованных студентов выступили читатели сайта «Утопия», правозащитные группы в Гонконге, зарубежные издания. Под открытом письмом к властям в первые несколько дней поставили подписи свыше 400 человек, в числе которых оказались известные деятели либерального направления — Цянь Лицюнь, Цинь Хуй, Юй Цзяньжун, известные сторонники левых идей — Кун Циндун, Фань Цзинган, студенты, работники ряда НКО, феминистки, представители общественности[9]. Хотя внутри КНР информация об инциденте с «8 молодыми людьми левых убеждений» подвергается цензуре, известно, что данный инцидент способствовал существенной консолидации активистов левого толка[10], известных своей разобщенностью на группы с разной направленностью — от сторонников полной поддержки политики нынешнего руководства до радикалов, призывающих к «пролетарской революции» и «уничтожению нынешнего порядка»[11]. Конкретным проявлением совместных действий левых активистов можно считать создание «Группы общественной поддержки 8 молодых людей левых взглядов» (八青年关注团)[12], так как необходимо было добиться отмены преследования студентов со стороны правоохранительных органов. В более широком плане целью является привлечение общественного внимания и популяризация деятельности марксистко-маоистских кружков и их попыток нащупать варианты установления контактов с зарождающимся в Китае независимым рабочим движением.

Тем не менее, нельзя заключить, что представители левого лагеря достигли успеха в этой истории. Профсоюзную организацию на «Джейсике» создать так и не удалось, десятки рабочих и поддержавших их студентов арестованы или находятся в официальном розыске. Власти усилили меры по контролю и изоляции от основной массы студенческой среды представителей марксистских кружков. В начале 2019 г. полиция организовала показ по каналам телевидения видеосюжетов с «официальными покаяниями» нескольких участников группы 8 молодых людей, заявивших о том, что их деятельность направлялась «зарубежными

враждебными Китаю силами»[13]. В связи с этим часть наблюдателей делает вывод о том, что «борьба» по делу о «8 молодых людях левых взглядов» потерпела поражение[14]. И хотя не все согласны с этим выводом[15], видно, что ситуация для сторонников идей Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна становится по мере усиления официальной риторики о «возвращении к первоначальным ценностям КПК» все более неблагоприятной.

Показательна в связи с этим также история с проведенной по приказу властей «реорганизацией» Общества по изучению марксизма в Пекинском университете (北大马克思主义学会). 26 декабря 2018 г. в день рождения Мао Цзэдуна власти арестовали Цю Чжансюаня — председателя Общества по изучению марксизма Пекинского университета, на следующий день провели реорганизацию Общества, которое после этого сосредоточило свои усилия на изучении идей ... тов. Си Цзиньпина[16]. 32 человека из числа членов Общества были исключены и заменены идеологически проверенными лицами из числа членов КПК. В ответ на это студенты неоднократно устраивали пикеты и сидячие акции протеста под лозунгами несогласия с грубым давлением властей[17]. Напряжение в Пекинском университете продолжается по сей день. Свидетельством тому стало принудительное «исчезновение» 6 студентов-марксистов накануне 100-летия Движения 4 мая[18].

Многие задаются вопросом, почему власти так реагируют, практически не менее жестко, чем по отношению к прозападным либералам, правозащитникам, диссидентам и группам демократической направленности? Ответ заключается, видимо, в том, что на фоне определенного усугубления экономических проблем в стране (снижение темпов роста экономики, сужение каналов экспорта, перспективы полномасштабной торговой войны с США и проч.) существует опасность серьезного роста протестных настроений в среде рабочих-мигрантов именно в регионах, страдающих в первую очередь от перемен в конъюктуре внешней торговли. Как выясняется, инциденты с попытками создания объединений рабочих тех или иных предприятий для коллективной защиты своих экономических прав в последние годы имели место неоднократно. Деятельность же марксистско-маоистских кружков, пытающихся создать союз активистов из среды студентов-марксистов и независимого рабочего движения, и вовсе создает в глазах истеблишмента призрак появления организованной оппозиционной силы, потенциально могущей подорвать социально-политическую стабильность и доминирующее положение партии. Кроме того, сочувственные к судьбе социально незащищенных и обездоленных слоев публикации (а это, прежде всего, рабочие-мигранты, которых в стране насчитывается около 275 млн человек) не могут не вызывать раздражения у властей, вложивших большие усилия в пропаганду в Китае и за границей успехов политики реформ и открытости, «китайской модели», «китайского проекта» и «китайской мечты».

Библиографический список

1. Bougon, Francois. A Chinese Alternative to Democracy? How Xi Jinping Is Positioning China To Be The World's Leading Superpower (Китайская альтернатива демократии? Как Си Цзиньпин ведет Китай к положению доминирующей сверхдержавы мира) // Newsweek. 21.11.2018. URL: https://www.newsweek.com/2018/11/30/xi-jinping-china-president-donald-trump-asia-1227076.html

2. Buckly, Chrisand Jacobs, Andrew. Maoists in China, Given New Life, Attack Dissent (Маоисты в Китае, обретя второе дыхание, нападают на инакомыслие в стране) // New York Times, January 4, 2015. URL: https://www.cc-ds.org/2015/01/new-york-times-assesses-xi-jinping-as-a-turn-to-the-left-in-china/

3. Let the People Themselves Decide Whether We're Guilty (Пусть народ сам решит, виноваты ли мы в чем либо) // Chuang, June 14, 2018. URL: http://chuangcn.org/2018/06/eight-leftists-analysis/

4. Locked-Up for Reading: Young Leftists in China Speak Out (Запершиеся в комнате для чтения: молодые сторонники левых идей выходят в публичное пространство) // The Bullet, January 21, 2018. URL: https://socialistproject.ca/2018/01/lockedup-for-reading-young-leftists-in-china-speakout/

5. Shambaugh, D. Where China Could Be Headed Under Xi Jinping (Куда идет Китай под руководством Си Цзиньпина) // Global Observatory, November 21, 2018.URL: https://theglobalobservatory.org/2018/11/where-china-could-be-headed-under-xi-jinping/

6. Six More Marxist Students Disappear in China on May Day. (Еще шесть студентов-марксистов пропали в Китае накануне 1 мая) // Breitbart. 02.05.2019. URL: https://www.breitbart.com/national-security/2019/05/02/six-more-marxist-students-disappear-china-may-day/?fbclid=IwAR2YduoI3aVu4qHVZsv1xy27PZy2cKCCfdTMyUYw4jp9I_lmfN606Bh1beQ

7. 北大马会学生抗议校方强行空降改组，被北京大学保卫处暴力清场. (Студенты из Общества по изучения марксизма в Пекинском университете протестуют против насильственной реорганизации, управление охраны университета применяет насилие против протестующих). URL:https://jiashigrsyt1.github.io/bdmhkx/

8. 红色中国网工作组致青年马列毛左派积极分子的建议书. (Открытое письмо левым активистам — сторонникам идей марксизма-ленинизма и маоизма от Рабочей группы сайта «Красный Китай») // Хунсэ чжунго ван. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38010

9. 佳士工人和佳士声援团斗争失败的教训必须总结. (Необходимо обобщить урок поражения борьбы рабочих «Джейсика» и Группы поддержки рабочих «Джейсика») // Хунсэ чжунго ван. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38077

10. 佳士声援团骨干真认罪？郑永明集锦. (Неужели основные активисты Группы поддержки «Джейсика» признали свою вину? Заметки о деятельности Чжэн Юнмина) // Босюнь. 27.02.2019. URL: https://www.boxun.com/news/gb/pubvp/2019/02/201902270630.shtml

11. 秋火 (Цю Хо). 沉沦黑夜下的不屈呼喊：谈广工读书会八青年案. (Крик не сдающегося посреди мрака ночи: обсуждая дело 8 молодых людей из Общества чтения [марксистской литературы] Гуандунского технологического университета) // Синь циннянь. 22.01.2018. URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14292&page=6#pid38053

12. 秋火 (Цю Хо). 佳士建会工人抗议警察打压与声援被捕工人事件时间线 (2018 年 3 月至今). (Хронология инцидента вокруг попыток рабочих «Джэйсика» создать профсоюз, протестовать против давления полиции и общественной поддержки арестованным рабочим (с марта 2018 г. по н/в.)). URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14799&extra=page%3D1

13. 中共意识形态破产北大马会曹强制改组：要学习思想. (Идеологическое банкротство КПК. Насильственная реорганизация Общества по изучению марксизма в Пекинском университете: теперь приказано изучать идеи Си Цзиньпина) // Сиван чжи шэн. 29.12.2018. URL: http://www.soundofhope.org/gb/2018/12/29/n2520539.html

14. 深圳佳士工潮反思 中國正在快速邁進公民社會. (Размышляя о судьбе рабочего протестного движения на предприятии «Джейсик» в Шэньчжэне: Китай быстро движется в сторону гражданского общества) // Довэй синьвэнь. 04.09.2018. URL: http://news.dwnews.com/china/big5/news/2018-09-03/60082262_all.html

15. 与红色中国网“座椅”同志的论战 —— 佳士运动还在顽强进行中. (Полемика с товарищами из «Красного Китая», предпочитающих рассуждать, сидя в кресле — движение в защиту рабочих «Джейсика» упорно продолжается...) // Хунсэ чжунго ван. 03.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38064

16. 严元章同志与“八青年关注团”的斗争经验. (Товарищ Янь Юаньчжан и опыт борьбы «Группы общественной поддержки 8 молодых людей левых взглядов») // Хунсэ чжунго ван, 01.01.2019. URL:http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38063

References

1. Bougon, Francois. A Chinese Alternative to Democracy? How Xi Jinping Is Positioning China To Be The World’s Leading Superpower // Newsweek. 21.11.2018. URL: https://www.newsweek.com/2018/11/30/xi-jinping-china-president-donald-trump-asia-1227076.html

2. Buckly, Chrisand Jacobs, Andrew. Maoists in China, Given New Life, Attack Dissent. New York Times, January 4, 2015. URL: https://www.cc-ds.org/2015/01/new-york-times-assesses-xi-jinping-as-a-turn-to-the-left-in-china/

3. Let the People Themselves Decide Whether We’re Guilty // Chuang, June 14, 2018. URL: http://chuangcn.org/2018/06/eight-leftists-analysis/

4. Locked-Up for Reading: Young Leftists in China Speak Out // The Bullet, January 21, 2018. URL: https://socialistproject.ca/2018/01/lockedup-for-reading-young-leftists-in-china-speakout/

5. Shambaugh, David. Where China Could Be Headed Under Xi Jinping // Global Observatory, November 21, 2018. URL: https://theglobalobservatory.org/2018/11/where-china-could-be-headed-under-xi-jinping/.

6. Six More Marxist Students Disappear in China on May Day // Breitbart, 02.05.2019. URL:https://www.breitbart.com/national-security/2019/05/02/six-more-marxist-students-disappear-china-may-day/?fbclid=IwAR2YduoI3aVu4qHVZsv1xy27PZy2cKCCfdTMyUYw4jp9I_lmfN606Bh1beQ

7. 北大马会学生抗议校方强行空降改组，被北京大学保卫处暴力清场. (Students from Peking University Marxist Society protest against compulsory reorganization, University security department use violence against the protesters). URL: https://jiashigrsyt1.github.io/bdmhkx/

8. 红色中国网工作组致青年马列毛左派积极分子的建议书. (An open letter to the leftist activists — supporters of Marxism-Leninism and Mao Zedong thought from the Working group of the «Red China» website) // Hongse zhongguo wang. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38010

9. 红色中国网工作组致青年马列毛左派积极分子的建议书. (It is time to make right conclusions from the lesson of failure of Jasic workers struggle and the Support for Jasic workers group struggle) // Hongse zhongguo wang. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38077

10. 佳士声援团骨干真认罪？郑永明集锦. (Could it be true that the main activists of the Jasic workers support Group have pleaded guilty? ZhengYongmin's life and deeds) // Boxun. 27.02.2019. URL: https://www.boxun.com/news/gb/pubvp/2019/02/201902270630.shtml

11. 秋火 (QiuHuo). 沉沦黑夜下的不屈呼喊：谈广工读书会八青年案. (A cry by a person refusing to surrender in the middle of the dark night: discussing the case of 8 youths from the Guandong Technology Univ. Book-reading Society) // Xin Qingnian. 22.01.2018. URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14292&page=6#pid38053

12. 秋火 (Qiu Huo). 佳士建会工人抗议警察打压与声援被捕工人事件时间线(2018 年 3 月至今). (The construction of the Christie's workers protested against the police's suppression and solidarity with the arrested workers (March 2018)).URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14799&extra=page%3D1

13. 中共意识形态破产北大马会曹强制改组：要学习思想. (CCP's ideological bankruptcy. Peking University Marxist Society's compulsory reorganization: now you should study comrade Xi's thought) // Xiwang zhi sheng. 29.12.2018. URL: http://www.soundofhope.org/gb/2018/12/29/n2520539.html

14. 深圳佳士工潮反思 中國正在快速邁進公民社會. (ReflectinguponthefateofShenzhen-Jasic'sworkersmovement. China is rapidly entering the era of civil society) // Довэй синьвэнь. 04.09.2018. URL:http://news.dwnews.com/china/big5/news/2018-09-03/60082262_all.html

15. 与红色中国网"座椅"同志的论战 —— 佳士运动还在顽强进行中. (Polemics with the colleagues from the "Red China" website, who prefer the armchair approach — The Jasic workers support movement is alive despite all odds) // Hongse zhongguo wang. 03.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38064

16. 严元章同志与"八青年关注团"的斗争经验. (Comrade Yan Yuanzhang and the experience of the struggle by the «Group of support for 8 left-leaning youths») // Hongse zhongguo wang. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38063

Примечания

[1] Bougon, Francois. A Chinese Alternative to Democracy? How Xi Jinping Is Positioning China To Be The World's Leading Superpower // Newsweek. 21.11.2018. URL: https://www.newsweek.com/2018/11/30/xi-jinping-china-president-donald-trump-asia-1227076.html

[2] Shambaugh, David. Where China Could Be Headed Under Xi Jinping // Global Observatory, November 21, 2018. URL: https://theglobalobservatory.org/2018/11/where-china-could-be-headed-under-xi-jinping/

[3] Buckly, Chris and Jacobs, Andrew. Maoists in China, Given New Life, Attack Dissent. New York Times, January 4, 2015. URL: https://www.cc-ds.org/2015/01/new-york-times-assesses-xi-jinping-as-a-turn-to-the-left-in-china/

[4] Там же.

[5] 深圳佳士工潮反思中國正在快速邁進公民社會. (Размышляя о судьбе рабочего протестного движения на предприятии «Джейсик» в Шэньчжэне: Китай быстро движется в сторону гражданского общества) // Довэй синьвэнь, 04.09.2018. URL: http://news.dwnews.com/china/big5/news/2018-09-03/60082262_all.html

[6] Компания является успешным игроком в своем сегменте рынка, в том числе международного, котируется на бирже, в 2017 г. чистая прибыль составила 144 млн юаней, количество сотрудников — 1200 человек (см. 秋火(Цюй Хо). 佳士建会工人抗议警察打压与声援被捕工人事件时间线 (2018 年 3 月至今). (Хронология инцидента вокруг попыток рабочих «Джэйсика» создать профсоюз, протестовать против давления полиции и общественной поддержки арестованным рабочим (с марта 2018 г. по н/в.)). URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14799&extra=page%3D1

[7] Let the People Themselves Decide Whether We're Guilty (Пусть народ сам решит, виноваты ли мы в чем либо). Chuang, June 14, 2018, URL: http://chuangcn.org/2018/06/eight-leftists-analysis/.

[8] Locked-Up for Reading: Young Leftists in China Speak Out (Запершиеся в комнате для чтения: молодые сторонники левых идей выходят в публичное пространство) // The Bullet, January 21, 2018. URL: https://socialistproject.ca/2018/01/lockedup-for-reading-young-leftists-in-china-speakout/. В этой статье приведены также переводы на английский язык открытых писем к общественности Чжан Юньфаня и Сунь Тинтин.

[9] 秋火(Цю Хо). 沉沦黑夜下的不屈呼喊：谈广工读书会八青年案. (Крик не сдающегося посреди мрака ночи: обсуждая дело 8 молодых людей из Общества чтения [марксистской литературы] Гуандунского технологического университета) // Синь циннянь, 22.01.2018. URL: http://www.youth-sparks.com/bbs/viewthread.php?tid=14292&page=6#pid38053

[10] 严元章同志与"八青年关注团"的斗争经验. (Товарищ Янь Юаньчжан и опыт борьбы «Группы общественной поддержки 8 молодых людей левых взглядов») // Хунсэ чжунгован, 01.01.2019. URL:http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38063

[11] 红色中国网工作组致青年马列毛左派积极分子的建议书. (Открытое письмо левым активистам — сторонникам идей марксизма—ленинизма и маоизма от Рабочей группы сайта «Красный Китай») // Хунсэ чжунго ван. 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38010

[12] «Группа общественной поддержки» создала, находящийся, видимо, на зарубежных платформах сайт (https://jiashigrsyt1.github.io/archive/), содержащий большое количество материалов о событиях вокруг «дела 8 молодых людей левых взглядов», а также о других случаях преследований сторонников левых взглядов в кампусах университетов.

[13] 佳士声援团骨干真认罪？郑永明集锦. (Неужели основные активисты Группы поддержки «Джейсика» признали свою вину? Заметки о деятельности Чжэн Юнмина) // Босюнь, 27.02.2019. URL: https://www.boxun.com/news/gb/pubvp/2019/02/201902270630.shtml

[14] 佳士工人和佳士声援团斗争失败的教训必须总结. (Необходимо обобщить урок поражения борьбы рабочих «Джейсика» и Группы поддержки рабочих «Джейсика») // Хунсэ чжунгован, 01.01.2019. URL: http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38077

[15] 与红色中国网“座椅”同志的论战——佳士运动还在顽强进行中. (Полемика с товарищами из «Красного Китая», предпочитающих рассуждать, сидя в кресле — движение в защиту рабочих «Джейсика» упорно продолжается...) // Хунсэ чжунго ван, 03.01.2019. URL:http://redchinacn.net/portal.php?mod=view&aid=38064

[16] 中共意识形态破产北大马会曹强制改组：要学习思想. (Идеологическое банкротство КПК. Насильственная реорганизация Общества по изучению марксизма в Пекинском университете: теперь приказано изучать идеи Си Цзиньпина) // Сиван чжи шэн, 29.12.2018. URL:http://www.soundofhope.org/gb/2018/12/29/n2520539.html

[17] 北大马会学生抗议校方强行空降改组，被北京大学保卫处暴力清场. (Студенты из Общества по изучения марксизма в Пекинском университете протестуют против насильственной реорганизации, управление охраны университета применяет насилие против протестующих). URL:https://jiashigrsyt1.github.io/bdmhkx/

[18] Six More Marxist Students Disappear in China on May Day (Еще шесть студентов-марксистов пропали в Китае накануне 1 мая) // Breitbart. 02.05.2019. URL: https://www.breitbart.com/national-security/2019/05/02/six-more-marxist-students-disappear-china-may-day/?fbclid=IwAR2YduoI3aVu4qHVZsv1xy27PZy2cKCCfdTMyUYw4jp9I_lmfN606Bh1beQ

Л.А. Афонина,
ИДВ РАН, к.и.н.

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКИ «КИТАИЗАЦИИ РЕЛИГИЙ»

Аннотация. При Си Цзиньпине политика в отношении религиозной сферы проводится под лозунгом «китаизации религий». Эта идея не является новой для КНР, она стала новым шагом в развитии концепции «трёх самостоятельностей», зародившейся в 1950-е годы, когда от религиозных общин потребовали разорвать связи с иностранными религиозными центрами, обрести финансовую автономность и самостоятельность в вопросах управления и проповеди. В настоящее время власти КНР работают над задачей «китаизации» действующих на территории страны религий. Коммунистическая партия Китая сегодня уже не пытается искоренить религии из общественной жизни, как это происходило в 1960-е годы, однако стремится снизить степень идеологического влияния религий, поэтому ведется борьба с религией в чистом виде, создается её гибридная форма. Проводится поступательная работа по сведению религиозности в обществе к минимуму, а религиозные каноны и обряды призываются к постепенному реформированию.

Китаизация религий — это адаптация религий к социализму и обретению «китайской специфики», корректирование богословия, архитектурных традиций отдельных религий, форм организации церковной жизни для приведения к понятному и безопасному с точки зрения правящего режима формату. Адаптированный и отредактированный перевод священных книг, курируемый со стороны партийных органов, толкование вероучений исходя из требований власти создаст принципиально новые религиозные течения, по форме напоминающие мировые религии, но по содержанию способные превратиться в ереси, удобные и идеологически безопасные для власти. Проект китаизации религий — это обеспечение сотрудничества религиозных общин с КПК, поддержка и безоговорочное одобрение её политики, идеологии и мировоззренческих ценностей.

Ключевые слова: китаизация религий, религиозная политика, Государственное управление КНР по делам религий, Единый фронт, Си Цзиньпин, административная реформа, Положение о религиозной деятельности, Ван Цзоань.

Автор: Афонина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, ИДВ РАН. E-mail: liubov.afonina@gmail.com.

С приходом к власти Си Цзиньпина политическое регулирование религиозной сферы стало осуществляться под лозунгом «китаизации религий». Эта концепция не является новой для КНР. Она стала развитием последовательно применяемых ранее теорий, выстраиваемых на базе идей движения за «три самостоятельности», возникших после образования КНР в 1950-е годы. Тогда от религиозных общин потребовали разорвать связи с иностранными религиозными центрами, обрести финансовую автономность и самостоятельность в вопросах управления и проповеди, а также были сформированы патриотические религиозные объединения, призванные содействовать осуществлению политики партии в отношении общин верующих.

В те годы один из инициаторов движения за религиозное обновление протестантский пастырь У Яоцзун говорил о том, что китайцы должны отказаться от западного богословия и иностранных традиций в церкви, построить подходящие для Китая системы догм и обрядов, создать собственную систему богословия.

К началу 1990-х годов эти идеи нашли свое продолжение в теории «взаимного соответствия религий и социалистического общества». Цзян Цзэминь объяснял, что «соответствие не предполагает верующих отрекаться от веры, но подразумевает любовь к Родине, поддержку социалистического строя и руководства компартии, а также изменение не соответствующих социалистическому строю религиозных систем и догм, использование позитивных факторов вероучений для служения социалистическому строю»[1].

В период правления Ху Цзиньтао управление религиозной сферой осуществлялось под лозунгом достижения гармонии — между государством и религией, между верующими и неверующими, между религией и обществом, гармонии межконфессиональных отношений, внешних связей религиозных организаций, внутрирелигиозной гармонии.

Сегодняшний председатель КНР Си Цзиньпин в мае 2015 г. на Рабочем совещании ЦК по делам Единого фронта заявил, что активное приведение к взаимному соответствию религий и социалистического общества возможно лишь посредством китаизации религий[2].

«Китаизация религий» является частью проекта по реализации «китайской мечты». Одним из первых инициаторов обсуждения темы китаизации стал член ПК ВСНП, директор Китайского общества религиоведения, дирек-

тор Института мировых религий КАОН Чжо Синьпин. Уже в ноябре 2013 г. на международной конференции «Христианство и построение гармоничного общества», организованной совместно КАОН и Пекинской протестантской семинарией, Чжо Синьпин акцентировал важность «китаизации». В марте 2015 г. он указал на три базовых элемента китаизации религий: 1) признание религиозными организациями политики КПК; 2) соответствие религий китайскому обществу; 3) отражение в религиях китайской культуры[3]. Признание политики КПК религиозными организациями означает принятие ими действующей политической системы и социалистического строя, отсутствие политического сотрудничества с иностранными организациями. Соответствие социалистическому обществу предполагает активное участие религиозных организаций в общественно-политической жизни страны и исключает их отстранённость от общественных проблем. При этом религиозные доктрины и воззрения должны быть пересмотрены с учётом контекста китайской специфики, внешние религиозные проявления должны совмещать в себе религиозную культуру и многовековую китайскую культуру.

Таким образом, «китаизация религий» есть не что иное, как адаптация религий под требования идеологии КПК и политической системы, отказ от несовместимых с идеологией действующей власти религиозных воззрений и от форм религиозных проявлений, вступающих в конфликт с современной культурно-общественной средой.

На Всекитайском совещании по религиозной работе 22—23 апреля 2016 г. Си Цзиньпин высказался о необходимости при сохранении основных постулатов религий и порядка служения истолковывать вероучения исходя из потребностей прогрессивного развития Китая и в соответствии с китайскими традициями. Китайские национальные религиозные объединения стали инструментом реализации проекта китаизации.

Китайская католическая патриотическая ассоциация и Епископская конференция католической церкви Китая совместно разработали 5-летний рабочий план развития китаизации католицизма (2018—2022 гг.). В нём содержатся указания создавать китайские католические богословские идеи, сформировать теоретическую основу китаизации католицизма, изыскивать общие места в католической вере и китайской традиционной философии, проводить на регулярной основе богословские конференции, посвященные китаизации католицизма. План подразумевает обучение в католических семинариях специалистов, способных проповедовать Евангелие через призму китайской культуры, истолковывать религиозные догматы с учётом тенденций развития страны и традиционной культуры Китая. Храмовые здания, церковная живопись и музыка теперь должны быть переориентированы в сторону китайских традиций в искусстве. В богослужении предлагается адаптировать церковные обряды под китайскую

специфику, созвать специалистов для разработки плана китаизации обрядовой стороны, а в регионах компактного проживания национальных меньшинств уделять внимание местным традиционным ритуалам[4].

Аналогичный 5-тилетний рабочий план по китаизации протестантизма (2018—2022 гг.) был разработан Китайским христианским советом и Комитетом китайского протестантского патриотического движения «за три самостоятельности». Он включает в себя задачи выявления в Священном Писании идей, близких базисным социалистическим ценностям, подготовки кадров для работы над новым переводом Библии и редактирования толкований. Богослужение, церковное пение, облачения служителей, архитектура храмов отныне должны содержать элементы китайской культуры. В документе сказано, что такие формы проявления китайской культуры, как живопись гохуа, каллиграфия, гравировка печатей чжуань, вырезание узоров из бумаги, могут стать формой выражения христианской веры; содержится и указание на создание храмов с архитектурными элементами китайской традиции[5].

Рабочий план по китаизации сроком на 5 лет был принят и Китайской исламской ассоциацией. В нём говорится об обучении в мечетях ключевым ценностным представлениям социализма, внедрении в мечети китайской традиционной культуры, применении «Программы обучения мусульманского патриотизма». Акцентируется, что в мусульманских обрядах и культуре, религиозных строениях должны проявляться китайская специфика и китайский стиль, а проповедь в мечетях исходить из позиций предотвращения религиозного экстремизма и борьбы с ересями в толковании Корана. Глава Китайской исламской ассоциации Ян Фамин неоднократно подчеркивал важность китаизации для ислама: «китайский ислам должен активно участвовать в модернизации социализма»[6].

Несмотря на то, что политика китаизации религий адресована в первую очередь христианству и исламу, в риторике представителей власти и религиозных деятелей фигурируют также понятия китаизации буддизма и даже китаизации даосизма. По этой проблематике издаются инструкции и статьи, проводятся конференции.

В июле 2017 г. на мероприятии, посвященном 60-летию Китайской даосской ассоциации, председатель ВК НПКСК Юй Чжэншэн высказал пожелание, чтобы даосы толковали своё учение с учетом современного развития Китая, тем самым углубляли китаизацию даосизма. От даосов потребовали построение современной системы религиозной доктрины, которая могла бы в большей мере служить современному обществу. Китайские чиновники полагают, что в традиционных для даосов системе ритуалов и монашеских обетах существуют аспекты, идущие в разрыв с религиозной политикой и современной жизнью, и которые требуется упразднить. Предполагается создание единой унифицированной системы обетов, стандартизация правил проведения обрядов и ритуальной оде-

жды, а также создание современной модели управления даосскими организациями (объединениями, учебными заведениями, монастырями), что определяется ключевым фактором в достижении китаизации[7]. В отношении даосов прозвучал призыв сконцентрироваться на служении людям, распространяя знания о даосской медицине, оздоровительных гимнастиках и боевых искусствах, об охране окружающей среды, оказывая моральную поддержку и организовывая мероприятия социальной благотворительности.

Член ВК НПКСК и глава Китайской буддийской ассоциации мастер дхармы Сюэ Чэн 7 марта 2018 г. в интервью заявил: «Религии должны выйти за рамки строгих ограничений традиции для достижения целей осовременивания и китаизации»[8]. Он неоднократно утверждал, что китайским религиям следует активно изучать веяния современной культуры и с их учётом пересматривать собственные традиции, органично увязывать догматы, обряды, способы проповеди с современными идеями и культурой, системами управления, средствами информации. С его точки зрения, «религии должны снять с себя оковы формальностей, открыться навстречу китайскому современному обществу, стать новой жизненной силой эпохи социализма с китайской спецификой»[9].

В качестве примеров движения в сторону китаизации в буддизме Сюэ Чэн приводил современное толкование канонических книг, стартовавшую работу по редактированию тибетского канона на китайском языке и указал на важность соединения возможностей Интернета и искусственного интеллекта с буддийской культурой, в качестве примера приводил распространение мультфильмов о буддизме в жанре аниме.

Китаизация тибетского буддизма проявляется в основном в разрыве связей с Далай-ламой XIV и в снижении его авторитета среди монахов и жителей Тибета, а также в проведении в монастырях обучения в духе патриотизма и социализма.

В рамках административной реформы органов власти на 3-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (26—28 февраля 2018 г.) было принято решение об упразднении Государственного управления КНР по делам религий как органа прямого подчинения Госсовету. Управление вошло в состав Отдела Единого фронта ЦК КПК, превратившись из органа исполнительной власти в часть партийного аппарата. Для внешнего использования новое подразделение Отдела Единого фронта ЦК сохранило свое прежнее название — Государственное управление КНР по делам религий. Это слияние отразило усиление роли партии в деле контроля над религиозной сферой. Начальник Управления Ван Цзоань стал одним из десяти заместителей заведующего Отделом Единого фронта ЦК КПК.

С 1 февраля 2018 г. действует новое «Положение о религиозной деятельности». Ван Цзоань связал принятие документа с изменением ситуации внутри страны и за рубежом. Он перечислил вызывающие наибольшую обеспокоенность власти проблемы: использование иностранцами религиозного фактора для

вмешательства во внутренние дела Китая, распространение идей религиозного экстремизма, необходимость контроля над материалами религиозного содержания в Интернете, неконтролируемая государственными и партийными структурами религиозная активность. По мнению Ван Цзоаня, новое «Положение о религиозной деятельности» будет способствовать процессу адаптации религиозных верований к особенностям китайского социалистического государства.

Председатель КНР неоднократно акцентировал важность внесения религиозного вопроса в повестку работы всех государственных и партийных органов власти. На фоне этих заявлений руководителя страны в «Положении о религиозной деятельности» появилось указание, что в религиозную работу должны включаться парткомы на низовом уровне. Об этом упоминалось ранее в «Положении о работе Единого фронта КПК», принятом ЦК КПК в мае 2015 г.[10] Чиновников на местах призывают более пристально следить за деятельностью общин верующих людей, в первую очередь, не имеющих официальной регистрации.

Ведущую роль в работе по мониторингу религиозной сферы призван сыграть Отдел Единого фронта ЦК КПК. С сентября 2018 г. сотрудниками Отдела проводится инспекторская работа в отношении религиозной сферы в масштабах страны. Перед провинциальными и муниципальными властями была поставлена задача выявить проблемы в реализации политики центрального правительства и доложить о ситуации в отделы Единого фронта. Среди основных аспектов проверки выделяются религиозная пропаганда в Интернете, работа с неофициальными общинами, борьба с иностранными протестантскими миссионерами, препятствие проповеди в учебных заведениях[11].

Вскоре после того, как Си Цзиньпин пришел к власти, стартовала кампания по демонтажу крестов со зданий христианских храмов в наиболее христианизированных провинциях страны, в первую очередь в Чжэцзяне. Сегодня эта кампания получила новое развитие. Национальные религиозные объединения КНР в июле 2018 г. издали совместный призыв водрузить национальные флаги над всеми религиозными объектами в стране, а также проводить церемонии поднятия флага под исполнение государственного гимна в дни государственных и религиозных праздников. Первая церемония поднятия флага состоялась в буддийском монастыре Шаолинь 27 августа 2018 г.[12] С этого времени все религиозные объекты страны были вынуждены установить флагшток и даже вешать портреты Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина внутри храмов, в том числе нередко и в алтарной части.

Эти нововведения являются реализацией кампании «четыре входа» (四进), в рамках которой не только флаг, но и законы страны, базовые социалистические ценности, традиционная китайская культура должны войти в каждый религиозный объект. Базовые социалистические ценности и выдержки из законодательных актов теперь публикуются на информационных стендах во всех храмовых комплексах, устраиваются соответствующие обучающие программы для

служителей культа и верующих. В отдельных регионах перед молитвенными собраниями представители партийной власти знакомят верующих с базовыми идеями религиозной политики страны.

В период правления Ху Цзиньтао общины «неофициальных церквей» в большинстве случаев могли открыто собираться для молитвы с ведома местных властей. При Си Цзиньпине предпринимается попытка вытеснить незарегистрированные общины из религиозного поля.

С вступлением в силу «Положения о религиозной деятельности» в феврале 2018 г. применяется новый способ борьбы с незарегистрированными общинами. В городах существуют многоэтажные здания, специализирующиеся на аренде помещений для молитвенных собраний религиозных групп. Власти стали оказывать давление на арендодателей таких помещений. Согласно «Положению о религиозной деятельности» им придется столкнуться со штрафами в размере от 20 тыс. до 200 тыс. юаней (ст. 71). Лишение общин помещений станет ударом, направленным на подрыв базы их существования[13].

В пров. Хэнань в последний год наблюдались разгоны неофициальных католических общин, изъятие церковного имущества, задержания католических активистов. В католических СМИ сообщается, что в ряде диоцезов провинции настоятелей храмов обязали собирать сведения о прихожанах и подавать их в партийные органы[14].

Представители деревенских комитетов провинции стали посещать дома христиан, где принуждали пожилых католиков подписывать заявления о том, что они более не являются последователями христианства, угрожая лишением пенсий и пособий в случае отказа, иконы и христианские книги они обменивали на портреты председателя КНР Си Цзиньпина[15].

Публиковалась информация о том, что в уезде Пинюань городского округа Аньян пров. Хэнань партком потребовал от всех верующих зарегистрировать свою религиозную принадлежность с указанием места принятия веры. В заполняемой анкете им предложили указать сведения и о вероисповедании членов семьи[16]. В Аньяне в июне 2018 г. при помощи спецтехники было разрушено место паломничества католиков — путь крестных страданий Христа, сооруженное в начале XX столетия[17].

Борьба с нелегальными христианскими церквями активно развернулась и в других регионах страны. 23 июля 2018 г. 34 пастыря подпольных церквей Пекина направили открытое письмо правительству, в котором выражали озабоченность в связи с усилившимся давлением в отношении христиан с момента принятия «Положения о религиозной деятельности»[18].

30 августа 2018 г. подпольная христианская община из пров. Сычуань опубликовала в Интернете открытое письмо, которое было поддержано подписями 279 пастырей протестантских общин со всей страны. В письме критикуются репрес-

сивные действия властей, выражается нежелание ни при каких обстоятельствах становиться подконтрольными патриотическим религиозным объединениям[19].

Местные партийный власти в отдельных частях страны стали проверять проповедуемые материалы на предмет их соответствия идеям «китаизации». Читаемые в храмах и мечетях проповеди высылаются служителями культа ответственным партработникам заблаговременно, а в некоторых случаях и пишутся непосредственно чиновниками. Так, в марте 2019 г. священник официально зарегистрированной церкви в г. Шанцю пров. Хэнань при согласовании текста своей проповеди для воскресного богослужения получил ответ, что «китаизация» предполагает принятие идеологии партии, как следствие проповедник не может говорить о сотворении мира Богом, но должен разъяснять появление сущего исходя из теории эволюции[20]. Служители культа не могут критиковать аборты, должны с точки зрения почитания старших в семье объяснять и поощрять поклонение умершим предкам и возжигание перед их портретами благовоний.

Акцент на китайских традициях в риторике чиновников совершенно не означает, что не происходит ломка религиозных традиций, непосредственно китайских, глубоко укоренившихся в народной практике. Как пример, можно привести, что во многих крупных городах Китая при посещении кладбищ стали запрещать использовать хлопушки, возжигать курительные свечи, сжигать жертвенную бумагу. Все эти запреты сопровождаются плакатными призывами «сломать отжившие привычки, изменить дурные нравы и обычаи, создать новый цивилизованный порядок захоронений и посещения могил, противостоять феодальным суевериям».

В последние годы власти озадачились контролем над проповедью в Интернете. Си Цзиньпин в апреле 2016 г. на Всекитайском собрании по религиозной работе заострил внимание на вопросе присутствия религий в сети Интернет. В текущей версии «Положения о религиозной деятельности» появились статьи, затрагивающие и миссионерскую деятельность в сети. Теперь публикации религиозного содержания в сети Интернет без получения одобрения со стороны отдела по делам религий народного правительства уровня провинции и выше считаются незаконными.

В сентябре 2018 г. был опубликован проект документа «Меры по регулированию информационных сервисов о религии в Интернете», согласно тексту которого религиозной проповедью могут заниматься только признаваемые властью религиозные структуры. Иностранцам запрещаются публикации в китайском сегменте Интернета на религиозную тематику, несанкционированная продажа и распространение религиозной атрибутики и книг через Интернет, публикации, побуждающие несовершеннолетних к участию в религиозной деятельности. Ограничения в этом направлении заметны уже сейчас. Например, на китайские видео сервера с обычного пользовательского аккаунта за редкими исключениями стало невозможно загрузить видеоролики религиозного содержания.

В СМИ все чаще появляется информация о принудительной установке органами общественной безопасности камер с функцией распознавания лиц внутри китайских храмов и мечетей[21]. Помимо заявленных функций безопасности камеры могут служить и другим целям. С их помощью можно отслеживать посещение храмов гражданами, время пребывания, покупку духовной литературы и прочие аспекты их духовной жизни. Не исключено, что эти данные могут быть учтены и в системе цифрового социального рейтинга граждан.

В апреле 2018 г. была официально запрещена и закрыта самая крупная неофициальная протестантская община в Пекине — церковь Сион. Поводом для закрытия послужило то, что руководители общины отказались от установки в молельном зале камер с системой распознавания лиц[22].

В «Положении о религиозной деятельности» особо утверждается, что в светских учебных заведениях должна пресекаться любая форма религиозной активности. Еще в 2014 г. ЦК КПК был принят документ «Мнения об укреплении и совершенствовании системы ответственности директоров учебных заведений под контролем парткомов», призывавший к усилению идеологического контроля в сфере образования. На этом основании парткомы вузов на протяжении последних лет повсеместно издают документы, запрещающие проповедь среди студентов и проведение молитвенных или проповеднических мероприятий в учебных заведениях[23].

На практике эти распоряжения приводят к тому, что преподавателям и студентам в мусульманских районах Китая запрещается посещать мечети и соблюдать Рамадан. Неизменно ведется борьба с христианизацией, запрещается празднование Рождества студентами под предлогом предотвращения замещения традиционных праздников западными, запрет нередко сопровождается угрозами исключения из учебного заведения[24]. Учащаются случаи запрета на допуск детей и подростков в храмы и мечети в разных регионах страны с появлением соответствующих инструкций перед входами в здания. В районах массового распространения христианства стали закрывать воскресные школы.

В большинстве регионов страны эти запреты носят характер внутренних инструкций, а в пров. Хэнань Католическая патриотическая ассоциация официально запретила посещение подростками храмов и обучение в воскресных школах[25]. Несмотря на борьбу с неофициальным пластом религиозной сферы, эти меры привели к обратному эффекту — верующие стали собираться для совершения богослужений по домам, чтобы их дети могли принимать участие в молитве и таинствах.

Американская неправительственная некоммерческая организация China Aid опубликовала в Интернете фотографию письменного обращения администрации школы к родителям школьников уезда Танхэ пров. Хэнань от 2 сентября 2018 г. В нем сказано, что «позволять подросткам быть верующим и участвовать в ре-

лигиозных мероприятиях незаконно» и «как школы, так и родители ответственны за обучение детей в духе атеизма». Письмо содержало место для подписи для родителей и учеников в подтверждение того, что они ознакомились с инструкцией[26].

В средних школах Лхасы школьникам по окончании 2017—2018 гг. учебного года раздали правила поведения во время летних каникул, в которых запрещалось посещать храмы и монастыри. Похожая ситуация наблюдается и в городском уезде Линьшя Линьшя-Хуэйского автономного округа пров. Ганьсу (который считается китайской Меккой из-за обилия мечетей), где детям до 16 лет запретили посещать мечети[27].

У китайских протестантов и многих псевдохристианских организаций за последние два десятилетия стало традицией проведение молитвенных собраний и религиозных конференций в Гонконге, на Тайване, в Тайланде, Сингапуре. Теперь у чиновников появляется формальный повод препятствовать подобным выездам. Положение о религиозной деятельности 2018 г. запрещает организацию выезда граждан за рубеж для участия в религиозных мероприятиях любыми группами лиц, не имеющих официального статуса религиозной организации (ст. 41).

Ранее власти в разных регионах практиковали задержания в аэропорту или конфискацию паспортов у верующих перед поездками за границу с религиозными мотивами. Так, в августе 2014 г. китайские католики, направлявшиеся в Сеул для участия в богослужении, возглавляемом Папой Франциском I, были задержаны властями при пересечении границы[28]. С конфискацией паспортов и беседами с представителями органов безопасности сталкивались и некоторые православные верующие в середине 2000-х годов при попытках поехать в Россию с целью получения духовного образования.

Активизирована борьба с иностранными миссионерами на территории Китая, особенно это касается многочисленных протестантских корейских проповедников. Больше тысячи корейцев были депортированы из Китая за религиозную проповедь за период с 2013 по 2018 г.[29]

В ноябре 2018 г. в Сиане состоялась конференция, посвященная китаизации религиозных строений. Директор Китайской ассоциации религиозных исследований Чжо Синьпин представил список 50 религиозных объектов, которые могут быть образцами храмовых зданий в китайском стиле. Официальный представитель местного протестантского комитета «за три самостоятельности» Кань Баопин в статье «Изучение вопросов китаизации протестантских религиозных строений в Китае»[30] отметил, что храмы в готическом стиле являются «напоминанием о колониальном периоде». Демонтаж крестов с храмовых строений также нередко объясняется китайскими исследователями как борьба с западными традициями в церкви.

В Нинся-Хуэйском автономном районе стал внедряться запрет на арабскую символику — демонтируются зеленые луковичные купола со светских зданий и мечетей, сносятся минареты в арабском стиле. Были запрещены призывы муэдзинов на молитву под предлогом борьбы с шумовым загрязнением[31].

С ростом экономического развития страны в религиозной сфере перед властями возникают новые вызовы, на которые требует своевременно находить ответ. Были приняты «Правила утверждения и регулирования временных мест религиозной деятельности». Цель появления нового документа — регулировать ту часть неформальной религиозной активности, которая является неминуемым следствием миграции и урбанизации, например, неформальные молельные дома мусульманских рабочих мигрантов в окрестностях Шанхая, где нет зарегистрированных мечетей.

В соответствии с текстом нового Положения, для предоставления временных мест для молитвы и религиозных обрядов представитель группы верующих может обратиться с заявкой в отдел по делам религий местного уровня, который после консультации с религиозным объединением и волостным правительством может определить временное место для молитвенных собраний (ст.35).

Власти надеются посредством давления и пропагандистской работы определить часть незарегистрированных общин под управление религиозных объединений со статусом «временных мест религиозной деятельности». Еще до принятия документа участилась практика проведения доверительных бесед представителей органов безопасности и отделов по делам религий с лидерами неофициальных общин, на которых им рекомендуется подать ходатайство на регистрацию. Однако вряд ли подобные меры позволят решить более чем полувековую проблему параллельного существования курируемых государством и неофициальных общин.

В реализации политики «китаизации религий» продолжают применяться существовавшие на протяжении десятилетий методы, направленные на сдерживание или подавление новых или численно малых религиозных групп и изменение под нужды партии широко представленных в Китае религий.

КПК сегодня уже не стремится искоренить религии из общественной жизни, как это происходило в 1960-е гг., однако перед руководством стоит задача снизить степень исходящей от религий идеологической угрозы, поэтому ведется борьба с религией в чистом виде, создается её гибридная форма. Сегодня власти не преследуют религиозные собрания как в период «культурной революции», позволяют верующим собираться для молитвы. Однако адаптированный и отредактированный перевод священных книг, курируемый со стороны партийных органов, толкование вероучений исходя из требований власти создадут принципиально новые религиозные течения, по форме напоминающие мировые религии, но по содержанию способные превратиться в ереси, удобные и идеологически безопасные для власти.

Властями страны ставится задача «китаизации» действующих на территории страны религий, проводится работа по сведению религиозности общества к минимуму, а религиозные каноны и обычаи призываются к добровольному и постепенному реформированию. Лозунги, призывающие к адаптации религий к социализму, обретению «китайской специфики», направлены на их постепенное изменение до приведения к необходимому власти формату.

Китаизация религий — это корректирование богословия, архитектурных традиций отдельных религий, форм организации церковной жизни для приведения к понятному и безопасному с точки зрения правящего режима формату с целью обеспечения сотрудничества религиозных общин с КПК, поддержки и безоговорочного одобрения её политики, идеологии и мировоззренческих ценностей.

Библиографический список

1. *Афонина Л.А.* «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5.

2. 阚保平 (Кань Баопин). 关于中国基督教教堂建筑中国化问题的探讨. (Обсуждение вопроса китаизации христианских строений в Китае) // Тяньфэн. 2014. № 7.

3. Половина китайской делегации, направлявшейся на встречу с Папой Франциском в Сеул, пропала — предположительно, по причине арестов // Портал Кредо. 14.08.2014. URL: https://credo.press/154385/ (дата обращения: 19.05.2019).

4. Пятилетний рабочий план развития китаизации католицизма (2018—2022 гг.). URL: http://www.tianzhujiao.store/other/2018-08-10/65043.html (дата обращения: 19.05.2019).

5. Пятилетний рабочий план развития китаизации протестантизма (2018—2022 гг.). URL: http://www.ccctspm.org/cppccinfo/10283 (дата обращения: 19.05.2019).

6. 习近平在全国宗教工作会议上发表重要讲话. (Важная речь Си Цзиньпина на Всекитайском совещании по религиозной работе). URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm (дата обращения: 19.05.2019).

7. 新时期宗教文献选编. (Избранные документы по религиозной работе в новом периоде) / под ред. УДР при Госсовете. Пекин, 1995.

8. 要把新疆高校建设成为反分裂反渗透的坚强阵地. (Нужно университеты Синьцзяна сделать сильными боевыми позициями антисепаратизма и антипроникновения) // Синьцзян жибао. 26.11.2013.

9. 学诚法师: 努力开创佛教中国化的新境界. (Мастер Сюэ Чэн: усердно создавать новые границы китаизации буддизма). URL: http://www.fjnet.com/yw/ywnr/201804/t20180411_254363.htm (дата обращения: 19.05.2019).

10. 张凤林： 在坚持道教中国化方向座谈会上的发言. (Чжан Фэнлинь: выступление на конференции, посвященной китаизации даосизма). URL: http://www.taoist.org.cn/showInfoContent.do?id=305&p=%27p%27 (дата обращения: 19.05.2019).

11. 卓新平 (Чжо Синьпин). 基督教中国化的三要素. (Три элемента китаизации христианства) // Фуинь шибао. 24.03.2015.

12. 中国共产党统一战线工作条例. (Положение о работе Единого фронта КПК). URL: http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html (дата обращения: 19.05.2019).

13. 杨发明: 坚持我国伊斯兰教中国化方向. (Ян Фамин: придерживаемся направления китаизации ислама в Китае). // Синьхуа. 10.03.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/10/c_1122518319.htm (дата обращения: 19.05.2018).

14. China outlaws large underground Protestant church in Beijing (Китай объявляет вне закона крупную протестантскую общину в Пекине) // Reuters. 10.09.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-religion/china-outlaws-large-underground-protestant-church-in-beijing-idUSKCN1LQ07W (дата обращения: 19.05.2019).

15. Chinese officials remove Islamic domes and motifs (Китайские власти удаляют исламские купола и орнаменты) // UCAN. 27.03.2018. URL: https://www.ucanews.com/news/chinese-officials-remove-islamic-domes-and-motifs/81906 (дата обращения: 19.05.2019).

16. In 'China's Jerusalem', 'anti-terror cameras' the new cross for churches to bear (В «Китайском Иерусалиме» антитеррористические камеры устанавливают вместо крестов) // SCMP. 03.04.2017.

17. National flag flown at all religious sites in Zhejiang's Lanxi (Национальные флаги развеваются над всеми религиозными объектами в Ланьси пров. Чжэцзян) // Global Times. 17.06.2018. URL: http://www.globaltimes.cn/content/988897.shtml (дата обращения: 19.05.2019).

18. New wave of arrests and expulsions in China against Korean missionaries (Новая волна арестов и депортаций в Ките в отношении корейских миссионеров). UCAN. 06.11.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/New-wave-of-arrests-and-expulsions-in-China-against-Korean-missionaries-44128.html (дата обращения: 19.05.2019).

19. News Update on Religion and Church in China (Новости о религии и церкви в Китае) // Religions & Christianity in Today's China. 2019. № 1.

20. Ng Teddy. Does Christmas really pose a threat to Chinese culture? (Христианство правда представляет угрозу китайской культуре?) // South China Morning Post. 28.12.2014.

21. Sermons with Too Much Religion Not Allowed (Проповеди, содержащие слишком много о религии, не разрешаются) // Bitter Winter. 19.05.2019. URL: https://bitterwinter.org/sermons-with-too-much-religion-not-allowed/ (дата обращения: 19.05.2019).

22. Wang Zhicheng. Henan, church banned for children under 18 (В Хэнани в церковь запрещается вход детям до 18 лет) // Asia News. 17.04.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/Henan,-church-banned-for-children-under-18:-'taking-the-legs-from-under-the-Christian-community's-growth-among-young-people-43646.html (дата обращения: 19.05.2019).

References

1. Afonina L.A. «Polozheniye o religioznoy deyatel'nosti» 2018 goda v KNR [Religious Affairs Regulation of PRC 2018] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. № 5.

2. 阚保平 (Kan Baoping). (关于中国基督教教堂建筑中国化问题的探讨). [The discussion concerning sinization of Christian churches in China] // Tianfen. 2014. № 7.

3. Polovina kitayskoy delegatsii, napravlyavsheysya na vstrechu s Papoy Frantsiskom v Seul, propala — predpolozhitel'no, po prichine arestov [Half of Chinese delegation going to Seoul to meet Pope Francis disappeared, supposedly because of arrests] // Portal Credo. 14.08.2014. URL: https://credo.press/154385/ (access: 19.05.2019).

4. Pyatiletniy rabochiy plan razvitiya kitaizatsii katolitsizma (2018—2022) [Five-year working plan of sinization of Catholicizm (2018—2022)] (2018—2022 гг.). URL: http://www.tianzhujiao.store/other/2018-08-10/65043.html (access: 19.05.2019).

5. Pyatiletniy rabochiy plan razvitiya kitaizatsii protestantizma (2018—2022). [Five-year working plan of sinization of Protestantism (2018—2022)] URL: http://www.ccctspm.org/cppccinfo/10283 (access: 19.05.2019).

6. 习近平在全国宗教工作会议上发表重要讲话. (The important speech by Xi Jinping at Chinese National meeting on religious work). URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm (access: 19.05.2019).

7. 新时期宗教文献选编. (Documents about religious work in new era) // Beijing: Zongjiao wenhua chubanshe, 1995.

8. 要把新疆高校建设成为反分裂反渗透的坚强阵地. (To make universities of Xinjiang become strong in anti-separatism and infiltration) // Xinjiang ribao. 26.11.2013.

9. 学诚法师: 努力开创佛教中国化的新境界. (Master Xue Chengfa: eagerly create new boundaries of sinization of Buddhism). URL: http://www.fjnet.com/yw/ywnr/201804/t20180411_254363.htm (access: 19.05.2019).

10. 张风林： 在坚持道教中国化方向座谈会上的发言. (Zhang Fenlin: speech on the conference about the sinization of Daoism). URL: http://www.taoist.org.cn/showInfoContent.do?id=305&p=%27p%27 (access: 19.05.2019).

11. 卓新平 (Zhuo Xinping). 基督教中国化的三要素. (Three elements of sinization of Christianity) // Fuyin shibao. 24.03.2015.

12. 中国共产党统一战线工作条例. (United Front Work Regulations of the Chinese Communist Party). URL: http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html (access: 19.05.2019).

13. 杨发明: 坚持我国伊斯兰教中国化方向. (Yang Faming: to keep the direction of sinization of Islam in China) // Xinhua. 10.03.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/2018-03/10/c_1122518319.htm (access: 19.05.2018)

14. China outlaws large underground Protestant church in Beijing // Reuters. 10.09.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-religion/china-outlaws-large-underground-protestant-church-in-beijing-idUSKCN1LQ07W (дата обращения: 19.05.2019).

15. Chinese officials remove Islamic domes and motifs // UCAN. 27.03.2018. URL: https://www.ucanews.com/news/chinese-officials-remove-islamic-domes-and-motifs/81906 (дата обращения: 19.05.2019).

16. In ‘China’s Jerusalem’, ‘anti-terror cameras’ the new cross for churches to bear // SCMP. 03.04.2017.

17. Natl flag flown at all religious sites in Zhejiang’s Lanxi // Global Times. 17.06.2018. URL: http://www.globaltimes.cn/content/988897.shtml (дата обращения: 19.05.2019).

18. New wave of arrests and expulsions in China against Korean missionaries. UCAN. 06.11.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/New-wave-of-arrests-and-expulsions-in-China-against-Korean-missionaries-44128.html (дата обращения: 19.05.2019).

19. News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today’s China. 2019. № 1.

20. Ng Teddy. Does Christmas really pose a threat to Chinese culture? // South China Morning Post. 28.12.2014.

21. Sermons with Too Much Religion Not Allowed // Bitter Winter. 19.05.2019. URL: https://bitterwinter.org/sermons-with-too-much-religion-not-allowed/ (дата обращения: 19.05.2019).

22. Wang Zhicheng. Henan, church banned for children under 18: ‘taking the legs from under the Christian community’s growth among young people' // Asia News. 17.04.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/Henan,-church-banned-for-children-under-18:-‘taking-the-legs-from-under-the-Christian-community’s-growth-among-young-people-43646.html (дата обращения: 19.05.2019).

Примечания

[1] 新时期宗教文献选编. (Избранные документы по религиозной работе в новом периоде) / под ред. УДР при Госсовете. Пекин, 1995. С. 249—255.

[2] 习近平在全国宗教工作会议上发表重要讲话. (Важная речь Си Цзиньпина на Всекитайском совещании по религиозной работе). URL: http://www.sara.gov.cn/ztzz/xxgchyjs/kybd_xxgc/347314.htm.

[3] 卓新平 (Чжо Синьпин). 基督教中国化的三要素. (Три элемента китаизации христианства) // Фуинь шибао. 24.03.2015.

[4] Пятилетний рабочий план развития китаизации католицизма (2018—2022 гг.). URL: http://www.tianzhujiao.store/other/2018-08-10/65043.html

[5] Пятилетний рабочий план развития китаизации протестантизма (2018—2022 гг.). URL: http://www.ccctspm.org/cppccinfo/10283

[6] 杨发明: 坚持我国伊斯兰教中国化方向. (Ян Фамин: придерживаемся направления китаизации ислама в Китае). Синьхуа. 10.03.2018.

[7] 张凤林 (Чжан Фэнлинь) : 在坚持道教中国化方向座谈会上的发言. (Чжан Фэнлинь: выступление на конференции, посвященной китаизации даосизма). URL: http://www.taoist.org.cn/showInfoContent.do?id=305&p=%27p%27

[8] 学诚法师: 努力开创佛教中国化的新境界. (Мастер Сюэ Чэн: усердно создавать новые границы китаизации буддизма). URL: http://www.fjnet.com/yw/ywnr/201804/t20180411_254363.htm.

[9] Там же.

[10] 中国共产党统一战线工作条例. (Положение о работе Единого фронта КПК). URL: http://cpc.people.com.cn/n/2015/0923/c64107-27622040.html.

[11] News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today’s China. 2019. № 1.

[12] Natl flag flown at all religious sites in Zhejiang’s Lanxi // Global Times. 17.06.2018. URL: http://www.globaltimes.cn/content/988897.shtml.

[13] *Афонина Л.А.* «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 138—154.

[14] News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today’s China. 2019. № 1.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China. 2019. № 1.

[19] Там же.

[20] Sermons with Too Much Religion Not Allowed // Bitter Winter. 19.05.2019. URL: https://bitterwinter.org/sermons-with-too-much-religion-not-allowed/.

[21] In 'China's Jerusalem', 'anti-terror cameras' the new cross for churches to bear // SCMP. 03.04.2017.

[22] China outlaws large underground Protestant church in Beijing // Reuters. 10.09.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-religion/china-outlaws-large-underground-protestant-church-in-beijing-idUSKCN1LQ07W.

[23] 要把新疆高校建设成为反分裂反渗透的坚强阵地. (Нужно университеты Синьцзяна сделать сильными боевыми позициями антисепаратизма и антипроникновения) // Синьцзян жибао. 26.11.2013.

[24] Ng Teddy. Does Christmas really pose a threat to Chinese culture? // South China Morning Post. 28.12.2014.

[25] Wang Zhicheng. Henan, church banned for children under 18: 'taking the legs from under the Christian community's growth among young people' // Asia News. 17.04.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/Henan,-church-banned-for-children-under-18:-'taking-the-legs-from-under-the-Christian-community's-growth-among-young-people-43646.html.

[26] News Update on Religion and Church in China // Religions & Christianity in Today's China. 2019. № 1.

[27] Там же.

[28] Половина китайской делегации, направлявшейся на встречу с Папой Франциском в Сеул, пропала — предположительно, по причине арестов // Портал Кредо. 14.08.2014. URL: https://credo.press/154385/.

[29] New wave of arrests and expulsions in China against Korean missionaries // UCAN. 06.11.2018. URL: http://www.asianews.it/news-en/New-wave-of-arrests-and-expulsions-in-China-against-Korean-missionaries-44128.html

[30] 阚保平 (Кань Баопин). 关于中国基督教教堂建筑中国化问题的探讨. (Обсуждение вопроса китаизации христианских строений в Китае) // Тяньфэн. 2014. № 7.

[31] Chinese officials remove Islamic domes and motifs // UCAN. 27.03.2018. URL: https://www.ucanews.com/news/chinese-officials-remove-islamic-domes-and-motifs/81906.

М.С. Михалев,
ИЭА РАН, к.ю.н.

ТАДЖИКИ СИНЬЦЗЯНА: МЯГКИЕ, ЖЕСТКИЕ И НЕОРДИНАРНЫЕ МЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Проанализирована ситуация с использованием «мягких» и «жестких» методов интеграции в отношении таджиков, населяющих периферийные районы Китая. Показано, что «мягкие методы», к которым относятся стимулирование участия представителей малочисленных народов в рыночной деятельности и развитие в местах их компактного проживания этнокультурного туризма, оказываются в данном случае малоэффективными. Причиной подобного развития событий называется жизнеспособность культурно-хозяйственного комплекса таджиков и сохранность их традиционной системы ценностей и моральных норм. В то же самое время «жесткие методы», которые включают в себя полицейский контроль и милитаризацию территории, не просто не приносят ожидаемого результата, но даже в какой-то мере способствуют сохранению таджиками своей самобытности. Подобный эффект достигается как благодаря «маскараду», к которому те прибегают на регулярной основе, так и благодаря тому, что служба в условиях высокогорья оказывается не под силу жителям равнин. В результате, местным жителям удается превратить усиление государственного контроля в фарс и использовать его для достижения еще большей изоляции себя от остальной страны. Показано, что в условиях, когда достижение полноценной интеграции малочисленных народов с помощью традиционных «мягких» и «жестких» методов оказывается труднореализуемым, правительство вынуждено предпринимать неординарные меры. В случае с таджиками Синьцзяна ими оказываются насильственные перемещения жителей горных районов на равнины, про-

водимые под предлогом экологического кризиса. По мере того как скотоводов высокогорья принуждают к занятиям земледелием и размещают их в усиленно контролируемых закрытых поселениях, они теряют способность к самоорганизации и постепенно растворяются в общей массе жителей страны, лишаясь традиционной культуры и идентичности. Подобная практика насильственной смены образа жизни для коренного малочисленного народа приводит не только к деградации его собственного культурно-хозяйственного комплекса, но и снижает оборонный потенциал приграничных районов страны в целом.

Ключевые слова: Синьцзян, Памир, таджики, интеграция, приграничные территории, этнокультурный туризм, экологические беженцы.

Автор: Михалев Максим Сергеевич, кандидат юридических наук, докторант, Институт этнологии и антропологии РАН. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Мягкие меры: ограниченный эффект

Власти Китая рассматривают в качестве необходимого условия обеспечения безопасности государственных границ и как гарантию бесперебойного функционирования трансграничных экономических коридоров полноценную интеграцию коренных малочисленных народов, проживающих на периферии страны. При этом именно экономическим коридорам в последнее время уделяется все больше внимания по мере того, как центральное правительство приступает к реализации внешнеполитических целей и задач, сформулированных в инициативе председателя КНР Си Цзиньпина «Пояс и Путь». Не являются в связи с этим исключением и таджики, проживающие на территории удаленного Ташкурган-Таджикского автономного уезда городского округа Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района, через который проходит Каракорумское высокогорное шоссе, связывающее Китай с Пакистаном и через него с остальными странами Южной Азии и Ближнего Востока. Задача интеграции этого малочисленного народа в социально-политическое и экономическое пространство страны в этих условиях представляется как никогда актуальной.

В последнее время интеграция окраинных народов чаще всего достигается в Китае через приобщение к товарно-денежным отношениям и постепенное вовлечение в общенациональные рыночные механизмы. Идеалы, стандарты и нормы общества потребления, постепенно проникая в народную среду, приводят к пересмотру представителями коренных малочисленных народов традиционных ценностей своей собственной культуры. В свою очередь, это ведет к тому, что, теряя в ходе этого процесса свою собственную систему координат, они усваивают новые, чуждые им культурные коды, в том числе признанный в деловой среде язык межнационального общения, модели социального поведения и моральные нормы. В случае с таджиками подобные методы «мягкой интеграции» до сих пор не дают ни отрицательных, ни положительных результатов. Это

вызывает обеспокоенность центрального правительства и в то же самое время интерес как со стороны экспертов, озабоченных успешностью реализации задач центрального правительства, так и тех, кого больше заботит сохранность и самобытность традиционной культуры малочисленных народов.

Одной из причин завидной невосприимчивости таджиков Синьцзяна к соблазнам рыночной экономики является то, что в Ташкурган-Таджикском автономном уезде до сих пор не было создано зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС), подобной ЗПЭС «Маньчжурия» на границе КНР с Россией. Объемы же трансграничной торговли, осуществляемой непосредственно в районе китайско-пакистанской и китайско-таджикской границы, остаются при этом несущественными. Номенклатура их сводится к стандартному набору, включающему в себя драгоценные камни, ковры, благовония, текстиль и кожгалантерейные изделия из Пакистана, Индии и Афганистана, которые пользуются определенным спросом у китайских туристов, прибывающих в Ташкурган в рамках экскурсионных программ. При этом крупных оптовых рынков товаров китайского производства, за которыми приезжали бы покупатели из-за рубежа, как это происходит в той же Маньчжурии, в Ташкургане пока не наблюдается — как не наблюдается и самих покупателей.

Не совсем корректно утверждать, что таджики полностью безразличны к товарно-денежным отношениям, как об этом иногда с сожалением и даже состраданием пишут китайские авторы[1]. На самом деле, таджики КНР все-таки оказываются косвенно вовлеченными в процессы международной торговли, однако происходит это не благодаря политике китайского правительства, а во многом вопреки ей. Дело в том, что инициаторами создания трансграничных торговых сетей, базирующихся на родственных связях и религиозной солидарности, здесь оказываются таджики с пакистанской, а не с китайской стороны, которым приходится преодолевать многочисленные ограничения, накладываемые на их пребывание в Китае властями КНР. Именно они открывают магазины по торговле товарами из Южной Азии в Ташкургане и даже в Кашгаре, и именно они привлекают к своим торговым и логистическим трансграничным схемам близких и дальних родственников, проживающих в Китае. По той причине, что пакистанским гражданам принадлежит инициатива в налаживании двустороннего торгового обмена, львиная доля прибыли остается в их распоряжении, а таджики КНР еще больше отдаляются от единого рынка своей страны и, таким образом, оказываются не подверженными тесно связанной с экономической интеграцией социальной ассимиляцией.

С другой стороны, местные таджики по мере необходимости используют в своих собственных интересах предлагаемые им правила игры, но никогда не воспринимают их слишком серьезно, а потому и не вырабатывают зависимости от капризов и требований рыночной экономики. Возможно, именно эта их ин-

дифференттность является причиной того, что до настоящего времени не увенчалась успехом попытка интегрировать жителей Ташкургана в единое социокультурное пространство страны посредством целенаправленного развития в этом отдаленном приграничном уезде туристического бизнеса[2]. Именно такой подход, к примеру, оказался эффективным в случае с тувинцами Канаса на севере СУАР, ставшими заложниками и жертвами бурного развития индустрии гостеприимства[3]. Симптоматично, что именно их пример стал источником вдохновения и для местных планировщиков, которые выбрали лозунгом своей рекламной кампании «На севере Канас, на юге Ташкурган». Однако вплоть до настоящего времени этого так и не произошло, и здесь не наблюдается той бесконтрольной коммодификации традиционной культуры, которая стала настоящим бичом для тувинцев Канаса[4]. Несмотря на строительство в окрестностях Ташкургана нескольких объектов туристической инфраструктуры циклопических размеров, переориентацию местных организаций культуры на обслуживание туристических групп и значительные инвестиции в рекламную кампанию региона, жизнь таджиков Памира не вращается вокруг потребностей, запросов и интересов туристов. Это, в свою очередь, ведет к тому, что они остаются независимыми от их благосклонности и предпочтений, а их культура и ценности не подвергаются разлагающему воздействию извне, как это случилось на Канасе.

Не всегда умело, но, как правило, с большим энтузиазмом, жители Ташкургана включаются в обслуживание прибывающих туристов, приветствуя их на своей земле. Им, однако, удается не допустить окончательного превращения своей традиционной культуры в объект купли-продажи, а сами они не оказываются в положении обслуживающего персонала. Возможно, это связано с тем, что они стараются не оставлять и свои традиционные занятия в погоне за «длинным туристическим юанем» летнего сезона. Важно и то, что таджики не приносят в жертву прибыльности человеческие отношения и с легким сердцем направляют туристов на постой к своим соседям, предоставляя тем возможность заработать чуть больше. Можно утверждать, что гостеприимство до сих пор остается для таджиков Китая важным религиозным предписанием и характерной чертой национальной культуры. При этом доход от туристической деятельности не рассматривается ими как основной источник заработка, что уже давно произошло на Канасе и во многих других местах проживания коренных малочисленных народов Китая, превращенных в заказники на этническую тематику. Гостеприимство, другими словами, не превратилось здесь в эвфемизм, призванный маскировать коммерческую деятельность по извлечению прибыли, а потому развитие туризма не подменяет, а дополняет картину народной жизни Ташкургана.

Жесткие методы: потешные полки

Ташкурган-Таджикский автономный уезд всегда представлял собой милитаризованную зону, где военное и полицейское присутствие было наглядным,

всеобъемлющим и повседневным, что диктовалось как внешнеполитической, так и внутриполитической необходимостью. Ташкурган при этом всегда оставался неким островком спокойствия и никогда не становился по-настоящему проблемным для властей регионом. С одной стороны, причиной этого можно считать миролюбивый характер проживающих на территории автономного уезда таджиков, исповедующих исмаилизм и избегающих любых проявлений насилия. Это, кстати, проявляется как в частной жизни, так и в межнациональных отношениях[5]. Образ местных жителей законопослушных и мирных граждан давно стал в КНР общепризнанным и при этом активно используется, в том числе и в официальной пропаганде[6].

Парадокс, но в это же самое время таджики с удовольствием вступают в ряды китайской армии и полиции, считая работу в силовых структурах достойным жизненным выбором для мужчины. Как известно, военная служба в условиях высокогорья сложна, предъявляет особые требования к состоянию здоровья и требует специальных навыков, которыми жители равнин зачастую не обладают. Хорошее знание местности и способность ориентироваться в горах делают из местных жителей отличных пограничников, а потому их с удовольствием принимают в ряды Народно-освободительной армии Китая. Неприхотливые, законопослушные, склонные к внутренней дисциплине таджики также всегда высоко ценились и в полиции, а потому значительную часть блюстителей порядка в Ташкургане также до сих пор составляют местные жители.

Ситуация, при которой таджики Китая во многом самостоятельно поддерживают порядок на своей земле, не претерпела существенных изменений даже в последние два года, когда напряженность на всей территории Синьцзяна резко возросла. Чрезвычайные меры, которые центральное и региональное правительства принимают в рамках борьбы с террористической угрозой, даже привлекли к себе внимание международной общественности, которая склонна видеть в эскалации внутренней напряженности в Синьцзяне противостояние радикально настроенных коренных жителей региона и центрального правительства КНР. В это же самое время, в приграничном Ташкургане, находящемся в непосредственной близости от охваченного внутренним конфликтом Кашгара, все эти экстраординарные меры правительства вызывают понимание и одобрение местных таджиков, и напряжение здесь не так заметно. Симпатии населения здесь, скорее, на стороне полицейских и военных, а не на стороне сепаратистов и экстремистов, что иногда бросается в глаза в соседних районах.

В какой-то степени это можно объяснить тем, что таджики с давних пор не доверяют своим соседям уйгурам и в чем-то даже рады тому, что именно на тех в основном и обрушивается гнев центральных властей. Более того, они и сами не прочь принять участие в развернувшейся кампании, а потому с видимым энтузиазмом охраняют свои кишлаки от посягательств потенциальных террори-

стов, да и на блокпостах, окруживших в последнее время Ташкурган, самыми принципиальными сотрудниками оказываются, как правило, именно местные жители. С другой стороны, милитаризация региона иногда принимает здесь характер маскарада, ведь любая атрибутика силовых министерств, включая форменное обмундирование, защитные жилеты и знаки отличия, можно легально приобрести в любом местном магазине. И, надо признать, у жителей региона этот специфический товар пользуется большим спросом. По этой причине полицейское присутствие в Ташкургане и окружающих селах сторонним наблюдателям представляется несколько преувеличенным, ведь они принимают за правоохранителей обычных крестьян, облаченных в полицейскую форму.

В этом смысле те жесткие меры контроля, что осуществляются в последние несколько лет властями Китая в Ташкурган-Таджикском автономном уезде, точно так же не приводят к увеличению подконтрольности местного населения, как не приводит к этому развитие здесь туризма и рост трансграничной торговли. В других обстоятельствах совокупность подобных жестких и мягких мер привела бы к кризису национальной культуры, которая, с одной стороны, выставляется на продажу и, в результате, теряет свою внутреннюю силу; с другой же, она подавляется властями и не имеет возможности развиваться. Таджикам, однако, удается избежать подобного сценария в силу того, что они не протестуют и не саботируют ни одну из инициатив правительства, но при этом воспринимают все предпринимаемые им меры как некую ни к чему не обязывающую игру. Они не отвергают, но в то же самое время и не принимают по-настоящему ее правила, таким образом, ограждая свои ценности и традиционный образ жизни от серьезных внешних воздействий. Возможно, именно в этом и состоит секрет удивительной сохранности их традиционной культуры, и именно это их свойство означает новый вызов для государства в том случае, если оно хочет всерьез поставить приграничных таджиков под свой контроль.

Неординарные методы: экологические беженцы

В этих условиях у властей не остается другого выбора, как применить в регионе, требующем, по геополитическим соображениям, особого внимания, действительно неординарные методы. Именно в этот разряд попадает стратегия экологических переселений, которая превратилась к настоящему моменту в основной инструмент воздействия на уступчивых и миролюбивых, но при этом не поддающихся унификации и культурной гомогенизации таджиков. Желая обезопасить себя от внутренней смуты и обеспечить тотальную управляемость окраинных районов, правительство КНР переселяет из горных кишлаков в равнинные поселки таджиков, принуждая их к занятиям сельским хозяйством и обеспечивая при этом тотальный контроль за их действиями и перемещениями. При этом решение о смене среды обитания принимается правительственными чиновниками на основании заключения сторонних экспертов, признающих гор-

ные районы Ташкурган-Таджикского автономного уезда непригодными для жизни[7].

Несмотря на кажущуюся перспективность подобного подхода, на самом деле подобными действиями правительство подтачивает свой собственный человеческий ресурс. Это происходит по мере того, как свободолюбивые, умелые, но при этом скромные и законопослушные таджики, которые, помимо всего прочего, могли жить и выживать в сложнейшем климате, превращаются в иждивенцев, лишенных мотивации к труду и стимулов к развитию[8]. В ходе реализации программы по их «приручению», сочетающей в себе насильственные перемещения, дотации и полицейский контроль, жители новых поселков и городов, куда переселяют жителей горных кишлаков, становятся непосильной ношей для властей, и можно предположить, что вскоре они будут представлять для него балласт, а не актив. И в этом смысле можно говорить о том, что принуждение к процветанию, которое осуществляется в приграничных районах Китая, ведет и к ослаблению государства, и к уничтожению самобытности населяющих его народов.

Библиографический список

1. 杨圣敏 (Ян Шэнминь). 社会稳定和谐的基础是什么？——一个少数民族社区的案例. [Что лежит в основе социальной стабильности? — Пример одного национального района] // Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences). 2008. № 5.

2. 敏俊卿, 努尔古丽 (Минь Цзюньцин, Нуэргули). 生态移民的社会文化适应研究——以塔什库尔干阿巴提镇为例. [Исследования по культурной адаптации экологических беженцев — на примере волости Абати Ташкургана] // North-West Ethno-National Studies. 2008. № 3.

3. 许辉, 杨洁明, 喻晓玲 (Сюй Хуэй, Ян Цземин, Юй Сяолин.). 塔吉克族文化遗产旅游资源评价研究. [Оценка туристического потенциала культурного наследия таджиков] // Northern Economy and Trade. 2014. № 4.

4. 罗家云, 赵建国 (Ло Цзяюнь, Чжао Цзяньго). 塔吉克族——新疆塔什库尔干县提孜那甫村调查. [Таджики — Полевое исследование в волости Тизнаф уезда Ташкурган Синьцзяна]. Куньмин: Yunnan University Press, 2004.

5. 吴琼 (У Цюн.). 新疆塔吉克族开发性生态移民建设中的几个问题——基于对塔吉克阿巴提镇生态移民搬迁的调研. [Некоторые вопросы формирования потенциала развития у таджикских экологических беженцев в Синьцзяне — на основе исследования переселения экологических беженцев в волости Абати] // Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science). 2009. № 37(5).

6. Hou Yuxin. The Analysis of Current Situation of Tuva People in China. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html. (дата обращения: 26.04.2019).

7. Nguyen T. 对民族文化记忆的诉求——亚洲内击民族文化发展经历启示. [Потребность в памяти для народной культуры — Уроки развития культуры народов Внутренней Азии]. PhD Thesis in Social Anthropology. Пекин: Университет национальностей, 2014.

8. Saidula A. A Last Refuge: National Law, Traditional Dispute Resolution and Tajik Experience in Xinjiang Today. PhD Thesis in Social Anthropology. Edinburgh: University of Edinburgh, 2014.

References

1. 杨圣敏 (Yang Shengmin). 社会稳定和谐的基础是什么？——一个少数民族社区的案例.[What is the Basis of Social Stability? — A Case of One Minority District] // Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences). 2008. № 5.

2. 敏俊卿, 努尔古丽 (Min Junqing, Nuerguli.). 生态移民的社会文化适应研究——以塔什库尔干阿巴提镇为. [Research of Cultural Adaptation of Ecological Refugees — A Case of Tashkurgan's Abati Township] // North-West Ethno-National Studies. 2008. № 3.

3. 许辉, 杨洁明, 喻晓玲 (Xu Hui, Yang Jieming, Yu Xiaoling). 塔吉克族文化遗产旅游资源评价研究. [Evaluation of Tajik Cultural Heritage and its Tourist Potential] // Northern Economy and Trade. 2014. № 4.

4. 罗家云, 赵建国 (Luo Jiayun, Zhao Jianguo). 塔吉克族——新疆塔什库尔干县提孜那甫村调查. [Tajik — Field Research at Tiznap village of Tashukurgan Prefecture]. Kunming: Yunnan University Press, 2004. 353 p.

5. 吴琼 (Wu Qiong). 新疆塔吉克族开发性生态移民建设中的几个问题——基于对塔吉克阿巴提镇生态移民搬迁的调研. [Some Issues on Development Potential Formation among Ecological Refugees in Xinjiang — Based on Fieldwork among Tajik Ecological Refugees in Abati Township] // Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science). 2009. № 37(5).

6. Hou Yuxin. The Analysis of Current Situation of Tuva People in China // Novyye Issledovaniya Tuvy [New Tuva Research]. 2014. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html. (Retrieval Date: 26.04.2019).

7. Nguyen T. 对民 族文化记忆的诉求——亚洲内击民族文化发展经历启示. [The Need for Remembering for Traditional Culture — The Lessons of Minority Culture Development among Peoples of Inner Asia]. PhD Thesis in Social Anthropology. Beijing: Minzu University, 2014.

8. Saidula A. A Last Refuge: National Law, Traditional Dispute Resolution and Tajik Experience in Xinjiang Today. PhD Thesis in Social Anthropology. Edinburgh: University of Edinburgh, 2014.

Примечания

[1] 罗家云, 赵建国 (Ло Цзяюнь, Чжао Цзяньго). 塔吉克族——新疆塔什库尔干县提孜那甫村调查. [Таджики — Полевое исследование в волости Тизнаф уезда Ташкурган Синьцзяна]. Куньмин: Yunnan University Press, 2004. С. 15.

[2] 许辉, 杨洁明, 喻晓玲 (Сюй Хуэй, Ян Цземин, Юй Сяолин.). 塔吉克族文化遗产旅游资源评价研究. [Оценка туристического потенциала культурного наследия таджиков] // Northern Economy and Trade. 2014. № 4. С. 190.

[3] Hou Yuxin. The Analysis of Current Situation of Tuva People in China (Анализ современного положения тувинцев в Китае) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html (дата обращения: 26.04.2019).

[4] Nguyen T. 对民族文化记忆的诉求——亚洲内击民族文化发展经历启示. [Потребность в памяти для народной культуры — Уроки развития культуры народов Внутренней Азии]. PhD Thesis in Social Anthropology. Пекин: Университет национальностей, 2014.

[5] Данный факт с удивлением отмечают многие китайские исследователи. К примеру, проф. Ян Шэнминь приводит данные статистики, в соответствии с которыми с 1949 по 1990 гг. в Ташкургане не было зафиксировано ни одной насильственной смерти: 杨圣敏 (Ян Шэнминь). 社会稳定和谐的基础是什么？——一个少数民族社区的案例. [Что лежит в основе социальной стабильности? — Пример одного национального района] // Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences). 2008. № 5. С. 50.

[6] Saidula A. A Last Refuge: National Law, Traditional Dispute Resolution and Tajik Experience in Xinjiang Today. PhD Thesis in Social Anthropology. Edinburgh: University of Edinburgh, 2014.

[7] Об этом, кстати, не без гордости пишет У Цюн, подчеркивая, что «в нашей стране экологические беженцы появляются по воле правительства»: 吴琼 (У Цюн.). 新疆塔吉克族开发性生态移民建设中的几个问题——基于对塔吉克阿巴提镇生态移民搬迁的调研. [Некоторые вопросы формирования потенциала развития у таджикских экологических беженцев в Синьцзяне — на основе исследования переселения экологических беженцев в волости Абати] // Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science). 2009. № 37(5). С.77.

[8] О том, что перешедшие на дотации таджики Таджикабада не имеют больше мотивации к труду, пишут многие современные исследователи: 敏俊卿, 努尔古丽 (Минь Цзюньцин, Нуэргули). 生态移民的社会文化适应研究——以塔什库尔干阿巴提镇为例. [Исследования по культурной адаптации экологических беженцев — на примере волости Абати Ташкургана] // North-West Ethno-National Studies. 2008. № 3. С. 30.

Ю.А. Грачева,
ИДВ РАН, м.н.с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО КИТАЯ (НА ОСНОВЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных факторов этнической самоидентификации национальных меньшинств Юго-Западного Китая. Приводятся сведения и анализ признаков самоидентификации нацменьшинств (буи, хуэй, бай, мяо, наси, мосо) провинций Гуйчжоу и Юньнань на основе полевых материалов и результатов опросов, проведенных автором в указанных провинциях в 2018 г. В настоящее время национальная политика Китая в отношении малочисленных народов юго-западных окраин страны реализуется в рамках идеи борьбы «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*), о которой заявил Си Цзиньпин в докладе на XIX съезде КПК.

Методы реализации национальной политики представлены среди основных задач плана 13-й пятилетки Китая (2016—2020 гг.) и неразрывно связаны с экономическим развитием страны, с задачей построения общества «средней зажиточности» к столетию основания КПК в 2021 г.; повышением уровня образования национальных меньшинств, в особенности в юго-западных и западных районах страны, где вопрос грамотности и повышения качества образования населения стоит наиболее остро.

В районах проживания национальных меньшинств оба метода реализуются главным образом посредством: 1) развития местного туризма; 2) строительства и развития новой инфраструктуры; 3) языковой политикой и созданием образова-

тельных учреждений «с национальной спецификой» *(миньцзу тэсэ*). Перечисленные методы реализации национальной политики в настоящее время оказывают глубокое влияние не только на уровень экономического благосостояния малочисленных народов Юго-Западного Китая, но и на их материальную и духовную культуру, а также на особенности национальной самоидентификации представителей нацменьшинств.

Ключевые слова: КНР, Китай, Гуйчжоу, Юньнань, Юго-Западный Китай, национальная политика, этнос, нацменьшинства, малочисленные народы, национальная самоидентификация.

Автор: Грачева Юлия Александровна, аспирант ИДВ РАН, м.н.с ЦПИП. E-mail: link2k3@list.ru

В настоящее время в Китае проблема особенностей самоидентификации малочисленных народов не получила широкой научной разработки. Наиболее известной работой является статья Сюй Лили и Чжун Мина из Исследовательского института этнологии Ланьчжоуского университета при Исследовательском центре безопасности и развития пограничных территорий «К вопросу о трёх базовых признаках этнической идентификации». Авторы статьи выделяют три группы базовых признаков: 1) биологические — кровнородственные связи и проживание на конкретной территории; 2) культурные — методы ведения хозяйства, устная речь и письменный язык, социальный строй, обычаи и привычки, верования и религия; 3) строительные (建构性 — термин из области архитектуры) — трансформация этнической группы в условиях современных вызовов (например, глобализация). По мнению Сюй Лили и Чжун Мина, в настоящее время особую роль в сохранении, усилении или ослаблении идентичности этнической группы играет третья группа признаков, которая взаимосвязана с ускоряющейся глобальной экономикой и оказывает влияние на предыдущие две группы — биологическую и культурную[1]. Однако содержание указанной статьи носит общетеоретический характер и рассматривает этнические группы в целом, практическое исследование проблем самоидентификации конкретных малочисленных народов в ней отсутствует. Аналогичная ситуация наблюдается в работах других китайских авторов, в связи с чем можно говорить о существенном недостатке практических научных исследований на данную тему в китайской науке.

В западных исследованиях тема идентификации малочисленных народов Китая разработана довольно широко. В работах таких исследователей, как Г.А. Постиглион[2], К. Макеррас[3], С. Харрелл и других вопрос принципов идентификации национальных меньшинств Китая исследован достаточно глубоко. Одним из наиболее значительных исследователей в данной области является Ван Линьчжу, автор работ «Самоопределение и права национальных мень-

шинств в Китае» (2018)[4], «Идентификация национальностей в Китае» (2015)[5]. При всей глубине западных исследований по теме идентичности нацменьшинств КНР, а также наличию специальных исследований по конкретным регионам страны (в особенности СУАР, Тибет, Юго-Западный Китай), существует недостаток практических работ, изучающих взгляд изнутри — со стороны не государственной политики и госаппарата, а со стороны нацменьшинств.

В настоящее время в российском китаеведении тема самоидентификации малочисленных народов Китая с точки зрения самих нацменьшинств также не получила достойного освящения. Вместе с тем в отечественной науке этот вопрос получил глубокую разработку на примере малочисленных народов Севера, Сибири и других регионов России[6]. Таким образом, методы проведения исследований, как теоретические, так и практические, могут быть использованы в аналогичных исследованиях среди нацменьшинств Китая с учётом местной географической, культурной, экономической и политической специфики.

В 2018 г. автором данной статьи были проведены исследования основных признаков самоидентификации некоторых малочисленных народов пров. Гуйчжоу. Материал был собран в результате интервьюирования 86 человек, которое проводилось на месте жизни опрошенных (на работе, в родном доме). Полученные сведения классифицированы по следующим категориям:

1) по этническому составу опрошенных (мяо, буи, хуэй, наси, мосо);

2) по возрастным категориям (до 20 лет, 20—40, 40—60, более 60 лет);

3) по территориальному признаку: а) город; б) этнические деревни, включенные в экономическую программу развития, преимущественно туризм «с национальной спецификой»; в) отдаленные, труднодоступные деревни, не включенные в программы развития.

В статье материал систематизирован по третьему, территориальному признаку, этнические и возрастные категории рассматриваются внутри каждой территориальной единицы.

На основе опросов и полевых материалов был проведен анализ наиболее важных категорий национальной самоидентификации (еда, одежда, язык, религия, архитектура домов и т. д.), выделены степени их изменений в результате влияния национальной политики, вследствие чего становится возможным прогнозирование дальнейшей трансформации этнической самоидентификации малочисленных народов Юго-Западного Китая.

Гуйян (город)

В пров. Гуйчжоу, согласно последней, шестой, переписи населения 34 748 600 человек. Хань составляют 63,67 % (22 472 300), нацменьшинства — 36,33 % (12 822 700)[7].

Главный центр провинции — г. Гуйян. Население Гуйяна составляет 4 696 800 человек. Уровень урбанизации — 74,16 %. В Гуйяне следующий этни-

ческий состав: 83,32 % — хань, 16,68 % — нацменьшинства[8] Буи[9] — преобладающее нацменьшинство.

Всего в г.Гуйян были опрошены: буи — 10 человек; хуэй — 1, бай — 3 (пригород Гуйяна Цинянь).

Хуэй и бай — 40—60 лет, буи — старше 60 лет (6 человек), 40—60 лет (2 человека), 20—40 лет (2 человека).

Основные занятие среди опрошенных нацменьшинств в Гуйяне:

— торговля продуктами народных промыслов ручного изготовления (трубки для курения, плетенная обувь);

— продажа трав, кореньев и прочие средства народной медицины;

— гадательные практики;

— торговля продуктами сельского хозяйства (со своего участка).

Этими видами деятельности занимаются, как правило, пожилые буи возрастом старше 60 лет. Опрошенные данной категории говорят на языке буи и на местном диалекте китайского, часто только на языке буи.

Результаты опроса показали, что, как правило, это жители деревень, которые приезжают в город торговать. Причиной все опрошенные называют нехватку денег. Опрошенные буи возрастом 40—60 лет также занимались торговлей, 20—40 лет — продажами в крупных сетевых магазинах.

Буи самоидентифицируют себя как отдельный от хань народ. Главными отличительными признаками называют:

1. Язык (все).

2. Одежда (все).

Описание остальных признаков вызывает затруднение.

В пригородах Гуйяна, особенно туристических городках или деревнях, таких, как, например, Цинянь, чаще встречаются представители других нацменьшинств — бай, мяо, хуэй. Занятия опрошенных хуэй и бай — розничная торговля. Возрастная категория — 40—60 лет.

Представители других нацменьшинств, как правило, не распространенных в окрестностях Гуйяна, переезжают в соседние туристические деревни из более отдаленных экономически неразвитых районов и занимаются продажей этнических товаров, которые не являются аутентичными изделиями ручной работы. Это, как правило, фабричные товары, которые имитируют предметы быта, искусства и украшений таких нацменьшинств, как мяо, наси, реже — бай.

Эти люди, как правило, говорят на родном языке и местном диалекте китайского, на путунхуа — крайне редко. Часто говорят на смеси двух языков.

Второй причиной миграции среди этих нацменьшинств, после экономической, по словам опрошенных, является климат. Переезжают в более мягкие климатические условия из Юньнани и пограничных с Тибетом районов.

Опрос показал, что большинство из мигрантов на родине занимались: а) национальным ремеслом (шитьём одежды), б) сельским хозяйством. Большинство из мигрирующих — жители посёлков, небольших городов. Крестьяне встречаются редко.

Материалы визуальной информации, собранные в Гуйчжоу автором с 2011 по 2018 г., свидетельствуют о наличии следующих внешних проявлений национальной политики государства в исследуемом регионе, которые в настоящее время заполняют информационное пространство городской среды Гуйяна:

1) социальные плакаты;

2) архитектура;

3) появление продукции «национальных брендов» (民族特色名牌)).

Особенность социальных плакатов заключается в изображении действующих лиц в национальных одеждах, для Гуйяна характерны буи. Основные темы социальных плакатов: 1) уважение старшего поколения; 2) строительство единой китайской нации — *чжунхуа миньцзу*; 3) плакаты против наркотиков; 4) плакаты о правильном питании; 5) плакаты, пропагандирующие заключение более поздних браков и более позднее рождение детей; 6) плакаты на тему чистоты города, экологии и гигиены.

В последние годы наблюдается строительство современных жилых комплексов с элементами этнических узоров; использование этнических элементов в облике города — фонарные столбы, памятники, остановки и т. д. Что касается буи, то символом выступает солнце на барабане или рога коровы — эти элементы становятся повсеместным декором новых архитектурных сооружений.

Национальные бренды — продукты питания, выпечка, сладости, которые позиционируются как этнические. По словам опрошенных, а также наблюдений автора, накопленных за последние 7 лет, большинства брендов, которые позиционируются как товары национальной категории, прежде не существовали в культуре питания или в быту той или иной этнической группы (например, казинаки у буи или печенье из лепестков роз у наси).

Уезд Аньшунь, Хуангошу («Туризм с национальной спецификой»)

В настоящее время в Китае активно развивается местный туризм, в который вовлечены многие деревни, где преобладающим населением являются малочисленные народы. Ярким примером национальной политики служит отношение к жителям деревень, большинство из которых буи, торгующим на водопадах Хуангошу, которые в настоящее время являются крупным туристическим центром Гуйчжоу.

Опрошенные жители окрестностей Хуангошу (5 человек):

— буи;

— крестьяне;

— возрастные группы всех категорий (1 — до 20 лет, 2 — от 20 до 40, 2 — старше 40);

— пол: мужчины (1) и женщины (4).

Особенности (не наблюдались в Гуйяне): пожилые женщины ходят в национальных костюмах, которые сами шили в молодости и продолжают шить. Продают овощи, фрукты, предметы ремесла (тапочки, украшения). Наиболее распространённая история опрошенных: «Я живу там, в горах. Всё выращиваем сами. Эти фрукты ещё моя бабушка выращивала».

— язык — местный диалект, буи; путунхуа — нет (кроме лиц до 20 лет).

В настоящее время государство запрещает местным буи торговать на водопадах Хуангошу. Подобной ситуации ранее не наблюдалось (с 2011 по 2015 г). Полицейские прогоняют продавцов с выращенной ими сельской продукцией. Местные жители объясняют это тем, что им запрещают нарушать «облик» нового туристического центра, а на приобретение официального права торговли у них нет денежных средств.

Примечательно, что на Хуангошу сувениры, которые продаются официально, имитируют искусство народа мяо. Женщины, предлагающие сделать снимки в костюмах мяо — хань. Этнические орнаменты и предметы народа буи не используются, хотя буи преобладающее коренное нацменьшинство в Гуйяне и окрестностях. Жители Хуангошу по этническому составу на 90 % буи[10].

Цяньсинань-Буи-Мяоской автономный район, уезд Аньлун, деревня Дадан

Деревня Дадан включена в программа развития национального туризма, но, в отличие от Хуангошу, не является крупным и популярным туристическим центром. Население деревни на 98,5 % состоит из буи, всего в Дадане проживает чуть более 1000 человек[11]. Общая характеристика признаков этнической самоидентификации жителей деревни на 2018 г.[12]: опрошены 5 человек, до 20 лет — 3, 20—40 лет — 1, 40—60 лет — 1; фактический визуальный материал с 2011 по 2018 гг.:

— язык буи, местный диалект, путунхуа владеет молодёжь до 25 лет;

— много смешанных браков, в том числе с хань, но в рамках одних социальных слоёв. В смешанных семьях говорят, как правило, на языке буи — если с другим нацменьшинством, на китайском — если с хань;

— деятельность: обслуживание туристов, местное ремесло (пошив национальной одежды), сельское хозяйство;

— для деревни характерно строительство новых домов с сохранением аутентичной национальной архитектуры.

В 2016 г. произошло важное событие: была вырублена священная роща деревни, в которой отмечались анимистические праздники буи. Осталось лишь одно главное дерево с черепом коровы на нём и алтарной столешницей. Причи-

на вырубки: строительство торговых площадок для обслуживания туристов. Отношение опрошенных буи к произошедшему событию — равнодушное. Заметен приоритет экономической выгоды над сохранением материальной и духовной национальной культуры.

Цяньсинань-Буи-Мяоской автономный район, уезд Аньлун, старая горная деревня Хайвэй

В настоящее время в Гуйчжоу остаётся всё меньше национальных деревень, не задействованных в программе развития внутреннего туризма «с национальной спецификой». Как показали материалы, собранные в результате полевых исследований 2018 г., причастность населенного пункта к туристической деятельности зависит, во-первых, от количества дворов деревни, во-вторых, от наличия развитой инфраструктуры — дорог. Деревня буи Хайвэй включает в себя 8 дворов и находится в горах вдалеке от крупных магистралей и других населенных пунктов. Население составляет примерно 40—50 человек (со слов местных жителей).

В деревне Хайвэй полностью аутентичная архитектура, не имеющая ничего общего с новостроем в национальном стиле, самым новым домам около 40 лет. В деревне можно наблюдать массу старинных предметов быта, которые до сих пор в ходу — лапти, тростниковые накидки. Пожилые люди и женщины среднего возраста носят национальные одежды. Ремесло шитья передаётся из поколения в поколение; однако, как показывают опросы, в целом обрывается на жителях деревень возрастом 35—40 лет. Дети учатся, живут в общежитиях при школах в соседних деревнях и посёлках. Все местные жители — буи. Говорят только на языке буи. Опросить удалось женщину буи 40 лет и её дочь 10 лет — обе буи, говорили на местном диалекте китайского. История этой женщины выделяется на фоне остальных опрошенных — хотя она и занимается сельским хозяйством и является жителем другой деревни, ей нравится «путешествовать» в свободное время по окрестностям.

В результате всех опросов (86 человек: 22 — буи, 10 — хуэй, 12 — бай, 14 — мяо, 14 — наси, 14 — мосо) среди жителей нескольких населенных пунктов Гуйчжоу (наси, мосо — пров. Юньнань, материалы собраны в одно и то же время) разных возрастных групп были выявлены следующие основные признаки этнической самоидентификации с точки зрения представителей самих нацменьшинств:

Буи:

1. Язык.
2. Одежда.

Хуэй:

1. Еда («Они едят свинину» — так говорят хуэй о хань).
2. Праздники, религия («Мы — мусульмане, отмечаем свои праздники»).

На остальные факторы не обращают внимания, не считают существенными.

Бай:

1. Язык.
2. Одежда.
3. Дома, архитектура.

Мяо:

1. Язык.
2. Одежда.

Наси:

1. Язык.
2. Резкое противопоставление себя к хань («Хань много хотят, они не приходят с миром»).
3. Одежда.

Мосо:

1. Семейный уклад (матрилинейный, матрилокальный брак).
2. Язык.
3. Одежда.

Если рассматривать факторы самоидентификации с точки зрения возрастных групп, то здесь для всех перечисленных нацменьшинств, кроме хуэй, можно наблюдать следующую картину: опрошенные возрастом 35—40 лет и более могут чётко и не задумываясь назвать отличительные черты своего народа от хань. Прослеживается чёткое разделение на «мы и хань». Что касается молодёжи, то вопрос об отличительных особенностях своей этнической группы от хань вызывает некоторое затруднение. Язык не всегда преобладает в ответах, чаще всего называется одежда. Хотя молодёжь её не носит.

Что касается хуэй, то вне зависимости от пола, возраста и территории проживания отличительные признаки всегда одинаковы: еда, праздники (религия).

Прослеживается чёткая градация ответов среди опрошенных разных типов населённых пунктов: 1) город; 2) этнические деревни, включенные в экономическую программу развития — преимущественно туризм «с национальной спецификой»; 3) отдаленные, труднодоступные деревни, не включенные в программы развития.

Среди опрошенных в городах, где нацменьшинства занимаются в основном торговлей и редко являются местными жителями, ответы носят более задумчивый, нерешительный характер, для всех опрошенных нацменьшинств (кроме мосо и хуэй) преобладает язык. Здесь наблюдается тенденция к смешанным бракам (как отмечают сами опрошенные). Заметно, что фактор урбанизации тесно связан с ханизацией населения, так как в своей основе имеет экономические предпосылки.

Несмотря на то, что язык отмечается в качестве главного отличительного признака этнической группы — поколение возрастом младше 30—35 лет часто не владеет родным языком или владеет частично.

Среди населения опрошенных посёлков и деревень, получивших статус «национальных» и активно развивающихся на основе туризма, мы видим следующую картину:

— много приезжих хань и других нацменьшинств из регионов с отличной от данного поселения этнической картиной;

— использование смеси языков в общении — родного национального и местного диалекта китайского;

— среди главных отличительных признаков называются язык и одежда, что соответствует общей картине опроса;

— нахождение местных жителей и приезжих в среде этнических, но псевдоаутентичных предметов ремесла, быта, искусства;

— психологическое разграничение на «мы и хань» у опрошенных старше 35 лет;

— в экономической ситуации: перекупка настоящих этнических предметов быта и искусства в отдалённых деревнях (обычно этим занимаются хань) и продажа их за очень большую стоимость;

— большое количество представителей нацменьшинств из среды крестьян, которые приходят торговать продуктами своего хозяйства в эти деревни, как говорят опрошенные — «с гор», «издалека». Носят настоящую национальную одежду. Открыты к общению, но говорят только на своём языке или на местном диалекте (не всегда, частично). Возраст: старше 50. Их дети и внуки, как правило, получают образованием в школах и живут в общежитиях;

— тенденция: как правило, крупные «национальные деревни», где развивается туризм, оказывают влияние на экономическое развитие соседних «отдаленных» деревень, которые не участвуют в туристической деятельности — основная масса населения «отдаленных» деревень уезжает на заработки в деревни «с национальной спецификой». Интересно, что среди опрошенных из числа всех этнических групп в настоящее время существует и другая общая тенденция: мигранты не остаются жить в этих «национальных» деревнях, а возвращаются в свои родные поселения, где отстраивают новое жильё и живут семьями, поэтому в целом, население этих населенных пунктов не стареет. Строят дома разного типа: национальные и современные. Опрос показал, что выбор при строительстве того или иного типа жилья упирается, как правило, в цену. Например, мяо строят свои дома из дерева, наси — из натурального камня и дерева — что является дорогими строительными материалами;

— в настоящее время (2016—2018 гг.) наблюдается тенденция к «возвращению на лоно природы»: возврат по причине ускоряющегося темпа жизни в

городах — из города в родную деревню; миграция молодёжи хань в труднодоступные этнические деревни «в поисках себя», «в поисках спокойной жизни» и «творчества».

В результате полевых исследований была выявлена следующая, довольно распространенная картина, свидетельствующая о существующих культурных и психологических отличиях между мигрантами хань мужского и женского пола: девушкам легче покидать свои дома в «поисках себя», поскольку, с их слов, на них не лежит бремя «сыновнего долга», кроме того, они сами признаются, что не чувствуют себя нужными семье, что подталкивает их к «поиску себя и ведению более интересной жизни». Что касается молодых людей, то за историями опрошенных, уехавших из своих семей из больших городов, чувствуется история борьбы и трудности, связанные с принятием решения «стать свободным».

Относительно ремесленной деятельности в разных населенных пунктах видны следующие тенденции.

1. Образцом изменений социальной среды и образа жизни местных жителей, наблюдаемых на протяжении более 10 лет, может служить Лицзян в пров. Юньнань. Мяоская деревня Цяньху Цяньдуннань-Мяо-Дунского автономный округа пров. Гуйчжоу в настоящее время повторяет путь развития Лицзяна. В связи с этим возникает вопрос о том, ожидается ли такой же сценарий развития в других крупных «национальных деревнях»:

— превращение населенного пункта в место коммерции с псевдоаутентичными товарами; уход аутентичного национального ремесла;

— превращение деревни в место отдыха, которое не соответствует аутентичному, традиционному образу жизни, который существовал в конкретном населенном месте прежде: появление многочисленных ресторанов, баров, караоке, магазинов (в этническом стиле);

— изменение демографических показателей (рост доли хань);

— положительные стороны — экономический рост самого населенного пункта, а также рост экономического благосостояния соседних деревень.

2. Путь развития деревень Хайвэй (буи) и Ландэ (мяо) в Гуйчжоу, Шигучэн (наси) в Юньнани, для которых на 2018 г. были характерны следующие тенденции:

— сохранение этнической аутентичной культуры;

— сохранения языка;

— реальное производство предметов искусства и культуры (обычно пожилыми людьми, поколение 30—40 лет — умеют, но не имеют мотивации этим заниматься; поколение до 20 — посвящают своё время образованию, поэтому часто, но не всегда, передача ремесла прерывается на этом поколении). Одновременно наблюдается явление распродажи предметов народного искусства —

одежды, украшений. Главной причиной распродажи семейных реликвий все опрошенные назвали нехватку финансовых средств.

По итогам проведенных интервью было выяснено, что многие опрошенные возрастом старше 30 лет всех без исключения этнических групп полагают, что их национальный язык постепенно исчезает, а вместе с ним уходит и традиционный образ жизни, аутентичная духовная и материальная культура. Молодёжь не выражает своего беспокойства происходящими процессами. По словам опрошенных лиц моложе 20 лет, их язык теряет свою актуальность, поскольку не приносит экономической выгоды. В настоящее время в КНР создаются школы «с национальной спецификой»[13], происходит обучение на двух языках — путунхуа и нацменьшинств. Однако этот тип образовательных учреждений находится на начальной стадии формирования, в связи с чем делать выводы о результатах на сегодняшний день не представляется возможным.

Национальная одежда — следующий по значимости за языком признак этнической самоидентификации — также постепенно уходит в прошлое. Многие предметы костюма и быта теряют своё сакральное значение в результате коммерциализации. Ярким примером этого процесса служит головной убор народа мяо, сделанный из серебра, имитирующий рога коровы на короне из цветущих трав и птиц. По словам опрошенных мяо, этот головной убор изначально являлся элементом свадебного костюма, надевали его как женщины, так и мужчины (опрос в деревне Цяньху), при этом требовалась помощь минимум двух человек, поскольку он был очень тяжёлым. В настоящее время рога из этого головного убора стали символическим обозначением культуры мяо и используются в орнаментах новой архитектуры городов и деревень, а также в сувенирной продукции и костюмах — однако изготавливается из алюминия и без аутентичных деталей художественного декора.

Количество опрошенных нацменьшинств по населенным пунктам

	Гуйян Цинянь, (Гуйчжоу)	Хуангошу (Гуйчжоу)	Дадан (Гуйчжоу)	Хайвэй (Гуйчжоу)	Цяньху (Гуйчжоу)	Ландэ (Гуйчжоу)	Дали (Юньнань)	Лицзян (Юньнань)	Лугуху (Юньнань)	Шигучэн (Юньнань)
Буи (22)	10	5	5	2	—	—	—	—	—	—
Хуэй (10)	1	—	1	—	—	—	8	—	—	—
Бай (12)	3	—	—	—	—	—	8	—	—	—
Мяо (14)	—	—	2	—	6	6	—	—	—	—
Наси (14)	—	—	—	—	—	—	—	3	—	11
Мосо (14)	—	—	—	—	—	—	—	2	—	12

В целом, можно сделать вывод о том, что ханизация национальных меньшинств будет продолжаться, поскольку самые значимые, с точки зрения самих малочисленных народов, признаки постепенно уходят из жизни молодого поколения. Наиболее устойчивыми к вызовам современного времени остаются религия (хуэй) и семейно-брачные отношения (мосо).

Библиографический список

1. *Грачева Ю.А*. Основные тенденции в образовательной политике национальных меньшинств Юго-западного Китая (на примере Гуйчжоу) // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК; отв. ред. А.В.Виноградов. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018.

2. *Грачева Ю.А*. Современная деревенская жизнь народа буи в Гуйчжоу (на основе полевых материалов) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1.

3. *Копцева Н.П.* Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. 2014. № 6.

4. *Колесник М.А*. Специфика понимания слова «Родина» студентами Сибирского федерального университета // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2.

5. *Кривоногов В.П*. Этническое сознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т.6. № 6.

6. *Пименова Н.Н.* Проблемы образования детей коренных малочисленных народов Сибири и Севера в Красноярском крае // Инновации в непрерывном образовании. 2012. № 3(5).

7. *Mackerras, Colin* 1994. China's Minorities: Integration and Modernization in the Twentieth Century. Hong Kong, Oxford, New York: Oxford University Press.

8. *Postiglione. G.A.* Ethnic Minority Identity and Educational Outcomes in a Rising China. The University of Hong Kong, Hong Kong. 2010.

9. *Wang Linzhu.* The Identification of Minorities in China // Asian-Pacific Law & Policy Journal, 2015, 16(2), 1-21. URL: http://blog.hawaii.edu/aplpj/files/2015/09/APLPJ_16_2_Wang.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

10. *Wang Linzhu*. Self-determination and Minority Rights in China. Brill, Nijhoff. 2018.

11. 2016 年贵州省人口数量排名, 人口比例计算方法. (Демографическая статистика населения Гуйчжоу в 2016 г., методы демографических расчётов). URL: http://www.dxs518.cn/zhengce/minsheng/462485.html (дата обращения: 20.04.2019).

12. 贵州省统计局. 贵州人口数据汇集 第六次人口普查. (Статистическое управление пров. Гуйчжоу. Демографические данные согласно 6-й переписи населения в провинции Гуйчжоу). Гуйян: Материалы статистического управления пров. Гуйчжоу, 2011.

13. 论民族的三个基本属性. (К вопросу о трёх базовых признаках этнической идентификации). 徐黎丽 (Сюй Лили), 钟鸣 (Чжун Мин). Ланьчжоу: Сибэй миньцзу яньцзю. 2013. № 4.

14. 黔西南州统计局. 黔西南州 2010 年第六次人口普查主要数据公报. (Бюро статистики округа Цяньсинань. Доклад по основным данным 6-й переписи населения округа Цяньсинань 2010 г.). URL: http://www.qxn.gov.cn/View/tjsj.1/41733.ht (дата обращения: 20.04.2019).

References

1. *Gracheva YU.A*. Osnovnyye tendentsii v obrazovatel'noy politike natsional'nykh men'shinstv YUgo-zapadnogo Kitaya (na primere Guychzhou) [The main trends in educational policy of national minorities in South-Western China (on the example of Guizhou)] // Novaya epokha: Kitay posle XIX s"yezda KPK. Otv.red. A.V.Vinogradov. Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii TSentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN (Moskva, 14 i 16 marta 2018 goda). M.: IDV RAN, 2018.

2. *Gracheva YU.A.* Sovremennaya derevenskaya zhizn' naroda bui v Guychzhou (na osnove polevykh materialov) [Modern village life of buoy people in Guizhou (based on field materials)] // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye. 2018. T. 48. № 1.

3. *Koptseva N.P.* Vliyaniye sovremennykh kul'turnykh praktik na etnicheskuyu identichnost' korennykh malochislennykh narodov TSentral'noy Sibiri [The influence of modern cultural practices on the ethnic identity of the indigenous peoples of Central Siberia] // Sotsiodinamika. 2014. № 6.

4. *Kolesnik M.A*. Spetsifika ponimaniya slova «Rodina» studentami Sibirskogo federal'nogo universiteta [Specificity of understanding of the word "Motherland" by students of Siberian Federal University] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 2.

5. *Krivonogov V.P*. Etnicheskoye soznaniye i yazykovyye protsessy u dolgan [Ethnic consciousness and language processes of Dolgans]. Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2013. T. 6. № 6.

6. *Pimenova N.N.* Problemy obrazovaniya detey korennykh malochislennykh narodov Sibiri i Severa v Krasnoyarskom kraye [Problems of education of children of indigenous peoples of Siberia and the North in the Krasnoyarsk region]// Innovatsii v nepreryvnom obrazovanii. 2012. № 3(5).

7. *Mackerras, Colin* 1994. China's Minorities: Integration and Modernization in the Twentieth Century. Hong Kong, Oxford, New York: Oxford University Press.

8. *Postiglione. G.A.* Ethnic Minority Identity and Educational Outcomes in a Rising China. The University of Hong Kong, Hong Kong. 2010.

9. *Wang Linzhu.* The Identification of Minorities in China. Asian-Pacific Law & Policy Journal, 2015, 16(2). URL: http://blog.hawaii.edu/aplpj/files/2015/09/APLPJ_16_2_Wang.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

10. *Wang Linzhu*. Self-determination and Minority Rights in China. Brill, Nijhoff. 2018.

11. 2016 年贵州省人口数量排名,人口比例计算方法. (Demographic statistics of the population of Guizhou in 2016, methods of demographic calculations]. URL: http://www.dxs518.cn/zhengce/minsheng/462485.html (access: 20.04.2019).

12. 贵州省统计局. 贵州人口数据汇集第六次人口普查. [Statistical Office of Guizhou Province. Demographic data from the 6th Census in Guizhou Province]. Guyyan, 2011.

13. 徐黎丽 (Xu Lili), 钟鸣 (Zhong Ming). 论民族的三个基本属性. [On the question of the three basic characteristics of ethnic identification]. // Sibei min'tszu yan'tszyu. Lan'chzhou: 2013. № 4.

14. 黔西南州统计局. 黔西南州 2010 年第六次人口普查主要数据公报. [Statistics Bureau of Qianxinan County. Report on basic data of the 6th census of the population of the Qianxinan district in 2010]. URL: http://www.qxn.gov.cn/View/tjsj.1/41733.ht (access: 20.04.2019).

Примечания

[1] 徐黎丽 (Сюй Лили), 钟鸣 (Чжун Мин). 论民族的三个基本属性. (К вопросу о трёх базовых признаках этнической идентификации) // Сибэй миньцзу яньцзю, Ланьчжоу: 2013, № 4. С. 79—91.

[2] *Postiglione. G.A*. Ethnic Minority Identity and Educational Outcomes in a Rising China. The University of Hong Kong, Hong Kong. 2010.

[3] *Mackerras, Colin* 1994. China's Minorities: Integration and Modernization in the Twentieth Century. Hong Kong, Oxford, New York: Oxford University Press.

[4] *Wang Linzhu.* Self-determination and Minority Rights in China. Brill, Nijhoff. 2018.

[5] *Wang Linzhu*. The Identification of Minorities in China. Asian-Pacific Law & Policy Journal, 2015, 16(2), 1-21. URL: http://blog.hawaii.edu/aplpj/files/2015/09/ APLPJ_16_2_Wang.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

[6] См., напр.: *Копцева Н.П*. Влияние современных культурных практик на этническую идентичность коренных малочисленных народов Центральной Сибири // Социодинамика. 2014. № 6. С. 1—27; *Колесник М.А*. Специфика понимания слова «Родина» студентами Сибирского федерального университета // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 648; *Кривоногов В.П.* Этническое сознание и языковые процессы у долган // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6. № 6; *Пименова Н.Н*. Проблемы образования детей коренных малочисленных народов Сибири и Севера в Красноярском крае // Инновации в непрерывном образовании. 2012. № 3(5). С. 012—018.

[7] 2016 年贵州省人口数量排名,人口比例计算方法. (Демографическая статистика населения Гуйчжоу в 2016г., методы демографических расчётов). URL: http://www.dxs518.cn/zhengce/minsheng/462485.html (дата обращения: 20.04.2019).

[8] Там же.

[9] В 2010 г. численность народа буи составляла 2,87 млн человек. Большая часть буи (97 %) проживает в пров. Гуйчжоу — в Цяньсинань-Буи-Мяоском и Цяньнань-Буи-Мяоском автономных районах, незначительное количество этого народа проживает также в провинциях Юньнань, Гуанси, а также в северной части Вьетнама. Язык буи принадлежит к тайской группе тай-кадайских языков. См.: 贵州省统计局. 贵州人口数据汇集第六次人口普查. Материалы 6-й переписи населения Гуйчжоу. Статистическое управление провинции Гуйчжоу. Гуйян. 2011.

[10] Там же.

[11] 黔西南州统计局. 黔西南州 2010 年第六次人口普查主要数据公报. (Бюро статистики округа Цяньсинань. Доклад по основным данным 6-й переписи населения округа Цяньсинань 2010 г.). URL: http://www.qxn.gov.cn/View/tjsj.1/417 33.ht (дата обращения: 20.04.2019).

[12] Подробное описание жизни буи в деревне Дадан см.: *Грачева Ю.А*. Современная деревенская жизнь народа буи в Гуйчжоу (на основе полевых материалов) // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1. С. 103—120.

[13] Подробнее о тенденциях в национальном образовании см.: *Грачева Ю.А*. Основные тенденции в образовательной политике национальных меньшинств Юго-западного Китая (на примере Гуйчжоу) // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / отв. ред. А.В. Виноградов. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 172—198.

И.Е. Пожилов,
ИДВ РАН, к.и.н.

ПАРТИЯ, АРМИЯ И ВЛАСТЬ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КПК

Аннотация. На основе не знакомых отечественной историографии первоисточников рассмотрен ряд существенных реалий утверждения господства КПК в опорных базах периода «аграрной революции» и восприятия Советов, под флагом которых оно осуществлялось, в массовом сознании крестьянства.

Принятый китайскими коммунистами в качестве образца для воплощения большевистский концепт девальвации исконных Советов как органов народоправства и их перевоплощения в квазидемократический субъект камуфляжа партийного самодержавия, не в пример отторгнувшим подлог российским пролетарским и непролетарским сельским слоям, поднявшимся на защиту революционных завоеваний, не встретил какого-либо отрицания со стороны индифферентной к подобным ценностям деревни в Китае, хотя и не без сожаления подметившей, что «власть эта не наша, не крестьянская, а компартии». В целом, крестьяне не проводили особых различий между традиционной бюрократией и новой администрацией, по причине кадрового голода и ее ничтожной значимости в глазах партийных верхов погрязшей во всех и сверх того пороках, свойственных прежним управленческим структурам.

Функционально Советам китаизированной версии отводилась роль своего рода фискально-надзорного ведомства, ответственного за выемку ценностей у населения

как единственного материального источника выживания режима; вменялись в обязанность поголовный контроль за настроениями масс и связанные с обеспечением трудовой повинности мобилизационные мероприятия, а также всемерное содействие призыву на воинскую службу и борьба с дезертирством. Специфика неизменно фронтовой обстановки в совокупности с приоритетом насилия вообще, равно как и известная симпатия деревни к ставшей, наконец, по личному составу крестьянской Красной армии обусловили, де-факто, вторичную атрибуцию мандата Советов как придатка КПК в безраздельную вотчину правления вооруженных сил, а в широко бытовавшей в партийных кругах радикальной постановке вопроса — склонение признать военных важнейшей движущей и направляющей силой коммунистической революции.

Ключевые слова: большевизм, советская власть, Китай, КПК, аграрная революция, китаизация Советов, китайская Красная армия.

Автор: Пожилов Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: pozhilov1@yandex.ru

«Русской массе, — в 1917 г. поучал Ленин М. Горького, крайне удрученного разгулом маргинальной охлократии и молившегося на спасительную «Учредилку», — надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто»[1]. Положим, с коммунизмом вождь погорячился, но относительно Советов, если иметь в виду порожденное Первой русской революцией их подлинное естество как формы «надпартийного народоправства», он был абсолютно прав. Полыхавшие на протяжении всей Гражданской войны от Поволжья до Сибири массовые антибольшевистские восстания выдвинули лозунги, проще не бывает: «Да здравствуют Советы! Долой коммунистов!»[2]. Если иметь в виду, как на самом деле Ленин понимал продукт политического активизма трудящихся, то и здесь ему в правоте (конечно, своеобычной) не откажешь: «Совет рабочих депутатов не рабочий парламент, ...вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей»[3]. Каких же?

Совдепы — нет, не те исконные, но выхолощенные и непрекословные — как нельзя лучше годились (ведь не навязаны сверху, но подсказаны снизу!) для «искоренения пережитков капиталистического общества, этих отбросов человечества» и установления безраздельной однопартийной диктатуры[4]. Всегда имевшие успех «примитивная логика» и «доведенный до абсурда схематизм» большевиков побуждали и в конечном счете подвели организатора «триумфального шествия советской власти» к обобщению, достойному статься высшим принципом марксистского обновленчества: «...Пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти»[5].

Потому, разворачивая китайскую национальную революцию в русло тотального общественного переворота и преемствуя устроителю невиданного прежде «партии-государства», Сталин указал руководству КПК на потребность перво-наперво заняться «*насаждением* советов», а не чем-либо еще[6]. У китайских товарищей, приступавших на ту пору к разжиганию «аграрной революции на плечах крестьянства и ради крестьянства», этого по-ленински «лучшего человеческого материала против коммунистов» (весьма любопытная антитеза химере Мао о невероятных бунтарских потенциях сельского обывателя[7]), возражений, разумеется, не нашлось. «...Демократия — это совсем не наша цель, а средство захвата масс», — озвучил принятое Чжоу Эньлай, слегка огорошив тягой к суровой правде даже видавших виды эмиссаров из Москвы[8]. В партийной глуши трезвую мысль заглавного члена Политбюро горячо поддержали, снабдив комментариями вроде такого: «Крестьяне без этой самой демократии как-нибудь да перебьются; ...Советы, власть народу? Не смешите, партия и власть — одно и то же»[9].

Увековеченному оглашению никто, собственно, и не возражал. Разглядев поближе выдаваемое за «вашу свойскую управу», крестьяне — даром что «темнота неграмотная» — живо сообразили, «куда податься, если сильно припечет»: «Компартия заведует всем, а *сувэйай* здесь ни сном, ни духом — сплошь вранье, твою мать, сплошь обман»[10]. Так или иначе, но пересаженные на китайскую почву суррогатные Советы возникли повсеместно в опорных базах КПК, взяв на себя миссию, как и предписывала квазидемократическая платформа российских большевиков, служить слепым придатком партийных комитетов («приказано — сделано»), вернее «секретарского патриархата», что также без труда считывалось невежественным мужиком. Столь же уместно авторитарными китайские коммунисты выказали себя в «дискуссии» с возникшими стихийно в отдельных партизанских анклавах «вольными Советами», разделившими славные традиции крестьянских союзов времен Великой революции, где по-большевистски запросто не убивали и не жгли. «Граждане свободной деревни» называли их *байпи-хунсинь* («белая кожа — алое сердце») и чрезвычайно гордились своей «благодетельной властью»[11]. К исходу 1929 г. стараниями мастеров «правильно разрешать противоречия внутри народа» Чжу-Мао, усмотревших в несанкционированном партией почине «коварные контрреволюционные поползновения», смута канула в Лету, а ее проводники под надуманными предлогами пущены в расход. Зароптавших было лишенцев угомонили входившим в моду, но уже сакральным «Дело освобождения отныне в ваших руках!»[12].

Ни на гран не самодеятельные и никем по факту не избираемые, Советы депутатов, или «*чжунгун ямэнь*» («чиновные присутствия киткомпартии»), как вскорости нарекли их в массах, легли на плечи крестьянства произволом, стяжательством и чванством не лучше стародавнего[13]. Как правило, в органы «наро-

доправства» китайского покроя ссылали подмочивших репутацию партийных и армейских *ганьбу* («паршивый элемент»), а восполняли «революционным авангардом» (читай: прохвостами и отребьем) из местных. Практика так называемой советской работы КПК изобилует разящими свидетельствами нравственного одичания, мздоимства и особенно «коммерции за общественный счет» (продажи своим же войскам оружия и патронов с черного рынка по баснословным ценам; спекуляции зерном и ширпотребом из неприкосновенных запасов; липовые сделки с землей и др.)[14]. «Только и знают, что отдавать приказы массам, драть три шкуры и штрафовать бедноту, без разбору отправлять стариков и детишек в носильщики; в поле страда, а им дармоедам все ни по чем, — информируют ЦК из парткома пров. Цзянси о прочих бдениях *сувэйай*. — Режутся в мацзян, вырядились в халаты из краденых шелков, веерами помахивают, нажрали морды, ...ни дать ни взять цинские чинуши»[15].

Критика критикой, но кое-какую пользу для «вставания с колен» Советы все-таки приносили, а на заре, когда предприятием ведали лишь кочующие команды красноармейцев да пришлые агитаторы-чужаки, и немалую. К примеру, экономическим фундаментом господства КПК в деревне на протяжении всего периода «борьбы с реакцией» являлся повальный грабеж подданных и окрестных «бедолаг-буржуев» (в норме не слишком-то зажиточных и нередко чтимых людей), выдаваемый за праведную «экспроприацию мироедов»[16]. Будь подругому, режиму грозил бы стремительный крах от голода и разрухи, а земельный вопрос располагался бы в прокламациях коммунистов первым, «потроши *тухао*» — вторым, но не наоборот. И в связи с этим без помощи «советских тунеядцев», хорошо знавших материальный достаток каждого двора, обеспечить непрерывное финансирование проекта «революция за ваш счет» было нереально — подобру делиться пожитками никто из причисленных к «спонсорам» не жаждал. Зачастую «власть Советов» в кооперации с партаппаратом и так называемыми партизанами имела прямое касательство и к «панихиде по баранам», как кодировался обыкновенный киднеппинг (не гнушались похищать даже младенцев, за которых вымогали кратные суммы), поставленный на конвейер и приносивший ревнителям пролетарской морали отнюдь не плохой барыш[17].

Наконец, безусловную выгоду от *сувэйай* получали вооруженные силы КПК, добровольческие номинально и комплектуемые принудительно в существе. «Конторы ублажения *Хунцзюнь* [Красной армии]» (еще одна популярная в массах «номинация» Советов) ведали воинским призывом, вернее «стряпаньем волонтерской депеши», как самого страшного бедствия для крестьянства, положительно не хотевшего проливать кровь за кого бы то ни было[18]. Имущим избежать мобилизации хлопот не составляло (сверхприбыльным сбытом «белых билетов» советские *ганьбу* промышляли неусыпно), а голытьбе приходилось либо тянуть лямку за всю деревню, либо пускаться в бега. Хотя дезертиров ло-

вили сходом от мала до велика (круговая порука никуда не делась), отвечали за результат Советы, бить баклуши в которых становилось все более накладно, поскольку рекрутский резерв достаточно быстро истощился, спускаемые же сверху планы по «наращиванию *Хунцзюнь*» не урезали; и напротив, питаемой к ним глухой ненависти сельчан только прибавлялось[19]. А ко всему остальному из предложенного КПК взамен треклятой диктатуры Чан Кайши крестьяне, хватившие лиха от владычества милитаристов и неплохо подкованные щедрыми посулами национал-революционеров, относились вполне спокойно: «Есть что сказать, не скажешь; есть что сделать, не сделаешь»[20].

Казалось бы, неприязненного отношения к себе не могла избежать и Красная армия, нуждавшаяся в солдатах-смертниках как в хлебе насущном, — ее потери ввиду необученности к ведению ординарной войны и скверного оснащения превышали все мыслимые и немыслимые пределы[21]. Однако пожертвовавшая на заклание военным едва ли не всех своих сыновей (с 1932 по 1934 г. только в Центральном Советском районе призвано и отконвоировано на фронт органами ГУПО свыше 270 тыс. человек, т. е. почти полностью молодежь мужского пола), деревня, пусть их и не жаловала, но в отличие от Советов вкупе с партийцами и не поносила последними словами, отказав в известном сочувствии лишь на пороге агонии[22]. Получалось ровно так, как дурачились остряки: «Мы любим *Хунцзюнь* за то, что она нам всю жизнь испоганила»[23].

Замысловатая коллизия «породнения» масс и армии имела и другой немаловажный аспект. В условиях перманентных боевых действий, когда при- и фронтовая полоса подчас перекрывала до половины «новых районов», как пропаганда величала еще не советизированное либо уже утраченное пространство, армия правом пионера «временно» брала власть в свои руки (собирала ее осколки), подменяя собою прятавшиеся в глубоком подполье (сбежавшие в тылы) советские кадры. Следует подчеркнуть особо, явно перестаравшиеся на заре «аграрного» натиска с поджогами и расправами краскомы, в компенсацию репутационного убытка, старались правдами и неправдами дистанцироваться от возбуждения классовой розни и эксплуатировать в угоду архаичным настроениям деревни некую патерналистскую ипостась (в оригинале суть шантажный ресурс), в то время как парторгам, продолжавшим эксперимент, доставалась от нее разве что непотребная брань. Благодаря этому, очень серьезному обстоятельству Красная армия в крестьянских ощущениях воспринималась, пожалуй, единственным слагаемым «подлой советчины», удостоенным скупого, но уважения[24]. В силу именно такого размена будет позволительно согласиться с заключениями некоторых китайских историков, предлагающих рассматривать КитРККА «в качестве настоящего субститута *сувэйай*»[25], которому — добавим от себя — логикой абортивной революции

выпало явиться той самой «боевой организацией» и т. д., о чем вещал лидер российских большевиков.

Все та же логика «острой до бешенства, до отчаяния борьбы» не может не подвигнуть к вопросу и о том, а не замещала ли Красная армия, хоть ненароком, на чуть-чуть нечто более весомое, нежели никчемные Советы? Как ни странно, в сообществе уже поднабравшихся конструктивного опыта коммунистов и наперед одержимых возведенного в абсолют вооруженного насилия кощунственное вопрошание вряд ли бы вызвало переполох. Слыхали и не такое. В партийных и беспартийных массах опорных баз незаметно, но твердо и бесповоротно усвоили, что «без Красной армии ничего не решить»; «пускай она захватывает города, прибавляет земель»; «занимается пропагандой» и «поднимает массы»; «дает деньги, зерно, соль, товары», «работает в поле» и даже «покупает себе бойцов, а не вяжет веревками несчастных»[26]. Иные из вчерашних поборников «не смешите...» — и не армейских, а статских — без смущения бравировали совсем уж эпатажным «Красная армия крепнет, компартия испускает дух». А затем, «забросив массы куда подальше», поднимались к оглашению альфы и омеги советского бытия: «*Хунцзюнь* — это наше все!»[27].

«Может ли такая партия руководить революцией?», — ребром ставится проблема эрозии незыблемых начал в докладе одного из особкомов КПК. На 2-й партконференции Западной Фуцзяни (1929 г.) делегат не из последних, дважды назвав Красную армию «главной движущей силой освобождения угнетенных» и сорвав овации, ответит на него с исчерпывающей ясностью: «Мы сможем покончить с гоминьдановской тиранией, только самоотверженно укрепляя наши войска и всюду создавая партизанские дружины». А где же хвала «передовому отряду»? Увы, о нем ни слова[28].

Двумя десятилетиями позднее, когда задачу выполнили и стояли в преддверии грядущей «новодемократической» государственности, Мао Цзэдун, будто выслушав речь воинствующего соратника, на 2-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва лаконично возвестит: «То, что называют Народной республикой, это есть Народно-освободительная армия»[29].

Библиографический список

1. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010.

2. *Варшавский В.С.* Родословная большевизма. Paris, 1982.

3. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. М., 1999.

4. *Волин В.М.* Неизвестная революция. 1917—1921. М., 2005.

5. *Гурьев А.* Как закалялся агитпроп. М., 2011.

6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55-ти т. 5-е изд. М., 1968—1974.

7. *Пожилов И.Е.* Для кого фандрайзинг, для кого грабеж (Об «экспроприации мироедов» в аграрной революции КПК) // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2018.

8. *Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000.

9. 王连花. 动员与反动员：中央苏区扩军运动(Ван Ляньхуа. Мобилизация и контрмобилизация: движение «Наращивай Красную армию» в Центральном советском районе) // Хубэй синчжэн сюэюань сюэбао. 2010. № 3.

10. 廖袁泽。我的片断回忆. (*Ляо Юаньцзэ*. Мои отрывочные воспоминания). Нанкин, 1986.

11. 闽浙皖赣革命根据地. (Революционная опорная база Фуцзянь-Чжэцзян-Аньхой-Цзянси). Т. 1. Пекин, 1991.

12. 兴国文史资料选辑. (Избранные материалы по культуре и истории Синго). (Для служебного пользования). Т.3. Наньчан: [Б.и.], 1990.

13. 肖克. 朱毛红军侧记. (*Сяо Кэ*. Записки о Красной армии Чжу-Мао). Пекин, 1993.

14. 黄道炫. 中央苏区的革命. (*Хуан Даосюань.* Революция в Центральном советском районе). Пекин, 2011.

15. 黄琨. 革命、革命运行与个体生存性感受:1927—1929 年的中共革命. (*Хуан Кунь*. Революция, пути революции и психология выживания индивида: революция КПК 1927—1929 гг.) // Эршии шицзи. 2006. № 2 (47).

16. 回忆中央苏区. (Воспоминания о Центральном советском районе). Наньчан, 1981.

17. 井冈山革命根据地. (Цзинганшаньская революционная опорная база). Т.1. Цзиань, 1987.

18. 江西革命历史文件汇集 。1929 年；1932 年. (Документы по истории революции в Цзянси. 1929 г.; 1932 г.). (Для служебного пользования). Наньчан: Цзянси шэн данъаньгуань, 1992.

19. 江西党史资料。中央苏区第五次“围剿”. (Материалы по истории партийной организации Цзянси. 5-й «поход на окружение» против ЦСР). Ч. 2. Наньчан: Чжунгун Цзянси шэнвэй данши яньцзюши бяньинь, 1992.

20. 中国工农红军第四方面军战事资料选编。鄂豫皖时期. (Избранные материалы по боевой истории 4-го фронта КитРККА. Период базирования в районе Хубэй-Хэнань-Аньхой). Ч.2. Пекин, 1993.

21. 中央革命根据地史料选编. (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы). Т. 1. Наньчан, 1982.

22. 中央革命根据地历史资料文库。政权系统. (Материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Система власти). Наньчан, 2013.

23. 张宏卿，肖文燕. 农民性格与中共的乡村动员模式. (*Чжан Хунцин, Сяо Вэньянь*. Крестьянский характер и методы КПК по мобилизации деревни) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2012. № 5.

24. 陈伯钧日记. (Дневник Чэнь Боцзюня). Пекин, 2001.

25. 鄂豫皖苏区革命历史文件汇集. (Документы по истории революции в советском районе Хубэй-Хэнань-Аньхой). Т.2. Ухань, 1988.

26. 杨尚昆日记. (Дневник Ян Шанкуня). Т.1. Пекин, 2001.

References

1. Varshavskiy V.S. Rodoslovnaya bol'shevizma [The Ancestry of Bolshevism]. Paris, 1982.

2. VKP(b), Komintern i Kitay. Dokumenty [VKP(b), the Komintern and China]. Moscow, 1999.

3. Volin V.M. Neizvestnaya revolyutsiya [The Unknown Revolution, 1917—1921]. Moscow, 2005.

4. Gur'yev A. Kak zakalyalsya agitprop [How Hardened the Agitprop]. Moscow, 2011.

5. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red distemper. The Nature and Consequences of the Revolutionary Violence]. Moscow, 2010.

6. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. 5-e izd [The Complete Works]. Moscow, 1968—1974.

7. Pozhilov I.E. Dlya kogo fandrayzing, dlya kogo grabezh: ob «ekspropriatsii miroyedov» v agrarnoy revolyutsii KPK) [One's Fundraising, the Other's Robbery: on "Expropriation of Exploiters" in the CCP's Agrarian Revolution] // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye. Vol. XLVIII. Part 1. Moscow, 2018.

8. Stepun F.A. Sochineniya [The Writings]. Moscow, 2000.

9. 王连花 (Wang Lianhua). 动员与反动员：中央苏区扩军运动. [Mobilization and Countermobilization: the Movement "Increase the Red Army" in the Central Soviet Region] // Hubei Xingzheng xueyuan xuebao. 2010. No. 3.

10. 廖袁泽 (Liao Yuanze). 我的片断回忆. [My Random Memories]. Nanjing, 1986.

11. 闽浙皖赣革命根据地. [Fujian-Zhejiang-Anhui-Jiangxi Revolutionary Base]. Vol. 1. Beijing, 1991.

12. 兴国文史资料选辑. [Selected Material on Culture and History of Xingguo. For office use only]. Nanchang, 1990.

13. 肖克 (Xiao Ke). 朱毛红军侧记. [Notes about Zhu-Mao Red Army]. Beijing, 1993.

14. 黄道炫 (Huang Daoxuan). 中央苏区的革命. [Revolution in the Central Soviet Region]. Beijing, 2011.

15. 黄琨 (Huang Kun). 革命、革命运行与个体生存性感受:1927—1929 年的中共革命. [Revolution, Ways of Revolution and the Psychology of Individual Survival: the Revolution of the CCP. 1927—1929] // Ershiyi shiji. 2006. No.2 (47). P.24—32.

16. 回忆中央苏区. [Memories about the Central Soviet Region]. Nanchang, 1981.

17. 井冈山革命根据地. [Jinggangshan Revolutionary Base]. Ji'an, 1987.

18. 江西革命历史文件汇集 。1929 年；1932 年. [Documents on the History of Revolution in Jiangxi. For office use only]. Nanchang, 1992.

19. 江西党史资料。中央苏区第五次"围剿". [Material on Jiangxi Party Organization. The 5-th "Encirclement Campaign" against the Central Soviet Region]. Nanchang, 1992.

20. 中国工农红军第四方面军战事资料选编。鄂豫皖时期. [Selected Material on the Combat History of the Chinese Worker-Peasant Red Army the 4-th Front Troops]. Part 2. Beijing, 1993.

21. 中央革命根据地史料选编. [Selected Material on the History of the Central Revolutionary Base]. Vol. 1. Nanchang, 1982.

22. 中央革命根据地历史资料文库。政权系统. [Material on the History of the Central Revolutionary Base. The System of Power]. Nanchang, 2013.

23. 张宏卿 (Zhang Hongqing), 肖文燕 (Xiao Wenyan). 农民性格与中共的乡村动员模式 . [Peasant Character and Methods of the CPC's Mobilization of Village] // Zhanlue yu guanli. 2012. No. 5.

24. 陈伯钧日记. [Chen Bojun Diary]. Beijing, 2001.

25. 鄂豫皖苏区革命历史文件汇集. [Documents on the History of Revolution in the Hubei-Henan-Anhui Soviet Region]. Vol. 2. Wuhan, 1988.

26. 杨尚昆日记. [Yang Shangkun Diary]. Vol. 1. Beijing, 2001.

Примечания

[1] Цит. по: *Гурьев А.* Как закалялся агитпроп. М., 2011. С. 88—89.

[2] См.: *Волин В.М.* Неизвестная революция. 1917—1921. М., 2005. С. 41—48.

[3] *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. Т. 12. С.130. Вопрос об «исторической миссии пролетариата» Маркс, кстати, ставил куда как более непринужденно, чем его последователь: «То, что тот или другой пролетарий или даже весь пролетариат воображает своей целью, не имеет значения» (См.: Варшавский В.С. Родословная большевизма. Paris, 1982. С. 56).

[4] *Ленин В.И.* ПСС. Т.35. С.200. К рудиментам опрокинутой эпохи Ленин, что весьма примечательно в настоящем контексте, относил и крестьянство, называя абсолютное большинство населения страны «врагом, погубившим все прежние революции» (См.: Там же. Т.44. С.163). Не случайно, именно российским крестьянам, а не пролетариату, как оказалось, вовсе не мечтавшему о создании «своего рабочего государства», в послеоктябрьский период принадлежала ведущая роль в утверждении «природных» властных Советов в противовес нараставшей большевистской тирании (См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С.96).

[5] См.: *Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000. С. 17; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 147.

[6] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. Ч. 2. М., 1999. С. 130.

[7] Тезис первейшего протагониста революционной субъектности китайского крестьянства в руководстве КПК не разделяли, справедливо полагая проявлением некой фронды недооцененного теоретика. Достаточно сослаться на его ближайшего сподвижника Пэн Гунда, утверждавшего, что оно, крестьянство, *«политически* ничего из себя не представляет» (см.: 井冈山革命根据地. [Цзинганшаньская революционная опорная база]. Т. 1. Пекин, 1987. С. 35).

[8] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. III. Ч. 1. С. 575.

[9] 中央革命根据地历史资料文库。政权系统. (Материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Система власти). Пекин, 2013. С. 123.

[10] 鄂豫皖革命根据区. (Революционная опорная база Хубэй-Хэнань-Аньхой). Т. 2. Чжэнчжоу, 1990. С. 182.

[11] Подобного рода Советы обычно возникали в так называемых буферных зонах, куда периодически наведывались гоминьдановские войска. Советскую власть здесь не афишировали, маскируя вывесками законных органов местной администрации. В партийных кругах их именовали «скрытно отторгнутыми районами» и видели будущее именно за ними, а не «цзинганшаньским тупиком» (см.: 肖克 (Сяо Кэ). 朱毛红军侧记. [Записки о

Красной армии Чжу-Мао]. Пекин, 1993. С.133—134; 中央革命根据地史料选编. [Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы]. Т. 1. Наньчан, 1982. С. 132).

[12] 江西革命历史文件汇集 (1929 年.) (Документы по истории революции в Цзянси. 1929 год. Для служебного пользования). Наньчан, 1992. С. 198.

[13] 中央革命根据地史料选编. [Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы]. Т.1. С. 201.

[14] См.: 张宏卿, 肖文燕 (Чжан Хунцин, Сяо Вэньянь). 农民性格与中共的乡村动员模式. (Крестьянский характер и методы КПК по мобилизации деревни) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2012. № 5. С. 63.

[15] 兴国文史资料选辑。 (Избранные материалы по культуре и истории Синго. Для служебного пользования). Т. 3. [Б.м.], 1990. С. 183.

[16] «Борьба за кошельки» классового врага пополняла казну КПК значительными денежными средствами, поначалу достаточными для погашения непомерных военных расходов и содержания целого сонмища партийно-советской бюрократии — в ЦСР от 300 до 400 тыс. кадров и обслуги, армейских чинов и воинства на 2,2 млн населения (См.: 黄道炫 (Хуан Даосюань). 中央苏区的革命. [Революция в Центральном советском районе]. Пекин, 2011. С. 287).

[17] См.: *Пожилов И.Е.* Для кого фандрайзинг, для кого грабеж (Об «экспроприации мироедов» в аграрной революции КПК) // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII. Ч. 1. М., 2018. С. 62—70.

[18] 中国工农红军第四方面军战事资料选编。鄂豫皖时期. (Избранные материалы по боевой истории 4-го фронта КитРККА. Период базирования в районе Хубэй-Хэнань-Аньхой). Ч. 2. Пекин, 1993. С. 279.

[19] Дезертирство, в частности в Центральной армейской группе, приняло лавинообразный характер с конца 1933 г. В некоторых соединениях расходилось по домам до трети и более личного состава; задержанные и отправленные назад, многие убегали вновь (рекордно — по шесть раз). Если ранее за «самоволку» полагался тюремный срок или расстрел, то с весны 1934 г., когда призывать уже было некого, дезертир превратился в фигуру неприкасаемую, и все последующие его проводы на фронт обставлялись с не меньшей помпой, чем исходное «торжество» (См.: 回忆中央苏区 . [Воспоминания о ЦСР]. Наньчан, 1981. С.353, 375; 陈伯钧日记. [Дневник Чэнь Боцзюня]. Т. 1. Пекин, 2001. С. 136).

[20] 闽浙皖赣革命根据地. (Революционная опорная база Фуцзянь-Чжэцзян-Аньхой-Цзянси). Т. 1. Пекин, 1991. С. 235.

[21] См.: 江西党史资料。中央苏区第五次“围剿”. (Материалы по истории партийной организации Цзянси. 5-й *«вэйцзяо»* против ЦСР). Ч. 2. Наньчан, 1992. С. 36—37.

[22] См.: 王连花 (Ван Ляньхуа). 动员与反动员 : 中央苏区扩军运动. [Мобилизация и контрмобилизация: движение «Наращивай Красную армию» в Центральном советском районе] // Хубэй синчжэн сюэюань сюэбао. 2010. № 3. С.78—79. Ситуация по опорным базам сильно разнилась, и где-то войска коммунистов крестьяне воспринимали как своего самого заклятого врага: «Это не армия, это — бандиты» (См.: 鄂豫皖苏区革命历史文件汇集. [Документы по истории революции в советском районе Хубэй-Хэнань-Аньхой]. Т. 2. Пекин, 1988. С. 66.

[23] 廖袁泽 (Ляо Юаньцзэ)。我的片断回忆. [Мои отрывочные воспоминания]. Нанкин, 1986. С. 28.

[24] См.: 黄琨 (Хуан Кунь). 革命、革命运行与个体生存性感受:1927—1929 年的中共革命. (Революция, пути революции и психология выживания индивида: революция КПК 1927—1929 гг.) // Эршии шицзи. 2006. № 2 (47). С. 27—28.

[25] См.: 黄道炫 (Хуан Даосюань). Указ. соч. С. 169.

[26] См.: 江西革命历史文件汇集 。1929 年 ; 1932 年. (Документы по истории революции в Цзянси. 1929 г.; 1932 г.). (Для служебного пользования). Наньчан: Цзянси шэн данъаньгуань, 1992. С. 111, 134, 149, 157, 165.

[27] См.: 中央革命根据地史料选编. [Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы]. Т.1. С. 166; 江西革命历史文件汇集 。1933 年-1934 年. (Документы по истории революции в Цзянси. 1933—1934 гг.). С. 134.

[28] 兴国文史资料选辑. (Избранные материалы по культуре и истории Синго). (Для служебного пользования). Т.3. С. 181; 中央革命根据地史料选编. [Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы]. Т. 1. С. 274—275.

[29] Цит. по: 杨尚昆日记. (Дневник Ян Шанкуня). Т. 1. Пекин, 2001. С. 44.

А.Ю. Ионов,
ИДВ РАН, к.ф.н.

МАЯК ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В КНР 1950—1970-х ГОДОВ

Аннотация. Представлен обзор китайских исследований 1950—1970-х годов, посвященных конфуцианской патриотической традиции, заложенной Гу Яньу (1613—1682). Ценность идей Гу Яньу заключается в обращении к китайским классическим канонам, интерес к изучению которых во многом присущ действующему председателю КНР Си Цзиньпину.

Поиск рационального зерна в конфуцианском прагматизме Гу Яньу был начат еще во времена правления Гоминьдана. Его главный идеолог, революционер и философ Чжан Бинлинь (1869—1936) с детства изучал тексты Гу Яньу, считал себя продолжателем конфуцианской патриотической традиции. Для таких представителей китайской науки XX в., как Лян Цичао и Ху Ши, Хоу Вайлу и Цю Ханьшэн, было ясно, что новое китайское мировоззрение, включая и китайский марксизм, должно опираться на лучшее из того, что было в прошлом. В учении Гу Яньу им импонировала стратегия изменения китайского общества. Они продолжали воплощать замысел Гу Яньу, который заключался в том, чтобы рассмотреть китайские учения непредвзято и без сокращений.

Мао Цзэдун с юности высоко оценивал идеи Гу Яньу, особенно идеи бескомпромиссной борьбы. После окончания войны в Корее коммунистическая идеология нуждалась в адаптации к условиям международной изоляции. Поиск эффективной стратегии развития привлек внимание к патриотической идеологии прошлых эпох, что усилило интерес к учению Гу Яньу в 1950-е и в первой половине 1960-х годов.

«Культурная революция» не могла не повлиять на научное сообщество, но исследования наследия Гу Яньу продолжались. На смену политике разрушения пришла политика реформ и открытости, начатая прагматично настроенной группой во главе с Дэн Сяопином в 1978 г. Сторонники конфуцианской переработки марксизма осознали, что противоречия в ходе развития неизбежны, но компромисс с центробежными силами, разрушающими основы китайской цивилизации, не всегда возможен. Именно поэтому уже в наши дни председатель КНР Си Цзиньпин взял на вооружение проверенные временем патриотические идеи Гу Яньу.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, Мао Цзэдун, Гу Яньу, конфуцианство, легизм, государственное строительство, патриотизм.

Автор: Ионов Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: fuhu@yandex.ru.

В своих публичных выступлениях председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно цитировал фразу из трактата XVII в. «Записи ежедневных познаний», созданного конфуцианским ученым Гу Яньу (1613—1682).

Гу Яньу выразил данную мысль в конце раздела «Правильное начинание» (正始) 13-го свитка «Записей ежедневных познаний»: «Тот, кто сохраняет Поднебесную, [может оказаться] ничтожнейшим из простых людей, [который] принимает ответственность, и только!» (保天下者，匹夫之贱与有责焉耳矣)[1].

В XX веке идея Гу Яньу стала популярной в форме, предложенной Лян Цичао: «Поднебесная процветает и погибает, каждый несет ответственность за это» (天下兴亡, 匹夫有责). Перевести ее смысл на русский язык можно и так: «Расцвет и гибель Поднебесной касается каждого» или «Каждый несет ответственность за расцвет и гибель Поднебесной»[2].Стоит отметить, что данную фразу Гу Яньу еще в юности высоко оценил и взял на вооружение председатель Мао Цзэдун[3]. В чем же причины столь притягательного для лидеров КНР высказывания, пережившего не одну сотню лет?

Усилия Гу Яньу по сохранению фундаментальных принципов государственного строительства, в основе которого лежит конфуцианская идеология, впервые были оценены его врагами, династией Цин. Маньчжуры смогли создать эффективную систему государственного управления, не только захватить центральную власть в Китае, но и удерживать ее более двух с половиной веков.

В 1909 г. династия Цин (1644—1912) присвоила Гу Яньу посмертный титул «Конфуцианский Наставник, основавший государство» (开国儒师). Значение этого титула указывает на то, что Гу Яньу фактически заложил основы всей кадровой политики империи Цин. Действительно, 61 год правления Канси (1662—1723) считается не только высшим расцветом цинской государственности, но и самым продолжительным пребыванием у власти в китайской истории.

Тем не менее, государственное строительство династии Цин закончилось триумфальным восстановлением китайской государственности, как пишет А.И.Кобзев: «Канонизация Гу Яньу ненавистными ему маньчжурами, установившими табличку с его именем в храме Конфуция в 1909 г., зловещим образом почти совпала с крахом их правления в Китае в 1911 г.»[4].

Гу Яньу оставил след в политической культуре Китая как мыслитель, сознательно избегавший примирения с идеологическими противниками. К важнейшим исследованиям творчества Гу Яньу на китайском языке относятся книги Хуана Жучэна (1834), Се Гочжэня (1957), Чжана Шуньхуя (1957) и Чжоу Кэчжэня (1998, 1999, 2006, 2009). Интерес к наследию Гу Яньу был значительным еще во времена правления Гоминьдана. Китайский революционер и философ, идеолог китайского патриотизма Чжан Бинлинь (1869—1936) с детства изучал тексты Гу Яньу, считал себя продолжателем его учения. Свой псевдоним Тайянь (太炎) он взял в знак верности делу Гу Яньу, что также усилило интерес к произведениям великого конфуцианского ученого в XX веке[5].

Современные исследователи патриотического учения Гу Яньу следуют подходу, который заложили Лян Цичао (梁启超, 1873—1929) и Ху Ши (胡适, 1891—1962). Специфика данного подхода заключается в том, чтобы сделать предметом изучения не только идеологию, но и методологию самого Гу Яньу, его идею «параллельной подготовки» (兼备), когда «внешнее и внутреннее, военное и гражданское готовятся параллельно», а также принцип, близкий моральному императиву Канта «начинать рассмотрение с себя» (自我观)[6].

Критический подход в исследованиях конфуцианства, характерный для европейской науки, развивали Хоу Вайлу (侯外庐, 1903—1987), Цю Ханьшэн (邱汉生, 1912—1992) и Чжан Цичжи (张岂之, 1927). Они опирались на марксистскую методологию в изучении истории китайской мысли и философии. Для них Гу Яньу был одним из представителей эпохи Просвещения, поэтому эти ученые делали акцент на его связи с просветительской деятельностью в эпоху Цин.

Ведущий российский исследователь современной китайской философии В.Г.Буров особо отмечает заслуги Хоу Вайлу: «Именно Хоу Вайлу открыл для науки такую блестящую плеяду философов-материалистов, творивших на рубеже средневековья и нового времени, как Ван Чуаньшань, Хуан Цзунси, Гу Яньу, Чжан Сюэчэн, Дай Чжэнь и др. До него они представали, как правило, в виде либо комментаторов, либо в лучшем случае авторов сугубо социально-политических доктрин»[7]. После образования КНР расширилась проблематика исследований по истории китайской философии, что также затронуло и период правления династии Цин.

Патриотические настроения после победы в войне с Японией и прихода к власти коммунистов были необычайно сильны. Начало 1950-х годов для Китая ознаменовалось участием в Корейской войне (1950—1953), на которой погибло

немало китайских добровольцев, в том числе генерал-майор НОАК Мао Аньин, сын Мао Цзэдуна. После смерти И.В. Сталина и заключения перемирия в Корее коммунистическая идеология нуждалась в адаптации к новым условиям международной изоляции стран народной демократии. Поиск эффективной стратегии развития привлек внимание к патриотической идеологии прошлых эпох, что вызвало определенный интерес к учению Гу Яньу.

Чжоу Кэчжэнь в своей статье «Обзор научных исследований жизни Гу Яньу за 1950—2013 годы» упоминает 23 работы, написанные в этот период китайскими авторами. Среди них он выделяет 5 научных монографий: «Записки об учении Гу Тинлиня» Чжана Шуньхуя《顾亭林学记》(张舜徽，1957年初版), «Трое великих мыслителей конца Мин» Яна Тинфу《明末三大思想家》(杨廷福，1955，台北), «Научная биография Гу Тинлиня» Се Гочжэня《顾亭林学谱》(谢国桢，1957), «Краткое жизнеописание Гу Яньу» Чжао Лишэна《顾炎武传略》（赵俪生，1957） и «Разбор учения Гу Тинлиня» Тайбэйского центрального издательства памятников материальной культуры 《顾亭林学案》(台北中央文物供应社编，1954).

Из остальных работ Чжоу Кэчжэнь к наиболее важным относит следующие произведения: «Антицинская борьба мыслителя-патриота Гу Яньу» Чжао Лишэна《爱国主义思想家顾炎武底反清斗争》(赵俪生，1951), «Истоки учения Гу Нинжэня (Тинлиня) — исследование его становления и происхождения метода» Моу Жуньсуня《顾宁人（亭林）学术之渊源——考据学之兴起及其方法之由来》(牟润孙，1954), статью «Почему на рубеже Мин и Цин появились такие мыслители, как Гу Яньу, Хуан Цзунси и Ван Фучжи?» Яо Интина《明清之际何以会产生像顾炎武、黄宗羲、王夫之那样卓越的思想家？》(姚瀛艇，1954).

К началу следующего десятилетия китайское общество уже имело большой опыт социальных преобразований, оно испытало на себе последствия кампании «Ста цветов» и «Большого скачка», на смену революционному оптимизму пришел прагматизм. В 1960-е годы, согласно Чжоу Кэчжэню, было издано 55 работ, посвященных Гу Яньу.

Кроме брошюры «Гу Яньу» Ван Цзяна 《顾炎武》（汪江，1960）были опубликованы и приобрели большое значение «Краткий очерк учения Гу Тинлиня» Чжан Юна 《顾亭林思想概略》（张勇，1960）, «Ошибки «Записей ежедневных познаний», исправленные в молельне секретаря Яна [Е]» Юй Годуна《日知录>杨令公祠正误》（余国栋，1960）, «Жизнь и научная мысль Гу Яньу» Хуан Иминя《顾亭林的生平与学术思想》（黄逸民，1960）.

В 1961 г. были опубликованы «Исследование педагогической мысли Гу Яньу» Цинь Жуяня《顾亭林教育思想之研究》（秦汝炎， 1961）и «Рассуждение о науке Гу Тинлиня и истинном духе конфуцианства» Моу Жуньсуня《论顾亭林学术与儒家之真精神》（牟润孙，1961）.

Еще через год вышли «Изучение теории Гу Яньу» Цю Чуня 《顾炎武论学习》（邱椿，1962），«Историческое учение Гу Яньу» ЦзоуСяньцзюня《顾炎武的史学》（邹贤俊，1962），«Патриот Гу Яньу» У Ханя《爱国学者顾炎武》（吴晗, 1962），«Научная деятельность Гу Яньу в Шаньдун и его спор с Ли Хуаньчжаном о вопросах палеогеографии» Чжан Вэйхуа《顾炎武在山东的学术活动及其与李焕章辩论山东古地理问题的一校学术公案》(张维华，1962).

В 1963 г. была переиздана монография «Записки об учении Гу Тинлина» Чжан Шуньхуя《顾亭林学记（增订本）》（张舜徽，1963），а затем появились «Литературные идеи Гу Яньу» Цянь Чжунляня《顾亭林的文学思想》（钱仲联，1963）и «Академические нравы конца Мин — начала Цин» Се Гочжэня《明末清初的学风》（谢国桢，1963）. Тогда же были напечатаны работы «Об идеях Гу Яньу» Хуа Шаня и Ван Гэнтана《论顾炎武思想》（华山、王赓唐，1963），«Поэзия и проза Гу Яньу» Ван Цичжуна《顾炎武的诗歌与散文》（王气中，1963），«Современный язык в истории литературы Гу Яньу» Хуан Цуйбо《近代语文学史上的顾炎武》（黄淬伯，1963），«О «Записях ежедневных познаний» Гу Яньу» Лю Юйхуана《论顾炎武的<日知录>》（刘毓璜，1963），«Стиль мысли Гу Яньу» Чжан Цичжи《顾炎武的思想风格》（张岂之，1963）.

И сейчас вызывают интерес «Общественно-политическая и патриотическая мысль Гу Яньу» У Цзэ и Юань Ингуана《顾炎武的社会政治思想和爱国思想》（吴泽、袁英光，1963），«Борьба Гу Яньу с неоконфуцианством» Цзян Цзуаня《顾炎武反道学的斗争》（蒋祖安，1963），«От Гу Яньу к Чжан Бинлиню» Чжоу Юйтуна и Тан Чжицзюня《从顾炎武到章炳麟》（周予同、汤志钧，1963），«Гу Яньу и китайское общество XVII века» Фу Илина《顾炎武与十七世纪中国社会》（傅衣凌，1963）.

Актуальность идей Гу Яньу подтверждают «Исследование «Записей ежедневных познаний»: к 350-летнему юбилею со дня рождения Гу Яньу» Чжао Лишэна《顾炎武<日知录>研究——为纪念顾炎武诞生 350 周年而作》（赵俪生，1964），«Непостижимость чудесного и оскудение Китая — о «Книге, прочитанной с друзьями» Гу Яньу» Ло Ляньло《危微精一与四海穷困——评顾炎武<与友人论学书>》（罗联络，1964）.

В октябре 1964 г. в Китае были проведены успешные испытания ядерного оружия. Это событие стало фоном для произведений «О патриотической мысли Гу Яньу: дискуссия господ Юя Хуашаня и Вана Гэнтана» Шэнь Цзяжуна《论顾炎武的爱国思想——与华山、王赓唐两先生商榷》（沈嘉荣，1964），«Последовательный в антицинской борьбе ученый-патриот Гу Яньу» Жань Чжаодэ《坚持反清斗争的爱国学者顾炎武》（冉昭德，1964），«О переоценке патриотической идеологии Гу Яньу» Хун Хуаньчуня《对顾炎武爱国思想的重新评价》（洪焕椿，1964），«Краткое рассуждение о поэзии Гу Яньу» Чэнь Юциня《略论顾炎武的诗》（陈友琴，1964）.

Неспокойная политическая обстановка не могла не повлиять на научное сообщество, но исследования продолжались. В те годы вышли «Идеи просвещения Гу Яньу» Цинь Жуяня《顾亭林之教育思想》（秦汝炎，1964），«Идеи просвещения Гу Яньу» Чжэн Шисина《顾炎武的教育思想》(郑世兴，1964), «Отдельные вопросы, касающиеся исследований Гу Яньу» Пу Луши 《关于顾炎武研究中的若干问题蒲鲁实》（蒲鲁实，1965）.

В самом начале «культурной революции» были опубликованы «Заметки о «Записях ежедневных познаний»» Хэ Юсэна《<日知录>札记》(何佑森，1966), «Использование стихов и прозы Тинлиня для изучения периода правления Лунъу южноминскогоТан-вана» Пань Чунгуя《亭林诗文用南明唐王隆武年纪号考》（潘重规，1966）.

Вопреки активности хунвэйбинов, преследованиям ученых и беспорядкам, создавались «Жизненный путь и воззрения Гу Яньу» Ху Цююаня《顾亭林之生平及其思想》（胡秋原，1967），«Канонoведение Гу Тинлиня» Хэ Юсэна《顾亭林的经学》（何佑森，1967），«Рассуждения Гу Тинлиня об изменении общественных нравов» Чжан Чэнханя《顾亭林的社会风气变迁论》（张承汉，1968）.

В 1970-е годы на китайском языке было опубликовано около 8 сочинений, посвященных Гу Яньу. Важнейший труд был издан на Тайване, им стала монография «Гу Яньу и подход к управлению государством начала Цин» Хуан Сюйчжэна《顾炎武与清初经世学风》（黄秀政，1978）. Однако и в КНР в форме художественного произведения вышла книга «Повесть о Гу Яньу» Ли Юнсяна《顾炎武的故事》（李永祥，1979）.

Издавались и другие научные работы. Первая из них — статья Сяо Жэньу «Оценка троих прогрессивных мыслителей рубежа Мин-Цин — Ван Фучжи, Хуан Цзунси, Гу Яньу» 《评明清之际三大进步思想家——王夫之、黄宗羲、顾炎武》（肖任武，1975）в «Журнале литературы, истории и философии». Автор статьи полагал, что учение Гу Яньу, легистское по своей сути, может быть востребовано в условиях борьбы с феодальными пережитками и прекрасно дополнить «критику Линь Бяо и Конфуция».

Интересно, что упоминаемый выше идеолог Гоминьдана Чжан Бинлинь (Тайянь) также был привлечен к данной политической кампании в качестве авторитетного мыслителя патриотической направленности. Об этом пишет исследователь идеологии Чжан Бинлиня Н.М.Калюжная: «В частности, в период кампании «критики Конфуция и Линь Бяо» он был поднят на щит ее организаторами. Некоторые авторы, страдающие тенденциозностью, по свидетельству современных историков, «искажали личность Чжана Тайяня», изображали его почитателем легистов, противником конфуцианцев»»[8].

Далее следуют «Критическое исследование о сопротивлении маньчжурам Гу Яньу на севере [Китая]» Ван Чуньюя《顾炎武北上抗清考辨》（王春喻，

1975）, «Гу Яньу и тайные поэтические общества» Се Гочжэня《顾炎武与惊隐诗社》（谢国桢，1978）, «Об идиоме «каждый человек несет ответственность за расцвет и гибель Поднебесной» Гу Яньу» Яо Сюэминя《试论顾炎武的“天下兴亡，匹夫有责”》（姚学敏，1979）.

Тогда же были опубликованы статья известного логика Ван Дяньцзи «Научный метод Гу Яньу» 《顾炎武的科学思想方法》（汪奠基，1979） и статья главного редактора журнала «История китайской философии» Жэнь Цзиюя под названием «Философия Гу Яньу и социально-политические учения»《顾炎武的哲学和社会政治思想》(任继愈》, 1979). Безусловно, на все это повлияла политика реформ и открытости, начатая прагматично настроенной группой во главе с Дэн Сяопином в 1978 г.

Патриотизм как стремление к процветанию своей страны подвел черту под революционной целесообразностью, уже в 1979 г. для чтения лекций в Китай был приглашен профессор Гу Юйсю 顾毓琇 (1902—2002). Официально выпускник Массачусетского технологического института и потомок Гу Яньу в одном лице встретился с Дэн Сяопином в 1983 г. Профессор Гу Юйсю иммигрировал в США в 1950 г. Самым известным учеником Гу Юйсю считается Цзян Цзэминь[9].

Таким образом, освоение духовного наследия Гу Яньу стало актуальным тогда, когда в международных отношениях, внешней и внутренней политике КНР, наметился кризис политических стратегий, отрицавших традиционную культуру и опиравшихся на социальные эксперименты. Не случайно Гу Яньу различал гибель государства и гибель Поднебесной, со временем это полностью оправдало формулу «одна страна — два строя».

Для преодоления социально-экономической стагнации оказался чрезвычайно ценным опыт патриотически ориентированной традиции государственного строительства. Целенаправленное формирование государственной политики в противовес интуитивному поиску сомнительных компромиссов вновь приобрело большое значение.

Сторонники конфуцианской переработки марксизмаосознали, что противоречия в ходе развития неизбежны, но компромисс с центробежными силами, разрушающими основы китайской цивилизации, не всегда возможен. Именно поэтому уже в наши дни председатель КНР Си Цзиньпин взял на вооружение проверенные временем патриотические идеи Гу Яньу.

Библиографический список

1. *Буров В.Г.* Современная китайская философия. М., 1970.
2. *Ионов А.Ю.* Конфуцианский наставник Гу Яньу. М., 2017.
3. *Калюжная Н.М.* Традиция и революция. М., 1995.

4. *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

5. 毛予菲 (Мао Юйфэй). 顾毓琇之孙称祖父曾和邓小平畅谈科教兴国致信江泽民. (*Мао Юйфэй*. Внук Гу Юйсю оценивает его беседу с Дэн Сяопином о роли науки и образования в процветании страны, адресованную Цзян Цзэминю). URL: http://news.ifeng.com/a/20140509/40225767_0.shtml (дата обращения: 08.03.2019).

6. 顾炎武全集. (Полное собрание сочинений Гу Яньу). Шанхай, 2011. Т.18.

7. 胡家祥 (Ху Цзясян). 天下兴亡，匹夫有责. (Каждый несет ответственность за расцвет и гибель Поднебесной) // Гуанмин жибао. URL: http://cpc.people.com.cn/pinglun/n1/2016/0824/c78779-28660507.html (дата обращения: 08.03.2019).

8. 张因，李健宁 (Чжан Инь, Ли Цзяньнин). 青少年毛泽东的人格财富. (Личностные ценности молодого Мао Цзэдуна). URL: http://www.globalview.cn/html/history/info_13775.html (дата обращения: 08.03.2019).

9. 周可真 (Чжоу Кэчжэнь). 1950—2013 年顾炎武著述生平学术研究综述. (Чжоу Кэчжэнь. Обзор научных исследований жизни Гу Яньу за 1950—2013 годы). URL: http://blog.sciencenet.cn/blog-126-860672.html (дата обращения: 08.03.2019).

References

1. *Burov V.G.* Sovremennaya kitayskaya filosofiya. [Contemporary Chinese Philosophy]. M., 1970.

2. *IonovA.Yu.* Konfutsianskiy nastavnik Gu Yan'u. [Confucian mentor GuYanwu]. M., 2017.

3. *Kalyuzhnaya N.M.* Traditsiya i revolyutsiya [Tradition and Revolution]. M., 1995.

4. *Kobzev A.I.* Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva [Philosophy of Chinese neo-Confucianism]. M., 2002.

5. 毛予菲 (Mao Yufei). 顾毓琇之孙称祖父曾和邓小平畅谈科教兴国致信江泽民. [The grandson of GuYuxiu said that his grandfather had talked with Deng Xiaoping about the rejuvenation of the country through science and education in his letter to Jiang Zemin]. URL:http://news.ifeng.com/a/20140509/40225767_0.shtml (access: 08.03.2019).

6. 顾炎武全集. [Gu Yanwu Complete Works]. Shanghai, 2011. T.18.

7. 胡家祥 (Hu Jiaxiang). 天下兴亡，匹夫有责. [The rise and fall, everyone is responsible]. URL: http://cpc.people.com.cn/pinglun/n1/2016/0824/c78779-28660507.html (access: 08.03.2019).

8. 张因 (Zhang Yin)，李健宁 (LiJianning). 青少年毛泽东的人格财富. [Youth Mao Zedong's Personality Wealth]. URL: http://www.globalview.cn/html/history/info_13775.html (access: 08.03.2019).

9. 周可真 (Zhou Kezhen). 1950—2013 年顾炎武著述生平学术研究综述. [A Summary of Academic Research on Gu Yanwu's Life History from 1950 to 2013]. URL: http://blog.sciencenet.cn/blog-126-860672.html (access: 08.03.2019).

Примечания

[1] 顾炎武全集. (Полное собрание сочинений Гу Яньу). Шанхай, 2011. Т. 18. С. 527.

[2] *Ионов А.Ю.* Конфуцианский наставник Гу Яньу. М., 2017. С. 191.

[3] Подр. см.: 张因，李健宁. 青少年毛泽东的人格财富. (*Чжан Инь, Ли Цзяньнин.* Личностные ценности молодого Мао Цзэдуна). URL: http://www.globalview.cn/html/history/info_13775.html (дата обращения: 08.03.2019).

[4] *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002. С. 417.

[5] Подр. см.: *Калюжная Н.М.* Традиция и революция. М., 1995.

[6] 周可真. 1950—2013 年顾炎武著述生平学术研究综述. (*Чжоу Кэчжэнь.* Обзор научных исследований жизни Гу Яньу за 1950—2013 годы)URL: http://blog.sciencenet.cn/blog-126-860672.html (дата обращения: 08.03.2019).

[7] *Буров В.Г.* Современная китайская философия. М., 1970. С. 79.

[8] *Калюжная Н.М.* Указ. соч. С. 14.

[9] 毛予菲. 顾毓琇之孙称祖父曾和邓小平畅谈科教兴国致信江泽民. (*Мао Юйфэй.* Внук Гу Юйсю оценивает его беседу с Дэн Сяопином о роли науки и образования в процветании страны, адресованную Цзян Цзэминю). URL: http://news.ifeng.com/a/20140509/40225767_0.shtml (дата обращения: 08.03.2019).

В.Ф. Бородич,
ИДВ РАН, к.ю.н.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР В ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: ОТ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» ДО АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 1982 г.

Аннотация. Логику серии регулярно проводимых реформ административной системы Китая, начавшуюся с первых лет проведения политики реформ и открытости, невозможно понять, не оценив влияние на административную систему КНР событий периода «культурной революции» и последовавших после неё внутриполитических подвижек. «Культурная революция» поставила под угрозу само существование системы государственного администрирования, став инструментом удержания власти Мао Цзэдуном в ущерб интересам не только развития страны, но и ее существования как целостного и суверенного субъекта мировой политики.

Созданная 16 мая 1966 г. Группа по делам «культурной революции» (ГКР) взяла в свои руки исполнение решений высших органов КПК и собственных политических решений, включая вопросы государственного управления. Однако система государственного управления, подавляемая разрушительной активностью хунвэйбинов и цзаофаней, продолжала функционировать в новом, видоизмененном формате: Госсовет как высший исполнительный орган при ГКР и ревкомы на провинциальном и низовом уровне. При этом на ревкомы, просуществовавшие до 1980 г., возлагались, поначалу, функции партийных, представительных и административных органов от провинциального до низового уровней. Конец 1970-х годов проходил в острой внутриполитической борьбе. Верх в ней одержали противники радикалов, сторонники проведения политики

социалистической модернизации, для которой и партия, и правительство должны были искать собственный маневр, согласованный по принципам и целям.

«Культурная революция» стала событием, позволившим Мао Цзэдуну и его сторонникам полтора десятилетия управлять страной, используя прежде всего ГКР и ревкомы, а также революционные приемы политической борьбы. Восстановлению коллективоцентричной модели управления государством во многом способствовало то обстоятельство, что на вершине управленческой пирамиды сохранялись и продолжали функционировать, временами в усеченном виде, руководящие партийные структуры и институты, а также Государственный совет, обеспечивавший поддержание функции государственного администрирования в масштабах страны.

Ключевые слова: государственное управление, Государственный совет, реформа, административная система, «культурная революция», ревкомы, Мао Цзэдун, политическая борьба, модель управления.

Автор: Бородич Владимир Федорович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. E-mail: borodich@rambler.ru.

К концу 1950-х годов в системе государственного администрирования КНР проходили преобразования, обусловленные неупорядоченными внутриполитическими процессами, приведшими к двум провальным стратегическим проектам Мао Цзэдуна — коммунизации деревни и «большому скачку». Оба процесса носили характер кампаний, возвышавших роль самоуправления на местах и понижавших значение центральных органов государственного управления. К концу 1959 г. состав Госсовета сократился с 81 до 60 структурных единиц, в том числе министерств и комитетов — с 48 до 39, органов прямого подчинения — с 24 до 14. Из 8 канцелярий было оставлено 6. Свое место в составе Госсовета сохранил Секретариат[1]. С 1960 г. тяжелое положение в экономике потребовало вновь поднять роль Госсовета, его структура пошла в рост и составила в 1965 г. 79 единиц: 49 министерств и комитетов, 22 органа прямого подчинения, 7 канцелярий и Секретариат[2].

В годы «культурной революции» (1966—1969 гг.) работа большинства центральных государственных административных органов была затруднена, их полномочия существенно ограничены. После захвата в январе 1967 г. хунвэйбинами и цзаофанями в Шанхае здания горкома КПК по всей стране в статусе «временных органов» были созданы *революционные комитеты*. До образования к сентябрю 1971 г. системы провинциальных парткомов ревкомы выполняли функции партийных, представительных и административных органов от провинциального до низового уровней. В проекте Конституции КНР 1970 г. ревкомы назывались уже не временными, а постоянно действующими органами местных собраний народных представителей, а также «местными народными правительствами различных

ступеней», ответственными перед собраниями народных представителей соответствующих ступеней и перед стоящими выше государственными органами и им подотчетными[3]. Руководство системой провинциальных ревкомов осуществляли Военный совет ЦК КПК и Госсовет[4]. Ревкомы формировались на политической основе из трех категорий активистов начавшейся «культурной революции» — лидеров группировок хунвэйбинов и цзаофаней, лояльных «культурной революции» командиров НОАК и «революционных кадровых работников». Вероятнее всего, к последней категории относились кадровые работники партийных и административных органов, чья деятельность обеспечивала выполнение функции партийного и государственного управления на своем уровне.

В экономической сфере центральные органы государственного управления продолжали координировать деятельность местных органов, созывая всекитайские совещания или создавая межрайонные органы, увязывавшие деятельность ревкомов, предприятий местного и центрального подчинения. Поскольку, однако, деятельность Госсовета была затруднена политическими событиями, значительная доля ответственности за состояние дел в хозяйственной сфере ложилась на местные органы власти и управления[5]. В работе ревкомов ведущую роль играли военные, которые пользовались правом на проявление инициативы при постановке вопросов и правом вето при принятии решений. О распределении ролей в работе ревкомов на местах можно судить по оценке, данной представителем «масс» в ревкоме уезда Яньчэн пров. Цзянсу: у членов ревкома вошло в привычку правило: «Пусть выскажется представитель армии, а мы утвердим»[6].

В годы «культурной революции» существовавшая система политико-юридических правительственных органов была повсеместно ликвидирована, ее место заняли охранные структуры в составе ревкомов. Формально они находились под контролем Госсовета, но последний сам находился под контролем Военного совета ЦК КПК. Прямой военный контроль над органами, подчиненными Госсовету, был снят с мая 1972 г.[7]

И на низовом, и провинциальном уровне административная система оказывала сопротивление разрушительной активности создаваемых по воле Мао Цзэдуна структур и разворачиваемых движений и кампаний. Сопротивление носило двоякий — активный и пассивный — характер. К формам активного сопротивления относились акции работников различных структур в поддержку администрации, администрацией же и парткомами организованные. Пассивное сопротивление в форме выхода на работу, несмотря на травлю и другие методы преследования, отмечалось повсеместно.

Борьбу за выживание система государственного управления вели и на высшем уровне. В середине февраля 1967 г. на двух заседаниях Политбюро ЦК КПК против событий «культурной революции» выступила группа членов Политбюро, включая пятерых заместителей премьера Госсовета — Тань Чжэнли-

ня, Чэнь И, Ли Фучуня, Ли Сяньняня и Не Жунчжэня, а также секретаря Военного совета ЦК КПК Е Цзяньина. Однако протестанты не добились успеха[8].

Есть основания полагать, что изложенная гипотеза, в части судьбы Госсовета, является преувеличением. Став главным штабом «культурной революции», ГКР взяла в свои руки исполнение решений высших органов КПК и собственных политических решений, включая и вопросы государственного управления. Тем не менее, система государственного управления продолжала функционировать, в обновленном уже формате: Госсовет как высший исполнительный орган при ГКР[9] и ревкомы на провинциальном и низовом уровне. ГКР, таким образом, стала квазиинститутом и фактически расширила круг высших органов руководства КПК и государства, заменив собой, на неопределенное время, высший орган государственной власти — ВСНП.

Работа Госсовета продолжалась в экстремальных условиях непрерывного морального давления и физического насилия и угроз применения его. Министра угольной промышленности Чжан Чжилиня хунвэйбины и цзаофани забили до смерти, из 309 руководителей министерств и ведомств Госсовета 235 человек были отстранены от работы на неопределенное время[10].

В сохранении и поддержании в относительно работоспособном состоянии системы госадминистрирования важную, если не определяющую, роль сыграл личностный фактор. Известно, что к первому, после завершения активной фазы «культурной революции», 1970-му, году, когда большая часть бюджетных организаций и предприятий прямого подчинения находились в ведении местных органов государственной власти, т. е. ревкомов, Госсовет, в составе 32 министерств[11], продолжал функционировать, поскольку система государственного администрирования, выстроенная иерархически, не могла функционировать без своей вершины. Удивительную жизнеспособность правительства объясняет, в значительной мере, тот факт, что во главе его, со дня образования КНР, сначала в качестве премьера ГАС, а с 1954 г. в качестве премьера Госсовета, бессменно стоял Чжоу Эньлай, человек, отдававший предпочтение практической административной работе и дополнявший вождя компартии, Мао Цзэдуна, который тяготел к работе теоретической[12]. Как заметил свидетель событий тех лет Денеш Барач, «с начала «культурной революции» Чжоу Эньлай олицетворял руководителя, преданного Мао, но привлекательного для прагматических сил». Уже в 1969 г. он смог вернуть часть отстраненных ранее кадров, с конца 1970 г. процесс возвращения кадров на прежнее место стал ускоряться. Апогеем этого процесса стало возвращение Дэн Сяопина[13].

Система государственного управления, полуразрушенная, функционировавшая продолжительное время в экстремальном режиме, получила тандем руководителей, который смог ставить и решать задачи по ее восстановлению. В этом тандеме важную роль играло сочетание разных стилей работы Чжоу

Эньлая и Дэн Сяопина: «Чжоу мог маневрировать таким образом, что сам он оставался на поверхности, но не был в состоянии изменить основное направление течения. Дэн не собирается приспосабливаться и, вернувшись, сразу же начинает воздвигать плотину на пути потока»[14].

Процесс, официально называемый в КНР упорядочением работы органов государственного управления, продолжался, с конца 1960-х, всю первую половину 1970-х годов. В 1975 г. Госсовет насчитывал 29 министерств, 19 органов прямого подчинения и 4 канцелярии. Секретариат (*мишутин*) был преобразован в одну из канцелярий, при этом глава ее по-прежнему назывался секретарем (*мишучжан*) Госсовета. Всего в составе Госсовета насчитывалось 52 структурные единицы[15]. Большего результата, в том числе в силу понесенных в годы «культурной революции» кадровых потерь, руководство правительства добиться было не в состоянии.

А.В. Панцовым была высказана гипотеза, согласно которой в результате февральских заседаний 1967 г. руководящего партийного органа «Политбюро и Госсовет КНР фактически прекратили существование», а функции Политбюро и Госсовета перешли к Группе по делам «культурной революции»[16], которая была создана ранее по воле Мао Цзэдуна и оформлена решением расширенного заседания Политбюро ЦК КПК 16 мая 1966 г. как структура, непосредственно подчиненная Постоянному комитету Политбюро[17].

Процесс оживления работы всей системы государственного администрирования стал заметнее после смерти Мао Цзэдуна (09.09.1976 г.). Предпосылки к оживлению складывались постепенно, по мере консолидации сил в руководящих органах КПК, выступавших против продолжения политики, опиравшейся на лозунг «классовая борьба — главное». Впоследствии, в результате внутриполитической борьбы, завершившейся отстранением от власти «банды четырех», упомянутый лозунг, как и сам политический курс, блокировавшие развитие страны, был объявлен неактуальным. Система государственного администрирования все заметнее стала функционировать, ориентируясь на критерии **эффективности управления**, а не на критерии **политической целесообразности**.

Свои усилия после возвращения к активной руководящей работе Дэн Сяопин как наиболее яркий представитель управленцев-патриотов прилагал одновременно по нескольким направлениям: 1) борьба с деятельностью ГКР, активность которой повышалась по мере ослабления непосредственного участия Мао Цзэдуна в политическом процессе и выражалась в стремлении не допустить сохранившиеся после репрессий кадры к выработке и реализации политических решений; 2) восстановление экономики; 3) восстановление и модернизация системы государственного управления.

Конец 1970-х годов проходил в острой внутриполитической борьбе управленцев против политических радикалов. Верх в этой борьбе одержали сторон-

ники переноса центра тяжести работы компартии и органов государственной власти и управления на проведение политики социалистической модернизации, для которой и партия, и правительство должны были искать собственный маневр, согласованный по принципам и целям.

Для системы государственного управления в то время три обстоятельства имели наиболее серьезное значение:

— в руководстве КПК не было ни ясности, ни единства относительно концепции реформ;

— политика реформ в деревне начиналась снизу и была в значительной мере результатом самоорганизации крестьян, поддержанной властями не сразу, а спустя некоторое время[18];

— к самой модернизации руководство КПК относилось как к преобразованию, которое необходимо проводить, прежде всего, одновременно в экономической и социальной сферах с целью «накормить и одеть» людей.

Все названные обстоятельства придавали нововведениям вероятностный, венчурный характер и создавали проблемы для формирования системы государственного управления:

— для самореорганизации экономики деревни не существовало готовых отечественных образцов, приходилось изучать собственный и зарубежный опыт;

— не было опыта сопряжения механизма государственного планирования и нарождающегося механизма рыночного регулирования экономическим и социальным развитием;

— прежняя модель государственного администрирования, выстроенная применительно к плановой экономике, не могла реагировать на вызовы новой социально-экономической реальности иначе, как путем применения экстенсивных методов администрирования, — а именно путем расширения штатов и увеличения числа органов госуправления.

За непродолжительный срок после решений 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), положивших начало проведению политики реформ, структура Государственного совета КНР выросла и составила в 1981 г. 100 структурных единиц, в том числе 52 министерства, 43 органа прямого подчинения и 5 канцелярий[19]. Одна из канцелярий выполняла функции Секретариата Госсовета. Новую формулу эффективного госуправления еще только предстояло выработать, и критерием выработки могла стать, прежде всего, практика. Пока же новые идеи были реализованы путем создания еще более разветвленной структуры, отвечавшей замыслам реформаторов.

Уже к концу 1981 г. руководству КНР стало ясно, что громоздкий и многочисленный аппарат госуправления маловосприимчив к потребностям быстро меняющейся социально-экономической обстановки и сам по себе нуждается в

реформировании. В конце 1981 г. на 4-й сессии ВСНП 5-го созыва говорилось о чрезмерно большом количестве структурных подразделений, дублирующих друг друга; раздутости штатов; низкой эффективности работы аппарата. Своим постановлением сессия ВСНП приняла решение о проведении структурной реформы административного аппарата[20]. В истории государственного управления КНР это решение положило начало серии регулярно проводимых, с периодичностью, примерно, 5 лет, административных реформ как составной части государственной политики реформ[21].

В соответствии с постановлением ВСНП, с целью придания реформе большей динамики, право производить в период между сессиями реорганизацию структуры Госсовета получил Постоянный комитет ВСНП.

Выводы:

С середины 1950-х до рубежа 1970—1980-х годов внутриполитическую обстановку в КНР определяла, прежде всего, борьба двух моделей управления государством — персоноцентричной и коллективоцентричной.

Первая модель ассоциируется с личностью Мао Цзэдуна и характеризуется стремлением к единоличному руководству страной. Это стремление отодвигало заботу и ответственность лидера за состояние и перспективы развития страны на задний план, оно обернулось колоссальным ущербом всем сторонам жизни Китая.

Вторая модель управления государством, коллективоцентричная по своей природе, в основе имела патриотичное стремление значительной части высшего руководства компартии и государства к развитию страны.

«Культурная революция» стала событием, позволившим Мао Цзэдуну в течение 10 лет, а его единомышленникам и наследникам — еще пятилетие — управлять страной, используя квазиинституты управления государством, прежде всего, ГКР и ревкомы, а также внеинституциональные революционные приемы политической борьбы.

Восстановлению коллективоцентричной патриотической модели управления государством во многом способствовало то обстоятельство, что на вершине управленческой пирамиды сохранялись и продолжали функционировать, хотя и в усеченном виде, руководящие партийные структуры и институты, а также Государственный совет, реально обеспечивавший поддержание функции государственного администрирования в масштабах страны.

Библиографический список

1. *Барач Денеш*. Дэн Сяопин. Перевод с венг. М., 1989.
2. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
3. *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР 1967—1981. М., 1982.
4. *Панцов А.В*. Мао Цзэдун. М., 2007.

5. *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009.
6. 光明日报. (Гуанмин жибао). 14.12.1981.
7. 中国大百科全书。政治学. (Большая энциклопедия Китая. Политология). Бэйцзин:, 2002.
8. 中华人民共和国国务院办公厅. (Канцелярия Госсовета КНР). URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8A%9E%E5%85%AC%E5%8E%85

References

1. *Barach Denesh*. Den Syaopin. Perevod s veng. [Deng Xiaoping] M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1989.
2. *Berger YA.M.* Ekonomicheskaya strategiya Kitaya. [Chinese Economic Strategy] M., 2009.
3. *Egorov K.A*. Gosudarstvennyy apparat KNR 1967—1981. [State Cadres of PRC 1967—1981] M., 1982.
4. *Pantsov A.V.* Mao TSz·edun. [Mao Zedong] M., 2007.
5. *Usov V.N.* Den Syaopin i ego vremya. [Deng Xiaoping and His Time] M., 2009.
6. 光明日报. (Guangmin zhibao). 14.12.1981.
7. 中国大百科全书。政治学. [Great Encyclopedia of China. Political science]. Бэйцзин, 2002.
8.中华人民共和国国务院办公厅. [Office of the PRC State Council]. URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8A%9E%E5%85%AC%E5%8E%85

Примечания

[1] 中国大百科全书。政治学. (Большая энциклопедия Китая. Политология). Бэйцзин, 2002. С. 595.

[2] Указ. соч. С. 595.

[3] *Егоров К.А*. Государственный аппарат КНР 1967—1981. М., 1982. С. 26—27.

[4] *Егоров К.А.* Указ. соч. С. 24.

[5] Там же. С. 31.

[6] Там же. С. 31.

[7] Там же. С. 37.

[8] *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007. С. 684.

[9] Существует версия, согласно которой, интерпретируя итого февральских 1967 г. заседаний Политбюро ЦК КПК, член ГКР, жена Мао Цзэдуна Цзян Цин заявила премьеру Госсовета Чжоу Эньлаю: «Теперь вы, Чжоу Эньлай, должны являться на наши заседания, так как ваши больше не имеют значения». — *Панцов А.В.* Указ. соч. С. 685.

[10] *Усов В.Н.* Дэн Сяопин и его время. М., 2009. С. 503, 529.

[11] 中国大百科全书。政治学. (Большая энциклопедия Китая. Политология). С. 595.

[12] *Барач Денеш*. Дэн Сяопин / пер. с венг. М., 1989. С. 167.

[13] Там же. С. 168.

[14] Там же. С. 170.

[15] 中国大百科全书。政治学. (Большая энциклопедия Китая. Политология). С. 595.; 中华人民共和国国务院办公厅 (Канцелярия Госсовета КНР). URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%8A%A1%E9%99%A2%E5%8A%9E%E5%85%AC%E5%8E%85. В мае 1980 г. это структурное подразделение Госсовета было официально переименовано в Управление делами (*баньгунтин*).

[16] *Панцов А.В.* Указ.соч. С. 685.

[17] Там же. С. 670.

[18] *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 105.

[19] Гуанмин жибао. 14.12.1981.

[20] Здесь под структурной реформой понимается одна из составных частей административной реформы. — *Прим. авт.*

С.Н. Жилкибаев,
ИГиМП УрГЮУ, магистрант

«RED ALERT»: «ПОЛИТИКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ, УПОРЯДОЧИВАНИЯ И ОЗДОРОВЛЕНИЯ» В КНР (1989—1991 гг.)

Аннотация. В статье исследуется период «политики урегулирования, упорядочивания и оздоровления» (1989—1991 гг.), которая во многом стала точкой ускорения экономических реформ при стабилизации политического режима. Это было время, когда ощутимые социально-экономические проблемы внедрения рыночных элементов в социалистическую экономику вызвали общественно-политическую нестабильность в лице молодежного либерального политического движения на площади Тяньаньмэнь 1989 г., которую власти устранили жесткими силовыми методами вместе с либеральной фракцией в КПК (генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзыян). Это привело к власти фракцию левых (Ли Пэн, Ван Чжэнь, Дэн Лицюнь, Ху Цяому, Яо Илинь и Сун Пин).

Внутренняя политика страны сместилась влево: первоначально власти решили урегулировать кризисное состояние в обществе отходом к утверждению абсолюта руководящей и направляющей роли КПК, государства и коммунистической идеологии и старым принципам централизованного директивного планирования, господства государственного и коллективного сектора в социалистической экономике в противовес частному бизнесу и рыночной экономике в Китае.

Однако противоборство внутрипартийных фракций левых и правых в руководстве страны о курсе КНР на фоне распада мирового социалистического блока государств, стагнации социально-экономического развития Китая и саботажа китайских региональных и местных властей и предпринимателей привело к смене курса КПК и

КНР на однозначные, решительные и глубокие рыночные экономические реформы при сохранении авторитарного политического строя (теория Дэн Сяопина) в 1990-е годы, превратившие Китай в первую экономику мира. Данная малоизученная тема требует дальнейшего изучения и научной разработки исследования для представление полной картины истории «политики реформ и открытости» в Китае.

Ключевые слова: Китай, КНР, Коммунистическая партия Китая, КПК, история, политика, экономика, политика реформ и открытости.

Автор: Жилкибаев Санат Нурболович, магистрант Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета. E-mail: prozrach@mail.ru.

«Политика урегулирования, упорядочивания и оздоровления экономики» в КНР (1989—1991 гг.) является важным и малоизученным историческим этапом «политики реформ и открытости» в КНР, когда социально-экономические последствия рыночных реформ вызвали общественно-политическую нестабильность — массовое молодежное политическое движение, поддержанное обществом в 1989 г. Данный исторический период описывается китайской историографией довольно скупо[1].

В это время политики более либеральных взглядов под руководством генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзыяна были отстранены от власти, а в авангарде политики выступили «левые консерваторы». Данная политика ранее имела и другое наименование — «политика улучшения и налаживания», принятая в 1988 г. 3-м пленумом ЦК КПК 13-го созыва после негативных последствий первой либеральной ценовой реформы. Ее составными чертами были строгое макроэкономическое регулирование и стабилизация экономической ситуации, сдерживание роста цен, сокращение банковского кредитования и денежной массы, а также откладывание реформы собственности, ценообразования и построения единого товарного рынка[2], которую официальная китайская историография объединяет с политикой (1989—1991 гг.). Эти меры возымели эффект уже в 1989 г. — давление на частный сектор в целях урегулирования привело не только к большему порядку на рынке, но и к падению экономической активности, а также к снижению удельного веса индивидуального (на 15 %) и частного (наполовину) секторов в экономике КНР[3].

На 4-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в июне 1989 г. сразу после устранения массовых беспорядков был объявлен[4], а на 5-м пленуме ЦК КПК в ноябре 1989 г. был углублен «курс на урегулирование, упорядочивание и оздоровления экономики»[5], выразившийся в усиление единовластного режима КПК и коммунистической идеологии, а также урегулировании экономики за счет усиления общественного сектора, плановых начал и более строгого отношения к частному сектору. Все эти меры вызвали торможение экономического роста, падение

роли частного бизнеса и иностранных инвестиций, но одновременно была поставлена под контроль инфляция, начался устойчивый рост промышленности и экспорта, была выдвинута формула «одна страна — одна шахматная доска». Этот курс непосредственно проводился премьером Госсовета КНР Ли Пэном, при этом направляющую роль играли Чэнь Юнь и «лагерь левых консерваторов». Данный курс был поддержан рядом видных экономистов (Сюэ Муцяо, Лю Гогуан, Су Син, У Цзинлянь и др.) на совещании в ЦК КПК 5 июля 1990 г., а также генеральным секретарем Цзян Цзэминем на 4-м пленуме ЦК КПК[6].

Тогда же «левые консерваторы» добились усиления идеологической чистоты КПК и ужесточения требований к кандидатам в члены партии, усиления коммунистической пропаганды, политического контроля, особенно за интеллигенцией и молодежью, борьбы с коррупцией, увеличился прием в партию рабочих и крестьян, были ужесточены требования при приеме в КПК бизнесменов[7].

В духе пропаганды порядка и стабилизации, авторитета КПК прошло празднование 40-летия КНР и 10-летия реформ и открытости (1989 г.)[8]. 23 ноября 1989 г. Ли Пэн в эксклюзивном интервью Die Welt, отвечая на вопрос о политике Китая в отношении экономических реформ и открытости, объяснил, что «реформы в Китае — это самосовершенствование социалистической системы. С экономической точки зрения совместить плановую экономику с регулированием рынка не означает привести Китай к капитализму». 11 декабря 1989 г. он заверил, что правительство продолжит экономическую реформу и поддержит политику открытости, но иным способом. Ли Пэн предложил конкретные меры по ограничению роста негосударственного сектора экономики и восстановлению государственного регулирования в области ценообразования. Во-первых, он предложил включить в государственный экономический план коллективно-частные волостные и поселковые предприятия. Во-вторых, попытался подчинить весь частный сектор государству. В-третьих, рекомендовал государственное регулирование цен в качестве инструмента борьбы с инфляцией[9]. В докладе о работе правительства на сессии ВСНП 20 марта 1990 г., Ли Пэн поставил сугубо политические задачи: решительная защита стабильности государства и общества, отстаивание социалистического пути и руководства КПК, следование курсом поступательного, стабильного, скоординированного развития народного хозяйства, обеспечение стабильности и преемственности основополагающему политическому курсу[10].

Следует отметить, что в целом в 1980—1990-е годы изменения в системе планирования и в государственном секторе шли медленно[11], сохранялось главенство плановых механизмов и плановых экономических органов, а также плановых количественных показателей[12].

Сдвиг в экономической политике был подкреплен в 1990 г. серией прокатившихся по всей стране политических кампаний против рыночных реформ.

Они были направлены на оживление концепции «обострения классовой борьбы», возрождение «духа Яньани», пропаганду «опыта Дацина и Дачжая» и против частного сектора как экономического оплота буржуазной идеологии, которую власть считала основной причиной студенческого движения 1989 г. 22 февраля 1990 г. «Жэньминь жибао» опубликовала передовицу под названием «О буржуазной либерализации», в которой утверждалось, что «буржуазная либерализация» — движение навстречу капитализму — имеет экономические корни в частном секторе. Статья положила начало нападкам на рыночную реформу, продолжавшимся в течение целого года.

Резкое расширение левого тренда привело к серьезным последствиям. В официальной китайской историографии утверждается, что из-за влияния левого политического тренда сильно пострадали частные предприятия. В 1989 г. число частных предприятий сократилось до 12,34 млн, а число работников на них сократилось до 19,43 млн, что на 15 % и 15,7 ниже, чем в 1988 г. Частный сектор сократился на 50 %. Как говорили многие чиновники, в тот момент на карту была поставлена судьба реформ и открытости [13].

Итоги развития экономики в 1989, 1990 и 1991 гг. характеризуют следующие цифры: рост ВВП составил 4,1; 3,8 и 9,2 %; рост промышленности — 8,5; 7,8 и 14, 8 %; рост сельского хозяйства — 3,1; 7,6 и 3,7 %, рост розничных цен — 17,8; 2,1 и 2,9 % соответственно. При этом из 120 видов промышленной продукции, попавших в 1978 г. под директивное планирование, в 1991 г. осталось лишь 54 вида, количество централизованно распределяемых государством материальных ресурсов с 256 сократилось до 22 видов, а перечень централизованно закупаемых и распределяемых потребительских товаров и средств производства для сельского хозяйства с 65 позиций уменьшился до 10. Область государственного ценообразования снизилась по продукции сельского хозяйства с 94,4 % в 1978 г. до 42,2 % в 1991 г.; по рынку капиталов со 100 до 54,3 %, а по розничной торговле с 97 до 31,2 % соответственно[14].

Противником левого экономического консерватизма с 1990 г. выступал, главным образом, Дэн Сяопин. Сначала он дважды (3 марта и 24 декабря 1990 г.) беседовал с Цзян Цзэминем и Ли Пэном, но не смог достичь консенсуса[15]. Далее он перешел к активным действиям: во время новогодней поездки в Шанхай в январе 1991 г.[16] Его высказывания в ходе этой поездки нашли отражение в редакционной статье «Вперед к реформам и открытости», опубликованной 15 февраля 1991 г. шанхайской газетой «Цзефан Жибао», а также в опубликованных позже трех других статьях: «Реформы и открытость нуждаются в новом мышлении», «Стать сильнее благодаря открытости», «Реформы и открытость нуждаются в способных и принципиальных кадрах». Все они в иносказательной форме призывали к проведению рыночных реформ[17].

Однако «левые консерваторы» не сдавались, выступив с осуждением указанных публикаций. 20 апреля 1991 г. журнал «Данцянь Сысян» в статье «Может ли политика реформ и открытости пренебречь противостоянием между социализмом и капитализмом?» утверждал, что необходимо по-прежнему проводить различия между капитализмом и социализмом, чтобы избежать проведения реформ по «ложной капиталистической дороге». 1 июля Цзян Цзэминь в выступлении, посвященном 70-летию КПК, заявил о верности курсу социалистической плановой товарной экономики, основанной на общественной собственности. 2 сентября газета «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью «Три вопроса о текущей реформе». В ней говорилось, что «реформы и открытость внешнему миру должны сохранять правильную ориентацию», нельзя переходить к западной многопартийной политической системе и проводить приватизацию. В статье «Как распознать противоречия социалистического общества» в «Жэньминь жибао» 3 октября утверждалось, что классовая борьба в Китае между социализмом и капитализмом никогда еще не была ранее настолько ожесточенной[18].

После этого в январе 1992 г. в ходе поездки на юг Дэн Сяопин заявил: «Левизна в истории нашей партии — страшная вещь! Она моментально губила все хорошее. Как правый, так и левый уклон в состоянии угробить социализм», что впоследствии ввели в Устав КПК[19]. 26 марта газета «Шэньчжэнь тэцюбао» опубликовала большую статью о его поездке по южным провинциям, 30 марта агентство Синьхуа включило эту статью в свои материалы, а на следующий день ее перепечатали многие газеты и опубликовало телевидение. Вслед за этим некоторые СМИ начали публиковать статьи типа «Социализм тоже должен иметь рыночную экономику», после чего термин «рыночная экономика» начал обретать широкую популярность[20].

Последним выступлением против рыночных реформ в СМИ стала публикация 14 апреля 1992 г. «Жэньминь жибао» большой статьи «Твердо, точно и всесторонне проводить генеральную линию партии», в которой содержался призыв сохранять «бдительность перед лицом буржуазной либерализации», чтобы избежать участи Восточной Европы и Советского Союза[21].

Сторонники продолжения экономических реформ, используя фактически сложившуюся административно-экономическую децентрализацию и необходимость преодолеть замедление экономического роста, подспудно готовили новый этап реформы. Это проявилось сначала на 7-м пленуме ЦК КПК 13-го созыва в декабре 1990 г. в подведении итогов 7-й пятилетки (1985—1990) и составлении планов на 8-ю пятилетку (1990—1995) под знаменем старых лозунгов о развитии планово-товарной экономики, но уже в 1991 г. на Всекитайском рабочем совещании по реформе хозяйственной системе были установлены цели дальнейших экономических реформ (создание многоукладной эконо-

мики и единого, открытого, равноправного и конкурентного социалистического рынка)[22]. В конце 1991 г. было объявлено о достижении целей и окончании «политики урегулирования, упорядочивание и оздоровления экономики»[23]. Венчал этот ренессанс многоукладного социалистического рынка XIV съезд КПК в 1992 г. и 3-й пленум ЦК КПК 1993 г., с принятием новой экономической доктрины: теории Дэн Сяопина о «социалистической рыночной экономики, которая должна позволить рынку под макроконтролем государства проявить главную роль в распределении ресурсов»[24].

Библиографический список

1. *Брюс Д.* Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен. М.: Олимп-Бизнес, 2005.

2. *Виноградов А.В*. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008.

3. *Дэн Сяопин.* Избранное. В 3 т. Т. 3. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994.

4. История Востока. В 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945 2000 г.). / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 1995.

5. История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. М.: МГУ; Высшая школа, 2002.

6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016.

7. История международного коммунистического движения / коллект. пер. с кит. / отв. ред. В.Г. Буров. М.: Весь Мир, 2016.

8. *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М.: ФОРУМ, 2017.

9. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим / пер. с кит. А.М. Разинцева. М.: Новое издательство, 2016.

10. *Лю Сумэй, Румянцев Е.Н*. Китай, каким я его знаю. М.: ЮНАПС, 1999.

11. *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: Русская панорама, 2007.

12. *Муромцева З.А., Шао Жань*. Государственные предприятия КНР: реформы и развитие. М.: ИДВ РАН, 2017.

13. *Панцов А.В*. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013.

14. Планирование: перезагрузка. / под ред. А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2016.

15. *Смирнов Д.А*. Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005.

16. *Усов В.Н.* История КНР. В 2 Т. Т. 2.1966—2004. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

17. *Хэ Яоминь*. Траектория экономического развития Китая. / пер. с кит. Л.С. Сагандыковой. Пекин: Шанс; М.: Восток-Бук, 2015.

18. *Цзян Цзэминь*. Избранное. В 2 т. Т.1. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010.

19. 邓力群往事回顾. [Дэн Лицюнь. Оглядываясь в прошлое]. URL: http://news.ifeng.com/a/20150211/43148403_0.shtml (дата обращения: 13.08.2018).

20. 第十三届中央委员会第三次全体会议公报. [Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65385/4441843.html (дата обращения: 13.01.2019).

21. 第十三届中央委员会第四次全体会议公报. [Коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65386/4441846.html (дата обращения: 13.01.2019).

22. 第十三届中央委员会第五次全体会议公报. [Коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65388/4441852.html (дата обращения: 13.01.2019).

23. 第十三届中央委员会第六次全体会议公报. [Коммюнике 6-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65389/4441854.html (дата обращения: 13.01.2019).

24. 第十三届中央委员会第七次全体会议公报. [Коммюнике 7-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65390/4441856.html (дата обращения: 13.01.2019).

25. 第十三届中央委员会第八次全体会议公报. [Коммюнике 8-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65391/4441858.html (дата обращения: 13.01.2019).

26. 中国共产党第十四届中央委员会第三次全体会议公报. [Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64567/65395/4441750.html (дата обращения: 13.01.2019).

References

1. *Bryus D*. Krasnyye kapitalisty v Kitaye. Partiya, chastnyye predprinimateli i perspektivy politicheskikh peremen. [Bruce Dixon. Red capitalists in China. Party, private entrepreneurs and prospects for political change]. Moscow, 2005.

2. *Vinogradov A.V*. Kitayskaya model' modernizatsii. Poiski novoy identichnosti. Izdaniye vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye. [Vinogradov A.V. Chinese model of modernization. The search for a new identity. Second edition, revised and updated]. Moscow, 2008.

3. *Den Syaopin.* Izbrannoye. V 3 t. T. 3. [Deng Xiaoping. Favorites]. Beijing, 1994.

4. Istoriya Vostoka. V 6 t. T. 6 : Vostok v noveyshiy period (1945—2000 g.) [History of the East. In 6 t. T. 6: East in the newest period (1945—2000 y.)]. Otv. red. V.YA. Belokrenitskiy, V.V. Naumkin. Moscow, 1995.

5. Istoriya Kitaya: uchebnik [History of China: a textbook]. Pod red. A.V. Meliksetova. Moscow, 2002.

6. Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. V 10 t. T. IX : Reformy i modernizatsiya (1976—2009) [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century. In 10 tons. T. IX: Reforms and modernization (1976—2009)]. Otv. red. A.V. Vinogradov. Moscow, 2016.

7. Istoriya mezhdunarodnogo kommunisticheskogo dvizheniya [The history of the international communist movement kollekt]. Per. s kit. Otv. red. V.G. Burov. Moscow, 2016.

8. *Kondrashova L.I.* Kitay: k novoy modeli obshchestvennogo razvitiya. [Kondrashova L.I. China: to a new model of social development]. Moscow, 2017.

9. *Kouz R., Van N.* Kak Kitay stal kapitalisticheskim. [Coase R., Van N. How China became capitalist.]. Per. s kit. Razintseva A. Moscow, 2016.

10. *Lyu Sum·ey, Rumyantsev E.N*. Kitay, kakim ya ego znayu. Liu Sumei, E. Rumyantsev China, as I know it]. Moscow, 1999.

11. *Mamayeva N.L.* Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problema reformy politicheskoy sistemy. [Mamaeva N.L. The Party and Power: The Chinese Communist Party and the Problem of Reforming the Political System]. Moscow, 2007.

12. *Muromtseva Z.A., SHao ZHan'*. Gosudarstvennyye predpriyatiya KNR: reformy i razvitiye. [Muromtseva Z.A., Shao Zhan. State enterprises of China: reform and development]. Moscow, 2017.

13. *Pantsov A.* V. Den Syaopin [Pantsov A.V. Deng Xiaoping]. Moscow, 2013.

14. Planirovaniye: perezagruzka [Planning: reboot]. Pod red. A.V. Buzgalina. Moscow, 2016.

15. *Smirnov D.A.* Ideyno-politicheskiye aspekty modernizatsii KNR: ot Mao TSz·eduna k Den Syaopinu. [Smirnov D.A. The ideological and political aspects of the modernization of the PRC: from Mao Zedong to Deng Xiaoping]. Moscow, 2005.

16. *Usov V.N.* Istoriya KNR. V 2 T. T. 2.1966—2004. [Usov V.N. History of the PRC. B 2 T. T. 2.1966—2004]. Moscow, 2006.

17. *KHe YAomin'*. Trayektoriya ekonomicheskogo razvitiya Kitaya. [He Yaomin. The trajectory of China's economic development]. Per. s kit. L.S. Sagandykovoy. Beijing, Moscow, 2015.

18. *TSzyan TSz·emin'*. Izbrannoye. V 2 t. T.1 [Jiang Zemin. Favorites. In 2 t. T.1]. Beijing, 2010.

19. 邓力群往事回顾. [Deng Liqun's past review]. Phoenix New Media. URL: http://news.ifeng.com/a/20150211/43148403_0.shtml

20. 第十三届中央委员会第三次全体会议公报. [Communiqué of the Third Plenary Meeting of the 13th CPC Central Committee]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65385/4441843.html

21. 第十三届中央委员会第四次全体会议公报. [Communique of the Fourth Plenary Meeting of the 13th convocation of the Central Committee of the CPC]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65386/4441846.html

22. 第十三届中央委员会第五次全体会议公报. [Communique of the Fifth Plenary Meeting of the 13th convocation of the Central Committee]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65388/4441852.html

23. 第十三届中央委员会第六次全体会议公报. [Communique of the Sixth Plenary Meeting of the 13th convocation of the Central Committee of the CPC]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65389/4441854.html

24. 第十三届中央委员会第七次全体会议公报. [Communique of the Seventh Plenum of the 13th convocation of the Central Committee of the CPC]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65390/4441856.html

25. 第十三届中央委员会第八次全体会议公报. [Communique of the Eighth Plenum of the 13th convocation of the Central Committee of the CPC]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65391/4441858.html

26. 中国共产党第十四届中央委员会第三次全体会议公报. [Communique of the Third Plenary Meeting of the 14th CPC Central Committee]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64567/65395/4441750.html

Примечания

[1] История международного коммунистического движения / коллект. пер. с кит./ отв. ред. В.Г. Буров. М.: Весь Мир, 2016. С. 425.

[2] 第十三届中央委员会第三次全体会议公报. [Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65385/4441843.html (дата обращения: 13.01.2019.).

[3] *Хэ Яоминь*. Траектория экономического развития Китая. / пер. с кит. Л.С. Сагандыковой. Пекин: Шанс, М.: Восток-Бук, 2015. С. 90—97; *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. С. 205—207. *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А.М. М.: Новое издательство, 2016. С. 161—162.

[4] 第十三届中央委员会第四次全体会议公报. [Коммюнике 4-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65386/4441846.html (дата обращения: 13.01.2019.).

[5] 第十三届中央委员会第五次全体会议公报. [Коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65388/4441852.html (дата обращения: 13.01.2019.).

[6] История Востока. В 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945 2000 п.). / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 1995. С. 869—870. История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. М.: МГУ, Высшая школа», 2002. С. 720—721; *Усов В.Н*. История КНР. В 2 т. Т. 2.1966—2004. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 553—555. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т.9: Реформы и модернизация (1976—2009). / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 449—456. Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития. М.: ФОРУМ, 2017. С. 208—211.

[7] *Усов В.Н.* История КНР. В 2 Т. Т. 2.1966—2004. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 553—555. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976—2009). / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 451; 465—466; *Смирнов Д.А*. Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. С. 230—231; *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. С. 234—253; *Брюс Д.* Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес». 2005. С. 51—55. 第十三届中央委员会第六次全体会议公报. [Коммюнике Шестого Пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65389/4441854.html (дата обращения: 13.01.2019.); *Цзян Цзэминь*. Избранное. В 2 т. Т.1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2010. С. 105—124. Лю Сумэй, Румянцев Е.Н. Китай, каким я его знаю. М.: ЮНАПС, 1999. С. 80—84.

[8] *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М.: ФОРУМ, 2017. С. 208—211; *Цзян Цзэминь*. Избранное. В 2 т. Т.1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2010. С. 83—86.

[9] *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. А. Разинцева. М.: Новое издательство, 2016. С. 163—165.

[10] История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т.9: Реформы и модернизация (1976—2009). / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 456—457.

[11] *Муромцева З.А., Шао Жань.* Государственные предприятия КНР: реформы и развитие. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 18.

[12] *Андрюшкевич О.А.* Индикативное планирование в экономиках разного типа // Планирование: перезагрузка. / под ред. А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2016. С. 341—351.

[13] 邓力群往事回顾. [Оглядываясь в прошлое Дэн Лицюня]. Phoenix New Media. URL: http://news.ifeng.com/a/20150211/43148403_0.shtml (дата обращения: 13.08.2018).

[14] История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976—2009). / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 462—463.

[15] *Панцов А.В.* Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 472—473. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. С. 332—333.

[16] *Дэн Сяопин*. Избранное. В 3 т. Т. 3. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. С. 466—482.

[17] *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. С. 211—217; *Панцов А.В.* Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 473. Хэ Яоминь. Траектория экономического развития Китая. / пер. с кит. Л.С. Сагандыковой. Пекин: Шанс, М.: Восток-Бук,2015. С. 100—112; *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. С. 175.

[18] *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. С. 175—177; *Цзян Цзэминь.* Избранное. В 2 т. Т.1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2010. С. 175—178.

[19] *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: Русская панорама, 2007. С. 74—75; *Дэн Сяопин*. Избранное. В 3 т. Т. 3. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. С. 466—482.

[20] *Кондрашова Л.И*. Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. С. 211—217; *Панцов А.В.* Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 474—475. Хэ Яоминь. Траектория экономического развития Китая. / пер. с кит. Л.С. Сагандыковой. Пекин: Шанс, М.: Восток-Бук ,2015. С. 100—112; *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. С. 177—187.

[21] *Коуз Р., Ван Н.* Как Китай стал капиталистическим. / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. С. 183.

[22] 第十三届中央委员会第七次全体会议公报. [Коммюнике 7-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65390/4441856.html (дата обращения: 13.01.2019).

[23] 第十三届中央委员会第八次全体会议公报. [Коммюнике 8-го пленума ЦК КПК 13-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65391/4441858.html (дата обращения: 13.01.2019).

[24] История Востока. В 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945 2000 п.). / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 1995. С. 869—870. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. IX : Реформы и модернизация (1976—2009). / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 448—463; 465—468; 485—498; *Кондрашова Л.И.* Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. С. 211—217; *Хэ Яоминь*. Траектория экономического развития Китая. / пер. с кит. Л.С. Сагандыковой. Пекин: Шанс, М.: Восток-Бук,2015. С. 112—121. 中国共产党第十四届中央委员会第三次全体会议公报. [Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 14-го созыва]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64567/65395/4441750.html (дата обращения: 13.01.2019).

М.А. Сущенко,
г. Кемерово

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КНР

Аннотация. Рассмотрена политическая элита современного Китая. Под политической элитой КНР понимается относительно небольшая привилегированная группа, занимающая руководящие позиции в структурах государственного и партийного аппарата и непосредственно участвующая в процессе принятия и осуществления важнейших властных решений. На основе различных критериев в государственных органах и правящей партии следует различать публичную (открытую) и латентную (закрытую), партийную, военную и политико-административную элиты провинциального и регионального уровней. При изучении политического развития КНР необходимо учитывать фактор функционирования различных кланов в её политической элите. Под политической группировкой (или кланом) в политической системе КНР понимается закрытое объединение политиков с общими групповыми и частными интересами, ведущих борьбу за политическую власть или стремящихся оказать влияние на процесс принятия решений в системе государственного управления. Закрытую (латентную) политическую элиту КНР составляют различные группировки, или политические кланы, действующие на разных уровнях власти КНР. К числу источников их формирования следует отнести: региональные политические элиты; кадровые резервы управленческих структур КПК; результат действия системы бюрократической опеки.

Состав Политбюро ЦК КПК 19-го созыва был сформирован из политических деятелей, лояльных Си Цзиньпину. Некоторые из них связаны с ним личными отношениями. Си Цзиньпину удалось сформировать полностью подконтрольное и лояльное его правлению Политбюро ЦК КПК. В современном Китае сложились устойчи-

вые правила функционирования политической элиты, обеспечивающие большую организованность системы государственного управления. Усилия Си Цзиньпина направлены на консолидацию режима личной власти и устранение нелояльных конкурентов. Большинство политических деятелей КНР консолидировались вокруг фигуры генерального секретаря ЦК КПК, сформировав единую политическую «группу Си Цзиньпина». Такое состояние открытой (публичной) и закрытой (латентной) политической элиты КНР отражает большую устойчивость и управляемость всей политической системы.

Ключевые слова: современный Китай, КНР, политическая элита, политический клан, группировка, Си Цзиньпин**.**

Автор*:* Сущенко Максим Алексеевич, г. Кемерово. E-mail: spacemirror@mail.ru.

Под *политической элитой КНР* понимается относительно небольшая привилегированная группа, занимающая руководящие позиции в структурах государственного и партийного аппарата и непосредственно участвующая в процессе принятия и осуществления важнейших властных решений. Существуют различные подходы к исследованию деятельности элитарных групп в политической системе КНР. Можно отметить функционирование политических элит Китая по вертикали и горизонтали. По горизонтали определяется деятельность всекитайской (национальной) и региональных элит. По вертикали к *высшей элите* относятся политики, принимающие основные властные решения на всекитайском уровне: главы центральных государственных органов и компартии. Руководители партийно-государственного аппарата на региональном уровне — главы исполнительной власти и руководители КПК в провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения и центральных административных районах составляют *среднюю элиту*. К *местному уровню элит* Китая принадлежат руководители партийных государственных ведомств окружного, уездного и волостного уровней административно-территориального устройства КНР.

На основе критерия принадлежности официального статуса в партийно-государственной иерархии можно отметить формальную и неформальную элиты. Но учитывая моноцентристскую форму правления с мощным централизованным началом, сложившуюся в Китае во второй половине XX в., все представители политической элиты обладают формализованным статусом, поэтому в структуре партийно-государственной власти КНР целесообразно различать публичную (открытую) и латентную (скрытую) элиты. К открытой элите относятся политики, занимающие руководящие должности в структурах публичной власти. Скрытая или латентная элита представляет собой общность различных кланов или группировок, действующих во властной вертикали и горизонтали политической системы КНР.

Руководящие позиции *публичной элиты* основаны на её положении в политической системе. Прежде всего, к её компонентам относятся: партийная, военная, политико-административная элиты. Основным источником их формирования являются кадровые резервы КПК.

Партийная элита КНР состоит из политиков, занимающих высшие должности в аппарате управления КПК всекитайского и провинциального уровней. В Конституции КНР 1982 г. закреплён руководящий статус Коммунистической партии Китая[1]. Поэтому лидеры компартии относятся к основному звену китайской политической элиты. К нынешнему партийному руководству на всекитайском уровне принадлежат главы следующих партийных органов:

Центральный комитет КПК, состоящий из:

— Политбюро ЦК КПК, включающее 25 членов (в том числе 7 входят в Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК);

— Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК (ПК ПБ), состоящий из 7 членов. В состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК на XIX съезде КПК 2017 г. были избраны Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Ли Чжаньшу, Ван Ян, Ван Хунин, Чжао Лэцзи и Хань Чжэн[2];

— Секретариат ЦК КПК, с 2012 г. во главе с генеральным секретарём ЦК КПК Си Цзиньпином;

— Главное управление ЦК КПК (Канцелярия ЦК КПК), с 2012 г. возглавляемое Ли Чжаньшу;

— Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины, под управлением с 2017 г. Чжао Лэцзи;

— Политико-юридическая комиссия ЦК КПК под руководством Мэн Цзяньчжу с 2012 г.;

— Центральное бюро безопасности КПК, управляемое с 2015 г. Ван Шаочжуном;

а также политики, возглавляющие другие партийные органы:

— Организационный отдел ЦК КПК во главе с Чжао Лэцзи с 2012 г.;

— Отдел пропаганды ЦК КПК. Его глава с 2017 г. Хуан Куньмин;

— Отдел международных связей ЦК КПК, возглавляемый Сун Тао с 2015 г.;

— Рабочий отдел Единого фронта ЦК КПК[3]. Заведующим отделом с 2017 г. является Ю Цюань.

К партийной элите КНР также относятся члены НПКСК, делегированные от восьми «демократических» партий и КПК. А также руководящие кадры компартии провинциального уровня.

Военная элита КНР. С момента создания вооружённых сил НОАК функционировала в качестве инструмента правящей партии, она находилась в ведении Военного совета ЦК КПК. С 1982 г. функционирует Центральный военный совет (ЦВС) КНР. Единство системы управления вооружёнными силами обес-

печивалось тем, что руководство органов комплектуется одним и тем же составом[4]. Интеграция системы управления НОАК в структуру партгосаппарата проявляется в руководстве НОАК председателем КНР и генеральным секретарём ЦК КПК. К политической элите КНР относятся его заместители на обоих постах. С 2018 г. ими являются Чжан Юся и Сюй Цилян.

К *политико-административной элите КНР* принадлежат чиновники, занимающие руководящие должности в аппарате управления Государственным советом КНР, включая глав министерств, государственных комитетов и иных центральных административных ведомств. К политической элите относятся также депутаты ВСНП, а также различные СНП, находящихся на провинциальном уровне власти. Прежде всего, к высшей политико-административной элите КНР относятся — председатель КНР, с 2013 г. Си Цзиньпин; председатель ПК ВСНП, с 2018 г. Ли Чжаньшу; премьер Госсовета КНР, с 2013 г. Ли Кэцян.

Важное место в политической элите КНР занимает генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры. Данную должность с 2018 г. занимает Чжан Цзюнь. Судебная власть в политической элите современного Китая представлена руководством Верховного народного суда КНР. Председателем и секретарём партгруппы Верховного народного суда КНР с 2013 г. является Чжоу Цян. К политической элите следует отнести также глав различных специальных судов — военных трибуналов, железнодорожного и водного транспорта и т. п.

Все указанные государственные органы составляют централизованную систему под руководством правящей партии — КПК. Поэтому основной особенностью госуправления КНР, руководство которого относится к политической элите страны, является подчинённость направляющей силе правящей партии Китая.

Закрытую или латентную политическую элиту КНР составляют различные группировки, или политические кланы, действующие на разных уровнях власти КНР. Под *политической группировкой (или кланом)* в политической системе КНР понимается закрытое объединение политиков с общими групповыми и частными интересами, ведущих борьбу за политическую власть или стремящихся оказать влияние на процесс принятия решений в системе государственного управления.

Как отмечает В.Ф. Бородич, одна из главных особенностей политической борьбы в Китае заключается в том, что конкурируют между собой преимущественно не институты политической системы, а группы интересов (политические кланы) внутри одних и тех же институтов, включая правящую партию[5].

Другой особенностью политической конкуренции между закрытыми элитами КНР является существование постоянных источников формирования и поддержки различных политических кланов. К ним следует отнести следующие ресурсы.

Во-первых, кадровые резервы регионального уровня являются важным источником пополнения и рекрутирования национальной элиты. Политические

кланы, сложившиеся на основе географического принципа, представлены выходцами из регионов КНР. Так, например, в СМИ и научной литературе используются термины — «шанхайский клан» или «чжэцзянская новая армия».

Во-вторых, политическая элита КНР формируется в том числе за счёт *кадровых резервов* КПК. В её управленческих структурах складываются группировки, объединённые общностью происхождения или деловых интересов. Например, исследователи выделяют так называемых «комсомольцев» — политиков, чей карьерный рост начался во время работы в комсомоле. Учёные относят к ним в том числе бывшего генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао[6].

В третьих, формирование политической элиты КНР происходит посредством функционирования института бюрократической опеки — «системы мишу». Это специальный термин, используемый для обозначения должностей личных секретарей или охранников китайских политиков. Явление играет важную роль в системе административно-бюрократических отношений и связей КНР. Профессиональный карьерный рост «мишу» продолжается с того момента, когда они начинают занимать высокие должности в партийно-государственной иерархии[7]. Карьера Ван Дунсина — типичный пример, характеризующий профессиональный путь бывшего «мишу», впоследствии партийного и государственного руководителя КНР. Ван Дунсин в 1947 г. был назначен личным телохранителем Мао Цзэдуна. В дальнейшем он занимал пост заместителя министра общественной безопасности, в 1955 г. ему было присвоено звание генерала НОАК[8].

Другим вариантом действия системы бюрократической опеки является опора власти на знакомых и доверенных лиц, верных и лояльных своим покровителям. Так, например, политики, занявшие должности в Политбюро ЦК КПК 19-го созыва, являются давними знакомыми и протеже Си Цзиньпина[9]. Поэтому для политической элиты КНР при пятом поколении характерны большая сплочённость и единство. Си Цзиньпину удалось сформировать полностью подконтрольное и лояльное его правлению Политбюро ЦК КПК. Многие из 25 его членов тесно связаны с генеральным секретарём через личные отношения и связи. Например, с некоторыми из них он был знаком по работе в Чжэцзяне, когда руководил провинциальной парторганизацией (2002—2007 гг.) Из числа членов Политбюро ЦК КПК с председателем КНР работали в провинции следующие политики — Хуан Куньмин, Цай Ци, Чэнь Миньэр, Чжун Шаоцзюнь, Ли Цян[10].

Таким образом, в современном Китае сложились устойчивые правила функционирования политической элиты, обеспечивающие большую организованность системы государственного управления. В период руководства пятого поколения в структуре и деятельности политической элиты КНР наметились существенные изменения. Усилия Си Цзиньпина направлены на консолидацию режима личной власти и устранение нелояльных конкурентов.

Библиографический список

1. Биографические справки основных деятелей КПК и КНР. Ван Дунсин / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т./ гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: «Наука», 2016.

2. *Бородич В.Ф.* Внутриполитическая борьба как фактор политики реформ в современном Китае // Новые аспекты социально-политического развития КНР. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Серия Г: «Общество и государство в Китае в период реформ». М.: ИДВ РАН, 2015.

3. В Пекине состоялась встреча членов ПК Политбюро ЦК КПК 19-го созыва с китайскими и зарубежными журналистами // Xinhua Новости. 25.10.2017: [сайт]. URL: http://russian.news.cn/2017-10/25/c_136705442.htm (дата обращения: 04.02.18).

4. *Габуев А.* Как Си Цзиньпин превратил Политбюро в свой двор. 26.10.2017 // Московский центр Карнеги. URL: https://carnegie.ru/commentary/73553 (дата обращения: 29.04.2019).

5. *Каменнов П.Б.* Военное строительство / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т./ гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016.

6. Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / А.Д. Воскресенский / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окуневой. М.: Аспект Пресс, 2015.

7. Устав Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао онлайн. 23.06.2006. URL: http://russian.people.com.cn/31857/66995/66996/4521684.html (дата обращения: 22.06.2012).

8. Constitution of the People's Republic of China. https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/

9. Friends in high places: Xi Jinping's determined path to control [Друзья на высоких постах: решительный путь Си Цзиньпина к контролю] // South China Morning Post. 08.10.2017. URL: https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2114016/friends-high-places-xi-jinpings-determined-path-control (дата обращения: 18.10.2018).

10. *Wei Li, Lucian W. Pye*. «The Ubiquitous Role of the Mishu in Chinese Politics» [Повсеместная роль мишу в китайской политике] // The China Quarterly. Cambridge University Press for the School of Oriental and African Studies. University of London. United Kingdom, 1992.

References

1. Biograficheskie spravki osnovnih deyatelei KPK i KNR. Van Dunsin [Biographies of the main figures of the CCP and the PRC. Wang Dongxing] / Istoriya Kitaya s drevneishih vremen do nachala XXI veka. V 10 t. / Gl. red. akad. RAN S.L. Tihvinskii; Institut Dalnego Vostoka RAN. T. IX. Reformi i modernizaciya 1976—2009 / otv. red. A.V. Vinogradov. M.: «Nauka», 2016.

2. *Borodich, V.F.* Vnutripoliticheskaya borba kak faktor politiki reform v sovremennom Kitae [Domestic political struggle as a factor of reform policy in modern China] // Novie aspekti

socialno-politicheskogo razvitiya KNR. Materiali ejegodnoi nauchnoi konferencii Centra politicheskih issledovanii i prognozov IDV RAN. Seriya G «Obschestvo i gosudarstvo v Kitae v period reform». M.: "IDV RAN", 2015.

3. V Pekine sostoyalas vstrecha chlenov PK Politbyuro CK KPK 19-go soziva s kitaiskimi i zarubejnimi jurnalistami [There was a meeting of members of the PC Politburo of the CPC of the 19-th convocation with Chinese and foreign journalists in Beijing] // Xinhua Novosti. 25.10.2017 [sait]. URL: http//russian.news.cn/2017_10/25/c_136705442.htm _data obrascheniya_ 4.02.18. (data obrascheniya: 4.02.18).

4. *Gabuev, A.* Kak Si Czinpin prevratil Politbyuro v svoi dvor [As XI Jinping transform the Politburo in your yard]. 26.10.2017 // Moskovskii centr Karnegi. URL: https//carnegie.ru/commentary/73553 (data obrascheniya: 29.04.2019).

5. *Kamennov, P.B.* Voennoe stroitelstvo [Military construction] / Istoriya Kitaya s drevneishih vremen do nachala HHI veka. V 10 t. / gl. red. akad. RAN S.L. Tihvinskii; Institut Dalnego Vostoka RAN. T. IX: Reformi i modernizaciya 1976—2009, / otv. red. A.V. Vinogradov. M.: «Nauka» 2016.

6. Modernizaciya i demokratizaciya v stranah BRIKS: Sravnitelnii Analiz [Modernization and democratization in BRICS countries: a Comparative analysis] / A.D. Voskresenskii / Pod red. I.M. Busiginoi I.Yu. Okunevoi. M.: Izdatelstvo «Aspekt Press» 2015.

7. Ustav Kommunisticheskoi partii Kitaya [Charter of the Communist party of China] // Gazeta Jenmin Jibao onlain. 23.06.2006. URL: http_//russian.people.com.cn/31857/66995/66996/4521684.html (data obrascheniya: 22.06.2012).

8. Constitution of the People's Republic of China https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/

9. Friends in high places: Xi Jinping's determined path to control // South China Morning Post. 8.10.2017. URL: https//www.scmp.com/news/china/policies_politics/article/2114016/friends_high_places_xi_jinpings_determined_path_control (data obrascheniya: 18.10.2018).

10. *Wei Li, Lucian W. Pye.* «The Ubiquitous Role of the Mishu in Chinese Politics» // The China Quarterly. Cambridge University Press for the School of Oriental and African Studies. University of London. United Kingdom, 1992.

Примечания

[1] Constitution of the People's Republic of China. https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/

[2] В Пекине состоялась встреча членов ПК Политбюро ЦК КПК 19-го созыва с китайскими и зарубежными журналистами // Xinhua Новости. 25.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/25/c_136705442.htm (дата обращения: 04.02.18).

[3] Устав Коммунистической партии Китая // Жэньминь жибао онлайн. 23.06.2006. URL: http://russian.people.com.cn/31857/66995/66996/4521684.html (дата обращения: 22.06.2012).

[4] *Каменнов П.Б.* Военное строительство / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т./ гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; ИДВ РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 359.

[5] *Бородич В.Ф.* Внутриполитическая борьба как фактор политики реформ в современном Китае // Новые аспекты социально-политического развития КНР. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Серия Г: «Общество и государство в Китае в период реформ». М.: ИДВ РАН, 2015. С. 38.

[6] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / А.Д. Воскресенский / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окуневой. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 32.

[7] *Wei Li, Lucian W. Pye.* «The Ubiquitous Role of the Mishu in Chinese Politics» (Повсеместная роль Мишу в китайской политике) // The China Quarterly. Cambridge University Press for the School of Oriental and African Studies. University of London. United Kingdom, 1992. P. 925—930.

[8] Биографические справки основных деятелей КПК и КНР. Ван Дунсин / История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т./ гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; ИДВ РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 906.

[9] *Габуев А*. Как Си Цзиньпин превратил Политбюро в свой двор. 26.10.2017 // Московский центр Карнеги : [сайт]. URL: https://carnegie.ru/commentary/73553 (дата обращения: 29.04.2019).

[10] Friends in high places: Xi Jinping's determined path to control (Друзья на высоких постах: решительный путь Си Цзиньпина к контролю) // South China Morning Post. 08.10.2017. URL: https://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/2114016/ friends-high-places-xi-jinpings-determined-path-control (дата обращения: 18.10.2018).

А.А. Семенов,
ИДВ РАН, м.н.с.

КОНСУЛЬТАЦИИ, КОНТРОЛЬ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: РОЛЬ НПКСК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КИТАЯ

Аннотация. Рассмотрена роль Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) в политической системе Китайской Народной Республики. НПКСК является важным совещательным органом в политической системе КНР, отвечающим за многопартийное сотрудничество и политические консультации и оказывающим определенное влияние на выработку государственной политики. Временно не функционировавший в годы «культурной революции» НПКСК был воссоздан Дэн Сяопином для поддержки КПК, помощи в выработке политических решений и для продвижения экономических реформ. Посредством НПКСК Дэн Сяопин стремился инкорпорировать некоммунистическую интеллигенцию в общественно-политическую систему Китая для проведения «четырех модернизаций». Подобный механизм политического участия сыграл важную роль в реализации политики реформ и открытости. Рекомендации членов ВК НПКСК учитывались при разработке реформ, а их инициативы позволяли своевременно привлечь внимание к проблеме и приступить к разработке механизмов решения.

Западные исследователи часто игнорируют НПКСК как «церемониальный» и «нефункциональный» правительственный орган, однако он плохо понимается за пределами Китая, потому что на Западе нет его аналогов.Сегодня НПКСК — один из важнейших элементов политический системы Китая. Этот уникальный орган в системе государственной власти выполняет представительские, контрольные и консультативные функции в политической, социальной, хозяйственной и международной

деятельности КНР. Он играет важную роль во всех сферах жизни Китая, активно участвуя в политических дискуссиях, внося предложения, защищающие общественную стабильность и укрепляющие отношения с соотечественниками за рубежом.

НПКСК выступает в роли специфической формы обратной связи между государством и обществом, т. е. институционализированного механизма получения информации о том, как граждане воспринимают правительство и его действия, позволяет корректировать текущую государственную политику в соответствии с общественными интересами и потребностями, тем самым, оказывая положительное влияние на стабильность политического режима в КНР и качество государственного управления.

Ключевые слова: Китай, КПК, НПКСК, политическая система, политический режим, экономические реформы, сдержки и противовесы, механизмы обратной связи.

Автор: Семенов Алексей Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: alexeisemenoff@mail.ru.

Народный политический консультативный совет Китая — это организация Патриотического Единого фронта китайского народа (далее — Единого фронта), который представляет собой объединение официально разрешенных в КНР политических партий, массовых общественных организаций, профсоюзов, женских и молодежных организаций и т. д., возглавляемый Коммунистической партией Китая. НПКСК является важным совещательным органом в политической системе КНР, отвечающим за многопартийное сотрудничество и политические консультации и оказывающим определенное влияние на выработку и коррекцию государственной политики.

В него входят как представители КПК, так и лица, не имеющие коммунистического партийного членства: восьми демократических партий (Революционный комитет Гоминьдана, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Ассоциация содействия развитию демократии Китая, Рабоче-крестьянская демократическая партия Китая, Китайская партия стремления к справедливости, Общество «3 сентября» и Лига демократической автономии Тайваня), общественных организаций (Всекитайская федерация профсоюзов, Всекитайская федерация женщин, Всекитайская федерация молодежи, Всекитайская федерация промышленности и торговли, Всекитайская ассоциация по науке и технике, Всекитайская федерация тайваньских соотечественников, Всекитайская федерация вернувшихся зарубежных китайцев, Коммунистический союз молодежи Китая), культурных, научных, образовательных, технических, экономических, здравоохранительных, аграрных, журналистских, спортивных организаций, деловых кругов Гонконга (Сянгана), Макао (Аомэня), Тайваня и китайских диаспор за рубежом, национальных меньшинств и религиозных кругов, а также специально приглашенные общественные деятели[1].

Сразу после создания НПКСК в 1949 г. были определены его функции политических консультаций и демократического контроля. В период «культурной революции» (1966—1976 гг.) все органы НПКСК в центре и на местах фактически перестали функционировать. Демократические партии стали именоваться «реакционными организациями», они были вынуждены приостановить свою деятельность, многие их члены подверглись репрессиям. После окончания «культурной революции» при активном участии Дэн Сяопина деятельность Единого фронта, бездействовавшего в течение 13 лет, а также входящих в него организаций и демократических партий была восстановлена[2]. Дэн Сяопин видел роль Единого фронта и НПКСК в поддержке КПК и помощи в выработке политических решений, а также в оказании влияния на широкую общественность. Посредством НПКСК он стремился инкорпорировать некоммунистическую интеллигенцию в общественно-политическую систему Китая. Этот механизм политического участия стал уникальным явлением в китайской политической системе, другие коммунистические страны подобных механизмов не имели. Реформаторское руководство КПК нуждалось в интеллектуалах для проведения «четырех модернизаций», их успех во многом зависел от их поддержки[3]. На протяжении этого периода НПКСК сосредоточился на содействии курсу реформ и сыграл важную роль в политической, экономической, культурной и общественной жизни Китая, активно участвуя в политических дискуссиях и внося предложения, защищающие общественную стабильность и укрепляющие отношения с соотечественниками за рубежом.

Одновременно через организации Единого фронта КПК расширяла сферу своей деятельности на международной арене. В Отделе Единого фронта ЦК КПК существует департамент, который занимается вопросами Гонконга, Макао и Тайваня, а также взаимодействием с зарубежными китайцами. Он сыграл важную роль в поддержке идеи Дэн Сяопина «одно государство — два строя» в Гонконге[4] и использовался для кооптации лидеров некоммунистических сообществ за пределами Китая и нейтрализации критиков КПК[5]. Согласно партийным документам, Отдел Единого фронта ЦК КПК играет важную роль в реализации партийной политики, «воплощения в жизнь политики четырех модернизаций, деле возвращения Тайваня на родину, чтобы завершить дело объединения всей страны, продвинуть вперед и укрепить революционный, патриотический единый фронт»[6].

Основными задачами органов НПКСК являются проведение политических консультаций, демократический контроль, привлечение политических партий, негосударственных организаций, общественных деятелей, репатриантов и т. д. для участия в обсуждении важнейших вопросов государственной жизни и участия в политике государства.

Когда наступает необходимость принять какое-то важное решение, касающееся государственных или национальных интересов, КПК в качестве правящей

партии, как правило, консультируется с представителями различных национальностей, политических партий, общественных кругов и беспартийных деятелей, с тем чтобы достичь единого понимания, на основе которого вырабатывается решение. Проведение политических консультаций осуществляется в целях принятия предварительных решений и проведения политических установок по важным политическим, экономическим, культурным и особым вопросам государственного курса. Учитывая предложения КПК, Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП), народного правительства, политических партий и народных организаций, НПКСК и местные комитеты проводят заседания и консультации при участии представителей от различных партий и организаций, представителей нацменьшинств и различных слоев китайского общества. Они также предлагают вышеупомянутым органам провести обсуждения по важным проблемам страны. Так осуществляется порядок многопартийного сотрудничества и политических консультаций, осуществляемых под руководством КПК.

Политические консультации проводятся в основном в форме ежегодных сессий ВК НПКСК и заседаний его Постоянного комитета по специальным вопросам, а также в виде различного рода консультативных совещаний. Такие документы ЦК КПК, как «Соображения о дальнейшем укреплении системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК»[7] и «Соображения об укреплении и усилении Единого фронта на новом этапе в новом столетии»[8], определяют формы политических консультаций, которые в официальных документах называются «важным проявлением многопартийного сотрудничества под руководством КПК, важным звеном в принятии партией и государством научных демократических решений, важным путем повышения руководящего потенциала партии»[9].

Члены ВК НПКСК выдвигают предложения, проекты, доклады и критические замечания, подготовленные специальными комитетами ВК НПКСК. Предложения обычно касаются различных вопросов экономики, науки, образования, здравоохранения, культуры и спорта, а также, в меньшей степени, права, социального обеспечения и политических вопросов. Предложения после рассмотрения направляются соответствующим ведомствам и министерствам, где в большинстве случаев принимаются к исполнению. Государственные органы по закону обязаны рассматривать предложения НПКСК.

Таким образом, связь между НПКСК, ВСНП и правительством заключается в том, что ВК НПКСК проводит обсуждения до принятия политических решений, ВСНП голосует по политическим решениям после завершения обсуждений, а правительство осуществляет политические решения после их принятия. Эти три органа разделяют работу и сотрудничают, каждый из них выполняет

свою работу, и они взаимно дополняют друг друга. Все это происходит под руководством КПК.

Другая важная функция НПКСК — надзорная. Надзор осуществляется комитетами ВК НПКСК и членами НПКСК посредством проведения обследований, проверок и инспекций с выездом на места. Каждый год проводятся десятки инспекционных поездок в различные районы Китая с участием нескольких сот членов ВК НПКСК. Инспекции проводятся по вопросам экономического и социального развития, в том числе таким, как защита окружающей среды, проведение реформы на госпредприятиях, разработка высоких технологий, начальное образование в национальных районах, вопросы бюджета, дела о коррупции. По их результатам составляются доклады с предложениями и критикой в отношении соблюдения Конституции и законов, реализации общих принципов и политики, а также выполнения обязанностей государственными органами и их должностными лицами, которые затем направляются в ЦК КПК и Госсовет КНР.

Предварительные и последующие консультации по основным государственным делам, параллельные сессии ВСНП и НПКСК, политический авторитет лидеров НПКСК и влияние на элиты придают ВК НПКСК значительный вес в процессах принятия решений в Китае. Более того, НПКСК начинает эффективно использовать общественное мнение и средства массовой информации для повышения своего политического влияния[10].

НПКСК также выступает в роли специфической формы обратной связи между государством и обществом, т. е. институционализированного механизма получения информации о том, как граждане воспринимают правительство и его действия, предусмотренного для коррекции государственной политики для повышения степени «отзывчивости» политической системы к нуждам населения. Любой гражданин Китая имеет право обратиться в ВК НПКСК по вопросу, имеющему общественное значение: коррупция, налоги, уход граждан на пенсию, проблемы общественного порядка и т. д. Обращения направляются письменно, по телефону или по Интернету. Полученные сообщения собираются и анализируются специальным Управлением информации при ВК НПКСК. После рассмотрения они направляются в различные государственные органы, в которых эти сигналы учитываются при выработке соответствующих решений. Таким образом, происходит политическое участие граждан КНР, а члены НПКСК выступают в качестве посредников в политическом участии граждан. Некоторые китайские исследователи считают, что такие процедуры политического участия слишком утомительны, стоимость участия высока, а эффективность этого участия низкая[11].

НПКСК также занимается международной деятельностью. Прием иностранных делегаций рассматривается как часть китайской «мягкой» силы и публичной дипломатии и все чаще используется для содействия культурным обменам, а также экономическим и торговым отношениям.

НПКСК уделяет особое внимание поддержке и расширению связей с соотечественниками из Гонконга и Макао, с представителями зарубежной китайской диаспоры. С начала 1980-х годов НПКСК активно участвует в развитии контактов с Тайванем. Зарубежные китайцы часто приглашаются для участия в заседаниях сессий ВК НПКСК. НПКСК устанавливают контакты с организациями международного и регионального характера, регулярно осуществляя выезд за рубеж делегаций НПКСК и принимая у себя иностранные делегации, а также проводя международные конференции по вопросам гуманитарного и экономического сотрудничества.

Западные исследователи часто игнорируют НПКСК как «церемониальный» и «нефункциональный» правительственный орган. Следует отметить, что он плохо понимается за пределами Китая, потому что на Западе нет его аналогов. НПКСК не является органом представительной власти, так как не имеет соответствующих полномочий, однако, по сути, выполняет функции, близкие к функциям ветви власти. НПКСК также отличается от обычных общественных организаций. Этот уникальный орган служит важным механизмом обратной связи между государством и обществом и действует посредством политических консультаций, позволяющих корректировать текущую государственную политику в соответствии с общественными интересами и потребностями.

В Китае существует практика совместного принятия решений партийными и государственными органами, а также руководящими структурами общественных организаций и малыми демократическими политическими партиями, участвующими в НПКСК. Китайские политологи называют эту систему «консультативной демократией», противопоставляя ее западной «конфронтационной» демократии[12]. Система НПКСК предоставляет видным общественным деятелям, в том числе некоммунистам, утвержденную правительством платформу для внесения предложений по различным аспектам государственной политики. Таким образом, они могут начать политические дебаты и оказать косвенное влияние на развитие государственной политики.

Несмотря на руководящую роль КПК, малые партии оказывают определенное влияние на политическую систему страны в связи с политикой КПК по выдвижению членов этих партий на должности в различных государственных органах; однако, как правило, их назначают на вторые роли в руководстве, на должности заместителей министра, заместителей председателя народного правительства и т. п.

Посредством политических консультаций НПКСК помогает КПК и китайскому правительству быстро и своевременно реагировать на основные потребности населения. Так, например, в ответ на возросшее в 1990-х годах региональное неравенство китайское правительство в 1999 г. запустило программу развития Западного Китая. В ответ на городскую бедность, вызванную увольне-

нием рабочей силы с предприятий госсобственности в конце 1990-х, в 2002 г. была начата программа гарантии минимального дохода в городах, а в 2007 г.— программа гарантии минимального дохода в деревнях. Реакцией на утяжеление крестьянского бремени стало снижение сельскохозяйственных налогов в 2004 г. и их отмена в 2006 г., а также масштабная программа сельских субсидий. В качестве мер борьбы с деградацией системы образования и ростом стоимости образовательных услуг в начале 2000-х были введены гарантии бесплатного обязательного образования сначала в западных и центральных районах, затем во всех сельских районах, а в 2008 г. — во всем Китае. В ответ на снижение доступности здравоохранения в 2003 г. была восстановлена кооперативная система медицинского страхования сельских жителей, затем внедрена базовая медицинская страховка для городских жителей, а в 2009 г. создана комплексная система всеобщего медицинского страхования. В качестве ответной меры на старение население Китай в 2010 г. запустил реформу пенсионной системы и гарантировал пенсионное обеспечение по старости для всех. Для борьбы с недоступностью жилья в 2006 г. была введена программа бюджетного жилья для бедных в городах, а в 2011 г. — более инклюзивная программа бюджетного жилья для граждан с низкими доходами[13].

Во многих случаях рекомендации членов ВК НПКСК были учтены при разработке реформ или их инициатива позволила своевременно привлечь внимание к проблеме и приступить к разработке механизмов ее решения.

По словам директора отдела международных отношений Шанхайского отделения НПКСК Ван Цзюньвэя, предложения о создании особой экономической зоны в районе Пудун в Шанхае выдвигались представителями шанхайского отделения НПКСК еще в середине 1980-х (официально экономическая зона была учреждена только в 1993)[14]. Сегодня в Пудуне расположены крупнейшая зона свободной торговли в континентальном Китае — Вайгаоцяо, вторая по величине промышленная зона — Цзиньцяо, а также парк высоких технологий Чжанцзян, ориентированный на высокотехнологичное производство. В 2018 г. ВВП Пудуна составил 1 трлн юаней (около 158 млрд долл.)[15].

Таким образом, НПКСК играет важную роль в политической системе КНР, являясь своеобразным механизмом обратной связи между государством и обществом и, посредством политических консультаций, помогая политическому режиму оперативно реагировать на нужды населения.

Библиографический список

1. 王军玮(Ван Цзюньвэй), директор отдела международных отношений Шанхайского комитета НПКСК, персональный комментарий в ходе экспертного интервью 18 июля 2018 г. (Программа Министерства культуры КНР для молодых китаеведов).

2. *Королев А.Н.* Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2.

3. *Степанова Г.А.* Восстановление деятельности Единого фронта // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016.

4. *Степанова Г.А.* Единый фронт. НПКСК // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014.

5. 苏长和 (Су Чжанхэ), декан Школы международных отношений и государственного управления Фуданьского университета, лекция «Внешняя политика Китая» 10 июля 2018 г. в Шанхайской академии общественных наук (Программа Министерства культуры КНР для молодых китаеведов).

6. *Burns J.P.* The Chinese Communist Party's Nomenklatura System: A Documentary Study of Party Control of Leadership Selection, 1979—1984. M.E. Sharpe, Inc. Armonk, New York London, England, 1989.

7. *Chang D.W.* China Under Deng Xiaoping: Political and Economic Reform. Springer, 1991.

8. *Gao Y.* CPPCC and China's Participatory Politics (НПКСК и политика участия Китая) // China-US Focus, 1 March 2012. URL: http://www.chinausfocus.com/political-social-development/cppcc-and-chinas-participatory-politics

9. *Li X.* Pudong to join elite GDP club // Shine. 12.03.2018. URL: https://www.shine.cn/news/metro/1803121564/

10. *Loh C*. Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong. Hong Kong University Press, 2010.

11. *Porteous H*. Beijing's United Front Strategy in Hong Kong // Canadian Security Intelligence Service, 1998. URL: https://web.archive.org/web/20110927062452/http://www.csis-scrs.gc.ca/pblctns/cmmntr/cm72-eng.asp

12. *Wan X.* A Study of Political Participation in New Media Environment Among Chinese Citizens // in "New Media and China's Social Development", ed. by Yungeng Xie, Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path, Springer, 2017.

13. 中共中央关于进一步加强中国共产党领导的多党合作和政治协商制度建设的意见. (Соображения о дальнейшем укреплении системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК) // Жэньминь жибао. 18.02.2005. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993406.html

14. 中共中央关于巩固和壮大新世纪新阶段统一战线的意见. (Соображения об укреплении и усилении Единого фронта на новом этапе в «новом столетии») // Жэньминь жибао. 24.07.2006. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993375.html

15. 中国人民政治协商会议章程. (Устав НПКСК) // Официальный сайт НПКСК. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/14/ARTI1315980170869872.shtml

References

1. 王军玮 (Wang Junwei), Director of the Foreign Affairs Division of the Shanghai Committee of the CPPCC, personal comment during an expert interview on July 18, 2018 (The PRC Ministry of Culture's Visiting Program for Young Sinologists).

2. *Korolev A.N.* Reagirovaniye politicheskogo rezhima KNR na bazovyye nuzhdy naseleniya [The PRC Political Regime's Reaction to the Basic Needs of the Population] // Problemy Dal'negoVostoka. 2015. № 2.

3. *Stepanova G.A.* Vosstanovleniye deyatel'nosti Edinogo fronta [Restoring the United Front activities] // Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka. Otv. red. A.V. Vinogradov. M.: Nauka, 2016.

4. *Stepanova G.A.* Edinyyfront. NPKSK [The United front. The CPPCC] // Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR. M.: Forum, 2014.

5. 苏长和 (Su Changhe), Dean of the School of International Relations and Public Affairs of Fudan University, lecture "China's foreign policy" on July 10, 2018 (The PRC Ministry of Culture's Visiting Program for Young Sinologists).

6. *Burns J.P.* The Chinese Communist Party's Nomenklatura System: A Documentary Study of Party Control of Leadership Selection, 1979—1984, M.E. Sharpe, 1989.

7. *Chang D.W*. China Under Deng Xiaoping: Political and Economic Reform. Springer, 1991.

8. *Gao Y.* CPPCC and China's Participatory Politics // China-US Focus, 1 March 2012. URL: http://www.chinausfocus.com/political-social-development/cppcc-and-chinas-participatory -politics

9. *Li X.* Pudong to join elite GDP club // Shine. 12.03.2018. URL: https://www.shine.cn/news/metro/1803121564/

10. *Loh C*. Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong. Hong KongUniversity Press, 2010.

11. *Porteous H*. Beijing's United Front Strategy in Hong Kong // Canadian Security Intelligence Service, 1998. URL: https://web.archive.org/web/20110927062452/http://www.csis-scrs.gc.ca/pblctns/cmmntr/cm72-eng.asp

12. *Wan X*. A Study of Political Participation in New Media Environment Among Chinese Citizens // in "New Media and China's Social Development", ed. by Yungeng Xie, Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path, Springer, 2017.

13. 中共中央关于进一步加强中国共产党领导的多党合作和政治协商制度建设的意见 [Opinions of the Central Committee of the CPC on Sticking to and Improving the System of-Multi-party Cooperation and Political Consultation Under the Leadership of the CPC] // Renmin ribao. 18.02.2005. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993406.html

14. 中共中央关于巩固和壮大新世纪新阶段统一战线的意见 [Opinions of the Central Committee of the Communist Party of China on Consolidating and Strengthening the United Front of the New Century] // Renmin ribao. 24.07.2006. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993375.html

15. 中国人民政治协商会议章程. [Charter of the CPPCC] // Ofitsial'nyy sayt NPKSK. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/14/ARTI1315980170869872.shtml

Примечания

[1] 中国人民政治协商会议章程. (Устав НПКСК) // Официальный сайт НПКСК. URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/09/14/ARTI1315980170869872.shtml

[2] *Степанова Г.А*. Восстановление деятельности Единого фронта // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т.9. «Реформы и модернизация» / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 151—155.

[3] *Chang D.W*. China Under Deng Xiaoping: Political and Economic Reform (Китай под властью Дэн Сяопина: политические и экономические реформы). Springer, 1991. P. 304.

[4] *Loh C.* Underground Front: The Chinese Communist Party in Hong Kong. Hong Kong University Press, 2010. P. 148.

[5] *Porteous H.* Beijing's United Front Strategy in Hong Kong // Canadian Security Intelligence Service, 1998. URL: https://web.archive.org/web/20110927062452/http://www.csis-scrs.gc.ca/pblctns/cmmntr/cm72-eng.asp

[6] *Burns J.P.* The Chinese Communist Party's Nomenklatura System: A Documentary Study of Party Control of Leadership Selection, 1979—1984. M.E. Sharpe, Inc. Armonk, New York London, England, 1989. P. 36—37.

[7] 中共中央关于巩固和壮大新世纪新阶段统一战线的意见. (Соображения о дальнейшем укреплении системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК) // Жэньминь жибао. 18.02.2005. URL:http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993406.html.

[8] 中共中央关于巩固和壮大新世纪新阶段统一战线的意见. (Соображения об укреплении и усилении Единого фронта на новом этапе в «новом столетии») // Жэньминь жибао. 24.07.2006. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/71380/102565/182142/10993375.html

[9] *Степанова Г.А.* Единый фронт. НПКСК // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум, 2014. С. 92.

[10] *Gao Y.* CPPCC and China's Participatory Politics // China-US Focus, 1 March 2012. URL: http://www.chinausfocus.com/political-social-development/cppcc-and-chinas-participatory-politics

[11] *Wan X.* A Study of Political Participation in New Media Environment Among Chinese Citizens // "New Media and China's Social Development", ed. by YungengXie, Research Series on the Chinese Dream and China's Development Path, Springer, 2017.

[12] 苏长和 (Су Чжанхэ), декан Школы международных отношений и государственного управления Фуданьского университета, лекция «Внешняя политика Китая» 10 июля 2018 г.в Шанхайской академии общественных наук (Программа Министерства культуры КНР для молодых китаеведов).

[13] *Королев А.Н.* Реагирование политического режима КНР на базовые нужды населения // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 90—107.

[14] 王军玮 (Ван Цзюньвэй), директор отдела международных отношений Шанхайского комитета НПКСК, персональный комментарий в ходе экспертного интервью 18 июля 2018 г. (Программа Министерства культуры КНР для молодых китаеведов).

[15] *Li X.* Pudong to join elite GDP club // Shine. 12.03.2018. URL: https://www.shine.cn/news/metro/1803121564/.

Л.В. Новоселова,
ИДВ РАН, д.э.н.

РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В КНР

Аннотация. Дан анализ состояния жилищного строительства, являющегося важным фактором экономического развития в КНР и повышения качества жизни населения. С начала 1980-х годов осуществлялись последовательные рыночные преобразования в сфере жилищного строительства. В их числе приватизация жилья работниками государственных предприятий, а также внедрение рыночных механизмов в процессы строительства, финансирования и управления жилищным комплексом. Наблюдалась высокая динамика инвестиций в эту сферу. Создан Фонд жилищных накоплений для предоставления субсидируемых займов покупателям недвижимости. В результате в стране сформировался крупнейший в мире рынок жилья. Реформа способствовала существенному росту масштабов жилищного фонда и значительному улучшению жилищных условий для городских жителей. Появился и ряд серьезных проблем развития, включая возрастающее имущественное и региональное неравенство граждан в приобретении материальных благ. Это связано с опережающим ростом цен и низкой доступностью жилья, огромными объемами нереализованных площадей, высокой степенью закредитованности населения и компаний. Китайским руководством и экспертным сообществом предложены возможные варианты решения этих проблем.

Ключевые слова: Китай, жилищное строительство, реформа, рынок жилья, цены, ипотека, доступность жилья.

Автор: Новоселова Любовь Владимировна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.E-mail: novoselova@ifes-ras.ru.

С начала 80-х годов в КНР осуществляется жилищная реформа, имеющая целью распространение права частной собственности на жилую недвижимость и последовательное расширение практики частного домовладения. В связи с этим следует прежде всего отметить приватизацию городского жилищного фонда в

форме выкупа работниками предприятий занимаемых ими государственных и ведомственных квартир по цене, равной либо ниже себестоимости, а также последовательную коммерциализацию строительства и эксплуатации жилья. Своеобразным водоразделом реформы явился 1998 г. Тогда решением Госсовета КНР была полностью прекращена действовавшая ранее практика безвозмездного общественного распределения жилой площади среди работников предприятий госсектора и вместо этого стала создаваться более рыночная система обеспечения жильем[1].

Базовый принцип реформы заключается в том, что лица с высокими доходами должны получать жилье на рыночных условиях, а семьи с низкими и средними доходами — по льготным ценам. В качестве важного инструмента этой политики правительство создало действующий в масштабах всей страны Фонд жилищных накоплений — обязательную систему долгосрочных сбережений для предоставления субсидируемых займов индивидуальным покупателям недвижимости.

Результатом реформы явилось возникновение в Китае быстрорастущего рынка городского жилья и значительное улучшение жилищных условий для городских жителей, сопровождаемых стремительным ростом национальной экономики. В 2000—2010 гг. ВВП КНР ежегодно увеличивался в среднем примерно на 10 %, столь же высокую динамику показывали располагаемые доходы городских домохозяйств. Важным фактором явились и высокие темпы урбанизации — за последние 30 лет численность городских жителей возросла с 260 до 830 млн человек, а удельный вес постоянно проживающего в городах и поселках населения составил в 2018 г. 59,6 % против 25 % в середине 1980-х годов. Все это стимулирует как высокий спрос на жилье, так и быстрый рост инвестиций в недвижимость.

В 2000—2018 гг. среднегодовые темпы прироста капиталовложений в жилищное строительство составили 14,4 %, а их абсолютные размеры увеличились с 5 трлн юаней в 2000 г. до 8,5трлн юаней в 2018 г. В результате, обогнав США, строительный сектор КНР вышел на 1-е место в мире. Ежегодно в городской местности КНР сдается свыше 1 млрд кв.м построенного жилья, что соответствует почти половине общемирового показателя (табл.).

Таблица. **Жилищное строительство в КНР**

	2000	2010	2013	2014	2016	2017	2018
Инвестиции, всего (млрд юаней)	3291,8	25 168,4	44 629,4	51 202,1	60 646,6	64 123,8	64 567,5
В том числе:							
– жилищное строительство	759,4	4502,7	7487,1	8061,5	8366,0	8698,5	8519,2
Доля жилищного строительства (%)	23,1	17,9	16,8	15,8	13,8	13,6	13,2

	2000	2010	2013	2014	2016	2017	2018
Площадь начатой застройки (млн кв.м)	295,85	1436,5	2012,1	1795,9	1669,3	1786,5	2093,4
В том числе:							
– жилищное строительство	244,0	1293,6	1458,4	1248,8	1159,1	1281,0	1533,5
Доля жилищного строительства (%)	82,5	90,1	81,2	69,5	69,4	71,7	73,3
Площадь введенных в действие зданий в городах (млн кв. м)	805,1	1754,3	2572,3	2647,8	2324,7	...	...
В том числе:							
– жилые дома	548,6	868,8	1073,8	1087,8	984,2	...	...
Доля жилищного строительства (%)			41,7	41,1	42,3	...	...
Количество построенных единиц жилья (млн ед.)	2,14	6.02	7,49	7,66	7,46	6,77	...
Продажи коммерческих площадей (млрд юаней)	393,5	322,9	8142,8	7629,2	11 762,7	13 370,1	...
В том числе:							
– жилищное строительство	5272,1	4412,1	6769,5	6241,1	9906,4	11 024	...
Средняя рыночная цена 1 кв. м жилых помещений (юани/кв. м)	1948	4725	5850	5933	7203	7614	...
	_	_	17 856	18 499	28 489	34 117	...
В том числе:			8466	8526	10 936	11 416	...
– г. Пекин			3908	3830	4330	4846	...
– пров. Гуандун							
– пров. Хунань							

Источники: Чжунго тунцзи няньцзянь 2014 (Китайский статистический ежегодник, 2014 г.), Пекин, 2014. Табл. 15-11; Чжунго тунцзи няньцзянь 2015, Пекин, 2015. Табл. 15-12; Чжунго тунцзи няньцзянь 2016, Пекин, 2016, Табл.19-12; Чжунго тунцзи няньцзянь 2017, Пекин, 2017. Табл.10-16, 10-2, 10-7, 19-10,19-11,19-12; Чжунго тунцзи няньцзянь 2018, Пекин, 2018. Табл. 19-10,19-11,19-12. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html

Продажи жилья в городах Китая в 2018 г. составили 1479 млн кв.м. по сравнению с 701 млн кв. м. в 2007 г. и со 108 млн кв.м. в 1998 г. При этом 10 % жилой площади реализуется в так называемых городах первой линии (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь); еще почти 50 % приходится на административные центры провинций и другие крупные города (вторая линия). Средние и малые города (третья и четвертая линии) обеспечивают оставшиеся 40 % продаж[2]. В целом, с учетом прошедшей в 1980—1990-х годах приватизации, почти 90 % городских семей располагают собственной квартирой и подчас не одной.

Городское жилье, с точки зрения условий его приобретения, делится на несколько категорий. К разряду ***коммерческого жилья*** относятся квартиры и частные дома, покупаемые по свободным ценам и составляющие примерно 1/3 жилищного фонда. Помимо граждан КНР, включая жителей Гонконга и Макао, такое жилье, но лишь для собственного проживания, может приобретаться и иностранцами, которые работали или учились в Китае не менее года[3]. Так называемое ***доступное жилье*** приобретается семьями со средними и ниже средних доходами по ценам на 20—25 % ниже рынка за счет предоставления компаниям-девелоперам значительных налоговых льгот со стороны государства, льгот по созданию инфраструктуры, а также приобретению земельных участков. ***Государственное арендное жилье*** используется для сдачи в аренду лицам с низкими доходами при получении арендаторами ежемесячной жилищной субсидии. Наконец, для беднейших семей, имеющих менее 5 кв.м. жилой площади на человека, государство строит ***социальное жилье***, сдаваемое в аренду за крайне низкую (5 % от рыночного уровня) плату.

Городской жилищный фонд Китая насчитывает 261 млн жилых единиц общей площадью 20,9 млрд кв. м, средняя площадь городской квартиры превышает 90 кв. м. Увеличившись за последние 40 лет в 8,3 раза, среднедушевая обеспеченность жильем в городах Китая (около 35 кв. м на человека), в целом, соответствует уровню стран с нарождающимися рынками, а во многих крупных городах заметно превосходит его, приближаясь к показателям развитых стран[4].

Имеются, однако, и существенные нюансы. В то время как дома и квартиры могут находиться в частной собственности, земельные участки под ними предоставляются государством в аренду сроком до 70 лет, хотя и с вероятностью продления в будущем.

88 % общего числа строительных организаций Китая составляют частные китайские компании-девелоперы. Собственные средства компаний- застройщиков обеспечивают примерно 1/3 всего объема их инвестиций в недвижимость, оставшуюся часть финансирования они привлекают в виде банковских кредитов (16 %), а также средств приобретателей жилья. Последние, в свою очередь, представлены предоплатой (свыше 30 %) и ипотечными кредитами (15 %). В целом, на долю жилищного строительства приходится почти 20 % суммы выданных банковских кредитов.

Главными кредиторами являются ведущие государственные банки, условия получения ипотеки также определяются государством. Первоначальный взнос при приобретении первого жилья составляет обычно 20—30 % его стоимости и 40—60 % для второго жилья. Процентная ставка колеблется вслед за индикативной ставкой Народного банка Китая, находясь в последние годы в интервале **от 2,75 %** (по кредитам сроком до 5 лет) до **3,25 %** (свыше 5 лет). Платежи в

погашение кредита, в соответствии с установленным порядком, не должны превышать 30—50 % дохода заемщика[5].

Повышение процентных ставок и увеличение авансового платежа, при необходимости, применяются органами власти в качестве инструмента регулирования рынка недвижимости во избежание его спекулятивного перегрева. Кроме того, с этой целью используются и такие меры, как сокращение площади земельных участков, предоставляемых для жилищного строительства, повышение платы за их застройку, увеличение доли доступного жилья в реализуемых проектах, ограничение продаж вновь приобретенной недвижимости в течение оговоренного срока, ограничение количества квартир, приобретаемых «в одни руки» и т. д. Если же, напротив, требуется оживить рынок, происходит смягчение административных мер в сфере недвижимости.

Вместе с тем такая регулятивная практика дает лишь временный эффект — в жизни всегда находится способ для обхода введенных ограничений. Жилищные спекулянты, например, вступают в сговор с лицами, не подпадающими под введенные административные ограничения, приобретают на их имя жилье и затем делят прибыль от его перепродажи. Что касается авансового платежа при покупке недвижимости, то его фактические размеры при использовании различных приемов могут быть снижены покупателем до 5 % стоимости жилья. В результате цены на недвижимость вновь начинают расти.

В этих условиях, несмотря на все усилия государства, ситуация на рынке жилья пока еще далека от равновесной. Со стороны спроса сказывается приобретение зажиточной частью населения жилья впрок — в качестве инвестиционного инструмента для сбережения и увеличения накоплений. Со стороны предложения действует такой мощный фактор, как манипуляции местных властей с выделением участков под строительство для максимизации доходов местных бюджетов. Как первое, так и второе обстоятельство способствуют появлению серьезных дисбалансов в развитии сектора недвижимости. По некоторым оценкам, цены на жилье в стране в среднем завышены на 20—30 %, а в Шанхае — даже на 50 %.

Рост цен на жилье из года в год опережает рост доходов населения и примерно в 2 раза превышает динамику национального дохода. Если в 1991 г. средняя цена 1 кв. м городского коммерческого жилья составляла 796 юаней, то в 2000 г. — 1948 юаней, в 2013 г. — 5850 юаней, а в 2017 г. — уже 7614 юаня (более 1100 долл.). В результате, около 70 % жителей городов не имеет достаточных средств для покупки коммерческого жилья. Что касается субсидируемого государством доступного жилья, то его предложение не столь велико и к тому же концентрируется главным образом в крупных мегаполисах.

По степени доступности жилой площади Китай находится в самом конце мировой «табели о рангах». Как свидетельствует рассчитанный для КНР коэф-

фициент доступности жилья (отношение медианной стоимости жилья к медианному доходу домохозяйства за год), для того чтобы купить жилье средней китайской семье требуется откладывать все свои доходы в течение **25—30 лет**. Не случайно, в последние годы отмечается активное увеличение задолженности по ипотечным кредитам. Если в 2006 г. заимствования граждан по ипотеке соответствовали 10,3 % ВВП, то в 2016 г. — 24,1 %[6]. Абсолютные размеры ипотечной задолженности в 2018 г. достигли 23,2 трлн юаней (3,5 трлн долл.) против 13 трлн юаней (2,1 трлн долл.) в 2015 г.[7] На ипотеку сегодня приходится порядка **60 %** задолженности граждан КНР перед банками.

Одновременно с ростом закредитованности населения наблюдается и быстрое нарастание запасов нереализованного коммерческого жилья. Особенно заметно фонд нераспроданных площадей увеличивается в городах «третьей-четвертой линии». В целом, по некоторым оценкам, незаселенными в Китае остаются 25—30 % новостроек, а общее количество пустующих жилых единиц достигает **65 млн**, включая как нераспроданное жилье, так и неиспользуемые владельцами «инвестиционные» дома и квартиры[8]. В конечном итоге возникают целые невостребованные городские районы и даже «города-призраки», фактическое заселение которых в ряде случаев требует десяти и более лет.

Опережающий рост цен на жилую недвижимость в крупных и средних городах ведет к тому, что все большая часть денежных средств и основных фондов концентрируется у малочисленной группы лиц с высокими доходами в районах с развитой производственной базой и благоприятной средой проживания. В отличие от этого спрос со стороны малоимущих граждан отстает от роста цен на жилье, все больше людей лишаются доступа к рынку жилья. Все это оборачивается растущим разрывом между богатыми и бедными регионами страны, а также между зажиточными и низкодоходными слоями населения.

Перед государством, таким образом, стоит двоякая задача: необходимо ограничить рост цен, а значит, и спрос на жилье в крупнейших городах и одновременно — «подогреть» конъюнктуру рынка в малых и средних городах и тем самым стимулировать здесь продажи жилья. В результате, меры государственной жилищной политики приобретают все более точечный, «районированный» характер. Одновременно в КНР ставят вопрос о выработке институционального механизма, способного на долгосрочной основе балансировать соотношение спроса и предложения на рынке недвижимости. Исходя из политических установок руководства, а также учитывая содержание дискуссий, ведущихся в КНР по данному вопросу, компоненты такого механизма выглядят следующим образом:

1. **Совершенствование жилищного законодательства**. Действующее законодательство КНР регулирует в основном отношения, складывающиеся в ходе эксплуатации жилого фонда, не затрагивая вопросы приобретения жилья, а

также специфические аспекты жилищных отношений в частном и других секторах. В связи с этим в Китае указывают на необходимость введения новой законодательной нормы, предусматривающей предоставление приобретателю недвижимости стандартного набора жилищных услуг (энерго-, водо-, теплоснабжение и т. д.) с установленным качеством и по доступной цене, тем самым гарантирующей определенный уровень его жизнеобеспечения. Недвижимость, таким образом, начинает рассматриваться не только как товар, но и как жилище, семейный «очаг», наличие которого жизненно необходимо для человека. Такой подход в полной мере сочетается с неоднократными заявлениями руководителей КНР о том, что «дома — чтобы жить в них, а не чтобы на них спекулировать».

2. **Развитие системы доступного жилья**. К концу прошлого десятилетия свыше 7 млн городских домохозяйств нуждались в государственной жилищной поддержке[9]. В соответствии с Национальным планом урбанизации нового типа (2014—2020 гг.) основной акцент делается на строительство жилья для семей со средними и низкими доходами за счет средств государственного бюджета. В 2014 г., чтобы снизить уровень нереализованного жилья, правительство объявило о планах выкупа у девелоперов простаивающих квартир с передачей их населению с предоставлением покупателям дополнительных финансовых преимуществ.

Предусматривается расширение рынка арендного, в том числе качественного, жилья. Чтобы стимулировать строительство недвижимости для последующей аренды государство предоставляет земельные участки под такие проекты с большими скидками и тем самым гарантирует внушительные прибыли девелоперам. В некоторых городах, испытывающих дефицит квалифицированной рабочей силы, такие участки занимают до четверти строительных площадей. В целом, в 2014—2020 гг. обеспечение населения доступным жильем должно быть увеличено почти в 2 раза, достигнув 23 % жилого фонда.

3. **Установление налога на недвижимость**. Правительство уже не первый год говорит о необходимости введения такого налога, рассчитываемого на основе рыночной стоимости жилья. Это должно побудить владельцев «инвестиционных» квартир продавать пустующее жилье или, как минимум, сдавать его в аренду. Одновременно введение такого налога позволило бы местным властям получить новый источник дохода, снижая их финансовую зависимость от сдачи в аренду государственных земель и стимулируя предоставление больших площадей под застройку недорогим жильем. В перспективе речь, по всей вероятности, должна идти о децентрализации системы межбюджетных отношений и наделении местных правительств дополнительными источниками финансирования[10].

4. **Реформирование системы постоянной регистрации** (*хукоу*). Идущая в КНР урбанизация вызывает массовый переток сельского населения в городские центры. Количество осевших в городах мигрантов составляет 270 млн человек, составляя примерно треть городского населения. В основном это неквалифицированные либо низкоквалифицированные работники, имеющие малый и средний уровень дохода и нуждающиеся в жилищной поддержке государства. Однако, согласно правилам *хукоу,* отсутствие местной прописки лишает их доступа к приобретению субсидируемой государством недвижимости и получению ипотеки. Такая, унаследованная от прежних времен практика, возможно, имеет смысл в перенаселенных мегаполисах, позволяя регулировать нагрузку на их социальную инфраструктуру. Однако в малых и средних городах следовало бы облегчить возможность местной регистрации для новых горожан и тем самым облегчить их доступ к приобретению имеющейся здесь избыточной недвижимости.

Библиографический список

1. Загадка китайских городов-призраков. URL: https://fishki.net/42737-zagadka-kitajskih-gorodov-prizrakov-12-foto.html/ (дата обращения: 04.03.2019).

2. Ипотечная ловушка: угрожает ли экономике Китая пузырь на рынке недвижимости. URL: https://russian.rt.com/business/article/608194-ritaj-nedvizhimost-ekonomika (дата обращения: 04.03.2019).

3. Итоги 12-й пятилетки (2011—2015 гг.) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / отв.ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменов. М.: ИДВ РАН, 2017.

4. Обзор жилищного сектора Китая. URL: https://дом.рф/wp-content/uploads/2016/11/ (дата обращения: 04.03.2019).

5. 13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменов. Москва: ИДВ РАН, 2017.

6. *Чубаров И.* Проблемы и перспективы китайской урбанизации // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7.

7. China's housing market is cooling. URL: https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History (дата обращения: 04.03.2019).

8. China's Housing Reform and Outcomes. Cambridge, Massachusetts, 2011.

9. Joyce Yanyun Man. Affordable Housing in China. URL: https://www.lincolninst.edu/publications/articles/affordable-housing-china (дата обращения: 04.03.2019).

10. Understanding Residential Real Estate in China. IMF Working Paper. Washington, April 2015.

11. Zhou Zhihua. China's Housing Development Under the "New Normal". EAI Background Brief No. 1055. URL: http://www.eai.nus.edu.sg/publications/files/BB1055.pdf. (дата обращения: 04.03.2019).

12. Zhou Zhihua. China's Latest Housing Boom: A Resurrection of the Old Development Model? URL: http://ippreview.com/index.php/blog/single/id/84.html (дата обращения: 04.03.2019).

13. 中国统计摘要. (Китайский статистический справочник) — 2018. Пекин, 2018.

References

1. Zagadka kitaiskikh gorodov-prizrakov (The Mystery of Chinese Ghost Towns). URL: https://fishki.net/42737-zagadka-kitajskih-gorodov-prizrakov-12-foto.html/ (accessed: 04.03.2019).

2. Ipotechnaya lovushka: ugrozhaet li ehkonomike Kitaya puzyr' na rynke nedvizhimosti (Mortgage trap: Does China's real estate bubble threaten China?). URL: https://russian.rt.com/business/article/608194-ritaj-nedvizhimost-ekonomika (accessed: 04.03.2019).

3. Itogi 12-oi pyatiletki (2011—2015 gody) I perspektivy razvitiya ekonomiki KNR do 2020 goda. Otv.red. A.V.Ostrovskii. Moskva: IDV RAN, 2017. (The results of the 12th Five-Year Plan (2011—2015) and the prospects for the development of the PRC economy until 2020). Ed. A.V. Ostrovsky. Moscow: IFES RAS, 2017.

4. Obzor zhilishchnogo sektora Kitaya (Review of the housing sector in China). URL: https://дом.рф/wp-content/uploads/2016/11/ (accessed:04.03.2019).

5. 13-ya pyatiletka — vazhneishiy etap postroyeniya v Kitae obshchestva malogo blagodenstviya "xiaokang". Otv.red. A.V.Ostrovskii. Moskva: IDV RAN, 2018 (The 13th Five-Year Plan (2016—2020) is the most important stage in building a «xiaokang» small welfare society in China). Moscow: IFES RAS, 2018.

6. Chubarov I. Problemy i perspektivy kitayskoy urbanizatsii // Aziya i Afrika segodnya. 2017. № 7 (Chubarov I. Problems and Prospects of Chinese Urbanization // Asia and Africa Today. 2017. № 7).

7. China's housing market is cooling. URL: https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History (accessed:04.03.2019).

8. China's Housing Reform and Outcomes. Cambridge, Massachusetts, 2011.

9. Joyce Yanyun Man. Affordable Housing in China. URL: https://www.lincolninst.edu/publications/articles/affordable-housing-china (accessed: 04.03. 2019).

10. Understanding Residential Real Estate in China. IMF Working Paper. Washington, April 2015.

11. Zhou Zhihua. China's Housing Development Under the "New Normal". EAI Background Brief No. 1055. URL: (accessed:04.03.2019).

12. Zhou Zhihua. China's Latest Housing Boom: A Resurrection of the Old Development Model? URL: http://ippreview.com/index.php/blog/single/id/84.html (accessed:04.03.2019).

13. Zhongguo tongji zhaiyao — 2018. 中国统计摘要. (China Statistical Abstract — 2018). China Statistics Press, 2018.

Примечания

[1] China's Housing Reform and Outcomes. Cambridge, Massachusetts, 2011. P. 3—4.

[2] Understanding Residential Real Estate in China). IMF Working Paper. Washington, April 2015. P. 4.

[3] China's housing market is cooling. URL: https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History (дата обращения: 04.03.2019).

[4] Как решают жилищный вопрос в Китае. URL: https://kprf.ru/international/new-world/118956.html/print (дата обращения: 04.03.2019).

[5] Как решают жилищный вопрос в Китае. URL: https://kprf.ru/international/new-world/118956.html/print (дата обращения: 04.03.2019)

[6] China's housing market is cooling. URL: https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History (дата обращения: 04.03.2019).

[7] Ипотечная ловушка: угрожает ли экономике Китая пузырь на рынке недвижимости. URL: https://russian.rt.com/business/article/608194-ritaj-nedvizhimost-ekonomika (дата обращения: 04.03.2019).

[8] Загадка китайских городов-призраков. URL: https://fishki.net/42737-zagadka-kitajskih-gorodov-prizrakov-12-foto.html/ (дата обращения: 04.03.2019).

[9] Joyce Yanyun Man. Affordable Housing in China. URL: https://www.lincolninst.edu/publications/articles/affordable-housing-china (дата обращения: 04.03.2019).

[10] Zhou Zhihua. China's Latest Housing Boom: A Resurrection of the Old Development Model? URL: http://ippreview.com/index.php/blog/single/id/84.html (дата обращения: 04.03.2019).

Е.С. Баженова,
ИДВ РАН, к.э.н.

СТРАТЕГИЯ В ОБЛАСТИ УРБАНИЗАЦИИ В КНР И РАЗВИТИЕ ЗОНЫ ПЕКИН—ТЯНЬЦЗИНЬ—ХЭБЭЙ

Аннотация. Рассмотрено развитие урбанизации в КНР. В XXI веке урбанизация — ключевой момент, определяющий трансформацию и ускорение экономического развития в Китае. Она стала внутренним драйвером роста внутреннего спроса и реструктуризации экономики, дала толчок росту спроса на потребительские товары, способствует увеличению объема инвестиций; является стимулом изменений промышленной структуры, роста сферы услуг. Все это очень важно для скоординированного развития города и деревни, что и является основной идеей новой урбанизации. Китай показывает пример того, что рост городов является одновременно причиной и следствием экономического развития и существует тесная связь между процессом урбанизации и социально-экономическим прогрессом. Рост городского населения происходил в основном за счет миграций, которые достигли беспрецедентных масштабов в годы экономических реформ — 288 млн человек в 2018 г. Ключ к будущему урбанизации в Китае — управление миграциями для оптимального размещения населения. Важно преодолеть чрезмерную экспансию мегаполисов, поощрять рост малых городов, способствовать закреплению «и рабочих, и крестьян» в городских районах с тем, чтобы они могли получать доступ к образованию, здравоохранению и социальному обеспечению. На западе страны новый Шелковый путь пойдет в пять стран Центральной Азии, затем в Россию и Европу. На этом Шелковом пути будут строиться и развиваться малые и средние города, прежде всего вдоль скоростных железных дорог и автотрасс, становясь центрами торговли, ремесел и производства.

Все это окажет огромное влияние на модернизацию этих регионов и будет способствовать становлению этих городских центров как международных экономических, торговых и финансовых хабов Западного Китая. Это будет отличный полигон для переноса опыта экономических реформ с восточного побережья в центральные и западные районы. В недалеком будущем в дельте реки Янцзы, дельте реки Чжуцзян появятся новые мега-города с числом жителей 80—100 млн человек, где будет сконцентрировано более 40 % экономического потенциала всей страны.

Ключевые слова: Китай, урбанизация, миграции, численность населения, экономическое развитие, размещение населения, экономические реформы, новый Шелковый путь, мегаполисы.

Автор: Баженова Елена Степановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ИДВ РАН. E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru.

Китай относится к числу демографических гигантов, сейчас здесь проживает 1,395 млрд человек[1] из 7,5 млрд жителей земного шара. Переход этой страны в число экономических лидеров может существенно изменить исторически сложившееся соотношение сил на мировой арене. Мощь государства может меняться в зависимости от проводимой экономической политики, но в ее основе лежит демографическая составляющая, число жителей страны и активно занятого населения. При этом важно распределение населения по территории, велика роль городов в развитии экономики.

КНР имеет самое значительное по абсолютной численности городское население в мире — 831,37 млн в 2018 г., 59,58 % общего числа жителей. С 1979 г. население городов увеличилось более чем в 4 раза. Доля жителей Китая среди всех горожан мира выросла в 2 раза — с 10 до 20 %. Для демографических процессов типичны высокие темпы урбанизации (1,3 % в год), рост миграций: число мигрантов достигло 288 млн человек, в города ежегодно переезжает 17,5 млн человек[2].

12-я пятилетка имела важное значение для урбанизации в КНР: в 2011 г. число горожан превысило число сельских жителей, а в 2014 г. уровень урбанизации превысил среднемировое значение — 54 %[3]. В этот период впервые в истории страны был разработан и начал претворяться в жизнь «Национальный план урбанизации нового типа (2014—2020»[4], предназначенный для разрешения проблем городской среды, в том числе: реформы института прописки (облегчение процесса получения городской прописки для сельских жителей за исключением крупных и крупнейших городов с населением более 5 млн жителей); по плану, к 2020 г. доля жителей с городской пропиской увеличится с 37 до 45 %; модернизации инфраструктуры; выравнивания размещения городов по территории.

Его главная задача — усиление роли урбанизации в увеличении внутреннего спроса в условиях новой модели социально-экономического развития и ухода от прежней, экспортноориентированной модели роста. Основной девиз плана — «Урбанизация для человека» (以人为本的城镇化). Предусмотрены отход от чисто экономических показателей развития; увеличение уровня урбанизации до 60 % для поддержания внутреннего спроса; улучшение жилищных условий и городской застройки; сглаживание межрегионального дисбаланса (развитие западной части страны).

Основные черты урбанизации нового типа: сужение социального дисбаланса между городскими жителями с пропиской и мигрантами (облегчение доступа мигрантов к сфере социального обслуживания с помощью «вида на жительство»); ограничение роста мегаполисов и стимулирование развития средних и малых городов, а также специальные программы по развитию «городских поселков с местной спецификой», которые становятся важной составляющей «новой урбанизации»; преимущество росту городов в центральных и особенно в западных районах; более рациональное землепользование.

Эти цели достигаются с помощью специальных условий для получения прописки — в посёлках и городах с числом жителей до 500 тыс.: проживание в центральной части (посёлке); в городах от 500 тыс. до 1 млн жителей: наличие жилья и работы, в течение 1—3 лет участие в программах социального страхования; в городах от 1 до 5 млн: жильё и работа, 1—5 лет участия в программах социального страхования, при необходимости использование системы баллов; в городах от 5 млн: только использование системы баллов в зависимости от возможностей города.

Основные региональные тенденции последних десятилетий проявляются в изменении соотношения между макрорегионами страны, выравнивании долей в населении и урбанизации; падении значения северной части страны — доля горожан, проживающих в Северо-Восточном Китае, сократилась в 2 раза. В рейтинге крупнейших центров Шэньян сместился с 4-го на 13-е место, Сиань с 9-го на 15-е, Тяньцзинь с 3-го на 5-е. Их место заняли быстро растущие города приморского пояса: Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Дунгуань, Фошань, а также центра страны: Ухань, Чунцин.

Одним из примеров развития урбанизации является Гуандун, которая за годы реформ из отсталой сельскохозяйственной превратилась в одну из самых экономически развитых провинций страны с уровнем урбанизации 67,5 %. С 1978 г. ВВП провинции увеличился более чем в 200 раз. Впечатляющим было и развитие региона в дельте реки Чжухай — темпы роста ВВП составляли в эти годы 16 % по сравнению с 10 % по стране в целом. Хотя он занимает лишь 0,6 % территории КНР и здесь проживает всего 3,5 % населения, регион дает 10 % ВВП, аккумулирует 17 % прямых иностранных инвестиций и его доля в экспорте страны составляет 28 %. Это высокоурбанизированный район, где со-

средоточено множество зон высоких технологий в городах Чжухай, Чжуншань, Дунгуань, Шэньчжэнь, Фошань и др.[5] Тем не менее, здесь остро стоят проблемы экологии, неравенства доходов бедных и богатых, различий в уровне развития Гуанчжоу и бедных районов провинции, неодинаковых возможностей в доступе к образованию, медобслуживанию и социальному страхованию местных жителей и мигрантов, трудоустройства новых поколений рабочих и выпускников вузов.

Региональные различия в уровне экономического развития Китая оказывают значительное влияние на урбанизацию, что проявляется в региональном дисбалансе. Более 40 % городов расположены в восточных регионах Китая, на 11 % всей территории страны. Уровень урбанизации здесь достигает 63 %. Менее 30 % городов расположены в западных регионах Китая, которые занимают более 70 % территории страны. Уровень урбанизации там составляет лишь 46 %. Для урбанизации в обширных центральных и западных регионах характерны разбросанность городов и поселков, недостаточное развитие малых и средних городов.

Согласно «Плану», в города западной и центральной части должны переехать 100 млн жителей, что позволит обеспечить выравнивание межрегионального дисбаланса и создание новых полюсов роста с использованием «Программы развития экономики западных регионов страны». Так, Урумчи, столица Синьцзяна, станет транспортным и финансовым хабом «Экономического пояса Шелкового пути».

Ярким примером выравнивания межрегионального дисбаланса является «Программа скоординированного развития региона Цзин—Цзинь—Цзи» (Пекин—Тяньцзинь—пров. Хэбэй)[6]. Эти три района примыкают друг к другу, охватывают 13 городов с числом жителей более 100 млн человек. Здесь есть свои проблемы: ухудшение экологической среды, дисбаланс развития городской и поселковой системы, увеличение разрыва в развитии между регионами и между городом и деревней. Цели «Программы»: устранение функций, не свойственных столице, реструктуризация экономики и пространства, создание мегаполиса мирового значения с центром в Пекине, совместное сбалансированное и скоординированное развитие трех районов.

Высшее руководство страны рассматривает ее в качестве одной из трех национальных стратегий (другие две — «один пояс — один путь» и развитие экономического пояса реки Янцзы).

Для ликвидации неравномерности экономического развития региона Цзин—Цзинь—Цзи создается новая экономическая зона государственного значения Сюнъань, которая берет на себя две функции: нового полюса экономического роста и лекарства от болезней большого города. Новый район развития образует с Пекином и Тяньцзинем равнобедренный треугольник, где расстояние до Пекина, Тяньцзиня и Шицзячжуана составит 105, 105 и 155 км. Это послужит выполнению плана создания городской агломерации мирового масштаба. На Сюнъань как но-

вый район развития возложена задача предложить основанную на инновациях модель развития для внутренних провинций. Эта модель будет образцом для развития других районов Китая. В новом районе будут развиваться высокотехнологичные предприятия, сконцентрированные вокруг интеллектуальных, зеленых и сервисных производств, таких, например, как выпуск интегральных схем и систем искусственного интеллекта и работа с «большими данными». Пекин направит в Хэбэй ресурсы для применения в Сюнъане, где будет создана продвинутая версия Чжунгуаньцуня. Это означает ориентацию Пекина в дальнейшем на фундаментальные исследования и научно-технические инновации, в то время как Сюнъань будет отвечать за конверсию и внедрение результатов инноваций.

В плане пространственной структуры в Сюнъане будет использоваться полицентрическая кластерная модель развития. Заметным достоинством станет использование соответствующего XXI веку способа прокладки инженерных коммуникаций в трубопроводных коридорах под землей. Городской транспорт, водо-, электро- и газоснабжение, системы предотвращения стихийных бедствий — все будет проходить под землей, включая линии высокоскоростной железной дороги, железнодорожные станции. Большая часть внутригородского транспорта также будет работать под землей. Все это позволит оставить поверхность для людей и зеленых насаждений. В результате не менее 70 % нового района должно быть занято водными и зелеными территориями. Новый город рассматривается в качестве одного из звеньев стратегии совместного развития Пекина, Тяньцзиня и Хэбэя[7].

Основные количественные целевые показатели «Плана урбанизации нового типа» к 2020 г. включают: число постоянных жителей городов — 60 %; число жителей городов с пропиской — 45 %; 100 % детей мигрантов получают образование; доля общественного транспорта в поездках в городах крупнее 1 млн жителей — 60 %; водоснабжение в городах и посёлках — 90 %; широкополосный Интернет — более 50 Мбит\с; доля возобновляемой электроэнергии в общем потреблении — 13 %[8].

По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн человек (к этому времени будет 220 городов с числом жителей более 1 млн человек и 23 мегаполиса с числом жителей более 5 млн человек), а в дальнейшем, к 2030 г. составит 1020 млн человек, 70 % общей численности населения, к 2050 г. — 76 % общего числа жителей КНР[9].

В ряде регионов — дельте реки Янцзы, дельте реки Чжухай, зоне Бохайского залива появятся мегаполисы с населением 80—100 млн человек. На эти районы приходится около 40 % экономического потенциала всей страны. В Китае процесс бурного развития городов сосредоточен главным образом в трех восточных регионах, расположенных в виде коридора, проложенного вдоль побережья: в Бохайваньском промышленном районе Пекин—Тяньцзинь—Таньшань) на севере

страны; в дельте реки Чанцзян/Янцзы (Шанхай—Нанкин—Ханчжоу) в центре страны и в дельте реки Дунцзян / Жемчужная река (Гуанчжоу—Шэньчжэнь—Гонконг) на юге страны. К ним можно добавить еще два коридора, имеющих второстепенное значение, — на Шаньдунском полуострове и в долине реки Янцзы.

В связи с этим в Китае создается передовая инфраструктура, в основе которой заложена сеть высокоскоростных железных и автомобильных дорог, связывающих между собой различные мегаполисы с севера на юг и с востока на запад «по двум вертикалям и трем горизонталям».

Для Китая в будущем будет оставаться источником трудностей нерациональное территориальное размещение населения, быстрый рост городов, наплыв мигрантов, особенно в крупные агломерации. Но накопленные экономические ресурсы и созданная к настоящему времени инфраструктура, а также следование новому курсу урбанизации, обозначенному в плане на 13-ю пятилетку, скорее всего, позволят КНР решить этот комплекс проблем[10].

Урбанизация в качестве движущей силы устойчивого экономического развития является серьезным внутренним фактором ускорения экономического развития страны. В настоящее время она стала важным стимулом в расширении внутреннего спроса и изменении структуры экономики, что является отправной точкой для сбалансированного развития городских и сельских районов.

В КНР урбанизация и экономический рост идут параллельно. В настоящее время, по оценке экспертов McKinsey, средний класс Китая насчитывает 55 млн домохозяйств. К 2025 г. их число может вырасти более чем в 4 раза и достичь 280 млн, что составит 3/4 всех городских домохозяйств. Такой рост среднего класса в городах создаст значительные рынки для промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи и всего спектра сферы услуг, а города будут соответствовать тому типу, который сейчас распространен в экономически развитых странах. При регулировании миграционных процессов в города большое значение будет иметь политика государства, которая в условиях КНР способна определить географическое направление переселения (центральные и западные районы), а также предпочтительные формы урбанизации — малые и средние города.

С точки зрения градостроительных технологий, Китай имеет все необходимое, поскольку имеет развитую металлургию и является лидером в производстве цемента и современной строительной техники. Проявление успеха строительной индустрии — в Шанхае в 2 раза больше небоскребов, чем в Нью-Йорке.

Потенциально опасность представляет старение городского населения, число пенсионеров в городах будет со временем нарастать. Возможным решением может стать организация переселения этой категории жителей из крупных городов в средние и малые или в сельскую местность, а также создание городов-спутников в пригородах и сельских уездах крупных агломераций по примеру «Города солнца» в пригороде Пекина.

В последние годы Китай продемонстрировал беспрецедентно конструктивный переход от аграрной экономики к индустриальному обществу, от сельских общин к городским населенным пунктам, которые взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимодействуют между собой. Начиная с отдельных малых городов и деревень и кончая сетью крупных мегаполисов, город оказал помощь в осуществлении преобразований, модернизации и повышении уровня жизни 1,3 млрд человек.

Города в Китае служат движущей силой новой модели экономического развития, являются серьезным внутренним фактором ускорения экономического развития страны. В настоящее время они стали важным стимулом в расширении внутреннего спроса и изменении структуры экономики, что является отправной точкой для сбалансированного развития городских и сельских районов. Они двигают экономику в нужном направлении, что находит отражение не только в показателях внешней торговли, но и в сокращении масштабов бедности и проявлении новой, хотя еще и недостаточной, озабоченности в отношении улучшения окружающей среды. Города приводят в движение модернизацию в Китае.

Библиографический список

1. 2018 年国民经济和社会发展统计报告. (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года. (Statistical communiqué of the People's republic of China on the 2018 National economic and social development). National Bureau of Statistics of China. 28.02.2018. С. 2.) URL:http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html (дата обращения: 28.02.2019).

2. *Чубаров И.* «Урбанизация нового типа» — новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5.

3. *Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандалинцев В.Г.* Страны Востока к 2050 году: население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017.

4. *David W. Ferguson.* From made in Guandong to created in Guandong. Beijing. 2012.

5. The 13th Five-year plan for economic and social development of the People's Republic of China (2016—2020). (Part III). Translated by Compilation and Translation Bureau, Central Committee of the Communist Party of China. Beijing. 2016.

6. 中国统计摘要 — 2018. (Общая статистика Китая). China Statistical Abstract. National Bureau of Statistics of China. Beijing. 2018.

7. World Urbanization Prospects: The 2014 revision. United Nations. New York. 2014.

References

1. 2018 年国民经济和社会发展统计报告. [Statistical communiqué of the People's republic of China on the 2018 National economic and social development]. National Bureau of Statistics of China. 28.02.2018. P.2.) URL:http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html (data obrastcheniya 28.02.2019).

2. *Chubarov I.* «Urbanizatsiya novogo typa» — noviy etap razvitiya gorodskoy sistemi KNR [“Urbanization of a new type” — a new stage in the development of the urban system of the PRC]. Problemi Dalnego Vostoka. № 5. 2015.

3. *Akimov A.V., Borisov M.G., Deriugina I.V., Kandalintsev V.G.* Strani Vostoka k 2050 godu: naseleniye, energetika, prodovolstviye, investicionniy klimat [Eastern countries by 2050: population, energy, food, investment climate] / Institut vostokovedeniya RAN. Moscow. 2017.

4. *David W.* Ferguson. From made in Guandong to created in Guandong. Beijing. 2012.

5. The 13th Five-year plan for economic and social development of the People’s Republic of China (2016—2020). (Part III). Translated by Compilation and Translation Bureau, Central Committee of the Communist Party of China. Beijing. 2016.

6. 中国统计摘要 — 2018. [China Statistical Abstract]. National Bureau of Statistics of China. Beijing. 2018.

7. World Urbanization Prospects: The 2014 revision. United Nations. New York. 2014.

Примечания

[1] 2018 年国民经济和社会发展统计报告. (Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году), ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года. С. 2. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html (дата обращения: 28.02.2019).

[2] Ibid. С. 3.

[3] 中国统计摘要 — 2018. (Общая статистика Китая). China Statistical Abstract. National Bureau of Statistics of China. Beijing. 2018. P.17.

[4] *Чубаров И.* «Урбанизация нового типа» — новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 84.

[5] *David W.* Ferguson. From made in Guandong to created in Guandong. Beijing. 2012. P. 61.

[6] Сюнъань // Китай. № 1 (147). Январь 2018. С. 37.

[7] Сюнъань — город будущего // Новости Китая. Ноябрь 2017.

[8] *Чубаров И.* Указ. соч. С. 93.

[9] World Urbanization Prospects: The 2014 revision. United Nations. New York. 2014. P. 48.

[10] The 13th Five-year plan for economic and social development of the People’s Republic of China (2016—2020). (Part III). Translated by Compilation and Translation Bureau, Central Committee of the Communist Party of China. Beijing. 2016.

С.Л. Сазонов,
ИДВ РАН, к.э.н.
Чэнь Сяо,
аспирантка, ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧНОГО ГОРОДСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА КИТАЯ

Аннотация. Стремительное экономическое развитие Китая в течение трех последних десятилетий привело к многократному увеличению потребления энергетических ресурсов, и в первую очередь, нефти. Значительный рост доходов населения стимулировал резкий рост объемов производства и продаж автомобилей, особенно в крупных городах Китая, причем сегодня руководство КНР признает, что эра автомобилей с двигателем внутреннего сгорания подходит к концу. Эти факторы обусловили не только сильную зависимость КНР от импорта нефтепродуктов, но и обострили экологическую ситуацию в мегаполисах. Осознавая глобальные вызовы, правительство разработало программу развития автомобилестроения на основе энергосбережения и новой энергетики, направленную на создание инновационного транспортного парка и соответствующей инфраструктуры нового поколения.

Сегодня автомобильный транспорт превратился в неотъемлемую часть транспортной инфраструктуры городов Китая, а его эффективное и устойчивое функционирование является необходимым условием роста качества жизни населения страны и залогом успешного социально-экономического развития крупнейших мегаполисов КНР. Сегодня в китайских городах реализуются комплексные программы по строительству и модернизации автомобильных дорог и совершенствованию городского планирования, улучшению транспортной инфраструктуры. С целью улучшения экологической обстановки в городах страны, сокращения зависимости Китая от импорта

нефти городские власти активно стимулируют увеличение автомобильного парка (как общественного, так и личного) за счет широкого внедрения автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, и автомобилей, оснащенных технологиями искусственного интеллекта. С целью решения городских проблем с парковочными местами, сокращения количества автомобилей на улицах городов и, как следствие, экономии средства муниципальных бюджетов городские власти активно внедряют системы каршеринга и временной аренды автомобилей, которые постепенно улучшают транспортную обстановку в городах страны.

Ключевые слова: Китай, урбанизация, политическая и экономическая стабильность, городской пассажирский транспорт, парк подвижного состава, метрополитен, монорельсовые железные дороги.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

Чэнь Сяо (陈骁) (КНР), аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru.

В 2018 г. доля общественного транспорта в общем объеме городских пассажирских перевозок в КНР составляла около 40 % (только в крупнейших мегаполисах, таких, как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, этот показатель равняется 50—55 %), тогда как в развитых странах она в среднем превышает 65 %. Поскольку городской общественный транспорт сегодня в любой стране является наиболее привлекательным, удобным, безопасным и, главное, недорогим видом транспорта, правительство КНР сегодня делает все возможное для увеличения доли в общем объеме пассажирских перевозок в основных мегаполисах КНР до 60 %[1].

Сегодня во всем мире признают, что электромобили (ЭМ) являются самым экологически чистым транспортным средством с очень экономичным расходованием энергии, в отличие от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания (ДВС). Кроме того электромобили позволяют упростить их обслуживание, и по своей конструкции, особенно при наличии развитой электроники, они являются довольно простым транспортным средством в управлении. В утвержденном в 2017 г. мэрией Пекина «Постановлении о мерах по контролю загрязнения воздушной среды» особое внимание уделяется «развитию и внедрению в систему городского общественного транспорта транспортных средств, использующих альтернативные виды энергии, как наиболее экологичных и дешевых видов транспорта». В Постановлении предписывается сократить к 2020 г. общий объем выброса вредных веществ по сравнению с 2017 г. на 10—15 %, а использование бензина и дизельного топлива уменьшить на 50 %. В 2017 г. Министерство транспорта КНР определило основные контрольные цифры производства автомобилей, использующие альтернативные источники энергии (АИАИЭ), для городского транспорта — к 2020 г. автомобильная промышленность Китая должна обеспечить дополнительный выпуск 200 тыс. автобусов на новых ис-

точниках энергии, 50 тыс. такси и 50 тыс. автомобилей для городских логистических перевозок, использующие альтернативные источники энергии. Для побуждения столичных жителей к приобретению АИАИЭ в 2017 г. мэрия Пекина утвердила систему дотаций покупателям АИАИЭ — при покупке местный бюджет доплачивает до 140 тыс. юаней (22 тыс. долл.), причем город бесплатно предоставляет новым владельцам «зеленых автомобилей» регистрационный номер. Эти меры привели к тому, что в начале 2019 г. в столице Китая насчитывалось 219 тыс. АИАИЭ[2]. В 2018 г в 3-м по величине городе Китая — Гуанчжоу (пров. Гуандун) насчитывалось 3,25 тыс. городских автобусов на электрической тяге (при общем городском парке автобусов в 13,5 тыс. машин), и муниципальные власти планируют увеличить это количество до 12 тыс. в 2020 г., а в 2021 г. добиться, чтобы все городские автобусы были полностью на электрической тяге. В 2020 г. на улицах провинциального центра будет эксплуатироваться более 145 тыс. легковых автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, а число парковочных мест с возможностью подзарядки электромобилей должно составлять не менее 45 % от общего числа парковочных мест на стоянках у новых офисных зданий, торговых и развлекательных центров, кафе и ресторанов. К 2020 г. муниципальные власти города планируют установить 120 тыс. зарядных колонок[3]. В 2014 г. в другом городе пров. Гуандун — г. Шэньчжэнь впервые появились 200 городских электробусов, которые, перевозя около 130 пассажиров, могли проехать 230 км без перезарядки, а полная зарядка автобуса производилась за 3,5 ч при средней стоимости в 36 долл. Уже в начале 2018 г. мэрия Шэньчжэня обеспечила муниципальные маршруты более 16 тыс. электробусами, и сегодня 100 % городского автобусного парка является экологически чистым. В целях обеспечения бесперебойной работы электробусов, к началу 2019 г. в мегаполисе было сооружено 510 станций подзарядки автобусов и установлено 5 тыс. зарядных колонок. Кроме этого, в Шэньчжэне сегодня используется более 12,5 тыс. электротакси и ожидается, что к 2020 г. все действующие такси будут заменены автомобилями, использующими альтернативные источники энергии. Эти меры позволили сократить ежегодные объемы выброса двуокиси углерода на 15,5 тыс. т по сравнению с объемами выброса традиционных автобусов и такси, а также привели к уменьшению шума и термического воздействия в городе. Муниципальные власти Шанхая (в начале 2018 г. городской парк ЭМ насчитывал более 130 тыс. автомобилей) приняли решение о бесплатной зарядке электромобилей для тех водителей, у кого в личной собственности было 5 электромобилей. Согласно данным, опубликованным офисом Управления движением органа общественной безопасности Шанхая, в городе в 2018 г. было зарегистрировано более 73 тыс. новых АИАИЭ (рост на 20,2 % по сравнению с 2017 г.) и в начале 2019 г. в Шанхае насчитывалось

240 тыс. АИАИЭ, и по этому показателю Шанхай остается одним из крупнейших рынков АИАИЭ[4].

Некоторые города Китая уже полностью обновили свой таксомоторный парк, заменяя автомобили-такси с ДВС на автомобили-такси, работающие на электрической тяге. Первым в Китае таким городом стал административный центр пров. Шаньси г. Тайюань, который к середине 2018 г. полностью обновил свой парк (8,2 тыс. автомобилей) на такси-ЭМ[5]. В начале 2019 г. в Шанхае, где более 50 % поездок на автотранспорте осуществляется в общественном транспорте, были сданы в пробную эксплуатацию двухъярусные экскурсионные автобусы, оснащенные технологиями искусственного интеллекта (ИИ). Эти автобусы, разработанные ведущим китайским интернет-поисковиком Байду и одной из шанхайских туристических компаний, призваны обеспечить проведение комфортных экскурсий по городу с помощью технологий ИИ. Туристы при посадке проходят процедуру распознавания лиц, при этом предоставление билетов не требуется. В автобусе предоставляется беспроводный электронный перевод, с помощью которого туристы могут получить нужную информацию, перевод обеспечивается на английском, японском, корейском, тайском, русском, испанском, немецком и арабском языках. В конце 2018 г. в Шанхае было открыто 2 маршрута для этих экскурсионных автобусов, которыми было охвачено большинство знаменитых достопримечательностей и традиционных экскурсионных мест города. В январе 2019 г. в официальную эксплуатацию будут сданы 10 новых экскурсионных автобусов, позднее в том же году их парк будет пополнен еще 10 единицами. В период 10-й и 11-й пятилеток КНР инвестировал более 900 млрд юаней в разработку энергосберегающих автомобилей, китайские специалисты получили около 600 патентов на свои разработки в области разработки АИАИЭ, аккумуляторных батарей и электрозарядных станций.

По словам министра Министерства промышленности и информатизации Мяо Вэя, в городах Шэньчжэнь и Гуандун практически весь парк общественных автобусов и такси составляют АИАИЭ, а около 20 городов Китая объявили себя городами «с зеленым общественным автотранспортом». Он призвал власти административных единиц провинциального уровня быстрее вводить ограничения на использование автомобилей с ДВС в системе общественного транспорта. В начале 2019 г. власти пров. Хайнань объявили о запрете использовать автомобили с двигателями внутреннего сгорания в качестве средств общественного транспорта с 2030 г.[6]

В конце 2017 г. мэрия Пекина утвердила «Постановление о мерах по контролю уровня загрязнения воздушной среды», которое определяет, что к 2020 г. объем выброса вредных веществ по сравнению с 2017 г. должен быть уменьшен на 10—15 %, а количество автомобилей, использующих бензин и дизельное

топливо, должно быть сокращено на 45 %[7]. Постановление определяет, что к 2020 г. количество регистрационных знаков, ежегодно выделяемых для автомобилей с ДВС, будет постепенно уменьшено до 60 тыс. единиц, а общий объем выдаваемых номерных знаков для АИАИЭ, наоборот, будет увеличен с 20 тыс. до 60 тыс. в год. Регистрационные знаки, выдаваемые автомобилям с ДВС, имеют *синий цвет*, в то время как номерные знаки для автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, имеют *светло-зеленую окраску*. Введение новых номерных знаков для АИАИЭ зеленого цвета со специальной пометкой началось в конце 2016 г., когда Министерство общественной безопасности (МОБ) КНР стало распространять эту практику в городах Шанхай, Циндао, Сямэнь, Гуйлинь, Нанкин, Ухань, Гуанчжоу и др. В Пекине зеленые номера для АИАИЭ с шестизначными числами стали выдавать в конце 2017 г.

В начале 2018 г. городские власти Циньхуандао (пров. Хэбэй) запустили в эксплуатацию современный инновационный вид городского транспорта — тоннельный автобус (длина — 22 м, ширина — 7,8 м и высота — 5 м), который передвигается на рельсах со скоростью 60—65 км/час и занимает пространство дорожного полотна в 2-е полосы движения. Нижний уровень городского тоннельного автобуса полый и позволяет легковым автомобилям до 2 м высотой свободно и без помех двигаться под ним, а пассажирская палуба вмещает до 300 человек. Новый суперэкспресс позволит на 30—35 % сократить плотность городского транспортного потока и улучшить экологическую обстановку в мегаполисах, поскольку может работать, используя электрические источники, либо работая на солнечных батареях. Стоимость строительства 1 км полотна для тоннельного автобуса составляет 45 млн юаней, что в 8 раз дешевле прокладки 1 км линии метро. Требуется всего 1 год для строительства участка специально оборудованного полотна для нового автобуса протяженностью около 50 км, тогда как прокладка такой же по протяженности линии метрополитена займет 3,5 года[8].

BYD, ведущий китайский автопроизводитель в области создания экологических АИАИЭ для городского транспорта, объявил о создании крупнейшего в мире парка двухэтажных электробусов в г.Сиань. 31 января 2019 г. компания заявила, что парк из 200 двухэтажных электробусов K8S обеспечит город более экологически безопасным режимом эксплуатации. Новый парк стал эксплуатироваться на 6 маршрутах с 5 февраля 2019 г. Автобусы обеспечивают широкое поле зрения, используя низкие этажи с одноступенчатым доступом, а также передние и задние распашные двери. Высота нижней палубы составляет более 1,9 м, а высота верхней палубы — более 1,7 м. Кроме того, электробусы оснащены зоной для инвалидного кресла и пандусами для посадки и высадки, что обеспечивает удобный доступ пассажирам с колясками. Автобусы оснащены автономно разработанными батареями BYD, двигателем, электронным управлением и технологией полного привода, а также обеспечивают улучшенную безо-

пасность и удобство вождения благодаря функции электрического усилителя рулевого управления, системе интеллектуальных клавиш и другим передовым технологиям.

Сиань активно переводит систему общественного транспорта на электромобили и добился того, что городской парк электробусов в 2017 г., составлявший в общей сложности 1,1 тыс. электробусов компании BYD, в 2018 г. увеличился еще на 1,9 тыс., став самым большим городским парком электробусов на северо-западе Китая. Двухэтажные электробусы K8S эксплуатируются в городах Шэньчжэнь, Гуйлинь, Хуайань, Цзиндэчжэнь и Пинтан. За рубежом двухэтажные электробусы компании BYD работают в Лондоне с октября 2015 г., в июле 2018 г. китайская компания выиграла тендер на поставку 37 автобусов BYD ADL Enviro400EV, которые поступили в эксплуатацию в Лондоне во 2-м квартале 2019 г.[9]

В крупных городах Китая сегодня действуют мобильные приложения парковки, с помощью которых можно оплатить, продлить и завершить парковку одним нажатием, при этом списание денежных средств производится поминутно. С помощью приложения можно найти ближайшие парковки, а также узнать стоимость и количество свободных мест на парковке — приложение сортирует информацию о свободных парковочных местах и указывает стоимость. Места для парковки разделены на категории: места в общественных заведениях (кафе, магазинах, торговых центров и т. п.) работают по расписанию, парковочные места, расположенные в жилых микрорайонах, могут работать лишь в определенные промежутки времени — поэтому, городские власти следят за размещением данных об этих парковках на платформе.

Новая социально-экономическая модель совместного пользования (sharing economy) позволяет жителям городов и частным компаниям, которые владеют парковочными местами, при помощи онлайн-платформы совместно использовать принадлежащие парковочные места — владельцы мест могут самостоятельно размещать в приложении информацию о частных парковочных местах, любой автомобилист может зарезервировать и заранее оплатить парковочное место на определенный промежуток времени. Эта модель не только помогает сократить время по поиску парковочного места, где можно легально и недорого оставить машину, но и помогает городским властям решать городские проблемы с парковочными местами и экономить средства муниципальных бюджетов. Согласно данным китайской аналитической компании Jiguang, в конце 2017 г. 3 крупных мобильных оператора Ofo, Bluegogo и Mobike занимали 1-е место в Китае по предоставлению услуг каршеринга — количество ежемесячных активных пользователей этого вида экономики совместного пользования у каждого из них превышало 23 млн человек. Четвертым крупным игроком стал оператор Hellobike (ежемесячно 4,52 млн активных пользователей).

В январе 2018 г. концерн Didi Chuxing разместил свое мобильное приложение для каршеринга в Пекине и Шэньчжэне, другие крупные китайские компании каршеринга, такие, как Meituan Dianping, Sequoia Capital и Tencent Holdings Ltd, намерены запустить в 2019 г. свои мобильные приложения для каршеринга в крупных мегаполисах — Гуанчжоу, Шанхай, Пекин, Наньнин, Чунцин и Чэнду[10]. По оценкам экспертов Министерства транспорта КНР, рынок каршеринга в Китае в 2018 г. составил 1,8 трлн юаней (285 млрд долл.), ежедневно на арендованных автомобилях совершались около 37 млн поездок — в 4,5 раза больше, чем в 2015 г., а в начале 2019 г. в Китае действовало около 400 компаний, предоставляющих услуги каршеринга[11].

Эксперты полагают, что в 2025 г. в США из общего объема новых проданных автомобилей 10 % будут использоваться в системе каршеринга, тогда как в Китае в 2025 г. этот показатель составит 35 %[12]. Параллельно с системой каршеринга в Китае стремительно развивается и велошеринг — в 2018 г. количество пользователей этой услугой превысило 400 млн человек (*за год они проехали более 29,9 млрд км*), новая отрасль, контролируемая 77-ю компаниями по предоставлению услуг велошеринга, позволила создать более 75 тыс. новых рабочих мест (операторы, ремонтные и сервисные службы и т. д.), а увеличение числа городских поездок на велосипедах обеспечило сокращение выброса вредных соединений углерода на 6,99 млн т[13].

Сегодня компания Didi Chuxing (аналогична компании Uber) является крупнейшей в мире компанией по поиску в режиме он-лайн и заказу такси в Китае — штат ее персонала в начале 2019 г. составлял около 13 тыс. человек[14]. Большинство клиентов Didi Chuxing проживают в Китае, но компания активно внедряется на рынки других стран — например, в 2018 г. компания за 600 млн долл. приобрела контрольный пакет акций самой крупной компании по предоставлению услуг такси в Бразилии — 99, которая была одним из главных конкурентов компании Uber, а в начале 2019 г. приобрела крупный пакет акций ведущего японского оператора и создала с японским партнером совместное предприятие Soft-Bank, которое будет предлагать услуги каршеринга жителям Японии и туристам, посещающим эту страну.

21 ноября 2018 г. компания начала предоставлять транспортные услуги в столице Мексики, где проживает около 22 млн человек с доступом к Интернету. До этого компания Didi Chuxing в начале 2018 г. начала бизнес в г. Толуке, расположенном в 60 км к западу от Мехико, а в апреле распространила его до Гвадалахары и Монтеррея. Планы расширения бизнеса каршеринга Didi связывает с северными городами Чихуахуа, Мехикали, а также с городами на юго-востоке страны — Тихуану, Мериду и Пуэблу[15]. Компания представила ключевые нововведения в Латинской Америке, в том числе систему SOS в режиме реального времени, динамический мониторинг безопасности, совместное использование

маршрутов для нескольких человек, круглосуточную поддержку пользователей и систему оценки водителей с несколькими переменными.

Эти сделки по слиянию и поглощению (M&As) расширяют объемы зарубежного бизнеса Didi Chuxing, в сферу ее обслуживания сегодня входят более 1 тыс. городов, а клиентами является около 60 % населения всего мира[16]. В начале 2019 г. парк автомобилей Didi насчитывал около 27 млн автомобилей (включая большое количество электромобилей и гибридных автомобилей) и 31 млн водителей, превосходя по этому показателю другие мировые аналогичные сервисы. Она предоставляет услуги более 550 млн клиентов в 400 городах Китая и в 2018 г. выполнила 8,49 млрд заказов. Компания планирует в течение 3 лет нарастить свой парк автомобилей до 1 млн ед., а также создать разветвленную свою сеть электрозарядных станций в Китае[17].

С 10 января 2019 г. компания Didi Chuxing в двух городах — Ханчжоу и Нинбо начала реализовывать пилотный проект по внедрению системы каршеринга на платформе бездепозитного представления автомобилей в аренду. Автомобиль Chery модели EQ1 сдается компанией по цене 0,59 юаня за 1 минуту или 18 юаней за полчаса (2,64 долл), причем парк автомобилей Didi Chuxing для аренды в этих городах превышает 1,5 тыс. ед., а 450 пунктов для получения и возврата арендованных автомобилей расположены рядом с крупнейшими супермаркетами, железнодорожными станциями и станциями метро, аэропортами, крупными офисными центрами и во всех муниципальных районах этих городов.

Автомобиль компании может быть взят в аренду в одном городе и возвращен в другом — на расстоянии 157 км друг от друга. Для авторизации водителям следует представить лишь водительские права, личный идентификационный номер (ID number) и пройти процедуру распознавания лица. В случае нарушений правил дорожного движения, ошибке при парковке, опасном вождении и т. п. платформа Didi может отправлять сообщения (SMS) на мобильные телефоны водителей, которые должны исправлять допущенные нарушения самостоятельно.

В начале 2019 г. компания Didi Chuxing и производитель автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, BAIC Group создали совместное предприятие и новое предприятие под названием BAIC-Xiaoju (JingJu), которое будет использовать свои преимущества в сфере эксплуатации АИАИЭ и в области создания искусственного интеллекта. Корпорация JingJu спроектирует автомобиль, специально предназначенный для онлайн-сервисов пассажирских автоперевозок на основе каршеринга, а также разработает операционные системы для устройств Интернета, применимых в роботизированных автомобилях нового поколения. В марте 2018 г. эти компании подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве с целью поиска возможностей для делового партнерства в области встраивания в глобальные производственные цепочки АИАИЭ, в 2017 г. компания Didi запустила программы сотрудничества с автопроизводителями и операто-

рами коммерческих автомобилей. В апреле 2018 г. компания сформировала автомобильный альянс для расширения своей промышленной сети, и в начале 2019 г. около 400 тыс. АИАИЭ были зарегистрированы на платформе Didi[18].

В последние годы в крупных городах Китая активно развивается система почасовой либо суточной аренды электромобилей. Например, в Шанхае, чей парк электромобилей составляет около 10 % всего парка ЭМ Китая, основной прокатной компанией, предоставляющей услуги аренды ЭМ с 2015 г., является группа компаний Shanghai International Auto City (SIAC) Group, которая сегодня распространила свою деятельность в 23 других крупных городах Китая. Стоимость аренды ЭМ в первые 30 минут составляет 15 юаней с последующей оплатой каждой минуты при поездках по городу в размере 0,6 юаня и при передвижении за городом — 0,5 юаня. Стоимость обычной ежедневной аренды электромобилей среднего класса, таких, как Roewe-e50, либо Chery EQ, составляет 219 юаней, а аренда электромобиля более высокого класса, например BMW-i3, обойдется дороже — 320—350 юаней[19]. Жители г. Гуанчжоу при выборе электромобиля для аренды могут сделать свой выбор между 3 классами ЭМ, поминутная стоимость аренды составит (в зависимости от класса электромобиля) от 0,5 до 1,2 юаня, а стоимость аренды электромобиля на день будет варьироваться соответственно от 183 до 435 юаней. При этом необходимо внести депозит от 1 тыс. юаней (158,7 долл.) до 4 тыс. юаней, а процедура аренды ЭМ крайне проста и происходит моментально — жителю Гуанчжоу следует представить документ, удостоверяющий личность (ID card), внести депозит, пройти сканирование лица и после этого он может забирать электромобиль[20].

Библиографический список

1. As China's Didi looks abroad, challenges spring up at home. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201810/29/WS5a6e85aba3106e7dcc1374e3.html

2. Auto suppliers face challenge to innovate as megatrends emerge. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/05/WS5a77f32fa3106e7d cc13ad21.html

3. Autonomous cars, shared bikes due for improvement. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/07/WS5a7b0330a3106e7dcc13b608.html

4. Beijing to continue work to ease pollution, traffic. URL: http://www.chinadaily. com.cn/a/201801/26/WS5a6b2076a3106e7dcc13710a.html

5. Beijing to replace all taxis with new energy vehicles. URL: http:// www.china.org.cn/china/2018-12/24/content_40353867.htm

6. BYD launches world's largest pure electric double-decker bus flee. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/01/content_74432858.htm

7. Car sharing eases festival travel rush in Guangzhou. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/04/WS5a7719aaa3106e7dcc13aa54.html

8. China’s car-sharing industry in crisis. URL: http://en/people.cn/n3/2019/0107/c90000-9535257.html

9. China set to be car makers of tomorrow. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-02/28/content_ 74514572.htm

10. China's transit elevated bus goes through road test. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-08/03/content_39011873.htm

11. Cities should be bigger and smarter, say experts. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/10/WS5 cad4369a3104842260b551b.html

12. Didi, BAIC set up new energy JV. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/28/WS5c4ecad2a3106c65c34e6e8d.html

13. Didi Chuxing speeding ahead. URL: http://www.chinadaily.cn/a/201712/05/WS5a2774d1a3107865316d4ac0.html

14. Didi to lay off 15 % of total staff. URL: http://en.people.cn/n3/2019/0215/c90000-9546705.html

15. Didi to raise $1.6b via ABS to help car leasing. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/19/WS5aafa820a3106e7dcc1428ef.html

16. Enabling ride-sharing worldwide. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201901/07/t 20190107_31195263.shtml

17. Govt to ensure new energy car growth in post-subsidy era. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/14/WS5c3bfc30a3106 c65c34e4428.html

18. Guangzhou to shift to electric buses by 2020. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1049217.shtml (Source: Xinhua-Global Times Published: 2019/2/30 [Источник: Агентство Синьхуа-Глобал Таймс: 30.2.2019]).

19. Shanghai NEVs ownership hits record high. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/03/content_74438248.htm

20. Taiyuan goes electric. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1065371.shtml (Source: Global Times Published: 2018.9.7.

References

1. As China's Didi looks abroad, challenges spring up at home. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201810/29/WS5a6e85aba3106e7dcc1374e3.html

2. Auto suppliers face challenge to innovate as megatrends emerge. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/05/WS5a77f32fa3106e7dcc13ad21.html

3. Autonomous cars, shared bikes due for improvement. URL: http://www. chinadaily.com.cn/a/201902/07/WS5a7b0330a3106e7dcc13b608.html

4. Beijing to continue work to ease pollution, traffic. URL: http://www.chinadaily. com.cn/a/201801/26/WS5a6b2076a3106e7dcc13710a.html

5. Beijing to replace all taxis with new energy vehicles. URL: http:// www.china.org.cn/ china/2018-12/24/content_40353867.htm

6. BYD launches world's largest pure electric double-decker bus flee. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/01/content_74432858.htm

7. Car sharing eases festival travel rush in Guangzhou. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/04/WS5a7719aaa3106e7dcc13aa54.html

8. China’s car-sharing industry in crisis. URL: http://en/people.cn/n3/2019/0107/c90000-9535257.html

9. China set to be car makers of tomorrow. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-02/28/content_74514572.htm

10. China's transit elevated bus goes through road test. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-08/03/content_39011873.htm

11. Cities should be bigger and smarter, say experts. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201904/10/WS5cad4369a3104842260b551b.html

12. Didi, BAIC set up new energy JV. URL: http://www.chinadaily. com.cn/a/201901/28/WS5c4ecad2a3106c65c34e6e8d.html

13. Didi Chuxing speeding ahead. URL: http://www.chinadaily.cn/a/201712/05/ WS5a2774d1a3107865316d4ac0.html

14. Didi to lay off 15 % of total staff. URL: http://en.people.cn/n3/2019/0215/c90000-9546705.html

15. Didi to raise $1.6b via ABS to help car leasing. URL: http://www. chinadaily.com.cn/a/201803/19/WS5aafa820a3106e7dcc1428ef.html

16. Enabling ride-sharing worldwide. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201901/07/t20190107_31195263.shtml

17. Govt to ensure new energy car growth in post-subsidy era. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/14/WS5c3bfc30a3106c65c34e4428.html

18. Guangzhou to shift to electric buses by 2020. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1049217.shtml (Source: Xinhua-Global Times Published: 2019/2/30).

19. Shanghai NEVs ownership hits record high. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/03/content_74438248.htm

20. Taiyuan goes electric. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1065371.shtml (Source: Global Times Published: 2018.9.7).

Примечания

[1] Cities should be bigger and smarter, say experts. URL: http://www.com. cn/a/201904/10/WS5 cad4369a3104842260b551b.html

[2] Beijing to replace all taxis with new energy vehicles. URL: http:// www.china.org.cn/china/2018-12/24/content_40353867.htm

[3] Guangzhou to shift to electric buses by 2020. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1049217. shtml (Source: Xinhua-Global Times Published: 2019/2/30).

[4] Shanghai NEVs ownership hits record high. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-02/03/content_74438248.htm

[5] Taiyuan goes electric. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1065371.shtml (Source: Global Times Published: 2018.9.7).

[6] Govt to ensure new energy car growth in post-subsidy era. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/14/WS5c3bfc30a3106c65c34e4428.html

[7] Beijing to continue work to ease pollution, traffic. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/26/WS5a6b2076a3106e7dcc13710a.html

[8] China's transit elevated bus goes through road test. URL: http://www.china.org.cn/ business/ 2018-08/03/content_39011873.htm

[9] BYD launches world's largest pure electric double-decker bus flee. URL: http://www.china. org.cn/business/2019-02/01/content_74432858.htm

[10] As China's Didi looks abroad, challenges spring up at home. URL: http://www.chinadaily.com. cn/a/201810/29/WS5a6e85aba3106e7dcc1374e3.html

[11] China's car-sharing industry in crisis. URL: http://en/people.cn/n3/2019/0107/c90000-9535257. html

[12] Auto suppliers face challenge to innovate as megatrends emerge. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201802/05/WS5a77f32fa3106e7dcc13ad21.html

[13] Autonomous cars, shared bikes due for improvement. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/ 201902/07/WS5a7b0330a3106e7dcc13b608.html

[14] Didi to lay off 15 % of total staff. URL: http://en.people.cn/n3/2019/0215/c90000-9546705.html

[15] Enabling ride-sharing worldwide. URL: http://en.ce.cn/Business/topnews/201901/07/t20190107_31195263.shtml

[16] Didi to raise $1.6b via ABS to help car leasing. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/19/WS5aafa820a3106e7dcc1428ef.html

[17] Didi Chuxing speeding ahead. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/05/WS5a2774d1 a3107865316d4ac0.html

[18] Didi, BAIC set up new energy JV. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201901/28/WS5c4ecad2a3106c65c34e6e8d.html

[19] China set to be car makers of tomorrow. URL: http://www.china.org.cn/china/2019-02/28/content_74514572.htm

[20] Car sharing eases festival travel rush in Guangzhou. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/ 201802/04/WS5a7719aaa3106e7dcc13aa54.html

А.В. Пиковер,
ИДВ РАН, с.н.с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В КНР

Аннотация. Дан анализ ведущих тенденций развития и трансформации электронной коммерции в КНР. Развитие данной отрасли явилось следствием реализации объявленного еще Дэн Сяопином курса на реформы и открытость и имеет прямую связь с провозглашенным в стране курсом на создание общества среднего достатка (*«сяокан»*). Экономика Китая быстро и плотно инкорпорировалась в мировую, в том числе в сфере инновационной экономики. В своё время знаковым стало размещение в 2014 г. облигаций крупнейшего мирового он-лайн трейдера Alibaba.com на NASDAC на сумму 21,8 млрд долл. Руководство страны, бизнес-сообщество и население расценивают информатизацию как неотъемлемую часть глубокого реформирования общества и как эффективное средство интенсификации его развития. Электронная коммерция уже потеснила целый ряд отраслей традиционной экономической и финансовой системы. Электронные платежные системы компаний «Али-баба» и «Тенсен» изрядно подвинули традиционный банковский сектор. Развиваются онлайн проекты в образовании и медицине, в розничной и оптовой торговле. Интернет вещей и особенно промышленный Интернет полностью меняют модели управления. Трансграничная электронная коммерция сделала ритейл международным. Он-лайн сервисы находят новые способы интеграции с офф-лайн сервисами. Поскольку основным содержанием экономики являются отношения между людьми в процессе производства и потребления материальных и нематериальных благ, по мере вытеснения из этого процесса человека всё острее встаёт вопрос о «смерти экономики», точнее её ещё не до конца осознанной невиданной трансформации, влекущей изменение всего качества и уклада жизни человечества.

Ключевые слова: электронная коммерция, электронная торговля, тенденции развития, КНР, «Интернет+», интернет вещей, интернет-образование, экономика совместного потребления, онлайн-оффлайн, трансграничная электронная коммерция, цифровая экономика.

Автор: Пиковер Александр Владимирович, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, ИДВ РАН; e-mail: pikover@ifes-ras.ru; pikover@mail.ru.

21 февраля 2019 г., сразу же после Нового года по лунному календарю, Минкоммерции КНР провело пресс-конференцию[1], на которой была озвучена ситуация в он-лайн ритейле страны, отмечен продолжающийся рост розничной он-лайн коммерции, объём которой за прошедший 2018 г. достиг 9 трлн юаней, в том числе физических товаров на 7 трлн (годовой прирост — 25,4 %), на товары широкого потребления пришлось 45,2 %, (годовой прирост — 7,3 %). Наряду с ростом объёмов, произошло слияние он-лайн с оффлайном, возникли новые методы ведения бизнеса, подъём уровня сервиса сформировал импульс к ускорению. По мнению Минкоммерции КНР, в 2018 г. в сфере он-лайн розницы проявились следующие особенности:

1. *Продолжало повышаться качество товара, способствуя подъему потребления.*

В 2018 г. в Китае продолжался рост качества товара в он-лайн ритейле, интенсивно способствуя подъёму потребления. Игроки электронной коммерции усилили контроль, улучшили качество товара и сервис и за счёт преимуществ в секторе B2C заняли 62,8 %, что выше по сравнению с 2017 годом на 4,4 %. Смарт-часы, смарт-аудио-видео аппаратура, электронные переводчики и проч. завоевали симпатии потребителя, их продажи выросли за год на 80 %. Продажи косметики, зерновых и масличных продуктов питания, мебели и других товаров также выросли.

2. *Бурно развивалась электронная коммерция на селе, пробив дорогу сельскохозяйственной продукции.*

Мониторинг торговли показал, что в 2018 г. объём сельской он-лайн коммерции достиг 1,37 трлн юаней и вырос за год на 30,4 %. Общенациональный объём продажи продукции сельского хозяйства достиг 2,305 трлн юаней, и вырос 33,8 % по сравнению с прошлым годом. Электронная коммерция стала важным средством борьбы с бедностью; учрежденная 29 организациями под руководством Минкоммерции Лига электронной коммерции покрыла своей поддержкой 351 бедный уезд. Экологически чистая продукция, «зелёная» продукция, органическая сельхозпродукция и географический маркер территории происхождения сельхозпродукции, имеющие общий сертификат под названием

«Три товара — один маркер», способствовали становлению брендов, стандартизации, стимулировали продвижение сельскохозяйственной продукции.

3. *Третьей особенностью был стремительный рост социального взаимодействия в электронной коммерции, ставший «стратегическим подкреплением» развития рынка*

В 2018 г. получили быстрое развитие социальные связи в электронной коммерции, вичат-приложения, короткие ролики и прочие модели нового ведения бизнеса. Исследования показывают, что ежемесячный объём активных пользователей социальной коммуникации в электронной коммерции достигает 170 млн человек в месяц, включая потребителей на селе, а также в малых и средних городах.

4. *Поднялся уровень электронной коммерции в сфере жизнеобеспечения, строительство экосферы стало новым ключевым моментом*

В 2018 г. стремительно развивалась электронная коммерция в жизнеобеспечении, рынок ускоренно интегрировался, конкуренция предприятий развивалась от массированной экспансии к повышению качества, использовались системы сервиса «моментальной доставки», последовательное соединение магазинов шаговой доступности, супермаркетов, предприятий общественного питания и прочих форм ведения бизнеса, формируя экосферу с покрытием услугами доставки еды, свежих продуктов, лекарств, домашних услуг и т. д. В 2018 г. общественное питание он-лайн выросло на 45 %.

5. *Трансграничная электронная коммерция поднялась на новую ступень, «электронная коммерция Шелкового пути» непрерывно углубляется*

Согласно данным таможенного управления[2], в 2018 г. объём экспортно-импортных операций в розничной электронной торговле достиг уровня в 1,347 трлн юаней, увеличившись за год на 50 %. В 2018 г. Китай с Россией, Аргентиной и ещё 9 странами наладили новые механизмы сотрудничества, используя созыв стимулирующих работу электронной коммерции совещаний, встреч предприятий и т. п., помогли предприятиям соответствующих стран использовать электронную коммерцию для освоения международного рынка. Объём трансграничной электронной коммерции Китая с такими странами, как Кампучия, Кувейт, ОАЭ, Австрия и др., вырос за год более чем на 100 %.

Данный рост опирался на мощную информационную базу и, прежде всего, на Интернет.

В соответствии с 43-м «Статистическим докладом о ситуации с развитием Интернета в Китае»[3] Центра интернет-информации Китая[4] общие данные о развитии сети на декабрь 2018 г. таковы:

— количество пользователей достигло 829 млн человек, выросло за год на 56,53 млн, степень охвата Интернетом достигла в целом по стране 59,6 %, рост

за год составил 3,8 %. При этом 817 млн пользователей входили в сеть при помощи мобильных телефонов;

— количество пользователей на селе достигло 222 млн, что составляет 26,7 % от общего числа, годовой прирост составил 12,91 млн человек, или 6,2 %, степень охвата увеличилась на 3 % и достигла 38,4 %;

— по видам вхождения в сеть: 98,6 % — мобильные телефоны, 48,0 % — стационарные компьютеры, 35,9 % — ноутбуки и 31,1 % — телевизоры;

— 610 млн (73,6 %) пользователей сети произвели покупки в сети, что на 14,4 % выше, чем в 2017 г., онлайн покупки, совершенные при помощи мобильных телефонов, сделали 592 млн человек, или 72,5 % мобильных пользователей (годовой прирост — 17,1 %);

— заказали в Интернете еду с доставкой 406 млн пользователей, что на 18,2 % больше, чем в 2017 г.;

— онлайн платежи совершили 600 млн пользователей, или на 13,0 % больше, чем в 2017 г. При этом 583 млн (71,4 % от общего числа мобильных пользователей) сделали это при помощи мобильных телефонов;

— онлайн услугами воспользовались 394 млн человек, или 47,5 % от общего числа пользователей.

Общие тенденции развития сети Интернет в КНР:

— продолжающийся рост уровня базовой инфраструктуры, рост IPv6 адресов (годовой прирост — 75,3 %), число доменных имён достигло 37,928 млн, при этом 21,243 млн доменных имён пришлись на доменную зону CN;

— охват Интернета составил 60 % населения страны;

— сформировалась законодательная база электронной коммерции, отрасль электронной коммерции стремительно меняется;

— упрочились оффлайн платежи, стремительно развивается рынок международных платежей;

— онлайн развлечения стали нормой, количество пользователей, просматривающих короткие ролики, достигло 80 %;

— поднялся уровень онлайн госуслуг, реализуется концепция «для народа»;

— продолжается тенденция развития новых технологий, разворачивается новая ситуация строительства сильного интернет-государства.

Выступая 3 марта 2015 г. на открытии 3-й сессии 12-го созыва ВСНП, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил о курсе на формирование и развитие в стране стратегии «Интернет+», которая построена на всеобъемлющем и всестороннем использовании средств информационных сетей для развития общества[5]. Ли Кэцян подчеркнул, что методы управления новыми и вновь создаваемыми отраслями являются высококонкурентными. Необходимо на высочайшем уровне реализовать крупные проекты строительства информационных сетей, системной интеграции, новых источников энергии, новых материалов и т. п., превратив эти отрасли в

ведущие. Определить план действий по реализации концепции «Интернет+», стимулировать сращивание Интернета, облачных технологий, цифровых хранилищ, интернета вещей и т. д. с современным производством; стимулировать здоровое развитие электронной коммерции, производственных информационных сетей и онлайн банкинга, с целью транснациональной экспансии предприятий. Государство специально учредило Управляющий венчурный фонд объемом 40 мдрд. юаней с целью привлечения капиталов в новые отрасли[6].

5 марта 2019 г. на 2-й сессии 13-го созыва ВСНП премьер Госсовета Ли Кэцян выступил с докладом о работе правительства. В мероприятии участвовало не менее 11 представителей интернет-сообщества, включая члена ВСНП, председателя правления компании «Тэнсэн» Ма Хуатэна, члена НПКСК, председателя правления и главного исполнительного директора «Байду» Ли Яньхуна, члена ВСНП, председателя правления холдинга «Сунин» Чжан Цзиньдуна и др. В докладе были использованы такие имеющие отношение к электронной коммерции и Интернету слова как Интернет+, трансграничная электронная коммерция, индустриальный Интернет, цифровая экономика, экспресс-доставка в электронной коммерции, экономика совместного потребления, онлайн и оффлайн, Интернет+образование, BigDate, онлайн ритейл, интернет-медицина, долевая экономика[7.8].

Можно привести мнения ряда аналитиков о смысле упоминания интернет-реалий в докладе премьера Госсовета.

1. «*Интернет+*»

Начиная с 2015 г., когда впервые появилось в правительственном докладе слово «Интернет+», которое продолжает использоваться на протяжении 5 лет во всех правительственных докладах. В настоящее время Интернет объединяется с традиционной экономикой, лишь соединив Интернет с преимуществами традиционной отрасли, можно усилить собственную мощь, и, таким образом, внедрить новые методы управления и инновации. «Интернет+» — это дело не только интернет-компаний, гораздо более важной является активность отраслей традиционной экономики.

2. *Трансграничная электронная коммерция*

Трансграничная электронная коммерция также в последние годы постоянно появлялась в рабочем докладе правительства, комбинированные зоны трансграничной электронной коммерции продолжают расширяться, идет реформирование и совершенствование политики трансграничной электронной коммерции, открываются новые пути для внешней торговли. Политика новых комбинированных зон трансграничной электронной коммерции расширяется от опытных площадок и стимулирует развитие отрасли.

3. *Промышленный Интернет*

С 2017 г. Китай опубликовал целый ряд руководящих указаний и план действий по развитию, а также рабочий план по ускорению структурирования про-

мышленного Интернета. Одновременно такие регионы, как Пекин, Шанхай и др., опубликовали свои собственные планы действий по развитию области промышленного Интернета или же планы поддержки его развития. 5G, облачные вычисления и другие технологии постепенно создают условия для закладки технологической базы развития промышленного Интернета.

4. Цифровая экономика

Китайская цифровая экономика демонстрирует мощную способность к инновациям и задаёт темпы цифровизации потребления по всему миру. Привнесённые цифровой экономикой новые концепции и бизнес-модели стали новой точкой роста, принесли благоприятные возможности для традиционной экономики, столкнувшейся со слабым потреблением и проблемой избытка производственных мощностей, а для производителей дали новый импульс стабильного экономического роста.

5. *Экономика совместного потребления*

Методы управления в экономике общего пользования довольно сложно согласуются с традиционными моделями управления, государство в развитии экономики совместного пользования придерживается вдумчивой, толерантной позиции, считает, что доверие станет проходным билетом в экономику совместного потребления.

6. *Экспресс-доставка в электронной коммерции*

Все крупные игроки Интернета вместе с государством прилагают усилия для строительства логистики и дистрибуции электронной коммерции на селе. Так, «Алибаба» реализует систему двустороннего товарного потока — вниз в деревню — промышленных товаров и вверх (из деревни) — потока сельскохозяйственной продукции посредством проектов «Цуньтао» («Деревенский Таобао») и «Цайняо» («Чайник/Новичок»). Компания «Цзиндун» также создала сервисный центр для села и развивает деревенскую логистику.

7. *Онлайн-оффлайн*

Развитие нынешней электронной коммерции в Китае — результат десятилетий единой технологической, рыночной и сервисной эволюции. Тенденция синтеза онлайн и оффлайн закупок и потребления проявляется всё более ясно. Между онлайни и оффлайн уже нет борьбы, но есть взаимосвязь синтеза и взаимного дополнения. Не важно, будь то «новая розница» «Алибабы» или «безграничная розница» «Цзиндуна», или же это «интеллектуальная розница» Сунина и «новое потребление» «Ванъи» (163.com) — в реальности — все они достигли баланса онлайн с оффлайном и идут к их слиянию.

8. *«Интернет+образование»*

В настоящее время три фактора: благоприятная политика, хорошая ситуация с капиталом и огромная потребность со стороны пользователей — способствовали «огромному взрыву» на рынке образования Китая. Масштабы транзак-

ций на рынке образования в КНР в 2017 г. составили примерно 240,2 млрд юаней, с годовым приростом в 53,97 %. По предварительны расчётам, в 2018 г. объём транзакций превысит 400 млрд. В 2018 г. в Китае финансирование 10 крупных он-лайн образовательных площадок превысило 10 млрд юаней.

Таким образом, китайское государство развивает, эффективно использует и совершенствует механизмы государственно-частного партнёрства, разумно направляет и регулирует частную инициативу в целях социально-экономического развития страны. Лидерством в экономике XXI века будут обладать те, кто имеет свои мощные софтверные ресурсы, а также развивает и наращивает сетевую инфраструктуру, основой которой являются скоростные сети и обеспечивающие мощные информационные потоки и хранилища больших баз данных мощные серверы; обладающий открытыми платформами и облачными сервисами. В области электронной коммерции и мобильного Интернета Китай уверенно вышел на лидирующие позиции в мире.

Озвученный Ли Кэцяном курс на развитие «Интернет+» — это довольно широкое и потому несколько аморфное понятие, подразумевающее прежде всего глубокую трансформацию на базе широкого использования сетевых технологий, включающих в себя не только мощную и качественно более высокую инфраструктуру информационных сетей, сетевых хранилищ в виде так называемых BigDate — огромных по объёмам баз данных, обрабатываемых и распределяемых при помощи суперкомпьютеров нового поколения, но и вынесение огромного числа функций на аутсорсинг и открытые сетевые площадки.

Аутсорсинг касается прежде всего операций с огромными базами данных. Здесь сразу оказываются задействованы и промышленный Интернет с управлением производственными и распределительными потоками, и вся логистика, и социальное управление и доступные сервисы госслужбы. Следует отметить, что само китайское правительство не слишком оперативно в развитии информатизации, однако оно весьма успешно использует рычаги государственно-частного партнёрства, поддерживает частный бизнес внутри страны и за её пределами. Так, например, сформирован пакет законов, который практически замораживает доступ на рынок электронной коммерции новых крупных игроков и больших открытых платформ. При поддержке китайского правительства проводятся переговоры по продвижению китайских крупных акторов электронной коммерции за рубежом, в частности, в России.

Трансграничная электронная торговля стала неожиданным для многих и весьма эффективным способом мировой экономической экспансии. Меняются формы и подходы к продвижению товаров и услуг, характерной чертой маркетинга нового типа является всё большая его кастомизация и персонификация, которым способствует качественно новый уровень сбора и обработки информа-

ции о потребителе, включая сомнительные по моральным и правовым аспектам методы фишинга (выуживания) данных о потребителе.

Розничное потребление всё больше уходит в сети, что обусловлено в том числе и мощным захватом внесетевого рынка через так называемое O2O (online-to-offline), благодаря которому внесетевые игроки оказываются втянутыми в сетевую торговлю через внесетевые, но привязанные к сети сервисы в виде шоурумов, колл-центров и т. п. Лишившиеся работы в традиционной рознице работники перетекают в компании по логистическому обслуживанию. Наблюдается резкий рост количества логистических компаний и постепенный рост уровня их сервиса. Правительство оказывает содействие данному процессу, особенно для развития электронной коммерции на селе, за счёт развития местной инфраструктуры. При этом правительство активно призывает к содействию крупные компании электронной торговли, которые не менее активно идут на это сотрудничество.

Однако следует заметить, что в процессе цифровизации экономики и общества нарастает целый ряд серьезных проблем. Одна из наиболее часто упоминаемых проблем — это проблема безопасности. Много внимания уделяется технико-технологической безопасности, подразумевающей надежность работы систем, их устойчивость от возможности технологического сбоя или обрушения/разрушения, ведь сбой в управлении целым рядом процессов, особенно в области производства, энергетики и управления инфраструктурными объектами, чреват техногенными катастрофами. С другой стороны, недостаточность защиты систем чревата возможностью внешнего вмешательства, в том числе с целью совершения терактов. Не менее жестко стоит вопрос о защите конфиденциальной информации — от служебной и секретной до личной, кражи которой уже давно стали бичом сетевого пространства.

Почти ничего не говорится в Китае о влиянии киберпространства на сознание людей и на его трансформацию. Это касается прежде всего поколения HomoRetiarus — человека сетевого, т.е. поколения, чья социализация прошла в значительной мере в пространстве информационных сетей, прежде всего в социальных сетях. Упускается из вида мощная тенденция к дегуманизации этого поколения, его отрыв от традиционных ценностей и замены опыта коммуникации в реальном социуме опытом сетевой коммуникации и виртуальной активности. Упускается из вида то, что получило уже наименование «смерти экономики», т. е. то, что из процесса взаимодействия **людей** в ходе производства и потребления социально значимого материального и трудового продукта исчезают сами люди ввиду их замены электронно-вычислительной техникой. Так на наших глазах происходит размывание среднего класса, порождённого поздней индустриализацией и социальными битвами. Средний класс, занятый высококвалифицированным трудом, оказывается всё более не нужным, ввиду замены его труда ЭВМ.

На базе платформных решений мощно развивается сервис в таких отраслях, как медицина и образование. Однако делая образование и медицину более доступными, сетевые решения резко меняют качество этих услуг и опускают их уровень.

Электронная коммерция является одной из сторон и составляющих общей трансформации социума в связи с информатизацией.

Библиографический список

1. 胡鞍钢 (Ху Яньган). 2020 中国全面建成小康社会. (2020 — Китай: всестороннее построение общества малого благоденствия). Пекин: Издательство университета Цинхуа, 2012.

2. 1996—2050 年。中国经济社会发展战略:走向现代化的构想. (Стратегия социально-экономического развития Китая: концепция пути к модернизации) / под ред. Ли Чэнсюня (李成勋). Пекин, 1997.

3. 中国统计摘要 — 2018. (Китайский статистический справочник — 2018). Beijing, 2018.

4. 中国省域经济综合竞争力发展报告 (2015—2016). (Доклад о развитии конкурентоспособности провинциальной экономики Китая) / гл. ред. Хуан Маосин (黄茂兴). Пекин: Издательство общественных наук, 2017.

5. 2017 年中国经济形势分析与预测. (2017 год. Анализ и прогноз ситуации в экономике Китая) / гл. ред. Ли Ян (李扬). Пекин: Издательство общественных наук, 2017.

6. Итоги 12-й пятилетки (2011—2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года / отв.ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2017.

7. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018. М.: ИД «ФОРУМ», 2018.

8. КНР: экономика регионов / отв. ред. А.В.Островский. М.: ИДВ РАН; МБА. 2015.

9. 13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». М.: ИДВ РАН, 2018.

10. 2018 大黑河岛经贸合作论坛暨黑龙江省俄罗斯东欧中亚学会年会论文集. (Сборник текстов форума по торгово-экономическому сотрудничеству на острове Большой в г. Хэйхэ и ежегодного заседания общества изучения России, Восточной Европы и Средней Азии пров. Хэйлунцзян. Китай, Хэйхэ, май 2918 г.).

References

1. 2020 中国全面建成小康社会. (2020 — China. Comprehensive building society of “small prosperity”). Beijing: Qinghua University Publishing House, 2012.

2. 1996—2050 年。中国经济社会发展战略:走向现代化的构想. (Strategy for China’s social and economic development — a concept of modernization way). Ed. by Li Chengxun. Beijing, 1997.

3. 中国统计摘要 — 2018. (China Statistical Abstract — 2018). China Statistics Press, 2018.

4. 中国省域经济综合竞争力发展报告 (2015—2016). (Report on China's Provincial Economic Competitiveness Development (2015—2016). Supply-Side Structural Reform and Cultivation of China's Regional Economic New Growth Drivers. Ed. in Chief Huang Maoxing. Social Sciences Academic Press (China), 2017.

5. 2017 年中国经济形势分析与预测. (Economy of China Analysis and Forecast (2017). Ed. in Chief Li Yang. Social Sciences Academic Press (China), 2017.

6. Itogi 12-oi pyatiletki (2011—2015 gody) I perspektivy razvitiya ekonomiki KNR do 2020 goda. [Overall Results of the 12th Five Year Plan (2011—2015) and Chinese Economy Perspectives to 2020.] / Otv. red. A.V.Ostrovskii. Moskva: IDV RAN, 2017.

7. Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2017—2018. [People's Republic of China: Politics, Economy, Culture] Moskva: ID Forum, 2018.

8. KNR: ekonomika regionov. Otv.red. A.V.Ostrovskii. [PRC: Regions Economy] Moskva: IDV RAN, MBA, 2015 (2016—2020 gg.).

9. 13-ya pyatiletka — vazhneishiy etap postroyeniya v Kitae obshchestva malogo blagodenstviya "xiaokang". [The 13th Five Year Plan — The Decisive Stage of Bulding Xiaokang Society in China] / Otv. red. A.V.Ostrovskii. Moskva: IDV RAN, 2018.

10. 2018 大黑河岛经贸合作论坛暨黑龙江省俄罗斯东欧中亚学会年会论文集 (Collection of texts of the forum on trade and economic cooperation on Bolshoy island in Heihe and the annual meeting of the society for the study of Russia, Eastern Europe and Central Asia of Heilongjiang province. China, Heihe, May 2018).

Примечания

[1] ВЭБ-сайт Минкоммерции КНР: URL: http://www.mofcom.gov.cn/xwfbh//20190 221. shtml

[2] ВЭБ-сайт Таможенного управления КНР: URL: http://www.customs.gov.cn

[3] Центр интернет-информации КНР: URL: http://cnnic.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_ 7056/ 201902/W02019022847 4508417254.pdf

[4] Центр интернет-информации КНР: http://www.cnnic.net.cn

[5] China Daily: URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-3-5/cd _ 19726763.html

[6] China Daily: URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-3-5/cd _ 19726763.html

[7] Сайт Исследовательского центра электронной коммерции Китая: URL: http:\\www. 100ec.cn/zt/lhzt/

[8] Там же.

Раздел II
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

В.Я. Портяков,
ИДВ РАН, д.э.н., проф.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ: ОБ ОБОБЩАЮЩИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРУДАХ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

Аннотация. Проанализированы две комплексные англоязычные работы по внешней политике КНР, изданные в 2016 г. Это индивидуальные монографии профессора Гонконгского университета Джозефа Чэна «Внешняя политика Китая: вызовы и перспективы» и известного американского китаеведа из Технологического университета Джорджии (Атланта) Джона Гарвера «Китайский поиск: История внешних сношений Китайской Народной Республики». Данные труды стали своего рода назревшим ответом на вызов времени, ведь заметных обобщающих авторских работ по внешней политике КНР не публиковалось несколько десятков лет. Рассмотрена предложенная каждым из авторов периодизация внешнеполитического курса Пекина, его связь с внутренней политикой руководства страны. Выделены представленные в работах малоизвестные факты из международно-политической летописи КНР. Оба автора показывают, что переход страны от дипломатии «антигегемонистской» к дипломатии «модернизационной», т. е. направленной на создание благоприятных внешних условий для экономического развития Китая, потребовал от Пекина в короткие сроки сначала адаптироваться к существующим международным правилам и нормам, затем вписаться в действующий международный порядок и научиться пользоваться им в своих интересах. И лишь после этого, уже в 2010-е годы, у Китая поя-

вились не только претензии, но и основания иметь «собственный голос» в мировых делах, активно участвовать в корректировке имеющихся и продвижении собственных правил функционирования мировой политики и экономики.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя политика, этапы, монографии, Джозеф Чэн, Джон Гарвер.

Автор: Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, ИДВ РАН, Москва. E-mail: portyakov47@yandex.ru.

В 2016 г. в мире были опубликованы сразу две крупные работы с комплексным анализом внешней политики КНР на длительном временном отрезке. Данное событие примечательно по ряду причин. Во-первых, это индивидуальные авторские монографии. Во-вторых, такого рода работ не было фактически с 1960—1970-х годов. Появление же их именно сейчас обусловлено острой общественной потребностью, поскольку в данной сфере сложился своего рода затянувшийся вакуум. Так что, образно говоря, пришло время собирать камни, и отрадно, что нашлись специалисты, готовые и способные на такой подвижнический труд.

Работа «**Внешняя политика Китая: вызовы и перспективы**» («**China's Foreign Policy: Challenges and Prospects**», World Scientific, Singapore) принадлежит перу профессора политологии Городского университета Гонконга **Джозефа Юй-шек Чэна** (на путунхуа **Чжэн Юйшо**) (郑宇硕). Она хронологически охватывает период с конца 1970-х годов по 2015 г., т. е. годы реформ и политики внешнеэкономической открытости КНР. Работа объемом в 631 страницу включает солидную библиографию западных, китайских и гонконгских источников и алфавитный указатель. Кроме того, автор регулярно — минимум раз в несколько лет — совершал исследовательские поездки в КНР и имел беседы по внешнеполитической проблематике с китайскими учеными из институтов Академии общественных наук Китая и ряда ведущих университетов страны (Пекинский, Народный и т. д.). В результате монография получилась весьма насыщенной информационно.

В плане сущностного содержания работа Джозефа Чэна включает обзорную вводную главу и три раздела: Общие рамки, Важнейшие двусторонние отношения Китая и Китайское управление различными вызовами (существо дела наиболее адекватно отразил бы ненаучный перевод «Как Китай разруливает различные кризисы»).

Как важную особенность монографии Джозефа Чэна следует отметить то обстоятельство, что большинство её глав написаны с использованием уже имевшихся у автора публикаций (статей, глав и разделов в коллективных сборниках). То есть автор в подборе и компоновке материалов часто шел не от некоей оптимальной схемы, а от того, какие темы у него уже были более-менее про-

работаны. Это заметно отразилось на структуре второго и особенно третьего разделов. Скажем, во втором разделе наряду с непременным для обобщающей работы описанием отношений КНР с США, Россией, Японией и Индией представлены также менее обязательные, на мой взгляд, характеристики политики Пекина на вьетнамском и иранском направлениях.

Собранные в третьем разделе «вызовы», на которые пришлось отвечать Китаю в последние полтора-два десятилетия, представлены проблемой энергетической безопасности, задачами развития глубоководного флота и выработки национальной океанской стратегии в целом, вовлечением Пекина в Дарфурский кризис в Судане (проблема скорее локальная, нежели глобальная, но привлекавшая в середине 2000-х годов заметное внимание западной общественности). Глава «Китайские подходы к вмешательству в Сирийский кризис» анализирует начальные фазы этого кризиса.

Наибольший интерес представляют вводная глава и первый раздел работы, поскольку именно в них сконцентрированы авторские оценки общей эволюции внешней политики КНР в пореформенный период и характеристики отдельных этапов. Здесь же заметное место оказалось отведено «третьему миру» как объекту политики Пекина, который в двусторонних отношениях специально не рассматривается.

Эпоха Мао Цзэдуна во внешней политике КНР завершилась призывами к созданию нового международного политического и экономического порядка. Джозеф Чэн вполне к месту вспоминает о концепции «трех миров», в развернутом виде изложенной в «Жэньминь жибао» 1 ноября 1977 г. в статье «Теория председателя Мао о разделении на три мира — важный вклад в марксизм-ленинизм». Она была опубликована в качестве ответа на нападки руководства Албанской партии труда на Китай.

Однако последовавший вскоре переход Китая к приоритету задач экономического строительства привел к неизбежному повороту КНР от «антигегемонистской» к «модернизационной» дипломатии. Период 1979—1982 гг. отчасти сочетал оба эти направления, поскольку официальной главной внешнеполитической задачей страны на этом этапе было «создание широчайшего единого международного фронта борьбы с советским социал-империализмом». Но уже в сентябре 1982 г. на XII съезде КПК Дэн Сяопин и Ху Яобан заявили о полной независимости и самостоятельности Китая.

Переход к дипломатии модернизационной, т. е. направленной на создание благоприятных внешних условия для экономического развития Китая, потребовал от Пекина в короткие сроки сначала адаптироваться к существующим международным правилам и нормам, затем вписаться в действующий международный порядок и научиться пользоваться им в своих интересах. И лишь после этого, уже в 2010-е годы у Китая появились явные претензии (и основания) на

«собственный голос» в мировых делах, на активное участие в корректировке имеющихся и продвижении собственных правил функционирования мировой политики и экономики. В частности, Джозеф Чэн детально разбирает предысторию выдвижения Ху Цзиньтао концепции гармоничного мира, рассматривая ее в качестве знакового события в деле более активного, чем ранее, участия Пекина в мэйнстриме международной жизни.

В монографии Дж. Чэна упоминается ряд любопытных деталей, отсутствующих в российском дискурсе о внешней политике Китая. Так, автор утверждает, что идея «стратегического партнерства», в данном случае США и Китая, была впервые выдвинута президентом США Биллом Клинтоном в ноябре 1996 г. в ходе визита в Австралию. Цзян Цзэминь воспринял ее, а КНР вскоре начала устанавливать с другими странами партнерские отношения различных форматов (с. 132—133). Утверждается также, что в сентябре 2013 г. на 8-м саммите Группы 20 в Санкт-Петербурге администрация Обамы приняла китайское предложение о «новой модели отношений великих держав», основанных на принципе обоюдного выигрыша, которое Си Цзиньпин адресовал Бараку Обаме в июне на встрече в Саннилэнде (с. 18). Американские политологи в ходе бесед в ИДВ РАН прямо отрицали позитивное отношение США к данной китайской идее.

Наконец, заслуживает упоминания информация о самокритике Цзян Цзэминя на заседании Военного совета ЦК КПК в 1995 г. после того, как Пекин не смог предотвратить поездку Ли Дэнхуэя в США (с. 113).

Работа «**Китайский поиск: История внешних сношений Китайской Народной Республики**» («**China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China**» // Oxford University Press, New York, 868 p.) написана **Джоном Гарвером** из Технологического университета Джорджии, Атланта, США.

Отсутствие отдельной библиографии вполне компенсируется многочисленными и подчас весьма пространными ссылками на широкой круг преимущественно англоязычных источников.

Джон Гарвер, как и Джозеф Чэн, использует фрагменты своих прежних работ, в частности, принесших ему широкую известность авторских монографий об отношениях Китая с Индией и с Ираном, при подготовке которых он объехал, кажется, весь мир. Имели возможность лично познакомиться с ним и некоторые российские китаеведы. В декабре 1994 г. Джон Гарвер организовал первую международную конференцию, посвященную проблеме китайских мигрантов в Сибири и на Дальнем Востоке России. В российскую делегацию во главе с В.С. Мясниковым вошли, в частности, В.Л. Ларин из Владивостока, П.А. Минакир из Хабаровска и В.Я. Портяков. Позже Дж. Гарвер возил своих студентов из Атланты на китайско-российскую границу для изучения реалий челночной российско-китайской торговли. В 1996 г. участвовал в конференции ИДВ РАН «Китай и мир».

Автор исследует внешние связи КНР с первых дней ее провозглашения по примерно 2015 г., выделяя три этапа: «Выковка революционного государства» (1949—1978), «Счастливое междуцарствие» (1978—1989), «Государство ленинского типа в осаде; социализм в одной стране». Работа интересна не только новыми фактами, но и авторскими размышлениями и интерпретациями.

Центральная идея, пронизывающая всю работу — тесная связь политики внешней с политикой внутренней. По мнению Дж.Гарвера, внешняя политика КНР — это производное от политики внутренней, она всегда была подчинена в первую очередь решению внутренних задач.

Дж. Гарвер также подчеркивает постепенное ослабление роли марксизма-ленинизма как идеологической основы внешней политики КНР и усиление в ней националистического нарратива.

Автор детально поясняет, почему он характеризует период первого пореформенного десятилетия как «счастливое междуцарствие». Во-первых, в сравнении с предшествовавшим периодом население Китая получило целый ряд ранее де-факто отсутствовавших свобод — передвижения по стране и даже по миру, вероисповедания, индивидуального предпринимательства, творчества и т. д. Уровень свободы в КНР в 1980-е годы кажется весьма незначительным по сравнению с имевшимся в Южной Корее, Японии и на Тайване, но в сопоставлении с прошлым самой республики он был весьма значительным.

Во-вторых, дверь к реформированию «ленинско-советской» природы КНР в 1980-е годы не была наглухо задраена, напротив, она была «полуоткрыта». В ядре политического руководства страны были политики-реформаторы, и их голос был слышен. В самом Китае и за рубежом существовала надежда, что реформы могут затронуть базовые структуры партийного государства. Опасавшиеся этого же лидеры КПК пошли на разрыв с политической либерализацией, и это в период, когда либеральные ценности и институты все шире утверждали себя в мире. Соответственно, китайские власти столкнулись с новым угрожающим международным окружением, что двояко повлияло на внешнюю политику страны. Во-первых, резко изменились отношения с США. До июня 1989 г. между Пекином и Вашингтоном наблюдалось подлинное и значительное сотрудничество, имел место «квази-альянс» против Советского Союза. Теперь же Китай столкнулся с необходимостью противодействовать поддержке со стороны США китайских диссидентов, но таким образом, чтобы не сорвать общее стремление Вашингтона продолжать подпитывать превращение Китая в богатую и сильную державу. Отсюда в политике КНР на американском направлении появилось сочетание жесткости и призывов к партнерству.

Во-вторых, в связи с давлением западного мира на Китай и опасениями Пекина по поводу «цветных революций» во внешней политике стал активно разрабатываться сюжет «столетних страданий Китая от империалистической агрес-

сии», периодически поощрялись националистические выступления населения. Тем самым КПК переводила недовольство населения с себя на внешние силы, особенно часто на Японию и на США, и позиционировала себя в качестве защитницы интересов и чести Китая (с. 22—26).

Первый раздел занимает около трети объема книги. Описываемая в нем канва событий периода 1949—1977 гг. в принципе хорошо известна, однако Джон Гарвер рассматривает и ряд малоизвестных российским специалистам сюжетов. В их числе, например, история изгнания американского консульства из Шэньяна в 1948—1949 гг. (с. 41—42), изгнания иностранцев из Шанхая и Китая в целом после прихода революционной власти (с.43—47). Детально рассматривается война в Корее 1950—1953 гг., перипетии советско-китайского раскола и т. д. — вплоть до сближения с США в 1970-е годы и попыток сохранить наследие Мао Цзэдуна, противодействуя так называемому «советскому окружению».

Дж.Гарвер рассказывает малоизвестную историю с письмом главы Отдела международных связей ЦК КПК Ван Цзясяна и его заместителей У Сюцюаня и Лю Нинъи, адресованном в феврале 1962 г. Чжоу Эньлаю, Дэн Сяопину и Чэнь И как премьеру, генсеку партии и министру иностранных дел. Авторы письма призвали к смягчению международной напряженности и возвращению к дипломатии времен Бандунга, что позволило бы Китаю сосредоточиться на восстановлении экономики после краха «большого скачка». Письмо было расценено Мао Цзэдуном как образчик ревизионистского мышления и усилило его подозрения о наличии в КПК проревизионистских сил. Гарвер полагает, что данное письмо было единственным известным случаем, когда официальная китайская структура предложила альтернативу политике Мао (с. 165—167).

Гарвер утверждает, что в советском руководстве были сторонники нанесения после событий на о. Даманском превентивного массивного удара по ядерным объектам Китая, в частности, маршал А. Гречко (с. 281—282).

Примерно стостраничный второй раздел монографии посвящен периоду конца 1970-х — 1980-х годов. Один из наиболее интересных сюжетов здесь — «педагогическая» война КНР с Вьетнамом в феврале-марте 1979 г.

Как полагает Джон Гарвер, решение Пекина «проучить Вьетнам» вызревало в течение шести месяцев. Вопрос о возможности применения военных мер против Вьетнама с целью срыва стратегических планов СССР впервые рассматривался на заседании Политбюро ЦК КПК в июле 1978 г. В ноябре 1978 г. Дэн Сяопин посетил Таиланд и Сингапур, уведомив руководство этих стран о решимости наказать Вьетнам за возможное вторжение в Камбоджу и одновременно заверив партнеров об ограниченности такой акции в масштабах и во времени. Планом китайских военных, разработанным в декабре 1978 г., предусматрива-

лось проведение наступательной операции на Вьетнам на глубину 50 км сроком примерно в две недели (с. 386—387).

Предполагалось, что краткосрочность операции позволит избежать вмешательства Советского Союза, которого в Пекине опасались после заключения в ноябре 1978 г. советско-вьетнамского договора (у Москвы, полагали в Пекине, просто не будет достаточно времени для оказания Вьетнаму сколько-нибудь серьезного военного содействия).

«Последней каплей», приблизившей начало военных действий, стало освобождение Пномпеня вьетнамскими войсками 7 января 1979 г. В январе-феврале 1979 г. в китайской печати появились многочисленные публикации о провокациях вьетнамских войск на границе с КНР.

17 февраля 1979 г. вооруженные силы НОАК численностью около 300 тыс. человек с 400 танками атаковали оборонительную линию и города вдоль вьетнамо-китайской границы. Ожесточенное сопротивление местных вооруженных сил и милиции Вьетнама, многие бойцы которых имели опыт боевых действий, сделало продвижение китайских войск более медленным, чем планировалось в Пекине. Сказались и просчеты китайского планирования, такие, как отсутствие единого командования двумя различными секторами операции (восточным сектором в Гуанси командовал Сюй Шию, а западным в Юньнани — Ян Дэчжи). Негативно сказалось отсутствие достоверных карт местности, нехватка у Китая опыта реального взаимодействия танков, артиллерии и пехоты.

2 марта, на которое первоначально намечалось окончание операции, китайские войска заняли северную часть г. Лангшон. Было решено продолжить боевые действия до полного захвата города, что и было сделано через три дня. Пекин заявил о достижении целей операции и о ее завершении, а также о начале вывода войск.

Китай понес весьма тяжелые потери — по зарубежным оценкам, 25 тыс. человек убитыми и 37 тыс. ранеными (во Вьетнаме называли более высокую цифру). Гарвер информирует, что в 2005 г. в журнале «China Quarterly» (No 184) китайский эксперт Чжан Сяомин определил потери НОАК в 6900 человек убитыми и 15 тыс. ранеными (с. 385, 822). С точки зрения Пекина, «контрудар в целях самозащиты» достиг поставленных целей и в целом был успешным. Вьетнам «получил урок» и стал менее амбициозен в своей политике в Индокитае.

Третий раздел открывается сюжетом о событиях апреля-июня 1989 г. в Китае и их последствиях. Сравнивая «жесткий» и «мягкий» (отождествляемый с именем Чжао Цзыяна) подходы к разрешению внутриполитического кризиса, автор делает несколько неожиданный вывод: «К неудовольствию людей либерально-демократических убеждений, следует признать, что Ли Пэн, Яо Илинь и Дэн Сяопин, возможно, оказались правы, а предложенная Чжао Цзыяном стратегия компромисса, раскола и руководства через диалог вполне могла не срабо-

тать в Китае сколь-либо лучше, чем в Польше и Восточной Европе в целом... Возможно, что рецепты Чжао Цзыяна привели бы к быстрому демонтажу ленинистского государства КПК, как это случилось в Польше и СССР» (с. 470).

Архитектором реабилитации Китая в посттяньаньмэньский период Гарвер считает **Цян Цичэня**, бывшего в 1988—1998 гг. министром иностранных дел. Он сыграл особенно важную роль в выстраивании отношений с Россией и с США, в развороте Китая лицом к «третьему миру» и соседним государствам. Цянь Цичэнь также увидел в Японии «слабое звено» в западных санкциях против Китая и добился прорыва именно на этом участке, сумев организовать в 1991 г. визит в КНР императора Акихито (с. 488—498).

Коллапс СССР способствовал заметному росту уровня поддержки в стране правления КПК. В то же время в США видение Китая кардинально поменялось. Если прежде страна рассматривалась как пример мудрой и целенаправленной реформы под руководством дальновидных коммунистических лидеров, то после распада СССР Китай, управляемый КПК, стал трактоваться как политический анахронизм, к тому же «весьма жестокий» (с. 527).

Основную часть третьего раздела Гарвер посвящает китайско-американским отношениям в период 1990—2015 гг., достаточно детально описывая наиболее важные их перипетии. Рассмотрены также отношения КНР с Японией, Индией, превращение КНР в глобальную экономическую силу.

Перспективы обретения КНР статуса мирового лидера Джон Гарвер ставит в зависимость от ее превращения в страну, где «граждане имеют политические права, защищенные законом от государства, и где граждане могут выбирать и менять своих правителей». Но, замечает автор, «антилиберальные идеи уже выиграли несколько раундов сражения за душу Китая» (с. 785).

Библиографический список

1. Cheng, Joseph Yu-shek. China’s Foreign Policy: Challenges and Prospects, World Scientific, Singapore, 2016. 631 p.

2. Garver, John. China’s Quest: The History of the Foreign Relations of the People’s Republic of China. Oxford University Press, New York, 2016. 868 p.

References

1. Cheng, Joseph Yu-shek. China’s Foreign Policy: Challenges and Prospects, World Scientific, Singapore, 2016. 631 p.

2. Garver, John. China’s Quest: The History of the Foreign Relations of the People’s Republic of China. Oxford University Press, New York, 2016. 868 p.

Е.Н. Румянцев,
РИСИ, к.филол.н.

О КОНЦЕПЦИИ «ПОЯСА И ПУТИ»

Аннотация. Рассмотрены проблемы генезиса и практической реализации китайской инициативы «пояса и пути» (ОПОП). Отмечается множественность определений «пояса и пути» в китайских источниках. Она обусловлена особенностями китайского стратегического мышления и поведения, для которых характерны двусмысленности и полутона. В ней отразился и тот факт, что вопрос о «поясе и пути» в КНР и КПК является предметом дискуссий и политической борьбы.

В декабре 2018 г. издана брошюра «Си Цзиньпин говорит о поясе и пути», в которой собраны 42 его выступления по данному вопросу за период с сентября 2013 г. по июль 2018 г. В ней, в частности, говорится, что «ключевым содержанием строительства пояса и пути является содействие строительству инфраструктуры, сопряжению политики государств и их стратегий развития». Ставится вопрос о «большой экономической интеграции». Подчеркивается, что «большое дело строительства ...создает выгодные внешние условия для развития Китая».На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) «пояс и путь» были вписаны в Устав КПК и Доклад о работе ЦК. Проект был увязан с «совместным развитием», «общностью судьбы человечества» и «великим возрождением китайской нации». По итогам съезда все эти формулы были включены в число «идей Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи».

В пропагандирующих этот китайский проект научных докладах и материалах СМИ нередко можно встретить утверждения, согласно которым общая сумма инвестиций в рамках «пояса и пути» составит 1 трлн долл. и даже 4 трлн долл. США. Действительность на данный момент выглядит скромнее: за первые 5 лет после провозглашения «пояса и пути» общая сумма инвестиций составила 80 млрд долл., в том числе в Китайско-пакистанский экономический коридор — 18,9 млрд долл.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, КПК, «Пояс и путь», общность судьбы человечества, инфраструктура, стратегия, экспансия, национализм, протекционизм.

Автор: Румянцев Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник РИСИ. E-mail:evgrum@yahoo.com.

В Китае «Пояс и путь» определяют по-разному. Так, его называют инициативой, великим творчеством, концепцией, формулировкой, большой стратегией, новой стратегией, новой формой сотрудничества, важной установкой, важной стратегической мерой, конструированием сверху в экономической дипломатии Китая. В декабре 2018 г. «Жэньминь жибао» писала, что «эта концепция прошла путь от инициативы до важной стратегии и затем — до плана действий и практического творчества, здесь каждый шаг воплощает в себе мудрость, душу и кровь товарища Си Цзиньпина»[1].

Такая множественность определений не случайна. Она обусловлена особенностями китайского стратегического мышления и поведения, для которых характерны двусмысленность, неясности, полутона, стремление ввести соперников и партнеров в заблуждение. В ней отразился и тот факт, что вопрос о «поясе и пути» в КНР и КПК является предметом дискуссий и политической борьбы.

В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что «необходимо сконцентрировать силы и как следует сделать это большое дело, разработать общую композицию пояса и пути, в кратчайшие сроки определить их расписание и дорожную карту». Было принято Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «Стратегическая программа строительства Экономического пояса шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Название этого документа многократно упоминается в открытых источниках, однако текст его не опубликован. В конце 2014 г. Си Цзиньпин в одном из выступлений, возможно, основываясь на положениях указанного постановления, заявил, что в процессе строительства «пояса и пути» следует в качестве его главного направления рассматривать азиатские государства, опираться на экономические коридоры, в качестве точки прорыва избрать строительство инфраструктуры, взяться за создание площадок для аккумулирования средств и использовать в качестве приводного ремня гуманитарные обмены[2]. Из вышеизложенного, в частности, следует, что «общая композиция» проекта начала разрабатываться примерно через год после его провозглашения.

Постепенно у наблюдателей возникли вопросы:

— у пояса должна быть какая-то ширина, у пути — исходный и конечный пункты; где они?

— в Пекине говорят, что в проекте принимают участие уже более 150 стран и международных организаций (эту цифру привел министр иностранных дел

КНР Ван И в новогоднем (2019 г.) интервью китайской печати); сколько стран, а сколько организаций? Каких организаций? В чем выражается их участие?

— китайская сторона в своих документах по данному вопросу называет иностранные порты, железнодорожные узлы, которые, по ее мнению, должны будут войти в «пояс и путь». В какой степени эти планы согласованы с правительствами и народами соответствующих стран? Характерно, что в индийской экспертной среде неоднократно высказывалась мысль о том, что «Пекину следует предварительно обсуждать и согласовывать свои транспортные и логистические проекты в Индийском океане с прибрежными странами в широком формате»[3];

— всегда ли нужно строить новые пути сообщения? Не лучше ли в ряде случаев использовать уже существующие, например, Транссиб?

— насколько правомерно называть Северный морской путь «составной частью Ледового шелкового пути»?

— некоторые проекты в случае их реализации обеспечат качественно лучшую транспортную доступность районов производства наркотиков. Не приведет ли это к росту поставок наркотиков из стран Азии на рынки Европы и Северной Америки?

В 2015 г. появился документ Госкомитета по развитию и реформам, министерств иностранных дел и торговли КНР «Общая концепция и план действий по продвижению совместного строительства экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века». Фактически это первая попытка разъяснить внешнему миру, что понимают китайские политики и пропагандисты под «поясом и путём»[4]. В частности, перечислены «главные направления «Экономического пояса Шёлкового пути» и «международные коридоры экономического сотрудничества».

В документе говорится, что «в данном проекте могут участвовать все страны и международные организации». Из этого следует, что «пояс и путь» не ограничены конкретными географическими рамками, а представляют собой форму глобальной китайской экспансии. Обращают на себя внимание тезисы о «совместной защите» транспортных путей и «политическом взаимодействии» стран — участниц проекта. Последнее предполагает «усиление сотрудничества на межправительственном уровне», «содействие взаимному политическому доверию, углубление переплетения интересов». Это можно понимать и как стремление к созданию в различных странах социальных слоев и групп политического влияния, заинтересованных в развитии отношений с Китаем даже в ущерб интересам своих стран и народов.

В декабре 2018 г. издана брошюра «Си Цзиньпин говорит о поясе и пути»[5]. В ней собраны 42 его выступления по данному вопросу за период с сентября 2013 г. по июль 2018 г. В ней, в частности, говорится, что «ключевым содержа-

нием строительства пояса и пути является содействие строительству инфраструктуры, сопряжению политики государств и их стратегий развития». Ставится вопрос о «большой экономической интеграции». Подчеркивается, что «большое дело строительства... побуждает страны вдоль маршрутов пояса и пути... больше поддерживать Китай, создает выгодные внешние условия для его развития», это «новое пространство для развития» Китая[6].

В духе известной работы Мао «О десяти важнейших взаимоотношениях» Си Цзиньпин сформулировал применительно к «поясу и пути» свои «взаимоотношения»: между экономическим сотрудничеством и гуманитарными обменами, между прагматическим продвижением вперед и так называемым направлением общественного мнения в иностранных государствах, между открытостью и обеспечением национальной безопасности Китая, между общими целями китайского государства и решением задач в интересах регионов КНР, между финансовым обеспечением проекта и предотвращением финансовых рисков. В 2018 г. он начал увязывать вопрос о «поясе и пути» с борьбой против так называемого протекционизма в мировой торговле.

По словам китайского лидера, «пояс и путь» — «проект долгосрочного характера». А один из китайских экспертов заявил, что «5 лет — это только начало. Необходимо осуществить планирование работы минимум на 20—30 лет вперед»[7]. Такая постановка проблемы подтверждает точку зрения некоторых китаеведов о наличии у Китая долгосрочной, рассчитанной на десятилетия и даже столетия стратегии, основные цели и задачи которой публично не раскрываются[8].

На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) «пояс и путь» были вписаны в Устав КПК и Доклад о работе ЦК. Проект был увязан с «совместным развитием», «общностью судьбы человечества» и «великим возрождением китайской нации». По итогам съезда все эти формулы были включены в число «идей Си Цзиньпина о самобытном китайском социализме новой эпохи». Сразу после съезда в выступлении на Диалоге КПК и политических партий мира (декабрь 2017 г.) китайский лидер заявил, что «выдвинул инициативу пояса и пути именно в целях практической реализации концепции общности судьбы человечества»[9].

На сегодняшний день в экономическом плане «пояс и путь» представляют собой некую условную совокупность двусторонних проектов, в которых участниками являются Китай, с одной стороны,и его зарубежный партнер — с другой. Они объединены, прежде всего, на уровне идеологии, политики и пропаганды.

Глава правительства КНР Ли Кэцян на 5-м пленуме ЦК КПК (2015 г.) заявил, что «надо продвигать строительство пояса и пути и международное сотрудничество в области производственных мощностей»[10]. В переводе с языка

китайских политиков и пропагандистов это означает перенос за пределы Китая отсталых и вредных производств.

Как известно, темпы экономического роста в КНР снижаются, один из его главных «двигателей» — инфраструктурное строительство — теряет мощность. В то же время остановить раскрученный маховик строительства и производства стройматериалов не так-то просто. Например, согласно официальным данным, опубликованным на сайтах соответствующих ведомств КНР, в 2013 г. в стране было произведено 779 млн т стали и 2 млрд 414 млн т цемента. Экологический ущерб колоссальный, эксплуатация многих объектов, в том числе скоростных железных дорог, убыточна. Более того, есть автомагистрали, по которым некому ездить, аэропорты, в которые никто или почти никто не летает, и даже города, в которых никто не живёт. В то же время это строительство на протяжении длительного времени является одной из главных составляющих прироста китайского ВВП. Оно играет важную роль в обеспечении занятости населения, способствует наполнению бюджетов всех уровней, а также карманов чиновников. Велик соблазн не закрывать многие металлургические, цементные и другие заводы, надобность в продукции которых внутри Китая снижается, а, напротив, обеспечить им рынок сбыта за пределами страны, сохранить рабочие места, приобретая при этом не только экономические, но также имиджевые и геополитические дивиденды.

В рамках «пояса и пути» осуществляется также сброс избыточного населения за пределы Китая.

Наконец, в Пекине рассчитывают с помощью этой «инициативы» решить, по крайней мере, частично, еще одну задачу, а именно сократить разрыв в уровнях социально-экономического развития между прибрежными и внутренними районами КНР.

Проект «пояса и пути» начал разрабатываться в ЦК КПК еще до прихода Си Цзиньпина к власти, в 2011—2012 гг. На менталитет разработчиков сильное влияние оказали ошибочные оценки и выводы китайских партийных аналитиков, сделанные по итогам глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. Эти выводы заключались в том, что США идут к своему упадку, а с Китаем всё обстоит с точностью до наоборот.

Признаки отрезвления стали заметны в 2017—2018 гг. Появились статьи, в которых указывалось на господствовавшие в китайских СМИ, среди ученых и работников партгосаппарата настроения «самодовольства», согласно которым «все страны находятся в упадке, а Китай — на подъеме», что Китай — это «лекарство» для лечения экономических болезней всего мира. На саммите по «поясу и пути» 2017 г., пишет руководитель Института внешней политики Китая Академии внешнеполитической стратегии Центральной партийной школы КПК проф. Ло Цзяньбо, «некоторые пошли еще дальше, писали, что... Китай приобрел статус

«мирового лидера», является «спасителем» мира». Профессор диагностировал распространение в китайском обществе «явно незрелого ощущения национального величия», «менталитета большого скачка», «слепого оптимизма по поводу достигнутого в процессе развития». Он заявил, что в качестве реакции на внешнеполитические осложнения последнего времени в КНР произошел «взрыв узкого национализма и настроений собственной исключительности», которые нашли выражение в «пренебрежении, презрении и высокомерии по отношению к некоторым меньшим по размеру странам». «На самом деле, — пояснил профессор, — такое отношение демонстрирует недостаток истинной уверенности в себе и незрелость чувства национального величия у нашего народа»[11].

Летом 2018 г. в КНР поднялась волна критики некоторых аспектов политики руководства КПК, в том числе и проекта «Пояса и пути». Выявились разногласия в подходах к нему. Например, одни предлагают рассматривать его как «платформу экономического сотрудничества и канал взаимодействия культур», другие — как важный элемент «глобального управления» при ведущей роли Китая[12]. По словам профессора Ланьчжоуского университета Ян Шу, проект «Пояса и пути» «является не руководящим принципом нашей внешней политики, а ее частью; ...нам не следует отказываться от выработанных ранее и доказавших свою эффективность направлений внешнеполитической деятельности». Он же заявил о том, что данный проект «перехвалили оптимисты и пропагандисты»[13].

Противники проекта говорят и о том, что он «реализуется в значительной степени беспорядочно, а между ведомствами центрального правительства, регионами и отраслями промышленности идет драка за то, чтобы оказаться впереди»[14]. Ими ставится под сомнение экономическая эффективность ряда проектов. Отмечается, что «соответствующие партийные и государственные органы поставили пояс и путь на столь высокое место в системе политических приоритетов, что этот проект был представлен как “большая стратегия”. Всё новые и новые заявления на эту тему правительства Китая и нетерпеливое стремление соответствующих ведомств увидеть “ранний урожай”, то есть результаты осуществления проекта, особенно спешка с Китайско-пакистанским экономическим коридором, на который не жалеют денег, создали у других стран впечатление, что Китай слишком спешит с поясом и путем; это породило в мировом сообществе настроения озабоченности»[15]. Отставной профессор Шаньдунского университета Сунь Вэньгуан в июле 2018 г. опубликовал статью, в которой призвал «прекратить тратить деньги за границей и вместо этого тратить их дома»[16].

Когда поднимается вопрос о «поясе и пути», разговор обычно сразу заходит о китайских инвестициях в сотни миллиардов долларов. Часто говорят о триллионе. Приходилось видеть в СМИ и цифру 4 трлн долл. На самом деле с 2013 по конец 2018 г. объём китайских инвестиций в «страны пояса и пути»

составил больше 80 млрд долл.[17] «Флагманским» проектом является Китайско-пакистанский экономический коридор. По различным СМИ в связи с этим коридором часто называют цифру 62 млрд долл. Однако в декабре 2018 г. китайское посольство в Пакистане сообщило, что в рамках данного проекта реализовано или находится в процессе реализации 22 проекта «раннего урожая». Общая сумма инвестиций составляет 18,9 млрд долл.[18]

Одним из важнейших мероприятий в рамках раскручивания «пояса и пути» стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). «Жэньминь жибао» назвала банк «живой практикой строительства общности судьбы человечества»[19], а «Нью-Йорк таймс» — «подтверждением того, что Китай с его огромными богатствами и ресурсами выступает на арене глобальной экономики как соперник США», «еще одним доказательством переноса центра тяжести мировой экономики с Запада на Восток»[20]. Предполагалось, что в течение первых 5—6 лет своего функционирования АБИИ будет выдавать ежегодно кредитов на сумму порядка 10—15 млрд долл. Однако за первые два года работы общая сумма одобренных банком кредитов составила 4 млрд 426 млн долл. Сколько из них было реально использовано — пока неизвестно.

В то же время за указанный период Азиатский банк развития, в котором ведущая роль принадлежит Японии, одобрил кредиты на общую сумму17,5 млрд долл. в 2016 г. и 19,1 млрд долл. в 2017 г, т. е. за 2 года — 36,6 млрд долл., в 8 раз больше АБИИ. При этом через Азиатский банк развития Китай взял взаймы больше средств, чем выдал через свой Азиатский банк инфраструктурных инвестиций[21]. Таким образом, АБИИ не стал структурой, которая «меняет правила игры» в мировой экономике.

В сфере торгово-экономических отношений с иностранными государствами китайцы фактически не делают ничего, чего бы они не делали до провозглашения «пояса и пути». Более того, по данным гонконгской печати, объем китайских инвестиций в соответствующих странах за последние 5 лет по сравнению с предыдущим пятилетием сократился. Последнее неудивительно с учетом замедления темпов экономического развития КНР и сложной социально-политической обстановки в стране. Кроме того, в рассматриваемую «инициативу» оказались вписаны проекты, осуществление которых началось гораздо раньше ее озвучивания Си Цзиньпином.

Тем не менее, концепция «пояса и пути» остается в числе приоритетных проектов Пекина. По заявлению министра иностранных дел КНР Ван И, второй саммит по «поясу и пути», проведение которого планируется на третью декаду апреля 2019 г., будет «самым важным для КНР внешнеполитическим мероприятием, проводимым на ее территории в текущем году». Си Цзиньпин будет лично открывать саммит и вести все «круглые столы» с участием руководителей государств[22].

В первое время после озвучивания концепции «пояса и пути» отношение к ней внешнего мира можно было охарактеризовать как заинтересованное и благожелательное. Сейчас создается впечатление, что начинают преобладать скептические настроения. В некоторых странах предпринимаются и практические действия, чтобы не допустить претворения в жизнь китайской стратагемы «гость превращается в хозяина». Не исключено, что со временем проект «пояса и пути» окажется в числе приоритетов Пекина на менее важном месте, как это неоднократно происходило с «идеями» китайских лидеров в прошлом.

Библиографический список

1. *Ананьина К.А., Белокреницкий В.Я., Виноградов А.В.* и др. Российско-китайские отношения: между Европой и Пасификой (Часть II). Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. № 4.

2. *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М.: Русская панорама, 2016.

3. *Ли Хуэй.* Китай продолжит двигаться по пути реформ и открытости // Завтра. 2018. № 50.

4. *Babones S.* China's AIIB Expected To Lend $10-15B A Year, But Has Only Managed $4.4 BIn 2 Years // Forbes. 16.01.2018.

5. *Bandurski D*. Intranslation: China need stocheck its inflated national ego // TheHongKongFreePress. 01.08.2018.

6. *Kuo L*. Cracks appear in 'invincible' Xi Jinping's authority over China. Intellectuals voice criticism as analysts point to disharmony in the Communist party // The Guardian. 04.08.2018.

7. *Pillsbury M.* The hundred-year marathon: China’s secret strategy to replace America as the global superpower. N.Y., 2015.

8. Statement from Chinese Embassy // The International News (Pakistan). 30.12.2018.

9. *Zhou L*. Beijing has oversold benefits of US$62 billion China-Pakistan Economic Corridor, expert says // The South China Morning Post, 24 November, 2018.

10. 王毅在十三届全国人大二次会议举行的记者会上就中国外交政策和对外关系答中外记者问. (На пресс-конференции в рамках 2-й сессии ВСНП 13-го созыва Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных корреспондентов относительно внешней политики и международных отношений Китая) // Жэньминь жибао. 09.03.2019.

11. 构建人类命运共同体的生动实践. (Живая практика строительства общности судьбы человечества) // Жэньминь жибао. 18.01.2018.

12. 李克强：全面建成小康社会新的目标要求. (Ли Кэцян. Новые задачи и требования строительства всестороннего общества среднего достатка) // Жэньминь жибао. 06.11.2015.

13. 习近平谈“一带一路”. (Си Цзиньпин говорит о «поясе и пути»). Пекин, 2018.

14. «习近平谈“一带一路”»主要篇面介绍». (Важнейшие положения работы “Си Цзиньпин говорит о поясе и пути”) // Жэньминь жибао. 12.12.2018.

15. 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话. (Главная речь Си Цзиньпина на Диалоге высокого уровня между КПК и политическими партиями мира) // Жэньминь жибао. 02.12.2017.

16. 习近平。深刻认识全面建成小康社会决胜阶段的形. (*Си Цзиньпин*. Глубоко осознать ситуацию на этапе достижения решающей победы в строительстве всестороннего общества среднего достатка) // Цюши. 2016. № 1.

17. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动. (Общая концепция и план действий по продвижению совместного строительства экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века**). //** Жэньминь жибао. 29.03.2015.

18. 杨恕："一带一路"五年，任何急于求成的做法都是错误的. (Ян Шу: Пять лет «Пояса и пути»: любые подходы, требующие немедленных результатов, являются ошибочными). URL: https://user.guancha.cn/main/content?id=55539&s=fwtjgzwz (дата обращения: 15.01.2019).

References

1. *Ananina K.A., Belokrenitskiy V.Ya., Vinogradov A.V.* et al. Rossiysko-kitayskiye otnosheniya: mezhdu Evropoy i Pasifikoy (Chast II) . Materialy situatsionnogo analiza [The Russian-Chinese relations: between Europe and Pacifica (Part II). Materials for Situational Analysis)] // «Sravnitelnaya politika» («Сравнительная политика», «Comparative Politics»). 2018. № 4.

2. *Galenovich Yu.M.* Globalnaya strategiya Kitaya. [China's Global Strategy]. M., 2016.

3. *Li Khuy.* Kitay prodolzhit dvigatsya po puti reform i otkrytosti. [Li Hui. China Will Continue to Advance Along the Road of Reform and Opening up] // «Zavtra», 2018, № 50.

4. *Babones S.* China's AIIB Expected To Lend $10-15B A Year, But Has Only Managed $4.4B In 2 Years // «Forbes», 16.01.2018.

5. *Bandurski D.* In translation: China need stocheck its inflated national ego// The Hong Kong Free Press. 01.08.2018.

6. *Kuo L.* Cracks appear in 'invincible' Xi Jinping's authority over China. Intellectuals voice criticism as analysts point to disharmony in the Communist party // The Guardian. 04.08.2018.

7. *Pillsbury M.* The hundred-year marathon: China's secret strategy to replace America as the global superpower. N.Y., 2015.

8. Statement from Chinese Embassy// The International News (Pakistan). 30.12.2018.

9. *Zhou L.* Beijing has oversold benefits of US $62 billion China-Pakistan Economic Corridor, expert says// The South China Morning Post. 24.11.2018.

10. 王毅在十三届全国人大二次会议举行的记者会上就中国外交政策和对外关系答中外记者问. [Wang Yi answered questions by Chinese and foreign journalists during the 2-nd plenary session of the 13-th all-China's People's Congress] // «People's Daily», 9 March. 2019.

11. 构建人类命运共同体的生动实践. [To build the community of mankind full of life] // «People's Daily», 18 January, 2018.

12. 李克强：全面建成小康社会新的目标要求. [Li Keqiang: New aims and tasks for all-sided building xiaokang society]. // «People's Daily». 6 November, 2015.

13. 习近平谈"一带一路". [Xi Jinping speaks on "one belt, one road"]. Beijing, 2018.

14. «习近平谈"一带一路"»主要篇面介绍». [Presentation of the basic idea «Xi Jinping speaks on "one belt, one road"»] // People's Daily.12 .01.2018.

15. 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话. [Xi Jinping. The main speech at the Dialogue between the Communist Party of China and political parties of the world] // People's Daily. 02.01.2017.

16. 习近平。深刻认识全面建成小康社会决胜阶段的形. [Xi Jinping. Fully recognize the situation of the decisive stage of building xiaokang society] // Qiushi. 2016. № 1.

17. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动. [Vision and Action to Promote the Construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road] // People's Daily. 29.03.2015.

18. 杨恕：“一带一路”五年，任何急于求成的做法都是错误的. [Yang Shu: Any approach demanding immediate results is wrong]. URL: https://user.guancha.cn/main/content?id=55539&s=fwtjgzwz (date of reference: 15.01.2019).

Примечания

[1] «习近平谈“一带一路”»主要篇面介绍». (Важнейшие положения работы “Си Цзиньпин говорит о поясе и пути”) // Жэньминь жибао. 12.12.2018.

[2] 习近平谈“一带一路”. (Си Цзиньпин говорит о «поясе и пути»). Пекин, 2018.

[3] *Ананьина К.А., Белокреницкий В.Я., Виноградов А.В.* и др. Российско-китайские отношения: между Европой и Пасификой (Часть II). Материалы ситуационного анализа // Сравнительная политика. 2018. № 4. С. 101.

[4] 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动. (Общая концепция и план действий по продвижению совместного строительства экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века) // Жэньминь жибао. 29.03.2015.

[5] 习近平谈“一带一路”. (Си Цзиньпин говорит о «поясе и пути»). Пекин, 2018.

[6] 习近平。深刻认识全面建成小康社会决胜阶段的形. (Си Цзиньпин. Глубоко осознать ситуацию на этапе достижения решающей победы в строительстве всестороннего общества среднего достатка) // Цюши. 2016. № 1.

[7] 杨恕：“一带一路”五年，任何急于求成的做法都是错误的. (Ян Шу: Пять лет «Пояса и пути»: любые подходы, требующие немедленных результатов, являются ошибочными) https://user.guancha.cn/main/content?id=55539&s=fwtjgzwz (дата обращения: 15.01.2019).

[8] См.: *Pillsbury M.* The hundred-year marathon: China's secret strategy to replace America as the global superpower (Пилсбери М. Столетний марафон: тайная стратегия Китая, направленная на замену Америки в качестве глобальной сверхдержавы). N.Y., 2015; *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М.: Русская панорама, 2016.

[9] 习近平在中国共产党与世界政党高层对话会上的主旨讲话. (*Си Цзиньпин.* Главная речь на Диалоге высокого уровня между КПК и политическими партиями мира) // Жэньминь жибао. 02.12.2017.

[10] 李克强：全面建成小康社会新的目标要求. (Ли Кэцян. Новые задачи и требования строительства всестороннего общества среднего достатка) // Жэньминь жибао. 06.11.2015.

[11] *Bandurski D.* In translation: China need stocheck its inflated national ego // The Hong Kong Free Press. 01.08.2018.

[12] Ibid.

[13] *Zhou L.* Beijing has oversold benefits of US$62 billion China-Pakistan Economic Corridor, expert says // The South China Morning Post, 24.11.2018.

[14] *Bandurski D.* Указ. соч.

[15] Ibid.

[16] *Kuo L*. Cracks appear in 'invincible' Xi Jinping's authority over China. Intellectuals voice criticism as analysts point to disharmony in the Communist party // The Guardian. 04.08.2018.

[17] *Ли Хуэй.* Китай продолжит двигаться по пути реформ и открытости // Завтра. 2018. № 50.

[18] Statement from Chinese Embassy // The International News (Pakistan) 30 dec. 2018. URL: https://www.thenews.com.pk/latest/412108-22-cpec-projects-completed-with-189-billion-investment-china (дата обращения: 31.12.2018).

[19] 构建人类命运共同体的生动实践. (Живая практика строительства общности судьбы человечества) // Жэньминь жибао. 18.01.2018.

[20] *Babones S*. China's AIIB Expected To Lend $10-15B A Year, But Has Only Managed $4.4 B In 2 Years // Forbes. 16.01.2018.

[21] Ibid.

[22] 王毅在十三届全国人大二次会议举行的记者会上就中国外交政策和对外关系答中外记者问. (На пресс-конференции в рамках 2-й сессии ВСНП 13-го созыва Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных корреспондентов относительно внешней политики и международных отношений Китая) // Жэньминь жибао. 09.03.2019.

А.О. Виноградов,
Школа востоковедения НИУ ВШЭ, ИДВ РАН,
Факультет мировой политики МГУ, к.и.н.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ВЗГЛЯДОВ КИТАЙСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В СЕГОДНЯШНИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ КНР

Аннотация. Статья посвящена 10-летию выхода в свет одного из основополагающих трудов китайских националистов — книги «Китай недоволен». Рассмотрено, в какой степени идеи книги повлияли на сегодняшние настроения в китайском обществе и как они отражаются в политике нынешнего китайского руководства.

В 2006 г. в статье, посвященной основным течениям китайской общественной мысли, один из идеологов китайских националистов Фан Нин писал, что наиболее перспективным направлением с точки зрения превращения в господствующую идеологию является идеология «новых левых», в центре которой стоит борьба с коррупцией и неравенством. Последующее развитие Китая показало, что китайскому руководству удалось интегрировать в политический мейнстрим не только взгляды «новых левых», но и идеи китайских националистов. Причем именно последние постепенно становятся основой внешней политики КНР и внешнеполитических инициатив нынешнего китайского руководства во главе с Си Цзиньпином. Этот момент отмечается и в недавно вышедшей книге одного из идеологов американо-китайского сближения М.Пилсбери «Столетний марафон. Тайная стратегия Китая с целью заменить Америку в качестве глобальной сверхдержавы». Пилсбери

подчеркивает, что настойчивые утверждения представителей китайского истеблишмента о том, что взгляды националистов являются маргинальными и не отражают позицию официального китайского руководства, являются ни чем иным, как проявлением стратагемного поведения Китая в духе периода «сражающихся царств», стремлением замаскировать истинные взгляды, лежащие в основе внешнеполитических построений Китая, ввести в заблуждение сторонних наблюдателей. На это же была направлена известная формула Дэн Сяопина, выдвинутая в начале 1990-х годов — «не высовываться».

Статья Фан Нина преследовала именно эту цель — убедить российскую общественность в том, что взгляды китайских националистов являются маргинальными и не представляют опасности для интересов РФ. Прежде всего потому, что пафос китайского национализма направлен против США, а не против России. Это тоже распространенный в китайской политический практике прием, предназначенный для того, чтобы ввести партнера в заблуждение. На это же направлены и постоянно высказывающиеся с китайской стороны оценки сегодняшнего состояния российско-китайских отношений как «лучшего периода в истории отношений двух стран», а также рассуждения о желательности более тесного союза России и Китая. Недооценка влияния китайских националистов на формирование современной внешней политики КНР является серьезной ошибкой, которая может привести к неожиданным результатам.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, национализм, Си Цзиньпин, внешняя политика, российско-китайские отношения, союз, стратагема, «воюющие царства».

Автор: Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: vinandr@mail.ru.

Исполнилось ровно 10 лет с момента выхода в свет известной книги «Китай недоволен». Книга вышла в марте 2009 г. и сразу стала бестселлером, в первый месяц было продано свыше 270 тыс. экземпляров, к концу 2009 г. — более 800 тыс.

В то же время исполнилось 20 лет с момента выхода менее известной, но также важной для становления настроений в китайском обществе книги «Путь Китая в тени глобализации». Это книга сама оказалась в тени другой, более известной — «Китай может сказать «Нет!», считающейся первым манифестом китайских националистов. Книга «Путь Китая в тени глобализации» была запрещена (в отличие от «Китай может сказать «Нет»!), но тоже широко разошлась по сети и в самиздате (особенно на волне югославских событий). И именно она, на наш взгляд, может считаться предшественницей «Китай недоволен».

Одним из авторов книги «Путь Китая в тени глобализации» является известный ученый, на тот момент являвшийся заместителем директора Института

политологии Академии общественных наук Китая, Фан Нин. А два других — это Ван Сяодун и Сун Цян, два из пяти авторов книги «Китай недоволен» (Сун Цян принял участие и в написании книги «Китай может сказать «Нет!»).

В середине 2000-х годов мне довелось участвовать в переводе и подготовке к публикации большой статьи Фан Нина «Три направления общественной мысли, оказавшие влияние на современный Китай». Статья была опубликована в журнале «Главная тема» за 2006 г., а потом широко разошлась по сети.А в 2009 г.я готовил к публикации в журнале «Однако» выдержки из книги «Китай недоволен». Книга «Китай недоволен» уже не была запрещена и стала бестселлером и предметом широкого обсуждения в печати и китайском сегменте Интернета. Подчеркнем, что эта книга вышла в разгар мирового финансового кризиса, который во многом способствовал росту в Китае настроений превосходства над миром, вплоть до бытового чванства (это тогда явственно чувствовалось в общении с китайцами).

В упомянутой статье Фан Нина был представлен подробный обзор существующих в Китае течений общественной мысли. Он выделял либерализм, национализм и так называемых «новых левых». При этом особое внимание уделил не только спорам представителей этих течений между собой, но и степени их влияния на общественные настроения и идеологию руководства страны.

Фан Нин констатировал спад идей либерализма в Китае и усиление националистических взглядов, превращение их не только в господствующую идею в обществе, но и в мейнстрим в политике. Правда, в изложении самого Фан Нина эти идеи предстают скорее как «государственнические». Поскольку, как подчеркивал автор, главное отличие националистов от «новых левых» в том, что они намного менее критичны к существующей власти и считают первой задачей пересмотр внешней политики, а не внутренней.

Тем не менее Фан Нин предполагал, что наибольшие перспективы для роста и превращения в господствующую идеологию есть как раз у «новых левых», провозглашающих главной задачей борьбу с коррупцией и неравенством в обществе.

Сегодня мы можем, на мой взгляд, констатировать, что нынешнему китайскому руководству с успехом удалось интегрировать в политический мейнстрим и то, и другое — и взгляды «новых левых», и идеи националистов. Причем именно в таком порядке...

Единственное, пожалуй, исключение — это характерное для работ второй половины 1990-х негативное отношение к глобализации. Впрочем, через 10 лет, в 2009 г., сами авторы уже говорили, что глобализацию вполне можно использовать к выгоде Китая. Да и в книге «Путь Китая в тени глобализации» такой подход уже проскальзывал. В результате сегодня, по сути, Китай является главным защитником того, что под глобализацией подразумевается — дальнейшая

либерализация мировой торговли. Недаром Си Цзиньпин в 2017 г. в Давосе лично пытался объяснить собравшимся, что от процесса глобализации выигрывают все, а не только Китай.

Отражение взглядов и позиций «новых левых» — это не только лозунги гармонизации отношений в обществе периода Ху Цзиньтао, не только борьба с коррупцией в первые 5 лет правления Си Цзиньпина, но и формулировка основного противоречия китайского общества в новую эпоху в докладе на XIX съезде КПК как «противоречия между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития». Выдвижение на основе этого противоречия «идеи социализма с китайской спецификой новой эпохи», уже включенной в Устав КПК, как сказано в докладе, «определяет необходимость осуществлять концепцию развития, в которой народ занимает центральное место, необходимость непрерывно способствовать всестороннему развитию человека и достижению всеобщей зажиточности народа».

Это что касается «новых левых». Теперь про националистов (государственников).

В чем был пафос их публикаций? Одно из ключевых положений — Китай должен стать великой державой и лидером мира. А главной угрозой для этих планов является отсутствие достаточного жизненного пространства и достаточных запасов минеральных ресурсов для дальнейшего успешного развития китайской экономики.

«Китай должен определять законы функционирования современного мира в целом, поскольку Запад потерпел в этом неудачу. Причем причины этой неудачи кроются в исторических особенностях западной цивилизации, в органически присущих ей недостатках. Только Китай с его традиционным стремлением к гармонии и эффективности может руководить миром во благо всем остальным народам».

Это из статьи Фан Нина. А вот цитаты из «Китай недоволен».

«Великая цель Китая состоит в том, чтобы, во-первых, устранить в этом мире насилие и обеспечить спокойствие и добро; во-вторых, распоряжаться гораздо большими и гораздо более многочисленными природными ресурсами, чем те, которыми Китай обладает в настоящее время, принести счастье народу всего мира... вносить больший вклад в устройство мира».

«Крепко держа в руках меч, заниматься экономикой и торговлей — вот путь к победе в борьбе за возвышение в качестве великого государства (*дагo*). Мы должны как можно скорее нарастить мощь нашего государства, чтобы гарантировать функционирование мировой рыночной экономики, свободной внешней торговли без препятствий на этом пути».

«Мы должны управлять намного большими, чем в настоящее время, ресурсами; экономически управлять; политически направлять; мы должны руково-

дить этим миром. С точки зрения истории человеческой цивилизации, у нас больше всего прав руководить этим миром. Люди Запада должны стоять вторыми в этой очереди. Мы признаем великие достижения цивилизации Запада, но, если исходить из зафиксированной истории всего человечества, Китай имеет больше прав управлять миром, чем Запад».

«Накопленный китайцами административный опыт управления за тысячелетия цивилизации Китая показывает, что китайцам в большей степени, чем людям Запада, присущи такие качества, как способность преодолевать трудности, продолжая работать, и проявлять терпение».

«Наша цель в том, чтобы обеспечить народам мира более здоровый образ жизни, чем в настоящее время. Мы будем управлять лучше, чем американцы и люди других государств Запада».

А вот некоторые фразы из Отчетного доклада Си Цзиньпина на последнем съезде:

«Мы выступили с инициативой создания сообщества единой судьбы человечества, содействовали преобразованию системы глобального управления. Произошло дальнейшее наращивание международного влияния Китая, его притягательной и формирующей силы. Китай внес новый весомый вклад в дело мира и развития планеты. Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества».

«Это эпоха постепенного приближения Китая к центру международной арены и непрерывного внесения Китаем еще большего вклада в развитие человечества».

«Китай будет неизменно стимулировать мир во всем мире, вносить свой вклад в глобальное развитие и защищать международный порядок. Пусть никто не мечтает о том, что Китай проглотит горькие плоды последствий ущемления своих интересов».

«Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу».

К этому можно добавить и другие положения внешнеполитической концепции нынешнего Китая. В том числе о том, что дела в Азии должны решаться без вмешательства извне (об этом, в частности, говорил на форуме АТЭС в Пекине в 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян), а также недавние высказывания заместителя председателя КНР и бывшего секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины Ван Цишаня по поводу китайско-американский отношений на приеме по случаю 40-летия установления дипотношений в январе 2019 г. По словам Ван Цишаня, китайско-американские отношения вступили в новый этап, когда изменилось соотношение сил. И США должны осознать, что

перед ними новый Китай, новая реальность. А новый Китай не будет следовать в фарватере США. Китай защищает новый мировой порядок, а США получат выгоды от развития Китая.

Последний пункт любопытен тем, что раньше таким образом вопрос ставился по отношению к соседям Китая — именно они, по мнению Китая, получали выгоду от его развития (именно так ставился вопрос в Отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК). По отношению к США вопрос стоял в достижении «равноправия». Теперь равноправие уже достигнуто — проблема, с точки зрения китайцев, в том, что в Вашингтоне этого еще не понимают...

10 лет назад я писал о том, что определенные постулаты националистов проскальзывают и в официальных документах (мирное возвышение, ответственная глобальная держава, развивать великодержавное сознание и т. п.), а их авторы привлекаются к сотрудничеству с официальными структурами. Сегодня их идеи являются, по сути, основой внешнеполитической доктрины КНР. Хотя судьба упомянутых персонажей сложилась по-разному. Ван Сяодун и Сун Цян не сотрудничают с официальными структурами — они ведут свои блоги в Вэйбо и имеют множество подписчиков. А вот Фан Нин является директором Института политологии АОН Китая и советником Госсовета.

Примечательно, что наши выводы совпадают с заключениями, представленными в книге Майкла Пилсбери «Столетний марафон. Тайная стратегия Китая с целью заменить Америку в качестве глобальной сверхдержавы». Книга была издана в 2015 г. в США и недавно переведена и подробно цитируется в работе Ю.М.Галеновича «За кулисами американо-китайских отношений»[1].

Например, Пилсбери пишет о том, что «в Китае есть и «умеренные», и сторонники жесткой линии. Есть «голуби» и «ястребы»... Однако во все возрастающей степени взгляды на весь мир представителей жесткой линии и националистов побеждают и являются намного более влиятельными в узком кругу нового президента Китая Си Цзиньпина»[2].

При этом Пилсбери, который на протяжении многих лет был в США одним из тех, кто определял политику Вашингтона по отношению к Китаю, признает, что он серьезно ошибался, полагая (с подачи китайской стороны), что национализм представляет собой маргинальное течение и не оказывает серьезного влияния на позицию официального руководства Китая. По мнению Пилсбери, даже один из своих основных лозунгов — возрождение нации — Си Цзиньпин взял у «ястребов»: *фусин чжи лу* — «путь к обновлению, возрождению»[3].

Майкл Пилсбери пишет о том, что причина его ошибки (и всего американского экспертного сообщества в целом) — в намеренном введении китайской стороной в заблуждение, в применении со стороны Китая стратегии обмана, стратагемы. «Существовавший у нас на протяжении длительного времени взгляд, состоящий в том, что «ястребы» в Китае безвластны, бессильны, что это

всего лишь маргинальные фанатики. — это помеха пониманию нами ситуации, положения дел»[4].

Пилсбери обращает внимание на то, что в Китае все чаще открыто обращаются к опыту периода Весны и Осени («*чунцю*») и периода Воюющих царств («*Чжаньго*») — VIII—III века д.н.э., в том числе используют относящиеся именно к этому периоду 36 стратагем и трактат «Искусство войны» знаменитого стратега Сунь Цзы. Впрочем, по утверждению Пилсбери, во внутренних публикациях отсылки к этому периоду появились еще в начале 90-х годов XX века[5]. Это доказывает и появление именно тогда приписываемой Дэн Сяопину максимы *«таогуанянхой»* — «не высовываться», «скрывать свои таланты»[6], которая была положена в основу внешней политики КНР при всех последующих руководителях страны.

Заметим, что как раз в то же время — в середине 90-х годов в России и на Западе некоторая часть экспертов приходит к осознанию того, что в политической культуре Китая огромное значение имеет стратагемность мышления. В РФ публикуются перевод популярной сегодня книги немецкого ученого Харро фон Зенгера «Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать», перевод «36 стратагем» В.В. Малявина, статьи В.С. Мясникова и Т.Г. Завьяловой, посвященные роли стратагем во всех областях жизни китайцев, в том числе в ведении бизнеса и во внешней политике.

Это позволяет по-новому взглянуть на историю советско-китайских отношений в 1950-е годы с точки зрения стратегии тогдашнего китайского руководства с целью превращения Китая в независимый центр мировой политики. В этом отношении стоит отметить статью А.О.Виноградова «Внешняя политика КНР в 1949—1976 гг.»[7], представляющую собой авторское изложение соответствующей главы VIII тома 10-томной академической истории Китая под общей редакцией академика С.Л. Тихвинского.

В статье доказывается тезис о том, что, с китайской точки зрения, разделяемой сегодня и историками, и истеблишментом, и подавляющим большинством населения, внешняя политика Мао Цзэдуна, так же как и его преемника Дэн Сяопина, направленная на сдерживание «агрессивных устремлений» СССР и борьбу с «гегемонизмом» и «социал-империализмом», оказалась в высшей степени успешной, изменив существовавшую с послевоенных времен биполярную структуру мира и позволив Китаю стать третьим, сначала региональным, а потом и глобальным, «независимым и самостоятельным» полюсом мира. Более того, именно эта политика, заставив СССР предпринимать огромные усилия для того, чтобы противостоять угрозам своей безопасности по всему периметру своих границ и поддерживать паритет в военной области не только с НАТО, но также с Китаем и Японией, и привела в конечном счете к исчезновению с мировой арены Советского Союза, который руководством Китая считался главной

угрозой безопасности КНР. Без этой политики нынешнее «возвышение» Китая, «возрождение китайской нации» было бы вряд ли возможным.

Таким образом, стратегия Китая, которая описывается М.Пилсбери как «столетний марафон по превращению Китая в глобальную сверхдержаву», на протяжении 70 лет существования КНР остается неизменной. И этот момент необходимо учитывать при оценке состояния и перспектив наших отношений с Китаем, а также при планировании российской внешней политики на китайском направлении, которое сегодня является важнейшим для обеспечения целей стратегического развития РФ.

В связи с этим повторю некоторые положения из своей статьи, посвященной выходу в свет книги «Китай недоволен» 10 лет назад.

Острие современного китайского национализма направлено на США и Запад в целом, поскольку именно он сдерживает Китай и мешает ему стать мировым лидером. Россия в этих геополитических построениях либо не упоминается вообще, либо называется в числе возможных союзников в борьбе с Западом. В связи с чем вполне понятно сдержанное отношение к росту национализма в КНР со стороны экспертного сообщества в России — сильного соседа лишний раз раздражать не стоит. Сказывается и определенная ангажированность российского китаеведения на нынешнем этапе. Проблема обсуждается скорее в узком кругу, среди своих, результаты дискуссий оформляются в форме рекомендаций и информации в «соответствующие» инстанции. Отдельные публикации — скорее, исключение.

Сегодня можно сказать, что с началом нового этапа в российско-китайских отношениях, который с подачи китайской стороны часто называется «лучшим периодом в отношениях наших стран», эта тенденция становится все более явной. Мифологизация российско-китайских отношений[8], стремление представить дело так, что две страны являются стратегическими союзниками и между ними нет серьезных проблем — это ошибка, вводящая в заблуждение и руководство страны, и российскую общественность. Похожую ошибку сделали в свое время руководители Советского Союза, поверив в искреннее желание со стороны китайцев сотрудничать с Москвой, похожую ошибку, по словам М.Пилсбери, делали и в США на протяжении 30 лет с лишним. Думается, пришло время, когда из ошибок прошлого нужно делать выводы.

Библиографический список

1. *Виноградов А.О.* Внешняя политика КНР в 1949—1976 гг. // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm

2. *Виноградов А.О.* XIX съезд КПК и российско-китайские отношения. // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 года). М.: ИДВ РАН, 2018.

3. *Галенович Ю.М.* За кулисами американо-китайских отношений. Полвека спустя после рукопожатия Мао и Никсона в Пекине. М.: Русская панорама, 2019.

References

1. *Vinogradov A.O.* Vneshnyaya politika KNR v 1949—1976 gg.» [Foreign Policy of the People's Republic of China in 1949—1976] // Setevoye izdaniye TSentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoy perspektivy.

2. *Vinogradov A.O.* XIX s"yezd KPK i rossiysko-kitayskiyeotnosheniya [XIX Congress of the CCP and Sino-Russian relation] // Novaya epokha: Kitay posle XIX s"yezda KPK. Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii TSentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN (Moskva, 14 i 16 marta 2018 goda). M.: IDV RAN, 2018.

3. *Galenovich YU.M.* Za kulisami amerikano-kitayskikh otnosheniy. Polveka spustya posle rukopozhatiya Mao i Niksona v Pekine. [Behind the scenes of US-China Relations. Half a century after Mao and Nixon's handshake in Beijing]. M.: Russkaya panorama, 2019.

Примечания

[1] *Галенович Ю.М.* За кулисами американо-китайских отношений. Полвека спустя после рукопожатия Мао и Никсона в Пекине. М.: Русская панорама, 2019.

[2] Там же. С. 70.

[3] Там же. С. 85.

[4] Там же. С. 186.

[5] Там же. С.133.

[6] Там же.

[7] *Виноградов А.О.* Внешняя политика КНР в 1949—1976 гг.».// Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm

[8] Подр. см.: *Виноградов А.О.* XIX съезд КПК и российско-китайские отношения. // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (М., 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 83—93.

Се Ипин,
РУДН

ИНТЕРЕСЫ КНР В ВОПРОСЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН С 1990-х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В настоящее время положение КНР в ООН характеризуется следующим образом: во-первых, она Постоянный член СБ ООН, единственный среди постоянных членов представитель Азиатского континента, если не принимать во внимание евразийский геополитический статус России; во-вторых, КНР, безусловно, является великой державой, которая благодаря своему военно-политическому и экономическому потенциалу влияет на систему международных отношений; в-третьих, Китай — первоначальный член ООН, одна из стран-основательниц ООН, что закреплено ст. 3 Устава ООН. Все вышеуказанное позволяет Китаю занимать особенный де-факто статус в системе международных отношений, однако юридически это обстоятельство нигде не оформлено.

Рассмотрены этапы деятельности КНР в работе ООН и ее участие в реформе организации. Китай, являясь развивающейся страной, в международных делах всегда выступает за справедливость. Благодаря этому Китай занимает особое место как в деятельности ООН, так и на международной арене. В настоящее время все мировое сообщество внимательно следит за тем, какую роль играет ООН в создании нового и справедливого международного порядка в политической и экономической сфере, в борьбе против гегемонии, а также по сохранению мира и стимулированию развития. Китай уделяет особое внимание контактам и сотрудничеству всех 5 стран, постоянных членов СБ ООН, чтобы способствовать мирному развитию во всем мире.

На нынешнем этапе развития международных отношений Китай занял выжидательную позицию и сохраняет широкие возможности для маневрирования, действуя в духе наставлений Дэн Сяопина, а именно: извлекать выгоду из текущей ситуации. Развитие тенденций усиления мировой многополярности и глобализации создало благоприятнее условия для международного мира и развития. Вместе с тем продолжают действовать такие рецидивы биполярной системы, как менталитет холодной войны, гегемонизм и политика с позиции силы. В качестве их особо опасных проявлений китайские аналитики выделяют попытки расширения военных блоков, увеличения разрыва в доходах развитых и развивающихся стран, стремление вмешаться во внутренние дела, локальные конфликты.

Ключевые слова: Китай, ООН, СБ ООН, Россия, США, реформирование ООН, интересы Китая, дипломатия, национальные интересы.

Автор: Се Ипин, соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail:msu1755@vip.qq.com.

25 октября 1971 г. 26-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН утвердила внесенный 23 странами проект резолюции и приняла решение № 2758 о восстановлении законных прав КНР в ООН[1]. Тем не менее не вызывает сомнений, что началом отсчета участия КНР в ООН стал визит Г. Киссинджера в Пекин в 1971 г. На это повлияло стремление США изменить позицию в отношениях с КНР, а именно, проводить курс на примирение с Китаем.

15 ноября 1971 г. делегация КНР во главе с министром иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа впервые приняла участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Джордж Буш-старший возглавил первую официальную миссию связи США в КНР в 1974 г. (дипломатическое представительство). Решение об установлении дипломатического представительства США в КНР было принято в ходе визита президента США Никсона в КНР в 1972 г. Дипломатическая миссия КНР в США появилась только после признания США Китаем в 1979 г. В 1970—1980-х годах Китай не стремился проводить активную политику в ООН, это было вызвано рядом причин, в том числе отсутствием дипломатического опыта. Однако в 1972 г. КНР пыталась заблокировать прием в ООН Бангладеш, который отделился от Пакистана. Китай этим старался показать, что является лидером государств «третьего» мира.

О нахождении Китая в указанной группе государств заявил Дэн Сяопин на спецсессии Генеральной Ассамблеи в 1974 г. Поэтому Китай часто применял право вето при выборах нового генерального секретаря организации[2]. Если в 1971 и 1976 гг. Китай, поддерживающий выбор но пост генсека ООН представителя развивающихся стран, достаточно быстро шел навстречу выбору развитых государств, то в 1981 г. Китай 16 раз блокировал избрание на третий срок Курта Вальдхайма, поддержав избрание на пост генсека Переса де Куэльяру.

Тем не менее, радикальное изменение внутренней и внешней политики КНР сильно ограничивало сотрудничество КНР с ООН. Однако ситуация стала изменяться после поездки Дэн Сяопина в 1992 г. по югу Китая, что способствовало возвращению страны к проведению политики реформ и открытости. КНР стала более активно отстаивать интересы государства на международной арене после распада СССР.

Начиная с 1992 г. Китай стал активно участвовать в разработке договоров и конвенций ООН, в том числе по вопросам защиты интеллектуальной собственности, прав человека, вопросов морской и ядерной безопасности.

С 1992 г. ускорился процесс подключения Китая к основным договорно-правовым режимам и конвенциям ООН, в том числе по вопросам защиты интеллектуальной собственности, биоразнообразия, прав человека, по морскому праву и ядерной безопасности. Китай стал одним из первых государств, подписавших Договор о запрещении развития, производства, складирования и использования химического оружия и о его уничтожении 13 января 1993 года. В 1997 г. КНР подписала Международную конвенцию об экономических, социальных и культурных правах человека, а в 1998-м — Конвенцию о гражданских и политических правах. В 2003 г. КНР подписала, а в 2005-м ратифицировала Конвенцию ООН по борьбе с коррупцией.

Таким образом, КНР стала постепенно трансформироваться в более активного защитника основных принципов и целей ООН, глобального социального и экономического развития, активного участника переговоров по вопросам разоружения и нераспространения ядерного оружия.

КНР стала чаще использовать трибуну ООН для оглашения тех или иных собственных принципов. Так, председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая 15 сентября 2005 г. на встрече глав государств — членов ООН по случаю 60-летия организации, «выдвинул идею совместного строительства гармоничного мира на основе его культурно-цивилизационного многообразия»[3].

Важным направлением деятельности КНР в ООН является участие в ее миротворческих операциях. Пойти на такой шаг Пекину было непросто — ведь он в какой-то мере противоречил провозглашенному им принципу неразмещения воинских контингентов за рубежами страны. Однако осознание важности миротворческих операций для выполнения ООН ее исключительной роли в обеспечении глобальной безопасности возобладало. В 1988 г. КНР присоединилась к деятельности Специального комитета ООН по миротворческим операциям, а в апреле 1989 г. впервые предоставила в распоряжение Группы ООН по помощи в осуществлении переходного периода (ЮНТАГ) группу гражданских лиц для наблюдения за выборами в Намибии. В общей сложности с 1990 по 2009 г. Китай принял участие в 18 миротворческих миссиях ООН, направив за рубеж свыше 11 тыс. миротворцев, из них 1100 — военных наблюдателей. По состоя-

нию на 30 июня 2009 г. в миротворческих миссиях ООН находились 2148 миротворцев из КНР. Китай предоставил больше миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН.

В июне 2009 г. в Пекине был создан миротворческий центр Министерства обороны КНР, предназначенный для подготовки персонала и обмена опытом деятельности в данной сфере.

Активное участие КНР в миротворческих операциях отражало усилия страны по выполнению своих обязательств в деле обеспечения международного мира и безопасности. Одновременно оно помогало Пекину лучше интегрироваться в международный режим обеспечения безопасности и тем самым содействовать собственной безопасности.

В конце 1990-х годов Пекин дважды воспользовался правом вето для того, чтобы отбить покушения на принцип «одного Китая». Речь идет о вето Китая при голосовании в СБ ООН проекта резолюции о направлении группы военных наблюдателей в Гватемалу (1 октября 1997 г.) и при голосовании по вопросу о продлении пребывания в Македонии военной миссии ООН с превентивными целями (25 февраля 1999 г.). В обоих этих случаях Китай руководствовался «основополагающим принципом защиты суверенитета», так как Гватемала, игнорируя предостережения КНР, пригласила на церемонию подписания мирных соглашений представителя администрации Тайваня, а Македония 8 февраля 1999 г. установила с Тайванем дипломатические отношения.

Еще одной причиной применения Китаем права вето становилось желание предотвратить необоснованное вмешательство во внутренние дела других стран. В январе 2007 г. КНР вместе с Россией и ЮАР голосовала против проекта резолюции Великобритании и США «О ситуации в Мьянме», что мотивировалось отсутствием угрозы со стороны Мьянмы миру и безопасности в регионе. 11 июля 2008 г. КНР вместе с Россией по тем же мотивам голосовала против предложенной США и Англией резолюции с осуждением внутренней политики президента Зимбабве Роберта Мугабе. Несколько особняком стоит вето, наложенное Китаем вместе с Россией 28 февраля 2017 г. в Совете Безопасности ООН при голосовании проекта резолюции ряда европейских стран о ситуации в Сирии. Его причиной стал отказ авторов проекта резолюции зафиксировать обязательство воздержаться от военного вмешательства в ситуацию в Сирии.

Особенности позиционирования КНР в ООН нашли отражение в эволюции ее подхода к реформе этой организации. Здесь можно выделить три этапа.

В 1990-х годах Пекин весьма активно поддерживал реформу организации, поскольку она была созвучна китайскому тезису о необходимости создания нового международного политического и экономического порядка. Китай

выступал за усиление в деятельности ООН внимания к экономическим и социальным проблемам, за повышение представительства развивающихся стран.

В конце 1998 — начале 1999 г. все сильнее стало проявляться стремление США и их союзников по НАТО оказать давление на Югославию по косовской проблеме, действуя в обход ООН. 24 марта 1999 г. ВВС НАТО без непосредственной санкции Совета Безопасности ООН начали бомбардировки стратегических объектов в Сербии. В этой ситуации на первый план для Китая, как и для России, вышла задача не той или иной реформы ООН, а защиты ее легитимности и центральной роли в обеспечении мира и безопасности. В Совместном заявлении глав государств от 23 ноября 1998 г. РФ и КНР констатировали, что главная уставная ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности «ни при каких обстоятельствах не должна ставиться под сомнение» и что «любые попытки обхода Совета чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира». Год спустя в Совместном заявлении по актуальным проблемам современной международной обстановки от 9 декабря 1999 г. Китай и Россия высказались «за сохранение в неизменном виде уставных полномочий нынешних постоянных членов Совета Безопасности», охарактеризовав данное положение как «необходимое условие обеспечения эффективности и стабильности ООН»[4].

Тем самым было положено начало второму этапу эволюции подхода КНР к реформе ООН, который продлился примерно до 2003—2004 гг. КНР стала выступать не за реформу ООН вообще, а за «рациональную и ограниченную реформу», которая «выдержала бы проверку временем и была бы приемлема для подавляющего большинства членов организации». Соответственно Пекин выступил против введения каких-либо конкретных сроков завершения преобразований.

Третий этап, продолжающийся по настоящее время, характеризуется тем, что Пекин, поддерживая саму идею реформы, воздерживается от активных действий и не форсирует события, апеллируя к необходимости достижения максимально широкого консенсуса по вопросу о новых постоянных членах СБ.

В 1997 г. генеральный секретарь ООН Кофи Аннан (1997—2006) предложил план, в котором были сформулированы основные принципы реформы, направленной на оптимизацию работы организации. Для выработки предложений были созданы Специальная рабочая группа, Группа по операциям ООН в пользу мира и Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам («Группа мудрецов»). Они представили свои рекомендации по пересмотру существующих обязательств государств-членов; проведению масштабной институциональной реформы; увеличению объемов финансирования[5].

Сегодня все члены ООН разделяют мнение о необходимости реформирования СБ для придания большей эффективности его работе, но пока нет варианта,

который устроил бы подавляющее большинство государств-членов. Так, «группа четырех» в составе Германии, Японии, Индии и Бразилии еще в 2005 г. представила проект реформы СБ, в соответствии с которым число его постоянных членов должно увеличиться на шесть, а непостоянных — на четыре. При этом вопрос о праве вето они намерены поднять только через 15 лет после расширения СБ.

В контексте продолжительной дискуссии о необходимости реформирования Совета Безопасности ООН тревожным звонком стало произошедшее 27 июня 2018 г. расширение мандата Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), позволяющего теперь ее Техническому секретариату устанавливать виновных в применении химического оружия в Сирии. Наделение ОЗХО прокурорскими полномочиями является прецедентным в послевоенной истории и направлено на дублирование функций СБ ООН. Очевидно, что, воодушевившись этим решением, некоторые страны активизируют попытки добиться реформирования рабочих методов и состава СБ ООН, а также придать значимый импульс перераспределению полномочий между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН в пользу последней.

Неоднократное использование в последнее время Россией права вето по сирийским сюжетам и администрацией Д. Трампа по палестинскому вопросу в ходе голосования в Совете Безопасности ООН возобновило дискуссию о необходимости реформирования рабочих методов СБ и состава его членов.

Согласно некоторым оценкам, 114 государств уже подписались под этой инициативой, однако эта цифра пока не достигла необходимых двух третей (128 голосов) от числа государств — членов Организации, необходимых для принятия такого важного решения. Франция предлагает расширить состав СБ ООН за счет включения в качестве постоянных членов Германии, Японии, Бразилии, Индии и двух африканских стран. При этом вопрос о передаче право вето Евросоюзу Франция оставляет на откуп решения других постоянных членов Совета Безопасности. При этом французам и их единомышленникам следует иметь в виду, что 3 из 5 постоянных членов Совета Безопасности — Россия, Китай и США — проявляют редкое единодушие по этому вопросу, отказываясь от предметного обсуждения предложений Парижа[6].

Избрание ФРГ непостоянным членом СБ ООН на период 2019—2020 гг. предоставляет возможность Берлину вновь громко заявить об актуальности расширения состава Совета и своих претензиях на постоянную «прописку» в этом органе как в национальном качестве, так и от лица «группы четырех».

Говоря о возможном инициировании нынешним Генеральным секретарем ООН очередных реформенных процессов, важно учитывать, что на фоне обострения российско-американского противостояния в СБ по сирийскому вопросу в апреле 2018 г. он впервые резонансно заявил о несоответствии Совета

Безопасности современным реалиям и злоупотреблении правом вето. А. Гутерриш также отметил, что полная реформа невозможна без внесения изменений в работу СБ ООН[7]. КНР могла бы поддержать кандидатуры Бразилии, Индии и ЮАР (избрана непостоянным членом СБ ООН на 2019—2020 гг.), так как эти страны выступают за всестороннее укрепление системы международного права. В целом, БРИКС вполне может стать примером для формирования новой модели глобальных отношений, которые строятся поверх разделительных линий «восток-запад» и «север-юг» и не подчиняются логике военно-политических блоков, а ее страны-участницы могут получить более высокий статус вес в ООН.

Доцент факультета мировой политики Народного университета Китая Пу Пин отметил, что в качестве самой представительной и авторитетной межправительственной международной организации, а также самого важного международного форума и платформы для проведения многосторонней дипломатической деятельности ООН внесла выдающийся вклад в дело защиты мира на всей планете и содействия сотрудничеству во всем мире[8]. В условиях несбалансированного развития и множества глобальных вызовов все государства рассчитывают, что ООН в дальнейшем сыграет ведущую роль в обеспечении международного мира и содействии глобальному развитию[9].

Одним из таких вызовов может стать ситуация на постсоветском пространстве. Научный сотрудник Исследовательского центра по вопросам России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков Вэй Цзиньшэнь отметил, что украинский кризис выявил недостатки в международном политическом порядке[10]. Более чем через 20 лет после окончания «холодной войны» Запад по-прежнему не хочет предоставить России достойное место в системе европейской безопасности, наоборот, требует от нее подчинения и уступок. Возглавляемый США западный лагерь не захотел принять Россию, а также установить границы своего расширения, что привело к ответу со стороны России и кризису в европейской геополитической безопасности. Позиции России и западных стран в системе европейской безопасности и международной политической архитектонике сильно расходятся. Россия выступает против однополярного мира во главе с США, выступает за установление многополярного миропорядка[11].

После окончания «холодной войны» в мировой политической и экономической архитектонике произошли изменения, страны с формирующимися рынками расширяют свое влияние, особенно после международного финансового кризиса 2008 г. все более очевидной становится необходимость реформирования миропорядка. Тем не менее, развитые экономики по-прежнему упорно настаивают на том, что все демократические правила, принятые западными стра-

нами, необходимо соблюдать всем странам. На основе этого можно выборочно выполнять даже резолюции СБ ООН.

Профессор Пекинского университета Е Цзычэнь отметил, что после завершения «холодной войны» основные принципы и механизмы принятия решений Устава ООН по-прежнему остаются в силе, однако США безраздельно господствуют над миром, что вызывает множество проблем. При этом коллективный подъем развивающихся стран уже стал характерной чертой современного мира. Основная цель реформы международной системы состоит в том, чтобы предоставить развивающимся государствам право голоса, соответствующее их статусу[12].

У Мяофа, научный сотрудник Китайского института международных отношений отмечал, что, хотя по-прежнему существуют разногласия относительно географического представительства в вопросе реформирования СБ ООН, все больше стран одобряют позицию о приоритетном рассмотрении возможности принятия в СБ развивающихся и африканских стран, реализации потенциала региональных организаций[13].

Бывший министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь в 2015 г. отмечал, что международный порядок должен соответствовать духу времени — глобализации и многополярности. «Мы предлагаем реформировать миропорядок в русле демократизации, защиты законных интересов множества развивающихся стран, которые составляют абсолютное большинство среди стран — членов ООН. Мы призываем к формированию нового типа международных отношений, которые будут нацелены на осуществление взаимовыгодного сотрудничества, а также к развитию международного порядка в русле большей справедливости», — сказал он.

Все это говорит о том, что в вопросе реформирования ООН Китай стремится укрепить право голоса и увеличить представительство развивающихся стран, чтобы защищать и расширять законные интересы развивающихся стран.

Среди прочих проблем реформирования ООН наибольшее опасение у КНР вызывают вопросы, связанные с увеличением числа государств в Совете Безопасности ООН, как постоянных, так и непостоянных, в результате его реформы, а также возможность постановки новыми членами СБ вопроса о представительстве Тайваня в этой Организации в результате пересмотра Устава ООН. Как известно, Тайвань сохранил название Китайская Республика и полную историческую преемственность Китайской Республике, образованной в 1912 г. в результате Синьхайской революции.

Несмотря на то, что в течение всей истории существования Организации КНР высказывалась за его изменение в том или ином направлении (от поддержки его целей и принципов в 50-е годы и нигилистического отношения в 60-х годах до более сдержанной позиции, явившейся результатом проявления склон-

ности Пекина к тактическому маневрированию на международной арене в конце XX — начале XXI в.), у КНР есть серьезные опасения негативных последствий начала этого процесса.

В каком бы направлении ни велись дискуссии в ООН и в международном сообществе по вопросу, являются ли жители Тайваня самостоятельной нацией или частью единой китайской нации, многие полагают, что население территории Китайской Республики (островов Тайвань, Пэнху, Цзиньмэн, Мацзу), представленное отдельными лицами, может участвовать в работе ООН.

В связи с намерением государств пересмотреть Устав ООН подобного рода рассуждения о превращении тайваньцев в самостоятельную нацию и одновременных целенаправленных действиях КНР, ее политических институтов и элиты, по консолидации различных этносов в китайскую нацию заставляют задуматься над отдельными положениями Устава. Так, положения Преамбулы Устава ООН об учреждении этой международной организации сформулированы от лица «народов объединенных наций». Известно, что ни одна из имеющихся концепций нации не является общепринятой. К примеру, в Центральной и Восточной Европе преобладает подход, согласно которому понятия «нация», «народ» и «этнос» воспринимаются как равнозначные. Отсюда значение фразы «народы объединенных наций» для всех государств неодинаково. Но вне зависимости от имеющихся трактовок исходных понятий этнополитологии Уставом ООН зафиксировано, что учредителями Организации являются народы.

Далее, в ст. 4, гл. II «Члены Организации» отмечается, что «прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять». Из Устава следует, что создателями Организации являются народы (нации), а ее члены, в том числе и первоначальные (ст. 3), — государства[14].

Таким образом, в отношении членов ООН в рамках положений ее Устава нет единого подхода к понятиям «нация» и «государство», и здесь важно проводить различие, которое между ними существует. Вероятно, эта проблема является одной из коллизий международного права. Однако по букве и духу Устава и как самостоятельная нация (и/или государство), и как часть китайской нации, находящейся в составе КНР, Тайвань может быть представлен в ООН.

При условии кардинального пересмотра положений Устава, этого многостороннего международного соглашения, понятие «член ООН» может быть предельно расширено, что также связано с одним из вопросов международного права, имеющим отношение к понятию «субъект международного права». Если в Уставе ООН будут обозначены не государства и народы (нации), а, например, первичные субъекты международного права (и государства, и борющиеся за

независимость нации и народы), появятся новые юридические возможности для активизации усилий со стороны Тайваня по представительству в ООН. Поэтому такие изменения, связанные в первую очередь со стремительными темпами глобализации как в политической, так и экономической сфере, и наличие «Глобального Устава» (составленного в «глобальных» параметрах) весьма неблагоприятны для КНР[15].

В случае увеличения числа постоянных членов СБ ситуация может выглядеть следующим образом. В настоящее время Совет Безопасности состоит из 15 членов, 5 из которых являются постоянными (Великобритания, КНР, Российская Федерация, США, Франция), а 10 — непостоянными, избираемыми Генеральной Ассамблеей. В течение 73 лет существования ООН при неизменном составе постоянных членов СБ между ними сложились определенные механизмы выработки единых решений и достижения компромиссов. Во время «холодной войны» ввиду наличия биполярной системы международных отношений с достаточно высокой предсказуемостью поведения государств двух блоков вероятность достижения единства мнений в рамках «пятерки» по краеугольным вопросам, не затрагивающим основы биполярности, повышалась. За последние годы ситуация изменилась в связи с появлением новых региональных центров силы. Однако и в сложившихся условиях государства — постоянные члены СБ подчеркивают необходимость дальнейшего повышения эффективности и действенности этого органа и ООН в целом. Так, сотрудничество в рамках «пятерки» осуществляется в соответствии с Заявлением глав их государств и правительств от 7 сентября 2000 г.[16] Кроме того, они по-прежнему считают, что такое сотрудничество отвечает интересам СБ ООН и всего международного сообщества.

Обсуждение вопросов реформирования Совета Безопасности продолжается. Имеются три реальных претендента на места постоянных членов: Япония, Германия, Индия (или другая крупная страна из «третьего мира»). Два первых государства, по мнению КНР, имеют больше шансов. Критерием здесь являются объективные причины — экономические показатели и степень интегрированности в международное сообщество. Таким образом, в геостратегическом отношении Япония может «составить конкуренцию» Китаю в одном из главных органов ООН — Совете Безопасности. В то же время Индия серьезно намерена требовать для себя статуса полноправного постоянного члена СБ (отметим, что Российская Федерация считает Индию сильным и достойным кандидатом на это место в отличие от КНР, с которой у Индии стратегическое соперничество).

В результате возможных изменений в Совете Безопасности есть вероятность, что соотношение «западных», «восточных» и «евразийского» государств окажется 4:3:1 (4 — США, Франция, Великобритания, Германия; 3 — Китай, Япония, Индия; 1 — Российская Федерация). Такое «справедливое» географическое представительство государств в данном органе может привести к изме-

нению по сравнению с настоящим статуса на международной арене как новых, так и нынешних постоянных членов Совета. В этом случае Китай уже не будет единственным азиатским государством, представленным в этом органе в качестве постоянного члена. Это может повлечь за собой множество неожиданных внешнеполитических последствий.

Реформа СБ ООН означает либо расширение его влияния с сохранением или незначительным уменьшением возможностей входящих в него на данный момент государств, либо фиксирование степени их совместного воздействия на международное сообщество на прежнем уровне, но при этом «вес» отдельных государств в нем будет значительно уменьшен, с учетом предоставления мест в нем другим государствам (так называемый феномен «рассредоточения власти»). В случае расширения будет возможна парадоксальная ситуация, о которой говорил китайский политолог Е Цзычэнь, когда региональные державы поднимутся до уровня мировых, а мировые опустятся до уровня региональных[17].

Реформа международной организации такого масштаба, как ООН, судя по всему, должна протекать в виде «плановой перестройки» — преобразования системы устройства и функционирования этой организации, осуществляемого в условиях ее одобрения всеми государствами-членами, в том числе Китаем. Учитывая обозначенные выше основные и наиболее важные для Пекина положения реформы ООН, скорее всего, возникающие в ходе ее осуществления проблемные ситуации будут согласовываться китайской стороной в русле традиционных особенностей международной политики Китая: выдержанность, сфокусированность на приоритетах, выгодных КНР, жесткая аргументированность. Здесь же отметим, что стратегическая ориентированность Пекина «от первостепенного к второстепенному» рассчитана на отстаивание национальных интересов, которые также ранжированы по степеням важности. В случае возникновения непрогнозируемых обстоятельств в процессе реформирования ООН осторожность и предусмотрительность будут определять общее направление реакции на них со стороны пекинских властей.

Библиографический список

1. *Арсентьева И.И.* Китай в системе международных отношений: реалии и перспективы. Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2012.

2. *Волохова А.* Изменения во внешнеполитических концепциях КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3.

3. *Ряснов И.А.* Политика Китая в ООН // Власть. 2017. № 2.

4. Сайт Риа-новости. Генсек ООН объявил о начале новой холодной войны. URL: https://ria.ru/20180423/1519181166.html.

5. Сайт ООН. Устав ООН. URL: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/.

6. 韦进深，唐朱昌 (Вэй Цзиньшэнь,Тан Чжучан). 倡议、议程与规范：中国国际组织外交的新变化. (Инициативы, повестки и нормализация: новые изменения в дипломатии китайских международных организациях) // Гуанси цайцзин сюеюань сюебао, 2018.06.

7. 蒲傅 (ПуПин). 中国联合国外交的特点及局限. (Ограничения и особенности китайской дипломатии в ООН) // Цзяосюе юй яньцзю. 2009.06.

8. 叶自成 (Е Цзычэн). 联合国改革与中国和平发展的国际环境. (Реформа ООН и международная среда для мирного развития Китая) // Гоцзи гуаньча. 2005. № 1.

9. 吴妙发 (У Мяофа). 中国在联合国的定位和联合国改革. (Место Китая в ООН и реформа ООН) //Сысян лилунь цзяоюй даокан. 2006. № 10.

10. 石静 (Ши Цзин). 安理会改革之探. (Анализ реформы Совета Безопасности) // Цзинцзи юй фа. 2013.06.

11. 1971 年中国代表团首次出席联大遭遇种种“意想不到”. (В 1971 г. китайская делегация, впервые участвуя в Генеральной Ассамблее столкнулась в различными «непредвиденностями» // Жэньминь ван. 15.02.2012. URL: http://history.people.com.cn/GB/205396/17117112.html

12. 1974 年 4 月 6 日邓小平出席联合国大会第六节特别会议. (6 июня 1974 г. Дэн Сяопин принял участие в работе шестой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/78561/79699/5524601.html

13. 胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话. (Выступление Ху Цзиньтао на саммите глав, посвященном 60-летию создания ООН). URL: http://politics.people.com.cn/GB/1024/3699888.html

References

1. Arsent’yeva I.I. Kitay v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: realii I perspektivy (China in the system of international relations: realities and prospects). Aktual’nyye problemy razvitiya KNR v protsesse eye regionalizatsii I globalizatsii. Materialy IV Mezhdunarodnoy-nauchno-prakticheskoy konferentsii.CHita: Izd-voZabGU, 2012.

2. VolokhovaA. Izmeneniya vo vneshnepoliticheskih konceptsiyah KNR (Changes in the PRC foreign policy concepts) // Problems of the Far East.2016. № 3.

3. Ryasnov I.A. Politika Kitaya v OON (Chinese policy at the UN)// Power. 2017. № 2.

4. Sait rianovosti (Net Ria news). Generalnyi Sekretar OON obyvil o nachale novoy cholodnoy voiny (UN Secretary-General announced the beginning of a new cold war).URL: Http://ria.ru/20180423/1519181166.html

5. Sait OON (Net The UN). Ustav OON (The Charter of The United Nations).URL: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/

6. 韦进深，唐朱昌 (Wei Jinshen, Tang Zhuchang). 倡议、议程与规范：中国国际组织外交的新变化. (Initiatives, Agendas and Norms: New Changes in the Diplomacy of China's International Organizations) // Guangxi caijing xueyuan xuebo. 2018.06

7. 蒲傅 (Pu Ping). 中国联合国外交的特点及局限. (Characteristics and limitations of Chinese UN diplomacy) // Jiaoxueyuyanjiu. 2009.06

8. 叶自成 (Ye Zicheng). 联合国改革与中国和平发展的国际环境. (United Nations Reform and the international political environment for the peaceful development of China) // Guoji guancha. 2005. No. 1

9. 吴妙发 (Wu Miaofa). 中国在联合国的定位和联合国改革. (Position of China in the UN and UN Reform) //Sixiang lilun jiaoyu daokan. 2006. No. 10

10. 石静 (Shi Jing). 安理会改革之探析. (Discussion of Security Council Reform) // Jingji yu fa. 2013.06

11. 1971 年中国代表团首次出席联大遭遇种种“意想不到”. (The Chinese delegation’s first attendance at the UN General Assembly in 1971 was “unexpected”). Renmin wang (People's Daily online). 2012-02-15. URL:http://history.people.com.cn/GB/205396/17117112.html

12. 1974 年 4 月 6 日邓小平出席联合国大会第六节特别会议. (On April 6, 1974, Deng Xiaoping attended the Sixth Special Session of the UN General Assembly).27 March, 2007.Communist Party of China News Network. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/78561/79699 /5524601.html

13. 胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话. (Speech by Hu Jintao at the Summit of the 60th Anniversary of the UN). People's Daily online 16 September 2005. URL: http://politics.people.com.cn/GB/1024/3699888.html

Примечания

[1] 1971 年中国代表团首次出席联大遭遇种种“意想不到” . (В 1971 г. китайская делегация впервые, участвуя в Генеральной Ассамблее, столкнулась в различными «непредвиденностями») // Жэньминь ван. 2012.02.15. URL: http://history.people.com.cn/GB/205396/17117112.html

[2] 1974 年 4 月 6 日邓小平出席联合国大会第六节特别会议. (6 июня 1974 г. Дэн Сяопин принял участие в работе шестой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/78561/79699/5524601.html

[3] 胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话. (Выступление Ху Цзиньтао на саммите глав, посвященном 60-летию создания ООН). URL: http://politics.people.com.cn/GB/1024/3699888.html

[4] *Ряснов И.А.* Политика Китая в ООН // Власть. 2017. № 2. С. 31.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 32.

[7] Сайт Риа-новости. Генсек ООН объявил о начале новой холодной войны. URL: https://ria.ru/20180423/1519181166.html.

[8] 蒲傅 (ПуПин). 中国联合国外交的特点及局限 . (Ограничения и особенности китайской дипломатии в ООН) // Цзяосюе юй яньцзю. 2009.06. С. 83.

[9] 蒲傅 (ПуПин). Указ. соч. С. 86.

[10] 韦进深，唐朱昌 (Вэй Цзиньшэнь, ТанЧжучан). 倡议、议程与规范：中国国际组织外交的新变化 . (Инициативы, повестки и нормализация: новые изменения в дипломатии китайских международных организациях) // Гуанси цайцзин сюеюань сюебао, 2018.06. С. 64.

[11] *Арсентьева И.И.* Китай в системе международных отношений: реалии и перспективы. Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Чита: Изд-во ЗабГУ. 2012. С. 72.

[12] 叶自成 (Е Цзычэн). 联合国改革与中国和平发展的国际环境. (Реформа ООН и международная среда для мирного развития Китая) // Гоцзи гуаньча. 2005. № 1. С. 11.

[13] 吴妙发 (У Мяофа). 中国在联合国的定位和联合国改革. (Место Китая в ООН и реформа ООН) // Сысян лилунь цзяоюй даокан. 2006. № 10. С. 60.

[14] Сайт ООН. Устав ООН. URL: https://www.un.org/ru/charter-united-nations/

[15] *Волохова А.* Изменения во внешнеполитических концепциях КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 10.

[16] 石静 (Ши Цзин). 安理会改革之探析. (Анализ реформы Совета Безопасности) // Цзинцзи юй фа. 2013.06. С. 194.

[17] 叶自成 (Е Цзычэн). Указ. соч. С. 15.

Т.Л. Гурулева,
ИДВ РАН, ВУ МО РФ, д.пед.н., доцент

АССОЦИАЦИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Аннотация. Одной из новых форм образовательного и научного сотрудничества России и Китая, наряду с созданием совместных образовательных учреждений и реализацией совместных образовательных программ, является двусторонняя российско-китайская ассоциация.

В настоящее время существует восемь профильных ассоциаций вузов и две региональные. Первая ассоциация вузов России и Китая носила профильный характер: в 2011 г. была создана АТУРК (Ассоциация технических университетов России и Китая). За период с 2014 по 2017 г. было образовано еще семь профильных ассоциаций вузов: экономических, педагогических, медицинских, транспортных, вузов культуры и искусств, журналистских и классических, и две региональные ассоциации: Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая и Ассоциация вузов регионов Приволжского федерального округа и верхнего и среднего течения реки Янцзы. В 2018 г. двумя странами также создана Ассоциация научно-технического сотрудничества РФ и КНР, ее учредителями с российской стороны выступили Уральское отделение РАН, а с китайской стороны — Академия наук пров. Хэйлунцзян. Кроме того, в 2014 г. была создана Ассоциация выпускников и стажеров китайских вузов.

Данные факты говорят о том, что ассоциация становится новой формой организации образовательного и научного сотрудничества двух стран. Очевидно, что процесс создания ассоциаций вузов начиная с 2011—2014 гг. носит плановый централи-

зованный характер, инициатором которого выступает китайская сторона. В создании ассоциаций вузов прослеживается посыл упорядочить спорадическое сотрудничество российских и китайских вузов, направить его на повышение качества профильного образования и усиление научно-исследовательского сотрудничества вузов двух стран. Вместе с тем такая форма организации взаимодействия придает сотрудничеству вузов принципиально иной характер, чем тот, который был до этого времени: характер сетевого взаимодействия, в процессе которого каждый российский вуз или научно-исследовательская организация находится в прямом взаимодействии с китайской стороной.

Ключевые слова: Китай, образовательное сотрудничество, российско-китайские ассоциации вузов, некоммерческие организации (НКО), международные неправительственные организации (МНПО), мягкая сила.

Автор: Гурулева Татьяна Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, профессор ВУ МО РФ. E-mail: gurulevatatiana@mail.ru.

Одной из новых форм российско-китайской образовательной и научной интеграции, наряду с другими новыми и традиционными формами[1], являются ассоциации[2]. В настоящее время существует восемь профильных ассоциаций вузов и две региональные, а также одна ассоциация научно-технического сотрудничества.

Первая ассоциация вузов Китая и России носила профильный характер: в 2011 г. была создана Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК, 中俄工科大学联盟). Ассоциация образована на базе МГТУ им. Н.Э. Баумана и Харбинского политехнического университета (哈尔滨工业大学). Целью создания АТУРК является объединение усилий элитных технических университетов России и Китая в подготовке высококвалифицированных кадров для инновационной экономики, содействия академическому обмену студентов и преподавателей, развития научно-технического сотрудничества между Россией и Китаем[3].

Организационно-правовая форма Ассоциации, заявленная сторонами в Декларации Ассоциации технических университетов России и Китая — НКО (非营利性组织). Деятельность Ассоциации осуществляется на основании Устава АТУРК. Постоянные дирекции Ассоциации созданы в МГТУ им. Н.Э. Баумана и в Харбинском политехническом университете. Механизмами, обеспечивающими работу ассоциации, выступают саммиты АТУРК, проводимые один раз в два года. Постоянными сопредседателями являются ректоры МГТУ им. Н.Э.Баумана и Харбинского политехнического университета. Согласно уставным документам каждые два года с российской и китайской сторон также назначаются новые сопредседатели. Ассоциация имеет страницу на портале

МГТУ им. Н.Э. Баумана. На сегодняшний день в АТУРК входит около 60 российских и китайских вузов, в которых обучается около 1 млн 670 тыс. человек[4].

Российско-китайская ассоциация экономических вузов (中俄经济类大学联盟) была образованна в 2014 г. Ассоциация создана на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета и Университета международного бизнеса и экономики (对外经济贸易大学, UIBE, КНР, г. Пекин). Основные цели Ассоциации — создание образовательной и научной платформы для высших экономических учебных учреждений России и Китая, совместная работа над образовательными и научными проектами на международном уровне, повышение эффективности работы, обмен опытом и академический обмен[5].

Организационно-правовая форма — некоммерческая неправительственная организация (非营利的非政府机构). Созданию ассоциации предшествовало подписание Декларации о создании Российско-китайской ассоциации экономических университетов ректорами СПбГЭУ и Университета международного бизнеса и экономики. Декларация закрепляет общее согласие соучредителей по созданию РКАЭУ и ведению на равных правах совместной плодотворной образовательной и научной деятельности во благо России и Китая[6]. Постоянные секретариаты Ассоциации созданы на базе вузов-учредителей. Руководителями РКАЭУ являются ректоры вузов-учредителей. Механизм, обеспечивающий работу Ассоциации, — ежегодные заседания Ассоциации поочередно в каждой из стран. Сайта у Ассоциации нет. По состоянию на 2018 год в Ассоциацию входит 18 китайских и 18 российских вузов.

В 2014 г. также был создан Российско-китайский союз высших педагогических учебных заведений (中俄教育类高校联盟). Создан по инициативе Пекинского педагогического университета (北京师范大学) и Московского педагогического государственного университета. Образованию Союза предшествовало подписание договора о его создании 18 апреля 2014 г. в Пекине. Первоначально в его состав вошли по 6 педагогических вузов РФ и КНР. В настоящее время в Союз входят 10 вузов России и 6 вузов КНР. Сайта у Союза нет. Информации об учредительных документах в российских источниках не представлено, организационно-правовая форма не обозначена. В китайских источниках организационно-правовая форма заявляется как 高校联盟 (Союз вузов). Рабочим механизмом являются форумы.

В том же 2014 г. создана Российско-китайская ассоциация медицинских университетов (КРАМУ) (中俄医科大学联盟). Учредителями Ассоциации выступили Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова и Харбинский медицинский университет (哈尔滨医科大学). Основными целями создания Ассоциации названы: активизация обменов между университетами двух стран, расширение обменов иностранными студентами, укрепление сотрудничества в области медицины и здравоохранения,создание

платформы для обменов и сотрудничества в области медицины и здравоохранения между Китаем и Россией[7]. Сопредседателями КРАМУ с российской и китайской сторон являются ректоры вузов-учредителей. Сайт у Ассоциации отсутствует. Информация об учредительных документах в российских источниках не представлена, в китайских источниках организационно-правовая форма заявляется как 非政府组织(неправительственная организация). Рабочим механизмом являются форумы. В настоящее время Ассоциация объединяет 108 вузов России и Китая.

2014 год также явился годом создания Ассоциации ректоров транспортных вузов РФ и КНР (ARTU) (中俄交通大学校长联盟 или 中俄交通大学联盟). Ассоциация создана ректорами Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I и Пекинского транспортного университета (北京交通大学). Целью деятельности ARTU является объединение усилий входящих в нее высших учебных заведений по интеграции в мировое образовательное и научное сообщество, формирование и поддержание репутации, повышение рейтингов вузов двух стран на международном рынке образования, содействие экспорту образовательных услуг и в конечном итоге — развитию транспортных отраслей России и Китая[8]. В Уставе Ассоциации указано, что «Ассоциация ректоров транспортных вузов РФ и КНР», именуемая далее «ARTU», является общественным добровольным объединением, созданным представителями высших учебных заведений Российской Федерации и Китайской Народной Республики ...»[9]. Согласно Уставу, ARTU не является юридическим лицом и осуществляет свою деятельность в соответствии с международными нормами и правилами, а также законами тех стран, которые она представляет. В китайских источниках организационно-правовая форма Ассоциация заявляется как 高校联盟 (Ассоциация вузов). Высшим руководящим органом ARTU является Конференция, которая проводится один раз в год. Руководство деятельностью ARTU осуществляет ее постоянно действующий руководящий орган — Правление ARTU в составе двух сопредседателей от обеих сторон (РФ и КНР) и четырёх представителей, по два от РФ и КНР. В Правлении ARTU установлены два секретариата. Ассоциация имеет свой сайт на портале Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. По данным за 2018 г. в Ассоциацию интегрированы 69 китайских и 19 российских вузов.

В 2016 г. создана Российско-китайская ассоциация вузов культуры и искусств (中俄文化高校联盟). Образование организации инициировано Пекинским университетом языка и культуры (北京语言大学). Созданию Ассоциации предшествовало подписание в 2015 г. в ходе 20-й регулярной встречи глав правительств Китая и России Меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в сферах образования, науки и техники между Министерством

образования КНР и Министерством культуры РФ, в котором было определено«создание Китайско-Российской ассоциации вузов культуры и искусств с целью содействия сотрудничеству в сфере образования»[10]. 1 декабря 2016 г. на Деловой площадке 5-го Санкт-Петербургского международного культурного форума было подписано соглашение о создании Российско-китайской ассоциации вузов культуры и искусств. Цель Ассоциации — развитие сотрудничества между РФ и КНР в области художественного образования, культуры и искусства. Учредительных документов в российских источниках нет. В китайских источниках организационно-правовая форма обозначена как 高校联盟 (Ассоциация вузов). Сайта у Ассоциации нет. В настоящее время в Ассоциацию интегрировано 8 китайских и 18 российских вузов.

В китайских источниках также есть информация об Ассоциации китайских и российских вузов искусств (中俄艺术高校联盟). На китайском сайте[11] сообщается, что «в 2012 г. под инициативой Цзилиньского института искусств (吉林艺术大学), соответствующие комплексные художественные институты ООН и Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова России совместно инициировала создать «Ассоциация китайских и российских вузов искусств»[12]. В рунете нет никакой информации об Ассоциации и ее деятельности. В китайских источниках организационно-правовая форма заявляется как 高校联盟(Ассоциация вузов). Сайта у Ассоциации нет. В Ассоциацию входят 10 участников: 7 — с китайской, 3 — с российской стороны.

В 2016 г. создан Союз журналистских вузов Китая и России (中俄新闻教育高校联盟). Союз создан по инициативе Китайского народного университета (人民大学, г. Пекин). Цель Ассоциации — «сотрудничество в сфере журналистского образования в рамках механизма китайско-российских гуманитарных обменов, способствование их расширению и глубокому взаимодействию между китайскими и российскими факультетами журналистики в областях преподавательского и научно- исследовательского дела»[13]. В российских источниках информации об учредительных документах нет. В китайских источниках организационно-правовая форма заявляется как 高校联盟 (Ассоциация вузов). Сайта у Ассоциации нет. В Ассоциацию входят 14 российских и 21 китайский вуз.

В 2017 г. образована Ассоциация классических университетов России и Китая (中俄综合性大学联盟). Инициаторами создания Ассоциации стали Пекинский университет (北京大学) и МГУ им. М.В.Ломоносова. Образованию Ассоциации предшествовало подписание 5 июля 2016 года в Москве Меморандума о создании Ассоциации классических университетов ректором МГУ им. М.В. Ломоносова академиком В.А. Садовничим и секретарем парткома Пекинского университета Чжу Шаньлу. Цель Ассоциации — интенсификация образовательного и научного сотрудничества между вузами двух стран[14]. В россий-

ских источниках информации об учредительных документах нет. В китайских источниках организационно-правовая форма значится как 大学联盟 (Ассоциация университетов). Сайта у Ассоциации нет. Рабочим механизмом Ассоциации является съезд. В настоящее время в Ассоциацию входят 20 российских вузов, 68 китайских.

Кроме восьми профильных ассоциаций (точнее девяти, если считать Ассоциацию китайских и российских вузов искусств), двумя странами также образованы две региональные ассоциации: Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая и Ассоциация вузов регионов Приволжского федерального округа и верхнего и среднего течения реки Янцзы.

Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая (中国东北地区与俄罗斯远东、西伯利亚地区大学联盟) образована в 2012 г. Учредителями Ассоциации являются Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск) и Северо-Восточный сельскохозяйственный университет (东北农业大学, г. Харбин). Цель Ассоциации —активное развитие сотрудничества между вузами России и Китая в области науки и образования. В российских источниках информации об учредительных документах нет. В китайских источниках организационно-правовая форма заявляется как 非政府组织(неправительственная организация)[15]. Сайта у Ассоциации нет. Рабочим механизмом Ассоциации является Форум ректоров вузов Дальнего Востока и Сибири РФ и Северо-Восточных регионов КНР, история которого началась в 1993 г. с проведения I Форума в г. Хабаровск. Форум проводится раз в два года, на сегодняшний день проведено 12 форумов. По состоянию на 2018 г. Ассоциация включает 63 китайских вуза и 27 российских.

Ассоциация вузов регионов Приволжского федерального округа и верхнего и среднего течения реки Янцзы (Ассоциация вузов в формате «Волга — Янцзы») (中俄“长江-伏尔加河”高校联盟) создана в 2017 г. Инициаторами создания Ассоциации выступили Сычуаньский университет (四川大学, г.Чэнду) и Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева. Цель Ассоциации — развитие партнерских межвузовских контактов регионов ПФО и верхнего и среднего течения реки Янцзы. В российских источниках информации об учредительных документах нет. В китайских источниках организационно-правовая форма обозначается как 非营利性、非法人的学术交流机构 (некоммерческая организация академических обменов без образования юридического лица). Рабочим механизмом Ассоциации является ежегодный форум. Ассоциация включает 45 российских и 30 китайских вузов.

Кроме ассоциаций вузов, в 2018 г. двумя странами создана Ассоциация научно-технического сотрудничества РФ и КНР (АНТСРК). Учредителями Ассоциации выступили с российской стороны Уральское отделение РАН, а с китайской стороны — Академия наук пров. Хэйлунцзян (黑龙江省科学院, г. Харбин).

Исследователи отмечают, что «АНТСРК — первая ассоциация, учрежденная академическими организациями, что открывает перспективы для объединения усилий множества научно-исследовательских институтов, ранее не участвовавших в интеграционных проектах. По состоянию на начало декабря 2018 г. членами Ассоциации являлись 156 китайских и 44 российских организаций, подавляющее большинство из которых — академические институты и исследовательские центры»[16].

Таким образом, можно заключить, что ассоциация стала одной из основных форм сотрудничества России и Китая в области образования.

Положительными моментами создания ассоциаций, на наш взгляд, являются:

— структурирование сотрудничества вузов двух стран по профессиональным профилям, позволяющее упорядочить процесс взаимодействия вузов одного профиля, исключить дублирование одних и тех же направлений или видов деятельностивузов в рамках одного профиля;

— включение в процесс сотрудничества в рамках отдельных профессиональных профилей вузов, находящихся на различных территориях двух стран, а не только в приграничных и центральных регионах России и Китая, включение в процесс сотрудничества как крупных вузов, так и небольших образовательных учреждений;

— расширение форм взаимодействия профильных вузов (научные конференции, НИР, СОП, стажировки и др.), расширение возможностей разработки и реализации отдельной совместной образовательной программы (СОП) за счет участия в ней большего количества вузов;

— расширение возможностей экспорта российского образования, обмена передовыми достижениями в области образования и науки;

— добавление к преимущественно образовательному формату сотрудничества вузов одного профиля научно-исследовательского формата, реализуемого на нескольких научных площадках;

— создание возможности открытия совместных научно-исследовательских центров профильных вузов, разрабатывающих отдельные тематические направления, стимулирование развития совместных фундаментальных научных исследований;

— аккумулирование передового опыта образовательного и научного сотрудничества профильных вузов.

Вместе с тем стремительное появление во взаимодействии двух стран новой формы образовательного сотрудничества вызывает ряд вопросов.

Очевидно, что за почти одновременным созданием такого количества ассоциаций вузов стоит некая организующая сила, а инициатива создания новой формы взаимодействия принадлежит не российской стороне. Время подписания

документов, обозначающих намерения создания первых ассоциаций вузов, приходится на 2011—2013 гг. Этот период совпадает с временем приостановления в России деятельности по открытию новых Институтов Конфуция (все 17 Институтов Конфуция и 6 Классов Конфуция в российских вузах были открыты в период с 2006 по 2011 гг., а в 2018 г. один из существующих классов Конфуция был преобразован в Институт Конфуция). Данный факт позволяет предположить, что ассоциация пришла в России на смену Институтам и Классам Конфуция как менее явная, менее затратная и более продуктивная форма присутствия Китая в образовательном пространстве России.

Создание ассоциаций определено наличием у российских вузов права осуществления самостоятельной международной деятельности, не регламентированной федеральными нормативно-правовыми актами. Вопрос создания ассоциации, а тем более вопрос вступления в ассоциацию входит в сферу компетенций российских вузов. Алгоритм создания ассоциации включает: подписание руководителями двух вузов России и Китая, выступающих учредителями ассоциации, предварительного документа (декларации, меморандума, договора и пр.), подтверждающего намерение создания ассоциации; создание ассоциации на учредительном собрании (форуме, конференции); подписание Устава ассоциации вузами-членами ассоциации с российской и китайской стороны.

Организационно-правовая форма российско-китайских ассоциаций четко не определена. Данные организации можно рассматривать как НКО, о чем прямо заявляют создатели трех ассоциаций: АТУРК, Российско-китайской ассоциации экономических вузов и ARTU. Определить организационно-правовую форму остальных ассоциаций не представляется возможным в связи с отсутствием в открытом доступе информации об каких-либо учредительных документах. О конкретной *форме НКО* можно с уверенностью говорить лишь в отношении ARTU, которая в Уставе Ассоциации заявлена как *общественное объединение*. Общественное объединение согласно Федеральному закону «Об общественных объединениях» от 19. 05. 1995 № 82-ФЗ может быть учреждено физическими лицами и юридическими лицами — общественными объединениями[17]. Именно поэтому ARTU заявлена как «общественное добровольное объединение, созданное *представителями* высших учебных заведений Российской Федерации и Китайской Народной Республики», т. е. *физическими лицами*, что отражено в названии ассоциации — Ассоциация *ректоров* транспортных вузов РФ и КНР. Этот нюанс служит причиной расхождения названий Ассоциации в русском и китайском языках: в России она называется Ассоциацией *ректоров* транспортных вузов РФ и КНР, а в китайской Энциклопедии Байду —中俄交通大学联盟, т. е. Ассоциацией транспортных вузов РФ и КНР. Согласно указанному закону, общественное объединение может регистрироваться и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регист-

рации и приобретения прав юридического лица. Это положение закона дает ARTU право не регистрироваться в качестве юридического лица. Ст. 47 указанного закона гласит, что «общественное объединение, образованное в Российской Федерации, признается международным, если в соответствии с его уставом в иностранных государствах создается и осуществляет свою деятельность хотя бы одно его структурное подразделение — организация, отделение или филиал и представительство»[18]. Таким образом, ARTU может быть классифицирована как международное общественное объединение.

Все остальные вузовские и научные ассоциации также не являются юридическими лицами и не значатся в ЕГРЮЛ ФНС РФ.При этом сложно предположить, к какой форме НКО они относятся и вообще являются ли они НКО, поскольку право не регистрироваться в качестве юридического лица есть только у одной формы НКО — общественных объединений, однако общественное объединение может быть учреждено либо физическими лицами, либо общественными объединениями, являющимися юридическими лицами, к которым вузы-учредители ассоциаций, являясь государственными учреждениями, не относятся.Другие формы НКО, например, *ассоциация (союз)* в РФ обязательна для регистрации в качестве юридического лица, а созданные ассоциации юридическими лицами не являются.

Отсутствие государственной регистрации и не приобретение права юридического лица освобождает российско-китайские вузовские и научные ассоциации от предоставления отчетности в Минюст, бухгалтерской и налоговой отчетности, а также отчетности во внебюджетные фонды, обязательные для других форм НКО (таких, как ассоциация (союз), автономная НКО и др.).

Рассмотрение созданных российско-китайских ассоциаций как международных неправительственных организаций (НПО) также вызывает ряд вопросов, поскольку такие организации также должны создавать в России юридические лица. Кроме того, Минюст РФ предоставляет только Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых *признана нежелательной* на территории Российской Федерации, при этом общего перечня действующих на территории России иностранных и международных НПО нам найти не удалось.

Отсутствие государственной регистрации и не приобретение прав юридического лица созданными российско-китайскими ассоциациями не позволяют получать полную и достоверную информацию (не только новостную) о принципах организации данных объединений (в открытом доступе сети Интернет находится всего один Устав ассоциации из 12 перечисленных) и видах их деятельности, а также осуществлять контроль деятельности данных ассоциаций со стороны государства и общества.

Начиная с 2011—2014 гг. мы наблюдаем переход формата сотрудничества вузов и научных организаций России и Китая от двустороннего к сетевому. Формой реализации сетевого сотрудничества вузов и научных организаций РФ и КНР выступает так называемая ассоциация. Организационно-правовая форма ассоциаций четко не определена, все указанные ассоциации осуществляют свою деятельность без образования юридического лица. На начало 2019 г. более 250 вузов России участвуют в сетевом сотрудничестве российско-китайских ассоциаций, что составляет около 1/3 численности всех вузов Российской Федерации (без филиалов). Деятельность трех региональных ассоциаций (двух вузовских и одной научной) охватывает 4 федеральных округа РФ (ДВФО, СФО, УФО и ПФО), т. е. 82,8 % территории нашей страны. Форма *двусторонних профильных и региональных* ассоциации вузов и научных организаций является специфической формой российско-китайского образовательного сотрудничества и отсутствует в практике взаимодействия России и Китая с другими странами.

Библиографический список

1. *Гурулева Т.Л.* Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. № 12.

2. *Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И*. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4.

3. *Гурулева Т.Л.* Система образования КНР и российско-китайское образовательное сотрудничество: монография. М.: Издательский дом ВКН, 2018.

4. Декларация о создании Ассоциации технических университетов России и Китая. URL: http://asrtu.ru/category/documentation/(дата обращения: 05.03.2019).

5. *Руденко В.Н.* Ассоциация научно-технического сотрудничества России и Китая: предпосылки создания, правовой статус, цели и задачи // Дискурс-Пи. 2018. № 3—4.

6. Устав Ассоциации ректоров транспортных вузов РФ и КНР. URL: https://www.pgups.ru/upload/medialibrary/757/ustav_artu_rus.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

7. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/432c08625eeb297efddc5235d724a96736dbe2fe/ (дата обращения: 05.03.2019).

References

1. *Guruleva T.L.* Sovmestnyye obrazovatel’nyye programmy Rossii I Kitaya: sostoyaniye I problemy realizatsii [Joint educational programs of Russia and China: state and problems of implementation]. // Vyssheeobrazovanie v Rossi*i* = Higher Education in Russia. 2018.No. 12.

2. *Guruleva T.L., Bedareva N.I*. Sotrudnichestvo Rossii I Kitaya v oblasti sozdaniya setevykh universitetov I sovmestnykh obrazovatel’nykh uchrezhdeniy [Cooperation of Russia

and China in the field of creating network universities and joint educational institutions]. // Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2019, No. 4.

3. *Guruleva T.L.* Sistema obrazovaniya KNR I rossiysko-kitayskoye obrazovatel'noye sotrudnichestvo [The education system of the PRC and the Russian-Chinese educational cooperation]. Moscow, 2018.

4. Deklaratsiya o sozdanii Assotsiatsii tekhnicheskikh universitetov Rossii I Kitaya [Declaration on the establishment of the Association of Technical Universities of Russia and China]. Available at: http://asrtu.ru/category/documentation/(accessed 05.03.2019).

5. *Rudenko V.N.* Assotsiatsiya nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya: predposylki sozdaniya, pravovoy status, tseliizadachi [Association of Scientific and Technical Cooperation of Russia and China: Prerequisites of Creation, Legal Status, Goals and Objectives]. // *Diskurs-Pi* = Discourse-Pi. 2018, No. 3—4.

6. Ustav Assotsiatsii rektorov transportnykh vuzov RF i KNR [Charter of the Association of Rectors of Transport Universities of the Russian Federation and China]. Available at: https://www.pgups.ru/upload/medialibrary/757/ustav_artu_rus.pdf (accessed 05.03.2019).

7. Federal'nyy zakon ot 19.05.1995 N 82-FZ (red. ot 20.12.2017) «Ob obshchestvennykh ob"yedineniyakh» [Federal law of 19.05.1995 N 82-FZ (as amended on 12.20.2017) "On public associations" [Federal law of 19.05.1995 N 82-FZ (as amended on 12.20.2017) "On public associations"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/432c08625eeb297efddc5235d724a96736dbe2fe/ (accessed 05.03.2019).

Примечания

[1] *Гурулева Т.Л.* Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 93—103; *Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И.* Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108—123.

[2] *Гурулева Т.Л.* Система образования КНР и российско-китайское образовательное сотрудничество: монография. М.: Издательский дом ВКН, 2018.

[3] Декларация о создании Ассоциации технических университетов России и Китая. URL: http://asrtu.ru/category/documentation/ (дата обращения: 05.03.2019).

[4] Саммит Ассоциации технических университетов России и Китая в Екатеринбурге. URL: http://asrtu.ru/2018/07/asrtusummit2018/ (дата обращения: 05.03.2019).

[5] Создана Российско-китайская ассоциация экономических университетов. URL: https://unecon.ru/ad/sozdana-rossiysko-kitayskaya-associaciya-ekonomicheskih-universitetov (дата обращения: 05.03.2019).

[6] Там же.

[7] О Российско-китайской ассоциации медицинских университетов. URL: http://m.sinorusfocus.com/p/6116.html (дата обращения: 05.03.2019).

[8] Устав Ассоциации ректоров транспортных вузов РФ и КНР. URL: https://www.pgups.ru/upload/medialibrary/757/ustav_artu_rus.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

[9] Там же..

[10] Российско-китайская ассоциация вузов культуры и искусств. URL: http://m.sinorusfocus.com/p/6109.html (дата обращения: 05.03.2019).

[11] URL: m.sinorusfocus.com (дата обращения: 05.03.2019).

[12] Сведения об Ассоциации китайских и российских вузов искусств. URL: http://m.sinorusfocus.com/p/6115.html (дата обращения: 05.03.2019).

[13] О Союзе журналистского образования вузов Китая и России. URL: http://m.sinorusfocus.com/p/6113.html (дата обращения: 05.03.2019).

[14] Съезд Ассоциации классических университетов РФ и КНР. URL: https://www.msu.ru/news/sezd-assotsiatsii-klassicheskikh-universitetov-rf-i-knr.html (дата обращения: 05.03.2019).

[15] 中国东北地区与俄罗斯远东、西伯利亚地区大学联盟 [Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая]. URL: http://focus.sinorusfocus.com/p/6735.html (дата обращения: 05.03.2019).

[16] *Руденко В.Н.* Ассоциация научно-технического сотрудничества России и Китая: предпосылки создания, правовой статус, цели и задачи // Дискурс-Пи. 2018. № 3—4. С. 148.

[17] Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/432c08625eeb297efddc5235d724a96736dbe2fe/ (дата обращения: 05.03.2019)

[18] Там же.

Ж.В. Петрунина,
ФГБОУ ВО «КнАГУ», д.и.н.
Г.А. Шушарина,
ФГБОУ ВО «КнАГУ», к. филол.н.

ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрена политика Китая, реализуемая в отношении территорий Дальнего Востока России в последнем десятилетии. Современное китайское руководство уделяет большое внимание разным направлениям сотрудничества Северо-Востока Китая (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян) и российского Дальнего Востока. Придание импульса взаимодействию между приграничными территориями КНР и РФ отражает интересы обеих сторон и объясняется обоюдным геополитическим и экономическим интересом двух стран, а также настоятельной потребностью вовлекать эти территории в международные региональные экономические и социокультурные процессы, необходимостью решать социальные вопросы. Лидеры КНР и РФ понимают, что добиться качественных изменений в регионе, повысив уровень жизни населения возможно лишь совместными усилиями.

Цель работы состоит из двух компонентов: выявить задачи, которые ставит правительство Китая, развивая территории Северо-Востока КНР, и механизмы достижения поставленных целей; а также определить роль и место Дальнего Востока России в реализации планов КНР. Проанализированы ключевые программные документы, регулирующие сотрудничество между регионами Дальнего Востока и Северо-Востока КНР в период 2009—2018 гг. и 2018—2024 гг. Определено, что отношение лидеров и региональных властей КНР к взаимодействию с российским Дальним Востоком на протяжении последнего десятилетия менялось. На первых этапах реали-

зации программ сотрудничества руководство КНР предполагало всестороннее развитие С*еверо-Востока Китая и Дальнего Востока и Восточной Сибири России в рамках одного региона*. Однако темпы проводимых преобразований и качество изменений на Дальнем Востоке России заставили КНР пересмотреть программу регионального взаимодействия. Китай уже не рассматривает Россию в качестве инвестора в развитие своих приграничных территорий, постепенно сокращая объемы научно-технического регионального сотрудничества. Немаловажным фактором, приведшим к сворачиванию части российско-китайских проектов, стало неприятие российскими дальневосточниками изменений, произошедших под влиянием КНР. В результате региональное сотрудничество оказалось вновь ограничено преимущественно сырьевым сектором.

Ключевые слова: северо-восточные провинции Китая,региональная политика Китая, Дальний Восток России, экономическое взаимодействие, приграничное сотрудничество, региональная идентичность.

Авторы: Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой «История и архивоведение» ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет». E-mail: petrunina71@bk.ru.

Шушарина Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация» ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет». E-mail: galinalmk@yandex.ru.

В реалиях современных международных отношений Азиатско-Тихоокеанский регион оказывает все большее влияние на мировой порядок, сохраняя в условиях обострившейся международной турбулентности относительную стабильность. На протяжении почти четверти века Китай и Россия смогли вывести отношения на уровень всеобъемлющего партнерства и стратегического сотрудничества, придерживаясь по многим международным вопросам близких позиций. Политика КНР в отношении РФ логически встраивается в проводимый руководством Китая двуединый курс — «приветствовать у себя» (请进来) и «идти вовне» (走出去)[1] и способствует достижению задач, поставленных на XIX съезде КПК (18—24 октября 2017 г.) — к 2021 г. (столетний юбилей КПК) построить «общество среднего достатка», освободившись от бедности, а к 2049 г. (столетие КНР) — превратить Китай в современное, высококультурное, модернизированное социалистическое государство.

В развитии двусторонних отношений с Россией особое место Китай отводит российскому Дальнему Востоку. Для придания импульса региональному сотрудничеству между КНР и РФ в 2009 г. была подписана «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009—2018 гг.)», которая должна была качественно изменить характер российско-китайского регионального взаимодействия.

Программа получила разные (почти полярные) оценки в китайском и российском экспертных сообществах. В среде китайских специалистов Программа была воспринята положительно. За 40 лет политики реформ и открытости экономика КНР достигла высоких результатов. Однако экономическое отставание северо-восточных провинций Китая (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян) от других провинций КНР, начавшееся с 1970-х годов, когда в рамках реформ Дэн Сяопина был сделан акцент на развитие приморских территорий, так и сохраняется. Чтобы устранить диспропорцию и ускорить экономическое развитиеэтой части страны, правительство КНР предложило продвигать стратегию возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае. Основные стратегические задачи и направления развития Северо-Востока страны были зафиксированы в нескольких документах («Мнения ЦК КПК и Госсовета относительно реализации стратегии возрождения Северо-Востока и других старых промышленных баз» (2003 г.), раздел плана социально-экономического развития КНР на 11-ю пятилетку «Реконструкция старой промышленной базы СВК» (2006 г.), «План возрождения Северо-Восточного Китая» (2007 г.), «План возрождения Северо-Восточного Китая на 12-ю пятилетку» (2012 г.)). По мнению директора Исследовательского центра региональной экономической интеграции и Шанхайской организации сотрудничества Финансово-экономического университета Дунбэя доктора экономики Го Ляньчэна, определенная в Программе политика должна была способствовать развитию и российского Дальнего Востока[2]. В числе рисков для России отечественными учеными были отмечены явно выраженное стремление Китая иметь доступ к дальневосточным сырьевым ресурсам, активизацию китайской миграции в РФ, развитие промышленных кластеров на Северо-Востоке Китая при одновременном торможении технологического развития российского Дальнего Востока[3].

За первые шесть лет действия Программы Китай реализовал 111 проектов, направленных на разработку и внедрение передовых технологий в основные отрасли тяжелой, перерабатывающей и легкой промышленности, создание передовой технологической базы. Россией за этот же период было реализовано 89 проектов, касающихся преимущественно добычи и экспорта сырья. Наряду с традиционными областями сотрудничества (сырьевой сектор, транспортные коммуникации, лесная отрасль, сельское хозяйство) Программа предусматривала создание 7 парков научно-технического сотрудничества (4 — на территории северо-восточных провинций; 3 — на территории Дальнего Востока России).

Включаясь в совместную работу по развитию научно-технического сотрудничества,китайское руководство надеялось активизировать социально-экономическую жизнь на Северо-Востоке страны, привлечь инвестиции (как российские,

так и из развитых китайских провинций) в крупные совместные проекты. В свою очередь РФ рассчитывала изменить товарную структуру экспорта российской продукции в Китай, повысив долю высокотехнологичной продукции. Однако ожидаемого прорыва, на который рассчитывала каждая из сторон, ни на Северо-Востоке Китая, ни на Дальнем Востоке России не произошло.

За время действия Программы Китаем реализовывались проекты, которые к сентябрю 2009 г. уже находились в стадии осуществления; не удалось увеличить объем иностранных инвестиций в развитие региона, инвестиционная активность была обеспечена преимущественно собственными силами, а с 2010 г. объем иностранных инвестиций стал неуклонно снижаться при наличии более выгодных предложений в других регионах Китая[4]. Оказались незаметны и масштабы российско-китайского научно-технического сотрудничества в регионе. По данным Минэкономразвития России, к концу 2014 г. из заявленных к реализации 91 проекта на стадии реализации в восточных регионах РФ находились лишь 15, в том числе с участием китайских инвесторов — 11. Более 20 проектов предлагалось исключить из-за отказов инициаторов или инвесторов от их реализации и отсутствия интереса со стороны китайских инвесторов[5]. При этом только на территории Чанчуньского российско-китайского технологического парка (пров. Цзилинь) уже в 2009 г. были открыты комплексные инкубаторы, 2 завода, возведены 3 российско-китайские лаборатории и 3 совместные международные лаборатории, 2 зарубежных центра передачи технологий, получили развитие 23 научно-технических проекта сотрудничества провинций и городов страны, которые получили поддержку различных специальных фондов на сумму около 300 млн юаней[6]. Попытки Китая активизировать региональное научно-техническое взаимодействие оказались почти безрезультатными и актуализировали проблему недостаточной квалификации российских дальневосточных кадров, уровень которых в настоящее время значительно отстает от мирового, и в ближайшие годы, по всей вероятности, этот вопрос будет сложно решить.

В целом, на Северо-Востоке Китая сохранялись проблемы, схожие с проблемами российских дальневосточных территорий (недостаток инвестиций, экономическая рецессия). Программа несколько раз пересматривалась по инициативе российской стороны. Несмотря на изменения, в Программе не были предложены четкие механизмы ее реализации, а сам документ являл собой комплекс разрозненных мероприятий, которые так и не привели к реальному экономическому прорыву периферийных районов Китая и дальневосточных территорий России. Китай традиционно рассматривал Дальний Восток России лишь в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Требовались новые идеи и механизмы их реализации для установления равноправного диалога на региональном уровне.

К моменту окончания действия Программы стороны осознавали необходимость продолжения работы по развитию сотрудничества периферийных районов. В сентябре 2018 г. на Восточном экономическом форуме (г. Владивосток) была подписана «Программа развития российско-китайского сотрудничества в *торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018—2024 годы». Принятая Программа отличается от предыдущей, предполагавшей развитие Северо-Востока Китая и Дальнего Востока и Восточной Сибири России в рамках одного региона. Новый документ был подписан уже не лидерами КНР и РФ, а министром коммерции КНР Чжун Шанем и министром по развитию Дальнего Востока России* А.Козловым, что свидетельствует о ее ведомственном, а не межгосударственном уровне. Кроме того, в новом документе Китай уже не рассматривает Россию в качестве инвестора в развитие китайских приграничных территорий.

В новой Программе оговорены льготы для китайских инвесторов на Дальнем Востоке России, определены семь основных направлений взаимодействия. Наряду с развитием транспортных коридоров, строительством трансграничных мостовых переходов, особое внимание уделяется вопросам аграрного освоения китайцами российского Дальнего Востока.

В августе 2018 г. инвестиционный директор Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта В. Дубровский заявил, что Россия готова предоставить на Дальнем Востоке еще 1 млн га пахотной земли иностранным инвесторам. Для Китая включение в этот проект может стать одним из способов решения проблем, связанных с сокращением закупок американской сои в условиях развернувшейся торговой войны между КНРи США. Сами китайцы полагают, что их работа на российских дальневосточных полях будет компенсировать нехватку рабочей силы, катализировать всестороннее развитие Дальнего Востока РФ. Одновременно в Китае отмечают препятствия для активной работы китайских сельскохозяйственных организаций на дальневосточных землях: отсутствие доверия к китайским аграриям в российском обществе; устоявшиеся стереотипы о методах эксплуатации земельных угодий, приводящих к полному истощению земли на долгие годы; конкуренция с местными производителями, которые уже заняли лучшие участки земли[7].

В последние годы стала заметна тенденция сокращения китайских мигрантов в РФ (по данным Росстата в 2014 г. количество прибывших из КНР в РФ составило 10 563 человек, а в 2017 г. — 8237 человек, а количество выбывших в 2014 г. составило 8607 человек, а в 2017 г. — 7600 человек)[8]. Однако в общественном мнении дальневосточников сохраняется отрицательное отношение к жителям Поднебесной, а российские средства массовой информации продолжают пестреть заголовками об «оккупации» Дальнего Востока китайцами («вторжении», «колонизации», «захвате», «ползучей экспансии»).

Негативное отношение к Китаю демонстрируется в кругах российских либерально настроенных политиков и экономистов, полагающих, что развитием Дальнего Востока России должны заниматься граждане России, а не КНР[9]. По их мнению, главная угроза состоит не столько в заселении российских территорий представителями другой страны, сколько в значительном изменении демографического баланса в пользу китайцев, и как следствие, возникновении территориальных и политических требований к России. Подобное понимание угрозы строится на исторических притязаниях Китая к дальневосточным территориям, отторгнутых Россией по двусторонним соглашениям XIX века, на претензиях КНР к островам в месте слияния рек Уссури и Амура.

Увеличение китайцев на Дальнем Востоке России вызывает протестные настроения жителей региона, выражающиеся в проведении митингов и различных акций. Дальневосточников раздражает успешность китайцев, их способность много и тяжело работать, терпимость к низкому уровню сервиса и инфраструктуры. На отрицательном восприятии китайцев русскими сказываются различия в культуре обеих стран, недовольство вызывают манеры китайцев, их привычки и потребительское отношение к тому месту, где они пребывают, отсутствие культуры поведения в русском понимании. В российских небольших поселениях, где уровень жизни местного населения депрессивный, возмущает высокий уровень доходов китайцев, особенно тот факт, что они готовы приобретать земли по завышенным ценам, недешёвые по стоимости аутентичные товары. Местные жители видят в увеличении количества китайцев угрозу российской идентичности, так как происходит вынужденная культурная ассимиляция, которая проявляется в виде межнациональных браков, увеличении желающих изучать китайский язык, древние китайские учения и философию, пристрастии к китайской еде и т. п. Историческая память на события, которые имели место в отношениях России и Китая, также создает тревожный фон общественного мнения на российском Дальнем Востоке.

Несмотря на принятые и принимаемые документы и программы, Китай в основном продолжает эксплуатацию природных богатств российского Дальнего Востока, практически оставив попытки расширить взаимодействие в других направлениях. Наталкиваясь на бюрократические препоны, неподготовленность дальневосточных кадров к реализации новых технологий, недовольство российского населения, которое не видит положительных изменений в своей жизни в случае увеличения количества китайцев в регионе и воспринимает жителей КНР в качестве угрозы безопасности страны, политики и бизнесмены КНР ведут диалог с российской дальневосточной бизнес-элитой традиционным способом, постепенно теряя интерес к Дальнему Востоку России как к региону, имеющему потенциал для всестороннего развития.

Библиографический список

1. В Чанчуне открылся китайско-российский научно-технологический парк // Жэньминь жибао on-line. 19.08.2009. URL: http://russian.people.com.cn/31517/6733103.html (дата обращения: 09.04.2019).

2. *Квасова Е.В., Сунь Юаньюе.* Место и роль северо-восточных провинций в экономическом развитии современного Китая // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4 (27). С. 55—61.

3. *Муратшина К.Г.* Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски //Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С.110—120.

4. О ходе реализации в 2014 г. Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года //Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/monitoring/20160115798 (дата обращения: 09.04.2019).

5. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 09.04.2019).

6. *Хидэаки Сакамото*. «Украденные территории»: проникновение китайцев на Дальний Восток России // Россия сегодня. 07.10.2016. URL: https://inosmi.ru/social/20161007/237989535.html (дата обращения: 09.04.2019).

7. Russia offe.5 million acres of land to Chinese farmers, but will it ease Beijing's soybean shortage? // South China Morning Post. 15.08.2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2159713/russia-offers-25-million-acres-land-chinese-farmers (дата обращения: 09.04.2019).

8. *Xie Tao.* Chinese Foreign Policy With Xi Jinping Characteristics //Carnegie-Tsinghua. Center for global police. November 20, 2017. URL: https://carnegietsinghua.org/2017/11/20/chinese-foreign-policy-with-xi-jinping-characteristics-pub-74765 (дата обращения: 09.04.2019).

9. 俄东部开发与中国东北经济振兴、有效对接和互动发展提供新机遇. [Новые возможности развития Восточной России и возрождение экономики Северо-Восточного Китая, эффективное взаимодействие и интерактивное развитие]. URL:http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/32966.shtml (обращения: 09.04.2019).

References

1. V CHanchune otkrylsya kitaysko-rossiyskiy nauchno-tekhnologicheskiy park [Chinese-Russian Science and Technology Park opened in Changchun] // The People's Daily on-line. 19.08.2009. URL: http://russian.people.com.cn/31517/6733103.html (accessed 09.04.2019).

2. *Kvasova E.V., Sun' YUan'yuye.* Mestoirol' severo-vostochnykhprovintsiy v ekonomicheskomrazvitiisovremennogoKitaya [Place and role of northeastern provinces in the economic development of modern China] // TSU Science vector. Series: Economics and Management. 2016. № 4 (27). P. 55—61.

3. *Muratshina K.G.* Programma sotrudnichestva regionov Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR na 2009—2018 gg. V rossiysko-kitayskom trans-granichnom

vzaimodeystvii: znacheniye, evolyutsiya, riski [The program of cooperation between the Far East regions and Eastern Siberia of the Russian Federation and the North-Eastern China over 2009—2018. in the Russian-Chinese transboundary interaction: significance, evolution, risks] // Bulletin of Tomsk State University. 2017. № 417. P.110—120.

4. O khoderealizatsii v 2014 g. Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'-nego Vostokai Baykal'skogo regiona na period do 2025 goda [On the course of implementation in 2014 of the Strategy for the socio-economic development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/monitoring/20160115798 (accessed 09.04.2019).

5. Rosstat. [Rosstat]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 09.04.2019).

6. *KHideaki Sakamoto.* «Ukradennyye territorii»: proniknoveniye kitaytsev na Dal'-niyVostokRossii ["Stolen Territories": Chinese penetration into the Far East of Russia] // Russia today. 07.10.2016. URL: https://inosmi.ru/social/20161007/237989535.html (accessed 09.04.2019).

7. Russia offe.5 million acres of land to Chinese farmers, but will it ease Beijing's soybean shortage? // South China Morning Post. 15. 08. 2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2159713/russia-offers-25-million-acres-land-chinese-farmers (accessed 09.04.2019).

8. Xie Tao. Chinese Foreign Policy With Xi Jinping Characteristics // Carnegie-Tsinghua. Center for global police. November 20, 2017. URL: https://carnegietsinghua.org/2017/11/20/chinese-foreign-policy-with-xi-jinping-characteristics-pub-74765 (accessed 09.04.2019).

9. 俄东部开发与中国东北经济振兴、有效对接和互动发展提供新机遇. [New opportunities for the development of Eastern Russia and the revival of the economy of Northeast China, effective interaction and interactive development]. URL: http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/32966.shtml (accessed 09.04.2019).

Примечания

[1] *Xie Tao*. Chinese Foreign Policy With Xi Jinping Characteristics // Carnegie-Tsinghua. Center for global police. November 20, 2017. URL: https://carnegietsinghua.org/2017/11/20/chinese-foreign-policy-with-xi-jinping-characteristics-pub-74765 (дата обращения: 09.04.2019).

[2] 俄东部开发与中国东北经济振兴、有效对接和互动发展提供新机遇. [Новые возможности развития Восточной России и возрождение экономики Северо-Восточного Китая, эффективное взаимодействие и интерактивное развитие] URL: http://www.chinaru.info/zhongejmyw/jingmaotegao/32966.shtml (дата обращения: 09.04.2019).

[3] Подр. см.: *Муратшина К.Г.* Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 110—120.

[4] *Квасова Е.В., Сунь Юаньюе*. Место и роль северо-восточных провинций в экономическом развитии современного Китая // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 4 (27). С. 57.

[5] О ходе реализации в 2014 г. Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/monitoring/20160115798 (дата обращения: 09.04.2019).

[6] В Чанчуне открылся китайско-российский научно-технологический парк // Жэньминь жибао on-line. 19.08.2009. URL: http://russian.people.com.cn/31517/6733103.html (дата обращения: 09.04.2019).

[7] *Sarah Zheng*. Russia offers 2.5 million acres of land to Chinese farmers, but will it ease Beijing's soybean shortage? //South China Morning Post. 15. 08. 2018. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2159713/russia-offers-25-million-acres-land-chinese-farmers (дата обращения: 09.04.2019).

[8] Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 09.04.2019).

[9] *Хидэаки Сакамото*. «Украденные территории»: проникновение китайцев на Дальний Восток России // Россия сегодня. 07.10.2016. URL: https://inosmi.ru/social/20161007/237989535.html (дата обращения: 09.04.2019).

В.С. Морозова,
ЗабГУ (г. Чита),
НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург),
д. филос. н., доцент
К.С. Дубровская,
ЗабГУ (г. Чита),
аспирант

ПРИГРАНИЧНЫЙ ВЕКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Аннотация. В статье авторы акцентируют внимание на том, что в практике современной российской и китайской научной мысли в основном исследуются вопросы обеспечения национальной безопасности, оставляя в стороне вопросы социокультурной безопасности. Приграничное сотрудничество в данном контексте рассматривается не только как стимул соразвития, но и как особое направление межрегионального взаимодействия, в том числе в контексте реализации перекрестных годов межрегионального сотрудничества РФ—КНР (2018—2019). Рассмотрены вопросы обеспечения социокультурной безопасности российско-китайского приграничья, которые авторы определяют как предмет философской рефлексии. Особенности понятия «социокультурная безопасность» в российском и китайском научном дискурсе коррелируют со спецификой китайских научных школ по использованию понятия «культурная безопасность» как имеющего схожие характеристики с понятием безопасности

социокультурной. На основе работ российских и китайских авторов выделяются различия и находятся общие черты в понимании феномена приграничной социокультурной безопасности. Исторический генезис формирования социокультурных приграничных пространств России и Китая описан как двусторонний процесс. Сделан акцент на формировании «приграничного оборонительного идеологического рубежа» со стороны китайского приграничья как неотъемлемого элемента обеспечения его социокультурной безопасности, позволяющего обеспечить высокую степень доверия к китайской культуре и обозначить способности зарубежной культуры атаковать и дискредитировать ресурсы традиционной культуры Китая.

Рассмотрены основные направления исторической трансляции культурных элементов в российско-китайском приграничье (формирование региональных культур), а также предложены рекомендации по современной институализации этого процесса. Проанализирована культурная политика России и Китая в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия, и сделан вывод о внедрении специальной социокультурной политики в развитие северо-восточных приграничных районов Китая. Дано обоснование значимости включения образовательного компонента как ресурса «мягкой силы» в процесс обеспечения социокультурной безопасности приграничья, а также установлены основания для дополнения стратегии социально-экономического развития приграничных регионов РФ—КНР задачами социокультурного соразвития.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, российско-китайское приграничье, идентичность, межкультурное взаимодействие, региональная культура, «мягкая сила», «центральный приграничный регион», «приграничный оборонительный идеологический рубеж».

Авторы: Морозова Валентина Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета, приглашенный профессор департамента востоковедения и африканистики научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). E-mail: morozova1550@mail.ru;

Дубровская Кристина Сергеевна, аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета. E-mail: hatkova @inbox.ru.

Сегодня активизация глобализационных процессов все больше заставляет обратить внимание ученых на вопросы сохранения культур и цивилизаций как основы обеспечения стабильной (безопасной) жизнедеятельности государства. В настоящее время социокультурная безопасность определяется не только внутренним потенциалом контактирующих культур, но и особенностями взаимодействия государств на глобальном и региональном уровне. Приграничное сотрудничество в данном контексте рассматривается не только как стимул соразвития,

но и как особое направление межрегионального взаимодействия (аккумулирующего сферу политики, экономики, культуры), требующего серьезного контроля в контексте обеспечения социокультурной безопасности.

Коммуникативные практики двух цивилизационных типов, исторически испытавшие на себе в российско-китайском приграничье периоды конфронтации, соперничества, дружбы, сегодня функционируют в пространстве взаимодействия двух великих цивилизаций, не имеющего четких географических и иных границ, что делает вопрос исследования сохранения его социокультурной безопасности не только актуальным, но и достаточно дискуссионным. Следует отметить, что в практике современной российской и китайской научной мысли, по сравнению с вопросами обеспечения национальной безопасности, вопросы социокультурной безопасности освещены крайне скудно. Они редко выступают предметом философского дискурса, тем самым обусловливая дополнительную актуальность данной работы.

При отсутствии единого определения понятия «социокультурная безопасность» как российские, так и китайские исследователи говорят о важности теоретического осмысления и выработки методологической базы исследования специфики взаимодействия культур в пространстве приграничья с акцентом на сохранении их уникальности. Российские региональные научные школы по исследованию феномена социокультурной безопасности приграничья представлены работами Н.А. Абрамовой, М.Н. Фоминой, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, В.С. Морозовой, К.А. Стародубцевой, А.В. Жуковаи др.[1] Отдельно стоит отметить китайских исследователей, уделивших большое внимание проблемам соразвития культур в приграничном пространстве РФ—КНР — Ли Пин, Янь Шуфан, Чжоу Юй, Сунь Янь и др.[2]

Китайские научные школы в основном используют понятие «культурная безопасность» как имеющее схожие характеристики с понятием безопасности социокультурной. Так, китайский исследователь Тянь Вэньлинь считает, что для Китая принципиально важно сохранение существующей идеологии и в этом контексте невмешательство иностранных культур в духовную сферу китайского общества составляет основу его социокультурной безопасности. Также особое внимание уделяется влиянию ценностей Запада на развитие культуры современного Китая, их проникновению в традиционное ядро китайского общества и, соответственно, оказывающих прямое воздействие на социокультурную безопасность государства. Китайские авторы рассматривают социокультурную безопасность как безопасность «нетрадиционного типа», подчеркивая тем не менее важность культурного строительства в приграничье как искусство политической инженерии, которая должна иметь поэтапное историческое планирование и целенаправленно, систематически развиваться в рамках макростратегии национального управления[3].

Сегодня для осмысления всей специфики приграничного вектора социокультурной безопасности Китая становится очевидным необходимость философской рефлексии особенностей исторического генезиса социокультурных пространств российско-китайского приграничья. Суть вопроса о социокультурной безопасности китайского приграничья заключается в понимании самого феномена границы, в разные исторические периоды наполнявшегося разными смыслами: от концепции форпоста в годы почти открытого противостояния двух держав до сегодняшнего места пересечения социокультурных практик в условиях всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран. Последнее позволяет региональным культурам приграничных территорий выйти на исключительно новый этап установления связей с другой стороной границы. Именно здесь происходит тесное соприкосновение культур, что, отчасти, способствует их трансформации и даже ассимиляции ряда культурных элементов, что дает возможность представить приграничный регион как трансляционное пространство ценностей национальной культуры.

Китайский исследователь диалога культур в российско-китайском приграничье Сунь Янь выделяет два исторических направления распространения русской культуры (культурной трансляции) на территории Китая:

- китайскими эмигрантами, которые в 90-х годах XIX в. переселялись в Россию. Некоторые эмигранты использовали морские пути и в результате определяли Владивосток в качестве нового места жительства, дав ему специфический этноним 海参威 — «бухта трепанга». Так, в 1900 г., согласно статистическим данным, число представителей китайской нации в г. Владивосток составило 36 700 человек;
- российскими мигрантами, большинство которых обосновалось на северо-востоке Китая. Сердцем распространения русской культуры в северо-восточных регионах был г. Харбин (哈尔滨), который гармонично сочетал многие элементы русской культуры, обычаи, архитектурные особенности, пищевые привычки, предпочтения в одежде с китайскими устоями[4].

В то время Китай, судя по всему, не задумывался о влиянии русской культуры на свои территории, даже несмотря на тот факт, что оба города были основаны русскими, и с конца XIX — начала XX века влияние русской культуры проявлялось практически во всех сферах китайской приграничной действительности — от сферы образования до элементов городской архитектуры и быта. В то время элементы русской культуры гармонично интегрировались в китайское социокультурное пространство и придавали его генезису новые культурные характеристики. Данная ситуация привела к изменению системы культурных ценностей жителей китайского приграничья и заставила китайское руководство задуматься о социокультурной безопасности региона и иначе взглянуть на процессы взаимопроникновения культур.

В настоящее время Китай обращает внимание на тот факт, например, что дискурс китайских и российских СМИ по теме межкультурного взаимодействия, во-первых, крайне неоднороден, во-вторых, с трудом поддается сравнению. Так, имея большие возможности по освещению путей развития китайской культуры, российские СМИ предпочитают все же вести беседы на политические и экономические темы (первое и, соответственно, второе место в топе популярных), чем сильно отличаются от своих китайских коллег. Даже в контексте 2016—2017 гг. перекрестных обменов между СМИ РФ и КНР ситуация не изменилась. Количество новостных сообщений, сколько-нибудь связанных с культурной составляющей, не превышала 5 % от общего годового количества новостных сообщений о Китае. И хотя эти материалы имеют исключительно положительный оттенок (в основном знакомя читателя с традиционной китайской культурой, участием Китая в международных культурных обменах) — все же их количество ничтожно мало[5].

Между тем в китайских публикациях можно встретить наименование российско-китайского приграничья как «центрального приграничного региона», где глубоко интегрированы не только экономические, но и гуманитарные, в том числе культурные, связи, накоплен богатейший опыт межкультурного сотрудничества. Ряд городов Автономного района Внутренней Монголии, провинций Хэйлунцзян и Цзилинь стали городами-побратимами с соседними российскими городами, создав тем самым прочные региональные механизмы сотрудничества. В условиях подобной ресурсной интеграции расширяются и каналы китайско-российских культурных обменов, создается так называемый особый приграничный культурный регион[6].

Будучи озабоченным вопросами взаимодействия региональных культур в приграничье, Китай активно использует преимущества приграничного региона и осуществляет продуманную культурную политику. Вследствие этого китайское приграничье характеризуется динамичным «культурным строительством» с активным включением некоторых элементов русской культуры в региональные практики социокультурного развития приграничных территорий[7]. Политика сохранения социокультурной безопасности коррелирует с усилением влияния китайской «мягкой силы» наряду с активным исследованием китайскими учеными «мягкой силы» России. Так, становление и развитие политики «мягкой силы» Российской Федерации является относительно новой областью исследований и актуальной темой в области международной политики и международного дискурса.

Представитель Института изучения России и Восточной Европы Академии общественных наук Китая Сюй Хуа, говорит, что в ходе реализации политики «мягкой силы» Россия не только активно учится у западных стран, но и в полной мере использует уникальные ресурсы культуры, языка и харизмы руково-

дства с целью расширения каналов международного взаимодействия, увеличения влияния в сфере международного общественного мнения и активного участия в процессах формирования имиджа страны на мировой арене. Рейтинговые показатели России среди индексов «мягкой силы» других государств также заставляют задуматься. Portland Communications — Soft Power 30 Ran-king — индекс «мягкой силы» государств, основанный на анализе 6 субиндексов (управление, культура, глобальное взаимодействие, образование, цифровой субиндекс, субиндекс предприятий) ставит Россию на 26-ю позицию, в то время как лидером 2017 г. стала Франция, а Китай в данном рейтинге занял 25-е место[8], что говорит об активном противостоянии РФ—КНР в процессе взаимовлияния культурных ресурсов и пока оставляет призовое место за Китаем.

Интересна связь обеспечения социокультурной безопасности китайского приграничья с вопросами сохранения идентичности его жителей. В работах китайских авторов можно встретить «призыв» к формированию так называемого 边疆思想防线 — своеобразного «приграничного оборонительного идеологического рубежа»[9] по защите социокультурной безопасности китайского приграничья, которое выступает не только важной составной частью обеспечения национальной безопасности страны, но и неотъемлемым элементом обеспечения ее культурной безопасности. Данный барьер решит основную задачу — выстроит отношения между китайской культурой и зарубежной культурой таким образом, что приграничное население Китая вернется к осознанию и проявлению высокой степени доверия к китайской культуре и научится анализировать способности зарубежной культуры атаковать и дискредитировать ресурсы традиционной культуры Китая.

Установление вышеуказанного барьера требует от китайского руководства усилий по продвижению образовательного ресурса в сфере культуры на приграничных территориях с максимальным акцентом на школьном образовании (в аспектах истории китайской культуры, ее традиций и ценностных основ, идеалов и т. п.). В связи с этим сегодня ускоряется внедрение специальной социокультурной политики в развитии северо-восточных приграничных районов[10] с учетом их уникальных характеристик — наличием заимствованных культурных явлений, готовностью к культурному взаимодействию, некоторой общностью мировоззренческих установок населения, обусловленных непосредственной близостью к государственной границе[11].

О роли образования в обеспечении социокультурной безопасности говорит и председатель КНР Си Цзиньпин, акцентируя внимание на усилении идеологической работы в этом направлении. Основной фронт этой работы должен быть сосредоточен на представителях современной молодежи, которая в процессе обучения в колледжах и университетах зачастую впитывает западные ценности.

«Ценности социализма — основная гарантия обеспечения национальной культурной безопасности», — резюмирует он[12].

Сегодня также можно говорить об укреплении региональной культуры северо-востока Китая. Однако формирование этого типа культуры происходит крайне медленно. Это своеобразная «невидимая битва», для победы в которой необходимо время, ресурс которого постепенно меняет идеологию населения. С 2003 г. Северо-Восточный регион Китая активно возрождает старые промышленные базы, надеясь на новый экономический бум, а вместе с ним и возможность формирования новой культуры региона. Если говорить о конкретных практиках, то китайские исследователи выделяют следующие из них:

— укрепление внутренних движущих сил общества (развитие сферы туризма и привлечение большего количества соотечественников для ознакомления с региональным культурным потенциалом);

— ориентация на потребности людей, улучшение социальных инноваций и формирование благоприятной среды для развития (以人为本[концепция «человек в основе всего»] — увеличение государственной поддержки талантов: предоставление жилья и дополнительных субсидий в целях закрепления молодежи в регионе)[13].

В целом, управление приграничным регионом становится для Китая все более важной повесткой. Это связано, прежде всего, с переосмыслением самого онтологического смысла приграничья, которое, опираясь на свои преимущества и особенности, в условиях развития и открытости становится территорией активной культурной интеграции. Одно из главных преимуществ северо-востока Китая — это возможность совместного с российским приграничьем культурного строительства и управление его социокультурной безопасностью на основе долгосрочного и стабильного процветания и развития. В условиях выхода отношений РФ—КНР на современный этап всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия становится очевиден факт активизации процессов соразвития социокультурных пространств России и Китая, в том числе в контексте реализации перекрестных годов межрегионального сотрудничества (2018—2019). Развитие приграничного взаимодействия России и Китая в исторической ретроспективе показывает на социокультурную составляющую как его неотъемлемую часть.

Таким образом, обеспечение социокультурной безопасности приграничья не является процессом односторонним. Так, интеграция элементов русской культуры в китайское приграничье осуществлялась при помощи закрепления новых элементов именно китайским населением. Китайские же элементы культуры закреплялись в российском приграничье русским населением. Причем происходило все примерно в схожих направлениях. Поэтому можно утверждать,

что обе части приграничья сохранили свою региональную идентичность, но степень ее сохранения по разные стороны границы неодинакова.

Активизация межкультурного взаимодействия в российско-китайском приграничье указывает на возможность угрозы его социокультурной безопасности, что требует от руководств обеих стран не только мер по сохранению региональной социокультурной идентичности, но и мер по дополнению стратегии социально-экономического развития приграничных регионов задачами социокультурного соразвития. Вместе с тем также необходимо обратить внимание на следующие ключевые моменты:

— мониторинг и прогнозирование процессов возможной социокультурной трансформации приграничных пространств;

— совершенствование инструментов «мягкой силы»;

— создание прочной и стабильной финансовой базы для развития и продвижения образовательных ресурсов.

Все это, безусловно, повысит эффективность обеспечения социокультурной безопасности приграничья и станет стимулом для активизации процессов соразвития приграничных территорий России и Китая.

Библиографический список

1. The Soft Power 30. URL: https://softpower30.com/country/russian-federation/

2. 郭镇之 (Го Чжэньчжи). 跨文化交流与研究. (Исследование кросскультурного взаимодействия). Бэйцзин: Бэйцзин гуанбо сюэюань чубаньшэ, 2004.

3. Китайский регионализм как фактор модернизации: коллективная монография / Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондакова. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017.

4. 刘永刚 (Лю Юнган). 中国边疆治理中的文化建设论纲. (Тезисы культурного строительства в контексте управления приграничными территориями Китая) // Юньнань синчжэн сюэюань сюэбао. 2018. № 5.

5. *Морозова В.С.* Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д. филос. наук: 09.00.13. Чита: ЗабГУ, 2013.

6. *Сунь Янь.* Русская культура в исследованиях китайских ученых // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2016. Т.11. № 2.

7. 唐晓英 (Тан Сяоин). 东北边疆治理视域下的中华文化认同研究. (Исследование культурной идентичности Китая в рамках управления северо-восточной границей) // Цицихаэр дасюэ сюэбао. 2018. № 1.

8. 陶晴 (Тао Цин). 边疆地区中华文化认同研究. (Исследования китайской культурной идентичности на приграничных территориях) // Хуайхуа сюэюань сюэбао. 2018. № 37 (8). С. 4.

9. 金伟 (Цзинь Вэй), 杨泽 (Ян Цзэ). 国家文化安全研究新进展. (Новый виток в развитии исследований по национальной культурной безопасности)// Вэньхуа жуаньшили яньцзю. 2018. № 3.

10. 姜琦 (Цзян Ци). 俄罗斯重新崛起. (Возрождение России). Шанхай: Шанхай вайюй цзяоюй чубаньшэ, 2006.

11. 赵阳 (Чжао Ян), 牟文强 (Му Вэньцян). 区域文化对东北经济的影响与对策研究. (Исследование влияния региональной культуры на экономику северо-востока Китая и ответные меры) // Дунбэйя цзинцзи яньцзю. 2018. № 6.

12. *Янь Шуфан.* Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита: ЗабГУ, 2011.

References

1. The Soft Power 30 [Electronic resource]. URL: https://softpower30.com/country/russian-federation/

2. 郭镇之 (Guo Zhenzhi). (跨文化交流与研究). [Intercultural communication and research]. Beijing: Beijing guangbo xueyuan chubanshe, 2004.

3. Kitayskiy regionalism kak factor modernizatsii: kollektivnaya monografiya [Chinese regionalism as a factor of modernization] / D.V. Sukharev, M.N. Fomina, O.A. Borisenko, T.V. Bernyukevich, N.S. Kondakova. M.: Izdatel'skiy dom Akademii Estestvoznaniya, 2017.

4. 刘永刚 (Liu Yonggang). (中国边疆治理中的文化建设论纲). [Abstracts of cultural construction in the context of managing the border areas of China] // Yunnan xingzheng xueyuan xuebao. 2018. № 5.

5. *Morozova V.S.* Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyskogo I kitayskogo prigranich'ya [Regional culture in the sociocultural space of Russian and Chinese frontiers]: avtoref. dis. ... d-rafilos. nauk: 09.00.13. CHita: ZabGU, 2013.

6. Sun' YAn'. Russkaya kul'tura v issledovaniyakh kitayskikh uchenykh [Russian culture in the research of Chinese scientists] // Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya. 2016. T.11. № 2.

7. 唐晓英 (Tang Xiaoying). (东北边疆治理视域下的中华文化认同研究). [The study of cultural identity of China under the management of the north-eastern border] // Qiqihaer daxue xuebao. 2018. № 1.

8. 陶晴(Tao Qing). (边疆地区中华文化认同研究). [Studies of Chinese Cultural Identity in the Border Areas] // Huaihua xueyuan xuebao. 2018. № 37 (8).

9. 金伟 (Jin Wei), 杨泽 (Yang Ze). (国家文化安全研究新进展). [New progress in national cultural security research] // Wenhua ruanshili yanjiu. 2018. № 3.

10. 姜琦 (Jiang Qi). (俄罗斯重新崛起). [Russia re-emerges]. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe, 2006.

11. 赵阳 (Zhao Yang), 牟文强 (Mu Wenqiang). (区域文化对东北经济的影响与对策研究). [Research on regional culture on Northeastern economy influence and countermeasures] // Dongbeiya jingji yanjiu. 2018. № 6.

12. YAn' SHufan. Kul'turnyye industrii kak mekhanizm realizatsii tsennostnykh idey kitayskoy kul'tury [Cultural industries as a mechanism for realizing the value ideas of Chinese culture] :avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. CHita: ZabGU, 2011.

Примечания

[1] Китайский регионализм как фактор модернизации: коллективная монография / Д.В. Сухарев, М.Н. Фомина, О.А. Борисенко, Т.В. Бернюкевич, Н.С. Кондакова. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017.

[2] *Янь Шуфан.* Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Чита: ЗабГУ, 2011.

[3] 刘永刚 (Лю Юнган). 中国边疆治理中的文化建设论纲. (Тезисы культурного строительства в контексте управления приграничными территориями Китая) // Юньнань синчжэн сюэюань сюэбао. 2018. № 5.С. 34.

[4] *Сунь Янь.* Русская культура в исследованиях китайских ученых // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2016. Т. 11. № 2. С. 137—142.

[5] 郭镇之 (Го Чжэньчжи). 跨文化交流与研究 . (Исследование кросскультурного взаимодействия). Бэйцзин: Бэйцзин гуанбо сюэюань чубаньшэ, 2004.

[6] 姜琦 (Цзян Ци). 俄罗斯重新崛起. (Возрождение России). Шанхай: Шанхай вайюй цзяоюй чубаньшэ, 2006.

[7] *Морозова В.С*. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д. филос. наук: 09.00.13. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 3.

[8] The Soft Power 30 [Electronic resource]. URL: https://softpower30.com/country/russian-federation/

[9] Тао Цин. 边疆地区中华文化认同研究 (Исследования китайской культурной идентичности на приграничных территориях // Хуайхуа сюэюань сюэбао. 2018. № 37 (8). С. 4.

[10] 唐晓英 (Тан Сяоин). 东北边疆治理视域下的中华文化认同研究. (Исследование культурной идентичности Китая в рамках управления северо-восточной границей) // Цицихаэр дасюэ сюэбао. 2018. № 1. С. 46.

[11] *Морозова В.С*. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис. ... д. филос. наук: 09.00.13. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 3.

[12] 金伟 (Цзинь Вэй), 杨泽 (Ян Цзэ)国家文化安全研究新进展 (Новый виток в развитии исследований по национальной культурной безопасности) // Вэньхуа жуаньшили яньцзю. 2018. № 3.С. 49—57.

[13] 赵阳 (Чжао Ян), 牟文强 (Му Вэньцян). 区域文化对东北经济的影响与对策研究 (Исследование влияния региональной культуры на экономику северо-востока Китая и ответные меры) // Дунбэйя цзинцзи яньцзю. 2018. № 6.С. 84—90.

Тянь Е,
аспирантка РУДН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КНР С РЕСПУБЛИКОЙ КАЗАХСТАН

Аннотация. Рассмотрены экономические отношения Китайской Народной Республики и Республики Казахстан. В 2019 г. отмечается 27 лет с момента установления официальных дипломатических отношений между КНР и Республикой Казахстан. За 27 лет двусторонние отношения прошли огромный путь развития. Правительства двух стран активно содействовали установлению всеобъемлющего стратегического партнерства, были созданы благоприятные условия и многоуровневые механизмы взаимодействия между главами государств, подписан ряд важных двусторонних официальных документов, охватывающих различные сферы сотрудничества. Обе страны прилагают значительные усилия и совместно содействуют реализации инициативы «Один пояс, один путь», развитию евразийского сотрудничества, сопряжению «Экономического пояса Шелкового Пути» и казахстанской экономической программы «Нурлыжол» (Светлый путь), сохранению стратегической безопасности и стабильности в Центральной Азии и в мире в рамках ряда международных и региональных организаций. В отношениях КНР и Казахстана за 27 лет были достигнуты значительные успехи, особенно в области экономического сотрудничества. В настоящий время Китай является вторым по величине торговым партнером Казахстана и пятым крупнейшим инвестором в Казахстане.

Актуальность статьи обусловлена углублением экономического взаимодействия Китая и Казахстана, являющегося красноречивым примером подлинного добрососедства в условиях глобализации мировой экономики. Рассмотрен исторический процесс развития экономических отношений двух стран, дан обзор и обобщение основных аспектов экономического сотрудничества Китая и Казахстана на современном

этапе, а также анализ проблем и перспектив экономического сотрудничества государств. Предметом исследования являются основные аспекты экономического сотрудничества государств. В качестве методологической базы было использовано два метода — историко-хронологический и проблемно-хронологический, которые позволили изучить исторические процессы и конкретные аспекты взаимодействия двух стран. Сформулирован вывод о том, что китайско-казахстанские экономические отношения динамично развиваются, однако все таки существует ряд проблем, с которыми сталкиваются страны в процессе взаимодействия.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, «Экономический пояс Шелкового Пути» (ЭПШП), «Нурлы жол» (Светлый путь), экономическое сотрудничество, торговля, инвестиция, энергетика, транспорт, сельское хозяйство.

Автор: Тянь Е, аспирантка кафедры теории и истории международных отношений РУДН. E-mail: tinaa1792@mail.ru.

Республика Казахстан является ближайшим соседом Китайской Народной Республики. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 3 января 1992 г. С тех пор страны прошли огромный путь в развитии взаимодействия. За 27 лет двустороннее сотрудничество проявило себя в различных аспектах, таких, как политика, торговля и инвестиции, военное сотрудничество, безопасность, культура, образование и др. Сотрудничество между Китаем и Казахстаном также реализуется в рамках ряда международных и региональных организаций и государственных проектов, таких, как ШОС, БРИКС, Сопряжение китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (丝绸之路经济带) и казахстанской экономической программы «Нурлы жол» (Светлый путь). Китайско-казахстанские отношения характеризуются широким спектром сотрудничества, высокой динамикой контактов на высшем и высоком уровнях и прочной договорно-правовой базой. Это не только способствует обеспечению региональной безопасности, содействует мирному экономическому развитию, но и дает миру яркий пример подлинного добрососедства и взаимодействия.

В связи с этим изучение взаимодействия Китая и Казахстана по разных аспектам в настоящий момент вызывает немало внимания у исследователей в Китае, в Казахстане, а также в России и многих других странах Запада. Среди таких научных работ большую часть занимает исследование экономических отношений Китая и Казахстана. Это доказывает, что содействие развитию экономических отношений является одной из главных тем двустороннего сотрудничества. Председатель КНР Си Цзиньпин и первый президент РК Н.А. Назарбаев на многочисленных официальных встречах не раз обозначали экономическое сотрудничество как приоритетное направление двусторонних отношений.

Экономические отношения Китая и Казахстана имеют давнюю историю, начавшуюся еще с основания Великого Шелкового пути, который относится к периоду правления императора У-ди династии Хань (156 г. до н.э. — 87 г. до н.э.), когда китайский посол Чжан Цянь был отправлен на территорию современной Центральной Азии с дипломатической миссией. С развитием и расцветом Великого Шелкового пути, стали расширяться политические и экономические связи между китайцами и казахами. За тысячелетия территория, на которой жили и живут казахи и другие нации современной Центральной Азии, служила транспортным мостом между Китаем и Европой. Такие древние города, как Отрар, Сайрам, Тараз, Яссына на юге сегодняшнего Казахстана, были важными узами, связанными Великим Шелковым путем. Казахские торговцы везли в Китай в основном лошадей, верблюдов и меха, а из Китая поставлялись шелк, чай, оружие, рис, лекарства, фарфор и т. д.[1] Можно сказать, что Казахстан являлся и транзитной территорией для зарубежной торговли с Китаем.

Во второй половине XIX века, когда Центральная Азия вошла в состав Российской империи, торговые связи между китайцами и казахами стали уменьшаться. Экономические связи казахов и других наций данного региона стали замыкаться на Россию. Потом к началу XX века с падением Российской империи и основанием СССР (в состав которого входил и Казахстан) начался и новый этап экономических отношения китайцев и казахов. Китайско-казахские отношения, в особенности экономические, стали динамично развиваться вплоть до периода советско-китайского раскола, который начинается с конца 1950-х годов до конца 1980-х годов. Главным образом воплощается это была приграничная торговля между провинцией Синьцзян КНР и Казахской Советской Социалистической Республикой. КНР осуществляла многочисленные поставки на рынок Советского Союза продукции легкой промышленности и текстиля, торговцы из Синьцзяна закупали хлопчатобумажные ткани, спички, железные изделия, нефтепродукты и другие сырьевые ресурсы, производимые в Советском Союзе[2].

В 1986 г. Государственным советом Китая было принято решение о восстановлении торговых связей между СУАР КНР и СССР[3]. Так, постепенно восстановились экономические связи КНР с Казахской Советской Социалистической Республикой. После того, как распался СССР и Казахстан приобрел независимость в 1991 г., экономические связи с КНР вошли в новый этап исторического развития. Главным партнером в торговле, как прежде для Казахстана в Китае стал СУАР.

Китай и Казахстан за эти 27 лет придавали важное значение экономическому сотрудничеству в общих интересах. Между КНР и РК существует весьма развитая договорно-правовая база. Первые нормативно-правовые документы по экономическому сотрудничеству Китая и Казахстана, такие, как «Соглашение

между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики об открытии на территории Казахстана китайских магазинов» были подписаны сразу после официального установления дипломатических отношений между двумя странами[3]. Основой китайско-казахстанских торгово-экономических отношений является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой 2002 г.[4] Также существуют ряд главных официальных документов, таких, как «Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о создании Казахстанско-китайского комитета по сотрудничеству» 2004 г.[5], «Совместная декларация РК и КНР о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства» 2014 г.[6] и др. В настоящее время действует более 100 двусторонних договоров, соглашений, протоколов, деклараций и меморандумов и др. Такие нормативно-правовые документы охватывают широкий спектр взаимоотношений двух стран, все это заложило крепкую политическую основу для дальнейшего развития двусторонних отношений, в том числе экономического сотрудничества.

Не трудно заметить, что за 27 лет после установления официальных дипломатических отношений КНР с РК экономическое сотрудничество между Китаем и Казахстаном стремительно развивается, выделяются следующие главные направления: сотрудничество в сфере торговли, инвестиционное сотрудничество, энергетическое сотрудничество, транзитно-транспортное сотрудничество, сотрудничество в сфере сельского хозяйства, валютное сотрудничество.

Сотрудничество в сфере торговли

Китай является вторым по величине торговым партнером Казахстана. По данным Главного таможенного управления Китая, двусторонний товарооборот в 2018 г. составил 19,885 млрд долл., увеличившись на 10,47 % по сравнению с аналогичным периодом 2017 г., в том числе экспорт КНР в РК — 11,35 млрд долл. (−2,52 %), импорт КНР из РК — 8,535 млрд долл.(+34,26 %)[7]. Если сравнить с периодом установления официальных дипломатических отношений в 1992 г., то взаимный товарооборот в целом вырос почти в 46 раз: в 1992 г. он составлял только 433 млн долл.[8] Основными товарами, которые Казахстан импортирует из Китая, являются электромеханические, текстильные и высокотехнологичные товары, а основными экспортируемыми товарами в Китай являются рафинированная медь, необработанные сплавы, радиоактивные элементы, изотопы, медные руды и концентраты, а также нефть и газ[9].

С 2012 г. началось совместное строительство МЦПС «Хоргос» (Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос»), который является первой китайско-казахстанской трансграничной зоной свободной торговли. В настоящее время здесь действует более 4000 магазинов беспошлинной торговли,

где продают металлические изделия, продукцию машиностроения, электронику, одежду, обувь и другие товары[10].

Инвестиционное сотрудничество

Китай занимает пятое место в рейтинге крупных инвесторов в Казахстане. Общий объем инвестиций Китая в Казахстане за 27 лет превысил 40 млрд долл.[11] и прямые инвестиции КНР в Казахстане растут из года в год, особенно в последние 10 лет. Согласно статистике Министерства коммерции КНР, в 2018 г. Китай напрямую инвестировал 29,3 млрд долл. в Казахстан, главными сферами инвестиций КНР в Казахстане являются разведка и добыча нефти и газа, слияния и поглощения казахстанских нефтяных компаний, электрическая энергия, переработка продукции сельского и подсобного хозяйства, телекоммуникации, обработка кожи, питание, гостиничный бизнес и др. Инвестиции Казахстана в Китай в 2018 г. составили 140 млн долл., включают 384 инвестиционных проекта, в основном они сосредоточены в Синьцзяне. Казахстанские инвестиция охватывают такие сферы, как логистика, транспорт, химическая промышленность, пищевая и кожевенная промышленность, стройматериалы, техобслуживание автомобилей и др.[12]

КНР и РК одновременно активно продвигают создание совместных инвестиционных проектов. Как пояснил министр по инвестициям и развитию РК Женис Касымбек, перечень совместных казахстанско-китайских инвестиционных инициатив состоит из 51 проекта на общую сумму 27,7 млрд долл.[13] Число крупных совместных проектов все еще возрастает, и подробная тенденция охватывает больше отраслей сотрудничества. Ключевыми совместными проектами являются: CNPC — Актобемунайгаз — совместное предприятие, разрабатывающее месторождения углеводородного сырья Актюбинской области, совместная добыча урана на двух месторождениях — «Ирколь» и «Семизбай» (АО «Казатомпром» и Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация — CGNPC), строительство и эксплуатация казахстанско-китайского трубопровода (КазТрансОйл и CNODC), газопровода «Казахстан—Китай» (ТОО «Азиатский газопровод» — АО «КазТрансГаз» и Trans-AsiaGasPipelineCompanyLimited» (КНР)[14].

Энергетическое сотрудничество

Казахстан играет важную роль в энергической стратегии Китая. В 1997 г. CNPC (Китайская национальная нефтегазовая корпорация) выиграла тендер и приобрела 60,3 % акций одной из нефтедобывающих компаний Казахстана АО «Актобемунайгаз»[15], с этого началось энергическое сотрудничество двух стран. За 27 лет CNPC и некоторые большие китайские нефтяные компании купили немало акций казахстанских нефтяных компаний, таких, как ОАО «Актобемунайгаз», Buzachi Operating Ltd, PetroKazakhstan, Каражанбасмунай. Доля китайских компаний в нефтяном рынке Казахстана в 2010 г. составила

21,5 %, из которых около 90 % пришлось на CNPC[16]. Китай и Казахстан также построили магистральные нефтепроводы и газопроводы. В настоящее время между КНР и РК действует пять магистральных нефтепроводов и газопроводов. Через них Казахстан доставил в Китай более 100 млн т нефти и более 183 млрд куб. м газа.

КНР и РК активно сотрудничают в области атомной энергетики и гидроэнергетики. Между КНР и РК были подписаны ряд документов о совместной добыче и использовании ядерного топлива. Например, в 2004 г. Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) подписала с НК «Казатомпром» контракт по добыче урана на срок до 2020 г. КНР и РК совместно продвигают строительство и эксплуатацию Мойнакской ГЭС на реке Чарын[17].

Транзитно-транспортное сотрудничество

Во взаимоотношениях Китая и Казахстана особый акцент сделан на транзитно-транспортное сотрудничество, которое является одним из 4 приоритетных направлений стратегического сопряжения проекта ЭПШП и «Нурлы жол». Актуальностью данного сотрудничества для РК является реализация, реконструкция и строительства новых железных и автомобильных дорог в стране и увеличение доходов от транзита, а для КНР — возрождение Великого Шелкового пути, соединяющего Европу и Азию. В настоящее время успешно функционируют два пограничных железнодорожных перехода: Достык (Казахстан) — Алашанькоу (Китай), Алтынколь (Казахстан) — Хоргос (Китай)[18]. По итогам 2018 года грузооборот Китая на контрольно-пропускном пункте (КПП) «Хоргос» на китайско-казахстанской границе вырос на 23,3 % и составил 35,74 млн т. Отмечается, что за год внешнеторговый оборот через КПП «Хоргос» увеличился на 22,2 % и достиг 135,2 млрд юаней (19,97 млрд долл.). Основными импортерами товаров из КНР стали страны ЦА и Россия[19].

Нужно отметить, что через Хоргос пройдет автотранспортный коридор Европа — Китай, который начинается с города Ляньюньган. Протяженность коридора составляет 8445 км, из них 2233 км пройдут по территории России, 2787 км — Казахстана, более 3425 км — Китая. Кроме того, КНР и РК содействуют совместному строительству логистического терминала в Ляньюньгане. В декабре 2015 г. отправлен первый контейнерный поезд из Ляньюньгана в Дуйсбург (ФРГ) через Казахстан, Россию и Беларусь. К 2020 г. число контейнерных составов в направлении Казахстана и транзитом в Европу, государства ЦА и Кавказа может достичь 1827 поездов ежегодно[20].

Валютное сотрудничество

14 декабря 2014 года Народный банк Китая и Национальный банк РК подписали соглашение о валютном свопе. Объем своп-линии составляет 7 млрд

юаней/200 млрд тенге, срок соглашения — три года с возможностью продления при взаимном согласии. После подписания данного соглашения взаиморасчеты в национальных валютах между Китаем и Казахстаном были расширены действовать с пограничной торговли на общую торговлю. Субъекты экономической деятельности двух стран могут по своему усмотрению рассчитываться и оплачивать товары и услуги в свободно конвертируемой валюте, в юанях и казахских тенге.

Сотрудничество в сфере сельского хозяйства

Не менее активно развивается экономическое сотрудничество между КНР и РК в сфере сельского хозяйства. РК для КНР — новый источник недорогих и качественных импортных продуктов питания, а КНР для РК — главный инвестор и огромный рынок экспорта. В 2018 г. экспорт в Китай сельскохозяйственной продукции Казахстана увеличился на 43 %. Главные статьи экспорта — мука, растительное масло, соевые бобы, мясные продукты (говядина, баранина, конина и др.), мед, кукуруза, пшеница, ячмень, сахар. В последние годы с углублением инвестиционного сотрудничества двух стран в сфере сельского хозяйства также расширяется экспорт сельскохозяйственной продукции РК в КНР и увеличивается число совместные проекты. В 2018 г. Китай инвестировал в Казахстане 200 млн долл. в сельское хозяйство. В настоящее время между двумя странами реализуется примерно два десятка крупных совместных проектов в сфере сельского хозяйства. Например, проект на аренду в Казахстане китайской госкомпанией Jilin Grin Group 1 млн га земли для выращивания сои, проект строительства в Казахстане китайской компанией Wuhan Shilin fuxing Techology &Development завода по безотходной переработке сельхозпродукции, проект строительства Китайско-казахстанского сельскохозяйственного научного и производственного парка Шелкового пути и т. д. Большая часть этих проектов расположены в Алматинской и Восточно-Казахстанской областях, что удобно с точки зрения логистики, так как это наиболее значимые регионы, имеющие общую границу[21].

Конечно, экономическое сотрудничество между КНР и РК не ограничивается только вышеперечисленными направлениями, существует также ряд проблем в данной сфере[22], таких, как: низкий уровень диверсификации экспортной продукции, низкая добавленная стоимость экспортной продукции, нерациональные формы торговли и неравномерность основной структуры внешней торговли. Дозирующие виды продукции, которые экспортируют из РК в Китай — сырьевые ресурсы, а импортные продукция из Китая в РК — продукции легкой промышленности и оборудование. Товарооборот торговли между Синьцзяном и РК занимает больше половины товарооборота между КНР и РК. Другие провинции Китая относительно меньше участвуют в торговле между Китаем и Ка-

захстаном. Форма торговли характеризуется пограничной торговлей, обрабатывающая торговля и общая торговля занимает меньше доли.

Более того, государственные предприятия являются доминирующими участниками торговли, а частных и акционерных предприятий мало.

В целом, можно сказать, что за короткий промежуток времени были достигнуты большие успехи в экономическом сотрудничестве между КНР и РК. И экономика Китая и Казахстана в большой степени по своей структуре взаимодополняют друг друга и имеют широкие перспективы для взаимовыгодного сотрудничества.

Библиографический список

1. *Степанов В.В.* Особенности торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Казахстан// История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012.

2. *Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006.

3. *Сыроежкин К.Л.* Казахстан — Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. В 3 кн. Книга 1. в начале пути. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010.

4. 李永全、张宁 (Ли Юнцюань, Чжан Нин). 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟对接研究. (Изучение экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза). Издательство Академии общественных наук, 2017.

5. 李永全、王晓泉 (Ли Юнцюань , Ван Сяоцюань).“丝绸之路经济带”与哈萨克斯坦“光明之路”新经济政策对接合作的问题和前景. (Проблемы и перспективы сотрудничества «Экономического пояса Шелкового пути» и новой экономической политики Казахстана «Путь в будущее»). Издательство социальных наук Китая, 2018.

6. 邢广程、孙壮志 (Син Гуанчэн, Сунь Чжуанчжи). 上海合作组织成员国之间能源合作问题研究. (Исследования Шанхайской организации сотрудничества). Издательство Чанчунь, 2007.

References

1. *Stepanov V.V.* Osobennosti torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Kitayskoy Narodnoy Respubliki i Respubliki Kazakhstan (Features of trade and economic cooperation between the People’s Republic of China and the Republic of Kazakhstan) // History and Archeology: materials of the Intern. scientific conf. (St. Petersburg, November 2012). SPb .: Renome, 2012.

2. *Syroyezhkin K.L.* Problemy sovremennogo Kitaya i bezopasnost’ v Tsentral’noy Azii. (Problems of modern China and security in Central Asia). Almaty: Kazakhstanskiy institute strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK, 2006.

3. *Syroyezhkin K.L.* Kazakhstan — Kitaĭ: ot prigranichnoĭ torgovli k strategicheskomu partnerstvu: monografiya (Kazakhstan — China: from cross-border trade to strategic partnership: a monograph). V trekh knigakh. Kniga 1. V nachale puti. Almaty: Kazakhstanskiĭ institute strategicheskikh issledovaniĭ pri Prezidente RK, 2010.

4. 李永全、张宁 (Li Yongquan, Zhang Ning). 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟对接研究. (The Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union). Social Science Literature Publishing House, 2017.

5. 李永全、王晓泉 (Li Yongquan, Wang Xiaoquan). “丝绸之路经济带”与哈萨克斯坦“光明之路”新经济政策对接合作的问题和前景. (Problems and Prospects of the “Silk Road Economic Belt” and Kazakhstan's “Bright Road” New Economic Policy). China Social Sciences Press, 2018.

6. 邢广程、孙壮志 (Xing Guangcheng, Sun Zhuangzhi). 上海合作组织成员国之间能源合作问题研究. (Research on Energy Cooperation among the Member States of the Shanghai Cooperation Organization). Changchun Publishing House（长春出版社), 2007.

Примечания

[1] 哈萨克斯坦与中国的经贸关系 (Торгово-экономические отношения Казахстана и Китая). URL: http://history.mofcom.gov.cn/?bandr=hskstyzgdjmgx (дата обращения: 20.04.2019).

[2] Титова Ю.В. Торгово-экономическое сотрудничество Республики Казахстан с Китайской Народной Республики. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/16848/2017_405_titovauv.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 20.04.2019).

[3] Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы.URL:http://old.kazenergy.com/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html (дата обращения: 20.04.2019).

[4] Казахстанско-китайские отношения. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Казахстанско-китайские_отношения (дата обращения: 20.04.2019).

[5] Там же.

[6] Тама же.

[7] 2018 年中哈经贸合作简况 (Краткое введение о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и РК в 2018 г.). URL: http://kz.mofcom.gov.cn/art icle/zhhz/201903/20190302841709.shtm (дата обращения: 20.04.2019).

[8] Основные показатели внешней торговли РК с КНР за 1991—2016 гг. URL: http: stat.gov.kz. (дата обращения: 22.04.2019).

[9] Товарооборот Казахстана с Китаем превысил 10 млрд долл. URL: https://regnum.ru/news/2375781.html. (дата обращения: 22.04.2019).

[10] Центр приграничного сотрудничества «Хоргос» — райское место для покупателей и туристов из Китая и Казахстана. URL: http://russian.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/201706/20170602595194.shtml. (дата обращения: 22.04.2019).

[11] Какие страны инвестируют в Казахстан? URL: https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2019-04/kakie-strany-investiruyut-v-kazakhstan (дата обращения: 22.04.2019).

[12] Там же. с. 8.

[13] Китайские инвестиции поглощают экономику Казахстана. URL: https://365inf o.kz/2018/05/kitajskie-investitsii-pogloshhayut-ekonomiku-kazahstana (дата обращения: 22.04.2019).

[14] Там же.

[15] Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области. URL: https://eee-region.ru/article/5110/ (дата обращения: 25.04.2019).

[16] Сотрудничество Казахстана и Китая в сфере энергетики. URL: https://gisee.ru/energy_service/articles/foreign_politics/27655/ (дата обращения: 25.04.2019).

[17] Там же. С. 16.

[18] *Шолонова Д.* Совместные транспортно-логистические проекты Китая и Казахстана. URL: https://www.hse.ru/data/2013/04/15/1298113239/Китай%20и%20Казахс тан%20транспорт.pdf (дата обращения: 25.04.2019).

[19] За год грузооборот КНР на казахстанско-китайском КПП «Хоргос» вырос на 23 %. URL: https://regnum.ru/news/economy/2552344.html (дата обращения: 25.04.2019).

[20] *Елизавета Кучура*. Совместные транспортно-логистические проекты Республики Казахстана и КНР. URL: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/188014/1/kuchura_Tamozhnya_i_VED_2017_4.pdf (дата обращения: 25.04.2019).

[21] ОБЗОР: Реализация в РК государственной программы «Нурлы жол — Путь в будущее». URL: https://www.inform.kz/ru/obzor-realizaciya-v-rk-gosudarstvennoy-programmy-nurly-zhol-put-v-buduschee-chast-2_a2917668 (дата обращения: 25.04.2019).

[22] *Степанов В.В.* Особенности торгово-экономического сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Казахстан // История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 24—26. URL https://moluch.ru/conf/hist/archive/61/2926/ (дата обращения: 10.05.2019).

М.А. Дьяконова,
ГУУ, к.полит.н.
О.А. Тимофеев,
ГУУ, к.и.н.
Ф.Ф. Шарипов,
ГУУ, к.э.н.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНИСТАНЕ

Аннотация. Рассмотрены геополитические интересы Китайской Народной Республики (КНР) в регионе Центральной Азии (ЦА) и Афганистане. Центральная Азия и Исламская Республика Афганистан (ИРА) располагаются на территории, где в древности пролегал Шелковый путь, на пересечении интересов многих государств, имея особое стратегическое значение для Евразии. Для Китая эта территория является одним из ключевых поставщиков энергоресурсов, а также важным транзитным регионом. В статье уделено внимание Афганистану, который имеет общую с Китаем границу и является проблемной страной. Одними из главных угроз, исходящих с территории Исламской Республики Афганистан, являются: распространение терроризма, наркотиков, сепаратизма, общая политическая и экономическая нестабильность. Учитывая фактор проницаемости границ, все это может оказать негативное влияние на реализацию проекта транспортного коридора «Китай—Пакистан». Рассмотрены основные меры КНР по укреплению безопасности в регионе.

Сегодня КНР все больше стремится играть определенную роль в экономической жизни Афганистана, участвуя в финансировании и развитии инфраструктурных объ-

ектов и пытаясь защитить свои экономические интересы. Рассмотрены особенности развития торговых связей между двумя странами. Пекин стал усиливать свое экономическое и политическое влияние в регионе с началом реализации проекта «Один пояс — один путь». Наличие в ИРА залежей природных ресурсов, в разработке месторождений которых заинтересован Китай, предполагает ответвление в эту страну инфраструктурных коридоров при строительстве транспортных коммуникаций через территорию Центральной Азии. Взаимодействие Пекина и Кабула осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках таких международных организаций и институтов, как ШОС, СВМДА, Совещания министров иностранных дел КНР, Пакистана и Афганистана и др.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, Центральная Азия, геополитика, экономическое сотрудничество, ШОС, терроризм, наркотрафик.

Авторы: Дьяконова Мария Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры международного производственного бизнеса. E-mail: marie.d@mail.ru;

Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры корпоративного управления. E-mail:timooa@mail.ru;

Шарипов Фанис Фалихович, кандидат экономических наук, доцент кафедры международного производственного бизнеса. E-mail: fanissh@rambler.ru.

Регион Центральной Азии (ЦА) и Исламская Республика Афганистан (ИРА) издревле имеют особое значение для Евразии. Выгодное расположение на пересечении древних торговых путей, территория, с которой удобно контролировать в политическом и экономическом плане многие страны в регионе, наличие природных ресурсов всегда привлекали интерес различных держав. Для Китая Центральная Азия сегодня стала одним из ключевых поставщиков энергоресурсов, а также важным транзитным регионом.

Инициатива лидера КНР Си Цзиньпина о возрождении Шелкового пути, сформулированная в 2013 г., помимо развития азиатской инфраструктуры дает возможность упростить внешнюю торговлю и обеспечить стабильные поставки энергоносителей[1]. Проект также позволит реализовывать больше товаров и услуг, произведенных в Китае, сократить скорость доставки грузов и выйти к Индийскому океану. Не менее важным для Пекина является защита своих экономических интересов в регионе.

Место Афганистана, граничащего с Китаем, в этой инициативе определяется тем, что оттуда могут распространяться терроризм, наркотики, идеи сепаратизма, политическая и экономическая нестабильность, что, учитывая проницаемость границ в регионе, может оказать негативное влияние на реализацию проекта транспортного коридора «Китай—Пакистан».

Пекин и Исламабад проводят двусторонние консультации по контролю над вооружением и его нераспространением в рамках помощи последнего в урегу-

лировании ситуации в Афганистане[2]. Также ведутся трехсторонние переговоры по поддержанию отношений с талибами[3]. Проводятся совещания министров иностранных дел КНР, Пакистана и Исламской Республики Афганистана для укрепления взаимного доверия между тремя странами и расширения сотрудничества.

Основными мерами в борьба с терроризмом и наркотрафиком в регионе являются подавление силовыми способами террористических группировок в ИРА и на приграничной территории, уничтожение лабораторий по производству героина и посевов мака, а также контроль ситуации на границе между Афганистаном и Пакистаном. Важной задачей также является создание условий для восстановления экономики Исламской Республики Афганистан, содействие афганским силам безопасности в повышении боеспособности, создание на базе Региональной антитеррористической структуры центра реагирования на вызовы и угрозы в области безопасности[4].

Китай оказывал и продолжает оказывать помощь Кабулу. В частности, Пекин не возражал против ввода войск США в Афганистан в 2001 г. для борьбы с терроризмом, так как считал это общей задачей для всех государств, но при этом оставался в стороне[5]. Руководство КНР связывало «Несокрушимую свободу» с обеспечением собственной национальной безопасности, особенно в приграничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где до сих пор существуют сепаратистские тенденции[6]. Этот район Китая находится на границе с ИРА. Считается, что уйгурские сепаратисты имеют связи с афганскими повстанческими группами[7]. По некоторым данным, Пекин еще до 2000-х годах пытался налаживать связь с радикальными элементами Афганистана для стабилизации обстановки в Синьцзяне [8,9]. Чтобы ИРА не стала прибежищем китайских террористов, в 2014 г. Китай решил ввести должность Специального посланника по делам Афганистана, назначив на нее опытного дипломата Сунь Юйси[10].

Сегодня Китай все больше стремится играть важную роль в экономической жизни Афганистана, участвуя в финансировании и развитии инфраструктурных объектов. В июне 2006 г. был подписан китайско-афганский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Неуклонно развиваются торговые связи между двумя странами, для которых, впрочем, характерно значительное преобладание китайского экспорта (табл. 1). Кроме того, структура товарооборота характеризуется низкой степенью диверсификации. Китай экспортирует в Афганистан в основном продукцию легкой, электротехнической промышленности, металл, текстиль, предметы первой необходимости. В 2015—2016 гг. из Китая в Афганистан было поставлено нейлоновых тканей на сумму 180 млн долл., что составило 17,3 % от общего объема экспорта Китая в Афганистан, электронных устройств на 55,6 млн (5,3 %), механического оборудования на 48,2 млн (4,6 %), пряжи на 41,1 млн долл. (3,9 %). Китай импортирует из Афганистана в основ-

ном сырье. В 2015—2016 гг. больше всего было закуплено используемой в фармацевтической промышленности солодки на 3,6 млн (35,3 %) и шерсти (33,7 % от общего объема импорта)[11].

С началом реализации проекта «Один пояс — один путь» КНР стала усиливатое влияние в Афганистане и в регионе в целом. По мнению некоторых аналитиков, инициатива «Одного пояса — одного пути» является попыткой Китая интегрироваться в мировую экономику и занять главенствующую позицию, а не просто выполнять роль инфраструктурного проекта[12,13,14].

Таблица 1. **Торговля между КНР и Афганистаном (млн долл.)**

Год	Экспорт КНР	Импорт КНР	Положительное сальдо КНР	Объем торговли	Доля КНР во внешней торговле Афганистана (%)
2001/2002	35	—	35	35	2,0
2002/2003	20	–37	57	20	0,8
2003/2004	382	—	382	382	17,0
2004/2005	385	—	385	385	15,5
2005/2006	317	1	316	318	11,1
2006/2007	473	—	473	473	15,0
2007/2008	611	—	611	611	17,6
2008/2009	430	—	430	430	12,1
2009/2010	360	—	360	360	9,6
2010/2011	704	12	692	716	12,9
2011/2012	577	6	571	583	8,6
2012/2013	549	11	538	560	5,9
2013/2014	437	20	417	457	4,9
2014/2015	1038	15	1023	1053	12,7
2015/2016	1044	10	1034	1054	12,7

Источник: 何杰 (Хэ Цзэ)。中国与阿富汗经贸合作的现状、问题与对策。 [Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном: современное состояние, проблемы и пути решения] // Гоцзи яньцзю цанькао. 2017. № 5. URL: http://chinawto.mofcom.gov.cn/article/br/bs/201706/20170602599555.shtml

Наличие залежей природных ресурсов в Афганистане, в разработке которых заинтересован Китай, предполагает ответвление в эту страну инфраструктурных коридоров при строительстве транспортных коммуникаций через территорию Центральной Азии. Так, китайские организации выиграли несколько крупных проектов. Среди них нефтяная концессия в Амударье под руководством Китайской национальной нефтегазовой корпорации на севере Афганистана, месторождение Мес Айнак в пров. Логар, полученное Металлургической корпорацией Китая (中冶集团) и Корпорацией медной промышленности пров. Цзянси (江西铜业). Строительные организации, такие как «Синьцзян-Бэйсиньская группа по строительству дорог и мостов», Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая и Китайская корпорация «Гэчжоуба» также работали над крупными инфраструктурными проектами в Афганистане[15].

Однако из-за отсутствия безопасности в Исламской Республике Афганистан развивать эти проекты непросто. Помимо постоянных боестолкновений национальных вооруженных сил с талибами и «Аль-Каидой» в Афганистане за последние 5 лет появились боевики так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (запрещенного на территории РФ), которые в еще большей степени дестабилизируют обстановку. Поэтому к противодействию вызовам и угрозам региональной безопасности в Центральной Азии Китай подходит комплексно[16]. Председатель КНР Си Цзиньпин, заявляя о необходимости укрепления сотрудничества с Кабулом в области безопасности, выделил основные приоритеты: содействие в повышении боеспособности сил безопасности Афганистана и создание многосторонней программы социально-экономического восстановления страны[17].

Взаимодействие Пекина и Кабула осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках таких международных организаций и институтов, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и др.

Между Китаем и Афганистаном осуществляется сотрудничество и в рамках ШОС. Исламская Республика Афганистан, являясь в настоящий момент наблюдателем в ШОС, стремится получить статус полноправного члена Организации. Примечательно, что, прекращавшая свою деятельность в 2009 г. контактная группа ШОС—Афганистан, возобновила свою работу в 2017 г.[18] Практически все проблемы, для борьбы с которыми была создана Шанхайская организация сотрудничества, локализованы в ИРА. На протяжении десятилетий неспособность афганских властей установить мир и политико-экономическую стабильность в Афганистане предполагают многостороннее сотрудничество для улучшения обстановки в стране и в регионе в целом.

Китай успешно внедряется в Центрально-Азиатский регион благодаря использованию «мягкой» экономической силы, но пока не готов самостоятельно брать на себя ответственность за установление безопасности в Афганистане, поэтому стремится решать эти вопросы в многосторонних форматах.

Библиографический список

1. *Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф.* Глобальные и региональные аспекты взаимодействия России, Китая и Афганистана // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / Материалы VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. 2018.

2. *Ли Ван*. Взаимодействие Китая и НАТО в Афганистане // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.3. URL: http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1686/EjIBK36Hpx.pdf

3. *Замараева Н.А*. Китайско-пакистанский экономический коридор: итоги и вызовы 2017—2018 гг. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kitaysko-pakistanskiy-ekonomicheskiy-koridor-itogi-i-vyzovy-2017-2018-gg

4. *Замараева Н.А.* Китай, Пакистан и процесс национального примирения в Афганистане // Общество и государство в Китае. Изд.: Институт востоковедения РАН. 2015. № 2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29035064_70215737.pdf

5. *Малышева Д.Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35282385_89282510.pdf

6. *Пластун В.Н.* Наркобизнес как одна из угроз на Новом шелковом пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Изд.: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск). 2018. Т. 17. № 4. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-121-127. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32866804_16426675.pdf

7. *Строганов А.О*. Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Сайт Центра Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 15.05.2017. URL: http:// rusrand.ru/analytics/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike (дата обращения: 03.01.2018).

8. *Dyakonova M., Sharipov F*. China and Afghanistan in the Context of the New Silk Road // Вестник университета (Государственный университет управления). М.: Государственный университет управления, 2018. № 5.

9. *McBride J.* Building the New Silk Road (Строительство Нового Шелкового Пути). URL: https://www.cfr.org/backgrounder/building-new-silk-road.(May 22, 2015).

10. *Khan T.* China may very well be Afghanistan's only true friend. URL: https://tribune.com.pk/story/677428/china-may-very-well-be-afghanistans-only-true-friend/ (March 1, 2014)

11. *Toktomushev K.* China's Military Base in Afghanistan. // Foreign Policy. URL: https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-military-base-in-afghanistan (Jan 11, 2018).

12. *Raffaello Pantucci*. China in Afghanistan: A Reluctant Leader with Growing Stakes. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/china-afghanistan-reluctant-leader-growing-stakes-21456 (18 ottobre, 2018).

13. 何杰 (Хэ Цзе.)。中国与阿富汗经贸合作的现状、问题与对策. [Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном: современное состояние, проблемы и пути решения] // Гоцзи яньцзю цанькао. 2017. № 5.

References

1. *D'yakonova M.A., SHaripov F.F*. Global'nyye I regional'nyye aspekty vzaimodeystviya Rossii, KitayaiAfganistana [Global and regional aspects of cooperation between Russia, China and Afghanistan]. Rossiya iKitay: istoriyaiperspektivysotrudnichestva / Materialy VIII Mmezhdunarodnoynauchno-prakticheskoykonferentsii. Otvetstvennyyeredaktory D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. 2018.

2. *Li Van*.Vzaimodeystviye Kitaya i NATO v Afganistane [Cooperation between China and NATO in Afghanistan]. Mezhdunarodnyye protsessy. 2016. T. 14. № 3. S. 39—51. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.3. URL: http://www.intertrends.ru/system/ Doc/ArticlePdf/1686/EjIBK36Hpx.pdf

3. *Zamarayeva N.A*. Kitaysko-pakistanskiy ekonomicheskiy koridor: itogi i vyzovy 2017—2018 gg. [Sino-Pakistani Economic Corridor: Results and Challenges of 2017—2018]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kitaysko-pakistanskiy-ekonomicheskiy-koridor-itogi-i-vyzovy-2017-2018-gg

4. *Zamarayeva N.A*. Kitay, Pakistan I protsess natsional'nogo primireniya v Afganistane [China, Pakistan and the process of national reconciliation in Afghanistan]. Obshchestvoigosudarstvo v Kitaye. Izd.: Institut vostokovedeniya RAN (Moskva). 2015. № 2. S. 521—528. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29035064_7021 5737.pdf.

5. *Malysheva D.B.* Postsovetskaya TSentral'naya Aziya i Afganistan kak sfera peresecheniya interesov krupnykh aziatskikh gosudarstv [Post-Soviet Central Asia and Afghanistan at the Intersection of the Major Asian States' Interests]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 18. № 2. S. 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35282385_89282510.pdf

6. *Plastun V.N.* Narkobiznes kak odna iz ugroz na Novom shelkovom puti [Drug Trafficking as One of the Threats on the New Silk Road]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya. Izd.:Novosibirskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet (Novosibirsk). 2018. T. 17. № 4. S.121—127. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-121-127 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32866804_16426675.pdf

7. *Stroganov A.O*. Novyy shelkovyy put': vyzov rossiyskoy logistike [The New Silk Way: a Challenge to Russian Logistics]. SaytTSentraSulakshina (TSentr nauchnoy politicheskoy mysli i ideologii), 15.05.2017. URL: http://rusrand.ru/analytics/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike (data obrashcheniya 03.01.2018).

8. *Dyakonova M., Sharipov F.* China and Afghanistan in the Context of the New Silk Road. Vestnikuniversiteta (Gosudarstvennyyuniversitetupravleniya). Izd.:Gosudarstvennyy universitet upravleniya (Moskva). 2018. № 5. S. 20—23.

9. *McBride J.* Building the New Silk Road. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/building-new-silk-road (May 22, 2015).

10. *Khan T.* China may very well be Afghanistan's only true friend. URL: https://tribune.com.pk/story/677428/china-may-very-well-be-afghanistans-only-true-friend/. March 1, 2014.

11. *Toktomushev K.* China's Military Base in Afghanistan. Foreign Policy. URL: https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-military-base-in-afghanistan Jan 11, 2018.

12. *Raffaello Pantucci*. China in Afghanistan: A Reluctant Leader with Growing Stakes. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/china-afghanistan-reluctant-leader-growing-stakes-21456, 18 ottobre 2018.

13. 何杰 (He Jie). 中国与阿富汗经贸合作的现状、问题与对策. [Trade and Economic Cooperation between China and Afghanistan: Current State, Problems and Solutions]. Gotszi yan'tszyu tsan'kao. 2017. № 5.

Примечания

[1] *McBride J.* Building the New Silk Road. URL: https://www.cfr.org/backgrounder/building-new-silk-road. (May 22, 2015).

[2] *Замараева Н.А*. Китайско-пакистанский экономический коридор: итоги и вызовы 2017—2018 гг. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kitaysko-pakistanskiy-ekonomicheskiy-koridor-itogi-i-vyzovy-2017-2018-gg.

[3] *Ли Ван.* Взаимодействие Китая и НАТО в Афганистане // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 39—51. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30031407_54909036.pdf.

[4] *Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф*. Глобальные и региональные аспекты взаимодействия России, Китая и Афганистана // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / Материалы VIII Ммеждународной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. 2018. С. 802—806.

[5] *Ли Ван.* Указ. соч.

[6] *Замараева Н.А.* Китай, Пакистан и процесс национального примирения в Афганистане // Общество и государство в Китае. М., 2015. № 2. С. 521—528. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29035064_70215737.pdf.

[7] *Dyakonova M., Sharipov F.* China and Afghanistan in the Context of the New Silk Road. Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya). Izd.: Gosudarstvennyy universitet upravleniya (Moskva). 2018. № 5. S. 20—23.

[8] *Khan T.* China may very well be Afghanistan's only true friend. URL: https://tribune.com.pk/story/677428/china-may-very-well-be-afghanistans-only-true-friend/. March 1, 2014.

[9] *Toktomushev K.* China's Military Base in Afghanistan // Foreign Policy. URL: https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/chinas-military-base-in-afghanistan. Jan 11, 2018.

[10] Китай назначил спецпредставителя по делам Афганистана. URL: http://afghanistan.ru/doc/76438.html, 20.07.2014.

[11] 何杰 (Хэ Цзе)。中国与阿富汗经贸合作的现状、问题与对策. [Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном: современное состояние, проблемы и пути решения] // Гоцзи яньцзю цанькао. 2017. № 5.

[12] *Ли Ван.* Указ. соч.

[13] *Пластун В.Н.* Наркобизнес как одна из угроз на Новом шелковом пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Новосибирск, 2018. Т. 17. № 4. С. 121—127. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-121-127. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32866804_16426675.pdf.

[14] *Строганов А.О.* Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Сайт Центра Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 15.05.2017. URL: http://rus rand.ru/analytics/novyy-shelkovyy-put-vyzov-rossiyskoy-logistike (дата обращения: 03.01.2018).

[15] *Raffaello Pantucci.* China in Afghanistan: A Reluctant Leader with Growing Stakes. URL: https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/china-afghanistan-reluctant-leader-growing-stakes-21456. (18 ottobre 2018).

[16] *Малышева Д.Б.* Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35282385_89282510.pdf.

[17] *Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф.* Указ. соч.

[18] Там же.

С.Л. Сазонов,
ИДВ РАН, к.э.н.
Чэнь Сяо,
аспирант

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ КНР УЧАСТВУЕТ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Аннотация. Суть инициативы председателя КНР Си Цзиньпина о создании маршрута «пояса и пути», в первую очередь, является планом развития национальной экономики — строительство автомобильных магистралей в западных административных единицах провинциального уровня обеспечит формирование значительного мультипликативного эффекта в сопредельных отраслях промышленности, будет способствовать конвергенции социально-экономического развития провинций Китая и укрепления связности единого экономического пространства страны, обеспечит создание новых рабочих мест. Строительство автомобильных магистралей за рубежом (континентальный сухопутный маршрут автомобильных перевозок в рамках инициативы ЭПШП и сухопутно-морской маршрут автомобильных перевозок в рамках МШП XXI в.) также будет продуцировать экстернальный эффект в экономике Китая, будет способствовать развитию экономик стран, участвующих в этом проекте, и, в конечном счете, расширение зарубежной автомобильной сети будет способствовать увеличению объемов китайской внешней торговли.

Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером стран АСЕАН и основным донором развития региональной инфраструктуры. На субрегиональном

уровне основные магистрали будут построены с помощью китайских инвестиций в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), которые будут соединяться с основными региональными портами. Это позволит увеличить поток экспортных грузов из КНР и стран АСЕАН, Европы, Ближнего Востока и Африки. Строящаяся при финансовой помощи Китая объединенная инфраструктурная сеть КНР и стран ЮВА и широтная паназиатская высокоскоростная железная дорога (Китай—Лаос—Вьетнам—Камбоджа—Таиланд—Малайзия—Сингапур), в будущем станут исходным пунктом Евроазиатского трансконтинентального маршрута протяженностью более 14 тыс. км, который будет проходить через территорию 18 стран.

Ключевые слова: Китай, «пояс и путь», национальная экономика, автомобильный транспорт, экономический рост, мультипликативный эффект, инфраструктура, конвергенция, западные провинции, экспорт, мировой рынок, внешняя торговля, транзит, Юго-Восточная Азия, Евроазиатская транспортная магистраль.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru;

ЧэньСяо (陈骁) (КНР), аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru.

Уже прошло более 5 лет после выступления председателя КНР Си Цзиньпина (в Университете Назарбаева в Астане в сентябре 2013 г.), когда он, рассказывая об истории древнего Шелкового пути из Китая в Европу, впервые выдвинул инициативу о создании «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), который, как и прежний «караванный маршрут», но уже с новыми и современными автомобильными дорогами и, конечно, железнодорожными магистралями соединит КНР со странами Европы и странами Центральной Азии (ЦА)[1]. В период проведения саммита стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), который состоялся в октябре 2013 г. в Индонезии на острове Бали, (Бали, Индонезия, октябрь 2013 г.) председатель КНР предложил план создания «Морского Шелкового пути XXI в.» (МШП XXI в.), заключающийся в создании региональной транспортной инфраструктуры в Юго-Восточной Азии (ЮВА), которая даст возможность объединить автомобильную сеть центральных и западных провинций Китая с автодорожной сетью стран Юго-Восточной Азии, а также обеспечить их выход к основным портам стран ЮВА с целью автомобильной транспортировки грузов до этих портов и последующего морского экспорта товаров из КНР и стран ЮВА по маршруту: Желтое море—Восточно-Китайское море—Южно-Китайское море—Тихий и Индийский океаны до основных морских гаваней Южной Азии и Африки.

В наши дни уже более 110 стран и международных организаций согласились приять участие в реализации планов ЭПШП и МШП XXI в., которые сегодня в мире принято называть проектом «Пояс и путь», а в мае 2017 г. в Пекине состоялся Форум по международному экономическому сотрудничеству в рам-

ках реализации плана строительства «пояса и пути», где основной темой явилось обсуждение путей укрепление международного сотрудничества, совместное строительство «одного пояса и одного пути» и стимулирование взаимовыгодного развития. Следует отметить, что Россия была одна из первых стран, которая поддержала инициативы председателя КНР Си Цзиньпина о создании ЭПШП И МШП XXI в. — в мае 2015 г. во время визита в Москву председателя КНР Си Цзиньпина был подписано «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению планов развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы о строительстве ЭПШП, а во время переговоров на Форуме в Пекине с президентом РФ В.В. Путиным председатель КНР высказал уверенность в необходимости и большом желании вместе с Россией достигать практические результатов в сопряжении стратегий соразвития и углублять экономического сотрудничество с РФ, стимулировать осуществление проектов в области совместных транспортных (в том числе автомобильных) транзитных перевозок.

В общем виде план строительства маршрута транзитных автомобильных перевозок по трассам «пояса и пути» предусматривает создание двух автомобильных (а также и железнодорожных) транспортных коридоров в двух генеральных направлениях:

1) ***континентальный сухопутный маршрут автомобильных перевозок в рамках инициативы ЭПШП*** с востока (КНР) через территорию РФ, стран Центральной Азии и Пакистана на запад в страны Европы и включает 3 направления: Северное (через территорию Казахстана и РФ), Центральное (страны Центральной Азии) и Южное (Пакистан);

2) ***сухопутно-морской маршрут автомобильных перевозок в рамках МШП XXI в.*** — из центральных, западных и южных провинций КНР) в южном направлении через территорию стран Юго-Восточной Азии до их основных портов. А далее через эти порты морским путем (поэтому Морской Шелковый путь XXI в.) грузы доставляются в основные порты Южной Азии, Африки и Европы для последующей сухопутной ей транспортировки в различные города соответствующего региона. Маршруты автомобильных магистралей будут совпадать со сложившимися экономическими коридорами транспортировки грузов, которые группируются по территориальной близости группы стран. Маршрут автомобильного транзита в рамках ЭПШП (сухопутный континентальный маршрут) пройдет по 4 коридорам, а именно: Евразийскому экономическому коридору (ЕЭК), Экономическому коридору Китай—Монголия—Россия (КМРЭК), Экономическому коридору Китай—Центральная Азия—Западная Азия (ЭККЦЗА) и Экономическому коридору Китай—Пакистан (КПЭК).

Для успешной реализации инициативы Си Цзиньпина в период 2014 — 2015 гг. были учреждены специальные финансовые институты, призванные обеспечить выполнение проекта «пояс и путь» — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонды финансирования создания ЭПШП и МШП XXI в. На 21-й встрече глав стран АТЭС (2014 г., о. Бали) Си Цзиньпин выступил с предложением о создании АБИИ, и в конце июня 2015 г. в Пекине 50 стран подписали «Соглашение об учреждении АБИИ». В начале 2017 г. количество стран-участниц равнялось 57, из которых 2/3 были представителями Азиатского региона. В конце 2017 г. эта цифра возросла до 78 государств, к концу 2018 г. — до 85[2], а в январе 2019 г. АБИИ насчитывал уже 93 члена[3]. В 2016 г. АБИИ выдал кредитов на общую сумму 1,75 млрд долл. на реализацию 9 инфраструктурных проектов в 7 азиатских странах, включая Индонезию, Бангладеш, Казахстан, Пакистан, Узбекистан, Мьянму, Таджикистан[4]. В 2017 г. общий объем кредитов банка превысил 3,5 млрд долл., а в 2018 г. было инвестировано около 4 млрд долл. в развитие транспортных сетей стран, прилегающих к маршруту «пояса и пути». Около 20 % кредитов АБИИ было направлено на развитие автомобильных магистралей стран — участниц инициативы ЭПШП и МШП XXI в. (например, реконструкция автодорожной сети Казахстана, Узбекистана и Таджикистана (около 50 млн долл.), реконструкция пакистанской скоростной трассы Шоркот—Ханевал (более 100 млн долл.))[5]. В начале 2019 г. совет директоров АБИИ одобрил выделение 500 млн долл. для кредитного портфеля, который будет инвестирован в корпоративные облигации для финансирования инфраструктурного развития. Управляемый АБИИ портфель будет состоять из корпоративных облигаций, выпущенных эмитентами, занимающимися инфраструктурным строительством, включая квазисуверенные облигации и зеленые облигации, доходы которых будут направляться в развитие транспортной (включая, автодорожную) инфраструктуры стран, участвующим в строительстве ЭПШП и МШП XXI в.

Льготное финансирование правительством КНР прокладки автомобильных магистралей в государствах, прилегающих к маршруту «одного пояса и одного пути», *предоставляется Китаем на исключительно льготных условиях* и стимулирует, в первую очередь, экономическое развитие самого Китая, так как расширяется автомобильная сеть западных и южных приграничных провинций страны, которые в логистическом отношении становятся важнейшим звеном маршрута «одного пояса и одного пути». Это стимулирует экстернальный эффект в сопряженных отраслях экономики Китая, нивелирует уровень развития провинций и автономных районов, повышает мобильность населения, ускоряет оборот товаров, снижает стоимость транспортировки. Поставка китайских легковых и грузовых автомобилей в рамках инициативы «пояс и путь» обеспечивает рост объемов автомобильного производства в Китае, этот экспорт также бу-

дет создавать экстернальный эффект в экономике — позволит обеспечить заказами многие отрасли китайской промышленности.

*Наращивая свои капиталовложения в инфраструктуру соседних стран, Китай дает дополнительный импульс к интенсивному развитию своей национальной и региональной экономики.*В международном аспекте планы создания «пояса и пути» призваны обеспечить увеличение объемов китайских прямых зарубежных инвестиций, которые будут направляться на расширение строительства транспортных путей за рубежом, увеличение экспорта китайской инновационной продукции транспортной отрасли и передовых технологий в области инфраструктурного строительства для построенных транспортных сетей. На первый взгляд, выгодные для сопредельных стран практически беспроцентные инфраструктурные кредиты из КНР, на самом деле в первую очередь приносят баснословные экономические дивиденды самому Китаю и позволяют китайским компаниям монополизировать евроазиатский рынок строительства транспортных сетей и закупки подвижного состава. Строительство за рубежом транспортных сетей создает экстернальный эффект в сопряженных отраслях экономики центральных и западных провинций Китая, являющихся основными поставщиками материалов и оборудования для зарубежных инфраструктурных сетей. *Китайские прямые зарубежные инвестиции, опирающиеся на государственную поддержку руководства КНР и направляемые на создание и модернизацию транспортных сетей сопредельных стран, позволяют КНР развивать свои производственные мощности и загружать долгосрочными заказами свой машиностроительный и строительный комплексы, а с*троительство автомобильных магистралей за рубежом в конечном итоге позволит КНР войти на новые рынки сбыта продукции, а также будет стимулировать рост объемов китайского внешнеторгового оборота. В свою очередь, при реализации китайского проекта «пояса и пути», приграничные с Китаем страны смогут в полной мере использовать свое географическое положение и стать важным звеном транзитных грузовых перевозок между крупнейшими мировыми экономическими центрами. При этом помимо преодоления относительной географической изоляции, усиления связности территорий, приграничные государства получают возможность диверсифицировать источники доходов бюджета, создавать новые отрасли промышленности, увеличивать количество новых рабочих мест, что будет приводить к улучшению общей экономической ситуации.

Кроме вопросов логистики, планы строительства ЭПШП и МШП XXI в. подразумевают и решение ряда других важных проблем социально-экономического характера, а именно: унификация и дальнейшая ликвидация торговых барьеров; ускорение таможенных, визовых и других процедур с целью активизации предпринимательской деятельности; рост масштабов международного торгового сотрудничества и расширение объемов взаимных инвестиций; учреж-

дение зон свободной торговли; расширение применения национальных валют в международных расчетах и интернационализация юаня (в силу того, что Китай превращается в главного инвестора, обеспечивающего финансирование инфраструктурного строительства в странах, прилегающих к маршрутам ЭПШП и МШП XXI в.); расширение гуманитарных контактов между странами в таких сферах, как здравоохранение, образование, туризм, наука, культура, искусство, а также расширение обмена мнений и взглядов по линии общественных, парламентских и других политических образований.

В период 2018 г. в рамках строительства маршрута «пояса и пути» были достигнуты позитивные результаты в сфере торгово-экономического сотрудничества — объем торговли между КНР и странами, прилегающими к маршруту «пояса и пути», составил около 8 трлн юаней, увеличившись на 18,5 % по сравнению с 2017 г. (когда он составил 7,4 трлн юаней), а темпы роста внешнеторгового оборота КНР со странами, участвующими в строительстве «пояса и пути», превысили на 3,8 % темпы роста всей внешней торговли Китая[6]. В 2017 г. общий объем экспорта Китая в страны вдоль «пояса и пути» достиг 4,3 трлн юаней (рост на 12,1 % по сравнению с 2016 г.), а объем импорта товаров из этих стран равнялся 3,1 трлн юаней (увеличение на 26,8 % по сравнению с предыдущим годом). Общий объем прямых зарубежных инвестиций китайских компаний в страны, прилегающие к маршруту «пояса и пути», составил 14,4 млрд долл., а объем контрактов на выполнение подрядных работ, подписанных странами вдоль маршрута «пояса и пути», — 14,43 млрд долл. (рост на 14,5 % по сравнению с 2016 г.)[7]. В 2018 г. около 100 крупных государственных компаний и корпораций КНР имели около 8,5 тыс. филиалов и отделений в 150 странах мира, из них около 80 китайских государственных компаний открыли свои подразделения в странах, примыкающих к маршруту «пояса и пути»[8].

Во время своего выступления в 2018 г. на Форуме по международному экономическому сотрудничеству в рамках реализации стратегии «пояса и пути» министр транспорта КНР отметил, что к началу 2019 г. было введено в действие 386 трансграничных маршрутов автомобильных и железнодорожных перевозок между КНР и 17 странами, участвующими в плане строительства маршрута «одного пояса и одного пути». Согласно аналитическому докладу крупной международной кредитно-страховой компании Euler Hermes, опубликованному в начале 2019 г., внешняя торговля между КНР и странами, поддерживающими инициативу строительства «одного пояса и одного пути», дополнительно увеличит в 2019 г. объем мировой торговли на 117 млрд долл., обеспечит увеличение темпов роста объема мировой торговли на 0,3 п.п., темпов роста мирового ВВП на 0,3 п.п., а стоимость китайских экспортных товаров в страны, прилегающие к маршруту «одного пояса и одного пути», в 2019 г. может составить 56 млрд долл.[9]

Центром, откуда расходятся основные континентальные автомобильные маршруты из КНР в западном и южном направлении в рамках ЭПШП, является СУАР. В 2017 г. общий объем капиталовложений в развитие транспортной системы автономного района превысил общий объем инвестиций правительства СУАР в расширение своей транспортной сети в период 12-й пятилетки (2010 — 2015 гг.) и составил 509 млрд юаней (75 млрд долл.)[10], причем объем инвестиций СУАР в развитие автомобильных дорог (201,5 млрд юаней/31,3 млрд долл.) увеличился в 6 раз по сравнению с 2016 г.[11] В 2017 г. в автономном районе было построено около 200 км скоростных автомобильных магистралей, 1,5 тыс. км автомобильных дорог национального и регионального значения, 29,7 тыс. км сельских дорог, реконструировано и улучшено покрытие автомобильных дорог в 220 городах и 2,1 тыс. деревнях. Для обеспечения работ на объектах транспортного строительства местные власти наняли 150 тыс. сельских рабочих, причем 93,5 % из них составляли жители СУАР. В начале 2018 г. общая протяженность автомобильных дорог СУАР составила 196 тыс. км, из них протяженность скоростных автомагистралей — 4650 км[12].

Столь значительный прирост инвестиций в развитие региональной транспортной инфраструктуры в последние годы позволит автономному району к 2020 г. создать надежную сеть автомобильных дорог общей протяженностью 82,3 тыс. км, соединяющую все города и уезды СУАР, которая обеспечит 40%-ное сокращение себестоимости перевозки как региональных, так и международных транзитных грузов в рамках реализации инициативы ЭПШП. В 2018 г. объем внешнеторгового оборота СУАР со странами, прилегающими к маршруту «пояса и пути», составил 291,5 млрд юаней (43 млрд долл.) (увеличившись по сравнению с 2017 г. на 13,5 %), причем 98,2 % объема внешней торговли было осуществлено через КПП автономного района. Объем экспорта в страны, расположенные вдоль маршрута «одного пояса и одного пути», составил 152,1 млрд, объем импорта — 139,4 млрд юаней (рост на 0,7 и 31,7 % соответственно). Основными внешнеторговыми партнерами СУАР в 2018 г. были Россия и страны ЦА, причем Казахстан в этом рейтинге занял 1-е место с объемом внешнеторгового оборота в 104,9 млрд юаней, а за ним следовала Россия — 61,3 млрд юаней[13].

Сухопутная часть МШП XXI в. будет пролегать по Экономическому коридору Китай—полуостров Индокитай (ЭККПИК) и (в первую очередь, по территории «Субрегиональной экономической зоне Ланьцанцзян—Меконг, или Большой Меконг, которая является составной частью ЭККПИК). Субрегион Ланьцанцзян—Меконг (Lancang—Mekong) получил свое название по имени реки, которая протекает по территории 6 стран (Таиланд, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа) и КНР — в первых 5 странах реку называют Меконг, а в Китае ее называют Ланьцанцзян.

Одна из основных задач создания этой экономической зоны заключалась в развитии региональной автомобильной транспортной инфраструктуры — решение этой задачи позволяет Китаю активизировать развитие приграничных городов пров. Юньнань, имеющей общую сухопутную границу с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом протяженностью около 4 тыс. км, и ГЧАР, являющегося единственным автономным районом КНР, имеющим общую морскую и сухопутную границу со странами ЮВА. В 2018 г. объем торговли КНР с 5 странами субрегиона Ланьцанцзян—Меконг превысил 250 млрд долл., страны субрегиона реализовали более 270 совместных проектов (общей стоимостью более 30 млрд долл.), из которых 80 проектов были направлены на развитие сети региональной автомобильной инфраструктуры общей стоимостью 11 млрд долл.[14] 15 декабря 2017 г. в г. Дали (пров. Юньнань) состоялось 3-е заседание министров иностранных дел по сотрудничеству в бассейне реки Ланьцанцзян—Меконг, на котором был принят «План развития сети автомобильных дорог субрегиона Ланьцанцзян—Меконг на период 2017 — 2020 гг.», который предусматривает ускорение строительства национальных автомобильных дорог стран ЮВА для создания комплексной паназиатской сети автомагистралей.

В конце 2016 г. была сдана в эксплуатацию секция скоростной дороги, соединяющая Таиланд, Мьянму и Индию, протяженностью 25,6 км и являющаяся частью азиатского автомобильного транспортного коридора Восток—Запад. В августе 2017 г. на западе Камбоджи при помощи китайских инженеров началось строительство скоростной национальной автострады № 44 протяженностью 140 км, осуществляемое за счет кредитов центральных банков КНР, а в декабре 2017 г. китайская строительная компания Changda Highway Engineering Co Ltd (пров. Гуандун) получила контракт стоимостью 20 млн долл. на реконструкцию участка национальной автострады № 7 протяженностью 107 км[15].

В конце марта 2019 г. в Камбодже началось строительство 1-й скоростной автомобильной магистрали, которая сократит время в пути между столицей Пномпенем и приморской пров. Преа Сианук с 5 до 2,5 ч, а прокладка автомагистрали стоимостью около 2 млрд долл. будет осуществляться за счет кредита, предоставленного коммерческими банками КНР. В январе 2018 г. началось строительство скоростной автомобильной дороги в Лаосе по маршруту Вьентьян—Ванг-Вьенг (город расположен на р. Нам в 110 км от Вьентьяна). Скоростная автострада будет проходить параллельно национальной автомобильной дороги № 13 и в будущем, продлившись до границы с Китаем, станет важнейшим звеном проекта создания паназиатского международного скоростного автомобильного коридора. Общий объем инвестиций в прокладку нового 4-полосного шоссе составит 1,3 млрд долл., китайская строительная компания из провинции Юньнань Yunnan Construction Engineering Group, применяя специфическую форму государственно-частного партнерства в форме BOT (Build, Operate,

Transfer, или строительство, эксплуатация, передача), обязуется построить дорогу за 2 года. Общая протяженность скоростной автомобильной дороги составит 113,5 км, а автомобили будут развивать скорость до 110 км/ч[16]. Сооружаемый на территории стран ЮВА в рамках развития Субрегиональной экономической зоны Ланьцанцзян—Меконг азиатский автомобильный транспортный коридор Восток—Запад протяженностью более 1,5 тыс. км должен связать КНР, Вьетнам, Лаос, Таиланд, Камбоджу и Мьянму. Объединенная транспортная сеть в будущем соединит Тихий океан с Индийским, сократит время транспортировки, снизит себестоимость грузоперевозок и придаст мощный импульс развитию прилегающих территорий.

В 2017 г. было закончено строительство автомобильного коридора, связывающего г. Чунцин и провинции Центрального Китая со странами ЮВА. Коридор состоит из трех маршрутов. 1-й маршрут был запущен в эксплуатацию в апреле 2016 г. и соединяет Чунцин через ГЧАР с Ханоем (Вьетнам). Грузовые автомобили преодолевают расстояние в 1,4 тыс. км между Чунцином и Ханоем за 40 ч. 2-й и 3-й маршруты были открыты в сентябре 2018 г. и связали г. Чунцин через приграничный г. Мохань (пров. Юньнань) с Вьентьяном (Лаос) и г. Янгун (Мьянма), а к 2020 г. общая стоимость перевозимых по 3 маршрутам грузов составит 20 млрд юаней (около 3 млрд долл.)[17]. В будущем страны ЮВА могут использовать этот коридор для подключения к перевозкам железнодорожной сети Чунцина с целью выхода на европейские рынки и увеличения объемов своего внешнеторгового оборота. С целью создания единой региональной сети сухопутного сообщения, соединяющей КНР с Сингапуром, расширяется инфраструктура автомобильного транспорта.

В 2016 г. было закончено строительство 4-го моста через р. Меконг, который позволил открыть прямое сквозное сообщение по автомобильной магистрали Куньмин—Бангкок (пров. Юньнань—Лаос—Таиланд), увеличить грузопоток и снизить себестоимость перевозок. 7 января 2019 г. 8 западных административных единиц провинциального уровня (муниципалитет г. Чунцина, власти провинции Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай и Юньнань, ГЧАР, СУАР, НХАР) подписали рамочное соглашение в Чунцине о сотрудничестве в строительстве нового международного сухопутно-морского торгового коридора. Новый международный транспортный коридор представляет собой торговый и логистический маршрут, созданный в рамках инициативы «Стратегического соединения Китай—Сингапур».

Ранее более длительная и дорогостоящая логистика по морю из восточных провинций Китая была одним из узких мест, препятствующих развитию западных регионов КНР, а в 2019 г. коридор соединял 155 портов в 71 стране и регионе по всему миру, улучшив транспортную связь между странами ЭПШП и МШП XXI в. Используя преимущества автомобильного транспорта (быстрота и

оперативность при доставке по схеме «от дверей до дверей»), этот коридор суша/море позволяет обеспечивать транспортировку грузов и в другие регионы мира. Поскольку г.Чунцин является центральным исходным транспортным узлом маршрута, то новый международный коридор использует порты в заливе Бэйбу в ГЧАР для последующей транспортировки грузов в порты Сингапура и других стран АСЕАН, а также континентальные автомобильные и железнодорожные маршруты Китай—Европа, Китай—Центральная и Южная Азия. Новый международный сухопутно-морской торговый коридор получил свое название в ноябре 2018 г., а до этого после запуска в эксплуатацию в 2017 г. он назывался Южно-китайским транспортным коридором (первоначально только Чунцин, ГЧАР, Гуйчжоу и Ганьсу в августе 2017 г. подписали соглашение о создании коридора, а в июне и ноябре 2018 г. Цинхай и СУАР присоединились к сотрудничеству). Согласно статистическим данным, к началу 2019 г. было запущено в общей сложности 805 железнодорожных грузовых поездов по коридору, а объем автомобильных перевозок грузов составил 18 млн т[18].

Библиографический список

1. 8 western Chinese provinces cooperate to build new int'lland-sea trade corridor. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-01/08/content_74351372.htm

2. AIIB expects to sign 85 members by year' send. URL: http://www. chinadaily.com.cn/business/2018-05/22/content_29438541.htm

3. AIIB to build US$500M credit portfolio to invest in infrastructure bonds. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-01/09/content_74356008.htm

4. AIIB operating to the highest int'l standards. URL: http://china.org.cn/business/2017-12/24/content_41942803.htm

5. AIIB quickly rising to global role, says bank president. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812 /02/WS5a2b 8817a310eefe3e9a0f38.html

6. Asian Cooperation. Yunnan is ready to serve as the gateway to connect China with South and Southeast Asia. URL: http://www.bjreview.com.cn/Business/201903/t 20190301_800158356.html

7. Belt and Road development makes solid progress in 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/26/WS5a6a86a1a3106e7dcc136c0d.html

8. Belt and Road Initiative making difference in Asia-Pacific region. URL: http://en. ce.cn/main/latest/201812/27/t20181227_31128378.shtml

9. BRI driving world growth, connectivity, analysts say. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/19/WS5c6b3863a3106c65c34e9fa8.html

10. Chinese firm wins bid to upgrade, maintain national road in Cambodia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/29/WS5a45ac6aa31008cf16da4351.html

11. Exploring Belt and Road Opportunities. Localization helps a Chinese SOE make inroads into overseas markets. URL: http://www.bjreview.com/Business/ 201701/t20170109_800084922.html

12. Lao express way to stretch to China: Official media. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/04/WS5a4dbe20a31008cf16da50dd.html

13. Li lauds Lancang-Mekong cooperation, China-Cambodia friendship. URL: http://www.china.org.cn/world/2018-05/09/content_50206895.htm

14. Motor vehicles in Urumqi near 1 mln. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-04/07/content_40573856.htm

15. New Silk Road. URL: http://www.bjreview.com.cn/ This_Week/2017-01/25/content_593103.htm

16. Xinjiang foreign trade with B&R countries rises in 2018. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/15/WS5c665f51a3106c65c34e9956.html

17. Xinjiang spends US$31.3 billion on road construction in 2017. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-01/16/content_50232955.htm

18. Xinjiang to invest $70 billion in infrastructure in 2018. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/07/WS5a51bf96a31008cf16da58c5.html

References

1. 8 western Chinese provinces cooperate to build new int'l land-sea trade corridor. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-01/08/content_74351372.htm

2. AIIB expects to sign 85 members by year's end. URL: http://www. chinadaily.com.cn/business/2018-05/22/content_29438541.htm

3. AIIB to build US$500M credit portfolio to invest in infrastructure bonds. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-01/09/content_74356008.htm

4. AIIB operating to the highest int'l standards. URL: http://china.org.cn/business/2017-12/24/ content_41942803.htm

5. AIIB quickly rising to global role, says bank president. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812 /02/WS5a2b 8817a310eefe3e9a0f38.html

6. Asian Cooperation. Yunnan is ready to serve as the gateway to connect China with South and Southeast Asia. URL:http://www.bjreview.com.cn/Business/201903/t20190301_800158356.html

7. Belt and Road development makes solid progress in 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/26/WS5a6a86a1a3106e7dcc136c0d.html

8. Belt and Road Initiative making difference in Asia-Pacific region. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201812/27/t20181227_31128378.shtml

9. BRI driving world growth, connectivity, analysts say. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/19/WS5c6b3863a3106c65c34e9fa8.html

10. Chinese firm wins bid to upgrade, maintain national road in Cambodia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/29/WS5a45ac6aa31008cf16da4351.html

11. Exploring Belt and Road Opportunities. Localization helps a Chinese SOE make inroads into overseas markets. URL: http://www.bjreview.com/Business/201701/t20170109_800084922.html

12. Lao expressway to stretch to China: Official media. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/04/WS5a4dbe20a31008cf16da50dd.html

13. Li lauds Lancang-Mekong cooperation, China-Cambodia friendship. URL: http://www.china.org.cn/world/2018-05/09/content_50206895.htm

14. Motor vehicles in Urumqi near 1 mln. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-04/07/content_40573856.htm

15. New Silk Road. URL: http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2017-01/25/content_593103.htm

16. Xinjiang foreign trade with B&R countries rises in 2018. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/15/WS5c665f51a3106c65c34e9956.html

17. Xinjiang spends US$31.3 billion on road construction in 2017. URL: http://www.china.org.cn/business/2018-01/16/content_50232955.htm

18. Xinjiang to invest $70 billion in infrastructure in 2018. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/07/WS5a51bf96a31008cf16da58c5.html

Примечания

[1] New Silk Road. URL: http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2017-01/25/content_593103. htm.

[2] AIIB expects to sign 85 members by year's end. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/ 2018-05/22/content_29438541.htm

[3] AIIB to build US$500M credit portfolio to invest in infrastructure bonds. URL: http://www.china.org.cn/business/2019-01/09/content_74356008.htm

[4] AIIB operating to the highest int'l standards. URL: http://china.org.cn/business/2017-12/24/ content_41942803.htm

[5] AIIB quickly rising to global role, says bank president. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812 /02/WS5a2b 8817a310eefe3e9a0f38.html

[6] Belt and Road Initiative making difference in Asia-Pacific region. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201812/27/t20181227_31128378.shtml

[7] Belt and Road development makes solid progress in 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/26/WS5a6a86a1a3106e7dcc136c0d.html

[8] Exploring Belt and Road Opportunities. Localization helps a Chinese SOE make inroads into overseas markets. URL: http://www.bjreview.com/Business/201701/t20170109_800084922.html

[9] BRI driving world growth, connectivity, analysts say. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/ 201902/19/WS5c6b3863a3106c65c34e9fa8.html

[10] Xinjiang to invest $70 billion in infrastructure in 2018.URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/07/WS5a51bf96a31008cf16da58c5.html

[11] Motor vehicles in Urumqi near 1 mln. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-04/07/content_40573856.htm; Xinjiang to invest $274b in transport. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1069322.shtml (дата обращения: 10.10.2017).

[12] Xinjiang spends US$31.3 billion on road construction in 2017. URL: http://www.china.org.cn/ business/2018-01/16/content_50232955.htm

[13] Xinjiang foreign trade with B&R countries rises in 2018. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201902/15/WS5c665f51a3106c65c34e9956.html

[14] Li lauds Lancang-Mekong cooperation, China-Cambodia friendship. URL: http://www.china.org.cn/world/2018-05/09/content_50206895.htm; How Lancang-Mekong Cooperation is changing the region. URL: http://english.scio.gov.cn/in-depth/2018-07/04/content_54805619.htm

[15] Chinese firm wins bid to upgrade, maintain national road in Cambodia. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/201812/29/WS5a45ac6aa31008cf16da4351.html

[16] Lao expressway to stretch to China: Official media. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/ 201801/04/WS5a4dbe20a31008cf16da50dd.html

[17] Asian Cooperation. Yunnan is ready to serve as the gateway to connect China with South and Southeast Asia. URL:http://www.bjreview.com.cn/Business/201903/t20190301_800158356.html

[18] 8 western Chinese provinces cooperate to build new int'l land-sea trade corridor. URL: http:// www.china.org.cn/business/2019-01/08/content_74351372.htm

В.И. Балакин,
ИДВ РАН, к.ю.н.

СОВРЕМЕННОЕ КИТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА КОНТИНЕНТЕ ЕВРАЗИЯ

Аннотация. Специфика становления нынешнего государства в КНР заключается в усвоении и адаптации к внутренним условиям зарубежного опыта и переосмыслении традиций китайского народа. Китайская цивилизация не отказывается от признания в качестве абсолюта законов высшей государственной Мудрости, сформированных в конфуцианском учении, смысл которого представляет собой достижение социальной гармонии в контексте мудро управляемого государства.

Геополитические процессы КНР рассматривает с точки зрения появляющихся на евроазиатском пространстве рисков и возможностей. Пекин воспринимает китайскую политику в Евразии через призму конкурентной борьбы не только с США, но и, весьма вероятно, с Россией. В связи с этим Китай пытается разными способами усилить свои конкурентные преимущества и задействовать их в качестве главного ресурса своей глобальной конкурентоспособности. Выстраивая динамическую модель евроазиатской интеграции, КНР рассматривает ее «погруженной во внешний мир и одновременно втягивающей этот мир в себя».

Геополитическая стабильность в Евразии в значительной степени предопределена стабильностью влияния китайского государства на сопредельные страны, а также возможностями использования Китаем разнообразного набора инструментов для обеспечения возросших геополитических притязаний. Руководство КНР осознает,

что в Евразии отсутствуют формальные механизмы обеспечения комплексной безопасности, однако имеются неформальные, которые функционируют в условиях нестабильности основных субъектов евроазиатской интеграции. Основные геополитические интересы китайского государства сводятся к продвижению национальных экономических интересов, устойчивому развитию экономического сотрудничества с ближайшими соседями, а также обеспечению безопасности на евроазиатском пространстве. В геополитическом плане Китай видит угрозу в евроазиатской политике США и Запада в целом, которая подрывает стабильность в Евразии, вынуждая китайское государство отвлекать огромные финансовые ресурсы на возрастающее военное противостояние.

Ключевые слова: Китай, государственность, цивилизация, гармония, модернизация, ШОС, США.

***Автор*:** Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: prof_bvi@mail.ru.

В современном мире Евразия постепенно становится центром геополитических противоречий трех ведущих национально ориентированных государств, какими являются КНР, США и Российская Федерация. Трехсторонний формат «Китай—США—Россия» представляет собой определенное противостояние значимых мировых игроков в различных сферах по широкому спектру геополитических проблем, включая глобальную безопасность, мировую экономику и современную энергетику. У КНР пока нет полностью разработанной внешнеполитической доктрины в отношении Евразии, но она явно находится в стадии формирования, поскольку китайская сторона активно ищет варианты своего влияния на мировое развитие. Прослеживается стремление Китая по-новому осмыслить происходящие на евроазиатском континенте геополитические процессы с целью модернизировать свое понимание вызревающих здесь серьезных угроз, появляющихся рисков и формирующихся возможностей. Пекин воспринимает политику в Евразии через призму конкурентной борьбы не только с США, но и, весьма вероятно, с Россией, пытаясь разными способами усилить свои конкурентные преимущества, задействовать их в качестве главного ресурса последовательного укрепления своей глобальной конкурентоспособности[1].

Проблема философского осмысления нового международного порядка в Евразии напрямую связана с естественными процессами перехода от «намертво застывшей» к «живой» гармонии взаимоотношений, когда возвращение от навязываемого «коллективным Западом рабского единства» в направлении природной свободы станет залогом последующего национального возрождения традиционалистских государственностей. В условиях современного глобального контекста Евразия отчетливо вступает в период постепенного преодоления ценностно-смысловых расхождений, исходя из объективной необходимости перехода

от норм хаотичности в государственном строительстве к естественным для каждой евразийской страны нормам веками сложившегося порядка. Переход от «хаоса к порядку» предполагает достижение временной устойчивости как главного условия заинтересованного взаимодействия евроазиатских государств в интересах достижения гармонии, нацеленной на формирование сложной самоорганизующейся системы, отрицающей любые проявления доминирования со стороны основной великой державы США. Выстраивая динамическую модель евроазиатской интеграции, в Китае предполагают рассматривать ее «погруженной во внешний мир и одновременно втягивающей этот мир в себя, выбрасывающей этот мир переработанным (организованным) в виде структуры, приемлемой для всех основных игроков на континенте Евразия»[2]. Именно поэтому в конфуцианстве любой хаос рассматривается как созидающее начало и конструктивный механизм эволюции традиционной государственности, которая непосредственно ведет от дезорганизации к системной организации.

Китайская государственность как фактор геополитической стабильности в Евразии сегодня практически не оспаривается в исследовательских кругах ведущих стран мира. Более того, концепция становления КНР как сверхдержавы в XXI веке уже приобрела неологизм Pax Sinica (лат. — «китайский мир»), то есть происходит возникновение и продвижение глобального проекта наращивания китайского экономического, военного и политического влияния, на начальной стадии которого уже заметно доминирование Китая в рамках евроазиатского пространства.

С точки зрения КНР, существуют две важнейшие особенности формального интеграционного взаимодействия в Евразии: во-первых, интеграция неизбежно связана с созданием множества пересекающихся «клубов по интересам», в которых те или иные страны пытаются совместно решить возникающие перед ними проблемы; во-вторых, в Китае предвидят абсолютно неизбежную конкуренцию региональных группировок и их жесткое соперничество[3]. Китайские власти делают основной акцент на особенностях государственно-цивилизационного восприятия ведущими игроками евроазиатского пространства нового многополярного мира, который должен стать значительно более устойчивым, чем прежний американоцентричный однополярный мир. Пекин весьма серьезно рассматривает происходящие изменения в международном балансе сил на евразийском континенте и ощущает необходимость концептуализации сложившегося положения с учетом возрастающей напряженности в отношениях Российской Федерации с так называемым «коллективным Западом».

Концептуализация в первую очередь предполагает осознание новой роли самого китайского государства, рост влияния которого в обозримом будущем неизбежен. Соседние евроазиатские страны, видимо, должны искать пути не его бесперспективного сдерживания, а использования в интересах собственного

развития. Жестко централизованная власть выступает в качестве основы модели функционирования и стабильности государства в КНР. В конфуцианской традиции общество и государство всегда отождествлялись с патриархальной семьей, и чем сильнее проявляется внешнее влияние на традиционные китайские структуры со стороны европейской цивилизации, тем более сильной оказывалась консолидация социальных сил на основе традиций китайской культуры и образа жизни. Учение Конфуция о системе эффективного управления государством и народом осуществляется, прежде всего, исходя из добродетели «справедливость перед лицом Неба». Традиционное китайское мировоззрение на национальную государственность определяется гармонией, согласием и единением народа, стремлением поддерживать согласованный порядок и стабильность в окружающем мире, уважать расхождения во взглядах и мнениях, но рассматривать разногласия как основу для выработки мирных методов разрешения конфликтов и противоречий[4].

Принцип приоритета государственных интересов над личными сохраняется не только в КНР, но и практически во всех странах восточной части евроазиатского континента. Определяющая роль государства, основанного на сильной централизованной власти, выступает в качестве базы развития современной китайской цивилизации, придавая ей устойчивость и стабильность. Современное государство в Китае продолжает рассматриваться воплощения воли китайского народа, хранителя нравственности и сложившегося порядка, выраженного в строго иерархичной модели управления, осознанной дисциплинированности, готовности поддерживать политическую стабильность ради достижения целей национального возрождения.

Вместе с тем XXI век для Китая отмечен огромным количеством социальных преобразований, в том числе в системе традиционных ценностей, что выражается в появлении отдельных примеров возникновения плюрализма мнений при обсуждении общезначимых государственных проблем, а также в более внимательном изучении общественного мнения как внутри страны, так и за рубежом[5].

Геополитическая стабильность в Евразии в значительной степени предопределена влиянием китайского государства, прежде всего, на сопредельные страны, а также объективным расширением возможностей использования Китаем самого разнообразного набора инструментов для обеспечения возросших геополитических притязаний. В то же время, укрепляя китайское государство изнутри, руководство КНР осознает, что в Евразии отсутствуют формальные механизмы обеспечения комплексной безопасности, однако есть неформальные, которые функционируют в условиях нестабильности во взаимоотношениях основных субъектов евроазиатской интеграции. Геополитические интересы китайского государства сводятся, прежде всего, к продвижению его экономических интересов, последовательному развитию торгового сотрудничества с ближай-

шими соседями, а также обеспечению безопасности на евроазиатском пространстве, учитывая объективные факторы, совпадающие с интересами наиболее влиятельных партнеров[6]. В геополитическом плане Китай видит угрозу в евроазиатской политике США и Запада в целом, которая подрывает стабильность на континенте, вынуждая китайское государство отвлекать огромные финансовые ресурсы на военное противостояние.

Вследствие этого современное китайское государство, прежде всего, ориентируется на укрепление внутренней и региональной безопасности в интересах противодействия американской политике «смены режимов» в Евразии. Геополитический смысл процесса переформатирования современной китайской государственности состоит в поиске адекватного ответа на намерение нынешней администрации США совершить поворот к реорганизации всего евроазиатского пространства в интересах придания ему максимально благоприятного для Вашингтона развития[7]. В связи с этим наблюдается активный поиск властей КНР вариантов глубокого переосмысления роли китайского государства в Евразии в сторону усиления имперских амбиций. Отдельные международные эксперты предполагают также наличие реального желания Пекина создать современную империю, но не в классической форме контроля над соседними территориями, а в неоимпериалистическом варианте, во многом основанном на сложной многовекторной политике.

При реализации политического курса на построение современной китайской государственности руководство КНР, скорее всего, сделает ставку на обеспечение стабильного развития внутри страны посредством направления основных усилий на унификацию региональных проектов в сфере инфраструктурного строительства в Евразии, рассчитывая через проект «один пояс, один путь» задействовать накопленные финансовые резервы не только для инвестиционного стимулирования внутреннего рынка, но и в интересах «пристегивания» к нему соседних регионов приграничных государств. Наглядным примером является история присоединения, несмотря на возражения американской администрации, ряда союзников США к предложенному КНР Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций. Последнее может стать ключевым фактором при формировании новой геополитической реальности под названием «Большая Евразия», вызревающей на основе равноправных отношений государств, объединенных значительными политическими и экономическими интересами, выступающих за многополярную систему, свободную от диктата объединенного Запада во главе с США[8].

Руководство современного китайского государства исходит из того, что КНР должна стать геополитическим ядром евроазиатского географического пространства, консолидирующим его и выступающим в качестве общепризнанного верховного арбитра, улаживающего возникающие политические и экономические противоречия между странами Большой Евразии. Китай воспринима-

ется не только как экономический локомотив Евроазиатского региона, но и как мощное суверенное государство, активно противостоящее произволу и диктату со стороны «коллективного Запада», постоянно пытающегося стимулировать образование антикитайской коалиции.

Вместе с тем в Евразии есть немало желающих торпедировать усилия китайского государства по формированию евроазиатского сообщества (Япония, Индия, Вьетнам) и созданию в Евразии отдельных сфер устойчивого влияния, которые в перспективе Пекин предполагает довести до уровня комплексного обеспечения безопасности[9]. Выстраивая свою стратегию на континенте, КНР опирается на то, что народы Восточной, Центральной и Южной Азии сохранили общенациональное чувство идентичности, заставляющие их самостоятельно выбирать свой путь развития.

Китай весьма заинтересован в проекте создания общего экономического пространства от Шанхая до Лиссабона, однако ему предстоит снять напряжение нескольких геополитических факторов: Пекин настроен инициировать участие в евроазиатской интеграции лидера Евросоюза — Германии; Пекин рассчитывает, что Россия не будет препятствовать вовлечению в экономическое развитие Центральной Азии германского капитала; Пекин продвигает идею «трех главных двигателей» евроазиатской интеграции в составе Китая, России и Германии, которые никогда не поступятся государственным суверенитетом и будут развивать взаимодействие в рамках договорного межгосударственного сотрудничества.

По мере того, как на пути к новому международному правопорядку возникает все больше политических и экономических вызовов, руководство КНР осознает необходимость выработки обновленной парадигмы развития национальной государственности, способной в полной мере учесть устоявшиеся, проверенные временем ценности китайского общества[10]. В данном контексте китайское государство обращает внимание на постулаты конфуцианского подхода к построению государственной модели, позволяющей сохранять приверженность основополагающим формам и традициям общественных связей. Специфика исторического становления государства в Китае всегда заключалась не в подражательстве, а в усвоении и приспособлении к своим реальным условиям иного опыта, в своевременном переосмыслении отживших форм и методов государственного управления. Сложившиеся принципы конфуцианской государственности продолжают быть востребованными в современных условиях, когда происходит отказ от американской модели глобализации, поскольку данные принципы открыты новым направлениям философской мысли, включая пересмотр устоявшихся западных концепций[11].

Определяющая роль государства, основанного на сильной централизованной власти, выступает в качестве гарантии стабильности развития современной

китайской цивилизации, хранительницей нравственности и порядка, обеспечивает политическую устойчивость и высокую производственную дисциплину. Китайская государственность с ее традиционным приматом духовного над материальным, политики над экономикой в настоящее время весьма успешно справляется с сильным воздействием внешних факторов, негативно влияющих на внутренние процессы. Для стран Евразии китайская государственность выступает достойным примером конфуцианского постулата, смысл которого можно раскрыть в виде формулы: государство существует до тех пор, пока у него есть граждане, которые ощущают свою принадлежность к определенной общности, несут ответственность за ее историческую судьбу, воспринимают интересы национального государства как свои[12].

Исходя из долгосрочных приоритетов в Евразии, Китай будет осуществлять свою государственную политику, опираясь на максимальное наращивание социально-экономического развития страны и поддержание стабильности в окружающих КНР регионах. Для реализации данной политики Пекин станет наращивать военно-политическое сотрудничество с государствами евроазиатского континента, прежде всего, в двустороннем формате, а также в рамках ШОС, делая акцент на недопущении наращивания военной мощи США. Особое внимание китайское руководство будет уделять форсированному развитию северо-западных районов КНР, привлекая имеющийся здесь ресурсный потенциал для стимулирования создания мощного промышленного потенциала в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с тем, чтобы продвигать производимую здесь высокотехнологичную продукцию на рынки в страны Центральной Азии, Россию и Евросоюз. КНР будет распространять свою «мягкую силу», расширяя свое культурное влияние на всем евроазиатском пространстве, планируя превратить китайские геополитические интересы в жизненно важные, позволяющие Китаю установить в Евразии свое стратегическое влияние на долгий период. Китайское государство намерено в XXI веке позиционировать себя в качестве великой евроазиатской державы, отвергающей идеи антагонизма, конфронтационного восприятия мира в парадигме «Восток—Запад», и учитывать традиционные политические ценности локальных цивилизаций, последовательно формировать в Евразии договорный союз суверенных государств[13].

Существенным фактором геополитической динамики на евроазиатском континенте в настоящее время выступает Китай. Наряду с традиционными угрозами безопасности (межэтнические, внутриэтнические, клановые проблемы, нерегулируемая миграция, сложности трансграничной торговли, транзита и др.), периодически обостряются традиционные военные угрозы. Китайское государство будет наращивать «мягкую силу», расширяя свое цивилизационное присутствие в Евразии, находя приемлемые решения для учета взаимных интересов на том же постсоветском и на евроазиатском пространстве в целом[14]. Через ШОС

КНР рассчитывает сформировать договорно-правовую базу военно-политического взаимодействия, чтобы гарантировать оказание взаимопомощи в критических ситуациях и эффективное противодействие постоянно усиливающимся американским попыткам использовать афганский и иранский факторы для осложнения обстановки на евроазиатском континенте.

Библиографический список

1. Baumgartner, Craig S. Russia's Strategic Window of Window of Opportunity in Eurasia. Institute for National Security and Counterterrorism. Research project. Philadelphia, 2018.

2. Billioud, Sebastien. Confucianism, "cultural tradition" and official discourses in China at the start of the new century // China Perspectives, No.3. New York, Columbia University Press, 2007.

3. Bush, Richard C. The Emerging China-Russia Axis: The Return of Geopolitics? Center for East Asia Policy Studies. The Brookings Institutions' Report. US, 2016.

4. 魏佳 (Вэй Цзя). 论社会主义核心价值观与中国传统文化的关系. (К вопросу о ценностях социализма и отношениях в рамках традиционной китайской культуры). Zhongguo shehui kexueyuan. Beijing, 2015.

5. Franzke, Jochen. Nach dem Ende der Strategischen Partnerschaft (После окончания стратегического партнерства). Zürich, 2016.

6. Gosset, David. China and the Principle of Self-Determination. St Antony's International Review No.6. New York, 2010.

7. 宫力 (Гун Ли). 毛泽东的国际战略视野与新中国大国地位的确立. (Международное стратегическое видение Мао Цзэдуна и становление нового Китая в качестве великой державы). Shijie yu shehuizhuyi, No.3. Beijing, 2010.

8. Hanemann, Thilo; Huotari, Mikko. Eine Neue Ära Chinesischen Kapitals. MERICS gGmbH. Berlin. Deutschland, 2015.

9. Khiabani, Muhamad Spartacus. Chinas neue externe (Geo) Politik (Новая внешняя (гео) политика Китая). Freie Universität Berlin Verlag. Berlin, 2013.

10. Kita, Shinzo. Chugoku shijyo-o shikō shita kyoseigata seizo moderu (Кумулятивная производственная модель, ориентированная на китайский рынок). Kaihatsu kinyu kenkyusyo shyuppan. Tokyo, 2012.

11. Schiek, Sebastian. Bewegung auf der Seidenstraße. Stiftung Wissenschaft und Politik (Движение по Шелковому пути. Фонд Наука и Политика). Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2017.

12. Tanaka, Toschiro. Taoreru Yoroppa Remmei (Падающий Европейский союз) // Kokusai mondai, No.641. Keiyo daigaku syuppan. Tokyo, 2015.

13. Tomoda, Suzu. Wagakuni no yurasia gaiko (Внешнеполитический курс Японии). Nihon gaimusyo hokoku. Nohon kokusai mondai kenkyusyo syuppan. Tokyo, 2017.

14. 张健 (Чжан Цзянь). 民族国家构建与国家民族整合的双重变奏 — 近代中国国族构建的模式与效应分析. (Двойственная природа построения национального государства и государственная национальная интеграция — анализ модели и эффективности построения национального Китая в современную эпоху). Юньнань. 2014.

References

1. Baumgartner, Craig S. Russia's Strategic Window of Window of Opportunity in Eurasia. Institute for National Security and Counterterrorism. Research project. Philadelphia, 2018.

2. Billioud, Sebastien. Confucianism, "cultural tradition" and official discourses in China at the start of the new century. // China Perspectives, No.3. New York, Columbia University Press, 2007.

3. Bush, Richard C. The Emerging China-Russia Axis: The Return of Geopolitics? Center for East Asia Policy Studies. The Brookings Institutions' Report. US, 2016.

4. 魏佳 (Wei Jia). 论社会主义核心价值观与中国传统文化的关系. [On the Relationship between Socialist Core Values and Chinese Traditional Culture]. Zhongguo shehui kexueyuan. Beijing, 2015.

5. Franzke, Jochen. Nach dem Ende der Strategischen Partnerschaft. Zürich, 2016.

6. Gosset, David. China and the Principle of Self-Determination. St Antony's International Review No.6. New York, 2010.

7. 宫力 (Gong Li). 毛泽东的国际战略视野与新中国大国地位的确立. [Mao Zedong's International Strategic Vision and the Establishment of the Status of New China]. // Shijie yu shehuizhuyi, No.3. Beijing, 2010.

8. Hanemann, Thilo; Huotari, Mikko. Eine Neue Ära Chinesischen Kapitals. MERICS g GmbH. Berlin. Deutschland, 2015.

9. Khiabani, Muhamad Spartacus. Chinas neue externe (Geo) Politik. Freie Universität Berlin Verlag. Berlin, 2013.

10. Kita, Shinzo. Chugoku shijyo-o shikō shita kyoseigata seizo moderu. (Cumulative Productive Model Oriented to Chinese Market). Kaihatsu kinyu kenkyusyo shyuppan. Tokyo, 2012.

11. Schiek, Sebastian. Bewegung auf der Seidenstraße. Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2017.

12. Tanaka, Toschiro. Taoreru Yoroppa Remmei. (The Falling EU). Kokusai mondai, No. 641. Keiyo daigaku syuppan. Tokyo, 2015.

13. Tomoda, Suzu. Wagakuni no yurasia gaiko. (Foreign Policy of Japan). Nihon gaimusyo hokoku. Nohon kokusai mondai kenkyusyo syuppan. Tokyo, 2017.

14. 张健 (Zhang Jian). 民族国家构建与国家民族整合的双重变奏 — 近代中国国族构建的模式与效应分析. (Dual nature of Nation-State building and Nation-State Integration. Analysis of Contemporary China Nation Building).Yunan daxue chubanshe. 2014.

Примечания

[1] Bush, Richard C. The Emerging China-Russia Axis: The Return of Geopolitics? Center for East Asia Policy Studies. The Brookings Institutions' Report. US, 2016. P. 7.

[2] Hanemann, Thilo; Huotari, Mikko. Eine Neue Ära Chinesischen Kapitals. (Новая эра китайской столицы). MERICS gGmbH. Berlin. Deutschland, 2015. S. 55.

[3] Tomoda, Suzu. Wagakuni no yurasia gaiko (Внешнеполитический курс Японии). Nihon gaimusyo hokoku. Nohon kokusai mondai kenkyusyo syuppan. Tokyo, 2017. P. 46.

[4] 魏佳 (Вэй Цзя). 论社会主义核心价值观与中国传统文化的关系. (К вопросу о ценностях социализма и отношениях в рамках традиционной китайской культуры). Zhongguo shehui kexueyuan. Beijing, 2015. P. 68.

[5] Gosset, David. China and the Principle of Self-Determination. St Antony's International Review No.6. New York, 2010. P. 94.

[6] Franzke, Jochen. Nach dem Ende der Strategischen Partnerschaft (После окончания стратегического партнерства). Zürich, 2016. S. 118.

[7] Tanaka, Toschiro. Taoreru Yoroppa Remmei (Падающий Европейский союз). Kokusai mondai, No.641. Keiyo daigaku syuppan. Tokyo, 2015. P. 3.

[8] 宫力 (Гун Ли). 毛泽东的国际战略视野与新中国大国地位的确立. (Международное стратегическое видение Мао Цзэдуна и становление нового Китая в качестве великой державы). // Shijie yu shehuizhuyi, No.3. Beijing, 2010. P. 93.

[9] Khiabani, Muhamad Spartacus. Chinas neue externe (Geo) Politik (Новая внешняя (гео) политика Китая). Freie Universität Berlin Verlag. Berlin, 2013. S. 173.

[10] Billioud, Sebastien. Confucianism, "cultural tradition" and official discourses in China at the start of the new century. China Perspectives, No.3. New York, Columbia University Press, 2007. P. 53.

[11] Kita, Shinzo. Chugoku shijyo-o shikō shita kyoseigata seizo moderu (Кумулятивная производственная модель, ориентированная на китайский рынок). Kaihatsu kinyu kenkyusyo shyuppan. Tokyo, 2012. P. 38.

[12] 张健 (Чжан Цзянь). 民族国家构建与国家民族整合的双重变奏 — 近代中国国族构建的模式与效应分析 (Двойственная природа построения национального государства и государственная национальная интеграция — анализ модели и эффективности построения национального Китая в современную эпоху). Юньнань дасюэ чубаньшэ. 2014. P. 15.

[13] Baumgartner, Craig S. Russia's Strategic Window of Window of Opportunity in Eurasia. Institute for National Security and Counterterrorism. Research project. Philadelphia, 2018. P. 10.

[14] Schiek, Sebastian. Bewegung auf der Seidenstraße. Stiftung Wissenschaft und Politik (Движение по Шелковому пути. Фонд Наука и Политика). Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2017. S. 10.

Э.А. Меркулова (1933—2017),
ветеран ДА МИД СССР/России,
профессор, к.и.н.
К.К. Меркулов,
ИДВ РАН, д.э.н. (МАН Сан-Марино), к.и.н.

О НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ*

Аннотация. Даны оценки возможных направлений развития новой общественной идеологии. Отмечено, что многие трудности МКРД и его национально-государственных частей в значительной мере были связаны с этимологией терминов «социалистическое общество» и «коммунистическое общество», использованных К. Марксом и Ф. Энгельсом. Между тем данные категории явно нуждаются в качественном уточнении. Показательно, что сам «ранний» Маркс полагал, что «коммунизм — не предел человеческой истории...». Констатируется, что, как и феномен «глобализация», нынешние явления и процессы «постглобализма», «репатриотизации», «ресуверенизации» и т. п. также не означают «конца Истории» — идеи высказанной Ф.Фукуямы и поддержанной другими идеологами «вечного торжества» ценностей «либерально-рыночной демократии». Они могут указать новое направление

* Посвящается светлой памяти профессора К.А.Меркулова (1924—1999) и профессора Э.А. Меркуловой (1933—2017).

развития социального прогресса на длительную перспективу. Рассмотрен один из проектов новой общественной идеологии, разработанной группой российских мыслителей на основе системно-синергетического синтеза.

Ключевые слова: новая идеология, Россия, Китай, соразвитие, общественная идеология, передовое наследие, глобализация.

Авторы: Меркулова Элеонора Арменаковна (1933—2017), профессор, кандидат исторических наук, заслуженный ветеран НИО — ИАМП Дипакадемии МИД СССР-России;

Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: katenariy@gmail.com

В качестве краткого теоретико-методологического предисловия отметим, что многие трудности международного коммунистического и рабочего движения и его национально-государственных частей в значительной мере были связаны с этимологией терминов «социалистическое общество» и «коммунистическое общество», которые использовали К. Маркс и Ф. Энгельс. Данные категории явно нуждаются в качественном уточнении, чего, к сожалению, до сих пор не сделано. Показательно, что сам «ранний» Маркс полагал, что «коммунизм — не предел человеческой истории...»[1].

Особо хочется подчеркнуть, что, как и феномен «глобализация», нынешние явления «постглобализма», «репатриотизации», «ресуверенизации» и т. п. также не являются «концом Истории» — известной идеи высказанной Ф. Фукуямой и поддержанной другими идеологами «вечного торжества» ценностей «либерально-рыночной демократии», но могут указать новое направление развития социального прогресса на длительную перспективу. Конкретные направления, пути, формы и методы становления нового общества определит сама жизнь, а творческий долг учёных — посильно содействовать этому делу.

С учётом этого тезиса хотелось бы кратко презентовать ряд положений новой общественной идеологии, разработанной группой российских мыслителей на основе системного синтеза мирового интеллектуального наследия, которые уже нашли отражение в опубликованных ранее работах[2]. Они опираются на следующие положения:

Афоризм 1-й. «*Мир и гармония являются высшими добродетелями в небе и на земле»,* — авторство этих слов приписывается Конфуцию[3].

Афоризм 2-й. «*Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного Всевышнего Родителя, никогда между собою в распрю прийти не могут... А благоразумные и добрые люди должны рассматривать, нет ли какого способа к объяснению и отвращению мнимого между ними междоусобия*», — М.В. Ломоносов[4].

Цитата 1-я. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г., от 30.12.2008 г., от 05.02.2014 г., от 21.07.2014 г.) гласит:

«*Мы, многонациональный народ Российской Федерации,*

соединенные общей судьбой на своей земле,

утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие,

сохраняя исторически сложившееся государственное единство,

исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов,

чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость,

возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы,

стремясь обеспечить благополучие и процветание России,

исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями,

сознавая себя частью мирового сообщества,

принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Глава I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ.

Статья 1. Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления...

Статья 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»[5].

Цитата 2-я. Конституция КНР (в редакции 11.03.2018 г.) гласит:

«*Преамбула. ...Китайская Народная Республика — единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны. Уже установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплочённости, взаимопомощи и гармонии...*

Глава I. Основные принципы.

Статья 1. Китайская Народная Республика является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимого рабочим классом и основанном на союзе рабочих и крестьян. Социалистический строй является основным строем Китайской Народной Республики. Руководство со стороны Коммунистической партии Китая является самой сущностной особенностью социализма с китайской спецификой».

В Преамбуле к Конституции КНР перечислены цели борьбы народов всех национальностей Китая, руководимых КПК: *«...стимулировать гармоничное развитие материальной, политической, духовной, общественной и экологиче-*

ской культуры, превратить нашу страну в богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное и прекрасное социалистическое государство для реализации цели великого возрождения китайской нации»[6].

Цитата 3-я. Устав Коммунистической партии Китая (принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 г.) гласит: *«Общая программа. Коммунистическая партия Китая является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой и представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Высший идеал и конечная цель партии — осуществление коммунизма. Коммунистическая партия Китая руководствуется в своей деятельности марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства, научной концепцией развития, идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи... Со времени XVI съезда китайские коммунисты в лице своего главного представителя тов. Ху Цзиньтао... в свете новых требований... сформировали научную концепцию развития, которая видит в человеке основу основ и предполагает всесторонность, гармоничность и устойчивость развития»*[7].

Все вышеприведённые цитаты, с одной стороны, демонстрируют очевидную самобытность исторических устоев жизнедеятельности, специфику национальных культур и цивилизаций, своеобразие общественно-политического устройства и патриотической стратегии России и Китая. С другой, налицо значительный потенциал сторон в деле взаимного сопряжения не только на основе классической формулы «мирного сосуществования» государств с различными общественным строем, социально-политической идеологией и т. д., но и на базе взаимоприемлемого, взаимовыгодного и равноправного прогресса, к их синтезу с выходом на более высокий уровень, к более «продвинутой» формуле отношений сторон. Такой, например, может быть: «достойное внутреннее демократическое развитие», «международно-межцивилизационное соразвитие», «взаимовыгодное и равноправное сотрудничество и гармоничный патриотизм». Возможно, в уточнённой версии подобная формула может стать основой основ не «полумеханической реидеологизации» отношений России и Китая, а их уникальной идеологизации с ориентацией на главный принцип жизнеустройства сторон — достойную жизнь в единстве универсальных интерпатриотических ценностей, в том числе в духе «мировой мечты».

Эволюция идейно-политической платформы КПК ранее уже достаточно детально была проанализирована в отечественной и зарубежной научной литературе[8], в том числе в ряде новейших исследований[9]. Помимо официальных доку-

ментов КПК и КНР, особый интерес представляют мнения о сущности современной идеологии КПК в авторстве ряда зарубежных экспертов. Так, по авторитетной оценке профессора кафедры политологии Военно-морской академии США Ён Дэна, «национализм продолжает оставаться ключевым источником легитимности для правящей КПК»[10].

С точки зрения прогнозирования возможных вариантов дальнейшей эволюции идеологии КПК, **можно выделить следующие сценарии**:

1) «посткоммунистический уклон вправо»;

2) «неокоммунистический уклон влево»;

3) «сохранение относительного статус-кво»;

4) «глубокий кризис системы»;

5) генезис совершенно нового типа общественной, социально-экологической партийно-государственной идеологии в Китае, не исключая смену названия КПК.

Таким образом, не пытаясь вмешиваться во внутренние дела КПК и КНР, в качестве научной гипотезы можно условно предположить, что «здоровые силы» в КПК в широкой перспективе могут оказаться восприимчивыми к генезису вышеупомянутых форм теории и практики, включая проект новой планетарной идеологии совместного социально-экологического выживания и интерпатриотического соразвития России, Китая и других мировых центров.

Библиографический список

1. *Карапетянц И.В.* Роль идеологии в развитии российско-китайских отношений в контексте мировой политики. // Стратегический партнёрский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.

2. Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 11.03.2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 18.03.2019).

3. Конституция Российской Федерации. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 09.02.2019 г. URL: http://constitutionrf.ru/ (дата обращения: 18.03.2019).

4. *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Философия истинного добра: избранные основы: коллективная монография. М.: Спутник +, 2018.

5. Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018.

6. *Платонов С.* После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990.

7. Россия и Китай в условиях глобализации / рук. проекта и авт. коллектива М.Л. Титаренко; отв. ред. В.И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2005.

8. Устав Коммунистической партии Китая /принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 г. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 18.03.2019).

9. Yong Deng. China's Struggle for Status. The Realignment of International Relations / By Yong Deng. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge CB2 8RU, UK. First published in print format in 2008. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York. Paperback — eBook (NetLibrary).

References

1. Karapetyants I.V. Rol' ideologii v razvitii rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontekste mirovoy politiki. [The Role of Ideology in the Development of the Russian-Chinese Relations in the Context of World Politics]. // Strategicheskiy partnërskiy dialog mezhdu Rossiyey i Kitayem. Sovremennoye sostoyaniye, problemy i predlozheniya [The Strategic Partnership Dialogue between Russia and China. The Contemporary State, Problems and Proposals]. Moscow, 2014.

2. Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki (v redaktsii 11.03.2018 g.) [The Constitution of the People's Republic of China. Dated March 11, 2018]. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (date of use: 18.03.2019).

3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Aktual'naya redaktsiya s Kommentariyami po sostoyaniyu na 09.02.2019 g. [The Constitution of the Russian Federation as of February 9, 2019] — http://constitutionrf.ru/ (date of use: 18.03.2019).

4. Merkulova E.A., Merkulov K.A., Merkulov K.K. Filosofiya istinnogo dobra: izbrannyye osnovy: kollektivnaya monografiya [The Philosophy of the True Good: the Collective Monograph]. Moscow, 2018.

5. Novaya epokha: Kitay posle XIX s"yezda KPK. Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii TSentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN (Moskva, 14 i 16 marta 2018 goda) Otv. red. A.Vinogradov. [The New Epoch: China after the 19th CPC Congress. The Materials of the Annual Scientific Conference of the Center of Political Studies and Forecast of IFES RAS (Moscow, March 14 and 16, 2018)]. Moscow, 2018.

6. Platonov S. Posle kommunizma. Kniga, ne prednaznachennaya dlya pechati [After Communism. The Book, Not Destined for Publication]. Moscow, 1990.

7. Rossiya i Kitay v usloviyakh globalizatsii [Russia and China in the context of globalization] / Ruk. proyekta i avt. kollektiva M.L. Titarenko. Otv. red. V.I. SHabalin. Moscow, 2005.

8. Ustav Kommunisticheskoy partii Kitaya / prinyat s chastichnymi popravkami XIX Vsekitayskim s"yezdom KPK 24 oktyabrya 2017 g./ [The Charter of the Communist Party of China / Adopted with Partial Amendments by the 19th CPC Congress on October 24, 2017] — http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (date of use: 18.03.2019).

9. Yong Deng. China's Struggle for Status. The Realignment of International Relations / By Yong Deng. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge CB2 8RU, UK. First published in print format in 2008. Paperback — eBook (NetLibrary).

Примечания

[1] *Платонов С.* После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 242.

[2] *Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.* Философия истинного добра: избранные основы: коллективная монография. М.: Спутник +, 2018. 576 с.

[3] Афоризм Конфуция о высших добродетелях. Цит. по: Россия и Китай в условиях глобализации / рук. проекта и авт. коллектива М.Л. Титаренко; отв. ред. В.И. Шабалин. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 202.

[4] *Ломоносов М.В.* Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук майя 26 дня 1761 года. (Цит. по: Статья «Ломоносов М.В.» в Википедии — свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org.wiki/Ломоносов М.В. (дата обращения: 05.11.2018).

[5] Конституция Российской Федерации. Актуальная редакция с комментариями по состоянию на 09.02.2019 г. URL: http://constitutionrf.ru/ (дата обращения: 18.03.2019 г.).

[6] Конституция Китайской Народной Республики (в редакции 11.03.2018 г.). URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 18.03.2019 г.).

[7] Устав Коммунистической партии Китая /принят с частичными поправками XIX Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 г. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 18.03.2019 г.).

[8] *Карапетянц И.В*. Роль идеологии в развитии российско-китайских отношений в контексте мировой политики // Стратегический партнёрский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 67—74.

[9] Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК / Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018.

[10] Yong Deng. China's Struggle for Status. The Realignment of International Relations / By Yong Deng. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press, The Edinburgh Building, Cambridge CB2 8RU, UK. First published in print format in 2008. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York. Paperback — eBook (NetLibrary). P. 277.

Раздел III
ПРАВО

П.В. Трощинский,
ИДВ РАН, к.ю.н.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ КНР (1949—1954 гг.) (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Рассмотрены особенности организации и деятельности высших органов государственной власти и управления КНР «доконституционного» периода. После прихода к власти КПК начался процесс становления новой китайской государственности. На (пленарной) сессии Народно-политического консультативного совета Китая (НПКСК) в конце сентября 1949 г. были приняты три важных правовых документа, заложивших основу системы органов государственной власти и выступивших в качестве «неписанной» китайской конституции. Сессия НПКСК сыграла роль учредительного собрания и временно исполняла функции Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

На смену сессии НПКСК пришел Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), который в своем составе образовал Государственный административный совет (ГАС), Народно-революционный военный совет (НРВС), Верховный народный суд (ВНС) и Верховную народную прокуратуру (ВНП). Своим организационно-правовым статусом ЦНПС отрицал существование в КНР разделения властей, системы сдержек и противовесов. В лице ЦНПС оказались соединены как законодательные, так и исполнительные, судебные, надзорные функции, он руководил и воо-

руженными силами. Новый «мегаорган» не был никому подотчетен и возглавлялся одним лицом — председателем Центрального народного правительства (ЦНП).

Вся система органов государственной власти и управления в «доконституционный» период находилась в подчинении ЦНПС, по существу — председателя ЦНП, которым был избран Мао Цзэдун. С 1945 г. Мао являлся председателем ЦК КПК, а 1 октября 1949 г. был избран председателем НРВС, 9 октября — председателем Всекитайского комитета НПКСК. В результате, Мао Цзэдун на протяжении долгого периода единолично возглавлял партийную, государственную, военную, консультативную ветви власти. Таким образом, идея коллективного (соборного) управления государством не была реализована, и Китай в очередной раз превратился в государство с авторитарной формой правления, в «социалистическую монархию». Принятая в 1954 г. первая Конституция КНР, хотя и внесла существенные изменения в организационную структуру системы органов государственной власти и управления, однако укрепившийся к этому времени авторитаризм продолжил свое существование. К идеи возможного коллективного правления китайские власти возвратились лишь после смерти Мао, однако в настоящее время КНР переживает схожий с исследуемым историческим периодом процесс укрепления уже «нового авторитаризма».

Ключевые слова: Китай, Мао Цзэдун, государственный строй, органы власти, китайская специфика, конституция, авторитаризм, разделение властей.

Автор: Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: troshc@mail.ru

В 2019 г. Китайская Народная Республика отмечает 70-летний юбилей своего образования. С начала зарождения новой китайской государственности и до настоящего времени отечественная наука испытывает повышенный интерес к происходящим в КНР процессам, при этом особое место занимают исследования ее государственного строя. Система органов государственной власти и управления, созданная в КНР, на первый взгляд, чрезвычайно схожа с существовавшей в то время в СССР. Известно, что решающее влияние на выбор модели государственного управления руководителями китайского государства оказали советские специалисты, а сама республика конструировалась по советскому типу. Профессор Л.М. Гудошников по этому поводу писал: «изучение организации и деятельности высших органов государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики прежде всего приводит к выводу о единстве их сущности с аналогичными органами государства в Советском Союзе и других социалистических странах»[1].

Однако более детальное изучение законодательных (представительных), исполнительных, судебных и иных органов нового Китая позволяет сделать вывод о том, что в процессе их создания учитывались не только опыт «старшего брата» (СССР), но и «китайская специфика», что привело к появлению уникаль-

ной модели государственного строя, отличающейся как от стран капиталистического лагеря, так и от стран «развитого социализма». Не случайным является попытка лидеров социалистического Китая, после его образования в 1949 г., сочетать марксизм-ленинизм с китайской действительностью. Иными словами: учет национальных особенностей страны в политической практике[2].

Как и в республиках советского типа, в КНР была построена система, при которой в иерархии органов государственной власти и управления главенствующее положение занимает представительный орган. Фундаментом созданной и функционирующей в настоящее время системы явилась первая Конституция КНР 1954 г. и целый ряд органических законов. Именно в этот период впервые появились Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП) и его председатель, Председатель КНР, Государственный совет (Госсовет) и его премьер. К сожалению, в России, как в прочем и в зарубежной историографии, включая китайские источники, крайне мало исследуется период со времени образования в 1949 г. КНР до принятия в 1954 г. первой китайской Конституции. Однако не только с исторической, но и с практической точек зрения, период с 1949 по 1954 г. крайне важен в аспекте оценки происходящих в современном Китае при Си Цзиньпине изменений в политической системе страны.

Как уже было отмечено выше, действующая сейчас в КНР система высших органов государственной власти и управления получила конституционно-правовое закрепление в далеком 1954 г. До этого времени, на протяжении нескольких лет, в стране существовала по-своему уникальная система управления новым государством. Иными словами, в так называемый «переходный период» («восстановительный период»; «доконституционный период») (период от создания КНР до принятия Конституции 1954 г.) в КНР действовала временная система государственных органов.

Изучая государственный строй современного Китая, его политическую систему, высшие органы государственной власти и управления необходимо, в первую очередь, исследовать опыт государственного строительства КНР в первые годы её существования. Появлению ВСНП и ПК ВСНП, председателя КНР, Государственного комитета обороны (ГКО), органов суда и прокуратуры предшествовали долгие размышления о выборе наилучшей для нового Китая модели государственного аппарата. В первоначальных планах у руководства КНР не было создания ПК ВСНП, Государственного совета, председателя КНР, ГКО. По вопросу председателя КНР в партии вообще существовали совершенно противоположные мнения, вплоть до отрицания необходимости в его учреждении.

В «переходный» (иначе: «временный»; «восстановительный») период в самом его начале функции верховного представительного органа государственной

власти осуществляла (**пленарная) сессия** Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) (中國人民政治協商會議全體會議) (21—30 сентября 1949 г.). Открытие первой и **единственной в истории КНР** (пленарной) сессии НПКСК состоялось **21 сентября 1949 г.**На ней с программной речью выступил председатель КПК Мао Цзэдун[3]. Лидер КПК заявил, что сессия НПКСК осуществляет полномочия ВСНП. Но, что еще более важно, в период проведения сессии (по меткому слову проф. Л.М. Гудошникова, сессия НПКСК сыграла роль *учредительного собрания КНР*[4]) были приняты **три важнейших закона конституционного характера**[5]:

1. «*Закон об организации Народного политического консультативного совета Китая*» (иначе: «*Организационный статут*») (中國人民政治協商會議組織法) (далее: «Закон об организации НПКСК») (27.09.1949);

2. «*Закон об организации Центрального народного правительства*» (中央人民政府組織法) (далее: «Закон об организации ЦНП») (27.09.1949);

3. «*Общая программа Народного политического консультативного совета Китая*» (中國人民政治協商會議共同綱領) (далее: «Общая программа НПКСК») (29.09.1949).

Эти три «конституционных» документа **заложили основу государственного строя нового Китая** переходного периода. Они явились прообразом будущей Конституции, иначе — временной, **неписанной конституцией** КНР. Профессор Л.Д. Воеводин отмечал: «в течение пяти лет после провозглашения Китайской Народной Республики в качестве Основного закона страны действовали три законодательных акта — Организационный статут Народного политического консультативного совета Китая, Закон об организации Центрального народного правительства КНР и Общая программа Народного политического консультативного совета Китая»[6].

Констатируем, что во многих китайских источниках (и основанных на них отечественных, зарубежных работах) преимущественно исследуется лишь «Общая программа НПКСК», которая (лишь она одна) называется «временной» китайской Конституцией[7]. За рамками изучения зачастую остаются «Закон об организации НПКСК» и «Закон об организации ЦНП»[8]. Однако именно в них дается всесторонняя правовая регламентация действующим до 1954 г. (год принятия первой Конституции КНР) высшим органам государственной власти и управления. На наш взгляд, и «Общая программа НПКСК», и «Закон об организации ЦНП», и «Закон об организации НПКСК» — все эти три документа выступили в рассматриваемый период в качестве «неписанной», «временной» конституции. Они не только дополняли друг друга, но и не могли существовать один без другого.

Согласно ч. 2 ст. 12 «Общей программы НПКСК» верховным органом государственной власти в КНР являлось ВСНП. Однако до его созыва **сессия**

НПКСК выполняла функции ВСНП (ст. 3 «Закона об организации ЦНП»). Мы уже отмечали, что первая и единственная сессия НПКСК прошла в Пекине с 21 по 30 сентября 1949 г., затем и по настоящее время проходили лишь сессии Всекитайского комитета НПКСК[9]. Г.В. Игнатенко свидетельствует: «Выполнив свои учредительные функции, пленарная сессия Народного политического консультативного совета поручила осуществление функций высшего органа государственной власти избранному ею Центральному народному правительственному совету»[10]. Таким образом, после (пленарной) сессии НПКСК власть в государстве перешла в руки ЦНПС (中央人民政府委員會):

«Центральный народный правительственный совет представляет Китайскую Народную Республику во внешних сношениях, а внутри страны руководит государственной властью» (ст. 4 «Закона об организации ЦНПС»).

Иными словами, в созданной в «переходный» период конструкции государственного строя НПКСК, несмотря на огромную свою значимость для нового Китая, **не выступал в качестве высшего органа государственной власти**. В таковом статусе был ЦНПС.

В то же время в среде советских ученых-юристов существовало мнение, что в качестве высшего органа государственной власти **выступала сессия НПКСК** (но не сам НПКСК). Авторитетный проф. З.М. Черниловский писал: «...с формально-юридической точки зрения, Центральный народный правительственный совет ставится ниже пленарной сессии Народного политического консультативного совета, которую надо рассматривать как высший орган законодательной и одновременно исполнительной власти в Китае — до созыва Всекитайского собрания народных представителей» [11]. Иными словами, сессия НПКСК по своему характеру и полномочиям является подлинным верховным органом государственной власти, а остальные — лишь исполнители ее решений. Приведенная позиция имела бы право на существование, если бы НПКСК продолжил созывать свои (пленарные) сессии и стало бы ясно, как и кем его решения претворяются в жизнь. Однако этого не произошло, и вся власть в государстве перешла в руки ЦНПС, по сути, настоящего «мегаоргана».

Согласно «Закону об организации ЦНП» (ст. 5) — ЦНПС образовывал в своем составе:

Государственный административный совет (ГАС) (政務院) — высший исполнительно-распорядительный орган или правительство (понятию «правительство» ГАС соответствовал более, нежели ЦНП). Во главе — премьер (прообраз Государственного совета КНР). Основное отличие от правительств иных социалистических стран заключалось в том, что в его состав входили не все министры и, что самое важное, ГАС не осуществлял руководство вооруженными силами.

Народно-революционный военный совет (НРВС) (人民革命軍事委員會) — высший орган управления военными делами, иными словами — отдельная ветвь «власти», входящая в ЦНПС, но не подчиняющаяся ГАС. Во главе — председатель. Прообраз Государственного комитета обороны, а впоследствии Центрального военного совета как конституционного органа.

Верховный народный суд (ВНС) (最高人民法院) — высший судебный орган, прообраз современного ВНС КНР.

Верховную народную прокуратуру (ВНП) (最高人民檢察署) — высший надзорно-контрольный орган, прообраз современной ВНП КНР.

ЦНПС — уникальный орган, который своим существованием подтверждает на практике отрицание властями КНР теории разделения властей и общепринятой в западном мире системы сдержек и противовесов. По сути, в лице одного «мегаоргана» соединились как законодательные, так и исполнительные функции. З.М. Черниловский констатирует: «Отвергнув буржуазную идею “разделения властей”, китайская демократия создала орган, ставший центром всей правительственной деятельности в стране, — Центральный народный правительственный совет»[12]. «Под руководством и контролем Центрального народного правительственного совета, — писал полковник юстиции А.Е. Лунев, — действовали все высшие, центральные и местные органы государственного управления»[13].

Сказанное выше подтверждается и тем, что **организационное руководство всеми вышеперечисленными органами осуществлял председатель ЦНП** (о нем мы расскажем ниже). Иным словами, **Центральное народное правительство состояло из Центрального народного правительственного совета и находящихся под его руководством Государственного административного совета, Народно-революционного военного совета, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры**.

ЦНПС был наделен законодательными полномочиями: **в течение всех пяти лет своего существования** он **единственный принимал** в Китае **законы** (ГАС принимал лишь подзаконные акты)[14].

Кроме этого, ЦНПС проверял исполнение законов, а при необходимости вносил в них поправки (к примеру, неоднократные изменения «Закона об организации ЦНП»). **Все иные высшие государственные органы были подконтрольны ЦНПС**. Так, например, ст. 14 «Закона об организации ЦНП» устанавливала: «Государственный административный совет ответственен перед Центральным народным правительственным советом и отчитывается перед ним в своей работе». Кроме того, ЦНПС мог отменять или изменять решения Государственного административного совета.

ЦНПС также был правомочен ратифицировать, денонсировать или изменять договоры/соглашения, заключенные КНР с иностранными государствами (например, он ратифицировал советско-китайские договора и соглашения, заключенные

в «переходный» период), решать вопросы войны и мира, утверждать/изменять бюджет, назначать **высших должностных лиц в государстве** и др.

Широчайший круг полномочий, предоставленных законами («неписанной» китайской конституцией) ЦНПС, позволил советским ученым назвать его «главой государства». Так, проф. Г.В. Игнатенко называл его «коллегиальным главой государства»[15]. В свою очередь проф. Л.М. Гудошников писал: «в целом для периода 1949—1954 гг. высшим органом государственной власти и главой государства следует считать Центральный народный правительственный совет»[16]. За пятилетний срок своего существования ЦНПС провел 34 заседания, на которых принимались важные для государства решения.

Отметим также, что ЦНПС **не был подотчетен кому бы то ни было**, включая НПКСК. НПКСК обладал лишь правом вносить в ЦНПС предложения различного характера для их последующего рассмотрения.

Пункт 10 ст. 7 «Закона об организации ЦНП» закреплял за ЦНПС право на «подготовку и созыв Всекитайского собрания народных представителей». Так, в январе 1953 г. ЦНПС единогласно принял Постановление о созыве ВСНП и местных СНП всех ступеней, а 11 августа 1954 г. — принято решение о созыве первой сессии ВСНП первого созыва.

Особое место в созданной системе органов государственной власти принадлежало **председателю Центрального народного правительства**, который «руководит заседаниями Центрального народного правительственного совета и направляет его работу» (ст. 8 «Закона об организации ЦНПС»). Согласно ст.6 «Закона об организации ЦНПС», ЦНПС состоял из одного председателя ЦНП, шести его заместителей и пятидесяти шести членов ЦНПС, а также одного генерального секретаря.

В результате законодательного закрепления «мегаправомочий» за ЦНПС, лицо, становившееся председателем ЦНП, автоматически обладало колоссальными по объему возможностями контроля за всеми сферами государственной жизни: законодательной, исполнительной, военной, судебной, надзорной, дипломатической и иной. Не случайно, что на эту должность на первой сессии ЦНПС 30 октября 1949 г. был избран **Мао Цзэдун**, а его заместителями — Чжу Дэ, Лю Шаоци, Сун Цинлин, Ли Цзишэнь, Чжан Лань и Гао Ган. Председатель ЦНП обладал правом созывать заседания ЦНПС и председательствовать на них; руководил работой ЦНПС, а между заседаниями ЦНПС — руководил работой ГАС; председатель представлял КНР во вне, принимал иностранных послов и многое другое.

Мао Цзэдун занял не только пост председателя ЦНП. К этому моменту он был также председателем ЦК КПК (со времени проведения в 1945 г. VII съезда КПК). 1 октября 1949 г. на первом заседании ЦНПС Мао был избран и председателем НРВС, а 9 октября — председателем ВК НПКСК.

Таким образом, в результате созданной в 1949 г. конструкции политической системы, Мао Цзэдун занял основные властные посты в партии, политико-консультативном органе, армии и в высшем органе государственной власти. И хотя с формально-юридической точки зрения, Мао не являлся «главой государства», однако, по существу, он составлял прямую «конкуренцию» ЦНПС (который сам же и возглавлял) и по праву мог называться не просто «главой государства», а подлинным «китайским императором».

Отметим, что при построении политической системы **предполагалось создание коллективной системы управления государством**, при которой на высших постах в партии и государстве находились бы разные лица, способные сдерживать «имперские» амбиции друг друга, что исключило бы превращение Китая в авторитарное государство. К сожалению, этого так и не произошло.

Сказанное выше следует принимать во внимание при характеристике происходящих в современном Китае политико-правовых процессов. После прихода в 2012 г. к власти Си Цзиньпина он постепенно занял все наиболее важные руководящие посты в государстве. Си Цзиньпин является не только генеральным секретарем ЦК КПК, но и председателем КНР (при этом в 2018 г. было снято ограничение по сроку нахождения в этой должности), председателем Центрального военного совета (ЦК КПК и конституционного органа), председателем Центрального комитета по национальной безопасности (силовой блок), главой Центральной комиссии по всестороннему углублению реформ (до марта 2018 г. — Центральная руководящая группа по углублению реформ) (финансово-экономический блок), главой Центральной комиссии по безопасности сети Интернет и информатизации (до марта 2018 г. — Центральная руководящая группа побезопасности сети Интернет и информатизации) (китайский сегмент Интернета) и др. И хотя в действующем законодательстве КНР нет термина «глава государства», однако сосредоточенные в руках Си Цзиньпина полномочия свидетельствуют о фактическом им руководстве всеми происходящими в государстве процессами. Наверно единственная относительно важная властная позиция осталась Си Цзиньпинем не занятой — руководство ВК НПКСК.

Созданная в «переходный» период временная конструкция органов государственной власти и управления просуществовала до 1954 г. К моменту появления первой китайской конституции, путем долгих обсуждений и споров было принято несколько важных для политической системы КНР решений, которые реализуются в практической деятельности и законодательстве до настоящего времени:

во-первых, учрежден ПК ВСНП как постоянно действующий при однопалатном парламенте орган. Первоначально, согласно ч.2 ст.12 «Общей программы НПКСК», в качестве такого органа рассматривалось ЦНП. Представляется, что **лишь через ПК ВСНП возможно противостоять принимаемым в КПК**

решениям, противодействовать усиливающемуся авторитаризму в политическом механизме. Ни какой другой орган не способен сдерживать Си Цзиньпиня;

во-вторых, Центральное народное правительство теряет статус «мегаоргана» и превращается лишь в исполнительный орган с названием «Государственный совет» с включением в его состав всех министров и председателей комитетов. При этом в структуру Госсовета включили Министерство обороны, таким образом он стал номинально отвечать за развитие вооруженных сил страны;

в-третьих, в системе высших органов государственной власти учреждается пост «Председателя КНР», которого, по результатам оживленных дискуссий, определили не называть «главой государства». Лю Шаоци тогда заявлял: «Функции главы государства в нашей стране исполняются совместно Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей и председателем Китайской Народной Республики... Таким образом, глава государства в нашей стране коллегиальный»[17]. 27 сентября 1949 г. на этот пост был избран Мао Цзэдун;

в-четвертых, Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура выводились из состава ликвидируемого ЦНПС и становились самостоятельными конституционными органами, правда с подотчетностью ВСНП и его Постоянному комитету. Таким образом, ВНС и ВНП стали по статусу равными Государственному совету;

в-пятых, вместо Народно-революционного военного совета на конституционном уровне учрежден Государственный комитет обороны, председателем которого становится Мао Цзэдун. В связи с неопределенным правовым статусом нового органа (в Конституции КНР о нем не было ни строчки, кроме ст. 42: устанавливающей: «Председатель Китайской Народной Республики возглавляет вооруженные силы страны и является председателем Государственного комитета обороны») на 8 день после принятия первой Конституции, 28 сентября 1954 г. Политбюро ЦК КПК восстановило Центральный военный совет (ЦВС) ЦК КПК, который взял руководство вооруженными силами страны в свои руки. ГКО превратился в фиктивный орган, хотя и предусмотренный Конституцией. Однако это не нарушило систему единого руководства армией — во главе как ГКО, так и ЦВС встал один человек — Мао Цзэдун;

в-шестых, учреждалось Верховное государственное совещание (ВГС) (最高國務會議) (высший совещательный орган) во главе с председателем КНР, которое созывалось «в случае необходимости» в составе председателя КНР, председателя ПК ВСНП, премьера Госсовета и «других соответствующих лиц» (ст. 43 Конституции КНР). В истории КНР Верховное государственное совещание 16 раз созывалось Мао Цзэдуном и 4 раза Лю Шаоци. Предложения ВГС носили рекомендательный характер и предназначались для всех органов государственной власти и управления.

В связи с учреждением ПК ВСНП, созданием Государственного совета, включением в Конституцию председателя КНР, который возглавил ГКО и Верховное народное совещание, в стране появились новые руководящие должности: председатель ПК ВСНП, премьер Госсовета, председатель КНР, председателя ГКО. Наличие разных постов в системе органов государственной власти и управления должно было способствовать созданию коллективной системы управления государством. Однако, как свидетельствует дальнейшее развитие событий, этого опять не произошло. Принятие первой Конституции КНР ознаменовало собой создание новой системы государственных органов, которые подверглись уничтожению в годы «культурной революции». Но это уже отдельная, самостоятельная тема исследования, которое будет проведено нами позже.

Библиографический список

1. *Воеводин Л.Д.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.

2. *Гудошников Л.М.* Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960.

3. *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность / под ред. и с пред. Л.М. Гудошникова. М.: Спарк, 1998.

4. *Ершов А.В*. История формирования системы органов государственного управления КНР в период 1949—1957 гг. // Проблемы новой и новейшей истории Китая / отв. ред. Д.А.Смирнов. М.: ИДВ РАН, 2018.

5. *Ершов А.В*. Формирование системы органов государственного управления КНР в период 1949—1958 гг. // Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 24—25 октября 2018 г.) М.: ИДВ РАН, 2018.

6. Законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит.; под ред. и с вступит. ст. Е.Ф. Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.

7. *Игнатенко Г.В.* Система представительных органов Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

8. *Инако Цунэо*. Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. / пер. с яп. В.В.Батуренко и Е.Г.Пащенко; под ред. Л.М.Гудошникова, В.И.Прокопова. М.: Прогресс, 1978.

9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А.Страшун. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008.

10. *Лунев А.Е.* Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М.: Редакционно-издательский отдел, 1956.

11. Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950.

12. *Пивоварова Э.П., Титаренко М.Л.* Генезис теории социализма с китайской спецификой. // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Восточная литература, 1999.

13. *Черниловский З.М.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951.

14. 新中国法治建设与法学发展 60 年. (60 лет построению верховенства права и развитию юридической науки нового Китая) / под ред. Ли Линя (李林). Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2010.

15. 中国法制 60 年 (1949—2009) (60 лет законодательной системе Китая) (1949—2009) / под ред. Чжан Цзиньфаня (张晋藩). Сиань: Шаньсинское народное издательство, 2009.

References

1. *Voyevodin L.D.* Gosudarstvennyy stroy Kitayskoy Narodnoy Respubliki [State system of the People's Republic of China]. Moscow, 1956.

2. *Gudoshnikov L.M.* Vysshiye organy gosudarstvennoy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki. [The supreme bodies of state power and government of the People's Republic of China]. Moscow, 1960.

3. *Egorov K.A.* Predstavitel'naya sistema Kitaya: istoriya i sovremennost' [The representative system of China: history and modernity]. / Pod red. i s pred. L.M. Gudoshnikova. Moscow, 1998.

4. *Ershov A.V.* Istoriya formirovaniya sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya KNR v period 1949—1957 gg.[The history of formation of the system of government bodies of the PRC in the period 1949—1957]. V kollektivnoy monografii: Problemy novoy i noveyshey istorii Kitaya / otv. red. D.A. Smirnov. M.: IDV RAN, 2018.

5. *Ershov A.V.* Formirovaniye sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya KNR v period 1949—1958 gg.[Formation of the system of government bodies of the PRC in the period 1949—1958].V sbornike: Tezisy dokladov XXIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy». Moskva, 24—25 oktyabrya 2018 g. Moscow, 2018.

6. Zakonodatel'nyye akty Kitayskoy Narodnoy Respubliki. Perevod s kitayskogo. [Legislative acts of the People's Republic of China. Translation from Chinese]. Pod redaktsiyey i s vstupitel'noy stat'yey E.F. Kovaleva. Moscow, 1952.

7. *Ignatenko G.V.* Sistema predstavitel'nykh organov Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The system of representative bodies of the People's Republic of China].Moscow, 1959.

8. *Inako TSuneo.* Pravo i politika sovremennogo Kitaya. 1949—1975 gg.[The law and politics of modern China. 1949—1975]. Perevod s yaponskogo V.V.Baturenko i E.G. Pashchenko. Pod red. L.M.Gudoshnikova, V.I.Prokopova. Moscow, 1978.

9. Konstitutsionnoye (gosudarstvennoye) pravo zarubezhnykh stran. Osobennaya chast': uchebnik [Constitutional (state) law of foreign countries. Special part: textbook] / ruk. avt. koll. i otv. red. B.A. Strash·chn. 3-e izd., peresmotr. i dop. Moscow, 2008.

10. *Lunev A.E.* Pravovoye polozheniye organov gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Legal Status of Government of the People's Republic of China]. Moscow, 1956.

11. Obrazovaniye Kitayskoy Narodnoy Respubliki. Dokumenty i materialy [Education of the People's Republic of China. Documents and materials]. Moscow, 1950.

12. *Pivovarova E.P., Titarenko M.L.* Genezis teorii sotsializma s kitayskoy spetsifikoy. V kollektivnoy monografii: Kitay na puti modernizatsii i reform. 1949—1999 [The genesis of the theory of socialism with Chinese characteristics. In a collective monograph: China on the road to modernization and reform. 1949—1999].Moscow, 1999.

13. *CHernilovskiy Z.M.* Gosudarstvennyy stroy Kitayskoy Narodnoy Respubliki [State system of the People's Republic of China]. Moscow, 1951.

14. 新中国法治建设与法学发展 60 年. [The 60th anniversary of Rule of Law and Legal Studies in New Cnina]. Pod red. Li Lin (李林) Beijing, 2010.

15. 中国法制 60 年 (1949—2009). [60 years of Chinese legal system (1949—2009)]. Pod red. Zhang Jinfan (张晋藩). Xi'an, 2009.

Примечания

[1] *Гудошников Л.М.* Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. С. 103.

[2] Подр. см.: *Пивоварова Э.П., Титаренко М.Л.* Генезис теории социализма с китайской спецификой // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Восточная литература, 1999. С. 64—97.

[3] Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 7—12.

[4] Гудошников Л.М. Указ. соч. С. 7.

[5] Русскоязычный перевод см.: Законодательные акты Китайской Народной Республики /. пер. с кит.; под ред. и с вступит. ст. Е.Ф.Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 35—40; 41—49; 50—65.

[6] *Воеводин Л.Д.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 26.

[7] См., напр.: 中国法制 60 年 (1949—2009). (60 лет законодательной системе Китая) (1949—2009). Под ред. Чжан Цзиньфаня (张晋藩). Сианьь: Шаньсинское народное издательство, 2009. С.101; 新中国法治建设与法学发展 60 年. (60 лет построению верховенства права и развитию юридической науки нового Китая) / под ред. Ли Линя (李林). Пекин: Шэхуэй кэсюе вэньсянь чубаньшэ, 2010. С. 7; *Ершов А.В.* История формирования системы органов государственного управления КНР в период 1949—1957 гг. // Проблемы новой и новейшей истории Китая / отв. ред. Д.А. Смирнов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 237; *Ершов А.В.* Формирование системы органов государственного управления КНР в период 1949—1958 гг. // Тезисы докладов XXIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 24—25 октября 2018 г.) М.: ИДВ РАН, 2018. С. 158; *Инако Цуэно.* Право и политика современного Китая. 1949—1975 гг. / пер. с яп. В.В. Батуренко и Е.Г. Пащенко; под ред. Л.М. Гудошникова, В.И. Прокопова. М.: Прогресс, 1978. С. 51; *Воеводин Л.Д.* Указ. соч. С. 28.

[8] Отметим позицию выдающегося советского ученого К.А. Егорова, который писал: «сессия НПКСК приняла ряд нормативных актов высшей законодательной силы, составивших в своей совокупности временную Конституцию КНР. К ним относятся: Общая программа Народного политического консультативного совета Китая, Закон об организации Центрального народного правительства КНР, постановления о флаге и гимне КНР, о перенесении столицы в Пекин с возвращением городу прежнего наименования...». См.: *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность / под ред. и с пред. Л.М. Гудошникова. М.: Спарк, 1998. С. 69.

[9] «Законом об организации НПКСК» («Организационным статутом НПКСК») предусматривался созыв сессии НПКСК раз в три года (ст.6), однако больше в истории КНР НПКСК на (пленарную) сессию не собирался.

[10] *Игнатенко Г.В*. Система представительных органов Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 24.

[11] *Черниловский З.М.* Государственный строй Китайской Народной Республики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1951. С. 66.

[12] *Черниловский З.М.* Указ. соч. С. 70.

[13] *Лунев А.Е.* Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики. М.: Редакционно-издательский отдел, 1956. С. 127.

[14] Например, ЦНПС принял: «Закон КНР о браке» (13.04.1950); «Закон КНР о земельной реформе» (28.06.1950); «Закон КНР о профессиональных союзах» (28.06.1950); вместе с законами ЦНПС принимал и иные документы. Например: «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность» (20.02.1951); в свою очередь ГАС, напр., принял: «Положение об организации Государственного административного совета и подчиненных ему органов» (02.12.1949); «Временные правила оказания помощи безработным» (17.06.1950); «Постановление о конфискации имущества лиц, совершивших контрреволюционные преступления» (22.06.1951).

[15] *Игнатенко Г.В*. Указ. соч. С. 26.

[16] *Гудошников Л.М.* Указ. соч. С. 13.

[17] Лю Шао-ци. О проекте Конституции Китайской Народной Республики // Конституция Китайской Народной Республики. Пекин, 1954. С.46. Цитата по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А.Страшун. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008. С. 795.

В.В. Севальнев,
ИЗиСП, к.ю.н.
Е.В. Черепанова,
ИЗиСП, к.ю.н.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Рассмотрены правовые аспекты становления и развития российско-китайских дипломатических отношений. По мнению России и Китая, в XXI веке двусторонние отношения между нашими странами достигли наилучшего состояния за всю историю их развития; их характерной особенностью является наличие прочной правовой базы, разветвленной организационной структуры двустороннего взаимодействия, активных связей на всех уровнях.Совместные межгосударственные и межправительственные документы Российской Федерации и Китайской Народной Республики содержат главные принципы построения отношений, а также исчерпывающую информацию о намерениях, целях сторон, первоочередных задачах. Они демонстрируют схожесть подходов ко многим проблемам, показывают сложившуюся систему реализации планов партнерства. Прежде всего, это обозначение приоритетов в межгосударственных документах, затем рассмотрение вопроса на межправительственном уровне и в совместных комиссиях и подкомиссиях и, как результат, принятие соответствующегосоглашения.

Отмечено, что практически во всех областях сотрудничества имеются межправительственные, межведомственные и межрегиональные соглашения. Однако так было не всегда. В связи с этим изучение и анализ причин и условий, влиявших на

протяжении всей истории двусторонних отношений на принятие тех или иных правовых актов (пограничные вопросы, культурные различия, идеологические разногласия и др.), позволят, по мнению авторов, предпринимать необходимые меры по недопущению конфликтных ситуаций в будущем. Стабильность правового регулирования во взаимоотношениях России и Китая является одним из ключевых факторов выстраивания дальнейших двусторонних партнерских отношений, а также будет способствовать выработке согласованной политики на международной арене.

Ключевые слова: правовые акты,законодательство, риски, органы власти, китайская специфика, соглашение, договор, стратегическое взаимодействие

Авторы*:* Севальнев Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: sevalnev77@gmail.com;

Черепанова Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail:alexandra2106@mail.ru

2019 год ознаменован двумя значимыми юбилейными датами, связанными с Китайской Народной Республикой (далее — КНР, Китай), а именно: 1 октября 2019 г. КНР будет торжественно отмечать 70-летний юбилей образования нового государства, а 2 октября — отмечается 70-летие установления официальных дипломатических отношений между нашими странами, так как Советский Союз был первым государством в мире, которое признало факт образования КНР и установило дипломатические отношения.

В настоящее время по заявлениям глав наших государств — российско-китайские отношения являются не просто отношениями всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия, но и товарищескими отношениями, строящимися на принципах глубокого взаимного доверия в политической сфере, взаимного уважения, равенства, поддержки и учета коренных интересов друг друга, уважения суверенитета, территориальной целостности и выбора пути развития другой стороны, невмешательства во внутренние дела друг друга и деидеологизированности, строгого соблюдения норм международного права.

Исторические аспекты правового регулирования дипломатических связей между Россией и Китаем

Первые дипломатические контакты между Русским государством и Империей Цин относятся к XVII веку. На протяжении следующих четырех столетий двусторонние отношения двух государств прошли сложный путь по формированию дружественных, партнерских отношений. Характерной особенностью росийско-китайских отношений на этом пути являлось то, что они сопровожда-

лись большим количеством масштабных событий, большинство из которых существенным образом повлияли на судьбу многих государств.

Первые двусторонние договоры (Нерчинский договор 1689 г., Буринский трактат 1727 г., Кяхтинский договор 1727 г.) были направлены на уточнение границ между государствами, а также правил торговли. Здесь следует отметить, что вопросы правового урегулирования пограничных споров проходят особой нитью на всем протяжении развития российско-китайских отношений.

Так, в 1858 г. был подписан Айгунский договор, который возвращал России территорию, отошедшую ранее по Нерчинскому договору Китаю[1], а Уссурийский край от впадения реки Уссури в Амур и до моря оставался в общем владении «впредь до определения границ между двумя государствами»[2]. В 1860 г. подписан Договор «О русско-китайской границе», основным достижением которого было то, что он зафиксировал полный переход территории Уссурийского края в состав России[3].

В дальнейшем по пограничным вопросам стороны подписали еще целый ряд договоров и протоколов: были определены такие основные географические ориентиры российско-китайской границы, как горные хребты, реки (Чугучакский протокол, 1864 г.), урегулированы вопросы передачи Китаю отдельных территорий и ряд иных пограничных споров (Договор «Об урегулировании пограничных вопросов», 1881 г.). В апреле 1990 г. было подписано Соглашения о демилитаризации китайско-советской границы. В мае 1991 г. — Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее восточной части[4], в 1994 г. было заключено Соглашение о западной части российско-китайской границы — от Монголии до Казахстана[5].

Накопленный опыт в области изучения российско-китайских отношений показывает, что не все этапы двустороннего сотрудничества характеризовались развитием тесного, союзнического партнерства. На некоторых из них происходило ухудшение двусторонних отношений. Изучение и анализ факторов, приводивших к охлаждению российско-китайских отношений на разных исторических этапах их развития, позволяют учитывать и не допускать их в двусторонних отношениях в XXI веке.

Так, например, середина XVII века, с одной стороны, характеризуется началом внешнеполитического сотрудничества двух государств, что способствовало развитию двусторонних отношений в экономической, торговой и иных сферах, с другой стороны, именно в этот период выявляется фактор, который впоследствии не раз становился на пути эффективного российско-китайского сотрудничества. Это различие в наших культурах. Так, особенность внешней политики Китая состоит в том, что она больше связана с китайской логикой, философией и мировоззрением, чем с определенной идеологией[6]. Даже сегодня,

в XXI веке, мы встречаем в официальных документах КНР положения, которые требуют осмысления и учета российскими дипломатами для дальнейшего развития партнерских внешнеполитических отношений. К примеру, Постановление ЦК КПК 2011 г. «О некоторых важных вопросах углубления реформы системы культуры и продвижении большого развития и большого расцвета социалистической культуры», определившее долгосрочные ориентиры в области культуры и идеологии, призывает наследовать китайскую традиционную мораль, составной частью которой в том числе являются осуждение крайнего индивидуализма, необходимость создания атмосферы доверия в политике, бизнесе, обществе и юстиции. При этом нарушение доверия должно быть наказуемым.

Первый по настоящему кризисный этап в развитии двусторонних отношений относится к началу XX века. Неразрешенные вопросы между двумя государствами существовали всегда, однако, как показало исследование, принятие Россией — вчерашнего союзника Китая — участия на стороне ряда западных держав в подавлении народного восстания в Китае, привели к охлаждению российско-китайских отношений на четверть века.

Наиболее затяжной этап охлаждения двусторонних отношений пришелся на середину 1950-х — 1970-е годы. К середине 50-х годов начали нарастать противоречия СССР и КНР по стратегическим вопросам; руководство КПСС И КПК поразному оценивали ситуацию на международной арене и роль каждой из партий в мировом революционном и освободительном движении. К 60-м годам идеологические противоречия приобрели непримиримый характер. В Китае все категоричнее возражали против основополагающих выводов XX и XXI съездов КПСС[7]. Такие взгляды высказывались в печати, на встречах с представителями зарубежных компартий, распространялись китайскими дипломатами среди советского населения, что воспринималось Москвой как подрыв единства коммунистов.

Развернулось соперничество СССР и КНР в развивающемся мире, усиливались противоречия в их оценке региональных конфликтов, подходах к проблемам разоружения. На передний план вновь вышел территориальный вопрос[8], что способствовало ухудшению ситуации в пограничных района и привело к закрытию Советским Союзом своих представительств на китайской территории.

70-е годы характеризуются дальнейшим ухудшением российско-китайских внешнеполитических отношений. IX съезд КПК, состоявшийся в апреле 1969 года, закрепил курс на противодействие СССР, по существу Советский Союз рассматривался в качестве главного врага. Улучшение внешнеполитического взаимодействия двух стран начнется лишь в начале 80-х годов XX столетия.

Правовое регулирование двустороннего сотрудничества на современном этапе

Российско-китайское внешнеполитическое сотрудничество в конце XX — начале XXI века характеризуется подписанием и принятием Совместной Декла-

рации об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (1992), Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001), *Совместной Декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке (2005),*Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества (2001), Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 годы), Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (2014), а также ряда иных двусторонних межгосударственных деклараций и межправительственных соглашений.

В 2009 г. РФ и КНР отметили 60-летнюю годовщину со дня установления дипломатических связей. Этот год был ознаменован тем, что юридически было завершено оформление последних двух участков российско-китайской границы на ее восточном участке[9], а также стороны подписали соглашение о взаимном информировании о пусках баллистических ракет, что свидетельствует об углублении взаимного доверия в военной сфере. В течение следующих двух лет были заключены крупные соглашения в энергетической области.

В 2015 г. Китай и Россия совместно отпраздновали 70-летнюю годовщину победы во Второй мировой войне, скоординировали инициативу строительства объединенного проекта «Один пояс — один путь», провели тесное и эффективное взаимодействие в международных делах, достигнут ряд прорывов в развитии двух стран, а также в деле защиты мира, безопасности и стабильности в глобальном масштабе[10].

Укреплению российско-китайского сотрудничества способствовали разработка и принятие главами государств Плана действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2017—2020 гг., а также принятие в 2017 г. Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (далее — Совместное заявление)[11], в котором стороны обозначили основные пути дальнейшего развития отношений в политической, международной, гуманитарной, экономической, космической, транспортной, финансовой, научно-технической и иных сферах, а также признали, что российско-китайские отношения вышли за рамки двусторонних отношений и стали важным фактором сохранения международного стратегического баланса, мира и стабильности во всем мире.

Подтверждением тому, в частности, является то, что обеспечению региональной и международной безопасности способствует и выработка Россией и

Китаем совместных позиций по вопросам, поставленным на голосование в Совете Безопасности ООН. Напомним, что обе страны являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, в силу чего могут оказывать влияние на его решения. В качестве примера можно привести проекты резолюций, которые не были приняты в результате голосования России и Китая против них на открытых заседаниях Совета Безопасности за последние 5 лет: проект резолюции о ситуации в Боливарианской Республике Венесуэла (S/2019/186, 2019), проект резолюции о применении Сирийской Арабской Республикой химического оружия (S/2017/962, 2017), проект резолюции, предусматривающий введение санкций в отношении представителей Сирии, которые могли быть причастны к применению химического оружия (S/2017/172, 2017), проект резолюции о положении в г. Алеппо Сирийской Арабской Республики (S/2016/1026, 2016), проект резолюции о не соблюдении норм международного гуманитарного права во время конфликта в Боснии и Герцеговине, включая события в Сребренице (S/2015/508, 2015), проект резолюции об учреждении международного трибунала с целью осуществления судебного преследования лиц, ответственных за преступления, связанные со сбитием 17 июля 2014 г. в Донецкой области, Украина, самолета компании «Малайзийские авиалинии», совершавшего рейс MH17 (S/2015/562, 2015), проект резолюции, предусматривающий передачу информации о преступлениях, совершенных в Сирии, на рассмотрение Международного суда и др.[12]

Представляется, что показатели голосования в Организации Объединенных наций, в частности использование право вето, является одним из механизмов, который дает возможность противостоять принятию неэффективных решений или решений, носящих деструктивный характер, не направленными на укрепление, поддержание мира, западными странами.

Активное взаимодействие России и Китая на внешнеполитическом уровне происходит в процессе сотрудничества в рамках межрегиональных организаций (ШОС, АСЕАН+, БРИКС и т. д.). Идет активное взаимодействие в торгово-экономических, гуманитарных сферах, в сфере противодействия коррупции, реализуются общие проекты в сфере военного сотрудничества и др.[13]

Перспективы взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики

Китайская и российская стороны единодушно признают, что в XXI веке отношения между нашими странами достигли наилучшего состояния за всю историю двусторонних отношений, которая насчитывает более четырех веков. На современном этапе отношения между нашими странами характеризуются устойчивой высокой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвленной организационной структурой двустороннего взаимодействия, активными связями на всех уровнях. Практически во всех областях сотрудничества имеются межправительственные, межведомственные и межрегиональные соглашения.

По нашему мнению, к числу наиболее перспективных направлений взаимодействия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на современном этапе можно отнести следующее:

— совместные усилия по реформе ВТО. Как Китай, так и Россия подвергаются дискриминационному отношению в рамках разрешению споров в рамках ВТО, что вызывает справедливое возмущение и вопросы к эффективности процедур внутри данной уважаемой организации. Перспективным направлением может стать консолидированная позиция наших стран в движении по вектору реформирования данной универсальной международной организации;

— сотрудничество по решению проблемы денуклеаризации корейского полуострова. Россия и Китай придерживаются единой позиции, что этот вопрос можно решить только комплексным путем, создавая элементы архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии. Данный вызов не является праздным ни для России, ни для Китая, так как оба государства находятся на границе с Северной Кореей. Представители Российской Федерации и Китайской Народной Республики на внешнеполитических саммитах, переговорах, форумах, встречах в рамках региональных интеграционных и международных объединений регулярно подчеркивают необходимость реализации концепции комплексной региональной и международной безопасности, заявляют о необходимости решительной защиты государственного суверенитета, территориальной целостности и морских прав, разумной и согласованной политики в обеспечении ядерной безопасности;

— сотрудничество в сфере развития Африканского континента. Китай вложил гигантские инвестиции в инфраструктурные проекты в Африке, но их экономическая эффективность еще не до конца понятна. В связи с этим Россия как наследник бывшего СССР, обладая хорошими дипломатическими, политическими и гуманитарными контактами в данном регионе, может стать надежным партнером и проводником.

Библиографический список

1. *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007.

2. Внешняя политика России. 1991—2016: коллективная монография / под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017.

3. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018.

4. *Иванюженко А.Б.* Влияние традиционной китайской философии на правоприменение в КНР и развитие российско-китайских отношений // Ученые записки юридического факультета. 2009. Вып.15.

5. *Ли Ш.* Российско-китайские отношения на современном этапе // Молодой ученый. 2016. № 15.

6. *Торкунов А.В.* По дороге в будущее-2 / 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2015.

7. *Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В.* Перспективы международногосотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере противодействия коррупции // Международное публичное и частное право. 2016. № 6.

8. Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. акад. РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2015.

References

1. *Bazhanov E.P.* Kitay: ot Sredinnoy imperii do sverkhderzhavy XXI veka [China: from the Middle Empire to the superpower of the 21st century]. Moskva: Izvestiya, 2007.

2. Vneshnyaya politika Rossii. 1991—2016 [Russian foreign policy. 1991—2016]: kollektivnaya monografiya / pod obshchey redaktsiyeyi s predisloviyem akademika A.V. Torkunova. M.: MGIMO-Universitet, 2017.

3. Gosudarstvenno-pravovyye osnovy uskorennogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii [State-legal basis for the accelerated development of the Russian Far East]: monografiya / otv. red. YU.A. Tikhomirov. M.: Institut zakonodatel'stva I sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2018.

4. *Ivanyuzhenko A.B*. Vliyaniyetraditsionnoykitayskoyfilosofiinapravoprimeneniye v KNR irazvitiyerossiysko-kitayskikhotnosheniy [The influence of traditional Chinese philosophy on law enforcement in the PRC and the development of Russian-Chinese relations]// Uchenyyezapiskiyuridicheskogofakul'teta. 2009, Vyp.15.

5. *Li SH.* Rossiysko-kitayskiye otnosheniya na sovremennom etape [Russian-Chinese relations at the present stage] // Molodoy uchenyy, 2016, № 15.

6. *Torkunov A.V.* Po doroge v budushcheye-2 [On the way to the future-2] / 2-ye izd.,dop. ipererab. Moskva: Aspekt Press, 2015.

7. *Truntsevskiy YU.V., Seval'nev V.V.* Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestvaRossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki v sfere protivodeystviya korruptsii [Prospects for international cooperation of the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of combating corruption] // Mezhdunarodnoye publichnoye I chastnoye pravo. 2016. № 6.

8. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: novyye prioritety razvitiya [Shanghai Cooperation Organization: new development priorities]: monografiya / otv. red. akademik RAN T.YA. Khabriyeva. M.: IZiSP pri Pravitel'stve RF: INFRA-M, 2015.

Примечания

[1] Левый берег Амура от впадения в него реки Аргуни до устья.

[2] Подр. см: *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. Москва: Известия, 2007.

[3] В современных границах это часть Хабаровского края южнее Амура и весь Приморский край.

[4] Ратифицировано Постановлением ВС РФ № 2348-1 от 13.02.1992 г. «О ратификации Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской

Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части» // Ведомости СНД и ВС РФ. 05.03.1992. № 10. Ст. 468.

[5] Внешняя политика России 1991—2016. М., 2017. С. 446.

[6] Подр. см: Иванюженко А.Б. Влияние традиционной китайской философии на правоприменение в КНР и развитие российско-китайских отношений // Ученые записки юридического факультета. 2009. Вып.15. С. 108—118.

[7] Н.С. Хрущев «разоблачил» культ личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), начав тем самым процесс десталинизации. И сделал он это, не посоветовавшись с руководителями социалистических стран и коммунистических партий. У многих это вызвало отторжение. Дело было не только в разоблачении самого Сталина, но и в той форме, в которой разоблачение произошло. Н.С. Хрущёв вёл себя как безусловный вождь мирового коммунистического движения, единолично лишавший многие важные вопросы.

[8] В 1964 г. китайская сторона обострила обстановку на границе, а затем, пойдя на консультации, выдвинула к СССР ряд исторических территориальных претензий, потребовала признать договоры о границе неравноправными. В 1969 г. власти Китая начали применять оружие в столкновениях на границе, а затем потребовали от Москвы вывести войска из всех районов, которые они полагали спорными.

[9] После того как в 2004 г. *была решена проблема пограничного размежевания,* начиная с 2005 г., на восточной части границы велись работы по демаркации, и в июле 2008 г. в Пекине был подписан Дополнительный протокол-описание российско-китайской границы, который по завершении сторонами внутригосударственных процедур вступил в силу в октябре 2008 г.

[10] *Ли Ш.* Российско-китайские отношения на современном этапе // Молодой ученый. 2016. № 15. С. 355—357.

[11] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (04.07.2017). URL:http://www.kremlin.ru/supplement/5218.

[12] Официальный сайт Совета Безопасности ООН // URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-ussr_russia (дата обращения: 28.03.2019).

[13] См., напр.: *Торкунов А.В.* По дороге в будущее-2 / 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Аспект Пресс, 2015; *Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В.* Перспективы международногосотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере противодействия коррупции // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С.30—34; Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2015; Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018.

А.П. Алексеенко,
ВГУЭС, доцент, к.ю.н.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОГРАНИЧЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ICO И КРИПТОВАЛЮТЫ В КИТАЕ*

Аннотация. Китайская Народная Республика является одним из мировых лидеров по объемам электронной торговли, развитию цифровой экономики и внедрению инноваций. Это обусловливает необходимость обратиться к изучению опыта КНР в данной сфере, особенно с учетом того, что руководством России внедряется Стратегия развития информационного общества в РФ. Одним из актуальных вопросов для России, требующих скорейшего решения, является регулирование отношений, связанных с криптовалютой и использованием первоначального выпуска токенов (ICO) для привлечения инвестиций. КНР уже осуществляет правовое регулирование указанной сферы. В связи с этим посредством сравнительно-правового исследования были выявлены особенности китайского подхода к регламентации общественных отношений в сфере криптовалюты и ICO.

Анализ нормативных правовых актов Китая показал, что Центральный банк КНР поставил вне закона финансирование посредством ICO, так как данная процедура представляет собой ничем не обеспеченное привлечение денежных средств. В связи с этим следует поддержать позицию китайского законодателя о запрете осуществлять ICO без получения разрешения на него, так как это позволяет предотвра-

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-29-16223.

тить возникновение «финансовых пирамид». Исходя из анализа работ китайских авторов, сделан вывод, что в КНР запрет на ICO должен существовать до появления нормативных правовых актов, позволяющих осуществлять жесткий контроль за ним. Урегулирование данной сферы должно осуществляться аналогично рынку ценных бумаг.

Запрет обменных операций в КНР с Биткоинами и иной криптовалютой касается только финансовых организаций и нацелен на то, чтобы препятствовать бесконтрольному выводу капитала из страны и сокрытию средств, легализовать доходы, полученные преступным путем, а также защитить финансовую сферу от манипуляций. При этом физическим лицам в Китае не запрещено владеть криптовалютой, однако требования Народного банка КНР устанавливают необходимость раскрывать личность таких граждан, что снижает риски совершения незаконных сделок. Данный опыт КНР может быть использован в России.

Ключевые слова: ICO, криптовалюта, токен, инвестиции, Народный банк КНР, Биткоин, цифровая экономика, средство платежа, ценные бумаги, Китай.

Автор: Алексеенко Александр Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail:alekseenko.a.p@gmail.com

Цифровые технологии позволяют перевести в электронную форму различные аспекты экономической жизни, в том числе связанные с ведением предпринимательской деятельности. Их развитие в той или иной мере касается всех государств мира. В 2017 г. был принят Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.»[1], подчеркивающий важность формирования цифровой экономики. Реализация данной стратегии потребует построения в России системы нормативных правовых актов, позволяющих урегулировать ранее не затронутые законом общественные отношения, основанные на цифровых технологиях.

Как отмечают исследователи, «существует довольно много цифровых технологий, которые в перспективе будут оказывать все большее влияние на жизнь человека и, соответственно, скажутся на развитии законодательства»[2]. Представляется, что отношения, связанные с выпуском и оборотом криптовалют, особые свойства которых[3] обеспечивают конфиденциальность их владельцев и неподконтрольность транзакций центральным банкам, требуют повышенного внимания. Помимо криптовалют, важно регулировать и иные цифровые объекты. Так, появление инвестиционных токенов[4] позволяет привлекать внушительные средства, применяя процедуру Initial Coin Offering (далее — ICO).По своей сути она равна эмиссии облигаций и может быть использована, чтобы обойти требования законодательства о рынке ценных бу-

маг. В целях урегулирования общественных отношений, связанных с криптовалютами и ICO, в Государственную думу РФ в 2018 г. был внесен Проект Федерального закона № 419059-7[5], который сложно назвать проработанным.

Очевидно, что правовое регулирование такой малоизученной сферы как криптовалюта и ICO требует большой подготовки, что обусловливает необходимость обратиться к зарубежному опыту, в частности китайскому, учитывая что «Россия и Китай во многом решают сходные задачи развития и находятся перед лицом одинаковых вызовов и угроз»[6]. Кроме того, КНР является одним из лидеров в области электронной торговли[7], а также цифровой экономики, объем которой достиг в 2018 г. 2,32 трлн долл., что эквивалентно 38,2 % ВВП данного государства[8]. Все это в совокупности указывает на то, что китайский подход к регулированию криптовалют и ICO заслуживает внимания.

В КНР нет единого документа, содержащего нормы, регулирующие указанные выше явления. Ввиду необходимости оперативного реагирования регулирование, как это часто бывает в КНР[9], осуществляется лишь на подзаконном уровне — актами Народного банка КНР, принятыми совместно с рядом министерств и ведомств. Примечательно, что такое коллективное подзаконное нормотворчество не является для Китая чем-то экстраординарным, а даже наоборот, широко распространено.

Основным нормативным актом, касающимся ICO в Китае, является Извещение «*О мерах по предотвращению рисков, связанных с выпуском токенов в целях привлечения финансирования*» (**关于防范代币发行融资风险的公告**) от 04.09.2017 (далее — Извещение)[10]. В нем содержатся положения, которые направлены на урегулирование отношений в сфере оборота токенов (代币). Целью принятия Извещения является защита инвесторов, их законных прав и интересов. Так, в Преамбуле и ст. 5 указано, что при помощи токенов совершаются акты мошенничества и противозаконные сделки, производятся различного рода спекуляции в сфере инвестиционной деятельности.

В ст.1 Извещения закреплено, что финансирование при помощи токенов — это незаконное публичное финансирование при помощи привлечения виртуальных валют от инвесторов посредством незаконных продаж и обращения токенов, равное незаконному выпуску акций, незаконному накоплению капитала, построению финансовой пирамиды, финансовому мошенничеству. Следовательно, выпуск токенов влечет для эмитента уголовную ответственность, предусмотренную ст. 192—200 Уголовного кодекса КНР в последней редакции от 04.11.2017 г.

Согласно ст. 2 Извещения, с даты его опубликования (4 сентября 2017 г.) все физические и юридические лица, осуществившие ICO на территории КНР, **обязаны прекратить эту деятельность** и предпринять меры по ликвидации размещенных ими токенов так, чтобы не пострадали права инвесторов, то есть

дабы избежать ответственности, они **должны вернуть денежные средства владельцам токенов**. Невыполнение такого требования влечет такую же ответственность, как выпуск новых токенов. Еще одним важным моментом является то, что Народный банк КНР запретил функционирование бирж и брокеров, занимающихся обменом токенов, для чего согласно ст. 3 Извещения компетентные органы должны произвести **блокировку всех сайтов и мобильных приложений**, на основе которых функционируют такие биржи.

Согласно ст.4 банкам и иным финансовым организациям Китая **запрещено осуществлять обслуживание бирж по обращению токенов**, открывать счета, которые могут использоваться для их деятельности, предоставлять иные возможности для приобретения токенов и совершения иных операций с ними за денежные средства. Более того, в ст.6 Извещения закреплено, что финансовые организации обязаны разъяснять своим клиентам, что выпускаемые посредством ICO токены подрывают финансовый порядок и могут быть использованы как средство обмана инвесторов.

Извещение получило неоднозначную оценку в среде китайских исследователей. Некоторые авторы полагают, что непрерывная эволюция эпохи Интернета не позволит устранить риски использования виртуальных токенов посредством одной лишь блокировки, и предлагают разрешить их выпуск, но усилив надзор за торговыми платформами, которые занимаются этой деятельностью. В частности, они предлагают разрешить выпуск токенов при помощи специально учрежденных онлайн-банков[11].

Другие китайские ученые указывают на то, что следует не запрещать, а использовать инновации в финансовой сфере[12], тем более что так как ICO может использоваться для привлечения инвестиций, то выпускаемые токены представляют собой разновидность бездокументарной ценной бумаги и подлежат соответствующему регулированию законодательством о ценных бумагах[13].

Данная точка зрения представляется более приоритетной. Действительно, инвестиционные токены очень схожи с эмиссионными ценными бумагами, например, облигациями. Они также имеют эмитента, используются для привлечения финансирования, подтверждают право на некое благо, которое эмитент обещает покупателям токенов. Между тем для того, чтобы применять законодательство о рынке ценных бумаг к ICO, следует провести соответствующую законотворческую работу. Ввиду того, что данный процесс требует большого внимания в связи с новизной регулируемых отношений, запрет на выпуск инвестиционных токенов может рассматриваться как разумная мера. Однако это справедливо, если речь идет о временном запрете, введенном до внесения поправок в законодательство о рынке ценных бумаг. Примечательно, что, исходя из Извещения, именно такой подход в нем и заложен.

Итак, **Китай поставил вне закона финансирование посредством ICO**, так как данная процедура представляет собой ничем не обеспеченное привлечение денежных средств. Это связано с тем, что для инвесторов, которые доверяют свои сбережения, слишком велик риск, так как никаких гарантий эмитент не предоставляет. Следует поддержать позицию китайского законодателя, так как она видится разумным шагом, который позволяет предотвратить возникновение «финансовых пирамид», убрать из сферы ICO различного рода мошенников, а затем создать уже регулируемый рынок инвестиционных токенов. Данный подход представляет ценность и для России. **До появления соответствующего законодательства в целях нивелирования роста мошеннических схем временный запрет на проведение ICO необходим**.

Развитие технологий обусловило появление различных криптовалют (加密货币), самой популярной из которых является Биткоин. Криптовалюты хотя и не являются законным средством платежа, в сети Интернет они все активнее завоевывают место единицы обмена, претендуя тем самым на функции, которые выполняют деньги. При этом природа криптовалюты не позволяет регулировать ее выпуск, что делает ее курс крайне волатильным. Это, а также многие другие причины привели к тому, что в КНР криптовалюта оказалась под запретом.

Народным банком КНР совместно с рядом других государственных органов в 2013 г. было издано Извещение «*О предупреждении рисков, вытекающих из Биткоина*» (далее — Извещение «О Биткоине») (**关于防范比特币风险的通知**)[14] . В ст. 1 данного акта указываются характерные признаки самой популярной криптовалюты — Биткоина. К ним относятся: децентрализация эмиссии, ограниченное количество, анонимность, отсутствие географических ограничений. Народный банк КНР подчеркнул, что Биткоин (比特币) — это не деньги, а виртуальный актив, и в нем нельзя измерять стоимость товаров и (или) услуг. Несмотря на описание характеристики криптовалюты, Народный банк КНР все же не указал, каким именно объектом гражданских прав она является.

Согласно ст. 2 Извещения «О Биткоине» финансовым организациям запрещено обменивать Биткоины на юани или иностранную валюту, а также оказывать клиентам финансовые услуги, связанные с Биткоинами: открытие счетов, страхование, клининг, трейдинг, обмен, заем и др. Некоторые китайские авторы отмечают, что запрет обменных операций с Биткоинами и иной криптовалютой оправдан, так как он препятствует бесконтрольному выводу капитала из страны, сокрытию средств, отмыванию денег и легализации доходов, полученных преступным путем[15]. Действительно, если разрешить обменные операции с криптовалютой, это породит множество вопросов, связанных с налогообложением, избеганием двойного налогообложения и отмыванием денег.

Примечательно, что запрета на использование криптовалюты для физических лиц в Извещении «О Биткоине» не установлено. Однако в ст. 4 этого доку-

мента закреплены требования к тому, как граждане КНР могут пользоваться имеющими специальное разрешение сайтами, которые предоставляют услуги по совершению транзакций с Биткоинами. Так, **пользователи упомянутых сайтов должны регистрироваться на них под своими настоящими именами, используя свое удостоверение личности** (居民身份证). При этом операторы сайтов должны проверять транзакции на возможное отмывание денег, мошенничество и использование в азартных играх, обо всех выявленных подозрительных случаях они обязаны немедленно сообщать в Центр мониторинга и анализа по борьбе с отмыванием денег (中国反洗钱监测分析中心), а также в органы общественной безопасности. В китайской литературе такие меры поддерживают и предлагают дополнительно установить механизм отчетности о крупных транзакциях в криптовалюте, так как с крупными суммами с большей вероятностью связаны различные правовые риски[16].

Итак, запрет ICO касается только тех лиц, у которых нет специального разрешения от Народного Банка КНР, правда, **такие разрешения еще не выдаются**. Это означает, что Китай не отказывается от такой инновационной технологии, как ICO, но намерен разрешить ее использование, только разработав ее нормативное регулирование. Такой подход является оптимальным и может быть позаимствован. Ведь если разрешить ICO без должного контроля со стороны государства, последствия для рынка инвестиций могут быть негативными. Поэтому **лучше до принятия нормативного правового акта, который будет качественно регулировать соответствующую сферу, установить временный запрет**. Что касается криптовалюты, то запрет операций с ней для финансовых организаций призван поддержать финансовую стабильность юаня и ограничить различного рода высокоспекулятивные, в том числе трансграничные, сделки при отсутствии международных соглашений об использовании криптовалюты. Этому также должна способствовать идентификация владельцев криптовалюты на сайтах, осуществляющих ее оборот.

Библиографический список

1. *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5.

2. *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11.

3. *Новоселова Л.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12.

4. *Трощинский П.В.* Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8.

5. *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018.

6. 张建新，谢杰 (Чжан Цзяньсинь, Се Цзе) 去中心化金融工具的法律风险控制 — 对比特币和首次代币发行(ICO) 的行政监管与经济刑法调整. (Правовые риски осуществления контроля над децентрализованными финансовыми инструментами — Биткоины и ICO как объекты административного контроля и уголовно-правового регулирования экономики) // Хэнань цзинча сюэюань сюэбао. 2018. № 27 (3).

7. 张超 (Чжан Чао) 首次代币发行法律本质的类型化研究. (Исследование по типизации правовой сущности первоначального размещения токенов) //Фуцзянь цзиньжун. 2018. № 8.

8. 王圆圆 (Ван Юаньюань) 比特币交易禁令的必要性分析. (Анализ необходимости запрета торговли Биткоинами) // Фачжи юй шэхуэй.2018. № 5.

9. 王艺蓉 (Ван Ижун) 我国比特币交易平台法律风险防控机制研究. (Исследование механизма предотвращения правовых рисков и контроля торговой платформы Биткоин в Китае) // Фачжи юй шэхуэй. 2017. № 24.

10. 罗惠娜 (Ло Хуэйна) 由“叫停代币发行融资”引发的关于虚拟货币的法律思考 (О запрете ICO — юридические размышления о виртуальных валютах) // Фачжи юй шэхуэй. 2017. № 12.

References

1. *Kucherov I.I.* Kriptovalyuta kak pravovaya kategoriya [Cryptocurrency as a Legal Category] // Finansovoye pravo. 2018. no 5.

2. *Mikhaylov A.V.* Problemy stanovleniya tsifrovoy ekonomiki i voprosy razvitiya predprinimatel’skogo prava [Problems of digital economy formation and issues of business law development] //Aktual’nyye problem rossiyskogo prava. 2018. no 11.

3. *Novoselova L.* «Tokenizatsiya» ob’yektov grazhdanskogo prava [Tokenization of civil law objects] // KHozyaystvoi pravo. 2017. no 12.

4. *Troshchinskiy P.V.* Vliyaniye traditsii na pravo sovremennogo Kitaya [Impact of tradition on law of modern China] //ZHurnal rossiyskogo prava. 2014. no 8.

5. *Troshchinskiy P.V.* Evolyutsiya pravovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki (1949—2018 gg.): istoriko-pravovoy aspekt (s perechnem deystvuyushchikh zakonov KNR) [The evolution of the legal system of the People’s Republic of China (1949—2018): the historical and legal aspect (with a list of the laws of the PRC)]. Moscow, 2018.

6. 张建新，谢杰 (Zhang Jianxin, XieJie). 去中心化金融工具的法律风险控制 — 对比特币和首次代币发行(ICO) 的行政监管与经济刑法调整) [Legal risks of exercising control over decentralized financial instruments (Bitcoins and ICOs as objects of administrative control and criminal law regulation of the economy)]. // Henan jingcha xueyuan xuebao. 2018. no 27 (3).

7. 张超 (Zhang Chao). 首次代币发行法律本质的类型化研究) [Study on the typification of the legal nature of the initial offering of tokens]. Fujian jinrong. 2018. no 8.

8. 王圆圆 (Wang Yuanyuan). 比特币交易禁令的必要性分析. [Analysis of the need to ban trade in Bitcoins].// Fazhi yu shehui. 2018. no 5.

9. 王艺蓉(Wang Yirong). 我国比特币交易平台法律风险防控机制研究. [Study of the mechanism for the prevention of legal risks and control of the Bitcoin trading platform in China]. // Fazhi yu shehui. 2017. no 24.

10. 罗惠娜 (Luo Huina). 由“叫停代币发行融资”引发的关于虚拟货币的法律思考. [On the ICO ban — legal reflections on virtual currencies]. // Fazhi yu shehui. 2017. no 12.

Примечания

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[2] *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68—73.

[3] *Кучеров И.И.* Криптовалюта как правовая категория // Финансовое право. 2018. № 5. С. 3—8.

[4] *Новоселова Л.* «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29—44.

[5] URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения: 29.12.2018).

[6] *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018. С. 4.

[7] URL: https://www.weforum.org/agenda/2018/04/42-of-global-e-commerce-is-happening-in-china-heres-why/ (дата обращения: 12.02.2019).

[8] URL: http://russian.news.cn/2018-12/30/c_137708703.htm (дата обращения: 12.02.2019).

[9] *Трощинский П.В.* Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 94—106.

[10] URL: http://www.miit.gov.cn/n1146290/n4388791/c5781140/content.html (дата обращения: 25.02.2019).

[11] 罗惠娜 (Ло Хуэйна) 由“叫停代币发行融资”引发的关于虚拟货币的法律思考. (О запрете ICO — юридические размышления о виртуальных валютах) // Фачжи юй шэхуэй. 2017. № 12. С.92

[12] 张建新，谢杰 (Чжан Цзяньсинь, Се Цзе) 去中心化金融工具的法律风险控制 — 对比特币和首次代币发行(ICO) 的行政监管与经济刑法调整. (Правовые риски осуществления контроля над децентрализованными финансовыми инструментами — Биткоины и ICO как объекты административного контроля и уголовно-правового регулирования экономики) // Хэнань цзинча сюэюань сюэбао. 2018. № 27 (3). С. 101.

[13] 张超 (Чжан Чао). 首次代币发行法律本质的类型化研究. (Исследование по типизации правовой сущности первоначального размещения токенов) //Фуцзянь цзиньжун. 2018. № 8. С. 66.

[14] URL: http://www.miit.gov.cn/n1146295/n1652858/n1652930/n3757016/c3762245/content.html (дата обращения: 25.02.2019).

[15] 王圆圆 (Ван Юаньюань) 比特币交易禁令的必要性分析. (Анализ необходимости запрета торговли Биткоинами) // Фачжи юй шэхуэй.2018. № 5. С.11.

[16] 王艺蓉 (Ван Ижун) 我国比特币交易平台法律风险防控机制研究. (Исследование механизма предотвращения правовых рисков и контроля торговой платформы Биткоин в Китае) // Фачжи юй шэхуэй. 2017. № 24. С. 93.

В.К. Захарова,
ДГСК МВД России, к.ю.н.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ СОБЛЮДЕНИЯ БАЛАНСА МЕЖДУ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОНТРОЛЕМ И ПРОКУРОРСКИМ НАДЗОРОМ В КНР

Аннотация. Рассмотрены основные вопросы осуществления процессуального контроля и прокурорского надзора, а также их соотношение в досудебном производстве КНР. Выделена главенствующая роль процессуального контроля во всей системе надзорной деятельности в досудебных стадиях. Таким образом, ответственность за законность и обоснованность избрания и применения процессуальных мероприятий ложится на должностное лицо, проводящее расследование, и органы общественной безопасности. Выявлен значительный перекос в сторону увеличения полномочий органов общественной безопасности при расследовании уголовного дела, в частности, при применении мер процессуального принуждения и производства следственных действий. Несмотря на то, что основы института прокурорского надзора были заимствованы из УПК РСФСР, в КНР существует организационная проблема нехватки вышеуказанного вида надзора на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия. Полномочия народного прокурора КНР по надзору за деятельностью следователей органов общественной безопасности достаточно широки лишь на стадии предъявления обвинения.

Проанализированы причины введения нового субъекта процессуального контроля — руководящего следователя в качестве исполнителя следственных и организационно-административных функций. Одновременно с введением в уголовно-

процессуальную деятельность названного участника усилились меры по реформированию системы надзора прокуратуры над деятельностью органов предварительного следствия на этапе расследования преступления. Таким образом, китайский законодатель пошёл по пути, когда процессуальный контроль выполняет превентивные функции, не позволяющие допускать нарушением норм УПК и повышающие качество расследования, а прокурорский надзор — осуществляется по факту выявленных нарушений.Автором поддержано мнение ряда китайских процессуалистов о необъективности процессуального контроля в досудебном производстве и наличии обвинительного уклона. Проанализированы существующие мнения среди процессуалистов КНР о введении системы судебного контроля производства ряда процессуальных действий.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Уголовно-процессуальный кодекс КНР, прокурорский надзор, процессуальный контроль, судебный контроль, органы общественной безопасности КНР, народная прокуратура КНР, предварительное следствие.

Автор*:* Захарова Виктория Константиновна, кандидат юридических наук, инспектор по особым поручениям, Департамент государственной службы и кадров МВД России. E-mail: vika1690@mail.ru

Условием законности проведения предварительного следствия является соблюдение разумного баланса при организации системы контроля.

Особенностью китайской системы предварительного следствия является тот факт, что за проведением предварительного следствия по уголовным делам, задержанием, заключением под стражу ответственны органы общественной безопасности. Китайский законодатель в правовом определении понятия «предварительное следствие» указал, что специальная следственная работа производится органами общественной безопасности и народной прокуратурой (ст. 108 УПК КНР)[1]. Так, когда, например, в российском законодательстве сочетаются судебный, прокурорский и процессуальный виды контроля над предварительным расследованием, то в Китае идет сочетание процессуального контроля со стороны органа общественной безопасности, прокурорского и партийного видов контролей.

В Китае положения о процессуальном контроле в досудебном производстве установлены в ведомственных нормативных актах Министерства общественной безопасности КНР и Верховной народной прокуратуры КНР[2]. **Процессуальный контроль** над предварительным следствием выражается в санкционировании, выборе и применении органами общественный безопасности следственных действий, мер процессуального принуждения, производстве большой части процессуальных мероприятий. Например, участие в применении мер безопасности к свидетелям и близким родственникам (ст. 63—64 УПК КНР) наложении арестов

на депозиты, банковские счета, ценные бумаги и акции (ст. 144 УПК КНР), участие в конфискации имущества (ст. 272 УПК КНР), а также в обеспечении института розыска подозреваемого (ст. 155 УПК КНР).

Отметим, что все следственные действия и большая часть мер процессуального принуждения (за исключением заключения под стражу) в КНР применяется в рамках ведомственного санкционирования, т. е. удовлетворения вышестоящим руководителем ходатайства следователя органа общественной безопасности и прокурора, наделённого следственными полномочиями (ст. 66, 75). Таким образом, ответственность за законность и обоснованность избрания и применения названных процессуальных мероприятий ложится на должностное лицо, проводящее расследование и органы общественной безопасности, исполняющие эти меры. Лю Ин и Сунь Мэй отмечают, что законодательно прокуратура как орган надзора вправе проверить законность и обоснованность избрания и применения мер процессуального принуждения в досудебном производстве, однако в практической деятельности данный механизм не реализуется[3].

Ввиду этого, механизм контроля над применением мер процессуального принуждения критикуем не только западными юристами, но и китайскими процессуалистами. По нашему мнению, внутриведомственный контроль над производством следственных действий и избранием мер процессуального принуждения имеет обвинительный уклон, что представляется нам не вполне объективным в рамках расследования уголовного дела.

В последние годы в Китае ведутся дискуссии по поводу необходимости введения судебного контроля над производством процессуальных действий. Ряд китайских исследователей приходят к выводу о том, что отсутствие судебного контроля над применением мер принуждения является одной из проблем китайского уголовно-процессуального права и дополнительным фактором злоупотребления должностными лицами государственных органов своими полномочиями[4]. Юань И подчёркивает, отсутствие судебного санкционирования приводит к незаконным и необоснованным фактам применения залога и наблюдения по месту жительства, субъективной оценке оснований их применения[5]. Гу Цзюйвэнь, обращаясь к опыту зарубежных стран и отмечая необходимость реализации партийного принципа верховенства права, видит необходимость во введении специализированных отделов при судебных органах, в компетенцию которых входили бы разрешение ходатайств в рамках судебного заседания и проверка материально-правовых оснований применения определённой меры процессуального принуждения[6]. Лю Ин и Сунь Мэй, наоборот, отмечают, что при попытке реализовать систему сдержек и противовесов при принятии решения о применении мер процессуального принуждения Китаю не удастся создать аналог системы судебного контроля западного образца[7]. Это связано с рядом факторов: различием в системе администра-

тивного управления страной, особенности перераспределения полномочий между правоохранительными и государственными органами.

В свою очередь, китайский законодатель, в рамках реализации партийной концепции реформирования системы предварительного следствия в 2015 г. предусмотрел введение нового участника процессуального контроля — «руководящего следователя» (主办侦查员)[8]. Основополагающей целью данного нововведения является предупреждение судебных ошибок и повышение доверия населения страны к органам общественной безопасности[9]. Руководящий следователь является исполнителем как следственных, так и организационно-административных функций.

Процессуалисты КНР рассматривают введение нового участника уголовно-процессуальных отношений с нескольких точек зрения:

1) как новую систему организации модели предварительного следствия. Согласно этой точки зрения, производство предварительного следствия осуществляется на основе партнёрских отношений между следователем и руководящим следователем, избираемым из числа наиболее опытных работников[10]. Последний будет оказывать не только консультативную помощь, а также нести ответственность перед руководителем органа общественной безопасности за качество расследования, определять режим работы, давать оценку работе следственного подразделения (путём заполнения статистических документов) и нести другие административные функции;

2) как отдельный механизм расследования. Представители данного подхода считают, что согласно закону органы общественной безопасности исполняют функцию осуществления правосудия в уголовном процессе. Круг полномочий, связанных с расследованием уголовных дел, и правовой статус руководящего следователя позволяют утверждать о существовании нового механизма организации следствия[11].

В свою очередь отметим, что введение данного участника вполне оправданно с учетом отсутствия судебного санкционирования производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения, а также ослабленной функцией прокурорского надзора в досудебном производстве. Как отмечает Гу Цзуинь, подобная ситуация в практической деятельности приводит к тому, что не все нарушения выявляются народной прокуратурой[12]. Ло Цайжун, давая оценку полномочий данного должностного лица, выделяет основные причины его введения: предупреждение судебных ошибок, исключение случаев незаконного привлечения к уголовной ответственности, реализация положений судебной реформы о построении справедливой системы правосудия с китайской спецификой; создание новых управленческих механизмов в органах общественной безопасности с целью повышения эффективности работы[13].

Одновременно с введением в уголовно-процессуальную деятельность названного участника усилились меры по реформированию системы надзора прокуратуры над деятельностью органов предварительного следствия на этапе расследования преступления. Таким образом, китайский законодатель пошёл по пути, когда процессуальный контроль выполняет превентивные функции, не позволяющие допускать нарушением норм УПК и повышающий качество расследования, а прокурорский надзор — осуществляется по факту выявленных нарушений.

В **КНР прокурорский надзор** за законностью производства процессуальных действий по уголовному делу может проводиться лишь в двух случаях: на этапе рассмотрения и санкционирования ходатайства о заключении лица под стражу и на стадии предъявления обвинения.

Так, в КНР заключение под стражу применяется органами общественной безопасности с санкции народной прокуратуры или постановления народного суда (ст. 80УПК КНР). Надо сказать, что народный суд санкционирует задержание лица лишь на судебных стадиях.

Применение данной меры принуждения сопряжено с ограничением прав на свободу передвижения. УПК КНР установил обязанность народной прокуратуры разрешать ходатайства о применении данной меры после тщательного изучения материалов уголовного дела (ст. 87 УПК КНР).

С внесением изменений в УПК КНР в 2012 г. процедура заключения подозреваемого под стражу стала проходить с обязательным участием защитника. Кроме того, при утверждении применения меры принуждения в виде заключения под стражу народный прокурор вправе допросить свидетелей, заслушать критические замечания и ходатайства защитника (ст. 88 УПК КНР). По нашему мнению, внедрение подобных новелл в китайское законодательство позволяет более тщательно обеспечивать права подозреваемого в досудебном производстве.

Исключительными полномочиями по общему надзору за производством предварительного следствия, оценке доказательств, предъявлению обвинения и передаче уголовного дела в суд обладает прокурор в третьей досудебной стадии уголовного процесса КНР — стадии предъявления обвинения (提起公诉). Ее содержанием является деятельность народной прокуратуры от лица государства по проверке, оценке доказательств, формулировки обвинения, и в исключительных случаях также по собиранию, изъятию, заверению доказательств в случаях принятия к своему производству уголовного дела, расследованного органами общественной безопасности. Эту деятельность осуществляет прокурор народной прокуратуры после передачи ему уголовного дела (ст. 144 УПК КНР).

В рамках реализации своих полномочий на данной стадии прокурор в течение месяца, а по важным и сложным делам в течение 45 суток (ст. 172 УПК

КНР) устанавливает: 1) ясность факта, обстоятельств совершённого преступления, достоверность, полноту доказательств, справедливость утверждений о характере совершённого преступления и виновности лица; 2) наличие упущенных из виду преступных деяний и других лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности; 3) наличие лиц, которых не следует привлекать к уголовной ответственности; 4) наличие предъявленного дополнительного гражданского иска; 5) возможные нарушения закона при проведении расследования преступления (ст. 171 УПК КНР).

Вместе с тем существует ряд проблем, связанных с правовой регламентацией надзорной деятельности прокурора в УПК КНР. Так, в законе не существует требований уведомления народной прокуратуры о возбуждении уголовного дела, ходе проведения предварительного следствия, а также обязательного исполнения органами общественной безопасности предписания прокурора о выявленных замечаниях. Исследователи Фань Чунъи и Лю Чэнь выделяют проблему «нехватки» прокурорского надзора, его фрагментарности и неэффективности на стадии предварительного следствия[14]. Таким образом, в правоприменительной практике Китая органы общественной безопасности нередко не исполняют ряд требований народного прокурора в случае несогласия с его позицией[15]. По нашему мнению, сложившаяся ситуация в КНР может свидетельствовать о процессуальной самостоятельности следователя в выборе тактики расследования преступления, а с другой — отсутствие контроля со стороны надзирающего органа. Видный исследователь деятельности прокуратуры КНР Чжан Цзюэ отмечает, что в законах КНР недостаточно полно и ясно определены место и роль прокуратуры при осуществлении надзора за законностью следственных действий[16]. Кроме того, полномочия народного прокуратура, установленные в УПК и ведомственных нормативных актах, сложно реализовать в условиях доминирующей роли органов общественной безопасности в уголовном процессе. Это обусловлено организационной политикой, проводимой коммунистической партией КНР[17].

Некоторые аспекты прокурорского надзора за деятельностью прокурора, наделённого следственными полномочиями, представляются нам спорными. С одной стороны, данный вид надзора независим. Он осуществляется специальным отделом народной прокуратуры, отделённым от подразделений, ведущих расследование уволенных дел, относящихся к подследственности народной прокуратуры КНР. Можно предположить, что принадлежность к одному и тому же правоохранительному органу даёт возможность своевременно выявлять, устранять процессуальные нарушения, совершённые при производстве по уголовным делам. Вместе с тем китайский процессуалист Чжун Хайжан заявляет: «несмотря ни на какие надзорные системы, при совпадении в одном лице контролёра и контролируемого любой контроль сойдёт на нет»[18].

Таким образом, важным направлением совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве КНР является достижение разумного баланса между процессуальным контролем и прокурорским надзором. Органы общественной безопасности при производстве по уголовному делу контролируются со стороны непосредственных руководителей, что свидетельствует о присутствии внутриведомственного контроля на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия, а надзорные функции народной прокуратуры проявляются на стадии предъявления обвинении. Иными словами, при производстве предварительного следствия органы общественной безопасности отделены от прокуратуры. А прокуратура выступает фильтром между органами общественной безопасности и судом.

Библиографический список

1. 中华人民共和国公安部令第 127 号 «公安机关办理刑事案件程序规定». (Приказ Министерства общественной безопасности КНР № 127 от 03 декабря 2012 г. «О процессуальных требованиях расследования уголовного дела органами общественной безопасности»). Принято на рабочем совещании руководителей Министерства общественной безопасности КНР 3 декабря 2012 г. Вступил в силу с 1 января 2013 г.;最高人民检察院 «人民检察院刑事诉讼规则(试行)» (Положение Верховной народной прокуратуры «Правила применения норм уголовно-процессуального кодекса народной прокуратурой КНР» (в опытном порядке)). Принято 15 января 1997 г. на 69-й сессии 8-го созыва комитета Верховной народной прокуратуры, с изм. от 16.10.2012, принятыми на 80-й сессии 16-го созыва комитета Верховной народной прокуратуры.

2. 龚举文 (Гун Цзюйвэнь). 论刑事强制性措施的司法控制. (О судебном контроле за мерами уголовного (процессуального) принуждения) //法学评论(Юридическое обозрение). 2010. № 3. URL:http://www.ixueshu.com/document/a0d4f401c887ecc8.html(дата обращения: 26.04.2019).

3. Гу Цзуинь. Проблемы осуществления на практике надзора за возбуждением уголовного дела // Юриспруденция в наш век. 2002. № 10.

4. 李晓 (Ли Сяо). 论刑事案件分案审理制度的构建. (О создании системы рассмотрения по уголовным делам) // Журнал Хейлунцзянского института права и управления. 2017. № 1 URL: http://www.criminalprocedurelaw.cn/zh/node/4634 (дата обращения: 26.04.2019).

5. 罗彩荣 (Ло Цайжун). 论我国主办侦查员制度之构建. (О создании системы руководящего следователя в КНР) // Вестник Академии общественной безопасности пров. Хэбей. 2017. № 30 (1) URL:http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=1510170848 (дата обращения: 27.04.2019).

6. 刘坤 (Лю Кунь). 检察机关刑事强制措施监督机制研究. (Исследование системы прокурорского надзора над мерами уголовного (процессуального) принуждения // Юридический обзор (Западного района Китая). 2011 № 2. URL: http://www.ixueshu.com/document/134f25275db8ed97318947a18e7f9386.html (дата обращения: 28.04.2019).

7. 刘缨,孙美 (Лю Ин, Сунь Мэй). 论我国刑事强制措施的制度缺陷及完善. (О некоторых достоинствах и недостатках системы мер уголовного (процессуального) принуждения

в КНР) // Экономическое и социальное развитие. 2008. № 6 (11) С. 88. URL: http://www.ixueshu.com/document/0b943b3c86bea76d.html (дата обращения: 23.04.2019).

8. 樊崇义, 刘辰 (Фань Чунъи, ЛюЧэнь). 侦查权属性与侦查监督展望. (Обозревая перспективы признаков следственных полномочий и следственного контроля) // Народный прокурор. 2016. № 12.

9. Чжан Цзюэ. Прокурор в современном уголовном процессе. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юрид. н. 12.00.09. Москва, 2007.

10. 程小白 (Чэн Сяобай). 主办侦查员制度:全面深化公安机关刑事司法改革的着力点. (Институт руководящего следователя: важные аспекты всестороннего углубления реформы уголовного правосудия в органах общественной безопасности) // Вестник Академии общественной безопасности пров. Цзянси. 2015. № 2.

11. Юань И. Меры процессуального принуждения по УПК КНР: дис. ... канд.юрид.н. 12.00.09. Санкт-Петербург, 2006.

12. 《关于全面深化公安改革若干重大问题的框架意见. (Рамочное мнение «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ общественной безопасности» // Жэньминь жибао. 16.02.2015. URL: http://politics.people.com.cn/n/2015/0216/c1001-2657278 5.html (дата обращения: 26.04.2019).

13. Ira Belkin. China's Criminal Justice System: A Work in Progress (Система уголовного правосудия Китая: работа в процессе). // Washington journal of modern China. Vol. 6. no. 2. 2000. P. 83.

References

1. 中华人民共和国公安部令第 127 号 «公安机关办理刑事案件程序规定» [Order of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China No. 127 of December 03, 2012 “On the procedural requirements of a criminal investigation investigation is ensured by public security”. Adopted at a working meeting of heads of state security agencies of the PRC on December 3, 2012. Entered into force on January 1, 2013]; 最高人民检察院 «人民检察院刑事诉讼规则(试行)». [The position of the Supreme People’s Prosecutor’s Office “Rules for the application of the rules of the criminal procedure code by the People’s Prosecutor’s Office of the People’s Republic of China”. Adopted on January 15, 1997 at the 69th session of the Eighth Committee of the Supreme People’s Prosecutor's Office, rev. of October 16, 2012, adopted at the 80th session of the 16th convocation of the Committee of the Supreme People’s Prosecutor's Office].

2. 龚举文(Gong Juwen). 论刑事强制性措施的司法控制. [Problem issues of restricting the use of procedural coercive measures]. // Legal Review. 2010. № 3.

3. Gu Tszuin’. Problemy osushchestvleniya na praktike nadzora za vozbuzhdeniyem ugolovnogo dela [Gu Zuyin. Problems of implementation in practice of supervision over the initiation of criminal proceedings] // Jurisprudence in our century.2002. № 10.

4. 李晓 (Li Xiao). 论刑事案件分案审理制度的构. [Creating a system of judicial control in criminal cases] //Journal of the Heilongjiang Institute of Law and Management. 2017. № 1.

5. 罗彩荣 (Luo Cairong). 论我国主办侦查员制度之构建) [On the creation of a system of leading investigator in the PRC] // Bulletin of the Academy of Public Safety prov. Hebei 2017. № 30.

6. 刘坤 (Liu Kun).检察机关刑事强制措施监督机制研究. [Investigation of the system of prosecutorial oversight over the election and application of measures of procedural coercion] // Legal Review (Western District of China). 2011 № 2.

7. 刘缨,孙美(Liu Ying, Sun Mei).论我国刑事强制措施的制度缺陷及完善. [On some advantages and disadvantages of the system of measures of procedural coercion in the PRC] // Economic and social development. 2008. № 6 (11).

8. 樊崇义, 刘辰(Fan Chunyi, Liu Chen). 侦查权属性与侦查监督展望. [Features of investigative powers and supervision of the activities of the preliminary investigation].// People's Prosecutor. 2016. № 12.

9. Chzhan Tszyue. Prokuror v sovremennom ugolovnom protsesse. Sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.09. Moskva, 2007. 234 c., S. 98 [Zhang Jue. Prosecutor in modern criminal proceedings. Comparative analysis of the legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China]: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.09. Moscow, 2007.

10. 程小白 (Cheng Xiaobai). 主办侦查员制度:全面深化公安机关刑事司法改革的着力点. [Leading Investigator Institute: Deepening Criminal Justice Reforms in Public Security Bodies] // Bulletin of the Academy of Public Safety prov. Jiangxi 2015. № 2.

11. Yuan' I. Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya po UPK KNR: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.09. Sankt-Peterburg, 2006.[Yuan I. Measures of procedural coercion under the Criminal Procedure Code of the People's Republic of China]: dissertation ... Candidate of Law: 12.00.09. St. Petersburg, 2006.

12. 《关于全面深化公安改革若干重大问题的框架意见》[The Framework Opinion "On some important issues of comprehensively deepening public security reforms].

13. Ira Belkin. China's Criminal Justice System: A Work in Progress. // Washington journal of modern China, vol. 6, no. 2, 2000.

Примечания

[1] Уголовно-процессуальный кодекс КНР в последней редакции от 26.10.2018. См.: URL: https://www.66law.cn/tiaoli/19.aspx (дата обращения: 23.04.2019).

[2] 中华人民共和国公安部令第 127 号 «公安机关办理刑事案件程序规定» (Приказ Министерства общественной безопасности КНР № 127 от 3 декабря 2012 г. «О процессуальных требованиях расследования уголовного дела органами общественной безопасности»). Принято на рабочем совещании руководителей Министерства общественной безопасности КНР 3 декабря 2012 г. Вступил в силу с 1 января 2013 г.; 最高人民检察院 «人民检察院刑事诉讼规则(试行)» (Положение Верховной народной прокуратуры «Правила применения норм уголовно-процессуального кодекса народной прокуратурой КНР» (в опытном порядке)). Принято 15 января 1997 г. на 69-й сессии 8-го созыва комитета Верховной народной прокуратуры, с изм. от 16.10.2012, принятыми на 80-й сессии 16-го созыва комитета Верховной народной прокуратуры.

[3] 刘缨, 孙美 (Лю Ин, Сунь Мэй). 论我国刑事强制措施的制度缺陷及完善. (О некоторых достоинствах и недостатках системы мер уголовного (процессуального) принуждения

в КНР) // Экономическое и социальное развитие. 2008. № 6 (11) С. 88. URL: http://www.ixueshu.com/document/0b943b3c86bea76d.html (дата обращения: 23.04.2019).

[4] 龚举文 (Гун Цзюйвэнь). 论刑事强制性措施的司法控制. (О судебном контроле за мерами уголовного (процессуального) принуждения) // 法学评论(Юридическое обозрение). 2010. № 3. URL: http://www.ixueshu.com/document/a0d4f401c887ecc8.html (дата обращения: 26.04.2019); 李晓 (Ли Сяо). 论刑事案件分案审理制度的构建. (О создании системы рассмотрения по уголовным делам) // Журнал Хейлунцзянского института права и управления. 2017. № 1 URL: http://www.criminalprocedurelaw.cn/zh/node/4634(дата обращения: 26.04.2019).

[5] *Юань И.* Меры процессуального принуждения по УПК КНР: диссертация ... кандидата юридических наук. СПб., 2006. С. 130.

[6] 龚举文 (Гун Цзюйвэнь) Указ. соч.

[7] 刘缨, 孙美 (Лю Ин, Сунь Мэй). Указ. соч. С. 88.

[8] 《关于全面深化公安改革若干重大问题的框架意见. (Рамочное мнение «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ общественной безопасности». Жэньминь жибао. 16.02.2015. URL: http://politics.people.com.cn/n/2015/0216/c1001-26572785.html (дата обращения: 26.04.2019).

[9] 罗彩荣 (Ло Цайжун). 论我国主办侦查员制度之构建. (О создании системы руководящего следователя в КНР) // Вестник Академии общественной безопасности пров. Хэбей. 2017. № 30 (1) URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=1510170848 (дата обращения: 27.04.2019).

[10] 罗彩荣 (Ло Цайжун). Указ. соч.

[11] 程小白 (Чэн Сяобай). 主办侦查员制度: 全面深化公安机关刑事司法改革的着力点. (Институт руководящего следователя: важные аспекты всестороннего углубления реформы уголовного правосудия в органах общественной безопасности) // Вестник Академии общественной безопасности пров. Цзянси. 2015. № 2. С. 6.

[12] Гу Цзуинь. Проблемы осуществления на практике надзора за возбуждением уголовного дела // Юриспруденция в наш век.2002. № 10. С. 67.

[13] 罗彩荣. 论我国主办侦查员制度之构建. 湖北警官学院学报. 2017. 30(1). *Ло Цайжун*. О создании системы руководящего следователя в КНР // Вестник полицейской академии пров. Хэбей. 2017. № 30 (1) URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=1510170848 (дата обращения: 27.04.2019).

[14] 樊崇义, 刘辰. 侦查权属性与侦查监督展望. 人民检察. 2016(12). *Фань Чунъи, ЛюЧэнь*. Особенности следственных полномочий и надзор за деятельностью органов предварительного следствия // Народный прокурор. 2016. № 12. URL: http://ccls.bnu.edu.cn/criminal/Info/showpage.asp?showhead=&ProgramID=150&pkID=50058 (дата обращения: 28.04.2019).

[15] 刘坤 (Лю Кунь). 检察机关刑事强制措施监督机制研究. (Исследование системы прокурорского надзора над мерами уголовного (процессуального) принуждения // Юридический обзор (Западного района Китая). 2011 № 2. URL: http://www.ixueshu.com/document/134f25275db8ed97318947a18e7f9386.html (дата обращения: 28.04.2019); 樊崇义, 刘辰 (Фань Чунъи, ЛюЧэнь). 侦查权属性与侦查监督展望. (Обозревая перспективы признаков следственных полномочий и следственного контроля) // Народный прокурор. 2016. № 12.

URL: http://ccls.bnu.edu.cn/criminal/Info/showpage.asp?showhead=&ProgramID=150&pkID=50058 (дата обращения: 28.04.2019).

[16] *Чжан Цзюэ*. Прокурор в современном уголовном процессе. Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики: дисс. ... канд. юр. наук. М., 2007. С. 98.

[17] Ira Belkin. China's Criminal Justice System: A Work in Progress. // Washington journal of modern China. Vol. 6. No. 2, 2000. P. 83.

[18] Цит. по: *Чжан Цзюэ.* Указ. соч. С. 97—98.

М.П. Лымарь,
Финансовый университет при Правительстве РФ, к.э.н.

ПЕРЕХОД НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧЕТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ КИТАЯ

Аннотация. Рассмотрены проблемы принятия национальными учетными системами международных стандартов нормативного регулирования. В процессе принятия международных стандартов нормативные системы большинства стран сталкиваются с рядом трудностей, преодолеть которые в ближайшей перспективе видится маловероятным. Посредством анализа нормативных актов КНР, документов Совета по МСФО, работ китайских исследователей на примере Китая выявлены основные проблемы и показана невозможность полной замены национальных стандартов на международные без ущерба традициям правовой системы отдельно взятого государства.

Базовой причиной невозможности безоговорочного внедрения международных стандартов на территории КНР является китайская правовая система. Она относится к континентальной модели, и основной целью нормативного регулирования бухгалтерского учета в Китае является не первостепенное удовлетворение интересов инвесторов (страны Запада), а правильный расчет налогооблагаемого дохода. Сравнены некоторые положения международных и китайских стандартов, регулирующих одни и те же хозяйственные факты, но предоставляющие различные варианты учетных решений.

Иная, по сравнению с европейскими странами, правовая и хозяйственная реальность в Китае формирует и сложности с переводом основных понятий международных стандартов на китайский язык. Даны примеры искажения смысла переводимых стандартов. Оказываются неудачными и попытки интерпретации «размытых» положений международных стандартов, не стыкующихся с китайской императивной нормативной базой. Рассмотрена краткая история процесса перехода Китая на международные стандарты начиная с 2005 г. Представлены основные двусторонние соглашения, обозначены позиции Совета по МСФО и Министерства финансов КНР в течение всего переговорного периода, а также изменения в риторике Совета по МСФО, вызванные отстаиванием своих национальных интересов китайской стороной.

Китайский опыт перехода на международные стандарты представляет знаковый прецедент для мировой учетной практики. Китайский путь сближения с МСФО должен быть непременно изучен реформаторами других стран, в том числе российскими.

Ключевые слова: Китай, Международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), гармонизация, Китай, национальная правовая система, бухгалтерский учет, финансовая отчетность.

Автор: Лымарь Марина Павловна, кандидат экономических наук, доцент ДЯП Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: lymarm@mail.ru

Распространение МСФО в глобальном масштабе

Комитет по международным стандартам учета (IASC) был создан в 1973 г. Он представляет из себя структуру, которая занимается внедрением в мировом масштабе единых стандартов нормативного-правового регулирования финансовой отчетности[1]. Межстрановые исследования показывают, что транснациональные предприятия выиграют от принятия МСФО, так как использование МСФО приводит к снижению стоимости подготовки и консолидации финансовой отчетности, а также повышению ее сопоставимости[2].

В настоящее время более 130 стран мира вовлечены в процесс внедрения международных стандартов. Однако, несмотря на декларируемое этими странами «принятие МСФО», реальная практика их внедрения сталкивается с многочисленными трудностями: проблемы коррупции, отсутствие квалифицированных кадров (юристов и бухгалтеров), императивной системой управления и др. Также существенное влияние оказывает распространение на территории национального государства определенных форм организации бизнеса.

Китайский опыт перехода на международные стандарты: об истории вопроса

Для сближения своей системы нормативного регулирования бухгалтерского учета и финансовой отчетности с международными стандартами правитель-

ство КНР с 2005 г. запустило процессы реформирования. В начале 2005 г. Министерством финансов был разработан план по пересмотру основных национальных учетных стандартов и к 2006 г. создано 22 новых стандарта. Основная цель реформы, проводимой в этот период, состояла в установлении курса на гармонизацию CAS (Chinese accounting standards) с IFRS (International Financial Reporting Standards). В 2005 г. было опубликовано «Пекинское совместное заявление 2005 г.» (“2005 年北京联合声明”). В нем была четко сформулирована позиция китайского правительства и обозначен путь, по которому пойдет китайская система нормативного регулирования учетных стандартов. Министерство финансов КНР обозначило «путь конвергенции» с международными стандартами, а не полного и безоговорочного принятия МСФО на своей территории. Стоит отметить, что заявление носило совместный характер, и эту позицию пришлось признать и Совету по МСФО, чей изначально бескомпромиссный настрой по навязыванию «дословного» внедрения международных стандартов претерпел изменения, а китайскому правительству было разрешено самостоятельно определять способы сближения CAS и IFRS.

Начиная с 2007 фин. г. весь крупный и средний бизнес на территории КНР должен был начать применять новые стандарты для составления консолидированной и неконсолидированной финансовой отчетности. В этом же году Национальный совет по стандартам бухгалтерского учета КНР и Гонконгский институт общественных бухгалтеров подписали соглашение о взаимном признании материковых стандартов КНР и учетных стандартов Гонконга. Данное соглашение обозначило единый вектор развития учета даже при существовании двух различных экономических режимов[3].

Совместная работа Совета по МСФО и Министерства финансов КНР над сближением национальных и международных стандартов учета и отчетности продолжилась до 2008 г.

С началом финансового кризиса 2008 г. страны Большой двадцатки (G20) стали рассматривать международную унификацию нормативного регулирования учета и отчетности как базу мировой финансовой стабильности. Министерство финансов КНР начало подвергаться сильнейшему давлению со стороны членов данного диалога. В адрес Китая постоянно звучали требования принять международные стандарты и отказаться от национальных. Начиная с 2011 г. Совет по МСФО стал открыто высказывать недовольство процессами сближения китайских стандартов с МСФО и отказался напринимать китайские формулировки типа «стандарт *в основном* соответствует МСФО». Переговорный процесс на данном этапе зашел в тупик. И китайское руководство, не желая изменять выбранный путь реформирования, взяло паузу в переговорном процессе. Ван Цзюнь, занимавший тогда пост заместителя министра финансов (с 2005 по 2013 г.) в 2009 г. еще раз обозначил позицию КНР: суще-

ствует ряд объективных факторов, базовыми из которых являются имеющая многовековую историю национальная правовая система Китая и китайская национальная культура. Они игнорируются Советом по МСФО. Но именно из-за них международные стандарты не могут быть приняты на территории КНР слово в слово[4].

По прошествии 10 лет после подписания «Пекинского совместного заявления 2005 г.» в октябре 2015 г. состоялась встреча попечителей Фонда МСФО и представителей Министерства финансов КНР. Результатом данной встречи стало новое совместное заявление, получившее название «Пекинское совместное заявление 2015 г.» (“2015 年北京联合声明”), призванное обновить заявление 2005 г.[5] и запустить процесс дальнейших переговоров. Китайская сторона отстаивает право на сближение с МСФО своим особым путем «конвергенции». Две стороны договорились о формировании совместной рабочей группы для изучения способов «продвижения использования МСФО в Китае». Совет по МСФО также пообещал обеспечить полноценное участие китайских представителей в разработке будущих международных стандартов.

Проблемы дефиниции

Трудности перехода национальных нормативно-правовых систем регулирования учетной деятельности на международные стандарты связаны также со спецификой юридического статуса Совета по МСФО. Он, по сути своей, является консультативным органом и не имеет полномочий в императивном порядке требовать обязательного применения разрабатываемых им стандартов. Данная компетенция остается в руках национальных правительств. Для этого, как правило, нормативно на государственном уровне закрепляется определенный путь перехода и его название.

Существуют страны, которые декларируют «полное принятие» международных стандартов. На сегодняшний день их насчитывается уже несколько десятков, в том числе более половины стран группы G20. Национальные правительства именуют свои особые варианты перехода по-разному: «конвергенция с МСФО», «сближение с МСФО», «гармонизация с МСФО», «усыновление МСФО», «конвертация МСФО», «признание МСФО», «принятие МСФО» и др.

В настоящее время существуют три основных механизма внедрения МСФО на территории отдельно взятого государства:

1) прямое введение в действие положений международных стандартов в той же редакции и в те же сроки, которые предусмотрены Советом по МСФО;

2) применение положений международных стандартов после процедуры вступления в силу нормативных актов национальных правительств;

3) приведение положений МСФО в соответствие с реалиями национального государства, т. е. внесение определенных изменений.

Китайская позиция декларируется как вторая из представленных, но на деле представляет из себя нечто среднее между второй и третьей позицией.

Министерство финансов КНР закрепило механизм «конвергенции» в качестве инструмента для реагирования на давление со стороны Совета по МСФО. Под ним понимается сближение основ учетных систем за счет подстраивания основных учетных практик и их нормативного регулирования. Китайская сторона настаивает на том, что «путь конвергенции» — это конфуцианский прагматичный подход «непротиворечивого совмещения», призванный разрешить вопросы удовлетворения, прежде всего, интересов национального бизнеса, в стране, которая обладает веками сложившейся правовой системой, особой экономической средой и национальной культурой[6].

Особенности национальной правовой системы

Внедрение международных стандартов нормативного регулирования учета на территории отдельного государства является сложным процессом, напрямую зависящим от национального правового контекста. Перед запуском процессов перехода на МСФО должна быть проведена качественная оценка реальности их прямого введения и обоснована совместимость с основными элементами национальной правовой системы.

Китайская правовая система складывалась в основном самостоятельно и независимо на протяжении многих веков (вплоть до падения династического режима) и в настоящее время достигла уровня системы всестороннего регулирования различных элементов бухгалтерской деятельности в специфической национальной хозяйственной среде. В качестве основных ее черт можно выделить следующие:

— Принятые органами законодательной власти «готовые» нормы являются основным источником права.

— Правовая система институциональна, имеет четкую структуру.

— Содержание правовых норм носит скорее императивный характер.

Китайская правовая система, не смотря на произошедшие за XX век трансформации, по основным свойствам относится к континентальной модели. Основной целью регулирования бухгалтерского учета в стране с данной правовой моделью является не первостепенное удовлетворение интересов инвесторов, а правильный расчет налогооблагаемого дохода и верное заполнение налоговых деклараций в установленные законом сроки.

Главной отличительной особенностью международных стандартов от китайских национальных является то, что они, как правило, предоставляют бóльшую свободу в способах и методах отражения результатов хозяйственной деятельности предприятия. Приведем пару примеров:

Анализ расходов. МСФО (IAS) 1 позволяет предприятию представить анализ расходов с использованием классификации, основанной либо на характере

расходов, либо на их функции, в зависимости от того, какая информация является более релевантной. В соответствии с CAS 30 «Представление финансовой отчетности» расходы анализируются только по функциям. Такое понимание олицетворяет менее гибкий и более консервативный подход в сравнении с международными стандартами[7].

Измерение нематериальных активов. МСФО (IAS) 38 при измерении нематериальных активов допускает использование как модели затрат, так и модели переоценки. CAS 6 «Нематериальные активы» допускает использование только модели затрат[8].

Раскрытые примеры нестыковки требований международных и китайских национальных стандартов обусловлены теми задачами, которые призвана решать китайская правовая система.

Проблемы интерпретации международных стандартов

При переходе на международные стандарты зачастую складываются ситуации, когда европейским специалистам по МСФО не хватает необходимых знаний китайских хозяйственных реалий и национальных традиций для правильной их интерпретации и формирования грамотных профессиональных суждений.

Китайская нормативная практика регулирования хозяйственного учета сложись таким образом, что китайские бухгалтеры и аудиторы в своей деятельности руководствуются рекомендациями, предоставленными Министерством финансов, такие, как «интерпретации» (解释) и «объяснения» (讲解). Грамотные интерпретации в том числе зависят и от качественного перевода базовых учетных концепций и понятий международных стандартов. При отсутствии точных эквивалентов английских понятий в официальном мандаринском диалекте европейские комиссии, как правило, используют ближайшее понятие, которое сущностно не всегда совпадает с переводимым. Приведем ряд примеров:

1. Доход. Выбранным эквивалентом при переводе на китайский язык было выбрано понятие «收益» (доход, прибыль, рентабельность, выгода). Данный термин в CAS традиционно эквивалентен прибыли или убыткам. Поэтому стоило бы также рассмотреть такие варианты перевода, как 收入, 利润, 进款 и другие;

2. Контроль. При переводе на китайский язык был выбран термин «控制» (господство, контроль, власть, главенство, превосходство, обуздание). Термин в китайской традиционной экономической мысли понимается как «невидимая власть» китайского правительства над бухгалтерским учетом. В связи с этим было бы нелишним рассмотреть другие, более нейтральные варианты перевода: 管制, 监管, 检查 и др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что в процессе перевода с английского на китайский язык переводчики Совета по МСФО используют термины, которые уже имеют определенные традиции употребления в стране, тем самым искажают смысл переводимых стандартов.

В данной работе на примере китайской правовой действительности показаны основные барьеры, которые препятствуют полному переходу на международные стандарты и порождают компромиссные варианты взаимодействия между Комитетом по международным стандартам учета и национальными Министерствами финансов развивающихся стран. Автором посредством раскрытия на примере КНР основных проблем принятия международных стандартов показана невозможность окончательного перехода на МСФО, так как вновь создаваемые международные стандарты (явление второй половины XX века) не могут быть полностью совместимы с китайскими многовековыми традиционными нормативными практиками и хозяйственным менталитетом, а также не могут быть полностью несовместимы с современной правовой, профессиональной и экономической средой.

Библиографический список

1. IFRS: Who we are (МСФО: кто мы). URL: https://www.ifrs.org/about-us/who-we-are/#history (дата обращения: 15.04.2019).

2. *Nobes C., Parker R.* Comparative International Accounting (Сравнительный международный учет). 13th Edition. Pearson, 2016.

3. 中国会计准则委员会与香港会计师公会. 关于内地企业会计准则与香港财务报告准则等效的: 联合声明. (Совет по стандартам бухгалтерского учета Китая и Гонконгский институт сертифицированных общественных бухгалтеров. Стандарты бухгалтерского учета материковых предприятий эквивалентны Гонконгским стандартам финансовой отчетности: совместное заявление). URL: http://kjs.mof.gov.cn/zhuantilanmu/kjgjjlyhz/kjgjjlyhzbwl/200811/t20081106_88275.html (дата обращения: 15.04.2019).

4. 王军 (Ван Цзюнь). 齐心协力谱写会计国际趋同新篇章. (Работаем вместе, чтобы написать новую главу в международной конвергенции бухгалтерского учета) // Kuaiji yanjiu. 2009. № 12.

5. 中华人民共和国财政部与国际财务报告准则基金会联合声明 (Совместное заявление Министерства финансов Китайской Народной Республики и Фонда Международных стандартов финансовой отчетности). URL: http://kjs.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/gongzuodongtai/201511/t20151120_1574639.html (дата обращения: 15.07.2018).

6. 曲晓辉 (Цюй Сяохуэй). 中国会计国际化研究. (Исследование интернационализации бухгалтерского учета в Китае). Jingji kexue chubanshe, 2010.

7. 《企业会计准则第 30 号——财务报表列报. («Стандарт бухгалтерского учета для предприятий № 30 — Представление финансовой отчетности»). Документ № : Бухгалтерский учет [2014] № 7. Выпущен Министерством финансов КНР (дата выпуска: 26 января 2014 г.; дата вступления в силу: 1 июля 2014 г.).

8. 企业会计准则第 6 号—— 无形资产. («Стандарт бухгалтерского учета для предприятий № 6 — Нематериальные активы»). Документ № : Бухгалтерский учет [2006] № 3. Выпущен Министерством финансов КНР (дата выпуска: 15 февраля 2006 г.; дата вступления в силу: 1 января 2007 г.).

References

1. IFRS: Who we are. Available at: https://www.ifrs.org/about-us/who-we-are/#history (accessed 15.04.2019).

2. Nobes C., Parker R. Comparative International Accounting. 13th Edition. Pearson, 2016.

3. 中国会计准则委员会与香港会计师公会. 关于内地企业会计准则与香港财务报告准则等效的: 联合声明. [China Accounting Standards Board and Hong Kong Institute of Certified Public Accountants. The Mainland Accounting Standards for Business Enterprises are equivalent to Hong Kong Financial Reporting Standards: Joint Statement]. Available at: http://kjs.mof.gov.cn/zhuantilanmu/kjgjjlyhz/kjgjjlyhzbwl/200811/t20081106_88275.html (accessed 15.04.2019)

4. 王军 (Wang Jun). 齐心协力谱写会计国际趋同新篇章. [Working together to write a new chapter in the international convergence of accounting] // Accounting Research. 2009. no.12.

5. 中华人民共和国财政部与国际财务报告准则基金会联合声明. [Joint statement by the Ministry of Finance of the People's Republic of China and the International Financial Reporting Standards Foundation]. URL: http://kjs.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/gongzuodongtai/201511/t20151120_1574639.html (accessed 15.04.2019).

6. 曲晓辉(Qu Xiaohui). 中国会计国际化研究. [China Accounting Internationalization Research]. Economic Science Press. 2010.

7. 《企业会计准则第 30 号——财务报表列报》) [Accounting Standards for Business Enterprises No. 30 — Presentation of Financial Statements]. Document No.: Accounting [2014] No.7. Issued by: Ministry of Finance. Date of issue: January 26, 2014. Date of implementation: July 1, 2014.

8. 企业会计准则第 6 号—— 无形资产. [Accounting Standards for Business Enterprises No. 6 — Intangible Assets]. Document No.: Accounting [2006] No.3. Issued by: Ministry of Finance. Date of issue: February 15, 2006. Date of implementation: January 1, 2007.

Примечания

[1] IFRS: Who we are (МСФО: кто мы). URL: https://www. ifrs.org/about-us/who-we-are/#history (дата обращения: 15.04.2019).

[2] *Nobes C., Parker R.* Comparative International Accounting. 13th Edition. Pearson, 2016.

[3] 中国会计准则委员会与香港会计师公会. 关于内地企业会计准则与香港财务报告准则等效的: 联合声明 (Совет по стандартам бухгалтерского учета Китая и Гонконгский институт сертифицированных общественных бухгалтеров. Стандарты бухгалтерского учета материковых предприятий эквивалентны Гонконгским стандартам финансовой отчетности: совместное заявление) .URL: http://kjs.mof.gov.cn/zhuantilanmu/kjgjjlyhz/kjgjjlyhzbwl/200811/t20081106_88275.html (дата обращения: 15.04.2019).

[4] 王军 (Ван Цзюнь). 齐心协力谱写会计国际趋同新篇章. (Работаем вместе, чтобы написать новую главу в международной конвергенции бухгалтерского учета). Kuaiji yanjiu. 2009. № 12. С. 3—4.

[5] 中华人民共和国财政部与国际财务报告准则基金会联合声明. (Совместное заявление Министерства финансов Китайской Народной Республики и Фонда Международных

стандартов финансовой отчетности). URL: http://kjs.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/gongzuodongtai/201511/t20151120_1574639.html (дата обращения: 15.07.2018).

[6] 曲晓辉 (Цюй Сяохуэй). 中国会计国际化研究. (Исследование интернационализации бухгалтерского учета в Китае). Jingji kexue chubanshe, 2010.

[7] 《企业会计准则第 30 号——财务报表列报. («Стандарт бухгалтерского учета для предприятий № 30 — Представление финансовой отчетности»). Документ № : Бухгалтерский учет [2014] № 7. Выпущен Министерством финансов КНР (дата выпуска: 26 января 2014 г.; Дата вступления в силу: 1 июля 2014 г.).

[8] 企业会计准则第 6 号—— 无形资产. («Стандарт бухгалтерского учета для предприятий № 6 — Нематериальные активы»). Документ № : Бухгалтерский учет [2006] № 3. Выпущен Министерством финансов КНР (дата выпуска: 15 февраля 2006 г.; дата вступления в силу: 1 января 2007 г.).

А.Ю. Ефимов

ПРИРОДООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КНР ПОСЛЕ XVIII СЪЕЗДА КПК

Аннотация. Рассмотрены вопросы государственного подхода к проблемам охраны окружающей среды в Китае после XVIII съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г. Тогда была отмечена необходимость строительства экологической цивилизации в Китае. Тема была продолжена и на XIXсъезде партии, на котором генсек ЦК КПК Си Цзиньпин поставил задачу строительства «прекрасного Китая», в котором будут успешно решены острые экологические проблемы. Рассмотрены сложившаяся в стране система природоохранного законодательства, как законы КНР, так и правительственные нормативные акты и национальные программы. Особое внимание уделяется тематике исполнения этого законодательства, а именно мер экономического воздействия на нарушителей законов и загрязнителей окружающей среды, а также применимости уголовных наказаний за серьезные загрязнения окружающей среды.

Отдельного упоминания в контексте исследования заслуживает появившееся в последние годы у народных прокуратур КНР права возбуждать гражданские иски и дела в защиту публичных интересов по делам о загрязнении окружающей среды. Начатая как эксперимент в 2016 г., эта новация спустя два года стало нормой по всему Китаю, в с начала 2019 г. в прокуратурах всех уровней создаются специальные департаменты, специально занимающиеся защитой публичных интересов. Подчеркивается, что именно прокуратуры в сложившейся системе являются ключевым игроком на поле защиты экологии в Китае, а вовсе не экологические НКО — действующее законодательство и финансовые препоны ограничивают возможности последних подавать иски против загрязнителей природы. Количество поданных ЭНКО исков по защите публичных интересов измеряется десятками.

В ряде провинций с 2016 г., а по всей стране с 2018 г. у местных властей появилась возможность предъявлять к предприятиям-нарушителям иски об экономической компенсации за ущерб природе. Приводится статистика 2017—2018 гг. относительно количества административных, гражданских и уголовных дел в природоохранной сфере.

Ключевые слова: Китай, охрана окружающей среды, экологическая цивилизация, природоохранные законы, иски в защиту публичных интересов, народная прокуратура.

Автор: Ефимов Алексей Юрьевич, журналист (URL: http://www.alexeyefimov.com), консультант, волонтер фонда «Озеро Байкал». E-mail: a.efimov1971@gmail.com. WoS Researcher ID I-3947-2012

Современная китайская пропаганда четко увязывает борьбу за чистую среду с нынешним лидером КНР Си Цзиньпином, поставившим задачу построить «прекрасный Китай», т. е. экологически чистый Китай. Его ставшая лозунгом фраза «Изумрудные воды и зеленые горы — бесценное сокровище» (绿水青山就是金山银山) относится ко времени работы Си в пров. Чжэцзян: в августе 2005 г. в местной прессе была опубликована статья с одноименным названием, в которой Си Цзиньпин рассуждал о необходимости ответственного отношения к природе[1].

На партийно-государственный высший уровень необходимость ответственного отношения к природе была вынесена на XVIII съезде Компартии Китая. В своем отчетном докладе тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао заявил, что «перед лицом ... серьезного загрязнения окружающей среды и экологической деградации необходимо утверждать понятия экологической культуры, охватывающие уважение природы, адаптацию к ней и охрану ее, отводить видное место экоцивилизованному строительству и включать его во все аспекты и весь процесс экономического, политического, культурного и социального строительства, а тем самым старательно создавать прекрасный Китай во имя вечного развития китайской нации»[2].

Через несколько дней тезис о необходимости бороться за «прекрасную окружающую среду» повторил вновь избранный генеральный секретарь Си Цзиньпин, а сам термин про экологическую цивилизацию с XVIII съезда партии вписан в ее устав.

На XIX съезде партии в октябре 2017 г. Си Цзиньпин назвал «гармоничное сосуществование человека и природы» составной частью теоретической концепции «новой эпохи социализма с китайской спецификой». Китайский лидер обозначил задачу «строительства прекрасного Китая», в котором будет достигнута победа «в войне за синие небеса» и успешно решены острые экологические проблемы страны: загрязнение и воздуха, и вод, и почв. Си Цзиньпин подчерк-

нул необходимость придерживаться «зеленого развития», «приложить все силы к решению острых экологических проблем», усилить степень защиты природной системы, реформировать систему экологического мониторинга и контроля. Здесь же в докладе Си Цзиньпин впервые упомянул три «сокрушительные войны», в которых нужно одержать победу — в том числе войну по «предотвращению загрязнения»[3].

Тезис о необходимости построения «прекрасного Китая» по итогам XIX съезда партии занесен в устав, присутствуя во фразе о необходимости превращения страны «в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».

Это — идеологическое и теоретическое обоснование современной экологической политики. Практическое воплощение концепция построения «прекрасного Китая» получила на Центральном экономическом совещании, прошедшем в Пекине 18—20 декабря 2017 г. На нем в ход у Си Цзиньпина вновь пошли военные термины: «в предстоящие три года необходимо сделать основной упор на завоевание побед в трех наступательных войнах: войны по ликвидации и предотвращению значительных (финансово-экономических) рисков, по целенаправленной ликвидации бедности и по предотвращению загрязнения»[4]. Борьба за экологию оказалась поставлена в один ряд с ключевыми социально-экономическими задачами.

Позднее, 18—19 мая 2018 г., на прошедшем в Пекине Всекитайском собрании по защите окружающей среды Си Цзиньпин, говоря о планах борьбы с загрязнением, заявил, что состояние окружающей среды является «важнейшим политическим вопросом» в деятельности компартии[5].

На основании конституционных норм (ст. 9 и 26 Конституции КНР) в стране приняты и действуют законы:

— «Об охране окружающей среды» (принят 26.12.1989, с изменениями от 24.04.2014);

— «О предотвращении загрязнения воды» (принят 11.05.1984, с изменениями от 15.05.1996, 28.02.2008, 27.06.2017);

— «О предотвращении загрязнения атмосферы» (принят 05.09.1987, с изменениями от 29.08.1995, 29.04.2000, 29.08.2015, 26.10.2018);

— «О предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами» (принят 30.10.1995, с изменениями от 29.12.2004, 29.06.2013, 24.04.2015, 07.11.2016);

— «О предупреждении шумового загрязнения окружающей среды» (принят 29.10.1996, с изменениями от 29.12.2018);

— «Об охране окружающей среды морей и океанов» (принят 23.08.1982, с изменениями от 25.12.1999, 28.12.2013, 07.11.2016, 04.11.2017);

— «Об оценке влияния на окружающую среду» (принят 28.10.2002, с изменениями от 02.07.2016, 29.12.2018).

Необходимость защиты природных ресурсов прописана также в законах:

— «О лесе» (принят 20.09.1984, с изменениями от 29.04.1998, 27.08.2009);

— «О степях» (принят 18.06.1985, с изменениями от 28.12.2002, 27.08.2009, 29.06.2013);

— «О рыболовстве» (принят 20.01.1986, с изменениями от 31.10.2000, 28.08.2004, 27.08.2009, 28.12.2013);

— «О сельском хозяйстве» (принят 02.07.1993, с изменениями от 28.12.2002, 27.08.2009, 28.12.2012);

— «О минеральных ресурсах» (принят 19.03.1986, с изменениями от 29.08.1996, 27.08.2009);

— «Об управлении землями» (принят 25.06.1986, с изменениями от 29.12.1988, 29.08.1998, 28.08.2004);

— «О воде» (принят 21.01.1988, с изменениями от 29.08.2002, 27.08.2009, 02.07.2016);

— «О защите дикого животного мира» (принят 08.11.1988, с изменениями от 28.08.2004, 27.08.2009, 02.07.2016, 26.10.2018);

— «Об угле» (принят 29.08.1996, с изменениями от 27.08.2009, 22.04.2011, 29.06.2013, 07.11.2016);

и некоторых других.

В конце 2016 года был принят и с 1 января 2018 г. вступил в силу Закон КНР об экологическом налоге (изменен 26.10.2018); в 2018 г. был принят и с 1 января 2019 г. вступил в силу Закон КНР о предотвращении загрязнения почвы.

Конкретные экологические задачи ставятся в нормативных документах правительства. В рамках плана 13-й пятилетки (2016—2020 гг.) действует План охраны окружающей среды, в 2013 г. Госсоветом КНР впервые был принят трехлетний «План действий по борьбе с атмосферным загрязнением»[6], предписывавший к 2017 г. снизить плотность мелкодисперсных частиц PM2.5 в важных районах на 15 % (район дельты реки Чжуцзян) и до 33 % (район Пекина). В 2018 г. на смену этому плану пришел «Трехлетний план действий по завоеванию победы в оборонительной войне за голубые небеса на 2018—2020 г.». Эти планы, хотя и не являются законами, тем не менее носят обязательный характер национальных программ.

В рамках этих планов конкретные министерства и на межведомственном уровне, провинции и автономные районы и далее вниз вплоть до городов, принимают собственные программы борьбы с загрязнением. К примеру, в 2017—2018 гг. Министерством КНР по охране окружающей среды принимались специальные планы по борьбе с загрязнением воздуха в осенне-зимний период в районе Пекина—Тяньцзиня—Хэбэя (в городах зоны «2+26»). В его развитие все

провинциальные управления по охране окружающей среды затронутых регионов (Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шаньдун и Хэнань), городские управления приняли планы с конкретными цифрами целей улучшения качества воздуха и конкретными мерами по их достижению.

Законодательством предусмотрены меры экономического воздействия на нарушителей закона (загрязнителей среды), раздел об экологических преступлениях есть и в Уголовном кодексе КНР.

Ст. 59 Закона КНР об охране окружающей среды указывает, что компетентные органы (управления по охране окружающей среды) в случае противозаконного выброса производственными компаниями вредных веществ вправе выдать предписание исправить ситуацию, а также выписать им штрафы, которые не отменяют обязанности исправить ситуацию. Размер штрафов определяется компетентными органами исходя из размера непосредственных убытков и иных факторов, может применяться режим ежедневных штрафных санкций[7]. В ст. 60 того же закона указывается, что административные органы вправе предписать ограничение или приостановку производств и даже закрытие предприятия[8].

Примерно такой же набор мер — предписания по исправлению ситуации, штрафы, ограничение или приостановка производства — содержится и в других законах.

Работает и специальный закон, предписывающий всем промышленным объектам иметь проведенную оценку воздействия на окружающую среду. По букве этого закона, без данного документа любое промышленное предприятие является построенным с нарушением закона, нелегальным.

Ст.29 этого закона прямо указывает на необходимость административного взыскания для тех чиновников, которые позволили предприятию работать без экологической оценки или с фальсифицированной оценкой. Само предприятие за самовольное строительство объекта должно (ст. 31) быть подвергнуто: а) предписанию об остановке строительства, б) штрафу в размере 1—5 % от инвестиционной стоимости объекта[9].

В Уголовном кодексе преступлениям против окружающей среды посвящены статьи 338—346 (гл. 6, § 6). Уголовное наказание с максимальной мерой наказания до 7 лет лишения свободы со штрафом (ст. 338 УК) применяется в случае крупных инцидентов по загрязнению окружающей среды, приведшее к «особо тяжким последствиям» (серьезным материальным последствиям либо ранению и гибели людей). Поводом для возбуждения уголовного дела, согласно ст. 60 Регламента Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности КНР[10], является серьезное загрязнение окружающей среды, имеющее хотя бы один из признаков: а) причинение ущерба собственности в размере свыше 300 тыс. юаней, б) нанесение постоянного вреда сельскохозяйственным землям,

защитным лесам площадью 5—10 му, прочим землям — 20 му, в) гибель свыше 50 куб. м лесов (либо 2500 саженцев), г) гибель одного, либо тяжелые ранения трех, либо легкие ранения 10 человек, д) распространение эпидемий, 6) имеющие иные тяжелые последствия загрязнения.

С 1 января 2017 г. действует специальное «Разъяснение по некоторым вопросам применения законодательства в уголовных делах по загрязнению окружающей среды»[11], выпущенное Верховной народной прокуратурой и Верховным народным судом КНР в конце декабря 2016 г.

Разъяснение называет 18 признаков, по которым предлагается расценивать правонарушение как «серьезное загрязнение окружающей среды», квалифицируемое как уголовное преступление. Это, например:

— выброс, свалка и утилизация в охраняемых зонах с источниками питьевой воды, в центральных районах природных заповедников радиоактивных, ядовитых и содержащих заразные болезни отходов;

— незаконные выброс, свалка и утилизация свыше трех тонн опасных веществ;

— выброс, свалка, утилизация вредных веществ с содержанием свинца, ртути, кадмия, хрома, мышьяка, таллия в размере, троекратно превышающем стандарты государства; вредных веществ с содержанием никеля, меди, цинка, серебра, ванадия, марганца и кобальта в размере, десятикратно превышающем государственные или местные стандарты;

— действия предприятий с серьезными выбросами по фальсификации, подделке данных автоматической системы мониторинга либо вмешательство в работу приборов автоматического мониторинга объемов химического потребления кислорода, аммиачного азота, диоксида серы и иных загрязняющих веществ.

К «особо тяжким последствиям» серьезного экологического загрязнения отнесены, в частности, действия по «выбросу, свалке, утилизации опасных веществ в объемах свыше 100 т», которые привели либо к отравлению средней тяжести у 100+ человек либо к смерти 1 человека либо его тяжелой инвалидности.

К отягчающим обстоятельствам отнесены «выброс, свалка, утилизация ядовитых или иных опасных веществ» в период действия предупреждения о серьезном погодном загрязнении, в период экологических происшествий, либо предписание об исправлении ситуации на предприятии.

С начала 2016 г. прокуратура получила право «в экспериментальном порядке»[12] в 13 китайских регионах возбуждать гражданские иски в защиту публичных интересов по делам о загрязнении окружающей среды. Почти два года спустя, эксперимент был признан успешным и с внесением соответствующих изменений в Гражданско-процессуальный и Административно-процессуальный кодексы КНР[13] в июне 2017 г. прокуратура получили это право в законном порядке.

В 2018 г. Верховная народная прокуратура и Верховный народный суд КНР выпустили совместное «Разъяснение о некоторых вопросах правоприменения в делах по искам в защиту публичных интересов»[14], согласно которому загрязнение окружающей среды — основание для действий прокуратуры.

С начала 2019 г. в прокуратурах всех уровней создаются департаменты, специально занимающиеся защитой публичных интересов (до этого времени этими делами занимались подразделения, отвечающие за гражданские и административные дела). В Верховной народной прокуратуре, к примеру, это 8-й отдел, его возглавил Ху Вэйле.

В общем плане схема экологического надзора и правоприменения сейчас в Китае выглядит так: местное управление (надзорный орган) по охране окружающей среды следит за выполнением соответствующего законодательства компаниями, в случае обнаружения нарушений выдает последним предписания по исправлению ситуации и налагает штрафы.

Прокуратура как надзорный орган следит за исполнением своих функций гражданскими надзорными ведомствами в области охраны окружающей среды и, в случае неисполнения ими своих обязанностей, может выдвинуть против них соответствующий иск, в рамках административного или гражданского законодательства. Однако до передачи дела в суд прокуратура обязана сначала направить «уведомление о предупреждении» государственному ведомству, напоминая последнему о необходимости выполнять свои функции и исправить ситуацию. На исправление дается 2 месяца (15 дней для срочных дел). Во время действия пилотной программы свыше 75 % правительственных ведомств предпринимали действия по получении уведомления, не доводя дело до суда.

Сверху, из Центра, за соблюдением природоохранного законодательства на местах следит Комиссия ЦК по экологическим инспекциям (中央环保督察组) — сравнительно новый партийный механизм контроля. Впервые экологические инспекции были проведены в 2016 г. в пров. Хэбэй, но с 2017 г. стали важнейшим инструментом укрепления надзорной власти Центра в регионах. К концу 2017 г. контрольно-проверочной работой этих инспекций были охвачены все регионы КНР, с июня 2018 г. проходят «возвратные» (回头看) проверки в отношении того, как исправляются выявленные годом ранее проблемы.

Экологические инспекции ЦК разбиты на команды. Каждая команда проводит в регионе примерно месяц. Они прежде всего оценивают работу местных органов власти по соблюдению и выполнению экологического законодательства. Иными словами, инспекции указывают не непосредственно нарушающим предприятиям, а местным контролирующим государственным и партийным органам.

Работа экологических инспекций ЦК смоделирована по образцу деятельности проверочных команд Комиссии ЦК по проверке партийной дисциплины

(ЦКПД). Судя по всему, эти инспекции обладают не меньшими полномочиями, чем команды ЦКПД как минимум в части возможностей принимать определяющие судьбу чиновников решения.

Формальный авторитет инспекций определяется ее составом. Каждая команда возглавляется действующим или отставным чиновником в министерском ранге. То есть этот человек находится как минимум на одном уровнем с партсекретарем или губернатором провинции. Заместитель главы инспекции представляет Министерство экологии и окружающей среды КНР, в руководство инспекции также входит представители ЦКПД и Организационного отдела ЦК КПК. Представитель Орготдела ЦК отвечает за партийно-государственную оценку деятельности чиновников, сотрудник ЦКПД обеспечивает неотвратимость наказания за нарушения. Таким образом, инспекция полномочна принимать кадровые решения и по партийной, и по государственной линии.

Власти также призывают и простых граждан активно сообщать о загрязнении природы. Согласно ст. 57 Закона КНР об охране окружающей среды, граждане, юридические лица и иные организации по фактам нанесения ущерба природе могут лишь сигнализировать в «ведомства, отвечающие за надзор и охрану окружающей среды». Напрямую инициировать судебные разбирательства (гражданский иск) имеют право лишь зарегистрированные общественные организации, работающие в сфере защиты природы, со сроком безупречной деятельности свыше 5 лет (ст. 58). Из более 5 млн неправительственных организаций, зарегистрированных в Китае, примерно 700 соответствуют критериям[15] подачи исков, лишь меньше 40 из них обладают соответствующими финансовыми и человеческими ресурсами[16].

В начале сентября 2017 г. министр охраны окружающей среды Ли Ганьцзе сообщил о введении системы административной ответственности местного руководства за экологическую ситуацию[17]:

— при обнаружении 2, 4, 6 ранее обнаруженных, но неисправленных экологических проблем, либо 5, 10, 15 новых проблем к административной ответственности привлекаются соответственно замглавы уезда, глава уезда, партсекретарь уезда;

— если в подведомственном городе (городском округе) обнаруживается 2, 3, 4 уезда с привлеченными к ответственности руководителями, то к ответственности привлекаются соответственно замглавы (мэра) города, глава (мэр) города, партсекретарь города;

— в городах, которые займут последние три места по показателям улучшения качества воздуха, к ответственности привлекается руководство в следующих случаях: (1) улучшение качества воздуха составляет менее 60 % от поставленного показателя, к ответственности привлекается заммэра, (2) менее 30 % —

ответственность мэра, (3) отсутствие улучшений или рост загрязнения — партсекретарь.

В 2017 г. подразделения министерства по охране окружающей среды открыли 233 тыс. дел по нарушениям природоохранного законодательства (что на 69 % больше аналогичного показателя 2016 г.), совокупный объем выписанных штрафов составил 11,58 млрд юаней[18].

В начале 2019 г. министерство экологии и окружающей среды КНР сообщило, что в 2018 г. было вынесено 186 тыс. административных предписаний по делам о загрязнении окружающей среды с совокупным штрафом в 15,28 млрд юаней[19].

Совместная статистика Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры свидетельствует, что в 2017 г. судами всех уровней по природоохранным нарушениям было принято к рассмотрению 207 552 гражданских дела. Уголовных дел в этой сфере суды приняли к рассмотрению 21 тыс.[20]

Прокуратурами всех уровней в 2018 г. были инициированы 59 312 дел в рамках делопроизводства в защиту публичных интересов[21]. Суды всех уровней рассмотрели 1252 дела, инициированные прокуратурами[22]. Прокуратуры, как правило, выигрывают эти дела (решения в их пользу в почти 95 % случаев по данным за январь—ноябрь 2018 г.)[23].

От общественных организаций было принято 65 исков по защите публичных интересов в охране окружающей среды, решения приняты по 16 делам[24].

По данным отчетов Верховного народного суда более ранних лет, за период с начала 2015 г. по июнь 2017 г. суды всех уровней КНР рассмотрели лишь 13 выдвинутых экологическими общественными организациями гражданских исков по фактам нанесения ущерба окружающей среде[25].

В ряде провинций с 2016 г., а по всей стране с 2018 г. у местных властей появилась возможность предъявлять к предприятиям-нарушителям иски «об экономической компенсации за ущерб природе». По данным на конец 2018 г., по всей стране рассматривается 20 дел в этой сфере, по 8 принято решение[26].

Абсолютно большие цифры выявленных природоохранных нарушений и преступлений, количества привлеченных к ответственности и сумм штрафов не означает беспроблемность соответствующего правоприменения. Верховный народный суд КНР, иные юридические ресурсы, регулярно публикуют подборки «классических» дел в природоохранной сфере, из которых становится известно о том, как суды встают на сторону крупных предприятий или как проигрывают дела экологические НКО. Например, в 2017 г. экологические организации «Друзья природы» и Всекитайский фонд сохранения биоразнообразия и зеленого развития проиграли дело против трех химических предприятий, якобы бывших виновниками загрязнения земель в городе Чанчжоу, на которых впоследствии была построена школа. Суд решил, что установить виновника загряз-

нения конкретного участка земли невозможно, задачи очистки земель — ответственность правительства. При этом на истца была возложена обязанность уплатить судебные издержки в размере почти 2 млн юаней.

В природоохранном правоприменении в Китае заметен и конфликт интересов. Местные управления по охране окружающей среды до недавнего времени не были заинтересованы в жестком преследовании загрязняющих предприятий, поскольку были подчинены местным правительствам. Чей интерес — обеспечение экономического роста и решение социальных проблем занятости. Лишь несколько лет назад на уровне городов местные управления перешли в двойное подчинение: провинциальному управлению (главное подчинение) и местному правительству. Власти говорили, что в рамках всей страны и на всех уровнях усиление «вертикальной» составляющей подчинения должно быть реализовано в 2019 г.

Замкнутость местного мира власти и бизнеса на уездном уровне часто не дает просачиваться наверх сигналам о нарушениях. Это не может не беспокоить Центр, поэтому уже несколько лет в стране действуют общенациональные горячие телефонные линии, позвонив на которые можно сообщить об нарушениях. Так же работают и выездные экологические инспекции — внимательно изучая и работая непосредственно с обращениями граждан и проверяя все сигналы.

Наконец, ключевая проблема правоприменения: соблюдение баланса между экономической активностью и природоохранными мероприятиями. Заметно, что в периоды экономических проблем, замедления роста, местные и центральные власти склонны применять тактику «индивидуальных» подходов к соблюдению крупными предприятиями, например, нормативов по выбросам. Напротив, плохое качество воздуха и недовольство граждан моментально ужесточают отношение местных властей к бизнесу (правда, чаще всего малому и среднему, нежели крупному и государственному).

Библиографический список

1. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК /1/ (18) // Жэньминь жибао онлайн. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023970.html (дата обращения: 23.04.2019).

2. Экологическое законодательство КНР. Сборник законов и документов. М.: Прогресс, 2018.

3. *Wang, W., de Boer, D.* China's prosecutors are litigating government agencies for being soft on pollution. // China Dialogue. URL: https://chinadialogue.net/article/show/single/en/11095-China-s-prosecutors-are-litigating-government-agencies-for-being-soft-on-pollution (дата обращения: 24.04.2019).

4. 2017年中国环境违法案件增长 69 % 罚金逾百亿元. (В 2017 г. количество дел по нарушению природоохранного законодательства выросло на 69 %, объем штрафов пере-

валил 10 млрд юаней) // Чжунго синьвэньшэ. URL: http://www.chinanews. com/gn/2018/05-23/8521114.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

5. 2017 中央经济工作会议新闻稿全文发布. (Полный текст новостного сообщения о Центральном экономическом совещании 2017 г.) // Сина. URL: http://finance.sina.com.cn/roll/2017-12-20/doc-ifypxmsq8593510.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

6. 2018 年全国法院审结检察机关环境公益诉讼案件 1252 件. (В 2018 г. суды в стране рассмотрели 1252 инициированных прокуратурами дела по защите публичных интересов) // Синьхуа. URL:http://www.xinhuanet.com/2019-03/02/c_1124185132.htm (дата обращения: 24.04.2019).

7. 2018 年中国实施环境行政处罚案件 18.6 万件. (В 2018 г. в Китае рассмотрено 186 тыс. административных наказаний по делам о загрязнении окружающей среды) // Чжунго фаюаньван. URL:https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/01/id/3709943.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

8. 冯灏 (Фэн Хао)。中国出台新版“大气十条”. (Китай принял новые «десять параграфов атмосферы» // China Dialogue. URL: https://www.chinadialogue.net/article/show/single/ch/10711-China-releases-2-2-action-plan-for-air-pollution (дата обращения: 24.04.2019).

9. 关于《中华人民共和国行政诉讼法修正案 (草案)》和《中华人民共和国民事诉讼法修正案(草案)》的说明. (Объяснения законопроектов о внесении изменений в Административно-процессуальный кодекс КНР и Гражданско-процессуальный кодекс КНР) // ВСНП. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-06/29/content_2024890.htm (дата обращения: 24.04.2019).

10. 环境保护部召开座谈会贯彻落实《京津冀及周边地区 2017-2018 年秋冬季大气污染综合治理攻坚行动方案》及六个配套方案. (Министерство охраны окружающей среды провело заседание во вопросу реализации «Проекта наступательных действий по комплексной ликвидации атмосферного загрязнения на осенне-зимний период 2017—2018 года в районе Пекина, Тяньцзиня, Хэбэя и прилегающих регионов» и шести сопутствующих проектов) // Сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-09/01/content_5222014.htm (дата обращения: 24.04.2019).

11. 两高关于检察公益诉讼案件适用法律若干问题的解释 (Разъяснения Верховной народной прокуратуры и Верховного народного суда о некоторых вопросах правоприменения в делах по искам в защиту публичных интересов) // ВНП КНР. URL: http://www.spp.gov.cn/zdgz/201803/t20180302_368570.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

12. 绿水青山就是金山银山. (Изумрудные воды и зеленые горы — бесценное сокровище) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/szzsyzt/lsqs2017/index.htm (дата обращения: 23.04.2019).

13. 莫让“天价诉讼费”成“拦路虎”. (Не дадим заоблачным ценам на иски в защиту публичных интересов превратиться в препятствия на пути, подобно лежащим на дороге тиграм) // Всекитайский фонд сохранения биоразнообразия и зеленого развития. URL: http://www.cbcgdf.org/NewsShow/5022/7287.html (дата обращения: 24.04.2019).

14. 人民法院服务保障新时代生态文明建设新闻发布会. (Пресс-конференция народного суда об обслуживании и гарантировании процесса строительства экологической цивилизации в новую эпоху) // ВНС КНР. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-99792. html (дата обращения: 24.04.2019).

15. 《人民检察院提起公益诉讼试点工作实施办法》今发布. (Опубликованы правила проведения работы по эксперименту с возбуждением народными прокуратурами исков в

защиту публичных интересов) // ВНП КНР. URL: http://www.spp.gov.cn/zdgz/201601/t20160106_110439.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

16. 社会组织如何发起公益诉讼. (Каким образом общественные организации могут подавать иски в защиту публичных интересов) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/gongyi/2018-03/21/c_129832117.htm (дата обращения: 24.04.2019).

17. 习近平：决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. (Си Цзиньпин: решительная победа в всестороннем построении зажиточного общества. Завоевание великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху — доклад на XIX съезде КПК) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2017-10/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 24.04.2019).

18. 习近平出席全国生态环境保护大会并发表重要讲话. (Си Цзиньпин принял участие во Всекитайском собрании по защите окружающей среды и выступил с важной речью) // Сайт Центрального народного правительства Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/19/content_5292116.htm (дата обращения: 24.04.2019).

19. 最高人民法院最高人民检察院关于办理环境污染刑事案件适用法律若干问题的解释. (Разъяснение Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры по некоторым вопросам применения законодательства в уголовных делах по загрязнению окружающей среды) // ВНС КНР. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-33781.html (дата обращения: 24.04.2019).

20. 最高人民检察院：2018 年共批准逮捕涉嫌破坏环境资源保护罪 15095 人. (Верховная народная прокуратура: в 2018 году одобрено задержание 15 095 человек, подовзреваемых в преступлениях против охраны природных ресурсов) // Гоцзицзайсянь. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1625410534454240672&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 24.04.2019).

21. 最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定(一). (Регламент стандартов возбуждения уголовных дел и уголовного преследованяи со стороны органов общественной безопасности, утвержденные Верховной народной прокуратурой и Министерством общественной безопасности) // Байду Байкэ. URL: https://baike.baidu.com/item/最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定（一）(дата обращения: 24.04.2019).

References

1. Polnyy tekst doklada, s kotorym vystupil KHu TSzin’taona 18-m s”yezde KPK [Full text of report of Hu Jintao delivered at 18th congress of CPC]. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023970.html (date of access: 23.04.2019).

2. Ekologicheskoye zakonodatel’stvo KNR. Sbornik zakonov i dokumentov. [Environmental Legislation of PRC. Compilation of Laws and Regulations]. Moscow, 2018.

3. *Wang, W., de Boer, D.* China's prosecutors are litigating government agencies for being soft on pollution. // China Dialogue. URL:https://chinadialogue.net/article/show/single/en/11095-China-s-prosecutors-are-litigating-government-agencies-for-being-soft-on-pollution (date of access: 24.04.2019).

4. 2017 年中国环境违法案件增长 69 % 罚金逾百亿元. [2017 China environmental legislation violation cases grew by 69 % fines over 10 billion yuan]. URL: http://www.chinanews.com/gn/2018/05-23/8521114.shtml (date of access: 24.04.2019).

5. 2017 中央经济工作会议新闻稿全文发布. [Full text of news release on Central economic work conference of 2017]. URL:http://finance.sina.com.cn/roll/2017-12-20/doc-ifypxmsq8593510.shtml (date of access: 24.04.2019).

6. 2018 年全国法院审结检察机关环境公益诉讼案件 1252 件. [In 2018 courts in China handled 1252 cases of public interest lawsuits initiated by procuratorates]. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-03/02/c_1124185132.htm (date of access: 24.04.2019).

7. 2018 年中国实施环境行政处罚案件 18.6 万件. [In 2018 China handled 186 thousand administrative punishments cases in environmental violations cases] URL: https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/01/id/3709943.shtml (date of access: 24.04.2019).

8. 冯灏 (Feng Hao). 中国出台新版"大气十条". [China releases new action plan for air pollution] URL:https://www.chinadialogue.net/article/show/single/ch/10711-China-releases-2-2-action-plan-for-air-pollution (date of access: 24.04.2019).

9. 关于《中华人民共和国行政诉讼法修正案 (草案)》和《中华人民共和国民事诉讼法修正案(草案)》的说明. [On explaining draft "People's Republic of China Administrative Litigation Law Amendments" and "People's Republic of China Civil Litigation Law Amendments"]. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-06/29/content_2024890.htm (date of access: 24.04.2019).

10. 环境保护部召开座谈会贯彻落实《京津冀及周边地区 2017—2018 年秋冬季大气污染综合治理攻坚行动方案》及六个配套方案. [PRC Ministry for Environmental Protection conducted a meeting over implementing "Action plan to terminate atmospheric pollution in complex in Jing-Jin-Ji and adjacent areas in autumn-winter period of 2017—2018" and six related drafts] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-09/01/content_5222014.htm (date of access: 24.04.2019).

11. 两高关于检察公益诉讼案件适用法律若干问题的解释. [Supreme People's Court and Procuratorate explanations of several issues with regard to public interests litigation laws applicability] URL:http://www.spp.gov.cn/zdgz/201803/t20180302_368570.shtml (date of access 24.04.2019).

12. 绿水青山就是金山银山. [Lucid waters and lush mountains are invaluable assets]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/szzsyzt/lsqs2017/index.htm (date of access: 23.04.2019).

13. 莫让"天价诉讼费"成"拦路虎". [Don't let sky-high prices on litigation become obstacles]. URL:http://www.cbcgdf.org/NewsShow/5022/7287.html (date of access: 24.04.2019).

14. 人民法院服务保障新时代生态文明建设新闻发布会. [People's court press-conference on serving and guaranteeing building ecological civilization in new era]. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-99792.html (date of access: 24.04.2019).

15. 《人民检察院提起公益诉讼试点工作实施办法》今发布. [Rules of experiments on people's procuratorates filing public interests lawsuits are published]. URL: http://www.spp.gov.cn/zdgz/201601/t20160106_110439.shtml (date of access: 24.04.2019).

16. 社会组织如何发起公益诉讼. [How social organizations can file public interest lawsuits]. URL: http://www.xinhuanet.com/gongyi/2018-03/21/c_129832117.htm (date of access: 24.04.2019).

17. 习近平：决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. [Xi Jinping: decisive victory in full-fledged building of xiaokang (moderate prosperity) society. To achieve a great victory on socialism with Chinese characteristics in the new era — report to the 19th congress of CPC] (URL: http://www.xinhuanet.com/2017-10/27/c_1121867529.htm (date of access: 24.04.2019).

18. 习近平出席全国生态环境保护大会并发表重要讲话. [Xi Jinping attends All-china environmental protection forum and delivers an important speech] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/19/content_5292116.htm (date of access: 24.04.2019).

19. 最高人民法院最高人民检察院关于办理环境污染刑事案件适用法律若干问题的解释. [Supreme People's Court and Procuratorate explanations of several issues of law applicability in criminal cases of environmental violations]. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-33781.html (date of access: 24.04.2019).

20. 最高人民检察院：2018 年共批准逮捕涉嫌破坏环境资源保护罪 15095 人. [Supreme People's Procuratorate authorized detention of 15095 people suspected in crimes against natural resourses protection]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1625410534454240672&wfr=spider&for=pc (date of access: 24.04.2019).

21. 最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定（一）. [Supreme People's Procuratorate and Ministry for Public Security regulations (part 1) on standadrds of starting criminal cases by authorized public security organizations] URL: https://baike.baidu.com/item/最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定（一）(date of access 24.04.2019).

Примечания

[1] 绿水青山就是金山银山. (Изумрудные воды и зеленые горы — бесценное сокровище) // Синьхуа URL: http://www.xinhuanet.com/politics/szzsyzt/lsqs2017/index.htm (дата обращения: 23.04.2019).

[2] Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // Жэньминь жибао онлайн. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8023970.html (дата обращения: 23.04.2019).

[3] 习近平：决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告. (Си Цзиньпин: решительная победа в всестороннем построении зажиточного общества. Завоевание великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху — доклад на XIX съезде КПК) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2017-10/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[4] 2017 中央经济工作会议新闻稿全文发布. (Полный текст новостного сообщения о Центральном экономическом совещании 2017 г.) // Сина. URL: http://finance.sina.com.cn/roll/2017-12-20/doc-ifypxmsq8593510.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

[5] 习近平出席全国生态环境保护大会并发表重要讲话. (Си Цзиньпин принял участие во Всекитайском собрании по защите окружающей среды и выступил с важной речью) // Сайт Центрального народного правительства Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-05/19/content_5292116.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[6] 冯灏 (Фэн Хао.)。中国出台新版"大气十条" (Китай принял новые «десять параграфов атмосферы» // China Dialogue. URL: https://www.chinadialogue.net/article/show/single/ch/10711-China-releases-2-2-action-plan-for-air-pollution (дата обращения: 24.04.2019).

[7] Экологическое законодательство КНР. Сборник законов и документов. М.: Прогресс, 2018. С. 18.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 173.

[10] 最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定（一). (Регламент стандартов возбуждения уголовных дел и уголовного преследованяи со стороны органов общественной безопасности, утвержденные Верховной народной прокуратурой и Министерством общественной безопасности) // Байду Байкэ. URL: https://baike.baidu.com/item/最高人民检察院、公安部关于公安机关管辖的刑事案件立案追诉标准的规定（一）(дата обращения: 24.04.2019).

[11] 最高人民法院最高人民检察院关于办理环境污染刑事案件适用法律若干问题的解释. (Разъяснение Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры по некоторым вопросам применения законодательства в уголовных делах по загрязнению окружающей среды) // ВНС КНР. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-33781.html (дата обращения: 24.04.2019).

[12] 《人民检察院提起公益诉讼试点工作实施办法》今发布. (Опубликованы правила проведения работы по эксперименту с возбуждением народными прокуратурами исков в защиту публичных интересов) // ВНП КНР. URL: http://www.spp.gov.cn/zdgz/201601/t20160106_110439.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

[13] 关于《中华人民共和国行政诉讼法修正案 (草案)》和《中华人民共和国民事诉讼法修正案(草案)》的说明. (Объяснения законопроектов о внесении изменений в Административно-процессуальный кодекс КНР и Гражданско-процессуальный кодекс КНР) // ВСНП.URL:http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-06/29/content_2024890.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[14] 两高关于检察公益诉讼案件适用法律若干问题的解释. (Разъяснения Верховной народной прокуратуры и Верховного народного суда о некоторых вопросах правоприменения в делах по искам в защиту публичных интересов) // ВНП КНР. URL: http://www.spp.gov.cn/zdgz/201803/t20180302_368570.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

[15] 社会组织如何发起公益诉讼. (Каким образом общественные организации могут подавать иски в защиту публичных интересов) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/gongyi/2018-03/21/c_129832117.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[16] Wang, W., de Boer, D. China's prosecutors are litigating government agencies for being soft on pollution. // China Dialogue. URL: https://chinadialogue.net/article/show/single/en/11095-China-s-prosecutors-are-litigating-government-agencies-for-being-soft-on-pollution (дата обращения: 24.04.2019).

[17] 环境保护部召开座谈会贯彻落实《京津冀及周边地区 2017—2018 年秋冬季大气污染综合治理攻坚行动方案》及六个配套方案. (Министерство охраны окружающей среды провело заседание во вопросу реализации «Проекта наступательных действий по комплексной ликвидации атмосферного загрязнения на осенне-зимний период 2017—2018 гг. в районе Пекина, Тяньцзиня, Хэбэя и прилегающих регионов» и шести сопутствующих проектов) // Сайт Центрального народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-09/01/content_5222014.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[18] 2017 年中国环境违法案件增长 69 % 罚金逾百亿元. (В 2017 г. количество дел по нарушению природоохранного законодательства выросло на 69 %, объем штрафов перевалил 10 млрд юаней) // Чжунго синьвэнь шэ. URL: http://www.chinanews.com/ gn/2018/05-23/8521114.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

[19] 2018 年中国实施环境行政处罚案件 18.6 万. (В 2018 г. в Китае рассмотрено 186 тыс. административных наказаний по делам о загрязнении окружающей среды) // Чжунго фаюань ван. URL:https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/01/id/3709943.shtml (дата обращения: 24.04.2019).

[20] 人民法院服务保障新时代生态文明建设新闻发布会. (Пресс-конференция народного суда об обслуживании и гарантировании процесса строительства экологической цивилизации в новую эпоху) // ВНС КНР. URL: http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-99792.html (дата обращения: 24.04.2019).

[21] 最高人民检察院：2018 年共批准逮捕涉嫌破坏环境资源保护罪 15095 人. (Верховная народная прокуратура: в 2018 г. одобрено задержание 15 095 человек, подозреваемых в преступлениях против охраны природных ресурсов) // Гоцзи цзайсянь. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1625410534454240672&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 24.04.2019).

[22] 2018 年全国法院审结检察机关环境公益诉讼案件 1252 件. (В 2018 г. суды в стране рассмотрели 1252 инициированных прокуратурами дела по защите публичных интересов) // Синьхуа. URL:http://www.xinhuanet.com/2019-03/02/c_1124185132.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[23] Wang, W., de Boer, D. China's prosecutors are litigating government agencies for being soft on pollution // China Dialogue.URL: https://chinadialogue.net/article/show/single/en/11095-China-s-prosecutors-are-litigating-government-agencies-for-being-soft-on-pollution (дата обращения: 24.04.2019).

[24] 2018 年全国法院审结检察机关环境公益诉讼案件 1252 件. (В 2018 г. суды в стране рассмотрели 1252 инициированных прокуратурами дела по защите публичных интересов) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-03/02/c_1124185132.htm (дата обращения: 24.04.2019).

[25] 莫让“天价诉讼费”成“拦路虎”. (Не дадим заоблачным ценам на иски в защиту публичных интересов превратиться в препятствия на пути, подобно лежащим на дороге тиграм) // Всекитайский фонд сохранения биоразнообразия и зеленого развития. URL: http://www.cbcgdf.org/NewsShow/5022/7287.html (дата обращения: 24.04.2019).

[26] 2018 年全国法院审结检察机关环境公益诉讼案件 1252 件. (В 2018 г. суды в стране рассмотрели 1252 инициированных прокуратурами дела по защите публичных интересов) // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-03/02/c_1124185132.htm (дата обращения: 24.04.2019).

А.Н. Родионов,
ГУУ, ассистент

ГЧП В ЭКОНОМИКЕ КНР:ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИКИ ГОРОДСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Аннотация. Проанализирован механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) как инструмент развития китайской экономики и инфраструктуры. КНР более 30 лет применяет модель ГЧП в разных форматах. На начальных этапах основная задача заключалась в привлечении инвестиций в инфраструктуру страны. Начиная с 2014 г. цели сдвинулись в сторону увеличения городского населения и создания мощного интеллектуального рабочего потенциала в городах и деревнях опережающего развития. Амбициозный план развития предполагает к 2020 г. довести численность крупных городов со 193 до 658 в рамках 19 крупных агломераций в разных частях КНР. Подобные изменения требуют значительных инвестиций в инфраструктуру КНР, а ГЧП должно стать основнымдрайвером развития экономики, по мнению руководителей КНР.

Глубокие изменения в законодательстве КНР совпали с началом реформ и открытости. Значительные изменения произошли после мирового финансового кризиса 2008 г., когда резко снизились инвестиции в инфраструктуру КНР. В 2014 г. после принятия стратегии «Урбанизация 2014—2020 гг.» произошли значительные изменения в сфере законодательства ГЧП. Появляется целый ряд законодательных актов политической направленности, к таким документам относятся руководящие мнения № 36, 60, 2724 и циркуляр № 76.Через несколько месяцев после появления вышеуказанных документов публикуются документы практической направленности, а именно: Циркуляр № 113, практическое руководство № 2724 и руководящие рекомендации о ГЧП в коммунальном строительстве.

По данным статистики Всемирного банка, произошедшие изменения привели к значительному росту количества ГЧП проектов. Таким образом, начиная с 2014 г. Китай совместил 3 самых важных компонента в новой стратегии. Используя механизм ГЧП, как основу создав стратегию урбанизации вокруг 19 агломерации, китайское руководство создало мощный механизм внутреннего потребления на период текущего десятилетия, который стал драйвером экономики. Благодаря инфраструктурным проектам, китайское руководство решает сразу несколько задач: 1) привлечение населения к инвестициям в жилье; 2) переселение сельских жителей; 3) реконструкция трущоб в городах; 4) развитие промышленности; 5) создание новых рабочих мест; 6. внедрение инноваций. Новая стратегия предполагает большие инвестиции в улучшение инфраструктуры КНР, что в перспективе должно стать движущим фактором экономического развития.

Ключевые слова: инфраструктурные проекты, инвестиции, экономика КНР, ГЧП, BOT проекты, новая стратегия агломераций, законы о ГЧП, инновации.

Автор: Родионов Антон Николаевич, ассистент, Государственный университет управления. E-mail: Antrod@mail.ru

Государственно-частное партнерство как механизм хорошо изучен разными исследователями. В мире накоплен огромный опыт реализации проектов в разных регионах мира и разных экономиках. В России этот процесс затянулся, а федеральный закон о ГЧП вступил в силу только 13 июля 2015 г (ФЗ № 224). В 2017 г. в России реализовывалось 1975 проектов муниципального уровня, 193 проекта регионального уровня и 15 проектов федерального уровня[1]. Для сравнения в КНР первый проект с использованием модели ГЧП был реализован в 1988 г. Это проект электростанции «沙角 Shajiao» в г. Шэньчжене, а первый нормативный документ был принят еще в 1986 г. и назывался «Правила привлечения внешних инвестиций».

Китайские исследователи выделяют 5 основных этапов развития ГЧП в Китае[2]:

1. 1986 — 1994 гг.: начальный этап.

В этот период были начаты реформы открытости, а самым первым проектом стал проект электростанции «沙角 Shajiao» в Шэньчжэне, который был передан в собственность в 1998 г. Для реализации была использована модель BOT;

2. 1994 — 1997 гг.: этап активного исследования сферы ГЧП.

На XIV съезде партии Дэн Сяопин объявил о создании социализма с рыночной экономикой. Механизм ГЧП стал активно внедряться. Государственной комиссией по планированию были реализованы несколько пилотных BOT проектов: электростанция в Гуанси-Чжуанском автономном районе, 6-я водопроводная станция в Чэнду, мост «黄浦江 huangpujiang» в Шанхае, 10-я водопроводная станция в Пекине, водонапорная станция в Шэньяне;

3. 1997 — 2008 гг.: на XVI съезде партии была поставлена задача подготовки к Олимпиаде 2008.

В тот период механизм ГЧП был использован при строительстве 4-й ветки метро в Пекине, стадиона «Птичье гнездо», водонапорной станции в Ланьчжоу, очистных сооружений в г. Хэфэй, строительстве газовой станции в Ичжуан в Пекине, а также водонапорной станции в районе Пудун г. Шанхай;

4. 2008 — 2012 гг.: в период мирового финансового кризиса правительство КНР выделяет 4 трлн юаней на поддержку ГЧП проектов.

Было реализовано свыше 200 проектов в газовой сфере, а также начинается активный период постройки новых городов по всему КНР. В 2010 г.появляется нормативный документ «Новые 36 пунктов негосударственной экономики». В пункте «Поощрение продвижения частного капитала в отрасли производства и инфраструктуры» подчеркивается, что необходимо поощрять все формы инвестиций в строительство дорог, портов, водопроводов, аэропортов, а также срочно перейти к реформам в сфере железнодорожного строительства, с целью углубления конкуренции. Подобные изменения затронули все основные отрасли: гидростроительство, энергетику, нефтегазовую отрасль, отрасль телекоммуникации, поиск и разработку полезных ископаемых[3];

5. 2012 г.—н.в.: на XVIII съезде партии было принято решение перейти к фазе всестороннего внедрения.

Вопрос развития инфраструктуры поднимается на самый высший уровень. Рассматривая современную стадию развития ГЧП в КНР стоит обратить внимание на стратегию «Новая модель урбанизации 2014—2020 гг. ». Данная стратегия предусматривает увеличение количества крупных городов с 193 до 658, а численность городского населения со 170 млн до 730 млн человек[4]. Задача данной стратегии заключается в создании мощного интеллектуального и трудового потенциала в городах, а также деревень опережающего развития. Подобная амбициозная программа позволяет развить все отрасли страны, а механизм ГЧП становится основным драйвером развития экономики КНР.

Эффективная законодательная система является лучшим способом снижения рисков в ГЧП проектах и повышения уровня гарантии реализации проекта. По мнению китайского исследователя Жэнь Цзе: «*В настоящее время строящаяся законодательная система ГЧП в КНР далека от совершенства, верхний уровень законодательства еще не полностью сформирован, а на низшем уровне — сохраняется явление нагромождения и противоречий*»[5]. На сегодняшний день нормативно-правовая база КНР в сфере ГЧП состоит из нескольких уровней: *государственный уровень*（国家层面文件） — 65 документов и *провинциальный уровень*（地方层面文件） — 53 документа[6].

Таблица 1. **Основные нормативные правовые акты в сфере ГЧП в КНР**

	Дата выдачи	Орган	Название документа
Политическая направленность	07.05.2010	Госсовет (КНР) № 13	О стимулировании частных инвестиций в развитие. Новые 36 пунктов негосударственной экономики
	06.09.2013	Госсовет (КНР) № 36	Мнение об улучшении городской инфраструктуры
	16.11.2014	Госсовет (КНР) № 60	О механизмах стимулирования инвестиций ключевых инновационных сфер (Например:социальное обслуживание, инфраструктура, использование механизмов ГЧП, экологичное строительство)
	23.09.2014	Минфин (КНР) № 76	Сообщение об ускорении внедрения моделей государственно-частного партнерства
	02.12.2014	Госкомитет по развитию и реформе (КНР) № 2724	Рекомендации о развитии государственно-частного партнерства
Инструкции	29.11.2014	Минфин (КНР) № 113	Сообщение о распространении руководства о моделях ГЧП
	02.12.2014	Госкомитет по развитию и реформе (КНР) № 2724	Руководство по использованию договоров в сфере ГЧП проектов
	Еще не принят	Министерство жилищного и городского строительства	Руководящие рекомендации о ГЧП в коммунальном строительстве
Практическая направленность	18.05.2014	Госкомитет по развитию и реформе (КНР) № 981	Уведомление об первоначальных сферах поощрения инвестиций в ГЧП проекты
	30.11.2014	Минфин(КНР) № 112	Уведомление об основных вопросах в сфере показательных ГЧП проектов

Согласно законодательству КНР все ГЧП проекты можно разделить на 3 категории:

1. **Коммерческие проекты**. Это проекты, которые предполагают возврат средств и получение постоянной прибыли за предоставляемые услуги. К таким проектам относятся скоростные дороги, скоростные ж/д дороги, мосты через крупные реки, аэропорты, порты, электростанции, телекоммуникационные сооружения, очистные сооружения, водонапорные станции, газопроводы, станции отопления. Такие проекты после утверждения на государственном уровне зачастую реализуются с помощью моделей BOT и BOOT. По данным Всемирного банка в КНР реализовано больше всего BOT проектовв мире[7].

2. **Соответствующие коммерческим проекты.** Это проекты, которые не могут полностью покрыть себестоимость, что требует государственных субсидий. Часть доли в проекте переходит к правительству. К таким проектам относятся: культурные центры, спорт залы, больницы, школы, общественные дороги, метро, канализационная система, парки.Такие проекты реализуются с помощью моделей BOT и BOOT.

3. Некоммерческие проекты.Это проекты, которые оплачивает пользователь или правительство. К таким проектам относятся: городские дороги и мосты, городские парки и зеленые зоны, городские площади и освещение, противопожарные сооружения. Эти проекты реализуются с помощь моделей BT и BOO.

Высшим органом управления сферой ГЧП в КНР является Национальная комиссия по развитию и реформам КНР (НКРР), основными функциями которой являются разработка и проведение национальной политики ГЧП[8]. Министерство финансов КНР осуществляет планирование в сфере ГЧП совместно с другими органами. Финансовые отделы занимаются сбором и оценкой проектов ГЧП.

ГЧП и новая стратегия урбанизации (新型城镇化)

5 марта 2014 г. Ли Кэцян на докладе о работе правительства заявил:*«Урбанизация — это основной путь модернизации, необходимо убрать разделение на город и деревню. Единое и здоровое строительство одной системы города и деревни, поддерживать мобильность населения, синхронизировать 4 модернизации, улучшать компоновку, этнокультуру.....усиливать механизмы строительства и инновационную систему управления урбанизацией»*[9]. 20 марта заместитель Министерства финансов КНР Ван Баоань отметил: «*В настоящее время процент городской урбанизации населения составляет 56 %, а к 2020 г. планируем достичь 60 %, для этого понадобится 4200 млрд юаней., выявились случаи злоупотребления инвестированием в земельные участки, это не может продолжаться, срочно необходимо установить нормы, нужен прозрачный механизм в градостроительной политике. Модель ГЧП становится тем самым ключевым механизмом эффективной системы финансирования,*

способным привлекать общественный капитал, расширять каналы урбанизации, формировать диверсификацию и механизм постоянного вливания капитала»[10]. Из данных заявлений высших чиновников КНР становится понятным, что Китай на данном историческом этапе хочет создатьмощную систему внутреннего потребления на основе преимущества в численности населения, где значимая роль отводится механизму ГЧП. Более того,для реализации подобной программы, государство планируетпривлечь средства населения, задав необходимый вектор развития и применив разные способы финансовой поддержки. 11 отделов государственного комитета по развитию и реформам совместно опубликовали «Уведомление об общей экспериментальной работе по развитию новой формы урбанизации». В данном документе рассматривались 5 основных задач[11].

Рис. 1. Роль ГЧП в новой стратегии урбанизации КНР

1. Создание механизма финансирования расходов по переселению населения из села в города, учреждение центральными органами механизма привязки платежей к переселяемому населению в города, использование земли под застройку в качестве показателя для оценки количества переселяемого населения принимающими провинциями.

2. Построение механизма постоянного финансирования и инвестирования в новую модель урбанизации.Разрешение местным властям на выдачу кредитов, а также использование разнообразных способов финансирования градостроительства.

3. Реформирование и совершенствование деревенской системы участка земли и строения, проведение исследования механизма компенсации за участок и переселение, а также способов упорядочивания полученных наделов.

4. Построение инновационной административной модели снижения административных издержек городской модели, выбор экспериментальной модели по построению районов с население 100 и более тысяч человек.

5. Стимулирование общей системы преобразования и изменений, построение системы инновационного развития городской среды и предоставление всех необходимых государственных услуг населению.

Подобные стратегические инициативы направлены на серьезные преобразования в жизни граждан КНР. Большое количество деревенского населения будет вынуждено переехать в города, а на выкупленных участках будут организованны новые деревни опережающего развития или зеленые зоны, что очень важно для крупных городов. Так, на 2018 г. в районе г. Хэшуйши проф. Хэбэй был построен городской район площадью 87,7 кв. км с населением 320 000 тыс. человек[12] и по всей стране происходят масштабные стройки городских кварталов. По данным на 2016 г., численность проживающих в городах составила 57,4 %[13], что на 1,4 % больше по сравнению с заявлениями Ли Кэцяна в 2014 г. Для Китая с его численностью населения данная цифра значительна. На 13-ю пятилетку Китай планирует укрупнить 19 городских агломераций[14]: Пекин—Тянцзинь—Хэбэй (京津冀), дельта реки Янцзы (长三角), дельта Жемчужной реки (珠三角), Шаньдунский полуостров (山东半岛), Тайваньский пролив и западное побережье (海峡西岸), северо-восточная зона (东北地区), район центральной равнины Китая (中原地区), зона среднего течения реки Янцзы (长江中游), зона Чэнду и Чунцин (成渝地区), зона равнины Гуаньчжун (关中平原), зона Тонкийского залива (北部湾), зона Цзиньчжу пров. Шаньси (晋中), зона пров. Хубэй (呼包鄂榆), зона центральной части пров. Гуйчжоу (黔中), зона центральной части пров. Юньнань (滇中), зона городов Ланьчжоу—Синин (兰州—西宁), зона Нинся-Хуэйского автономного района (宁夏沿黄), зона северного склона гор Тяньшань (天山北坡).Таким образом, к 2020 г. количество городского населения в данных агломерациях должно составить 60 % от общего населения КНР.

Механизму ГЧП в данной программе отводится 3 основные роли:

1. Строительство инфраструктуры.

2. Предоставление коммунальных услуг.

3. Предоставление социального обслуживания.

Для построения современной инфраструктуры используются 3 основные модели: BTO, BOT, BOO, а для реконструкции модели LBO и BBO. Данная стратегия позволит преобразовать деревни в городской черте, произвести реконструкцию старого города и реконструкцию трущоб.

Стоит отметить, что КНР комплексно подходит к процессу индустриализации, в которой механизму ГЧП отведено главное место. К 13-й пятилетке Китай планирует построить 30000 тыс. км. нового железнодорожного полотна с объе-

мом инвестиций 2,3 трлн юаней, а до 2030 г. — построить 400 тыс. км. новых дорог. В планы также входит инвестировать 400 млрд юаней в водное хозяйство, что позволит повысить строительство полевой ирригации на 20 %, противопаводковых сооружений на 38 %, охрану водных ресурсов и снабжение городов водой на 35 %, охрану водных и почвенных ресурсов на 7 %. и т. д.[15]

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что на данном историческом этапе Китай делает ставку на строительство современной инфраструктуры и современного общества. Реализация такого плана уже сейчас дает Китаю огромные конкурентные преимущества и позволит в перспективе стать лидером в мировой экономике. Наличие такого мощного индустриального соседа на границе с РФ создает окно возможностей для развития инфраструктуры нашей страны. Многие китайские компании очень заинтересованы в международных проектах, так как выход на международный рынок — это возможность зарабатывать больше, чем в КНР. Для России привлечение инвестиций в проектах на Дальнем Востоке и Сибири является жизненно важным, а идея использовать китайский опыт и технологии становится реальностью. К таким проектам относятся: план по строительству скоростной железной дороги Москва—Санкт-Петербург, объекты Северного морского пути, также возможно привлечение китайских компаний к проектам в Крыму.

Библиографический список

1. *Иванов О.В., Иванова А.О.* Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: учебное пособие / О.В.Иванов, А.О.Иванова; Моск. гос. ин-т междунар. Отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. экономич. политики и государственно-частного партнерства. М.: МГИМО-Университет, 2019.

2. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России: учебник / под ред. О.В.Иванова; [под ред. О.В.Иванова, П.Л.Селезнев, А.А. Галкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. экономич. Политики и государственно-частного партнерства. М.: МГИМО-Университет, 2018.

3. *Родионов А.Н.* Государственно-частное партнерство в экономике КНР, общая характеристика этапов развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2018.

4. *Шарипов Ф.Ф., Родионов А.Н.* BOT проектирование как инструмент реализации инфраструктурных проектов на основе государственно-частного партнерства в мире. М.: Ученые записки РАП. № 2. 2013.

5. 政府和社会资本合作（PPP）项目咨询国家及地方相关法律法规文件汇编. (Свод документов в области государственного консультирования ГЧП и местного законодательства) / под. ред. Ли Цзихун (李继红). Пекин: Издательство Экономическая наука, 2017.

6. PPP 模式的法律制度保障研究. (Исследование законодательной базы механизма ГЧП) / под. ред. Жэньцзе (任洁). Гунгэн вэньхуа цзинхуэй, 2018.

7. Новые 36 пунктов негосударственной экономики. URL:h ttps://baike.baidu.com/item/%E6%96%B036%E6%9D%A1/1742356?fr=aladdin (дата обращения: 25.01.2019).

8. Новая модель урбанизации 2014—2020 гг. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2014/content_2644805.htm (дата обращения: 25.01.2019).

9. Заявление начальника отдела водных ресурсов Чэн Лэя: «Инвестиции в водное хозяйство в будущие 10 лет составят 400 млрд юаней» URL: http://business.sohu.com/20110311/n279763752.shtml (дата обращения: 14.02.2019).

10. Правительственный доклад Ли Кэцяна. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2014-03/14/content_2638989.htm (Дата обращения: 15.04.2019).

11. Выступление заместителя начальника финансового отдела Ван Баоаня о механизме ГЧП. URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201403/t20140319_1057275.html (дата обращения: 19.04.2019).

12. Анализ современной ситуации и структуры развития строительной отрасли в рамках новой модели урбанизации в 2017 г. URL: http://market.chinabaogao.com/fangchan/0143116262018.html (дата обращения: 20.04.2019).

13. Уведомление об общей экспериментальной работе по развитию новой формы урбанизации URL: https://www.unjs.com/fanwenwang/ziliao/252822.html (дата обращения: 21.04.2019).

14. Планы по развитию 19 агломераций КНР.URL: http://www.sohu.com/a/210360176_99894134 (дата обращения: 25.04.2019).

15. Доклад об экспериментальной работе в области городских агломераций. URL: http://xxgk.hengshui.gov.cn/hssxxgk/xsq/wyx/qldz/2373280/index.html (дата обращения: 22.04.2019).

16. Анализ современного состояния процесса развития новой модели урбанизации в КНР. URL: http://www.doc88.com/p-2458402801608.html(Дата обращения: 23.04.2019).

References

1. *Ivanov O.V., Ivanova A.O.* Gosudarstvenno-chastnoyepartnerstvo v stranakhAziatsko-Tikhookeanskogoregiona [Public private partnership in the Asia Pacific Region]: uchebnoyeposobiye/ O.V. Ivanov, A.O. Ivanova; Mosk. gos. in-t mezhdunar. Otnosheniy (un-t) M-vainostr. delRos. Federatsii, kaf. ekonomich. politiki i gosudarstvenno-chastnogopartnerstva. M.: MGIMO-Universitet, 2019.

2. Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v ekonomicheskoy politikeRossii: uchebnik [Mechanisms of public-private partnership in the economic policy of Russia] / pod red. O.V. Ivanova; [pod red. O.V.Ivanova, P.L.Seleznev, A.A.Galkin i dr.] ; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnosheniy (un-t) MID Rossii, kaf. ekonomich. Politiki i gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. M.: MGIMO University, 2018.

3. *Rodionov A.N.* Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v ekonomike KNR, obshchaya kharakteristika etapov razvitiya [Public private partnership in the economy of China, the general characteristics of development] // Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. 2018.

4. *Sharipov F.F., Rodionov A.N.* BOT proyektirovaniye kak instrument realizatsii infrastrukturnykh proyektov na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v mire [BOT model as a tool to implement infrastructure projects through public-private partnerships in the world]. M.: «Uchenyye zapiski RAP. № 2». 2013.

5. 政府和社会资本合作（PPP）项目咨询国家及地方相关法律法规文件汇编. [The set of documents in the field of public consultation for PPP projects and local legislation].Pod red. Li Jihong (李继红).Beijing, 2017.

6. (PPP 模式的法律制度保障研究. [The study of legislative model of PPP] Pod red. Ren-Jie (任洁). Gonggeng wenhua jincui, 2018.

7. New 36 items of the not public economy of China URL:https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B036%E6%9D%A1/1742356?fr=aladdin

8. The new strategy of urbanization 2014—2020. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2014/content_2644805.htm

9. The statement by the chief of the water resources department Cheng Lei: «Investment in water resources in the future 10 years would amount to $400 billion RMB». URL: http://business.sohu.com/20110311/n279763752.shtml

10. Li Keqiang government report. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2014-03/14/content_2638989.htm

11. The statement by the chief of financial department Wang Baoan about mechanism of PPP. URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201403/t20140319_1057275.html

12. Analysis of the current situation and development of construction industry under the new model of urbanization in 2017. URL: http://market.chinabaogao.com/fangchan/014311626 2018.html

13. Notice of the general experimental work on the development of a new form of urbanization.URL:https://www.unjs.com/fanwenwang/ziliao/252822.html

14. Plans for the 19 mega cities in China. URL: http://www.sohu.com/a/210360176_99894134.

15. Report on the experimental work in the field of urban agglomerations. URL: http://xxgk.hengshui.gov.cn/hssxxgk/xsq/wyx/qldz/2373280/index.html

16. The analysis of the current status of the development of the new model of urbanization in china. URL: http://www.doc88.com/p-2458402801608.html

Примечания

[1] Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике России: учебник / под ред. О.В.Иванова; [под ред. О.В. Иванова, П.Л. Селезнев, А.А. Галкин и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. эк. политики и государственно-частного партнерства. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 35.

[2] *Родионов А.Н.* Государственно-частное партнерство в экономике КНР, общая характеристика этапов развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2018. С. 431—434.

[3] *Родионов А.Н.* Указ. соч. С. 431—434.

[4] Новая модель урбанизации 2014—2020 гг. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2014/content_2644805.htm (дата обращения: 25.01.2019).

[5] PPP 模式的法律制度保障研究. (Исследование законодательной базы механизма ГЧП) / под. ред. Жэньцзе (任洁) // Гунгэн вэньхуа цзинхуэй, 2018.

[6] 政府和社会资本合作（PPP）项目咨询国家及地方相关法律法规文件汇编. (Свод документов в области государственного консультирования ГЧП и местного законодательства) / под. ред. Ли Цзихун (李继红). Пекин: Издательство Экономическая наука, 2017.

[7] *Шарипов Ф.Ф., Родионов А.Н.* BOT проектирование как инструмент реализации инфраструктурных проектов на основе государственно-частного партнерства в мире. М.: «Ученые записки РАП. № 2», 2013. С. 104—113.

[8] *Иванов О.В., Иванова А.О.* Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2019.

[9] Правительственный доклад Ли Кэцяна. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2014-03/14/content_2638989.htm (дата обращения: 15.04.2019).

[10] Выступление заместителя начальника финансового отдела Ван Баоаня о механизме ГЧП. URL: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinwen/201403/t20140319_1057275.html (дата обращения: 19.04.2019).

[11] Уведомление об общей экспериментальной работе по развитию новой формы урбанизации. URL: https://www.unjs.com/fanwenwang/ziliao/252822.html (дата обращения: 21.04.2019).

[12] Доклад об экспериментальной работе в области городских агломераций. URL: http://xxgk.hengshui.gov.cn/hssxxgk/xsq/wyx/qldz/2373280/index.html (дата обращения: 22.04.2019).

[13] Анализ современного состояния процесса развития новой модели урбанизации в КНР URL: http://www.doc88.com/p-2458402801608.html (дата обращения: 23.04.2019).

[14] Планы по развитию 19 агломераций КНР. URL: http://www.sohu.com/a/210360176_99894134 (дата обращения: 25.04.2019).

[15] Заявление начальника отдела водных ресурсов Чэн Лэя: «Инвестиции в водное хозяйство в будущие 10 лет составят 400 млрд юаней». URL: http://business.sohu.com/ 20110311/n279763752.shtml (дата обращения: 14.02.2019).

А.А. Трофимов,
СПбГУ, аспирант

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА КИТАЯ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ ЗАКОНА»

Аннотация. Рассмотрены специальные принципы бюджетного права Китайской Народной Республики, которые играют важную роль в реализации концепции управления государством на основе закона. За свою 70-летнюю историю китайское государство прошло длинный путь развития, что неминуемо отразилось на обновлении национального законодательства. Большое значение в обеспечении социально-экономического развития КНР играло и играет законодательство о публичных финансах. С внесением изменений (1999 г.) в Конституцию КНР 1982 г. доктрина управления государством на основе закона окончательно приобрела статус конституционно-правового принципа. Такое изменение должно было найти отражение и в отраслевом законодательстве, в частности в бюджетно-правовом регулировании. Проанализированы нормативное содержание и значение следующих принципов бюджетного права Китая: принцип разработки, утверждения и контроля за бюджетами только в соответствии с законом, принцип полноты отражения всех доходов и расходов в бюджете и принцип открытости и прозрачности бюджетной системы.

В соответствии с принципом разработки, утверждения и контроля за бюджетами не допускается разработка, утверждение, осуществление контроля за бюджетом и

итоговыми отчетами не в соответствии с положениями Закона КНР о бюджете. В свою очередь, согласно принципу полноты отражения всех доходов и расходов все доходы и расходы должны быть предусмотрены бюджетом. При этом как центральный, так и местные бюджеты подлежат утверждению собраниями народных представителей (СНП) соответствующего уровня. Принцип открытости и прозрачности бюджетной системы предъявляет ряд требований к официальному опубликованию информации о публичных финансах государства. Упомянутые принципы, обладая самостоятельным значением в бюджетно-правовом регулировании, в то же время направлены на воплощение и реализацию общеправовой доктрины управления государством на основе закона. Отмечено, что закрепление и реализация рассмотренных принципов бюджетного права Китая направлены на создание условий для конституционализации этой отрасли публичного права.

Ключевые слова: КНР, бюджетное право Китая, принципы бюджетного права, управление государством на основе закона, открытость, бюджет, внебюджетные фонды.

Автор: Трофимов Альберт Алексеевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Юридический факультет). E-mail: albert.trofimov@gmail.com.

Поступательное развитие бюджетного законодательства Китая происходило на фоне совершенствования его политической и правовой систем[1]. Актуальная на сегодняшний день задача по построению в Китае «общества малого благоденствия» (*«сяокан»*) ставит перед китайским руководством целый ряд вопросов[2], связанных в том числе с развитием и обеспечением соблюдения национального законодательства.

Провозглашенная и сформулированная в Китае еще в конце прошлого века доктрина «управления государством на основе закона» представляет собой достаточно емкую концепцию, включающую в себя целый ряд постулатов[3]. Кроме того, положение об управлении китайским государством на основе закона было закреплено в ч. 1 ст. 5 Конституции КНР (поправки 1999 г.), что подтвердило его конституционно-правовое значение. Доктрина предполагает ее проникновение во все сферы правовой жизни государства и совершенствование как правотворческой, так и правоприменительной деятельности. Таким образом, доктрина может быть охарактеризована как конституционный принцип китайского государства.

Одной из сфер реализации данной доктрины является ограничение административного усмотрения, укрепление контроля, повышение открытости административной деятельности, углубление реформы правоприменения[4]. В связи с этим данная концепция должна найти свое воплощение, среди прочих, в сфере бюджетно-правового регулирования.

Представляется, что реализация концепции управления государством в соответствии с законом воплощается в бюджетном праве Китая, в том числе через специальные принципы этой отрасли права. При этом под специальными принципами следует понимать основополагающие начала бюджетного права КНР, составляющие его главное содержание и определяющие направленность бюджетно-правового регулирования.

Среди таковых, в первую очередь[5], следует выделить закрепленные в Законе КНР о бюджете[6] (далее — Закон о бюджете) принцип разработки, утверждения и контроля за бюджетами только в соответствии с законом, принцип полноты отражения всех доходов и расходов в бюджете, принцип открытости и прозрачности бюджетной системы, которые предлагается рассмотреть далее.

Принцип разработки, утверждения и контроля за бюджетами только в соответствии с законом. Необходимость введения и эффективной реализации стандартизированных правил управления бюджетами отмечается многими исследователями[7]. Обязательность соблюдения установленных бюджетным законодательством процедур впервые была прямо предусмотрена лишь с принятием 21 октября 1991 г. Государственным советом КНР «Положения КНР об управлении государственным бюджетом» (ст. 9, 25).

В настоящее время данный принцип закреплен в ст. 2, 13 Закона о бюджете. Не допускается разработка, проверка, утверждение, изменение бюджета, а также осуществление контроля за бюджетом и итоговыми отчетами не в соответствии с положениями Закона о бюджете. Порядок разработки, проверки и утверждения проекта бюджета предусмотрен гл. 4 и 5 Закона о бюджете. Утвержденные собраниями народных представителей бюджеты не подлежат корректировке без соблюдения установленных законом процедур (гл. 7 Закона о бюджете). Проведение мероприятий финансового контроля уполномоченными органами и должностными лицами также должно соответствовать предусмотренным законодательством правилам и процедурам[8].

Обратим внимание на то, что в условиях наличия иных специальных законов (Закон об организации ВСНП, Закон о контроле постоянных комитетов СНП всех уровней и т. п.), а также принятых в целях их исполнения подзаконных актов Госсовета КНР, Министерства финансов КНР и иных уполномоченных органов соблюдение порядков разработки, утверждения и контроля за бюджетами должно оцениваться на предмет соответствия не только Закону о бюджете, но и иным нормативным правовым актам, конкретизирующим и дополняющим основной бюджетный закон при условии их соответствия вышестоящим нормативным актам. Рассматриваемый принцип предполагает подтверждение особого статуса закона как нормативно-правового акта высшей юридической силы, поскольку нарушение установленных бюджетных правил и процедур может послужить основанием для применение мер юридической от-

ветственности в отношении субъектов бюджетных правоотношений, их руководителей и должностных лиц (гл. 10 Закона о бюджете).

Неотъемлемым следствием повышения роли закона в правовой системе КНР является увеличение фактической значимости представительных органов власти (СНП) разных уровней в бюджетном процессе, упреки о недостаточной роли которых неоднократно обнаруживаются в литературе[9].

Принцип полноты отражения всех доходов и расходов в бюджете впервые нашел свое законодательное закрепление лишь в Законе о бюджете 1994 года, что стало закономерной реакцией на многолетние проблемы, возникавшие при формировании и распределении публичных фондов денежных средств в Китае, особенно различных внебюджетных фондов[10]. Ранее действовавшее правовое регулирование не исключало возможности формирования обособленных от государственного бюджета фондов денежных средств, которые формировались за счет порой произвольно устанавливаемых ведомствами неналоговых обязательных платежей, доходов от реализации государственного имущества и расходовались по произвольно установленным этими же ведомствами направлениям.

Нормативное содержание принципа полноты отражения всех доходов и расходов в бюджете закреплено в ряде положений Закона о бюджете и может быть выведено путем систематического их толкования. Согласно статье 4 Закона о бюджете все доходы и расходы должны быть предусмотрены бюджетом. При этом бюджет подлежит рассмотрению и утверждению представительным органом власти соответствующего уровня в порядке, установленном Законом о бюджете. Правительства, ведомства и подведомственные учреждения должны в соответствии с положениями настоящего Закона, включать все правительственные доходы в бюджет и не должны скрывать или уменьшать их (абзац второй ст. 36). В то же время предусматривается, что проекты бюджетов, представляемые на проверку и утверждение в СНП разных уровней, должны быть подробными и детализированными в установленном порядке (ст. 46).

Принцип полноты отражения всех доходов и расходов в бюджете неотъемлемо связан с принципом разработки и утверждения бюджетов в соответствии с законом, поскольку не допускается формирование и расходование публичных денежных фондов вне рамок, предусмотренных бюджетным законодательством.

Принцип открытости и прозрачности бюджетной системы закреплен в Законе о бюджете и имеет относительно небольшую историю своего развития, поскольку только в последние десятилетия можно обнаружить реальные изменения в вопросах открытости бюджетной информации в Китае[11]. В литературе встречается широкая критика исследователями закрытости информации о бюджетной системе Китая в прошлые периоды, которая не позволяла проводить достоверные экономические исследования, обеспечивать сопоставимость стати-

стических показателей различных лет, в необходимой степени осуществлять финансовый и общественный контроль[12].

Построение открытой и прозрачной бюджетной системы представляет собой одну из целей, для достижения которой был разработан, в частности, Закон о бюджете (ст. 1). Согласно ст. 14 Закона о бюджете доклады об утвержденных СНП соответствующего уровня или ПК СНП бюджетах, корректировках бюджета, итоговых отчетах, результатах исполнения бюджета должны быть опубликованы для общественности финансовым ведомством правительства соответствующего уровня в течение 20 дней с момента утверждения. Специальные правила опубликования правительственной информации предусмотрены соответствующими правилами КНР, которые согласуются с тенденциями функционирования открытого правительства, повышением открытости информации в отдельных отраслях экономики[13], что свидетельствует о принципе открытости как о самостоятельной правовой ценности.

Подводя итог, отметим, что нормативное закрепление рассмотренных принципов бюджетного права стало результатом долгого 70-летнего пути, пройденного китайским государством, полного противоречий и трудностей. При этом развитие как бюджетно-правового регулирования, так и принципов бюджетного права КНР будет продолжаться и в будущем с учетом и в свете других нерешенных проблем.

Введение китайским законодателем рассмотренных специальных принципов бюджетного права направлено на более эффективную реализацию конституционно-значимого принципа управления государством на основе закона через установление детализированного правового регулирования. В то же время законодательное закрепление правил, направленных на придание особого статуса закону как обладающему высшей юридической силой нормативному акту, обеспечение открытости и доступности информации о публичных финансах, внедрение единых, стандартизированных и обязательных для всех правил свидетельствует о наличии признаков конституционализации бюджетного права КНР. Правовое регулирование специальных принципов бюджетного права КНР, в том числе более определенное и полное установление их нормативного содержания, является важным шагом на пути повышения эффективности использования бюджетных средств.

Библиографический список

1. *Пивоварова Э.П.* О некоторых трудностях на важнейшем этапе построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». В Сборнике: 13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». М.: ИДВ РАН, 2018.

2. *Сонин В.В*. Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства // Lexrussica. 2016. № 9 (118).

3. *Трофимов А.А.* О контрольных бюджетных полномочиях Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного комитета // Образование и право. 2019. № 2.

4. *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.). Историко-правовой аспект. С перечнем действующих законов КНР. М.: Издательство ВКН, 2019.

5. Трощинский П.В. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая. В Сборнике: Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной. научно-практической конференции, 12—13 марта 2015 г. Чита: Издательство Забайкальского государственного университета, 2015.

6. *Трощинский П.В.* Правовая система Китая: монография. М.: ИДВ РАН, 2016.

7. *Шевелева Н.А.* Бюджетная система России. Проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ: автореф. дис. д.ю.н. СПб., 2005.

8. *Deng S., Peng J.* Reforming the Budgeting Process in China. // OECD Journal on Budgeting. 2011. no. 1.

9. *Deng S., Peng J., Wang C.* Fiscal transparency at the Chinese provincial level. Public administration. 2013.

10. *Jiang W.* A realistic path to implementing China's Budget Law. // Social Sciences in China. 2015. no 3 (36).

11. *Horsley J.P.* Working Paper: Challenging China to Make Good Project Governance a Centerpiece of the Belt and Road Initiative. 2018. P. 14—16. URL: https://law.yale.edu/system/files/area/center/china/document/horsley_china_bri-good_governance_infrastructure.pdf (дата обращения: 28.04.2019).

12. *Wedeman A*. Budgets, Extra-budgets, and Small Treasuries: Illega lmonies and local autonomy in China. // Journal of ContemporaryChina. 2000. no 9.

13. *Wong C.* Reforming China's Public Finances for Long-term Growth. // China: A New Model for Growth and Development. Canberra: ANU E-Press, 2013.

14. *Zhang S.* Budgetary supervision in China: an institutional perspective of provincial people's congress. Shanghai: Fudan university, 2015.

15. 张玲，凌岚 (Чжан Лин, Лин Лань). 国家治理与现代预算公开制度改革。经济与管理研究. (Реформа государственного управления и современной публичной бюджетной системы). // Исследования экономики и управления. 2015. № 2(36).

16. 罗昌财 (Ло Чанцай). 中国政府预算民主化改革研究. (Исследование реформы демократизации бюджетной политики китайского правительства). Чэнду: Юго-Западный университет финансов и экономики, 2010.

17. 邹广(Цзоу Гуан). 我国财政体制的宪政思考. (Размышления о конституционализме финансовой системы Китая). Ухань: Уханьский университет, 2009.

References

1. *Pivovarova E.P.* O nekotorykh trudnostyakh na vazhneyshem etape postroyeniya v Kitaye obshchestva malogo blagodenstviya «syaokan» [About some difficulties at the most important stage of building a society of small prosperity in China "xiaokan"]. // 13-ya pyatiletka

(2016—2020 gg.) — vazhneyshiy etap postroyeniya v Kitaye obshchestva malogo blagodenstviya «syaokan», M.: IDV RAN, 2018.

2. *Sonin V.V*. Pravleniye gosudarstvom na osnove zakona: istoki, soderzhaniye i perspektivy kitayskogo variant pravovogo gosudarstva [Rule of the state on the basis of the law: the origins, content and prospects of the Chinese version of the rule of law]. // Lexrussica. 2016. № 9 (118).

3. *Trofimov A.A.* O kontrol'nykh byudzhetnykh polnomochiyakh Vsekitayskogo Sobraniya Narodnykh Predstaviteley i ego Postoyannogo komiteta [On the budgetary supervisory powers of the National People's Congress and its standing committee]. // Obrazovaniye i pravo. 2019. № 2.

4. *Troshchinskiy P.V.* Evolyutsiya pravovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki (1949—2018 gg.). Istoriko-pravovoy aspekt. S perechnem deystvuyushchikh zakonov KNR [The evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949—2018). Historical and legal aspect. With a list of current laws of China]. M.: Izdatel'stvo VKN, 2019.

5. *Troshchinskiy P.V*. Vliyaniye doktriny «upravleniye gosudarstvom na osnove zakona» na pravovuyu sistemu sovremennogo Kitaya [The influence of the doctrine of "stategovernance on the basis of the law" on the legal system of modern China]. // Aktual'nyye problem razvitiya KNR v protsesse eye regionalizatsii i globalizatsii: materialy VII Mezhdunarodnoy. nauchno-prakticheskoy konferentsii, 12—13 marta 2015 g. CHita: Izdatel'stvo Zabaĭkal'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2015.

6. *Troshchinskiy P.V*. Pravovaya sistema Kitaya: monografiya [The Legal system of China: monograph]. M.: IDV RAN, 2016.

7. *SHeveleva N.A.* Byudzhetnaya sistema Rossii. Problemy pravovogo regulirovaniya v period intensivnykh reform [The Budget system of Russia. Problems of legal regulation in the period of intensive reforms]. avtoref. dis. d.yu.n. SPb., 2005.

8. *Deng S., Peng J*. Reforming the Budgeting Process in China. // OECD Journal on Budgeting. 2011. no. 1.

9. *Deng S., Peng J., Wang C.* Fiscal transparency at the Chinese provincial level. Public administration. 2013.

10. *Jiang W*. A realistic path to implementing China's Budget Law. Social Sciences in China. 2015. no 3 (36).

11. *Horsley J.P*. Working Paper: Challenging China to Make Good Project Governance a Centerpiece of the Belt and Road Initiative. 2018. P. 14—16. URL: https://law.yale.edu/system/files/area/center/china/document/horsley_china_bri-good_governance_infrastructure.pdf (дата обращения: 28.04.2019)

12. *Wedeman A*. Budgets, Extra-budgets, and Small Treasuries: Illegal monies and local autonomy in China // Journal of Contemporary China. 2000. no 9.

13. *Wong C.* Reforming China's Public Finances for Long-term Growth. // A New Model for Growth and Development. Canberra: ANU E-Press, 2013.

14. *Zhang S*. Budgetary supervision in China: an institutional perspective of provincial people's congress. Shanghai: Fudan university, 2015.

15. 张玲，凌岚 (Zhang Ling, Ling Lan). 国家治理与现代预算公开制度改革 [State Governance and Reform of Modern Open Budget System.] // Economic and management researches. 2015, no. 2 (36).

16. 罗昌财 (Luo Changcai). 中国政府预算民主化改革研究. [Research on Democratization of Budgeting Policy of Chinese Government]. Chengdu: Xinan caijing daxue, 2010.

17. 邹广(Zou Guang). 我国财政体制的宪政思考. [On Constitutional Features of Financial System in China] Wuhan:Wuhan daxue, 2009.

Примечания

[1] *Трощинский П.В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.). Историко-правовой аспект. С перечнем действующих законов КНР. М.: Издательство ВКН, 2019; *Трощинский П.В*. Правовая система Китая: монография. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 14—41.

[2] *Пивоварова Э.П.* О некоторых трудностях на важнейшем этапе построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». // 13-я пятилетка (2016—2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан». М.: ИДВ РАН, 2018.С. 36—42.

[3] *Трощинский П.В*. Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной. научно-практической конференции, 12—13 марта 2015 г. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2015. С. 191.

[4] *Сонин В.В.* Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства. // Lexrussica. 2016. № 9 (118). С. 103.

[5] Следует оговориться, что выделение только упомянутых принципов бюджетного права не отрицает существования и не снижает значимости иных принципов (например, принципов подведомственности, целевого характера средств бюджетов, эффективности использования бюджетных средств и т.д.), которые могут играть менее заметную роль в реализации доктрины управления государством на основе закона.

[6] Принят в 1994 г/, изменен в 2014 и в 2018 гг.

[7] *Jiang W.* A realistic path to implementing China’s Budget Law.Social Sciences in China. 2015. no 3 (36). P. 62; 邹广 (Цзоу Гуан).我国财政体制的宪政思考. (Размышления о конституционализме финансовой системы Китая). Ухань: Уханьский университет, 2009.; *Шевелева Н.А.* Бюджетная система России. Проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ: автореф. ... дис. д.ю.н. СПб., 2005. 64 с.

[8] *Трофимов А.А.* О контрольных бюджетных полномочиях Всекитайского Собрания народных представителей и его Постоянного комитета // Образование и право. 2019. № 2. С. 147—149.

[9] *Jiang W.* Ibid. P. 60—61; Zhang S. Budgetary supervision in China: an institutional perspective of provincial people's congress. Shanghai: Fudan university, 2015. P. 182.

[10] *Wong C*. Reforming China’s Public Finances for Long-term Growth. In: China: A New Model for Growth and Development. Canberra: ANU E-Press, 2013. P. 205; *Deng S., Peng J.* Reforming the Budgeting Process in China. // OECD Journal on Budgeting. 2011. no. 1. P. 76—

77, 83—85; *Wedeman A*. Budgets, Extra-budgets, and Small Treasuries: Illegal monies and local autonomy in China. // Journal of Contemporary China. 2000. no 9. P. 491—501.

[11] *Deng S., Peng J., Wang C*. Fiscal transparency at the Chinese provincial level. Public administration. 2013. P. 1—17; 张玲，凌岚 (Чжан Лин, Лин Лань). 国家治理与现代预算公开制度改革。经济与管理研究. (Реформа государственного управления и современной публичной бюджетной системы) // Исследования экономики и управления. 2015. № 2(36). P. 94—99.

[12] 罗昌财 (Ло Чанцай). 中国政府预算民主化改革研究. (Исследование реформы демократизации бюджетной политики китайского правительства). Чэнду: Юго-Западный университет финансов и экономики, 2010.

[13] *Horsley J.P*. Working Paper: Challenging China to Make Good Project Governance a Centerpiece of the Belt and Road Initiative. 2018. P. 14—16. URL: https://law.yale.edu/system/fi les/area/center/china/document/horsley_china_bri-good_governance_infrastructure.pdf (дата об-ращения: 28.04.2019).

Summary

Vinogradov A.V.
D.Sc. (Political science), Head,
Center fo Studies Research and Forecasting
Institute of Far Eastern Studies RAS
Professor, RUDN University
E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

COMPETITION OF SOCIAL SYSTEMS: THE INTERNATIONAL IMPORTANCE OF CHINESE AUTHORITARIANISM

Abstract. Market reforms has not lead to the democratization of the Chinese political system. Most of China watchers consider that the obvious discrepancy between the economic and political structure made the Chinese political system unique, confirming China's profound differences from other countries. The following transformation of the PRC into the leading world economy, its successful solution of the main problems for most developing countries — ensuring high growth rates, sustainable social development, national security, on the one hand, and unresolved negative effects of the economic crisis in the West, crisis of the democratic systems and deterioration conditions of world trade, on the other hand, as well as significant changes in social life, caused by the emergence of new means of media communication, computerization, etc. have given the Chinese experience a new, substantially more important meaning. For many developing countries that have not found a successful model of development and still lag far behind Western countries, the emergence of Chinese example is not only of theoretical, but also of practical interest. Unlike Western countries, which were an attractive but unattainable ideal, China could turn into a practical development guide for them. Its political system, which not only retains the features of traditional national identity, but also has the functions of strategic planning and national mobilization, necessary for accelerated socio-economic development, is particularly attractive. The "Belt and Road initiative" runs across a number of countries for which Chinese experience can be practically useful and may be considered as an example to follow.

Keywords: Chinese Authoritarianism, Political System, Chinese Experience, Competition of Social Systems, Developing Countries, 19th Congress of CCP, "Belt and Road", Central Asia and Africa.

Pivovarova E.P.
D.Sc. (Economics), Professor, Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: vafek@mail.ru

70 YEARS OF CHINA: FROM THE PROGRAM OF "NEW DEMOCRACY" TO THE CREATION OF A "NEW INTEGRATED SOCIETY"

Abstract. In the "General program" of the People's political consultative Council of China, adopted in September 1949, was noted that "the basic principle of the economic construction of the People's Republic of China is the development of production and the creation of a prosperous economy, based on the policy of taking into account both public and personal interests, benefits, both labor and capital, mutual assistance between city and village and the development of trade turnover between different regions within the country and with the outside world". These provisions of Mao Zedong's "new democracy" program basically coincided with the principles of the economic reform initiated in the PRC in 1978, implemented through the use of positive developments of both planned and market economies that contributed to social and economic progress of the country and formed a "New integral society", later named "socialism with Chinese specifics".

Among Russian scientists there are more and more of those who explore the experience of countries where a convergent socio-economic model has already been formed or is just being formed, suggesting a reasonable combination of market and planning regulatory principles. The social and economic successes of the PRC aroused the interest of social scientists from around the world. Asking the question "why is China better than others in crisis?", Professor G.N. Tsagolov in his book "Crisis and Modernization" answers that, first of all, because China did not destroy the planned beginnings and smoothly moved from socialism to a mixed, or convergent, economy. Successes in the socio-economic development of these countries G.N.Tsagolov assesses as a result of using both achievements of capitalism and socialism in the activities of the leaders of these states, concluding that today there is a "convergence alarm" in the world and it is important that this alarm be heard where the search for "optimal models of socio-economic development.

Keywords: China, economic reforms, reform and opening-up policy, socialism with Chinese characteristics, economic development, investment, prosperity, "new democracy".

Borokh O.N.
Ph.D. (Economics), Leading Researcher,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: borokh@hotmail.com

THE STUDY OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT IN MODERN CHINA

Abstract. The specifics of research in the history of Russian and Soviet economic thought in China is determined by the influences of ideology and politics. Chinese researchers are inter-

ested in the development of Marxist and socialist economic thought in Russia, in the experience of borrowing and adapting Western economic theories, and in the discussions about unique features of Russian economic thought. Attention to the experience of the development of Russian economic thought can be explained by two reasons. First, economic science in Russia and China initially developed on the basis of traditional Marxist political economy. Second, as the borrowing of Western economic science expanded, both countries experienced the conflict between the paradigms of political economy and Western economics. "The New Edition of the History of Economic Thought" in 11 volumes published in China focuses only on Chinese, Western and Marxist economic thought. Russian economic ideas are presented in the book either as part of Marxism or of Western thought. Researchers prioritize the task of identifying the impact of Russian and Soviet economic theories upon the formation of Chinese economic thought. Russian publications about the "forgotten" economists of the Soviet period caused no significant research interest in China. Chinese knowledge about the developments of Russian post-Soviet economic science is fragmentary; its focus is shifted towards non-mainstream theories of Russian economists. Studies in Russian economic science are centered on the Soviet period or aimed at finding in contemporary material valuable lessons for the construction of "political economy of socialism with Chinese characteristics".

Keywords: Marxism, political economy, Western economic thought, post-Soviet period.

Galenovich Y.M.
D.Sc. (History), Professor, Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS

THE INTERPRETATION OF FORTY YEARS AFTER MAO IN THE PRC

Abstract. The article analyzes the speech of the General Secretary of the CCP Central Committee Xi Jinping on the occasion of the fortieth anniversary of the policy of reform and openness. The author draws attention to the very concept of "reform and openness policy", gives a description of the most important events in the development of the PRC: "ten unshakable fundamentals" of the CCP's activities, and "three great leaps" or three main achievements of the Chinese nation: becoming upright, leap to wealth, a leap to power, and, finally, nine attitudes ensuring the implementation of the current political course. The author examines in detail the events after Mao Zedong's death and notes that despite political failures, public discontent with the situation in the country, it did not rise to a movement under the slogan of changing the political regime, condemnation of Mao Zedong and his political course. It turned out that the changes could be carried out only "from above". The policy developed by the new leadership of the country turned out to be a compromise between the followers of Mao Zedong and supporters of change. It was in this situation that the "reform and openness policy" formula was born, as a kind of "neutral", "compromise", "temporarily suited" the population and all political forces. The whole subsequent period of more than forty years after Mao Zedong death can be viewed as several stages of struggle within the party between supporters and opponents of the Mao Zedong

course. Its result was the victory of Mao's supporters in the face of Deng Xiaoping. Their line is currently pursued by Xi Jinping, who continues to put Mao Zedong on concentrating power in the same hands, supporting the line on the exclusivity of Chinese socialism and on the only correct understanding of the historical development of humanity.

Keywords: PRC, CPC, political struggle, authoritarianism, policy of reform and openness, socialism with Chinese characteristics, Chinese Marxism, Mao Zedong, Deng Xiaoping, Xi Jinping.

Karneev A.N.
Vice Director, associate professor,
Institute of Asian and African Countries,
Lomonosov Moscow State University,
Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: andrei_karneev@mail.ru

CHANGING TRENDS IN DEVELOPING OF CHINA'S IDEOLOGICAL SPHERE IN THE ERA OF XI JINPING

Abstract. In article an attempt is undertaken to summarize several salient developments in the sphere of ideological situation in China, particularly in the period of transition from Xi Jinping's first to the second term in office. Chinese leaders are stressing such principles as "comprehensive deepening of reforms", building the "rule-of-law society", standing up to protectionism in international trade, defense of the free trade and globalization. At the same time all kinds of restrictions in the spheres of public polemics, media, the Internet, university freedoms etc. still persist and even become more harsh. Stressing the return to the so-called "original values" of the communist party does not necessarily mean that something will change to the benefit of the supporters of the Left ideas. This article goes on to examine the salient feature of the 2018, that is a rising activity of the Marxism study groups and societies in several of China's leading universities, and also strives to look at the reaction from the government. This tendency coincides with growing labor and rights activism. In the middle-term perspective one should not predict left-leaning activism to grow out of control in China, but the current case is surely indicative of rising tensions in the intellectual community and a growing societal demand for a much more sophisticated approach to the management of feedbacks from the society to the government.

Keywords: Xi Jinping, "Turn to the Left" in China, Marxism study societies, migrant workers, protest activities, protection of civic rights, Peking University.

Afonina L.A.
Ph.D. (History), Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: liubov.afonina@gmail.com

THE DEVELOPMENT OF THE "CINIFICATION OF RELIGIONS" POLICY

Abstract. While Xi Jinping governing the country the religious policy is performing under the slogan "sinification of religions". This idea isn't new for the PRC. It's become a step forward in developing the "three-self" movement of 1950s, when religious communities were required to break ties with foreign religious centers, to achieve financial autonomy and independence in matters of management and preaching. Authorities of PRC set a global mission to "sinicize" religions represented in China. The Communist Party of China nowadays doesn't tend to eradicate religions from the social life like in 1960s, but they try to reduce the degree of religion's ideological influence. So they fight the religions in pure state, creating its' hybrid form. The religiosity of society is to be brought down to minimum, religious canons and rites are to be gradually reformed.

The sinification of religions is adjustment of theology, architecture traditions of religions, forms of organization of church life to bring it all to safe and clear framework according to authorities' view. Slogans calling on religions' adaptation to socialism are oriented on their change to the government indicated forms, to make religions achieve "Chinese characteristics". Work on adapted and edited translation of holy books supervised by Party organs, interpretation of religious teachings in the light of requirements of government can create principally new religious movements, by form similar to world religions, but by its' nature able to change into heresy, but comfortable and ideologically safe for government.

To summarize, the project of the sinification of religions is the attempt to guarantee the cooperation of religious organizations with CPC, their support and unconditional approval of CPC policy, ideology and worldview values.

Keywords: sinification of religion, religious policy, State administration for religious affairs, Xi Jinping, Administrative Reform in China, Wang Zuoan, Religious Affairs Regulation.

Mikhalev M.S.
Ph.D. (Law), Post-Doc Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology RAS
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

TAJIK PEOPLE OF XINJIANG: SOFT, HARD AND EXTRAORDINARY METHODS OF INTEGRATION

Abstract. The paper elaborates on "soft" and "hard" methods applied by Chinese state and aimed at assimilation of Tajik national minority group that inhabits remote borderland areas of China's Xinjiang province. It argues that traditional "soft" methods including encouragement of minority's involvement in market economy and developing ethno-cultural tourism all fail to

work in this particular case. The reason for the remarkable stubbornness of Tajik people to be assimilated is believed to be their allegiance to their traditional lifestyle and the state of preservation of their moral standards and values. At the same time, “hard” methods that include stricter police control and militarization of the area not only prove to be unable to increase the level of state control, but also help Tajik increasing the level of their isolation. This effect is made possible not only through the constant use of “masquerade” by the local people, but also thanks to severe natural conditions of the area that keeps outsiders away. At the same time, the inability of the state to put the population of this strategically important sensitive borderland region under complete control through the use of ordinary “hard” and “soft” methods force it to develop unique, extraordinary methods. In the case of Tajik people it means launching ecological deportations in course of which semi-nomads are forcibly moved to the lowlands areas, where they live in enclosed and supervised communities and engage themselves in agriculture. This cause them to lose their identity and integrity that in turn brings damage to the state itself as it weakens its borders and increase their vulnerability.

Keywords: Xinjiang, Pamir, Tajik, assimilation, border areas, ethno-cultural tourism, ecological refugees.

Gracheva Yu.A.
Research Associate, PhD student,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: link2k3@list.ru

ETHNIC SELF-IDENTITY OF NATIONAL MINORITIES OF CHINA'S SOUTHWEST (BASED ON FIELD RESEARCH)

Abstract. The article is devoted to the study of the main factors of ethnic identity of national minorities of China's Southwest. The study provides information and analysis of the factors of self-identification of national minorities (buoys, hui, bai, miao, naxi, moso) in Guizhou and Yunnan provinces based on the field materials and survey results conducted by the author in these provinces in 2018. At present, China’s national policy toward the national minorities of the southwestern regions of the country is being implemented within the framework of the idea of the great revival of the Chinese nation (zhonghua minzu), which Xi Jinping declared in the 19th Congress of the CPC.

Methods for the implementation of national policies are among the main objectives of the 13th Five-Year Plan in China (2016-2020) and are inextricably linked to: the economic development of the country, with the task of building a society of “average prosperity” by the centenary of the founding of the CPC in 2021; raising the level of education of national minorities of China, especially in the south-western and western regions of the country, where the question of literacy and raising the quality of public education are most acute.

In areas inhabited by national minorities, both methods are implemented mainly through: 1) the development of local tourism; 2) the construction and development of new infrastructure in areas of minorities; 3) language policy and the creation of educational institutions "with national

specific" (minzu tese). The above methods of implementing national policy now have a profound impact not only on the level of economic well-being of national minorities of South-West China, but also on their material and spiritual culture, as well as on the features of ethnic self-identity among the representatives of national minorities.

Keywords: PRC, China, Guizhou, Yunnan, southwest China, national policy, ethnicity, minorities, small peoples, national identity.

Pozhilov I.E.
Ph.D. (History), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: pozhilov1@yandex.ru

PARTY, ARMY AND POWER: ON SOME ASPECTS OF THE CPC's SOVIET CONSTRUCTION

Abstract. The paper written on the basis of unfamiliar to Russian historiography original sources, deals with a number of significant realities related to the assertion of the CCP's rule in its enclaves during the "agrarian revolution" and the perception of the Soviets, under the banner of which it was carried out, in the mass consciousness of the peasantry.

Accepted by the Chinese Communists as a model for embodying the Bolshevik concept of devaluing the original Soviets as organs of democracy and their transformation into the quasi-democratic subject of camouflage of the party autocracy, unlike the Russian proletarian and non-proletarian rural strata, who rose to fight for protection of their revolutionary gains, didn't find an opposition of indifferent to such values village in China, but in the same time with regret deploring, that "this power is not ours, it's not peasant, but party's one". And in general, the peasants did not make any special distinctions between the traditional bureaucracy and the new administration, because of the personnel shortage and its insignificant importance in the eyes of the party leaders, had been mired in all and beyond the vices, inherent in the former administrative structures.

Functionally, the Soviets of Chinese version were assigned the role of a kind of fiscal-supervisory authority, responsible for confiscation values from the population as the only material source of the regime's survival; beside from that they were imposed on duty of total control over mass sentiment, as well as the mobilization arrangements, related to the provision of compulsory labor service, full assistance to the army recruitment and the fight against desertion. The specificity of the invariably front-line situation in conjunction with the priority of violence in general, as well as the village's some sympathy for the peasant Red Army, which finally became constituted, were in fact resulted in the reattribution of the Soviet's mandate as the CPC's appendage into the undivided patrimony of the armed forces; as for widespread in the party radical formulation of the question it meant an inclination to recognize the military as the main driving and guiding force of the communist revolution.

Keywords: Bolshevism, Soviet power, China, the CCP, agrarian revolution, chineseization of the Soviets, the Chinese Red Army.

Ionov A.Y.
Ph.D. (Philosophy), Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: fuhu@yandex.ru

THE LIGHTHOUSE OF PATRIOTIC IDEOLOGY IN CHINA (1950's—70's)

Abstract. The article presents an overview describing researches of the 1950s — 70s in China concerning the Confucian patriotic ideology by Gu Yanwu (1613—1682).The value of Gu Yanwu's ideas is determined because of his plural references to the origins of Chinese Five Classics. It is especially important now thatthe President of the People's Republic of China Xi Jinping reveals a very deep interest in the study of them.

The meaning of Confucian pragmatism could hardly been overestimated during the reign of the Kuomintang party. Its main ideologist Zhang Binglin (1869-1936) studied Gu Yanwu's texts for a long time, from childhood considered himself a successor of the Confucian patriotic tradition. As for representatives of the Chinese science of the 20th century, such as Liang Qichao and Hu Shi, Hou Wailu and Qiu Hansheng, patriotic ideology inspired them to develop their own approaches. It was clear that the new Chinese worldview, which also included Chinese Marxism, should be based on Chinese significant accomplishments. In the teachings of Gu Yanwu, they were impressed by the strategy of changing Chinese society. They continued to embody Gu Yanwu's experience, who had an open mind and interpreted Confucianism without cuts.

Young Mao Zedong highly valued ideas of Gu Yanwu, especially his idea of uncompromising struggle. Both recognized struggle in a favor of China, which became the meaning of life.After the end of the war in Korea, the Communist ideology needed to adapt to the new conditions. The international isolation could actually destroy the countries of people's democracy.The search for an effective development strategy drew attention to the patriotic ideology, which supported teachings of Gu Yanwu in the 1950s and the first half of the 60s. The "cultural revolution" influenced the scientific community, but researches on Gu Yanwu's heritage continued. The Chinese economic reform and open-door policy, begun by Deng Xiaoping in 1978, finally replaced the policy of condemnation of Chinese civilization history. Proponents of the Confucian revision of Marxism realized that collaboration with the radicalforces is not possible. That is why Chinese President Xi Jinping has adopted some of the time-tested patriotic ideas, offered by GuYanwu.

Keywords: China, GuYanwu, Xi Jinping, Mao Zedong, Confucianism, Legalism, state formation, patriotism.

Borodich V.F.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: borodich@rambler.ru

THE GOVERNMENT MANAGEMENT SYSTEM OF THE PRC IN THE YEARS OF TESTS: FROM "CULTURAL REVOLUTION" TO ADMINISTRATIVE REFORM 1982

Abstract. The logic of the series of regularly conducted reforms of the administrative system of China, which began with the first years of reform and opening up, cannot be understood without appreciating the impact of the "cultural revolution" on the administrative system of the PRC and the internal political changes that followed it. The Cultural Revolution threatened the very existence of the state administration system, becoming an instrument of retaining Mao Zedong's power to the detriment of not only the country's development, but also its existence as an integral and sovereign subject of world politics.

Created on May 16, 1966 the Group on Cultural Revolution (GCR) became the main headquarters of the Cultural Revolution, taking into its hands the implementation of the decisions of the supreme organs of the CPC and its own political decisions, including issues of government. However, the state administration system, suppressed by the activity of the Red Guards and the Zaofans, continued to function in a new, modified format: the State Council as the highest executive body under the CRG and the revolutionary committees at the provincial and grassroots levels. At the same time, the revolutionary committees, which existed until 1980, were initially assigned the functions of party, representative, and administrative bodies from the provincial to the lower levels. The end of the 1970s was held in the acute domestic political struggle. The opponents of the radicals, the advocates of a policy of socialist modernization, for which both the party and the government were to seek their own maneuver agreed on the principles and goals, took the upper hand in this struggle.

The "Cultural Revolution" allowed Mao Zedong and his supporters to govern the country for a decade and a half using quasi-institutes, primarily the GCR and the revolutionary committees, as well as extra-institutional revolutionary methods of political struggle. The restoration of the collective-centric model of state administration was largely promoted by the fact that, at the top of the management pyramid, the leading party structures and institutions, as well as the State Council, which ensured the maintenance of the state administration function, remained at the top.

Keywords: public administration, State Council, reform, administrative system, "cultural revolution", revolutionary committees, Mao Zedong, political struggle, model of state administration.

Zhilkibayev S.N.
Master avts, of the Institute of State and International Law
of the Ural State Law University
E-mail: prozrach@mail.ru

"RED ALERT": "SETTLEMENT POLICY, ORDERING AND RECOVERY" IN PRC (1989—1991)

Abstract. This article explores important historical period in the politics and economy of the People's Republic of China: "settlement policy, streamlining and recovery" (1989-1991), which in many ways became the point of bifurcation of economic reforms while stabilizing the political regime in China. It was a time when tangible socio-economic problems of introducing market elements into a socialist economy caused social and political instability and youth liberal political movement in Tiananmen Square in 1989, which the authorities eliminated with harsh power methods along with the liberal faction in the CPC (General Secretary of the CPC Central Committee Zhao Ziyang). which brought to power the leftist faction (Chen Yun, Li Peng, Li Xiannian, Wang Zhen, Deng Liqun, Hu Qiaomu, Yao Yilin, and Song Ping).

Therefore, the country's internal policy has shifted significantly to the left: the authorities initially decided to resolve the crisis in society by declining to the absolute leadership and guiding role of the CCP, the state and the communist ideology and the old principles of the rule of centralized decision-making and state and collective domination sectors in a socialist economy as opposed to private business and a market economy in China.

However, the confrontation between the inner-party left and right factions in the country's leadership on the political economy of the PRC, the collapse of the world socialist bloc of states, the stagnation of China's social and economic development, and the sabotage of Chinese regional and local authorities and businessmen led to a painful change in the CPC and PRC's course to single-minded and decisive deep market economic reforms while maintaining an authoritarian political system (Deng Xiaoping's theory) in the 1990s, which turned China into the first economy of the world. This complex topic requires further study and research to present the full picture of the history of the "policy of reform and openness" in China.

Keywords: China, PRC, Chinese Communist Party. CPC, history, politics, economics, reform and opening-up policy.

Sushchenko M.A.
Kemerovo
E-mail: spacemirror@mail.ru

FEATURES OON OF THE POLITICAL ELITE OF CHINA

Abstract. The article is devoted to the study of the political elite of modern China. The political elite of PRC is a relatively small privileged group that occupies leading positions in the power structures of the state and party apparatus. It is directly involved in the process of making and implementing important state decisions. The public (open) and latent (closed), party, military

and political-administrative elites should be distinguishing between state authorities and the ruling party of China. The leadership place of Chinese elite is based on its position in the state authorities and in the structure of the Communist party. The main source of its formation is the personnel reserves of the CPC. There is the structure of party, military, political and administrative the public (open) political elite. The latent (closed) political elite of the PRC consists of various groups or political clans operating at different levels of the PRC's power. The political group (or clan) in the political system of the PRC is a closed Association of politicians with common group and private interests, fighting for political power or seeking to influence the decision — making process in the system of public administration. Among the sources of their formation are the following: regional political elites; personnel reserves of the CPC management structures; the practice of bureaucratic guardianship. In the study of political development in China we need to factor in the functioning of the various clans in the country's political elite.

The composition of the political Bureau of the CPC Central Committee of the XIX convocation was formed of politicians, who were loyal to Xi Jinping. Some of them are connected with him by career ties. The leadership of the PRC under the "fifth generation" is characterized by the unity of the political elite. Because of the arrests and the suspension of basic political rivals of Xi Jinping he has managed to create fully controlled and loyal to his rule of the political Bureau of the CPC Central Committee. In modern China, there are stable rules for the functioning of its political elite, providing greater organization of the system of public administration. Xi Jinping's efforts are aimed to consolidating the regime of personal power and eliminating disloyal competitors. Most Chinese politicians consolidated around the figure of the Secretary General of the Central Committee of the CPC, forming a single political "Xi Jinping's group". This state of China's public (open) and latent (closed) political elite reflects the greater stability and manageability of the entire political system.

Keywords: modern China, China, political elite, political clan, group, Xi Jinping.

Semenov A.A.
Research Associate,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: alexeisemenoff@mail.ru

CONSULTATION, SUPERVISION, AND FEEDBACK: THE ROLE OF THE CPPCC IN CHINA'S POLITICAL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the role of the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) in the political system of the People's Republic of China (PRC). The CPPCC is an important advisory body in the PRC political system, responsible for multi-party cooperation and political consultations and having a certain influence on state policymaking. Temporarily not functioning during the years of the "cultural revolution," the CPPCC was re-established by Deng Xiaoping to support the Communist Party of China (CPC), to help develop political decisions and to promote economic reform. Through the CPPCC, Deng Xiaoping sought to incorporate non-communist intelligentsia into China's political system to carry out the "four modernizations". Such a mechanism of political participation played an important role in

the implementation of the policy of reform and opening-up. The recommendations of the CPPCC members were taken into account when developing reforms; their initiatives drew attention to the problems and helped to develop mechanisms for its solution.

The CPPCC is often ignored by Western researchers as a "ceremonial" and "nonfunctional" government body, but it is poorly understood outside of China because there are no analogies in the West. Today, the CPPCC is one of the most important elements of China's political system. This unique body in the system of state power performs representative, supervisory and advisory functions in the political, social, economic, and international activities of the PRC. It plays an important role in all fields of social life in China, actively participating in political discussions and making proposals that protect social stability and strengthen relations with compatriots abroad.

The CPPCC acts as a specific form of feedback between the state and society, i.e. an institutionalized mechanism for obtaining information about how citizens perceive the government and its actions, allowing to adjust the current state policy in accordance with public interests and needs, thereby exerting a positive influence on the stability of the political regime in the PRC and the quality of governance.

Keywords: China, CPC, CPPCC, political system, political regime, economic reforms, checks and balances, feedback mechanisms.

Novoselova L.V.
D.Sc. (Economics), Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: novoselova@ifes-ras.ru

HOUSING CONSTRUCTION IN THE PRC: NEEDS AND REFLITY

Abstract. The article analyzes the state of housing construction as an important factor in economic development of China, as well as improving the quality of life of its' population. Since the beginning of the 1980s, consistent market reforms have been carried out in the field of housing construction. Among them are the privatization of housing by employees of state enterprises, the introduction of market mechanisms in the construction, financing and management of the housing complex. There was a high dynamics of investment in this area. The Housing Savings Fund has been established to provide subsidized loans to real estate buyers. As a result, the country has formed the world's largest housing market. The reform contributed to a drastic increase in the size of the housing stock and a significant improvement in the housing conditions for urban residents. A number of serious problems of development has also appeared, including the growing property and regional inequality of citizens in the acquisition of material wealth. This is due to the rapid growth of prices and, hence, the low affordability of housing, the huge amounts of unrealized housing floor, the high degree of debt load of the population and companies. The Chinese leadership and expert community proposed possible solutions to these problems.

Keywords: China, housing, reform, housing market, prices, mortgage, housing affordability.

Bazhenova E.S.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

URBANIZATION STRATEGY IN CHINA AND DEVELOPMENT OF THE REGION BEIJING-TIANJIN-HEBEI

Abstract. The article is devoted to urbanization development in China. In the XXI century urbanization is a key point that determines the transformation and acceleration of China's economic development. Nowadays urbanization has become a great internal drive for the expansion of domestic demand and restructuring of economy. It will increase demand for consumer goods. It will stimulate investment demand and increase private investments. Urbanization will facilitate the industrialization of agriculture, the transformation of industrial structure, strengthening the service function of economy, because it is closely related to the development of tertiary industry. The rise of the tertiary industry in the process of continuous industrialization will give fresh impetus for urbanization in return. It is very important for coordinated development of rural and urban areas. The main idea of new mode of urbanization is to realize the coordinated development of urban and rural areas which can reinforce each other. China shows that urbanization is the cause and the consequence of economic development and there is a close connection between the process of urbanization and socio-economic progress. The growth of urban population occurred mainly due to the population migration which reached unprecedented scale during the years of economic reform. The number of floating population reached 288 million people in 2018. The key to China's future urbanization is to manage population migration for reasonable population distribution. It is necessary to overcome the over-expansion of large cities, to promote the progress of small towns and to help the so-called "peasant-workers" (nongmingong) to settle down in urban areas and to receive access to education, health service and social security. In the West of the country new Silk Road creates a comfortable passage way to five Central Asian countries and then to Russia and Europe. This new Silk Road will contribute to the construction of small and middle towns along the railways and motor roads, make them centers of trade and production. All these events will have an influence on modernization of these regions and will help these cities and towns to become international economic, trade and financial centers for the West China. It will be a good testing area for the transfer of the economic reform experience. In the nearest future in some regions — Yangtze River delta, Pearl River delta and Beijing-Tianjin-Hebei economic circle mega-cities with the population of 80-100 billion people will appear. These areas concentrate more than 40% of economic potential of the whole country.

Keywords: China, urbanization, migration, population number, economic development, population distribution, new Silk road, economic reform, mega-cities, urban areas, modernization.

Sazonov S.L.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: sazonovch@mail.ru
Chen Xiao (陈骁) (China)
PhD student,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

DEVELOPMENT OF ECO-FRIENDLY URBAN ROAD TRANSPORT IN CHINA

Abstract. Chinese rapid economic development during the previous 30 years led to the iterative increase of energy resources' consumption, crude oil in the first hand. Considerable growth of population's income stimulated sharp increase both of production' and sales' volume, particularly in the Chinese big cities. These factors stipulated not only for the strong dependence on oil import, but also sharpened the ecological situation in the Chinese megapolicies. Furthermore today the leaders of Chinese government recognize that the era of cars with internal combustion engine comes to an end. Realizing global negative global consequences the government elaborated the programme of automobile industry development, based on power economy and new power engineering aimed at the creation of innovative motor vehicles' fleet and transport infrastructure of a new generation.

Today, road transport has become an integral part of the transport infrastructure of Chinese, and its effective and sustainable operation is a necessary condition for the quality growth of life of the population and the key to the successful socio-economic development of the largest cities of China. Today, Chinese cities are implementing comprehensive programs for the construction and modernization of roads and improvement of urban planning and transport infrastructure. In order to improve the environmental situation in the country's cities, reduce China's dependence on oil imports, the city authorities actively stimulate the increase in the auto fleet (both public and personal) through the widespread introduction of the cars, using alternative energy sources, and the cars, equipped with artificial intelligence technologies. With the goal of solving the city's parking spaces' problems, reducing the number of the cars in the streets and, as a consequence, the municipal budgets' savings the cities authorities actively implement a system of car sharing and temporary car leasing, which gradually improve the traffic situation in cities across the whole country.

Keywords: China, urbanization, political and economic stability, public passenger transport, rolling stock, metro, monorail.

Pikover A.V.
Senior Research Fellow,
Center of socio-economic research of China,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: pikover@ifes-ras.ru; pikover@mail.ru

TRENDS OF DEVELOPMENT OF E-COMMERCE IN CHINA

Abstract. This text analyzes the leading trends in the development and transformation of e-Commerce in the people's Republic of China. The development of this industry was the result of the implementation in the country of Deng Xiaoping's declared policy of reform and openness and has a direct connection with the proclaimed course in the country to create a welfare society (the so-called "xiaokan"). China's economy was quickly and tightly incorporated into the world economy, including in the field of innovation. At the time, the placement of bonds of the world's largest online trader in 2014 was a landmark Alibaba.com on NASDAC in the amount of 21.8 billion us dollars. The country's leadership, the business community and the population regard Informatization as an integral part of the profound reform of society and as an effective means of intensifying its development. E-Commerce has already powerfully displaced a number of sectors of the traditional economic and financial system. Electronic payment systems of Ali Baba and Tensen companies have considerably moved the traditional banking sector. Wide steps are taken by online projects in education and medicine, not to mention retail and wholesale trade. The Internet of things and especially the industrial Internet are completely changing management models. Cross-border e-Commerce has made retail international. Online services are finding new ways to integrate with offline services. The digital economy is making great strides. And since the main content of the economy are oltnosheniya between people in the process of production and consumption of tangible and intangible products, as the displacement of this process of man, increasingly raises the question of "death of the economy", or rather it is not yet fully realized unprecedented transformation, entailing a change in the quality and way of life of mankind.

Keywords: e-Commerce, development trends, PRC, "Internet+", Internet of things, Internet education, sharing economy, online-offline, cross-border, digital economy.

Portyakov V.Ya.
D.Sc. (Economics), Head Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail:portyakov47@yandex.ru

A TIME TO GATHER STONES: AN ANALYSIS OF ENGLISH-LANGUAGE COMPREHENSIVE WORKS ON CHINA'S FOREIGN POLICY

Abstract: The article analyzes two comprehensive English-language works on China's foreign policy, published in 2016. These are individual monograph by Professor Joseph Chen of Hong Kong City University "China's Foreign policy: challenges and prospects" and monograph written by famous American sinologist from the Georgia University of Technology (Atlanta)

John Garver "Chinese quest: History of foreign relations of the People's Republic of China". These works have become a kind of response to the challenge of time, because noticeable generalizing individual works on China's foreign policy have not been published for several decades. The periodization of Beijing's foreign policy, its connection with the internal policy of the country's leadership, proposed by each of the authors, is considered. The little-known facts from the international political chronicle of China presented in the works are highlighted. Both authors show that the country's transition from "anti-hegemonic" diplomacy to "modernization" diplomacy, i.e. aimed at creating a favorable external environment for China's economic development, demanded that Beijing first adapt to existing international rules and norms in a short time, then fit into the existing international order and learn to use it in its own interests. And only after that, in the 2010s, China had not only claims, but also grounds to have a "voice" in world affairs, to actively participate in the adjustment of existing and promotion of its own rules of functioning of world politics and economy.

Keywords: People's Republic of China, foreign policy, stages, monographs, Joseph Chen, John Garver.

Rumyantsev E.N.
Ph.D. (Philology), Senior Research Fellow,
RISS
E-mail: evgrum@yahoo.com

ON BELT AND ROAD INITIATIVE

Abstract. The article deals with genesis and practical implementation of the Chinese “one belt, one road initiative”(BRI). There is a whole assortment of names for BRI in Chinese sources. The reason lies in the Chinese strategic thinking and behavior characterized by ambiguity and undertones. It also reflects the fact that the problem of one belt one road in the PRC and the CPC is a matter for discussions and political struggle.

In December 2018 “Xi Jinping speaks on one belt, one road” was published. It contains mister Xi’s 42 speeches on the subject from September 2013 to July 2018. It is underlined in these speeches that “the key element of one belt one road is promoting building of infrastructure, states’ political connectivity and their development strategies”. The question of “great economic integration” is also raised. It is also underlined that “the big deal of constructing BRI… creates advantageous conditions for China’s development”. The project was linked with “codevelopment”, “common destiny of mankind” and “the great rejuvenation of the Chinese nation”. At the 19-th CPC Congress “One belt — one road” has been written into the CPC Rules and the Central Committee’s Work Report. As a result of the Congress, all this terminology has been included into the “Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics”.

Both in scholarly reports and in media materials propagating this project of PRC, one often can encounter the statements according to which the total amount of investments in “Belt and Road” project will be equal to one or even four trillion USD. The current state of affairs looks less monumental: during the first five years after “Belt and Road” announcement, the total

amount of investments equaled to 80 billion dollars, including 18,9 billion investments in China—Pakistan Economic Corridor.

Keywords: Xi Jinping, CPC, One belt — one road, common destiny of mankind, infrastructure, strategy, expansion, nationalism, protectionism.

Vinogradov A.O.
Ph.D. (History), Senior lecturer of the school of Asian studies, NRU HSE,
Leading Research Fellow, Center for the study and forecasting
Russian-Chinese relations,
Institute of far Eastern studies RAS,
associate Professor, faculty of world politics of Moscow state University
E-mail: vinandr@mail.ru

ABOUT THE REFLECTION OF THE VIEWS OF THE CHINESE NATIONALISTS IN TODAY'S FOREIGN POLICY ATTITUDES OF CHINA

Abstract. The article is devoted to the 10th anniversary of the publication of one of the fundamental works of Chinese nationalists — the book "China is dissatisfied." The author examines the extent to which the ideas of the book influenced the current mood in Chinese society and how they are reflected in the current policy of the current Chinese leadership.

In 2006, in an article devoted to the main trends of Chinese public thought, which was published in the Russian media, one of the ideologists of the Chinese nationalists — Deputy Director Of the Institute of political science of the PRC AON Fan Ning — wrote that the most promising direction in terms of turning into a dominant ideology is of the "new left" (in the center of their ideology was the fight against corruption and inequality in society). The subsequent development of China showed that the Chinese leadership managed to integrate into the political mainstream not only the views of the "new left", but also the ideas of Chinese nationalists. And the latter gradually become the basis of China's foreign policy and initiatives of the current Chinese leadership led by Xi Jinping. This point is noted in the recently published book by one of the ideologists of the US-Chinese rapprochement Michael Pilsbury "Centenary marathon. China's secret strategy to replace America as a global superpower." Moreover, Pilsbury emphasizes that the insistence of the representatives of the Chinese establishment that the views of the nationalists are marginal and do not reflect the position of the official Chinese leadership is nothing more than a manifestation of China's stratagem behavior in the spirit of the period of "fighting kingdoms" ("zhango"), the desire to disguise the true views that lie at the heart of China's foreign policy constructions, to mislead third-party observers. The well-known formula of Deng Xiaoping, put forward in the early 1990's "keep your head down" was aimed at the same.

It seems that the above-mentioned article by Fan Nin also pursued this goal — to convince the Russian public that the views of Chinese nationalists are marginal and do not pose a danger to the interests of the Russian Federation. Because the pathos of Chinese nationalism is directed against the United States, not against Russia. This is also quite common in Chinese political

practice, designed to mislead the partner. The Chinese assessments of the current state of Russian-Chinese relations as "the best period in the history of relations between the two countries", as well as arguments about the desirability of a closer union between Russia and China, are aimed at the same.

According to the author, underestimating the influence of Chinese nationalists on the formation of China's modern foreign policy is a serious mistake that can lead to unexpected results.

Keywords: China, USA, Russia, nationalism, Xi Jinping, foreign policy, Russian-Chinese relations, Union, stratagem, “warring kingdoms”.

Xie Yiping
PhD student,
RUDN University
E-mail: msu1755@vip.qq.com

CHINA'S INTERESTS IN REFORMING THE UN FROM THE 1990s TO THE PRESENT

Abstract. At present, the position of the PRC in the UN is characterized as follows: first, it is a permanent member of the UN Security Council, the only representative of the Asian continent among the permanent members, if one does not take into account Russia's Eurasian geopolitical status; secondly, the PRC, of course, is a great power, which due to its military-political and economic potential influences the system of international relations, UN. All of the above allows China to occupy a special status in the system of international relations, but this fact is not legally documented anywhere.

The article indicates the stages of the participation of the PRC in the UN reform. China as a developing country. In international affairs, China always stands for justice. Due to this, China occupies a special place both in the UN and in the international arena. At present, the entire world community is closely watching what role the UN plays in creating a new and fair international order in the political and economic sphere. On the issues of creating a new international order in the political and economic field, as well as on preserving peace and promoting development, and in the fight against hegemony. China pays special attention to contacts and cooperation of all 5 countries, permanent members of the UN Security Council, to promote peaceful development throughout the world.

At the present stage of development of international relations, China has taken a wait and see position and maintains wide opportunities for maneuvering, acting in the spirit of Deng Xiaoping’s instructions, namely, to take advantage of the current situation. The development of trends to strengthen world multipolarity and globalization has created more favorable conditions for international peace and development. At the same time, such relapses of the bipolar system, such as the mentality of the Cold War, hegemonism and power politics, continue to operate. As their especially dangerous manifestations, Chinese analysts point out attempts to expand military blocs, widen the gap in incomes of developed and developing countries, the desire to intervene in

internal affairs, local conflicts. Therefore, the active participation of the PRC in UN affairs has an important place as for a country in international relations.

Keywords: China, UN, UN Security Council, Russia, USA, UN reform, interests of China, diplomacy, national interests.

Guruleva T.L.
D.Sc. (Education), Assistant Professor,
Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS;
Professor, Military university of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

ASSOCIATION AS A NEW FORM OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE

Abstract. One of the new forms of educational and scientific cooperation between Russia and China, along with the creation of joint educational institutions, is the establishment of bilateral associations.

Currently, there are eight specialized associations of universities and two regional ones. The first association of universities in Russia and China was of a profile nature: in 2011, ATURK (Association of Technical Universities of Russia and China) was established. For the period from 2014 to 2017. seven more specialized associations of universities were formed: economic, pedagogical, medical, transport, universities of culture and arts, journalistic and classical, and two regional associations: Association of universities of the Far East and Siberia of Russia and Northeast regions of China and the Association of universities of the Volga Federal District regions and the upper and middle reaches of the Yangtze River. In 2018, the two countries also established the Association for Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation and the People's Republic of China, its founders from the Russian side were the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, and from the Chinese side the Academy of Sciences of Heilongjiang Province. In addition, in 2014, the Association of Graduates and Trainees of Chinese Universities was established.

These facts indicate that the association is becoming a new form of organization of educational and scientific cooperation between the two countries. It is obvious that the process of creating associations of universities starting in 2014 has a planned centralized nature, initiated by the Chinese side. In the creation of associations of higher education institutions, the message can be traced to streamline the sporadic cooperation between Russian and Chinese universities, to direct it towards improving the quality of specialized education and strengthening research cooperation between universities of the two countries. At the same time, this form of organization of interaction gives cooperation of universities a fundamentally different character than that which was until 2014: the nature of network interaction, during which every Russian university or research organization is in direct interaction with the Chinese side.

Keywords: China, educational cooperation, Russian-Chinese associations of universities, non-profit organizations, international non-governmental organizations, soft power.

Petrunina Zh.V.
D.Sc. (History), Head of the History and Archival Studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University
E-mail: petrunina71@bk.ru
Shusharina G.A.
Ph.D. (Philosophy), Head of the Linguistics and Cross-cultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University.
E-mail: galinalmk@yandex.ru

POLICY OF MODERN CHINA IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Abstract. The proposed research is devoted to studying the policy of China, implemented in the territories of the Russian Far East in the last decade. The modern Chinese leadership pays great attention to various areas of cooperation between Northeast China (Liaoning, Jilin and Heilongjiang) and the Russian Far East. The idea of giving impetus to the interaction between the border territories of China and the Russian Federation reflects the interests of the parties and is explained by the mutual geopolitical and economic interests of the two countries, as well as the urgent need to involve these territories in international regional economic and socio-cultural processes, and the need to solve social issues. The leaders of the PRC and the RF understand that to achieve qualitative changes in the region, raising the living standards, is possible only through joint efforts.

The goal of the paper consists of two components: to identify the tasks set by the Chinese government, developing the territory of the Northeast PRC, and mechanisms for implementing the tasks set; and also, to determine the role and place of the Russian Far East in the implementation of PRC plans. The paper analyzes key program documents that regulate cooperation between the regions of the Far East and the North-East of China in the periods of 2009 — 2018 and 2018—2024. It has been determined that the attitude of the leaders and regional authorities of the PRC to interaction with the Russian Far East over the last decade has undergone changes. At the first stages of the implementation of cooperation programs, the leadership of the PRC assumed the all-round development of the Northeast of China and the Far East and Eastern Siberia of Russia within one region. However, the pace of reforms and the quality of changes in the Far East of Russia forced the PRC to reconsider the program of regional interaction. China no longer views Russia as an investor in the development of its border areas, gradually reducing the volume of scientific and technical regional cooperation. An important factor that led to the curtailment of Russian-Chinese projects was the Russians' rejection of the changes that occurred under the influence of the PRC. As a result, regional cooperation was again limited mainly to the base material sector.

Keywords: northeastern provinces of China, regional policy of China, the Far East of Russia, economic interaction, cross-border cooperation, regional identity.

Morozova V.S.
D.Sc. (Philosophy), Professor of Oriental and North American Regional Studies Department, Transbaikal State University,
Visiting Professor of Department of Asian and African Studies
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg
E-mail: morozova1550@mail.ru
Dubrovskaya K.S.
Ph.D. student of Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University
E-mail: hatkova@inbox.ru

BORDER VECTOR OF NORTH-EAST CHINA SOCIOCULTURAL SECURITY: HISTORIC GENESIS AND MODERN REALITIES

Abstract. Authors focus on the fact that in the practice of modern Russian and Chinese scientific thought, mainly investigated the issues of national security, leaving behind scientific discussions of sociocultural security, which are covered very poorly. Cross-border cooperation in this context is considered not only as an incentive for co-development, but also as a special area of interregional cooperation, including the context of Russia-China cross-years of interregional cooperation (2018-2019) implementation. Article deals with the issues of ensuring Russian-Chinese borderland sociocultural security, which authors define as the subject of philosophical reflection. The peculiarities of "sociocultural security" concept in Russian and Chinese scientific discourse correlate with the specifics of Chinese scientific schools in using "cultural security" concept as having similar characteristics with "sociocultural security" concept. Based on works of Russian and Chinese authors, differences and common features in understanding the borderland sociocultural security phenomenon are distinguished. Historical genesis of Russia-China sociocultural frontier spaces formation is described as a two-way process. Emphasis is placed on the formation of "border defensive ideological line" in the territory of Chinese border region as an integral element of ensuring its sociocultural security, allowing a high degree of Chinese culture confidence and marking the ability of foreign culture to attack and discredit resources of traditional Chinese culture.

Authors show main directions of cultural elements historical transmission in Russian-Chinese border region space (regional cultures formation), and also offer recommendations on the modern institutionalization of this process. Cultural policy of Russia and China in the sociocultural space of cross-border interaction is analyzed and the conclusion is made about implementation of a special sociocultural policy in the development of Chinese Dongbei border regions. As a result, authors substantiate the importance of including the educational component as a resource of "soft power" in the process of ensuring border areas sociocultural security, and also establish the basis for complementing the strategy of Russia-China border regions socio-economic development with sociocultural co-development tasks.

Keywords: sociocultural security, Russian-Chinese borderland, identity, intercultural interaction, regional culture, “soft power”, “central border region”, “border defensive ideological line”.

Tian Ye
PhD student,
Department of Theory and History of International Relations,
RUDN
E-mail: tinaa1792@mail.ru

ECONOMIC RELATIONS OF THE PRC WITH THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the study of economic relations between the People’s Republic of China and the Republic of Kazakhstan. In 2019, the anniversary is celebrated — 27 years since the establishment of official diplomatic relations between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan. For 27 years, bilateral relations have come a long way of development. The governments of the two countries actively promoted the establishment of a comprehensive strategic partnership, created favorable conditions and multistage mechanisms of interaction between the heads of state and signed a number of bilateral official documents covering various areas of cooperation, and also jointly promote the construction of the “One Belt, One Road”, Eurasian cooperation, cooperation of the China's “Economic Belt of the Silk Road“ and the Kazakhstan's economic program “Nurly Zhol” (Bright Path to the Future), the preservation of strata cal security and stability in Central Asia and in the world in the framework of international and regional organizations. It can be said that over the past 27 years, bilateral relations have achieved great success, especially in the relationship of economic cooperation. At present, China is the second largest trading partner of Kazakhstan and the fifth largest investor in Kazakhstan.

The relevance of the article is due precisely to the deepening of the economic interaction between China and Kazakhstan as an eloquent example of a genuine good-neighborliness in the context of globalization of the world economy. The purpose of the article is to examine the historical process of development of economic relations between the two countries, to review and summarize the main aspects of economic cooperation between China and Kazakhstan at the present stage, and on this basis to make an analysis of the problems and prospects of economic cooperation between states. The subject of the study are the main aspects of economic cooperation between states. As a methodological basis, two methods were used — historical-chronological and problem-chronological, which allowed studying historical processes and certain aspects of their interaction. The conclusion was made that Sino-Kazakh economic relations are developing dynamically, but still there are a number of problems that countries face in the process of interaction.

Keywords: China, Kazakhstan, Economic Belt of the Silk Road, Nurly Zhol (Bright Path to the Future), economic cooperation, trade, investment, energy, transport, agriculture.

Dyakonova M.A.
Ph.D. (Politics), Associate Professor
Department of International Industrial Business,
State University of Management
E-mail: marie.d@mail.ru
Timofeev O.A.
Ph.D. (History), Associate Professor
Department of Corporate Management,
State University of Management
E-mail: timooa@mail.ru
Sharipov F.F.
Ph.D. (Economics), Associate Professor
Department of International Industrial Business,
State University of Management
E-mail: fanissh@rambler.ru

GEOPOLITICAL INTERESTS OF CHINA IN CENTRAL ASIA AND AFGHANISTAN

Abstract. This article dwells upon the study of geopolitical interests of the People's Republic of China (PRC) in the region of Central Asia (CA) and Afghanistan. Central Asia and the Islamic Republic of Afghanistan (IRA) are located on the territory of ancient Silk Road, currently an intersection of international interests and of strategical importance for Eurasia. For China, this territory is one of the key suppliers of energy resources, as well as important transit region. This paper focuses on Afghanistan, conterminous troubled country next to China. Main threats originating from the territory of the Islamic Republic of Afghanistan are the spread of terrorism, drugs, separatism, as well as general political and economic instability at the present time. This situation, considering such factor as permeable border, may have a negative impact on the implementation of the China-Pakistan Transport Corridor project. The article summaries the PRC's principal security-building measures in this region essential to Beijing.

Today, China is seeking to increase its role in the economic life of Afghanistan by part-funding and developing infrastructure facilities and trying to protect its economic interests in the region. The article presents the development of trade relations between two countries. Beijing's increase of economic and political influence in the region began with implementation of the One Belt One Road initiative. Within this project, deposits of natural resources on the IRA territory, being an area of exploitation interests for China, require off-shooting of infrastructure corridors during construction of transport communications throughout Central Asia. Beijing and Kabul cooperate both on bilateral basis and through such international organizations and institutions as SCO, CICMA, Conference of Foreign Ministers of China, Pakistan and Afghanistan, etc.

Keywords: China, Afghanistan, Central Asia, geopolitics, economic cooperation, SCO, terrorism, drug trafficking.

Sazonov S.L.
Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: sazonovch@mail.ru
Chen Xiao (陈骁) (China)
PhD student,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

CHINA'S ROAD TRANSPORT IS INVOLVED IN IMPLEMENTATION OF THE "BELT AND ROAD" INITIATIVE

Abstract. The essence of the initiative of Chinese President Xi Jinping on the creation of the "belt and road" route, first of all, is a plan of the national economy' development — the construction of highways in the western administrative units of the provincial level will ensure the formation of a significant multiplier effect in neighboring industries, will contribute to the convergence of socio-economic development of the Chinese provinces and strengthen the coherence of the common economic space of the country, will create new jobs. The construction of highways abroad (the continental land route of road transport within the framework of the "belt initiative" and the land and sea route of road transport within the framework of the "road initiative") will also produce an external effect in the Chinese economy, will contribute to the development of the economies of the countries participating in this project, and, ultimately, the expansion of the foreign road network will stimulate the increase of the Chinese foreign trade volume.

China is the largest foreign trade partner of ASEAN countries and a major donor of regional infrastructure's development. At the subregional level, the main railroads connecting with the main regional ports will be built in Southeast Asian countries with the help of Chinese investments. This will increase the flow of export of cargo from China and Southeast Asian countries to ASEAN countries, Middle East and Africa. The united infrastructural network of China and Southeast Asian countries and Pan-Asian high-speed railway (China-Laos-Vietnam-Cambodia-Thailand-Malaysia-Singapore), that are being built with the financial assistance of China, will become the starting point of the Euro-Asian transcontinental route with the total length of more than 14 thousand km the railway that will pass through the territory of the 18 countries.

Keywords: China, "belt and road", national economy, road transport, economic growth, multiplier effect, infrastructure, convergence, western provinces, export, world market, foreign trade, transit, Southeast Asia, Euro-Asian transport line.

Balakin V.I.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: prof_bvi@mail.ru

MODERN CHINESE STATE AS A FACTOR GEOPOLITICAL STABILITY IN EURASIA

Abstract. Modern Chinese state continues its development in the frames of Confucian values model. Specifics of China Peoples Republic are in mastering and adaptation of overseas experience for inner usage. Chinese civilization confirms as an absolute the Laws the highest statehood Wisdom which have been formed in Confucian teaching. The real meaning of Confucian teaching is achievement of full social harmony in the wise state.

PRC examines geopolitical processes aiming to modernize its understanding of ripening threats in Eurasia, risks and possibilities. Beijing grasps China's policy in Eurasia through the prism of competitive struggle not only with USA, but also probably with Russia. In that connection China attempts to use various methods to strengthen its competitive advantages. Building dynamic model of Eurasian integration PRC considers it in the form of "plunged into outside world and the same time involving this world into itself".

Geopolitical stability in Eurasia in considerable degree has been predetermined by stability of Chinese state's influence on the neighbor countries and also by possibilities to use very diverse set of instruments for increased geopolitical claims. At the same time Chinese state realizes that in Eurasia there are not formal mechanisms of complex security but there are non-formal means functioning in conditions of instability of relations between Eurasian actors. The fundamental geopolitical interests of Chinese state come for the first time toward advancement of Chinese national economic interests, successive development of economic cooperation with the nearest neighboring countries and security all over Eurasia. Formulating domestic and foreign tasks Beijing persistently strive for much more evidently define geopolitical aims "to add a new breath" toward regional initiatives including Shanghai cooperation organization. In geopolitical plan China sees the threat for its statehood in Eurasian policy of USA and West which undermine stability in Eurasia and force China to spend huge financial resources for military spending.

Keywords: China, statehood, civilization, harmony, modernization, SCO, USA.

Merkulov K.K.
D.Sc. (Economics),
Ph.D. (History), Senior Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: katenariy@gmail.com
Merkulova E.A.
Professor (1933-2017),
Ph.D. (History), veteran of the Diplomatic Academy of the USSR-RF Foreign Ministry,
Institute of acute international problems

ON THE GENESIS OF A NEW IDEOLOGY OF SOCIAL DEVELOPMENT AND INTERCIVILIZATIONAL COEXISTANCE: EXAMPLE OF RUSSIA AND CHINA

Abstract. The paper presents some forecasting on possible trends of developing of a new social ideology. It is noted that many difficulties of the ICLM and its national-state components were largely related to the etymology of the terms "socialist society" and "communist society", used by K. Marx and F. Engels. Meanwhile, these categories clearly need a good qualitative clarification. It is significant that the "early" Marx himself believed that "communism is not the limit of human history...". Further, it is stated that, like the phenomenon of "globalization", the current phenomena of "post-globalism", "repatriotisation", "re-sovereignization", etc. — also are not the "end of History" — the idea previously stated by F.Fukuyama and supported by other ideologues of the "eternal triumph" of values of the "liberal-market democracy". These ideas could show the way to the new development of social progress for a long-run perspective. The article briefly presents a new version of social ideology set, elaborated by a group of Russian scholars.

Keywords: the new ideology, Russia, China, co-development, social ideology, advanced heritage, globalization.

Troshchinskiy P.V.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies RAS
E-mail: troshc@mail.ru

SUPREME PUBLIC CONTROL AND ADMINISTRATION AUTHORITIES DURING INITIAL PERIOD OF PRC's EXISTENCE (1949—1954) (HISTORICAL LEGAL ASPECT)

Abstract. The article is devoted to the study of the features of organization and supreme public control and administration authorities' activity of People's Republic of China of the "pre-constitutional" period. The process of a new nation-building began after the Communist Party of China came to power. Three important legal instruments that laid the foundation of the public

authorities system and acted as the "unwritten" Chinese Constitution were adopted at the (plenary) session of the Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) at the end of September 1949. The CPPCC session played the role of constituent assembly and temporally acted as the National People's Congress (NPC).

The session of the CPPCC was replaced by the Central People's Government Council (CPGC), which was composed of the Government Administration Council (GAC), the People's Revolutionary Military Commission (PRMC), the Supreme People's Court (SPC) and the Supreme People's Procuratorate (SPP). CPPCC disclaimed existence of separation of powers, check-and-balance system in the PRC by its organizational legal status. In CPGC which led the armed forces, were connected legislative and executive, judicial and supervisory responsibilities. A new “mega-authority” made a report nobody and were chaired by one person — Chairman of the Central People's Government (CPG).

The all system of public authorities and administration during the "pre-constitutional" period was subordinate to the CPGC, essentially to the Chairman of the CPG, who was elected Mao Zedong. Besides, Mao had been the Chairman of the Central Committee of the Communist Party of China since 1945 and he had been elected the Chairman of The National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference on October 1, 1949. As a result of these changes Mao Zedong single-handedly headed the party, state, military and consultative branches of government, which were under his control for a long period. Thus, the idea of collective (conciliar) government has not been implemented and China has once again become a state with an authoritarian form of government, a "socialist monarchy". Despite adopted the first Constitution of the PRC in 1954 which made significant changes in the organizational structure of the public authorities system and administration, the authoritarianism that had strengthened by that time continued to exist. The Chinese authorities came to the possibility of a collective government only after Mao's death. However, now the PRC is experiencing the consolidation process of "a new authoritarianism" is similar to the studied historical period.

Keywords: China, Mao Zedong, state system, authorities, Chinese specifics, constitution, authoritarianism, separation of powers.

Sevalnev V.V.
Ph.D. (Law), Leading Research Fellow,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation
E-mail: sevalnev77@gmail.com
Cherepanova E.V.
Ph.D. (Law), Senior Researcher Fellow,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation
E-mail: alexandra2106@mail.ru

LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE DIPLOMATIC RELATIONS

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation and development of Russian-Chinese diplomatic relations. According to Russia and China in the XXI century. Bilateral relations between our countries have reached the best state in the entire history of their development; their characteristic feature is the presence of a strong legal base, an extensive organizational structure of bilateral interaction, active relations at all levels. The joint interstate and intergovernmental documents of the Russian Federation and the People's Republic of China contain the main principles of building relationships, as well as priority tasks. They demonstrate the similarity of approaches to many problems, show the current system for implementing partnership plans. First of all, this is the designation of priorities in interstate documents, then consideration of the issue at the intergovernmental level and in joint commissions and subcommissions, and, as a result, the adoption of an appropriate agreement.

The authors note that there are intergovernmental, interdepartmental and interregional agreements in almost all areas of cooperation. However, this was not always the case. In this regard, the study and analysis of the causes and conditions that influenced throughout the history of bilateral relations on the adoption of certain legal acts (border issues, cultural differences, ideological differences, etc.), will allow, according to the authors, to take the necessary measures to prevent conflict situations in the future. The stability of legal regulation in relations between Russia and China is one of the key factors for building further bilateral partnerships, and will also contribute to the development of a coherent policy in the international arena.

Keywords: legal acts, legislation, risks, authorities, Chinese specifics, agreement, contract, strategic interaction.

Alekseenko A.P.
Ph.D. (Law), LLM, Associate professor,
Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University of Economics and Service
E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

LEGAL ASPECTS OF CHINESE BAN ON ICO AND CRYPTOCURRENCY

Abstract. The People's Republic of China is one of the world's leaders in the sphere of e-commerce, digital economy and innovation. In recent years Russia have been realizing the Program named the Strategy for Information Society development, therefore, it is worth to study Chinese experience in legal regulation of a digital area. One of the urgent issues for Russia is the regulation of relations concerning cryptocurrency and attraction of investments via initial coin offering (ICO). The PRC is already carrying out legal regulation of this sphere. Thus, through comparative legal research, the paper aims to find the key features of the Chinese approach on regulation a cryptocurrency and ICO.

An analysis of the Chinese legal acts has showed that the Central Bank of the PRC banned financing through the ICO, because of high degree of its use for illegal financing and speculations. In this regard, the position of the Chinese legislator on the prohibition of ICO conducted without permission on it helps to prevent the raising of "financial pyramids". Basing on ideas of Chinese researchers on the issue, the author concludes that the PRC banned ICO till elaboration legislation allowing to establish strict control on it. Such a regulation should be elaborated on the base of to the Law on securities because of lots of similarities of ICO and emission of securities.

The prohibition of Bitcoins and other cryptocurrency exchange in the PRC applies only to banks and financial organizations and aims to prevent the uncontrolled withdrawal of capital from the country, illegal funding and the legalization of proceeds from crime, as well as to protect the financial sector from manipulation. At the same time, individuals in China are not prohibited from owning a cryptocurrency, but the requirements of the People's Bank of China establish the obligation to disclose the identity of such citizens, which reduces the risks of illegal transactions. The author concludes this experience of the PRC can be applied in Russia for creation of its legal regulation in digital sphere.

Keywords: ICO, cryptocurrency, token, investments, People's Bank of China, Bitcoin, digital economy, means of payment, securities, China.

Zakharova V.K.
Ph.D. (Law), Inspector for Special Assignments,
Department of State Service and Personnel of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
E-mail: vika1690@mail.ru

ON SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE BALANCE BETWEEN PROCEDURAL CONTROL AND PROSECUTION SUPERVISION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract. The article discusses the main issues of the implementation of procedural control and prosecutorial supervision, as well as their relationship in the pre-trial proceedings of the PRC. The main role of procedural control in the entire system of supervisory activities in the pretrial stages has been highlighted. Thus, the responsibility for the legality and validity of the election and the use of procedural measures falls on the official in charge of the investigation and the public security organs. Revealed a significant bias towards increasing the powers of the public security organs in the investigation of a criminal case, in particular, in the application of measures of procedural coercion and the production of investigative actions. Despite the fact that the foundations of the institute of prosecutorial supervision were borrowed from the Criminal Procedure Code of the RSFSR, in the PRC there is an organizational problem of the lack of the above type of supervision at the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation. The powers of the People's Procurator of the People's Republic of China to supervise the activities of investigators of public security bodies are quite broad only at the stage of indictment.

The article analyzes the reasons for the introduction of a new subject of procedural control — a leading investigator as an executor of investigative and organizational-administrative functions. Simultaneously with the introduction of the mentioned participant into the criminal procedure, the measures to reform the system of supervision of the prosecutor's office over the activities of the preliminary investigation bodies during the investigation of the crime intensified. Thus, the Chinese legislator went along the way, when procedural control performs preventive functions that do not allow violation of the rules of the CPC and improve the quality of the investigation, and prosecutorial oversight is carried out on the fact of violations. The author supported the opinion of a number of Chinese researches about the bias of procedural control in pretrial proceedings and the presence of an accusatory bias. The article analyzes the existing opinions among the researches of the People's Republic of China on the introduction of a system of judicial control over the production of a number of legal proceedings.

Keywords: People's Republic of China, Criminal Procedure Code of the People's Republic of China, prosecutor's supervision, procedural control, judicial control, public security organs of the People's Republic of China, people's prosecutor's office of the People's Republic of China, preliminary investigation.

Lymar M.P.
Ph.D. (Economics), Associate professor of the Language training Department,
Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: lymarm@mail.ru

THE TRANSITION TO INTERNATIONAL STANDARDS OF NORMATIVE REGULATION OF ACCOUNTING: CHINESE EXPERIENCE

Abstract. This paper reveals the problems of adoptioninternational regulatory standards by national accounting systems. In the process of adopting international standards, the regulatory systems of most countries face a number of difficulties, which are unlikely to be overcome in the near future. By analyzing regulations of the PRC, documents of the IASB, works of Chinese researchers, the author, using the example of China, identifies main problems and shows impossibility of completely replacing national standards with international ones without damage single state legal system traditions.

The basic reason for impossibility of international standards unconditional implementation in the PRC is the Chinese legal system. It belongs to continental model. The main purpose of the accounting regulation in China is not the primary satisfaction of investors interests (Western countries), but the correct calculation of taxable income. The article presents comparisons of some international and Chinese standards provisions that regulates the same business facts, but provide different accounting solutions.

A different, compared with European countries, legal and economic reality in China creates difficulties in translating the basic concepts of international standards. The author reveals examples of the translated standards meaning distortion. The attempts to interpret the "vague" clauses of international standards, which are not compatible with the Chinese imperative regulatory framework, also become unsuccessful.

The article reveals a brief history of the Chinese transition process to international standards since 2005. The main bilateral agreements are presented; the positions of the IASB and the Ministry of Finance of the PRC during the entire negotiation period are indicated, as well as changes in the IASB rhetoric, caused by the Chinese side defending their national interests.

The Chinese experience of transition to international standards, disclosed by the author, represents a landmark precedent for global accounting practice. Reformers of other countries, including Russian ones, must necessarily study the Chinese way of rapprochement with IFRS.

Keywords: China, International Financial Reporting Standards (IFRS), harmonization, China, national legal system, accounting, financial reporting.

Efimov A.Y.
Journalist (http://www.alexeyefimov.com),
consultant, Lake Baikal Foundation volunteer
E-mail: a.efimov1971@gmail.com

ENVIRONMENTAL LEGISLATION AND PRACTICE OF RELEVANT LAW ENFORCEMENT IN CHINA AFTER XVIII CONGRESS OF CPC

Abstract. The article dwells upon issues of China's state policy towards environmental protection after XVIIIth Congress of Communist Party of China in 2012. This event stressed the necessity of building ecological civilization. This trend was continued at XIXth Congress of CPC, where General Secretary Xi Jinping put the task of building "beautiful China", a country where all acute environmental problems were solved. The author analyzes China's environmental legislation system, including both laws and governmental regulations and national programs. Special attention is devoted to issues of enforcement of above-mentioned legislation, specifically economic measures targeted at law-offenders and polluters, as well as criminal prosecution and its applicability for serious environmental pollution cases.

The research separately elaborates on China's people's procuratorates' initiatives for public interests litigations in environmental pollutions cases. Procuratorates authorization to initiate public interest litigation started as an experiment in the beginning of 2016, but in less than two years became a norm throughout whole China. In 2019 people's procuratorates of all levels in China began to form special departments for public interest litigation. The article stresses that under current system it is the procuratorates which play the key role in environmental protection in China. Existing regulation and financial hurdles effectively restrict environmental NGO's litigation against polluters. ENGO-initiated civil lawsuits are very rare.

Local authorities of some provinces since 2016 and of all regions since 2018 now have the option to file a lawsuit against polluting enterprises to financially compensate for environmental harm. The article also provides useful data of administrative, civil and criminal litigation cases for 2017-2018.

Keywords: China, environmental protection, ecological civilization, environmental legislation, public interest litigation and lawsuits, people's procuratorate.

Rodionov A.N.
Assistant,
State University of Management
E-mail: Antrod@mail.ru

PPP MODEL IN THE ECONOMY OF CHINA: THE MAIN FEATURES OF THE LAW AND POLICY OF CITY URBANIZATION

Abstract. The author explores the mechanism of Public Private Partnership (PPP) as a tool for the development of the Chinese economy and infrastructure. The China has been using the PPP model in various formats for over 30 years. At the initial stages, the main goal was to attract investments in the country's infrastructure. Since 2014, the goals of the China have shifted to-

wards increasing the urban population and creating a powerful intellectual working potential in cities and villages of advanced development in rural areas. The ambitious development plan suggests increasing the number of large cities from 193 to 658 by 2020 as part of 19 large agglomerations in different parts of the China. Such changes require significant investments in the infrastructure of the China, and, in the opinion of the PRC leaders, the PPP mechanism should become the main driver of economic development.

Profound changes in the Chinese legislation occur since the beginning of the openness reforms. Significant changes occurred after the global financial crisis of 2008, when a sharp investment decline in the PRC infrastructure took place. In 2014, after the adoption of the "Urbanization 2014-2020" strategy, significant changes occurred in the sphere of PPP legislation. A number of legislative instruments of political focus arises, such documents include guiding opinions No. 36, 60, 2724 and circular note No. 76. A few months after the introduction of the above documents, documents of practical focus were published, namely: circular note No. 113, practical direction No. 2724, and guidelines for PPP in municipal construction.

According to the World Bank statistics, the changes have led to a significant increase in the number of PPP projects. Therefore, as of 2014, China has combined the three most important components in the new strategy. Using the PPP mechanism as a basis, having created an urbanization strategy around 19 agglomerations, Chinese leadership created a powerful mechanism of domestic consumption for the period of current decade, which became the driver of the economy. By means of infrastructure projects, Chinese leadership solves several problems at once: 1. attracting people to invest in housing; 2. relocation of rural population; 3. slum clearance in cities; 4. development of industry; 5. formation of new jobs; 6. innovation. New strategy involves large investments in improving the infrastructure of the China, which in the future should be a driving factor for economic development.

Keywords: Infrastructure projects, investment, Chinese Economy, PPP, BOT project, new strategy of agglomeration, laws of PPP, innovation.

Trofimov A.A.
PhD student at the Saint-Petersburg state university (Faculty of law)
E-mail: albert.trofimov@gmail.com

ON SOME CHINESE BUDGET LAW PRINCIPLES IN THE LIGHT OF THE "GOVERNANCE IN THE BASIS OF THE LAW" CONCEPT

Abstract. The article is devoted to the study of the special principles of the budget law of the People's Republic of China, which have a great importance in the implementation of the concept of state governance on the basis of the law. During its 70-year history the Chinese state has passed a long way of development, which inevitably affected the updating of national legislation. An important role in ensuring the social and economic development of China has been played by the legislation on public finance. With the amendment (1999) to the Constitution of the PRC adopted in 1982, the doctrine of state governance on the basis of the law finally acquired the status of a constitutional principle. This change was to be reflected in the legislation,

especially in the budget legal regulation. The article analyzes the normative content and importance of the following principles of budget law in China: the principle of examination, approval and supervision of budgets only in accordance with the law, the principle of completeness of the reflection of all revenues and expenditures in the budget and the principle of openness and transparency of the budget system.

In accordance with the principle of examination, approval and supervision of budgets only in accordance with the law, it is not allowed to examine, approve, supervise the budget and final accounts in violation of the provisions of the PRC Budget Law. According to the principle of completeness of reflection of all income and expenses in the budget all income and expenses shall be provided by the budget. At the same time, both the Central and local budgets are subject to approval by the national congresses at the appropriate level. The principle of openness and transparency of the budget system imposes a number of requirements for the official publication of information on public finances. These principles, having independent significance in the budget legal regulation, at the same time are aimed at the implementation of the general legal doctrine of state governance on the basis of the law. The article notes that the realization of the principles of the budget law of China is aimed at creating conditions for the constitutionalization of this branch of public law.

Keywords: China, budget law of China, principles of budget law, state governance on the basis of the law, openness, transparency, budget, extra-budgetary funds.

Список авторов

Алексеенко Александр Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

E-mail: alekseenko.a.p@gmail.com

Афонина Любовь Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

E-mail: liubov.afonina@gmail.com

Баженова Елена Степановна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: prof_bvi@mail.ru

Бородич Владимир Федорович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

E-mail: borodich@rambler.ru

Борох Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: borokh@hotmail.com

Виноградов Андрей Владимирович — руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, доктор политических наук, профессор РУДН.

E-mail: vinogradov-a.v@mail.ru

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова.

E-mail: vinandr@mail.ru

Галенович Юрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Грачева Юлия Александровна — младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, аспирант ИДВ РАН.
E-mail: link2k3@list.ru

Гурулева Татьяна Леонидовна — доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, профессор ВУ МО РФ.
E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Дубровская Кристина Сергеевна — аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета.
E-mail: hatkova@inbox.ru

Дьяконова Мария Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры международного производственного бизнеса.
E-mail: marie.d@mail.ru

Ефимов Алексей Юрьевич — журналист (консультант, волонтер фонда «Озеро Байкал»).
E-mail: a.efimov1971@gmail.com

Жилкибаев Санат Нурболович — магистрант Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета.
E-mail: prozrach@mail.ru

Захарова Виктория Константиновна — кандидат юридических наук, инспектор по особым поручениям, Департамент государственной службы и кадров МВД России.
E-mail: vika1690@mail.ru

Ионов Алексей Юрьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: fuhu@yandex.ru

Карнеев Андрей Ниязович — кандидат исторических наук, руководитель Школы востоковедения ВШЭ, заместитель директора Института стран Азии и Африки (ИСАА МГУ), ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.
E-mail: andrei_karneev@mail.ru

Лымарь Марина Павловна — кандидат экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ.
E-mail: lymarm@mail.ru

Меркулов Катенарий Катенарьевич — доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: katenariy@gmail.com

Михалев Максим Сергеевич — кандидат юридических наук, докторант, Институт этнологии и антропологии РАН.

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Морозова Валентина Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета, приглашенный профессор департамента востоковедения и африканистики научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург).

E-mail: morozova1550@mail.ru

Новоселова Любовь Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: novoselova@ifes-ras.ru

Петрунина Жанна Валерьяновна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой «История и архивоведение» ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».

E-mail: petrunina71@bk.ru

Пивоварова Элеонора Петровна — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: vafek@mail.ru

Пиковер Александр Владимирович — старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН.

E-mail: pikover@ifes-ras.ru; pikover@mail.ru

Пожилов Игорь Евгеньевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

E-mail: portyakov47@yandex.ru

Родионов Антон Николаевич — ассистент, Государственный университет управления.

E-mail: Antrod@mail.ru

Румянцев Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник РИСИ.

E-mail: evgrum@yahoo.com

Сазонов Сергей Леонидович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: sazonovch@mail.ru

Се Ипин — соискатель кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

E-mail: msu1755@vip.qq.com

Севальнев Вячеслав Викторович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: sevalnev77@gmail.com

Семенов Алексей Александрович — младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.

E-mail: alexeisemenoff@mail.ru

Сущенко Максим Алексеевич, г. Кемерово.

E-mail: spacemirror@mail.ru

Тимофеев Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры корпоративного управления.

E-mail: timooa@mail.ru

Трофимов Альберт Алексеевич — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Юридический факультет).

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

Трощинский Павел Владимирович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: troshc@mail.ru

Тянь Е — аспирантка кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

E-mail: tinaa1792@mail.ru

Черепанова Екатерина Викторовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: alexandra2106@mail.ru

Чэнь Сяо (陈骁) (КНР) — аспирантка ИДВ РАН.
E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

Шарипов Фанис Фалихович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного производственного бизнеса.
E-mail: fanissh@rambler.ru

Шушарина Галина Алексеевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация» ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет».
E-mail: galinalmk@yandex.ru

Научное издание

70 лет современному китайскому государству

Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН

Москва, 20 и 22 марта 2019 г.

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 20.09.2019.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 28,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 14

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН, размещаются в электронной библиотеке института со свободным доступом, находящейся на интернет-сайте ИДВ РАН www.ifes-ras.ru

Контакты:
по вопросам работы электронной библиотеки — Отдел наукометрии и информационных технологий ИДВ РАН,
тел. : +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.